СТРУГАЦКИЕ

МАТЕРИАЛЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ: ПИСЬМА, РАБОЧИЕ ДНЕВНИКИ

1978–1984

СТРУГАЦКИЕ.
Материалы к исследованию:
письма, рабочие дневники

1978–1984

СТРУГАЦКИЕ.

Материалы к исследованию:
письма, рабочие дневники

1978–1984

составители:
Светлана Бондаренко
Виктор Курильский

ПринТерра-Дизайн
Волгоград 2012

ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С87

Литературно-художественное издание

Стругацкие.
С87 Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1978–1984 гг. / Сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012. – 636 с.

ISBN 978-5-98424-157-1

Эта книга продолжает серию «Неизвестные Стругацкие» и является пятой во втором цикле «Письма. Рабочие дневники». Предыдущий цикл, «Черновики. Рукописи. Варианты», состоял из четырех книг, в которых были представлены черновики и ранние варианты известных произведений Аркадия и Бориса Стругацких, а также некоторые ранее не публиковавшиеся рассказы и пьесы.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98424-157-1

© Составители. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский, 2012
© Оформление. ООО «ПринТерра-Дизайн», 2012

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга продолжает серию «Неизвестные Стругацкие» и является пятой во втором цикле «Письма. Рабочие дневники». Предыдущий цикл, «Черновики. Рукописи. Варианты», состоял из четырех книг, в которых были представлены черновики и ранние варианты известных произведений Аркадия и Бориса Стругацких (АБС[1]), а также некоторые ранее не публиковавшиеся рассказы и пьесы.

Первая книга нового цикла рассказывала о жизни АБС с детства по 1962 год включительно. Вторая охватывала период с 1963 по 1966 годы, третья (готовящаяся к изданию) – с 1967 по 1971 годы, четвертая — с 1972 по 1977 годы. Настоящая книга продолжает этот цикл.

Тем, кто читал предыдущие книги, позвольте напомнить, а тем, кто не читал, – сообщить, что перед вами повествование в документах и воспоминаниях (которые тоже являются отчасти документами) о жизни Аркадия и Бориса Стругацких. Речь идет главным образом о жизни творческой. Факты личной жизни затрагиваются лишь в том случае, если они имели влияние на само творчество АБС (реальные случаи, перенесенные в произведения; прототипы персонажей и т. п.) либо на возможность заниматься творчеством (проблемы со здоровьем – своим и близких, переезды и ремонты, занятость детьми). Последовательность документов в этой работе – в основном хронологическая.

Цель составителей – сообщать читателю как можно меньше фактов, не подкрепленных документами, и вообще, во главу угла поставить сами документы, ибо никакой самый яркий пересказ все-таки не может заменить самого оригинала: так будет и правдивее, и точнее.

Вся наша жизнь состоит из документов, начиная со свидетельства о рождении и заканчивая свидетельством о смерти. Конечно, не всё, представленное в этой работе, может и должно считаться эталоном правдивости. Многое (особенно опубликованные критические работы о творчестве АБС) могло писаться с обязательной оглядкой на внешние обстоятельства, исходя из политических реалий и задач того времени. Некоторые источники (в частности – воспоминания) могут ошибаться в деталях (так не было, но, скажем, настолько хотелось, чтобы было, что как бы произошло на самом деле) и даже явно противоречить друг другу. Но документы не отражают субъективного отношения публикатора к описываемому материалу и дают возможность читателю самому составить представление о данном предмете.

---

[1] Расшифровка аббревиатур, употреблявшихся сначала самими Стругацкими, а затем взятых на вооружение и любителями их творчества, приводится в конце книги. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания составителей.*

Кому интересна эта работа? Любителям творчества АБС, что естественно. Историкам литературы советского периода, историкам описываемого периода вообще, исследователям тайны творчества. И, разумеется, обычным читателям, неравнодушным к книгам Авторов. Ведь даже просто чтение писем или позднейших воспоминаний АБС позволяет нам по-новому взглянуть на написанное ими – заставляет переживать и радоваться вместе с Авторами, негодовать и возмущаться, ликовать и недоумевать; ждать вместе с Авторами решения какого-то вопроса и всегда поражаться, как постепенно, из домашних заготовок, из споров общего характера двух хотя и братьев, но весьма разных людей рождаются новые и новые книги.

Изложение, как и в предыдущих книгах с названием «Неизвестные Стругацкие», будет весьма эклектично, как эклектична жизнь любого человека, где личное переплетается с общественным, мечты с обязанностями, а друзья с врагами. Помимо собственно задумок и обсуждения рождающихся произведений АБС, в материалах книги будет упоминаться самими Авторами работа «на сторону» – переводы и сценарии, взаимоотношения Авторов с различными редакциями, с писательскими организациями, а также окололитературная атмосфера тех лет: «дружеские» и «вражеские» группировки, «война» молодых против старых, «противостояние» мнений о фантастике… Всё это будет описано в соответствии с тем, в какой мере об этом сообщали друг другу в цитируемых письмах Авторы, иногда с дополнением воспоминаниями или отрывками из упоминаемых Авторами публикаций.

Для молодых читателей многое из упомянутого Авторами будет внове, а старшее поколение сможет сопоставить тот или иной материал со своими личными впечатлениями. Так что, вполне возможно, образуется еще одна группа читателей этого труда – «воспоминатели», или «ностальжисты».

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Костяк книги составляют переписка АБС за долгие годы и рабочий дневник, который Авторы регулярно вели, съезжаясь для работы.

Вообще, эпистолярный жанр – это одна из сторон творчества любого писателя, а уж для пары писателей, разделенных пространством, переписка друг с другом – это необходимая часть работы. То, что у писателя-одиночки происходит невидимо-неслышимо (новая идея, проработка деталей, размышления о нужности-ненужности какой-либо линии повествования), у творческого коллектива неизбежно озвучивается: при встречах – в ходе личного общения, между встречами – в переписке и по телефону. АБС регулярно писали друг другу довольно долго, и переписка сошла на нет только, как когда-то сообщил АНС в передаче «Очевидное – невероятное», после установления прочной телефонной связи между Москвой и Ленинградом.

Письма, к сожалению, сохранились не все, но и количество оставшихся впечатляет: более тысячи. Это сейчас, при наличии Интернета и электронной почты, столько писем деятельный человек может без труда написать за год, а в то время… вспомним… бумага, ручка и чернила, потом – пишущая машинка; и не щелкнуть мышкой «Отправить», а сложить бумагу, вложить в конверт, заклеить, налепить марку, надписать адрес… да еще и отнести к ближайшему почтовому ящику, а то и на почту, так как зачастую письма сопровождали и непрерывно пересылаемые рукописи…

Рабочий дневник велся регулярно с 3 марта 65-го года и по последнюю рабочую встречу Авторов в конце 90-го года. Состоит этот дневник из трех общих тетрадей, исписанных мелкими почерками обоих Авторов. В рабочем дневнике нередко встречаются рисунки персонажей, зарисовки обстановки, а то и карты местностей, относящиеся к произведению, которое писалось в то время. Две тетради заполнены полностью, в третьей – только первые сорок страниц. Настоящее издание проиллюстрировано рисунками Авторов, взятыми из их рабочих дневников. Рисунки к этому тому расположены в предыдущем томе (НС–8).

Помимо названных документов, эта работа содержит некоторое количество дополнительных материалов[1], так или иначе относящихся к творческой жизни АБС. Что под этим подразумевается? Во-первых, воспоминания самих АБС и о них, посвященные

[1] Чтобы не загромождать текст повествования большими заголовками, содержащими не только автора и название документа, но и выходные данные (если документ был опубликован) или иные источники текста, в заголовке указываются только автор и сокращенное название. Полную расшифровку источника можно найти в конце книги.

каким-либо конкретным событиям. Во-вторых, переписка Авторов с издательствами и киностудиями, а то и с друзьями-литераторами. В-третьих, статьи самих Авторов (напечатанные и черновики) и статьи о творчестве АБС, опубликованные в описываемое время и иногда упоминаемые Авторами в переписке. Дополнительные материалы, как правило, даются отрывочно – лишь та необходимая часть, которая позволяет читателю полнее представить себе те годы, те настроения и ту работу, на которую у Авторов уходила львиная доля времени, когда они находились вдали друг от друга.

И еще одно замечание. В этой работе используются отнюдь не все документы, а только те, с которыми составители имели возможность ознакомиться к моменту написания этой книги. Некоторые документы пока закрыты для публикации: это, к примеру, личные дневники АБС, содержащие, конечно, и немало моментов, имеющих прямое отношение к их творчеству. Некоторые документы не попали пока в поле зрения группы «Людены» (особенно это касается воспоминаний знакомых и друзей АБС и их переписки). Работа над подробнейшей документированной биографией АБС будет продолжаться и после издания этой книги, поэтому любые материалы, так или иначе дополняющие это исследование, будут приветствоваться «люденами».

1978

В начале года Авторы заняты как новыми, так и старыми делами: начало работы над мюзиклом по ПНВС и продолжение съемок «Сталкера» и ОУПА, новые задумки и старая волокита с изданием сборника «Неназначенные встречи» в «Молодой гвардии».

Письмо Бориса брату, 2 января 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 25.12 и спешу ответить, дабы не наносить ущерба сложившейся традиции.

Что же, новости, которые ты сообщаешь, звучат неплохо. Пахнет капустой. По поводу мюзикла я, разумеется, готов думать, но хорошо было бы предварительно поговорить с режиссером и получить от него ЦУ. А то я как-то даже и не знаю, над чем, собственно, думать.

На Дальний Восток я, натурально, не поеду. Чего я там такого-этакого не видел? Мне, как известно, лучше всего на своем диване. А что касается публикации, так что нам им дать? ГЛ? Не напечатают. А что еще? Вот даст бог в течение января я закончу свою обязаловку, ты пройдешься рукой мастера и можно будет послать. Хотя вряд ли они от этого материала возликуют.

Вчера звонил мне Дмитревский. Цитировал письмо от Деревянко. Смысл: «К сожалению, у редакции были основания для расторжения договора. Однако сейчас достигнута договоренность о выпуске сборника в составе ПнО и М». Да, видимо, Синельников решил использовать твои слова («мы требуем, чтобы в сборнике был ПнО, а на остальной состав нам наплевать») на все сто. Ладно, даже в таком урезанном составе выпустить сборник — уже победа. Несколько потеряем в деньгах, да черт с ними, в конце концов. ТББ шло бы не то четвертым, не то пятым изданием — гроши. Вот если они, действительно, потеряли рукопись, вот тогда начнется дикая волокита! Слушай, нельзя ли их как-нибудь за эту потерю ущучить?

Насчет рецензии в «Авроре» я при случае, конечно, поразнюхаю. Но вряд ли из этого будет толк. Сам посуди, какое им дело до зМЛдКС, от которого они в свое время отказались? Было бы странно.

То, что ты не пьешь — это титанизмус и гигантизмус. А насчет курения — когда приедешь, даю клятву, что буду курить не больше тебя!

Пусть это будет мой вклад в эпопею воздержания.

Вот пока и всё. Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке[1] привет!

Письмо Аркадия брату, 4 января 1978, М.— Л.

Дорогой Борис!

Письмецо твое таки шло! Авиа! Датировано оно 25.12. В Ленинграде заштемпелевано 27.12. У меня в Москве — 3.01. И получено нынче 4.01. Впрочем, полагаю, мое (хоть и не авиа) от 25-го же тоже подзадержалось.

Ну-с, новостей особых нет. Вчера послал заказным письмо Синельникову со всеми нашими претензиями и с неподписанными договорами. Ну, если они потеряли рукопись! Теперь у них начнется тогда геволт. Это, кстати, падет на голову <...> Зиберова, а у него, сердяги, и так только что диссертацию в МГУ провалили... Жалко птичку[2].

Только что были у меня из театра — главреж, режиссер-постановщик, худрук и художник. Принял их сурово, очень уж злился. Они принесли претензии от облисполкома. Чепуха, конечно, работы на два дня. Но отвратно, что тянули почти полгода. Договорились, что числу к 10-му сделаю им требуемые вставки, тогда они перепечатают, и, надо надеяться, облисполком пошлет пьесу в Главлит[3].

Вот пока и всё. Новый год, сам понимаешь.

Обнимаю, твой Арк.

---

[1] Стругацкая (ранее, по первому замужеству — Воскресенская) Елена Ильинична, супруга АНа.

[2] «Птичку жалко» — слова из к/ф Л. Гайдая «Кавказская пленница».

[3] Речь об инсценировке ТББ — пьесе «Без оружия», предназначавшейся для Московского областного драматического театра им. Островского.

Письмо Бориса брату, 9 января 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

В нарушение традиций отвечаю на твое последнее письмо с опозданием на целый день. Ну, просто нечего писать. В моем маленьком тесном мирке ничего не происходит. Пишу обязаловку, чиню машину, считаю на «Электронике», читаю огромное количество рукописей, которые поступают чуть ли не дважды в неделю. Бог явно переместился в Москву[1]. Новостей следует ждать от тебя.

Сегодня заседание в Писдоме. Будут читать новые рукописи Балабуха и Сашка Щербаков. Послушаем.

А в следующий понедельник — семинар. Будем читать очередной рассказ на конкурс. Мы тут уже второй год проводим анонимный конкурс на тему «Человек-сейф». Глупая тема, возникла совершенно случайно, но разрешено писать анонимно, и ребята разворачиваются вовсю. Не стесняются. Мне постоянно приходится объявлять: «Автора рассказа «Экспромт» прошу незаметно подойти ко мне для обсуждения необходимых поправок и купюр». А потом таинственный женский голос звонит по телефону и объявляет: «Я говорю по поручению автора. Автор разрешает любые переделки и купюры...» Смех! А несколько рассказов получились очень неплохо. Тема обыграна совершенно неожиданно, и написано не без живости.

Машка[2] приехала. Я еще не видел ее, только говорил по телефону. Вот сегодня еду к маме и повидаю. Они собирались вдвоем ехать нынче по поводу твоих злосчастных очков. Ты, братец, прямо как Копылов — постоянно бьешь свою оптику. Нехорошо, брат. Нельзя.

Ну, пока всё. Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке — привет!

P. P. S. В 77-м у нас с тобой была богатая переписка: 20 писем от тебя! Такого не наблюдалось с 72-го года.

---

[1] Аллюзия на слова из трилогии об Иосифе Флавии Л. Фейхтвангера: «Бог теперь в Италии». Перевод В. Станевич.

[2] Здесь и далее — Стругацкая Мария Аркадьевна, дочь АНа.

Письмо Аркадия брату, 10 января 1978, М.— Л.

Дорогой Борик.

Получил твое письмо от 3-го. Написано 2-го, 3-го проштемпелевано у тебя, проштемпелевано 7-го один раз у меня и еще один раз 9-го у меня же, получено 10-го. Полагаю, это почта от обиды за то, что ТАСС наградили, а их — нет.

Информация:

1. Звонил я в ЛитОбоз по поводу возможности поместить рецензию на зМЛдКС. Там сожалеют, но уже слишком поздно, а вот в обзоре сов. фантастики повесть упомянут. С паршивой овцы... Впрочем, чего можно еще ожидать?

2. Пришло письмо из Японии от Фуками. Сообщает, что в № 1 Эс-Эф магадзин помещен отрывок из ПнО — перевод молодогвардейской публикации. Обещает перевести всё, если будет авроровский текст. Утверждает, что весной выйдет отдельным изданием ОО. Поздравляет, что мы теперь писатели с мировым именем (отсылка на американские издания: тоже преклоняются перед иностранщиной, суки).

3. По сведениям из штаб-квартиры Тарковского окончательный вариант двухсерийного «Сталкера» официально направлен на утверждение в Госкино. Я-то думал, что всё уже кончено, а они только разворачиваются! Впрочем, это означает, что «Мосфильм» сценарий принял. И вообще киношники вокруг меня уверяют, что там всё на мази. Один Тарковский помалкивает. Возможно, из суеверия.

4. Звонил Кроманов. Приехал в Москву, хотел повидаться и показать черновик режиссерского сценария [ОУПА], а также поговорить. Я ему сказал, что болен и не могу, и вообще, пусть обращается к тебе, что так стыдно, Борисде на чемоданах сидит, ждет сигнала о встрече, а вы... Он ужасно смутился и залебезил, просил извинения. Я спросил насчет двухсерийности, он ответил: туго это идет, не хотят Стругацким давать два двухсерийных фильма в год. На том расстались.

5. Приезжала некая Алиса Нахимовская из США. Она переводит для «Макмиллана» ГЛ. Симпатичная баба, хорошо

тянет по-русски. Я наказал ей, чтобы передала «Макмилану»: пусть высылает книги, собачий сын.

6. Получил из Казани 51 руб. 27 коп. (17 коп. удержали за доставку) за какие-то «Фантастические рассказы».

Вопрос: Что ты сделал (если что-нибудь) по устройству нашего сборника в ленинградское издательство? Ковальчук приходил, он со слов Брандиса утверждает, что сейчас своевременно нагло переть прямо в СовПис или в Лениздат и требовать включения в план.

Привет твоим. Жму, целую, Арк.

Письмо Аркадия брату, 13 января 1978, М.— Л.

Дорогой Борис!

Получил твое письмо от 9.01. Это уже нечто: ленинградский штемпель 10.01, московский — 12.01. Так-то лучше.

Информация:

1. Сделал для пьесы вставки, которые требовали кретины из отдела культуры облисполкома. Сделал, понукаемый отчаянными воплями театралов, уже позавчера. Но тут как раз вопли смолкли, и никто за вставками не является. Обыкновенная история.

2. Пришел договор из Молдавии на наши имена и с соответствующими причиндалами: печать, листаж, отчетливое указание, что это есть сборник. В сопроводиловке разъяснялось, что плата 60 % от 150 руб. узаконена соответствующим постановлением (указано название документа), а также выражена просьба выслать сборник «Неназначенные встречи». Отсылаю подписанный договор, наши паспортные данные и сожаление, что сборник выслать не можем, ибо он еще не вышел (выйдет в конце года). Кстати, пришли мне данные, когда и где (кем) прописан ты по месту жительства: теперь иногда спрашивают и такие вещи.

3. Говорил с Городовиковым из ВААПа. Договорились: ждать до конца января, если Синельников не ответит, он будет ему звонить. Договор наш с Молдавией на те же произведения он объявил совершенно законным.

4. Курьез: звонили из АПН, спросили, где можно достать сборник «Неназначенные встречи», ибо им интересуются в Англии. Я сказал: сборник не вышел из-за саботажа МолГв. Там жалобно хихикнули и осведомились, а что у нас сейчас выходит. Я сказал: ничего, и не предвидится. Хихикнули еще жалобнее и пожелали новых успехов. Так-то.

Привет твоим. Обнимаю, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 17 января 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Твои письма, между прочим, тоже мастера ходить. Например, последнее: написано 10.01, московский штемпель 12.01, ленинградского штемпеля нет вовсе, доставлено 16.01. Вот так-то.

Письмо от Фуками я тоже получил и, по-видимому, в точности такое же. В конце он пишет, что намерен вскорости написать еще письмо, «так как хочет точного значения нескольких выражений и слов» в ОО (который он упорно называет «Необитаемым островом»). Поэтому я пока ему не отвечаю.

Деньги из Татарии получил и я, причем такие же. Полагаю, что это за какую-нибудь публикацию в «Комсомольце Татарии» — ты что-то когда-то об этом говорил.

Да, насчет ПнО для Фуками. В жопу, в жопу[1] — пусть обращается в ВААП. У меня, например, просто нет больше экзов, кроме единственного, коллекционного.

Вопрос насчет ГЛ для «Макмиллана»: а как же ВААП? Неужели ВААП пропустит это дело между ушей?

По поводу сборника в Ленинграде я пока не сделал ничего. Жду, когда ситуация созреет. Брандис никогда ничего мне о перспективах в СовПисе и, тем паче, в Лениздате не говорил. В ближайшее время сам заведу с ним разговор на эту тему. Но ставлю я в этом деле не на Брандиса, а совсем на других людей. Терпеливо жду случая. Идти просто

[1] Фраза из анекдота.

так кажется мне совершенно бессмысленным. Где залезу, там и слезу. Я не секретарь Правления и даже не член его же. Кашляли они на меня. У нас в Ленинграде — только так.

Обязаловку заканчиваю помаленьку. Скудно получается — не более 60 стр. Но для начала и это ничего, как ты полагаешь?

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке — привет!

P. P. S. Получил открытку из ЧССР от Йозефа Иштена — жалуется, что нет от тебя ни фото, ни обещанных (якобы) переводов «из японского».

Письмо Бориса брату, 20 января 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 13.01 (московский штемпель 16.01, ленинградский 19.01, получено 19.01).

Сегодня звонил директор Таллинфильма. Суть:

1. Москва не дает двухсерийки, но для односерийки дает зеленую улицу вплоть до загран-натуры.

2. Надо обсудить с Кромановым вариант перевода режиссерского в односерийку и попытаться уговорить Кроманова переменить в сценарии зиму на осень (сам Кроманов категорически против).

3. Кроманов приедет в Л-д 23-го.

Ладно. Пусть приезжает. Обсудим, переменим и уговорим. Хотя мне, пожалуй, наплевать, какое там будет время года, и если Кроманов станет спорить, я немедленно сдамся.

Пришло письмо из ГДР от Ханнелоре Менке («Фольк унд Вельт»). Приложена вырезка из «Национальцайтунг» с маленькой, но хорошей рецензией некоего Томаса Тадеа на ВНМ. Сообщается, что недавно вышло второе издание ПкБ. Спрашивается: не было ли других статей о зМЛдКС, кроме как в «Дружбе народов» (я лично не знаю)?

Мои паспортные данные: <...>. Имей в виду — это ведь у меня НОВЫЙ паспорт!

Слушай, если молдаване дадут аванс, может быть, наскрести им и выслать рукописи (ПнО, М и ОуПА)? Наверное, это имело бы смысл. Если возникнет у вас переписка, сделай им такое предложение.

Вот и все новости.

Обнимаю, [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет!

Письмо Аркадия брату, 20 января 1978, М.— Л.

Здравствуй, Борик.

Получил твое письмо от 17-го.

Рад, что с обязаловкой получилось. Буду ждать почитать.

Информации немного.

1. Получилось письмо из отдела расчетов ВААПа. Извещают, что из ГДР за ТББ (хоть в переводе дали ПкБ) поступил гонорар: 1240.60. За вычетом комиссионного сбора 562.40 и подоходного налога 310.16 — тьфу, наоборот, поменяй суммы местами — к выплате причитается 368.05. Видимо, это каждому по такой сумме. Рад, что стали извещать в такой официальной форме, на соответственном бланке.

2. В студии Горького бедлам: сняли главреда Балихина, а главред объединения Погожева сама подала в отставку. Всё там бурлит, никому не до работы. Завтра встречаюсь с Тарковской, может быть, узнаю подробности.

3. Пришел № 1 Эс-Эф магадзин из Японии. Напечатана глава из ПнО, публиковавшаяся в МолГв в БСФ. Еще есть там статья о советской и лемовской фантастике в США и Англии: всё почти Стругацкие и Лем.

4. Насчет словака Йозефа Иштена (если это он, кого я имею в виду) — этими делами занимается Димка Биленкин, так что не беспокойся. Хотя я не помню, чтобы обещал ему что-нибудь японское.

Вот и всё.

Привет твоим, жму и целую, Арк.

Письмо Бориса брату, 24 января 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил вчера вечером твое письмо от 20.01. Чертовски быстро дошло!

Письмо из ВААПа тоже получил. Ответил им: 1. Пусть высылают гонорар в чеках, 2. Если на моем счету во Внешторгбанке лежат какие-то деньги, пусть тоже пришлют в чеках, 3. Пусть объяснят, почему подоходный налог получается у них на 50 р. больше, чем при расчете по официальной таблице, которая у меня есть.

У Канчика есть последний «Аналог». Там восхищенная статья о ПнО и СоТ. Сам не читал, но Брандис мне рассказывал. Тесним, Петька, тесним![1]

Тот чех, коему ты (по его словам) обещал свое фото и рассказы, которые ты переводил из японского, не Йозеф Иштен, а Йозеф Шитек. Его адрес: ЧССР, <...>.

Позавчера приехал Кроманов. Его пожелания: 1. Чтобы разъясняющая информация, сконцентрированная в конце, стала бы рассредоточенной по всему тексту, 2. Чтобы сократить метраж до одной серии, т. е. примерно на треть. Сложно. Сейчас еду к нему, будем пробовать что-нибудь сделать. Он намерен здесь сидеть до победного конца, так что обязаловка моя несколько горит, хотя я и создал некоторый резерв.

Вот и всё пока.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет!

Письмо Аркадия брату, 28 января 1978, М.— Л.

Дорогой Борик!

Получил твое письмо от 24.01.

Новостей мало.

---

[1] Анекдот: «Штаб. Василий Иванович сидит за столом. Влетает Петька, аж дрожит: “Василий Иванович, американцы на Луне!!!” Василий Иванович спокойно так: “Тесним мы их, Петька, тесним!”».

1. Звонила Тарковская (по ТББс). Она еще ничего не делала, никаких предложений не выдумала и попросила меня сидеть и ждать, что меня вполне устраивает.

2. Андрей[1] по слухам должен вернуться сегодня, пока не звонил. Оставшийся за него второй режиссер рассказал, будто всё на мази, сценарий утвердили везде, работа начнется сразу по возвращении Андрея.

3. Позвонила Бела Клюева, сообщила, что пришли деньги из Аргентины, она послала на оформление. Должно быть, получим из бухгалтерии соответствующую бумагу. Кстати, я туда звонил, и теперь они без напоминаний будут высылать гонорары чеками. Бела собирается в Ленинград, встретится с тобой. Если она забудет, покажи ей рецензию на ВНМ из ГДР: почему-то это ей важно.

Вот, пожалуй, и всё.

Через неделю, между пятым и десятым февраля мы с Ленкой планируем приехать к вам дня на три-четыре. Посмотрим обязаловку, обговорим сценарий мюзикла и вообще дела.

Обнимаю, жму, Арк.

Приветы Адке и Росшеперу[2].

Письмо Бориса брату, 31 января 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 28.01.

Последнюю неделю всю провозился с Кромановым, ездил к нему чуть ли не каждый день. Мука была нестерпимая. Казалось, обо всем уже договорились, со всем оба согласились, он уже уехал, а на другой день (вчера) звонит, и всё начинается сначала. Теперь в ближайшую пятницу приедет его жена (она же — редактор фильма), а я к этому времени должен буду произвести изменения. По сути дела надо сделать следующее: а) Сократить фильм на 700 метров, б) Как-то

[1] Тарковский Андрей Арсеньевич, режиссер.

[2] Здесь и далее — Стругацкая Аделаида Андреевна, супруга БНа; Стругацкий Андрей Борисович, сын БНа, Росшепером часто называл Андрея АН.

рассредоточить финальную информацию (мотивы, объяснения) по всему фильму, в) Перевести действие на лето (этой зимой Кроманов, естественно, не успевает, а срок сдачи — первое ноября; перенесение же на следующий год маловероятно). Сейчас я должен до пятницы перевести всё на лето, причем финал в этом варианте не придуман, и Кроманов вообще против перевода, так что, скорее всего, работаю я впустую. Ох, до чего же этот Кроманов не Лешка Герман! Ох, и трудно же с ним! Тюфяк, мямля, воображения никакого нет, чего хочет — сам не знает, бр-р-р! Самое ужасное, что САМ он придумать ничего не умеет (или не хочет). Придумывать должен сценарист. Снимать — оператор. А он, режиссер, спрашивается, зачем? И при всем при том — милейший и прелестнейший человек! И жена у него очень славная. Но до чего же рохли и разгильдяи — просто непонятно, как они ухитряются существовать в киномире!

Несмотря ни на что 29-го я кончил обязаловку. Получилось 60 стр. Как ты безусловно догадываешься, это «Сказка о дружбе и недружбе», то есть СоДиН. Я ее перечитал и вижу, что под псевдонимом ее можно толкать прямо сейчас, а если ты пройдешься рукой мастера, а потом мы вместе посидим над ней полторы недели, то — чем черт не шутит! — может быть, и под своими именами толкнуть будет не стыдно. На мой взгляд, там не хватает десятка-другого деталей-гвоздиков, одного-двух эпизодов-приключений и, может быть, над финалом еще следует подумать. А так — вполне приличная сказка для «Костра», а возможно и для какого-нибудь сборника НФ.

Сейчас расправлюсь с Кромановым, переведу дух и засяду за вторую обязаловку: нельзя давать супу остыть в горшке.

Андрюха сдал экзамены в общем благополучно, хотя и без малейшего, лентяй, блеска — четыре четверки и тройбан по математике. Сейчас удалился с глаз долой в Киев.

Мама что-то прихворнула — простудилась.

Я, кроме всего вышеописанного, читаю огромное количество текучки, заседаю и беседую с молодыми литераторами в возрасте от 18 до 81. Кажется, удалось нам тут пробить

в Лендетгизе специальный НФ сборник для участников семинара, которые не являются членами СП. Условия, выставленные Детгизом: 1. Высокий идейный и худуровень, 2. Точный адрес: старшие школьники, и 3. Никакой «социальной анархии»! (новый термин, услышанный мною впервые).

Вот пока и все новости.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет!

Письмо Аркадия брату, 3 февраля 1978, М.— Л.

Дорогой Борик!

Информация:

1. 30-го пришло письмо со студ. Горького. Срок представления 3-го варианта ТББс утвердили 1 мая.

2. 30-го же я не вытерпел и позвонил в ЦК Сенечкину и пожаловался на отсутствие ответа от Синельникова, попутно изложил подробности с договором на две повести, безответственность их со сроками выпуска сборника и, главное, наши опасения по поводу рукописи (не утеряли ли). Он слушал внимательно, видимо, записывал (переспрашивал), пообещал связаться с Синельниковым и всё выяснить. Пока ничего.

3. На сберкнижку пришли 1046.25 — видимо, аванс из ЦТ за мюзикл. Проверь у себя. Из студии Горького ничего. Погожу еще неделю, затем начну беспокоиться.

4. Тарковский вернулся из Парижа. «Зеркало» вызвало фурор. Наше посольство во Франции в восторге, прислало в Госкино соответствующую реляцию. Но здесь со «Сталкером» тянут по-прежнему, хотя Андрей утверждает, что со дня на день ждет приказа на запуск. Сизов держит ярую мазу за него (после Парижа особенно). Есть уже новый директор картины, новые сотрудники. Ждем.

Вопрос:

Как у тебя с Кромановым? Когда приезжать — так, чтобы его уже в Л-де не было?

Пока всё. Обнимаю, жму, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

7 февраля в «Пионерской правде» выходит статья АНа «Мой Жюль Верн», которая цитировалась в НС–5 (с. 21–24).

Письмо Бориса брату, 8 февраля 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 3.02 (московский штемпель — 5.02, ленинградский — 8.02).

С Кромановым я, вроде бы, разделался. На прошлой неделе приезжала его жена-редактор, я вручил ей летний вариант, мы вместе просмотрели весь сценарий, согласовали кое-какие переделки и сокращения и на том расстались. Теперь Романов будет сражаться за зимний вариант, а если не выйдет, начнет съемки этим летом.

В Ленинграде сейчас Белочка[1]. Вчера была у меня. Посидели часа три, обсудили массу дел. Рассказала мне эпопею с ГЛ, о которой ты, как всегда, забыл мне рассказать. Новостей пока нет.

На сберкнижке был неделю назад, никаких поступлений не обнаружил. Может быть, не успели дойти, а возможно, тебе перевели за обоих — что-то сумма больно велика для половины аванса.

Видел кучу разных материалов о нас: в «Неделе» интервев с Олегом Макаровым (он нас там благожелательно упоминает и даже цитирует); в ИзобрРацион — статья Ю. Шрейдера о науке[2] (он там любопытно интерпретирует зМЛдКС, как полезную модель гипотезы о том, что Вселенная злонамеренна, вопреки Эйнштейну[3]); в «Книжном обозрении» фото — «космонавт Гречко беседует с фантастом Борисом Стругацким» (изображен Жора, а рядом — ты, собственной персоной).

В эту субботу в ПисДоме вечер, посвященный 150-летию Ж. Верна. Меня буквально принудили на нем присутствовать. Придется.

---

[1] Бела, Белка — здесь и далее — Клюева Бела Григорьевна, сотрудник ВААП.

[2] Шрейдер Ю. Право на воображение // Изобретатель и рационализатор (М.). — 1978. — № 1.

[3] Слова А. Эйнштейна: «Бог Природы искушен, но не злонамерен».

А приезжай, когда хочешь. Я всегда готов. Только с мамочкой договорись.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке — привет!

8 февраля издательство «Молодая гвардия» высылает АНу рукописи сборника «Неназначенные встречи» со следующим письмом.

Из архива. Письмо АНу из МГ

Уважаемый Аркадий Натанович!

В связи с вопросами, поднятыми в Вашем письме от 30.12.1977 (поступило в издательство 5.1.78), сообщаем следующее.

Что касается состава и объема сборника. В последние годы в издательстве для авторских книг серии «Библиотека советской фантастики» установлен объем, не превышающий 17–18 авторских листов, что продиктовано требованиями технологии производства. Поэтому мы лишены возможности включить в сборник одно из предлагаемых Вами произведений. На наш взгляд, две повести, обозначенные в договоре, вполне соответствуют названию сборника «Неназначенные встречи». Если же Вы непременно хотите, чтобы сборник состоял из трех произведений на тему контакта, редакция готова рассмотреть третье Ваше произведение объемом до 3 а. л. На наш взгляд, «Человек из Пасифиды» наиболее отвечает теме сборника.

Ваше беспокойство по поводу сохранности рукописи сборника, к счастью, лишено оснований, — рукопись цела. В письме же (Д–190 от 23.12.77) речь шла относительно окончательно доработанной повести «Пикник на обочине», — по замечаниям редакции и ЦК ВЛКСМ. Во избежание возможных недоразумений возвращаем Вам все три находящиеся в редакции повести: «Пикник на обочине» (1-й экземпляр, машинописный), «Малыш» (1-й экземпляр, машинописный), «Трудно быть богом» (расклейка), чтобы Вы имели возможность предоставить редакции доработанную

комплектную рукопись, завизированную Вами и, кроме того, помеченную от руки «В набор». Дату возвращения окончательно доработанной рукописи просим указать в пункте 3 договора.

В соответствии с сообщенными Вами сведениями редакция указала в пункте 13 договора порядковые номера изданий, а также тот факт, что повесть «Малыш» была ранее одобрена. В отношении «Пикника на обочине» мы не имеем такой возможности, поскольку повесть не одобрялась юридически. Вопрос об одобрении будет решен по представлении окончательно доработанной комплектной рукописи. Просьба сохранить начало «Пикника на обочине» в уже опубликованном книжном варианте связана с тем, что книжный вариант представляется динамичней, точней, интересней и логичней. В целом произведение от этого только выиграет.

Уважаемый Аркадий Натанович, позвольте выразить надежду, что у Вас теперь есть все основания подписать договор с внесенными по Вашим предложениям поправками.

С уважением

Зав. редакцией фантастики Ю. Медведев

Бандероли с рукописями пересылаются почтой — из Москвы в Москву, но зачастую путь их оказывается очень уж долгим. Начинается очередная глава «Истории Одного Одержания».

В этот же день, 8 февраля, БН продолжает знакомить Бориса Штерна с новостями семинара, сообщает о своих новостях и, учитывая определенные издательские тенденции, высказывает предложение о псевдониме.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

<...>

Деликатный вопрос: не хотели бы Вы взять себе красивый звучный псевдоним? Добромыслов, например, или Коваленко? Мы тут посоветовались с товарищами, и есть мнение, что это было бы своевременно. Не обязательно, разумеется, но желательно.

В семинаре появился новый член: Миша, к сожалению, Веллер. Дал на рассмотрение четыре рассказа, из коих два, на мой взгляд, просто хороши. Очень серьезный, вдумчивый и интеллигентный мальчик лет 25-ти. Возлагаю на него надежды. Но — строптив. Вроде Вас.

Заканчиваем конкурс «Человек-сейф». Всего прислано 10 рассказов. Из них три — хороши, а один, может быть, даже удастся пропихнуть в упомянутый сборник.

На ближайшем заседании будем рассуждать по поводу дискуссии Лем—Шкловский относительно множественности обитаемых миров[1]. Докладывать будет Саша Щербаков. Надеюсь, развлечемся всласть.

Славка Рыбаков опять в больнице. До чего же хилая молодежь пошла! А этот чертяка еще вдобавок совершенно изнуряет себя работой.

Мы пишем сказку. Черновик уже написали. Будем ли писать чистовик, не знаю. Главная работа — кино. Только что уехал от меня режиссер из Таллинфильма. Замучил меня и загонял, но добился, чтобы я перевел действие «Отеля» из зимы в лето. Бр-р-р! Ну и работенка! А Вы еще смеете мне что-то там гундеть насчет «заказной работы», «заданной тематики» и пр.

<...>

Письмо Аркадия брату, 10 февраля 1978, М.— Л.

Дорогой Борик!

Сообщения:

1. Из Ростовского-на-Дону университета из студенческого театра пришла пьеса по ХВВ, собираются ставить и просят указаний и замечаний. Мне не понравилось. Поскольку деньгами и престижем здесь не пахнет, пускай, пожалуй, ставят. А?

2. Позвонил в юротдел ВААПа к Городовикову (он ведет наше дело), предложил принять меры против МолГв.

[1] Дискуссия была опубликована в «Знание — сила» (1977. — №№ 6–7).

От них ведь до сих пор ничего нет, видимо, не знают, что предпринять. Городовиков сказал следующее: а. Неделю назад он говорил с МолГвардейским юристом по поводу дела Парнова (оно идет в суд) и вскользь поинтересовался нашими делами, и юрист ответствовал, что со Стругацкими всё в порядке. б. Парнов подал на Медведева в суд за потерю рукописи и нарушение брачного обещания[1]. в. Городовиков обещался звонить юристу в МолГв, разузнать всё и поставить меня в известность. Жду. В понедельник буду ему звонить.

3. Со «Сталкером» дела опять плохи. Звонила Лариса[2] в слезах и соплях, сообщила, что Даль Орлов закатил Андрею новую порцию поправок, а Андрей взбесился и объявил, что не станет их принимать, и пусть его отстраняют от картины. Борьба продолжается.

4. Не получая из ВААПовской бухгалтерии извещения о деньгах аргентинских, позвонил туда. Там ответили: а) Никаких сведений об этом не имеют, из капстран им присылают с Б. Бронной только сведения, кому и сколько и откуда, а за что — не сообщают, и в этих делах они только передаточная инстанция, всё зависит от Б. Бронной; я натурально позвонил за объяснениями Беле, но она в командировке, а других телефонов там я не знаю. б) Пришли и оформляются деньги из Венгрии и из Польши. Из Польши за ПнО, а из Венгрии — не смогли прочитать. Просили ждать извещения. в) Пожаловались на тебя, что ты им задал работу по составлению ответа на твою жалобу. На случай, если ты ответа не поймешь, просили меня объяснить тебе суть прогрессивного налога. (В расчет принимается не только данная сумма, но и все прежние суммы, полученные тобой в текущем году.)

Вот пока всё.

Как дела с Кромановым?

Да, совсем забыл. Наш приезд задерживается. Очевидно, будем где-то в пределах между 20-м и 25-м. Я вынужден

[1] Тема судебной тяжбы «о нарушении брачного обещания» возникает в романе Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», гл. 18 и сл.

[2] Тарковская Лариса Павловна — вторая супруга Тарковского; второй режиссер фильма «Сталкер».

задерживаться пока, ибо подворачивается случай выгодно пристроить листа два моего перевода рыцарского романа (я тебе, по-моему, рассказывал) в «Восточный альманах». У меня сейчас готовы листа полтора, да надобно еще приделать предисловие и комментарий[1].

Обнимаю и жму, твой Арк.

Привет Адке и Андрюшке.

Фу ты, черт, опять забыл! Поздравляю сердечно с окончанием «обязаловки». Ей предназначен великий путь: «Пионерская правда» (там очень жаждут!), «Аврора», затем, если бог попустит, в «Мир приключений» в Детгиз. Очень мне не терпится взглянуть хоть глазком, но если экз единственный, упаси тебя бог посылать.

Еще раз обнимаю, твой [подпись]

Письмо Бориса брату, 12 февраля 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 10.02 (московский штемпель 10.02, ленинградский — 12.02, получено тогда же — фантастика! Всегда бы так!).

1. Студтеатру разрешение на постановку ХВВ, разумеется, дай. Пусть развлекаются.

2. Из ВААПа получил письмо с разъяснениями по поводу начисления налогов. Всё понял. Применил новый метод к имеющимся данным по капстранам. Сходится. Применил к соцстранам — НЕ сходится. Послал их всех (мысленно) на хер. Ну, что ты будешь делать? Ну, не жалобу же им, действительно, писать? Может, там еще какие-то тонкости, которых мы не знаем? Главное, я никак не могу понять: налог они берут с нас, как с ОДНОГО автора, или с каждого из нас по отдельности? Писать им больше не стану. Раз ты иногда звонишь им — спроси при случае. (Экспериментальные подсчеты показывают, что иногда они берут как с одного, а иногда с каждого отдельно.) И, конечно, совершенно

[1] Публикация отрывка из «Сказание о Ёсицунэ» в «Восточном альманахе» не состоялась.

неясный вопрос: как переводят соврубли в чеки. С соцстранами более или менее ясно — просто по курсу. А вот с капстранами? Раньше всё было понятно — давали бесполосые сертификаты. А теперь? Неужели гонорар в 100 долларов превращается в 75 чековых рублей?

3. Когда-то мы опрометчиво дали разрешение поместить какой-то небольшой гонорар из ГДР (кажется) в банк на наше имя в виде дойчемарок. Теперь у меня идея: зачем им там лежать? Ехать мы, вроде бы, никуда не собираемся... Написал в ВААП, чтобы они перевели эти деньги в чеки и выдали нам. Оказалось, что это в их функции не входит: надобно писать во Внешторгбанк. Адреса я не знаю, концов не вижу. Может, ты что-нибудь узнаешь? Все-таки получили бы по сотне чекорублей. На дороге не валяются.

4. Приезжай, конечно, когда захочешь. Только с мамочкой согласуй. А у меня дел особых нет. Иногда, правда, езжу с Адкой на ЭВМ по ночам. А так — ничего. Надуваюсь, дабы взяться за новую обязаловку. Раньше была мысль начать с 1.02, но Кроманов перебил аппетит, а тут еще эти е..нные жюльверновские торжества... В общем, надеюсь все-таки приступить в ближайшие дни. Тем более, что Белочка меня сильно обнадежила насчет поставки рукописей за бугор. Пусть даже никто у нас и не возьмет, скажем, СЗоД, но можно будет дать почитать Брандису, Дмитревскому и т. д., бюро выдаст бумагу с рекомендацией, и — в ВААП. Глядишь, какая-нибудь Аргентина и купит!

5. Насчет «Пионерской правды» для минувшей обязаловки — это ты хорошо придумал. Это именно для них. Для «Авроры» — сомнительно. Для «Мира приключений» — пожалуй. А в общем — посмотрим.

6. Читал твою статью о Ж. Верне. По-моему, прекрасно.

Вот и все новостя.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

О постановке студтеатром ХВВ вспоминал Михаил Якубовский.

Якубовский М. Пояснение, октябрь 2008

По поводу постановки — сценарий по ХВВ написали мы с Н. Блохиным. Значит, не понравилось... Ну что ж теперь...

Я поехал со сценарием в Москву, позвонил. Попал, очевидно, на Марию (молодой женский голос). Она довольно нелицеприятно посоветовала мне отправить почтой, что я с почтамта и сделал. Месяца через два от АНа получил буквально четвертушку бумаги следующего содержания: «Что ж, можно и так». И подпись. Боюсь, не сохранилась — за 30 лет... Постановка была осуществлена при полном аншлаге. Народ одобрил.

Письмо Аркадия брату, 15 февраля 1978, М.— Л.

Дорогой Борик!

Получил твое письмо от 8.02, пришло оно на почту 11-го, но адрес ты чем-то подзаляпал, и его принесли мне аж 14-го. Соседи принесли, а не почтарь. Ну, это в сторону.

1. Вчера вдруг пришли из МолГв три бандероли. Содержание: рукопись «Малыша», расклейка ТББ, договор на подпись и сопроводиловка, подписанная Медведевым.

Сопроводиловка. Формально это ответ на мое письмо от 30.12.77, которое я отправил к Синельникову вместе с неподписанными договорами. Датировано 8 февр. Содержание: а) О составе и объеме сборника. В последнее время у них, видите ли, установлен для подобных книг объем 17–18 а. л., посему они могут взять только две из предлагаемых повестей и, если мы настаиваем на третьей, какую-нибудь вещь объемом до трех листов. Предлагают «Человека из Пасифиды». б) Наше беспокойство по поводу рукописи ПнО лишено оснований, а в их письме от 23.12.77 «речь шла относительно окончательно доработанной повести ПнО — по замечаниям редакции и ЦК ВЛКСМ. Во избежание возможных недоразумений возвращаем Вам в с е т р и (разрядка моя. — *А. С.*),

находящиеся в редакции повести: ПнО (1-й экз., машинописный), М (1-й экз., машинописный), ТББ (расклейка), чтобы Вы имели возможность предоставить редакции доработанную комплектную рукопись, завизированную Вами и, кроме того, помеченную от руки «В набор». Дату возвращения окончательно доработанной рукописи просим указать в пункте 3 договора». в) Указать в договоре, что рукопись ПнО одобрена, они не имеют возможности, поскольку повесть не одобрялась юридически. «Вопрос об одобрении будет решен по представлении окончательно доработанной комплектной рукописи». Далее следует бредятина о том, что начало ПнО в книжном варианте представляется им динамичнее, интересней и логичней. И выражается надежда, что у нас теперь есть все основания подписать договор «с внесенными по Вашим предложениям (?) поправками (?)».

Вот так-то. Что ты будешь делать с такой сволочью? Рукопись ПнО они явно затеряли и теперь всё спихнут на почту.

Положим, что есть вероятность, что бандероль с ПнО отстала, хотя идут уже вторые или третьи сутки. Но что делать, даже если она и подоспеет?

Есть такие варианты.

По составу: а) требовать по-прежнему прежнего состава, заявив, что нам плевать на их постановления последнего времени. б) предложить в качестве третьей вещи «Извне». в) согласиться на ПнО и М, то есть сборник из двух вещей. Я лично склоняюсь к первому варианту.

По поводу договора: а) вписать от себя новый состав и объем, ихнее обязательство издать сборник в течение 78 года, одобрение ПнО, подписать и отослать. б) отослать неподписанным.

Срочно отпиши, что более всего тебе ли́чит. Я же сейчас же пишу письмо Синельникову об отсутствии ПнО и с предупреждением, что договор мы пока не подписываем (пока не будет рукописи ПнО), а там будет видно.

2. Был у Тарковской, придется посидеть еще над первой третью ТББс. Думаю, работы дней на десять.

3. Ты пишешь о какой-то эпопее с ГЛ. Ничего не знаю кроме того, что где-то летом еще подписал какую-то изобилующую орфографическими ошибками бумагу о предоставлении ВААПу права пытаться торговать ГЛ с зарубежными странами. Больше ничего мне не говорили.

4. Сходи снова на сберкнижку, посмотри деньги из ЦТ (в размере тысячи) и из к/с Горького (что-то около 400–450). Сообщи, дабы мог я принять меры в случае чего.

5. А как у тебя выглядит финал ОуПА в летнем варианте?

6. Есть ли у тебя все материалы о нас, кот. ты перечислял? («Неделя», ИзобрРацион, «Книжное обозрение».) Хорошо бы их иметь на всякий случай.

Пока всё. Жму и целую, твой Арк.

Привет твоим, сразу садись за ответ. Надо действовать — хоть и не спеша особенно, но и не того... не мешкая.

В этот же день, как АН и обещает брату в письме, он извещает «Молодую гвардию» о полученных и неполученной бандеролях.

Из архива. Письмо от АНа в МГ

Уважаемый тов. Синельников!

Почел долгом своим поставить Вас в известность, что вчера, 14 февраля с. г., получил по почте из редакции Медведева три бандероли, содержание которых таково:

1. Расклейка повести «Трудно быть богом».

2. Машинописная рукопись повести «Малыш».

3. Неподписанный договор на сборник «Неназначенные встречи» (четыре экземпляра).

4. Сопроводительное письмо за подписью Медведева.

Беру на себя смелость обратить Ваше внимание на следующую выдержку из письма Медведева:

«Ваше беспокойство по поводу сохранности рукописи сборника, к счастью, лишено оснований, — рукопись цела... Во избежание возможных недоразумений возвращаем Вам все три (разрядка моя. — *А. С.*) находящиеся в редакции повести: «Пикник на обочине» (1-й экземпляр, машинописный),

«Малыш» (1-й экземпляр, машинописный), «Трудно быть богом» (расклейка), чтобы вы имели возможность предоставить редакции доработанную комплектную рукопись...» и т. д.

Как явствует из перечисления содержания полученных мною бандеролей, мое беспокойство по поводу сохранности рукописи, увы, оснований не лишено. Рукописи «Пикник на обочине» (1-й экземпляр, машинописный, равно как и никакого другого экземпляра) я не получил.

Прежде чем приступить к рассмотрению остальных положений письма Медведева, настоятельно прошу срочно выяснить судьбу рукописи «Пикник на обочине». Полтора месяца, как в прошлый раз, ждать не буду. Если не получу от Вас ответа 22 февраля, буду считать себя вправе вновь обратиться в Центральный Комитет нашей Партии.

15 февраля 1978 года.

20 февраля АНу из «Молодой гвардии» приходит телеграмма:

«СВЯЗИ ВАШИМ ПИСЬМОМ ЗПТ ЗАРЕГИСТРИРОВАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ 17 ФЕВРАЛЯ ЗПТ О ПОЛУЧЕНИИ ВАМИ ТРЕХ ПОЧТОВЫХ БАНДЕРОЛЕЙ РУКОПИСЯМИ ПОВЕСТЕЙ МАЛЫШ И ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ И НЕПОЛУЧЕНИИ БАНДЕРОЛИ РУКОПИСЬЮ ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ СООБЩАЕМ ТЧК 9 ФЕВРАЛЯ 1978 ГОДА ЧЕРЕЗ ГСП 4 ОПИСЬ 79 ВАМ БЫЛИ ОТПРАВЛЕНЫ ЧЕТЫРЕ БАНДЕРОЛИ ДВОЕТОЧИЕ НР 748 ВЕСОМ 750 ГРАММ НР 749 ВЕСОМ 750 ГРАММ НР 750 ВЕСОМ 950 ГРАММ И НР 751 ВЕСОМ 950 ГРАММ ТЧК ОТПРАВКА ЗАВЕРЕНА ШТАМПОМ ПОЧТЫ = ЗАВКАНЦЕЛЯРИЕЙ ИЗДАТЕЛЬСТВА МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ПАНИТКИНА».

По получении телеграммы АН сразу же берет справку в почтовом отделении: «Дана гр. Стругацкому А. Н. в том, что заказная бандероль за номером 750 в 571 о/с не поступала. Проверено с 12/II по 20/II 78 г.»

Но на следующий день бандероль всё же приходит. АН вместе с бандеролью берет в почтовом отделении и справку о получении: «Бандероль за № 750 поступила в отд. связи 21/2–1978, 6 ч. 20 м.» — и тут же пишет письмо в издательство.

Из архива. Письмо от АНа в МГ

Уважаемый тов. Синельников!

Рад сообщить Вам, что бандероль с рукописью повести «Пикник на обочине» мною сегодня получена. Только сегодня, 21 февраля 1978 г.

В этой истории много загадочного. Бандероль была отправлена вместе с остальными тремя 9 февраля, об этом свидетельствуют хотя бы почтовые штампы. Три бандероли прибыли в мое почтовое отделение 13 февраля (вручены мне 14-го). И надо же, чтобы именно бандероль с «Пикником», с той самой повестью, которая вызвала неприязнь у некоторых работников Издательства, по неизвестным причинам так задержалась в недрах почтового ведомства! Во избежание недоразумений: вручая мне сегодня утром эту бандероль, мое почтовое отделение вручило одновременно и справку, подписанную замзавом отделения и заверенную штампом, что злосчастная эта бандероль № 750 получена ими именно сегодня, 21 февраля с. г.

Что это? Недоработка почты? Ирония судьбы? Или все-таки шалость неких домовых, не будем указывать пальцем?

Следовало бы расследовать это дело, но у меня нет времени. Вернемся к Вашему № 34909 от 8 февраля, подписанному Медведевым.

1. О составе и объеме сборника «Неназначенные встречи». В письме Медведева ни с того ни с сего на смену оказавшихся несостоятельными соображений литературных выдвинуто соображение технологическое: установленный объем сборника не должен превышать 18 авт. листов. В дополнение к двум повестям, рассмотренным в договоре, «редакция готова рассмотреть третье Ваше произведение объемом до 3 а. л.». Чтобы не затягивать дело, мы снова идем на уступку. Вместо повести «Трудно быть богом» мы в качестве третьего произведения предлагаем включить в сборник тематически вполне подходящую нашу повесть «Извне» (публиковалась в нашем сборнике «Шесть спичек», Детгиз, 1960 г., 200 тыс. экз., объем ок. 3 а. л.). Таким образом, мы

предлагаем окончательно остановиться на следующем составе сборника «Неназначенные встречи»: повести «Извне» (3 а. л.), «Пикник на обочине» (8 а. л.) и «Малыш» (7 а. л.), всего ок. 18 авт. листов.

Кстати: по мнению редакции, изложенному в письме, теме сборника наиболее соответствует наш ранний рассказ «Человек из Пасифиды». Это странно. Почему нефантастический рассказ о том, как японские жулики охмурили американских солдафонов, считается наиболее соответствующим теме контактов с инопланетянами?

Несколько слов о повести «Извне». На наш взгляд, она менее сильна литературно, чем «Трудно быть богом», но полностью отвечает теме сборника, отлично подходит для массового читателя и имеет хорошую прессу. Я посылаю Вам рукописный экземпляр для ознакомления и совершенно уверен, что Вы не станете возражать против включения ее в сборник.

2. Мы по-прежнему позволяем себе настаивать на том, чтобы сохранить начало повести «Пикник на обочине» в первоначальном (журнальном) варианте.

3. В письме сказано: «...позвольте выразить надежду, что у Вас (т. е. у меня. — *А. С.*) теперь есть все основания подписать договор с внесенными по Вашим (т. е. моим. — *А. С.*) предложениям поправками». В договоре же я не обнаружил никаких поправок — ни моих, ни чужих. Только и сделано, что «редакция указала в пункте 13 договора порядковые номера изданий, а также тот факт, что повесть «Малыш» была ранее одобрена».

А поправки просто необходимы.

а) Пункт 2 (в) — дополнить названием третьего произведения.

б) Пункт 2 (г) — установить объем в 18 а. л.

в) Пункт 13 — дополнить данными по третьему произведению.

Примечание: Если Издательство не сочтет нужным взять в качестве третьего произведения повесть «Извне», мы будем вынуждены настаивать на повести «Трудно быть богом»,

игнорируя технологические ограничения, как несущественные для данного издания (мы вовсе не настаиваем на том, чтобы сборник «Неназначенные встречи» издавался в «Библиотечке советской фантастики»).

г) Условием юридического одобрения повести «Пикник на обочине» в письме называется представление окончательно доработанной комплектной рукописи. Я полагал, что на собеседовании 16 декабря дал недвусмысленно понять: мы считаем, что повесть «Пикник на обочине» окончательно доработана и что дальнейшие «доработки» по способу Медведева-Зиберова ведут к деградации текста. В то же время рукопись бывает некомплектна только в том случае, если в ней не хватает страниц. Поэтому я полагаю, что повесть «Пикник на обочине» необходимо одобрить и зафиксировать факт одобрения в договоре.

Договор с перечисленными поправками и дополнениями мы подпишем незамедлительно.

Будем с нетерпением ждать Вашего решения по существу дела.

С уважением,

А. Стругацкий

Конец февраля АН проводит в Ленинграде. Эта встреча в рабочем дневнике не отмечена. Вероятно, она не носила «творческого» характера, Авторы не писали, а лишь обсуждали текущие дела, обменивались наработанным раздельно.

Письмо Аркадия брату, 1 марта 1978, М.— Л.

Дорогой Борик!

Информация.

1. Выяснилось, что через два часа после нашего отъезда в Ленинград позвонил Синельников, просил позвонить немедленно по возвращении, что я и сделал. Сводится всё вот к чему. Обижен на мои намеки, что его (!) редакция жульничает с почтой; против «Извне» не возражает и будет споспешествовать тому, чтобы в редакции с этим делом не затягивали

(по закону имеют право канителить решение около полутора месяцев); сразу после решения пошлет мне соответственно оформленные договоры. Мне пришло в голову, что они могут утверждать, будто послали как раз рабочий экз, но это не страшно: по твоим наметкам я живо все поправки восстановлю. Хорошо было бы, если бы ты вспомнил и послал мне абзацы, где объясняются явления оживших покойников и Золотого Шара: я бы, ни дня не промедлив, в этом случае живо всё бы сделал и им отправил.

2. Радостная весть: 20-го вышел приказ о запуске «Сталкера» в производство. Андрей сказал мне, что в ближайший выплатной день получим деньги. Правда, я всё еще не очень верю этим сообщениям: слишком хорошо.

3. Звонили из Детгиза: давать подписи под иллюстрациями или нет. Я велел «нет». Плевать на подписи, важно, что там дело на мази.

4. Получил в посылторге деньги: 1392 р. Тебе того же желаю.

5. Ирина Тарковская (наш реж по ТББс) землю роет, требует поскорее оформлять последний вариант сценария. Что-то там проясняется, как я понял. Обещал сделать и сдать ей к следующему вторнику.

Вот всё пока. Приступаю к сказке, чего тебе тоже желаю. Получил письмо от Заикина <...>.

Жму, целую, твой Арк.

Привет родне.

Сообщи о положении в твоей сберкассе, не забудь!

Письмо Бориса брату, 3 марта 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 1.03.

1. Когда (и если) будешь править ПнО в соответствии с моими пометками в медведевском списке, имей в виду, что я не просто вычеркивал «нехорошие» слова, а, как правило, искал все-таки некие эквиваленты, дабы смак не утратился полностью. Вставок по поводу покойников и Золотого Шара

я, разумеется, не помню. Помню принцип. Звучало это примерно так: «Не забивайте мне голову вашими покойниками! Ну, представьте себе например, что они использовали покойников, чтобы исследовать нашу реакцию на их появление... и т. д. Удовлетворяет вас такое объяснение?» То есть раздраженный тон и псевдонаукообразное объяснение — словно ты разговариваешь с самим Медведевым. Однако, на мой взгляд, вставки эти надо делать только в том случае, если последует ПРЯМАЯ просьба о них. Я-то полагаю, что они давно позабыли, что там было сделано, а что нет. Надо этим пользоваться.

2. Из Внешпосылторга получил пока 364 + 240 с копейками. Жду остального. На сберкнижке всё, вроде бы, ОК: 1015 + 430 с копейками же.

3. Теперь о сказке С. Ярославцева. Я ее прочел внимательно и не без удовольствия. И ты знаешь, я пришел к выводу, что трогать ее не след. Это добротная, хорошая, своеобразная вещь, у которой только один (чисто формальный) недостаток: она не похожа на Стругацких. Но заниматься ее «приведением» к Стругацким — ей-богу, это не дело! Проще написать еще одну совместную сказку. Я понимаю (и одобряю) твой замысел: дать сборник современных сказок. Но, может быть, пойти на фокус? Выпустить сборник под тремя именами: А. Стругацкий, Б. Стругацкий, С. Ярославцев «Современные сказки». А? Овцы сыты, яйцы целы... А ты, когда расправишься с СоДиН, садись-ка и не спеша наколупай третью часть С. Ярославцева — в порядке обязаловки. Я же вплотную займусь (в порядке обязаловки же) СЗоД. А? Отпиши свое суждение.

<...>

Вот пока и всё.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Ленуське — привет!

6 марта супруга режиссера ОУПА Кроманова сообщает БНу новости о продвижении кинофильма.

Из архива. Письмо БНу из Вильнюса

Уважаемый Борис Натанович!

Простите за столь длительное молчание. Хотелось уже сообщить Вам нечто более определенное.

Итак — режиссерский сценарий наконец утвержден Москвой. Удалось всё же отстоять зимний вариант!!! Производственный период начнется с конца апреля с тем, чтобы зимнюю натуру снять в октябре-ноябре. Румынию запретили. Съемки, видимо, будут под Алма-Атой. Природа там великолепная, а дом придется строить.

Вышлем Вам экземпляр режиссерского сценария, как только он будет начисто отпечатан.

Гриша, увы, в больнице. Пришлось немного поремонтировать сердце. Он просил передать Вам сердечный привет.

С уважением и наилучшими пожеланиями

Ирена Вейсайте

Письмо Аркадия брату, 7 марта 1978, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Получил твое письмо от 3-го.

2. К разработке СоДиН еще не приступал: пытался заниматься ТББс, вертел предложения редакции и режиссера так и этак, понял, наконец, и проникся убеждением, что все эти предложения то ли с жиру, то ли от равнодушия, то ли от неумения, плюнул и решил это дело кончать. Сообщил Тарковской по телефону, что чепухой этой заниматься больше не буду. Сегодня еду к ней, чтобы оформить разрыв (а может, она предложит что-либо еще).

3. 20-го февраля по Госкино вышел приказ о запуске в производство двухсерийного «Сталкера». Нам об этом сообщили всего три дня назад: выяснилось при этом, что приказ отдан задним числом — в начале марта, а помечен двадцатым февраля. Как бы то ни было, меня попросили написать заявление на «Мосфильм» о перерасчете гонорара, что я и сделал с удовольствием.

4. Звонила Бела Клюева. От «Макмиллана» пришло письмо, где выражается удивление, что мы не получили экзы; сообщается, что выслано еще по пять экзов всех пяти изданных там книг (СоТ+ПнО, ОО, зМЛдКС, «Пол<овина> жизни» Кир. Булычева и «Душа мира» Емцев-Парнова); насчет гонорара ни слова. Далее, там же у Белы получено письмо из общества Марка Твена, где сообщается, что А. и Б. Стругацкие приняты в почетные члены за выдающийся вклад в Мировую Литературу — «Пикник на обочине». Бредятина какая-то. Я попросил Лукина узнать, что это за общество. Он обещал.

5. Из ВААПа переслали 4 экза ГДР-роман-газеты с «Малышом» и 2 экза ТББ из Югославии, причем авторы указаны так: Анатолий Стругацкий и Борис Стругацкий. Неряхи. А книжечка издана аккуратненько, в серии «Кентавр» — как «Стажеры».

6. Очень важно. Я получил от нашего Фуками из Японии просимую мною книгу. Надо бы поскорее послать ему «Дорогу на Океан». Я бы послал свою, но она у меня здорово почиркана, когда я пытался подготовить отрывки из нее для книги «Фантастика не-фантастов»[1]. Так что будь ласков, пошли свою. На всякий случай адрес: <...>

<...>

Вот, кажись, и всё.

Жму, целую, твой Арк.

Привет всем твоим.

P. S. Выслать ли тебе югославскую ТББ?

Письмо Бориса брату, 11 марта 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 7.03. Отвечаю немедленно.

1. Немножко жаль, конечно, что ты решил покончить с ТББ-С. Процентов 10, наверное, можно было бы еще из них выкачать. Ну, да тебе виднее.

[1] В итоге в антологию «Нефантасты в фантастике» (Библиотека современной фантастики, т. 19. — М.: Мол. гвардия, 1970) вошла киноповесть Л. Леонова «Бегство мистера Мак-Кинли».

2. Мне тоже звонили из ВААПа, просили приехать за экзами. Наверное, те же, что и у тебя, так что пока ничего не присылай.

3. «Дорогу на Океан» пошлю Фуками в ближайшие же дни.

4. Получил письмо от Ирены Вейсайте — жены и редактора Кроманова. У них, кажется, всё получилось неплохо. Сценарий утвержден Москвой. Удалось отстоять зимний вариант. Производственный период начнется в конце апреля, зимнюю натуру будут снимать в октябре-ноябре. Румынию запретили, съемки будут производиться, видимо, под Алма-Атой. Сам Кроманов, впрочем, слег в больницу — «подремонтировать сердце».

5. Вчера звонил какой-то режиссер из Ленфильма. Фамилию-имя-отчество разобрать не удалось. Восторгался ПНвС, спрашивал, как насчет. Я рассказал ему вкратце про Довженко и про мюзикл, причем выяснилось, что я не помню фамилию нашего режиссера по мюзиклу и не знаю, в какой собственно студии будет этот мюзикл сниматься. Впрочем, сие неважно. Режиссер обещал выяснить юридическую сторону дела и позвонить, если возникнут возможности.

6. Звонил Владимир Михайлович Акимов, завпрозы в «Авроре». Я ему объяснил насчет сказки. Он не возражал ни в коей мере и знай себе требовал рукопись, да побыстрее. Новогодняя сказка? Пожалуйста! Для школьников? Ради бога! Хотите толкнуть в ПионерПравду? Да пожалуйста! Только скорее гоните рукопись! Надо бы нам с тобой както изгильнуться и в течение одного-двух месяцев выдать СоДиН в чистом виде. А?

7. Я за обязаловку свою тоже пока еще не принимался. Трудно, брат! Это тебе не сказочка. Многоплановость — вот что сбивает с толку. Герой — один план. Странник — второй. Воспоминания героя — третий. И надо как-то их разместить по оси событий. Думаю. Но скоро, наверное, засяду. В крайнем случае буду писать не сплошной текст, а отдельные сцены.

8. У нас были перевыборы. Меня снова избрали членом бюро. Пытались даже сделать зампредседателя по работе с молодыми, но тут уж я был готов и мгновенно отвертелся. <...>

Вот и всё пока.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

15 марта «Молодая гвардия» отвечает АНу.

Из архива. Письмо АНу из МГ

Уважаемый Аркадий Натанович!

Начало Вашего письма от 21 февраля с. г. наполнено какими-то невразумительными, туманными, малопонятными намеками по поводу таинственно задержавшейся на почте бандероли. Естественно, мы будем рады получить от Вас свидетельство того, что эти намеки — не в адрес редакции.

Теперь по существу дела.

1. В соответствии с указаниями Дирекции редакция в кратчайший срок ознакомилась с присланной Вами рукописью повести «Извне» и не возражает против включения ее в сборник «Неназначенные встречи».

2. Редакция готова пойти Вам навстречу в Вашей просьбе сохранить начало повести «Пикник на обочине» в первоначальном (журнальном) варианте, хотя это, к сожалению, и ухудшает повесть.

3. В дополнение к поправкам в договоре, о которых мы писали в предыдущем письме (№ 349/09 от 8 февраля с. г.), редакция заполнила — согласно Вашей просьбе — пункты 2в, 2г и 13.

4. Комплектность рукописи означает представление Вами в редакцию всех обусловленных договором произведений, оформленных в соответствии с требованиями Типового положения о подготовке рукописи к изданию (см. п. 3 договора).

Прежде чем решить вопрос об одобрении повести «Пикник на обочине», редакция, как Вы понимаете, должна окончательно удостовериться, в полной ли мере выполнены Вами замечания, высказанные в известном письме ЦК ВЛКСМ. Хотелось бы надеяться, что у редакции не возникнет необходимости еще раз направлять рукопись в ЦК ВЛКСМ. В третий раз направляя Вам вновь составленный договор, редакция вновь выражает надежду, что у Вас есть теперь все основания подписать этот документ.

Будем с нетерпением ждать Вашего решения по существу дела.

С уважением

Зав. редакцией фантастики Ю. Медведев

Приложения:

1. Рукопись повести «Извне» — 2-й экз. машинописи, 70 стр.

2. Договор (4 экз.).

Письмо Аркадия брату, 20 марта 1978, М.— Л.

Дорогой Борик!

Час назад получил твое письмо: написано 11.03, штемпелевано в Ленинграде 12.03, штемпелевано в Москве 19.03. А нынче 20.03. Вот так-то опять с почтой. Впрочем, ничего существенного за это время не было, за исключением:

1. Из МолГв пришла бандероль с договорами, рукописью «Извне» и письмом Медведева, кое я препровождаю к тебе. Как увидишь, одобрения на ПнО нет по-прежнему. Предлагаю подписать договоры и выслать им рукопись всего сборника соответственно с указанным в договоре составом; а вот насчет ПнО необходимо согласовать с тобой — вносить ли правку самостоятельно, по зиберово-медведевскому списку, в котором ты сделал отметки, или правки не вносить, но в письме предложить им самим перенести правку с рабочего экземпляра, или правки не вносить и сделать вид, что всё так и надо, не упоминая о ней в сопроводительном письме. Это ты отпиши скорее.

2. Я позавчера закончил работу над СоДиН (м. п., предлагаю изменить название слегка: «ПОВЕСТЬ о дружбе и недружбе»). Объем ужался страниц на 6–7 твоих, а я предполагал ужатие более сильное, принимая во внимание наш с тобой разговор. Сейчас еду в Детгиз сдать на машинку, а сегодня утром из «Пионерки» уже звонили и просили. М. б. распечатают к середине пятницы — к 24.03, тогда сразу вышлю тебе экз., порезвись, время есть. Думаю, на этом работу над сказкой и можно будет считать законченной. Перенесу для «Пионерки» твою редактуру — и всё.

3. С ТББс не всё кончено. Режиссер и оператор делают-таки режиссерский вариант по 2-му варианту, который они и надеются спихнуть за 3-й.

4. По мюзиклу у нас режиссером Бромберг Константин Леонидович.

5. Попробую приступить к 3-й части сказки. Перечитал в твоем письме от 3.03 твои соображения насчет авторства сказочного сборника и нашел их неосновательными. Ладно, об этом еще будем говорить. Жми на СЗоД.

Привет твоим. Обнимаю, целую, Арк.

Письмо Бориса брату, 23 марта 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Только что позвонил тебе, ибо полагал, что дело с МолГв спешное, а раз нет — тогда уж отпишу.

1. Итак, повторяю, замысел Медведя, видимо, состоит в том, чтобы начать верчение машины сначала. Обрати внимание на строчку, которую я в его письме подчеркнул. Легко видеть, что ВСЕГДА можно сказать, что «замечания ЦК ВЛКСМ выполнены не в полной мере», и соответствующий дружок из соответствующего отдела ЦКМола охотно это подтвердит. Поэтому вопрос не в том, вносить поправки в рукопись ПнО или не вносить, сколько их вносить и т. д. И дело не в том, где находится рабочая рукопись. Надо думать, как обойти всю эту компанию и помешать им начать всё сначала. Путь у нас

один — тов. Сенечкин. Вопрос: в какой момент к нему обращаться? Видимо, правильнее всего сделать так, как мы договорились: послать Синельникову всю рукопись сборника (полностью комплектную) и НЕподписанные договора. В сопроводиловке написать: рукопись представляем, договора подписать не можем до тех пор, пока не будет решен вопрос об одобрении, ибо только одобрение, как нам кажется, будет свидетельствовать о серьезном намерении издательства опубликовать книгу в ближайшее же время. В конце концов, рукопись находится в редакции пять лет. За это время уже можно было бы принять решение об одобрении. Ведь мы же не новый договор заключаем, а переписываем старый... Думаю, что исправления (по моему списку) внести, все-таки, стоит, чтобы Медведев не мог вопить Синельникову: «Ведь они же ничего не сделали!..» Как это не сделали? Хармонт на Мармонт, Катюшу на Ванюшу, и еще пятьдесят помарок и исправлений! А потом подождать, что они ответят. И вот если они опять начнут вола вертеть, вот тут уж звонить Сенечкину: мы всё для них сделали — договор переписать согласились (себе в ущерб), состав изменили, кучу исправлений внесли, они пять лет рукопись читают, а одобрить не желают — сколько же можно саботировать!

2. Получил в ВААПе экзы. Те же, что и ты.

3. Получил извещение с почты о чеках из Внешпосылторга. Общая сумма: 1025 руб.

4. С СЗоД дело идет крайне туго. Меня страшно раздражает необязательный антураж «Возвращения». Основной замысел тонет в фальшиво-реалистических, псевдореалистических подробностях. С отчаяния придумал новый сюжет (точнее, пока что только — новую многообещающую ситуацию). Может получиться что-то вроде облегченного варианта ГО.

Пока всё. Обнимаю [подпись]

P. S. Леночке привет!

Письмо Аркадия брату, 24 марта 1978, М.— Л.

Дорогой Борик!

Посылаю тебе 1-й и 4-й экзы ПоДиН.

2-й экз только что забрала «Пионерка». Я его едва успел считать. Ошибок не очень много, сам считаешь и поправишь. Я поставил «Пионерке» условие дать ответ как можно скорее, 10 дней по крайности. Если ответ будет отрицательный, посылаю рукопись в «Молодой дальневосточник» в Хабаровск.

В понедельник иду к Синельникову, отнесу рукопись, намекну, что ежели опять будет волокита, буду звонить в ЦК. Поправок в рукопись ПнО вносить не буду, напоминать о рабочей рукописи тоже пока не буду. А там посмотрим. Договор, натурально, тоже не подписываю.

Вот всё. Всем твоим приветы, поцелуй маму.

Твой Арк.

P. S. Да! 4-й экз тебе на случай, если у тебя будут поправки, дополнения и проч. Тогда давай письмо со ссылками на страницу и строчку.

Письмо Бориса брату, 28 марта 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

1. Текст ПоДиН, который ты прислал мне, для «Пионерки» (и вообще любой газеты), разумеется, годен без всяких поправок. Для более же серьезного издания, мне кажется, его еще надо слегка подработать. Ты, понимаешь, вместо того, чтобы придумать дополнительные хохмы, повыкидывал из текста некоторые уже имевшие место и дорогие моему сердцу. Не то чтобы они были сверкающе-великолепны, но без них текст местами стал гладок, как телеграфный столб — зацепиться не за что умственным взором. Поэтому пришли мне первый вариант, а то я многое уже подзабыл. Я вставлю, доложу тебе о вставках и, если ты не будешь возражать, понесу рукопись в «Аврору». Кстати, есть предложение назвать «Повесть о дружбе и не совсем дружбе» (в пандан с оборотами

«для умных и не вполне» и т. д.), а жанровое определение «маленькая повесть» выкинуть за ненадобностью.

2. Есть идея по поводу «Щекна». Я тут его перечитал и вдруг понял, как его надо переработать, чтобы он стал приемлем (по крайней мере, для меня). Представь себе, что через месяц после окончания описанной операции Максим получает письмо от своего приятеля-соцпсихолога. Тот пишет примерно следующее: мы-де разрабатываем сейчас рекомендации для прогрессоров и пытаемся использовать для этого новую форму отчетов — так сказать, беллетризованные отчеты; требуется, чтобы ты сам выбрал любые двенадцать часов операции и описал их со своей точки зрения максимально подробно, со всеми деталями, которые тебе запомнились, со всеми своими мыслями и впечатлениями, которые тебе запомнились же. Максим пишет ему такой отчет (текст повести) и предпосылает его письмом (с него будет начинаться повесть). Я сделал то, что ты просил, пишет Максим. Но не забивай мне баки, я догадываюсь, что дело здесь нечисто. Во-первых, такого рода отчеты уже пытались использовать десяток лет назад, и никакого толку из этой попытки не проистекло. А во-вторых, знаем мы вас, психологов — вы спрашиваете о дядьке, а на самом деле интересуетесь бузиной. Впрочем, остаюсь и т. д. На самом деле, Максим прав, и отчет у него заказан с некоей скрытой целью. Хорошо бы, конечно, сделать так, чтобы цель эта слабо просвечивала и была значительной. Существенной роли она не играет, но придала бы повести глубину. Например, соцпсихологов интересует страшненькая проблема о психологическом разрыве между прогрессором и обычным землянином. Может быть, они хотят таким путем получить информацию о голованах. А может быть, где-то уже вот-вот возникнет контакт со Странниками, и сейчас лихорадочно ищут наиболее психологически подходящих для этого контакта прогрессоров. Ты подумай над этим. Если придумается что-нибудь достаточно значительное, то можно будет этот истинный смысл отчета просветить за счет неких «примечаний на полях», что послужит неким грозным и впечатляющим фоном для

приключений. Это одна сторона. А другая заключается в том, что повесть можно будет естественно перевести на первое лицо, выбросить многие благоглупости, перевести из прямой речи в косвенную то, что покажется удобным, подпустить иронии (самоиронии) и т. д.

Вся беда в том, что в нынешнем виде «Щекн» есть обыкновенная повесть-загадка. Пока есть тайна — интересно, потом появляются Странники, брезжит разгадка и становится скучно. У конструкции нет фундамента, она заваливается, требуется ее подпереть чем-то более значительным, чем просто перечень загадочных событий. Даже простой, чисто формальный, перевод повести в форму отчета уже придал бы ей прочность — кусок быта прогрессоров, нечто подобное в прошлом, нечто подобное в будущем, эпизод, такова их жизнь и т. д. А если еще придумать подтекст, если станет ясно, что сложность жизни вовсе не в том, чтобы разгадать букет загадок, а лежит глубже, тогда всё вообще станет ОК.

Жду твоих соображений.

3. Получил наконец чеки. Всё в порядке. А что слышно насчет денег за «Сталкер»? На сберкнижке у меня — никаких прибавлений.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Ленуську — целую!

Письмо Аркадия брату, 29 марта 1978, М.— Л.

Дорогой Борик.

Информация.

1. Вчера по договоренности пришел к Синельникову. Был принят любезно и нетерпеливо («чего там, давайте скорее, надо это дело кончать...» и т. д.). Предварительно переговорил с ВААПовцами, они посоветовали подписать договор, не дожидаясь одобрения, ибо задержки могут быть истолкованы не в нашу пользу. Итак, принес Синельникову полную рукопись («Извне», ПнО и М) и подписанный договор. Предупредил Синельникова, что правка, которую ты делал

в июне прошлого года, и дополнения по поводу живых покойников и Золотого Шара в рукопись не перенесены. Тогда он вызвал Медведева. Передача рукописи и договора, а также предупреждение о правке, состоялись в присутствии Синельникова. Медведев по вопросу правки согласился, что это вполне возможно, что старая рукопись у них сохранилась, что правку перенесут и, если будут какие вопросы, немедленно позвонит мне. На том и расстались, вполне удовлетворенные. Итак, начинается новый круг.

2. Звонили от Тарковского. На днях заключается дополнительный договор на вторую серию «Сталкера». 2100 ряб. Деньги будут выплачены в два приема: 35 % сразу при подписании, остальное где-то в конце апреля. Объясняли — почему, но я не понял.

3. Начал работать над третьей частью сказки.

Сообщи, послал ли Фуками Л. Леонова.

Пока всё. Обнимаю, жму. Твой Арк. Привет твоим.

Письмо Бориса брату, 4 апреля 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 29.03.

Ну что ж, очень мило (я — о МолГв). Будем ждать. Деньги за Сталкера тоже будем ждать. И будем ждать третью часть сказки.

Я тут еще раз перечитал последний вариант ПоДиН. Черт, больше всего меня смущает история с гиперболоидом, которую ты вставил вместо загадки Сфинкса. Дело в том, что это типичная липа. Не читают нынешние андреи Гиперболоида, в гробу они его видели. Выглядит всё это ужасно фальшивым анахронизмом. У них другие кумиры, и знаю я из этих кумиров только Стругацких. Вот в чем беда! Буду еще думать, прежде чем нести в Аврору.

Жду твоих соображений по Щекну. Вопросы я задал, ответов пока не вижу.

«Дорогу на Океан» послал тыщу лет назад, причем уже имел честь сообщить тебе об этом по телефону (ты был

очень рад и восклицал, что я молодец) полтыщи лет назад. Так что твой вопрос меня несколько удивил.

Слушай, выясни поточнее в ВААПе насчет письма от Сирила Клеменса. Хорошо бы вообще иметь это письмо на руках. И надо написать вежливо-благодарственный ответ ему. А то неудобно.

Что у тебя произошло с японским переводом? По телефону ты как-то от этого вопроса уклонился, в письме об этом ничего не пишешь... Отказался, что ли, от этой затеи? Или тебе отказали?

Я последнее время главным образом лечусь от простуд, чиню машину, а потом снова лечусь от простуд.

Давеча был у мамочки, читал у нее твои письма Канского периода. Какой материал! Какой матерый человечище[1] проглядывает сквозь эти простые строки. Андрей Воронин в кубе! Сплошное наслаждение.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Письмо Аркадия брату, 4 апреля 1978, М.— Л.

Дорогой Борик!

1. Получил твое письмо от 28-го. Пока от «Пионерки» ничего особенного, за исключением просьб: а) убрать, что Конь Кобылыч — похож на преподавателя физкультуры; б) убрать ополоумевших педагогов; в) сократить число описанных чудовищ. Но это предварительные замечания литсотрудника и зав. отделом, а главная еще не читала. Жду со дня на день.

2. Твой черновик высылаю.

3. Вчера принесли мне договор на 2-ю серию «Сталкера», подписал. Высылаю тебе экз.

4. Фуками прислал письмо, сообщает, что ОО выйдет у них ближе к осени. Впрочем, посылаю тебе и его письмо, а заодно расстарайся, ответь ему на недоуменные вопросы в тексте ОО. Хорошо бы послать ему и текст ПнО, хотя бы

[1] Слова В. Ленина о Л. Толстом. Приведено в очерке М. Горького «В. И. Ленин».

журнальный. Но я свой последний растратил на рукопись для сборника, которую привез и оставил у тебя. Впрочем, поступай, как знаешь. Послал ли ты Фуками Леонова? Если послал, непременно в письме об этом укажи.

5. Над «Щекном» буду думать, конечно. Но мне мнилось бы лучше построить структурно ее на манер «В августе 44-го»[1], где перемежаются первые и третьи лица и вкраплены документальные части. Впрочем, это больше подошло бы к СЗоД, где «Щекн» лишь глава.

Обнимаю, твой Арк.

Привет всем твоим.

P. S. Фуками пошли только разъяснения и изъявления благодарности. О книге, которую я от него получил, я уже ему отписал. Также отписал (загодя), что Леонов ему послан.

В то время Тарковский уже собирался снова снимать «Сталкера», но...

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

7 апреля 1978

Давно не писал. Многое изменилось.

<...>

Калашников отказался работать со мной над «Сталкером». Его жена (да и он сам) вела себя чудовищно. Звонила по всем инстанциям и заявляла, что «они работать» не станут. Сам же трусливо молчал. Меня насчет него в свое время предостерегал Тито Калатозов.

Надеюсь, что удастся постановка «Путешествия по Италии» с Тонино Гуэррой.

С середины мая начинаем (в который раз!) съемки «Сталкера». Оператор А. Княжинский. Директор А. Демидова. Надо снять фильм и начать дело против Коноплева (письма в ЦК и Госконтроль СССР). Позавчера было плохо с сердцем (стенокардия). Вызывали неотложку. Бедная Лариса перепугалась. Началось!

[1] Роман В. Богомолова.

Да, забыл. Я художник своей картины. За полцены, понятно.

<...>

9 апреля 1978

Вчера был В. И. Бураковский. ***У меня инфаркт***. Теперь два месяца лечиться. Заколдованный «Сталкер». Володя присылает врачей, делает кардиограммы.

<...>

Письмо Аркадия брату, 8 апреля 1978, М.— Л.

Здравствуй, Боря.

Получил твое письмо от 4.04. Должен признаться, кое-что в нем меня удивило.

1. Пишешь: «Жду соображений по Щекну. Вопросы задал, ответов пока не вижу». Что ждешь — понятно. А что не видишь — тоже понятно, об этом и писать нечего. Письмо с вопросами пришло числа 2-го, не помню точно, ответы же выслал вместе с черновиком ПоДиН 4.04.

2. Если я забыл, что ты по телефону говорил мне о «Дороге на Океан» — извини. С памятью у меня, как и положено в моем возрасте, не совсем хорошо, да и забот много, всего не упомнишь.

3. По поводу «Гиперболоида» в ПоДиН. Что видят в гробу нынешние андреи, а что у них в кумирах — это мы с тобой не знаем и знать не можем. У дочки Бори Смагина в кумирах в школьные годы был Софокл, а сын Лёши Шилейко до сих пор русскими народными сказками зачитывается, даром что в институт поступил. Но, конечно, если придумаешь что-нибудь интереснее — буду только рад. Удивляет меня другое. Даже если это и липа (что, повторяю, ай-ай какой не факт), какое нам, собственно, до этого дело? Единственно, что здесь требуется, — это чтобы было интересно читать. Если бы впечатление у тебя было, что это неинтересно, я бы понял тебя. А фальшивый анахронизм? Не знаю, не знаю. Короче, придумай что-нибудь интереснее, и всё будет в порядке.

4. За письмом от Клеменса надобно ехать в ВААП, а мне не хочется. По поводу общества Марка Твена я справлялся в Институте США. Там справочников по культурным заведениям не очень много, и в них этого общества нет. Может, это вообще бред сумасшедшего.

5. Японским переводом я занимаюсь достаточно регулярно. Просто я не знал, что это тебя интересует. Если интересует по-настоящему — напиши, я тебе расскажу во всех подробностях.

6. Насчет моих писем Канского периода. Да, могу представить себе, какое бурное веселье они могут сейчас вызывать.

Информация: вчера Андрюшка Тарковский слег с обширным инфарктом задней стенки.

Пока всё. Привет твоим. Обнимаю, Арк.

Письмо Бориса брату, 9 апреля 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Бандероль и письмо от 4.04 получил благополучно.

1. ПоДиН отнес в «Аврору», не дождавшись первого варианта от тебя, так как оттуда настоятельно звонили и просили. Изменений внес мало, но на два из них обрати внимание: а). В «Спидоле» шкала не подсвечивается (стр. 7, строка 13 снизу); б). Болезнь Паркинсона (паркинсонизм) существует совершенно реально и выражается именно в трясении рук, головы и пр. (надо произвести соответствующие изменения на стр. 12, строки 6–8 и стр. 23, строки 13–15). Изменения для «Пионерки» совершай по усмотрению. Что касается «Авроры», то есть у меня ощущение, что не возьмут они ее — слишком уж детская. Тогда я попробую «Костер».

2. Надо ли мне отсылать экз договора в Мосфильм? Или не надо?

3. Леонова я Фуками послал заказной бандеролью 13 марта с. г. Письмо ему напишу сегодня же. Интересно, какими это он словарями пользуется, бедняга, если не может перевести выражения типа «портить кому-либо кровь» или, скажем, «верблюжья упряжь»?

4. ПнО для Фуками у меня просто нет. Ни одного авроровского комплекта не осталось. Может быть, обратиться в ВААП, чтобы они «отэрили»[1] и послали? Ведь если мы пошлем рукопись, то ее не пропустят.

5. СЗоД у меня никак не идет — мешает антураж. Попытаюсь все-таки сделать Щекна — там хоть антураж уже готов, и можно о нем не думать.

6. Да! В мосфильмовском договоре почему-то указаны неверные на меня данные (устаревшие). По-моему, я тебе давал новые. На всякий случай повторяю: паспорт <...>.

Вот пока и всё.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Письмо Бориса брату, 12 апреля 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое суровое письмо от 8.04. Втык принимаю с надлежащей покорностию.

1. Инфаркт у Андрюши — это ужасно. Вот невезенье! А на самом деле, наверное, и не невезенье вовсе, а просто они, суки, его таки доканали. Чтоб им всем сдохнуть в этом же году!

2. Письмо Фуками с толкованиями послал заказным авиа. Намучался порядком! Особенно с оборотами типа: «...за грудь тебя, за поганую твою бороду!» или «...какие головы у них там на болотах!» Бедный Фуками! Переводил бы себе Казанцева — горюшка бы не знал.

3. Сейчас здесь Смелков. Я с ним уже побеседовал мельком, а основательно намерен встретиться в пятницу. Очень славный парень, кажется. И жена у него милая.

4. Я очень рад, что ты продолжаешь заниматься своим японским. А то из телефонного разговора у меня создалось впечатление, что ты всё забросил.

5. В Болгарии, видимо, намерены переиздать ТББ. Просили через Брандиса фото. Отнесу их ему на той неделе.

[1] То есть сделали копию на электрографическом репродукционном аппарате (ЭРА).

6. По поводу анахронизма «Гиперболоида» я, разумеется, остаюсь при своем мнении. Я даже точно могу сказать тебе, кого они сейчас цитируют, кроме Стругацких: Снегова и Азимова. Но поскольку ничего интересного придумать не могу, то и затыкаюсь.

7. Из «Авроры», впрочем, ни гласа, ни воздыхания.

Вот и всё пока.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

14 апреля 1978

<...>

Очень неважные переводы Марковой японских хокку — в частности, Басё. Надо найти японский оригинал и позвать Арк. Стругацкого. Думаю, я не ошибаюсь. Во всяком случае, русского языка она не знает[1].

<...>

15 апреля 1978

<...>

Как всё это понять?

1. Брак пленки в 3 очереди. 2700 м (Рерберг).

2. После замены оператора и директора Калашников отказывается продолжать работу и уходит (сняв 250 м).

3. Выгоняю Бойма за пьянство.

4. Выгоняю Абдусаламова за хамство.

5. Денег на две серии (чтобы продолжить фильм) не дают. А только на завершение расширенной до 2-х серий картины.

6. В мае надо начать (вернее, продолжить) съемки — с 5 на 6 апреля у меня ***инфаркт***.

7. Сдали с О. Сурковой рукопись в «Искусство». Получил кучу замечаний, означающих неприятие книги.

Это, конечно, чудеса — но со знаком минус. <...>

[1] Типичное для «Мартиролога» негативное мнение Тарковского об упоминаемых личностях. Конечно же, его не разделял как АН, ученик В. Марковой, так и японцы, удостоившие ее ордена «Священного Сокровища».

Из: Суркова О. Тарковский и я

<...>

Порвав отношения с А. Боймом, на втором «Сталкере» Андрей стал уже сам художником-постановщиком своего фильма. Лишние постановочные за это ему, конечно, капали, но, увы, где его собственные художественные разработки, кроме одного эскиза?.. А работать при такой ситуации было бы некому вообще, если бы не несколько обычных русских сумасшедших с сохранившимся пионерским сознанием, готовых работать день и ночь за себя и за того парня, как пелось тогда... Так что всё это выглядело как-то настораживающе грустно...

На втором «Сталкере» Андрей не пил совершенно, так что с «народом» не смешивался вовсе. А поселила его Лариса вместе с собой в очень маленьком особнячке, подальше от служивого люда, завладев полностью сама рабочим пространством — ну, прямо-таки царствующая императрица. То есть по существу Андрей оказался в изоляции с очень урезанным числом подлинных коллег-профессионалов.

<...> Наконец-то Лариса завладела штурвалом полностью, и я до сих пор не устаю удивляться, что из всей этой бури в стакане воды все-таки выплыл «Сталкер»... Господи, сколько можно было бы сохранить Андрею сил, если бы... Если бы его по-настоящему беречь...

<...> Самостоятельно Лариса выплыть, конечно, не могла бы. Чудес не бывает. Но ее люди в меру своих сил и возможностей служили ей верой и правдой, взваливая на свои плечи ее обязанности по частям и обеспечивая в то же время ее неумеренные возлияния. Араик оставался в ближайшем окружении, точно сообразив, кто здесь хозяин. Он, Володя Седов и неизменная Маша Чугунова — были в первом и постоянном эшелоне Ларисиных доверенных лиц. <...> Большую часть своих собственных обязанностей по работе Лариса царственно передоверила Маше, которая старалась изо всех сил что-то сделать и как-то обеспечить весь съемочный процесс... Только так можно было хоть как-то помочь Андрею. Все пути вели через Ларису, но пользовались ими из высших соображений, желая и стараясь на свой лад как-то выволакивать картину.

Письмо Аркадия брату, 18 апреля 1978, М.— Л.

Дорогой Борик!

Написал было вчера тебе письмо, ан — приходит письмо от тебя, то разорвал, пишу новое.

1. Был у Тарковского. Лежит, но уже разрешили садиться два раза в день на десять минут. Бодр, работает. Ранее предположенное — выезд в Таллин в середине июня и режимные съемки (съемки утром, подготовительная работа ночью) — остается в силе. Врачи объяснили инфаркт именно так, как ты: резкое увеличение адреналина в крови, вызванное нервным раздражением.

2. В «Пионерке» после правки, которую я сделал (убрал всё, что напоминает о педагогах, в том числе и детали сцены допроса), практически все согласны и радостны. Не прочитала и не подтвердила еще только главная, понеже заперлась и составляет какой-то отчет. Но вот-вот закончит и прочитает, тогда всё станет ясно. В частности — когда (и если) начнут публикацию.

3. Ездил в ПисДом сдавать фото и анкету на предмет обмена билетов, встретил Мелентьева («33 марта»[1]). Ему поручено составить альманах детской фантастики и приключений. Просил что-нибудь. Я ему рассказал о сказке, он вцепился. Думаю послать. Не его, а рукопись. Ему. Мы ничем не рискуем, а выгоды (тиражи и пр.) очевидные. Вот только с экзами трудно.

4. Вдруг прислали два экза ГДРовского сборника советской фантастики с «Попыткой к бегству». Нужно тебе? Полгода назад уже присылали его.

Пока всё.

Приветы твоим. Обнимаю, Арк.

P. S. Замечания по ПоДиН учту. Но насчет болезни Паркинсона пусть останется как есть.

Экз договора с Мосфильмом оставь. Паспортные данные там не имеют значения. В заявлении в бухгалтерию от твоего имени твои паспортные данные внес новые, ты мне их давал.

[1] Повесть 1957 г. «33 марта. 2005 год».

Письмо Бориса брату, 21 апреля 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 18.04. Очень рад за Андрюшу, но что-то сомневаюсь, что ему хватит двух месяцев для оклемания от инфаркта. Или он лично не собирается на съемки в июне?

Пришли деньги из Мосфильма за С-С. Наличными 615.00. Очень мило.

Из «Авроры» ни звука.

Насчет болезни Паркинсона ты бы все-таки изменил. Нелепо же объявлять вполне реальный паркинсонизм (симптомы коего мы сами же и приводим) болезнью, «вынырнувшей из области смутных фантазий» или как там у тебя сказано.

Заходил ко мне Л. Б. Хаес — председатель Клуба любителей ф-ки в г. Кемерово. Очень симпатичный дядька. Одарил меня бочонком меда и всячески на нас молился. Между прочим, Муля Левин — это твой знакомый? Его в составе группы театра, что на М. Бронной, приглашали на заседание Клуба. Что он там о нас нес! Например: как Стругацкие начали писать. Молодые Стругацкие фланировали по Невскому (скажем) проспекту. От нечего делать склеили двух девиц и для вящего склеивания представились писателями-фантастами. А потом решили: а почему бы и в самом деле?.. Прочие его рассказы были еще большей пошлятиной (если, разумеется, верить Хаесу, но вряд ли он врет — слишком уж был возмущен).

Отдать ПоДиН Мелентьеву — одобряю обоеручно.

А у меня никаких событий не происходит. Машину чиню. И дни рождения праздную. Спасибо, кстати, за поздравление.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Письмо Аркадия брату, 25 апреля 1978, М.— Л.

Дорогой Борик!

Получил твое письмо от 21-го.

1. Как я понимаю, 615 ряб, кот. ты получил, — это первая порция по новому договору. Значит, каждому из нас полагается по 410 ряб. Я отдам Тарковскому из своих, а излишек в 205 ряб пусть остается у тебя в погашение моего тебе долга. Теперь я тебе должен остаюсь 200 ряб. Так? Я еще за С-С не получил. Вчера снова звонили по поводу твоих координат для бухгалтерии. Видимо, будут переводить вторую порцию. По моим подсчетам, после этого я останусь тебе должен что-то вроде 80 ряб, которые сразу же тебе перешлю, как только получу эту самую вторую порцию.

2. Только что покончил дело с «Пионеркой». Трусы поганые. Сцену допроса подсократили изрядно, убрав все аппетитные описания. Я упирался, а потом махнул рукой. Хрен с ними. Печатать начнут в начале июня, ибо весь май намерены прославлять съезд ВЛКСМ[1].

3. Экз. ПоДиН Мелентьеву отослал.

4. Послал в бухгалтерию ВААПа письмо с официальным запросом, где наши деньги из США, Швеции и Аргентины. Информацию о том, что гонорары эти в ВААП из-за границы поступили, Бела мне дала вполне официально, она же посоветовала сделать этот запрос.

5. Жди перевода маленького гонорара (ок. 60 ряб) из «Диафильма», там переиздали нашу ленту, кот. мы сделали 15 лет назад[2].

6. Гиша Гуревич сообщил, что не только Ганичев, но и Медведев уходит из МолГв в «Комсомолку». Кто на его место — никто не знает. Чем это пахнет для нас — тоже.

Вот пока всё.

Привет твоим.

Обнимаю, твой Арк.

---

[1] XVIII съезд ВЛКСМ (25–28.04.1978).

[2] «Десятая планета Тайи» по мотивам ЧаПр.

Письмо Бориса брату, 28 апреля 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 25.04.

1. Долго с Адкой решали твою головоломку по поводу наших расчетов и решили, что ее надлежит послать в «Квант» — пусть-ка юные вундеркинды ее порешают! Вот мое решение. а). Ты был должен мне 415, б). Каждому из трех соавторов полагается с первой выплаты по 410. Эрго: ты платишь Тарковеру 205 (за себя) и 205 (за меня). А значит, легко видеть, остаешься мне должен 415 – 205 = 210. (У тебя в ответе получилось каким-то образом 200 — разница несущественная, но принципиальная!)

2. Была у меня Танька Чеховская с Ремом[1]. Трепались часа три очень мило. Она тоже утверждает, что Ганичев забирает с собою Медведева в «Комсомолку». (Та еще станет газетка!) Между прочим, очень она разволновалась, что мы написали сказку, и требует, чтобы было позвонено Севке[2]. Севка, мол, обязательно ее пристроит в ближайший МП. Зачем, мол, вам ждать лишний год? Я лично считаю ее доводы резонными, а ты уж там смотри сам.

3. Было у нас отчетно-перевыборное. Ничего особо интересного не произошло. Разве что впервые в истории Ленинградской организации целый абзац отчетного доклада был посвящен ф-ке и необходимости ее публикования. Из шести гадов, которых надлежало забаллотировать в правление, удалось забаллотировать только двоих, но остальные получили так много против, что вряд ли займут сколько-нибудь ответственные посты.

4. Из «Авроры» ничего. Видел Горышина на собрании — он, гад, глаза отводит. Ну и хрен с ними. И то сказать — сказочка слишком уж детская.

Пока всё.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

---

[1] Щербаков Рем Леонидович, журналист, литературовед, сценарист.

[2] Здесь и далее — Ревич Всеволод Александрович, журналист, литературовед, друг АБС; муж Чеховской.

Письмо Аркадия брату, 10 мая 1978, М.— Л.

Дорогой Борис!

Письмо твое от 28-го получил еще 4-го, собрался сразу отвечать, да тут прихватила меня межреберная невралгия — пять дён ни встать, ни сесть. Ну, нынче встал.

1. Извини, что задал вам с Адкой головоломку — исчислять, сколько я тебе должен. Каюсь, хотел зажилить у тебя десятку. Хе. Хе. Шутка. Итак, пока должен я тебе 210.

2. 1-го мая были с Ленкой у Биленкиных, были и Ревичи. Накануне Севка позвонил мне насчет ПоДиН, попросил принести. Я и принес, отдал ему для МП. Знал бы, что он собирает МП, сразу ему бы направил. Теперь придется объясняться с Мелентьевым. Ничего, переживет. Татьяна уже звонила, сказала, что Севке понравилось, дал читать в Детгизе. А у Биленкиных было скучно.

3. Не понял, что с ПоДиН в «Авроре». Отведение Горышиным глаз при встрече, конечно, важное препятствие к разговору, но всё же, может, стоило бы выяснить? И если нет, то сразу в «Костер». А? Они же там, кажется, рядом, для переноса рукописи и носильщика бы не понадобилось.

4. Какие обстоятельства с нашим сборником в Ленинградском СовПисе? Носил ли ты? Давал ли кому-нибудь? Отпиши. Если бы у нас сейчас был хотя бы негативный результат (т. е. если бы сборник с порога отвергли бы), это было бы более полезно, нежели неопределенность.

5. Из ВААПа пришло (видимо, как реакция на мое письмо Коженову) сообщение о выписке нам денег из США. Прислано 1200, причитается 400. Или что-то в этом роде. Я во Внешпосылторг еще не ходил. Получил ли ты?

Пока всё. Обнимаю, жму. Твой Арк.

Привет Адке и Андрею.

Письмо Бориса брату, 16 мая 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 10.05.

1. Дозвонился, наконец, сегодня до «Авроры». Как и следовало ожидать, они считают ПоДиН неподходящей по возрасту. Говорили извиняющимися голосами, спрашивали, нет ли какой-нибудь повести, жаловались, что читатели завалили их письмами с требованиями Стругацких. В общем, на днях я туда зайду, заберу рукопись и отвезу ее в «Костер» (он, кстати, совсем не рядом с «Авророй», а довольно-таки далеко от нее).

2. Извещение из ВААПа о четырех с лишним сотнях из США я получил уже довольно давно. А вот вчера пришло еще одно письмо, нестандартного образца, где сообщается, что мне из США положено иметь 1907 руб. 99 коп. «В связи со значительностью суммы ее отправка почтой не может быть произведена». Предлагается либо приехать за деньгами, либо дать кому-нибудь доверенность. «Отправка переводов в чеках по частям не производится». (Почему, интересно?) Словом, как ты посмотришь, если я к вам нагряну на денек? Вместе съездим за чеками, потреплемся, то, се... Если ты в принципе не возражаешь, напиши, когда мне будет удобно нагрянуть. Годится любой день, кроме субботы и воскресенья, когда, согласно письму, Внешпосылторг закрыт. Если же вам сейчас не до меня, пиши прямо, тогда я оформлю доверенность и перешлю ее тебе.

3. Получил от Фуками письмо, адресованное господам А. и Б. Стругацким. Посылаю тебе твое. В моем нет ничего отличающегося, кроме того, что он пишет, что осенью выйдет ОО (который он с беспокоящим меня упорством называет «НЕобитаемым островом»!) и что по поводу ПнО «одно издательство ведет переговоры с целью взятия издательского права с ВААПом». В моем письме вопросов нет, а в твоем есть — вот ты ему и ответь!

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Бабу Лену и Деда Аркашу поздравляю! Хотя с чем тут, собственно, поздравлять?

Письмо Аркадия брату, 21 мая 1978, М.— Л.

Дорогой Борик!

Получил твое письмо от 16.05. Долго идут письма все-таки.

1. В «Пионерке» тоже провал. 16-го внезапно позвонила зав. литотделом и плачущим голосом известила, что они вынуждены отказаться от повести. Видишь ли, двое завотделами у них против. Врет, конечно, что-то там другое. Вообще ощущается опять некое давление, но откуда, почему — не понять. Возможно, это связано с новыми слухами о том, что то ли кто-то из Стругацких, то ли оба они рванули когти. Я собираюсь звонить в ЦК Сенечкину или Деревянко с требованием воздействий на «Пионерку». Формально, конечно, договора нет и пр., но «Пионерка» испортила нам связь с «Молодым дальневосточником». Да и вообще — грязно это, пусть им там влупят. Ну, а ты не сомневайся, волоки повесть в «Костер».

2. Гораздо удачнее дела сложились на кинофронте. Все-таки я молодец, что не махнул рукой на ТББс и продолжал работать со сценарием весь март и начало апреля. 15-го позвонила И. Тарковская и ликующе сообщила: прочитал Ростоцкий — ему нравится, прочитал Бирюков (директор «Горького») — ему нравится, сценарий принят окончательно и послан в Госкомитет на предмет приказа на запуск. Так что когда получишь письмо со студии с извещением о принятии, сейчас же шли в бухгалтерию заявление — ну, ты такое уже посылал.

3. Андрей Тарковский потихоньку выздоравливает, ходит гулять, скоро поедет на курорт. А как со съемками «Сталкера» — всё еще неясно.

4. По поводу извещений из ВААПа. Срочно отпиши: а) когда именно пришло тебе извещение на четыре сотни и получил ли ты эти деньги. б) насчет второго извещения — 1907.99 на руки или с последующим извлечением из них налогов и пр.

5. Твой приезд, сам понимаешь, приветствую. Тем более, всего на два-три дня. Но тут такая штука. В результате

неустройства дел на Бережковке Наталья с младенцем и Эдик[1] живут у меня. Пеленки, не курить и некуда деться. Так что придется слегка обождать. Кажется, недели полторы или две. Как только они съедут, я тебе немедленно телеграфирую и буду ждать твою телеграмму.

6. НЕобитаемый остров пусть тебя не беспокоит. Японское название будет другое.

7. На днях виделся с Бромбергом относительно мюзикла. Выяснилось, что в целях тактических срок представления нам следует оттянуть до сентября. Это мы (я) оформим через месяц просьбой о пролонгации. К писанию же сценария я уже приступил: начертал довольно подробный план.

Пока всё. Обнимаю, твой Арк.

Приветы Адке и Андрею.

P. S. А как все-таки с СовПисом?

Письмо Бориса брату, 25 мая 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 21.05.

1. Хрен с ней, с «Пионеркой». Не больно-то мы много потеряли на этом: денег — гроши, а славы — и того меньше. Я же, в свою очередь, отвез из «Авроры» рукопись в «Костер» на прошлой неделе, 19-го. Ребята там знакомые, приняли дружески, но их почему-то смутило, что повесть должна идти в «Пионерке». Какие-то у них там сложные отношения с «Пионеркой». Впрочем, они сказали, что все эти трудности обходимы. Посмотрим. Мне, честно говоря, на эту сказочку наср...: не люблю я ее.

2. Не гони меня с СовПисом. Сейчас нести туда рукопись — гроб. Я выжидаю кой-каких событий. Лишние два-три месяца, согласись, роли не играют. Я понимаю твою мысль, что отказ там мог бы быть нам полезен. Но благосклонность, согласись, была бы еще полезнее. Потерпи еще немножко, ну хотя бы до встречи.

[1] Здесь и далее — Фошко (урожденная Воскресенская) Наталия Дмитриевна, приемная дочь АНа; Фошко Эдуард Львович, зять АНа.

3. Разумеется, я готов ждать, пока твои горизонты расчистятся. Дело терпит. Просто напиши, когда будет можно нагрянуть, и я нагряну.

4. Теперь твои вопросы относительно ВААПа. Стандартное письмо насчет 418 р. из США я получил числа 2–5 мая (датировано оно 26.04). Сами чеки до сих пор не пришли. Я, между прочим, сразу же написал им письмо: за какие произведения этот гонорар и сколько он составляет в долларах, если бы я захотел положить их во Внешторгбанк. Ответа не последовало.

Нестандартное письмо пришло из Внешпосылторга. Начинается оно так: «Сообщаем, что по переводу Внешторгбанка СССР от 5.05.78 на Ваше имя поступили 1907.99 руб. в чеках. (От руки: США, гонорар)». А далее я уже тебе цитировал: «В связи со значительностью суммы...» и т. д. Так что, видимо, это уже за вычетом налогов. Но неясно, включены ли сюда те четыре сотни или нет.

А ты что — ничего этого (в смысле, писем) не получал?

5. Из Диафильма 58 руб. получил, а вот за «Сталкер» больше так и не прислали ничего после тех шести сотен. А ведь, кажется, должны были?

6. Напал на меня из-за угла шведский финн Бен Как-Бишь-Его-Там[1]. Интервьюировал. Славный парнишка.

7. А что, насчет НВ в МолГв так ничего с тех пор и не слышно? Или, может быть, что-нибудь было, да ты за хлопотами забыл мне написать?

8. Звонила Ирена[2]. У нее ужасное горе — скоропостижно умер Витольд. Тут мы помочь не в силах, а вот не мог бы ты отнести ПоДиН Беле, чтобы официально переслать через ВААП Ирене? Все-таки был бы ей заработок, она очень просила. Нельзя ли то же самое учинить со сценарием Сталкера? Поговори с Андреем, может, он согласится.

Пока всё.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет и сочувствие!

---

[1] Хеллман Бен, финск. филолог-славист.

[2] Здесь и далее — Левандовска Ирена, польск. журналист, переводчик.

25 мая БНу пишут из журнала «Костер».

Из архива. Письмо БНу из журнала «Костер»

Дорогой Борис Натанович!

Суровая обязанность редактора журнала — писать правду и терять друзей. Думаю, что Вы — такой прекрасный писатель и человек, будете исключением и мы останемся друзьями.

Вашу сказку «Повесть о дружбе и недружбе» прочитал едва ли не раньше всех в редакции. У нас в «Костре» принято: единоличного одобрения главного редактора достаточно для опубликования рукописи, но отвергает рукописи писателей только редсовет. Сказку уже читают, я дам ее Погодину и Сладкову, отрецензирую у фантастов секции, но мнение свое уже сейчас не хочу таить.

Сказка написана усталым человеком (неважно, что авторов двое). Она неулыбчива и предсказуема. Энтропия сюжетных ходов невелика. Если это мини-пародия на «Черную курицу» и «Алису в Зазеркалье», то она недостаточно остра. Особенно меня огорчило использование в пиковой ситуации с ВЭДРО-м расхожей схоластической «мудрости» 300-летней давности...

Не сердитесь. В редакции до сих пор радость: «Мы будем печатать Стругацких!»

Подождем до редсовета.

Жму руку [подпись С. Сахарнова]

30 мая Авторов информирует киностудия детских фильмов.

Из архива. Письмо к АБС от сценарно-редакционной коллегии Киностудии детских и юношеских фильмов

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Мы ознакомились с третьим вариантом Вашего сценария «Трудно быть богом» («Человек спускается в ад») и считаем возможным принять его как литературную основу для киносценария (новая форма работы над сценарием, пред-

шествующая написанию режиссерского сценария). Необходимую дополнительную работу — сокращения, некоторые уточнения и др. — которую мы должны подробно оговорить с Вами, мы будем Вас просить провести в процессе написания киносценария.

Вопрос о включении Вашего сценария в тематическо-производственный план Студии будет решен особо.

Директор 3-го творческого объединения В. И. Тарасов

И. о. главного редактора 3-го творческого объединения В. П. Погожева

Письмо Аркадия брату, 2 июня 1978, М.— Л.

Дорогой Борис.

Получил твое письмо от 25-го.

1. Послал письмо Деревянке с жалобой на «Пионерку» — не на предмет заставить их напечатать, а чтобы сообщили мне о причинах такого их поведения.

2. Отправился я получать чеки на 418 ряб, а мне выдали 1907 ряб. Я удивился, но смолчал. Судя по всему, 418 входят в эту сумму, но не исключена возможность, что это деньги совсем из другой страны (скажем, из Аргентины или Швеции), а <...>, которая посылала нам письма, по обыкновению страны перепутала. Когда ты приедешь, если ответа тебе из бухгалтерии не будет, вместе напишем письмо Панкину, чтобы он этот бардак, наконец, прекратил.

3. Были мы у Ревичей, встретились там с одним болгарином, который оказался еще и армянином[1]. По словам Таньки[2], он специально приехал в Москву на два дня, чтобы повидать хоть одного из Стругацких. Хороший парень: всё время молчал и пялился на меня, я уже стал бояться за свою невинность. Так вот Севка сообщил, что теперь «Мир приключений» не публикует произведений, побывавших в газетах или журналах. Ну, с этим мы еще разберемся.

[1] Мелконян Агоп Мегердич, болг. писатель, журналист, переводчик.

[2] Здесь и далее — Чеховская Татьяна Петровна, журналист, редактор, супруга Ревича.

4. Полагаю, ты уже получил письмо со студии Горького. Мне получать деньги 9-го, а твои я приказал перевести тебе на книжку. Так что пошли им на всякий случай координаты своей сберкнижки.

5. Последние платежи за «Сталкер» пока еще проходят через бухгалтерию. Тарковский сказал, что переведут нам в ближайшем будущем.

6. Из МолГв ничего не слыхать. Я узнал только, что Медведев там остался. Приедешь — поговорим, как узнать. Может быть, напишем ему, сукину сыну.

7. Ирену жаль. Но. У меня нет экза ПоДиН. Тот, что мне вернули из «Пионерки», безобразно ими исчеркан. След., надо его перепечатывать. На это надобно время. Что же касается сценария «Сталкера», то я категорически против публикации его где бы то ни было до выхода фильма. По соображениям тебе, должно быть, понятным.

8. Звонила Бела. Американцы просят ДР. Надобно улучить время и свезти ей экз для ксерокопирования. Вся беда в том, что нет у меня сейчас свободы маневра. Я могу отлучаться только вечерами, когда возвращается с работы Эдик, а вечерами, сам понимаешь, все конторы закрыты.

Вот всё пока.

Обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Андрею.

Письмо Бориса брату, 5 июня 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 2.06.

1. Прислал письмо главред «Костра» Сахарнов. Начинается оно так: «Суровая обязанность редактора журнала — писать правду и терять друзей». Письмо вполне дружеское (более чем вежливое), но ПоДиН ему явно не понравилась. Цитирую: «Повесть написана усталым человеком... Она неулыбчива и предсказуема. Энтропия сюжетных ходов невелика... Особенно меня огорчило использование в пиковой ситуации... расхожей схоластической «мудрости» 300-летней

давности...» Он пишет, что в «Костре» порядок: одобрения главреда достаточно для публикации рукописи, но чтобы ее отвергнуть, нужен редсовет. Пишет, что отдал рукопись на рецензию Сладкову и Погодину, и кончает так: «Не сердитесь. В редакции до сих пор радость: «Мы будем печатать Стругацких!» Подождем до редсовета». Подпись, всё. Так что Севка, видимо, может быть спокоен — повесть НЕ будет опубликована ни в газетах, ни в журналах. Кстати, по сведениям из Москвы Мелентьев до сих пор уверен, что ПоДиН принадлежит ему. Ты бы позвонил ему, что ли.

2. Письмо с к/с Горького получил. Если бы не твои комментарии, никогда в жизни бы я из этого письма не понял, принят сценарий или нет, полагается сумма прописью или отнюдь. Ну, а теперь, конечно, напишу туда немедленно.

3. По сообщениям из Москвы, Медведев лежит со стенокардией. Может быть, поэтому сборник не двигается ни туда, ни сюда.

4. Ответа из ВААПа на мои вопросы нет и в помине. <...>

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночку поцелуй.

Закрепившиеся в ежегодных анонсах издательских планов «Молодой гвардии» «Неназначенные встречи» раздражают уже не только самих Авторов, но и любителей фантастики. Ответ издательства (от 6 июня 1978 года) на свое письмо омич Марат Исангазин переслал Авторам.

Из архива. Письмо Марату Исангазину из МГ

Уважаемый тов. Исангазин!

Прочли Ваше письмо. Спасибо за внимание и уважение к нам и книгам нашего любимого столь и столь же многотрудного жанра. Нам всегда приятно получать от читателей письма с высокой оценкой работы редакции. Целиком согласны с Вашим мнением, что фантастика «не должна уводить в звездные дали», а помогать «лучше вглядываться в окружающий нас

мир и бороться за осуществление светлого будущего — коммунизма». Можно, наверное, добавить, что фантастика должна еще учить человека глубже понимать окружающий нас мир во всех его сложностях и утверждать на земле высокие гуманистические идеалы, бороться за них против чуждой нам — людям социалистического общества — буржуазной морали, согласно которой, как известно, «человек — человеку — волк». И об этом — все наши книги. В этом — цель нашей интересной и напряженной работы, которая уже не раз получала довольно высокую оценку, в том числе, и это самое главное, наших уважаемых читателей. Поэтому тем более непонятными нам представляются выражения Вашего письма: «долгое время плодотворно помогали», «Это вы, по-моему, должны понимать» и т. д. К сожалению, нельзя не признать излишнюю субъективность подобных суждений, как, впрочем, и в отношении творчества А. и Б. Стругацких. А разве можно пройти мимо творчества таких известных всему миру советских писателей-фантастов, как А. Толстой, А. Беляев, И. Ефремов? А А. Казанцев, В. Немцов, М. Белов и многие другие?! А наша талантливая молодежь — В. Щербаков, М. Пухов, С. Павлов, Б. Лапин, В. Назаров, М. Клименко, В. Колупаев и т. д. и т. п. При чем же здесь американцы? (Кстати, неплохо Вам посмотреть сб. «МГ» «И грянул гром...».) Что касается сб. Стругацких «Неназначенные встречи», то мы и сами с нетерпением ждем, когда авторы завершат работу над ним. Что касается «интересной ситуации», то редакция не видит в ней того «интереса», который почему-то вдруг увидел автор письма. В самом деле, что же необычного в том, что по опубликованной повести («Аврора», 1970) снимается фильм «Сталкер». В конце концов, это компетенция студии и режиссера, а не нашего издательства, и, естественно, усматривать здесь какую-то связь, по меньшей мере, неправильно. Таков наш ясный и простой ответ.

Научный редактор редакции фантастики,
приключений и путешествий
Д. Зиберов

Письмо Аркадия брату, 11 июня 1978, М.— Л.

Дорогой Борис.

Письмо от 5-го получил.

1. Письмо Сахарнова — обыкновенная редакторская уловка, когда ссориться не хочется, а отказать надо. Шут он гороховый, судя по цитатам. Кстати, с каких пор малость энтропии хотя бы и сюжетных ходов считается недостатком? Ладно, хрен с ним. Мелентьеву послал письмо. В самом деле, послал ему повесть в самом начале апреля, а ни слова от него не получил. Имеем полное моральное право отдать рукопись Ревичу.

2. 9-го был на к/с Горького, получил полный расчет — 1323 р. Напомнил, чтобы тебе перевели. Сказал, что письмо ты пришлешь.

3. Получил в один день из ВААПа извещение на гонорары из: Югославии, Испании, Финляндии, Голландии и Швеции, всего на сумму ок. 300 руб. Получил ли ты?

4. Был у Белы, по ее словам, болезнь у Медведева дипломатическая, боится попасть на глаза новому директору и выжидает, пока всё не успокоится. Отчего боится — не понял и спрашивать не стал.

5. Положение дома прежнее. Ремонт затягивается и соответственно. Вдобавок, рвутся родственники Эдика из Горловки. Пока сдерживаем.

Обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Андрею.

Письмо Бориса брату, 13 июня 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 11.06.

Очень тебе сочувствую. Трудно быть дедом! Бр-р-р! Подумать страшно!

Извещение из ВААПа получил тоже. Причем с припиской, являющейся частичным ответом на мой запрос. А именно: «Одновременно сообщаем, что сумма 418 руб. 92 коп.

составляет 599.31 долларов». Ты чуйствуешь? Это означает, что нам за каждый доллар дают 0.7 чековых рубля. Ну и грабеж! Раньше, во времена бесполосых сертификатов, сертификатный рубль стоил примерно 5 обыкновенных, а ведь нынешний чековый равен обыкновенному. Все-таки такого грабежа я надеялся избежать. Ну, что тут будешь делать? Придется нам это скушать, как и всё прочее. Куда жаловаться? Кому? Хоть бы это было массовое явление, а то ведь таких, как мы, получающих крупные суммы, раз-два и обчелся. Может, не брать долларовые гонорары? Класть их в банк в виде долларов? Так ехать за границу неохота... Черт бы их всех подрал!

Что у Медведева болезнь дипломатическая, слышал и из других источников. Очень может быть. Нам, впрочем, от этого удовлетворение только разве что моральное.

У меня никаких существенных новостей нет. Занимаюсь, главным образом, семинарскими делами.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет. И домочадцам.

По договоренности с братом АН 21 июня пишет в ЦК ВЛКСМ.

Из архива. Письмо от АНа в ЦК ВЛКСМ

Уважаемый тов. Егоров!

Согласно Вашей просьбе отсылаю Вам рукопись «Повести о дружбе и недружбе».

К сожалению, другого экземпляра у меня нет (было три: один находится в книжном издательстве, 2-й и 3-й были предоставлены «Пионерской правде»). Это 2-й экземпляр, в нем содержатся поправки редакции, но не все: начиная со стр. 51 участок, подвергшийся самым основательным поправкам, заменен страницами из 3-го экземпляра, оставшегося в редакции.

Спешу напомнить, что, как мы объяснили в письме на имя тов. Деревянко, мы больше не претендуем на публикацию повести в «Пионерской правде». Мы хотим только получить

объяснение безобразному поведению редакции в отношении нас.

Большая просьба: по миновании надобности верните, пожалуйста, рукопись.

С уважением,

А. Стругацкий

П<осле> Н<апечатанного>: Еще одна просьба! 28 марта с. г. мы передали окончательно исправленную рукопись злополучного сборника «Неназначенные встречи» зав. редакции фантастики и приключений тов. Медведеву. С тех пер мы ничего не знаем о её судьбе. Медведев болен, спросить не у кого. А Вам стоит только поднять телефонную трубку. Окажите любезность, узнайте, что там делается. Мы с братом будем Вам очень благодарны.

Письмо Аркадия брату, 22 июня 1978, М.— Л.

Дорогой Борик.

Письмо твое от 13-го получил еще 17-го, однако за всякими хлопотами собрался написать тебе только сегодня.

1. Наталья с Эдиком выехали в ту субботу. Вчера Машка защитила диплом (на четверку), а перед этим было много соплей и истерик, в результате чего (подробности опускаю) она переселилась к нам. Впрочем, это не препона, и в любой день после получения этого письма ты можешь приехать сюда. Жду телеграмму.

2. Из твоего письма я так и не понял, входят ли 418 р. в те 1900 с чем-то, которые присланы из США. А вообще обо всех гонорарных делах поговорим при встрече.

3. Днями получил я приглашение выступить в Палермо на международной конференции по фантастике. Как я понял из сопроводиловки, конференция именно по фантастике (научная), а не фантастов. Подумал и решил согласиться поехать. Или ты поедешь, это неважно. Тоже обговорим. Но поскольку заявку на доклад и аннотацию предлагается выслать туда к 15 июля, я пошлю это нынче же, а доклад озаглавлю «Главное направление современной

НФ: мифология и/или особый метод конструирования картины реальности». Остальное при встрече. Конференция в октябре.

4. Занимаюсь помаленьку переводом и мюзиклом.

Больше новостей нет.

Обнимаю, твой Арк. Привет Адке.

Письмо Бориса брату, 27 июня 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 22.06.

1. Сегодня иду за билетом. Поскольку тебе всё равно, ориентируюсь на собственные дела: постараюсь взять билет на 9 июЛя и обратный — на 11 июЛя (на дневной поезд). Тогда у нас с тобой будет день на Внешпосылторг, полдня запаса на него же и два вечера для обсуждения дел. Как только билет будет в руках, телеграфирую.

2. Получил вчера кучу извещений на получение чеков, именно: 466.99, 143.43, 507.47, 211.28. За что? Откуда? Ни с одной цифрой из предшествующих писем ВААПа названные суммы не совпадают. Ну и кабак! Входят ли вышеупомянутые 418 р. в сумму 1902, за которой я приеду, неизвестно. Почему-то я льщу себя надеждой, что НЕ входят, но серьезных оснований для такой надежды нет. Я привезу с собой подробный список всех моих получений, и мы сравним и обсудим.

3. В Палермо, разумеется, поезжай! Что за вопрос? Доклад обсудим при встрече. Собственно, идей по этому поводу у меня нет.

4. Никаких новостей не имею. Занимаюсь марочками и чтением чужих рукописей. Размышляю, впрочем, и о будущей работе. Придумал еще один сюжет — вдруг тебе понравится. Это на базе «Человека, которого все принимали за пришельца».

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет.

В это время Андрей Тарковский в дневнике замечает:

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

28 июня 1978

Приехали в Таллин. Устроились (я и Лариса) в пригороде у моря. Вроде бы неплохо. Но сегодня первый только день...

<...>

Обошлась бы эта экспедиция! Ведь вторая уже!

Аркадий Стругацкий оказался мелочным и расчетливым, Бог с ним совсем. Из последней выплаты по «Змеям» должен буду ему + 1200 р.

3 июля 1978

Из Ташкента получено 4180 [на двоих]. Аркадию — 1200. Остаток : 890.

<...>

Здесь следует пояснить — что это за «Змеи» и что за денежные расчеты по ним.

«Берегись! Змеи!» — фильм, снятый в 1979 году узбекским режиссером Закиром Сабитовым. Автором сценария обозначен Андрей Тарковский. Нам неизвестно, кто кого просил написать сценарий для Узбекфильма. Вполне возможно, что и АН Тарковского. Но договоренность в части копирайта и распределения гонорара была между ними вполне определенной: копирайт – Тарковского, гонорар — пополам. (Некоторая аналогия просматривается с историей сценария «Сталкера», с необозначенным авторством Тарковского и исправно полученной третью гонорара.)

Роль Тарковского в создании сценария «Берегись! Змеи!» сводилась даже не к сакраментальному «пройтись рукой мастера» по наброскам АНа. Разве что немногие совместные с АНом обсуждения будущего сценария можно зачесть ему в участие. Да еще перепечатку и отправку в Ташкент рукописей вариантов сценария. Причем процедуры эти иной раз оказывались длительнее самого написания сценария. И тем не менее Тарковскому законно причиталась половина гонорара. Вот из-за выплаты второй его половины АНу и возник этот конфликт. Позднее (см. ниже запись в «Мартирологе» от 5 июня 1981 г.) Тарковский ошибочно станет относить его ко времени своего инфаркта. На самом деле уже в конце апреля 78-го Лариса Тарковская через третьих лиц предложила АНу его долю присланного из Узбекистана гонорара отдать позднее. Это

вызвало возражения Елены Ильиничны, и именно она на следующий день позвонила Тарковской и настаивала на немедленной передаче АНу его денег. И тем не менее гонорар был получен не то что «после праздников», а уже в начале июля. И даже не весь, а лишь бóльшая его часть.

Отметим, что финансовые дела самого Тарковского отражены в «Мартирологе» на протяжении всех лет записей. Цифрами долгов и доходов, черновиками жалоб властям на безденежье полны его страницы. Оно и понятно: покинутая семья, новая семья, постройка дома в Мясном, квартира в Москве требовали постоянных и немалых трат. Для Авторов описываемые годы — самые скупые на вновь выходящие книги. Переиздания же и журнальные публикации приносили лишь минимум доходов. А им, как и самому Тарковскому, требовались средства на себя и свои семьи, на кооперативные — ибо надеяться на государство не приходилось — квартиры, на автомобиль БНу, на приобретение путевок в дома творчества. Нигде в переписке мы не купировали упоминания денежной стороны жизни АБС. Внимательный читатель мог ознакомиться и с этой «презренной прозой». Вплоть до конца 80-х, до перестроечного издательского бума, финансовый вопрос стоял для Авторов весьма остро. Выручали зарубежные издания, пусть и с грабительскими отчислениями в пользу государства. (Известна горькая шутка о размере этих налогов в изложении Виктории Токаревой[1].) Так что на доходы от кинематографа и АН и БН очень рассчитывали.

8 ноября 1980 года Тарковский в «Мартирологе» запишет: «Вчера Араик вернулся из Москвы и привез много писем. Все очень трогательные по поводу «Сталкера». Пишут и учителя, и инженеры, и школьники: благодарят и выражают восхищение фильмом. Многие понимают его действительно глубоко и тонко. Одно только ругательное письмо пришло: ругают бездарный сценарий «Берегись змей». А что я могу? Не скажешь же: «Это писал не я, а Стругацкий, по его просьбе, для денег. А фамилия моя для быстрой проходимости». Не скажешь же. Поэтому несколько неприятно, хотя по сути совершенно неважно: не я ведь писал его! А имя? Что имя? Важно, что я знаю, в чем тут дело».

Можно было бы порассуждать в отношении этого, на наш взгляд, странноватого «ругательного письма». Его автор прочел нигде не опубликованный «бездарный сценарий» или всего лишь посмотрел фильм Сабитова? Кино ведь — искусство синтетическое. Непонятно. Мало информации. Но создается впечатление,

[1] Токарева спросила в ВААПе: что это у вас за налог — 80 %? Больше 20 % ведь не бывает? Ей ответили: это прогрессивный налог, у нас кого больше издают за рубежом, у того и процент больше. У Стругацких, например, вообще 101 %! Она спросила — они что, приезжают к вам каждый год и доплачивают? И получила в ответ — да. *http://www.rusf.ru/abs/int0074.htm*

что кто-то чуточку лукавит. Или автор письма, или автор записи в «Мартирологе».

Так или иначе, но через месяц после этой записи Тарковский вновь обращается к АНу за сотрудничеством над новым замыслом — «Ведьма».

Редки теперь интервью АБС в прессе. 16 июня в вузовской газете «Бауманец» выходит интервью с АНом (частично оно процитировано в НС–5, с. 48).

Из: АНС. Мы — оптимисты!

<...>

О современном студенте мне известно, пожалуй, в объеме тех проблем, которые довелось решать двум дочерям-студенткам. Но давайте исходить из того, что студент человек не остывший, чье творение еще не закончено, и он стремится кем-то стать при помощи образования...

— Ну а как вы к нему относитесь? Вот Гете приписывают высказывание, что «образование — то, что остается, когда всё выученное забыто...».

— Всю жизнь каждый из нас строит какое-то здание, и образование — строительные леса... Хоть и не всегда четко знаешь, каким оно должно быть — здание...

— Но какой-то проект, пусть черновой, должен быть?..

— Не знаю... Во всяком случае у меня всегда были поэтапные цели. А импульсом для рождения новых идей служили события случайные, для меня, по крайней мере.

Последний раз я ставил себе «глобальную задачу» — стать специалистом по астрономии — в шестнадцать лет... Жизнь меня поправила. Теперь я синолог, занимаюсь Востоком.

Но человек должен иметь внутреннее здание для себя — занять престижное положение среди себе подобных. И тут уж важен вопрос о понимании престижа — каждый выбирает свой престиж. Ведь это — целый диапазон понятий, порой ни в чем не стыкующихся. Но ничто не требует меньше лезть из кожи, чем культура. Но многие почему-то тянутся к собственным гаражам. Им там лучше.

В молодости важно побеждать, хоть в чем-то, создавать — хоть что-то. И если ты чему-то серьезному научился за пятнадцать-двадцать первых лет жизни, постепенно остается одна мысль — пусть мне дадут спокойно работать. Правда, реализации этой мечты мешает порой честолюбие, себялюбие людей, с которыми мы сталкиваемся в процессе работы... На это уходит определенное время и нервная энергия. Злишься, нервничаешь, совершаешь глупости. Но чем делаешься старше, тем чаще задумываешься, что всё это оттачивает наше умение работать, приспособляемость к работе. Недаром говорят: «голь на выдумки хитра». Когда на тебя давят со всех сторон — более интенсивно ищешь какой-то выход. И он может порой оказаться главной стороной, которую ты прежде, в пору успокоенности, найти не мог. Борьба становится интересной. Противники помогают просчитать большее число вариантов и найти более интересное решение.

— Однако противники всё же существуют для борьбы!

— «Не проходите мимо!» — лозунг хорош, не может не импонировать. Однако в нем скрыта и западня. Следуя ему, ты бываешь вынужден в лучшем случае заниматься «мордобойством» по своей специальности. Либо вмешиваешься в события, понятия о которых не имеешь, руководствуясь только своим представлением или даже чутьем. А чутье — не всегда надежный ориентир.

Думаю, подавляющее большинство социальных пороков исчезнет не благодаря милиции, а благодаря увеличению числа относительно совершенных культурных людей.

— Но не все же могут стать культурными одновременно. И сравнивая себя с окружающими, со своими знакомыми, иной человек может счесть свою судьбу неудавшейся...

— Нонсенс... Что значит неудавшаяся судьба? Не допускаю даже такого термина. Его просто не может быть в тех социальных обстоятельствах, в которых мы живем. Представление о «неудавшейся судьбе» — лишь следствие неправильного воспитания, дурных клише, ложного понимания престижности.

<...>

В июльском номере журнала «Изобретатель и рационализатор» публикуются ответы АНа на анкету.

АНС. Пожелаю вам славы

1. Какие задачи в области техники наиболее близки вам, какие из них наиболее трудно разрешимы и какие должны быть решены в первую очередь?

—

2. Являетесь ли вы членом какого-либо творческого союза, творческой организации и какие возможности, предоставляемые ими, вы цените особенно высоко?

—

3. Какова должна быть специфика организации, в деятельности которой добровольно участвуют творческие инженеры, изобретатели, ученые?

Мне кажется, основа любой творческой организации — наибольшее благоприятствование творчеству в сочетании с требованием результатов.

4. Какие стимулы творческой деятельности цените вы выше всего?

В любой деятельности — и в творческой тоже — есть два главных стимула: материальный и признание. Сказанное не отрицает значения других факторов: радости творчества, сознания полезности своего дела и т. д., но первые два универсальны и наиболее сильны. Заодно хочу здесь же отметить три необходимых требования «к окружающей среде» — доброжелательность руководства, отсутствие помех со стороны конкурентов и свободная дискуссия.

5. Назовите инженеров, изобретателей, ученых, имена которых могли бы олицетворять высшие достижения тех областей науки, техники, культуры, которые вам более всего близки и знакомы.

—

6. Как могли бы вы охарактеризовать психический склад личности изобретателя и его отличия от представителей других творческих поприщ?

Главное для изобретателя — убежденность, что без его личного вклада дело не пойдет. Он уверен, что его работа совершенно необходима. Отсюда страстность, отсюда полная отдача всех сил, а без этого настоящее творчество невозможно.

7. Назовите инженера, изобретателя, ученого, который произвел на вас неизгладимое впечатление.

Из инженеров самое глубокое впечатление на меня произвели два космонавта, которых я знаю лично, — К. П. Феоктистов и Г. М. Гречко. Из изобретателей — создатель алгоритма изобретательства Генрих Альтов. Ученых много. Назову математика — доктора наук Ю. Манина и заведующего кафедрой Московского института инженеров железнодорожного транспорта А. В. Шилейко.

Общая черта, присущая этим во многом непохожим людям, — яркая талантливость, неуемная жажда творчества, без которого они не могут существовать. И еще одно — четкая реализация планов.

Помните, в записных книжках Ильфа: «Выпьем за тех, у кого получается!» У них — получается.

8. Не считаете ли вы изобретательность общечеловеческим качеством и как оно проявляется у вас лично?

По моему мнению, тяга к изобретательству является общечеловеческим качеством, одним из тех, что отличают нас от животных. Просто оно распределяется по-разному — от ленивой мечтательности до одержимости, от прожектерства до способности создавать новые миры.

9. Чего вы хотите пожелать изобретателям страны на ближайшее и отдаленное будущее?

Пора как следует взяться за проблемы экологии — определить границы допустимого разрастания городов. Население увеличивается и будет продолжать увеличиваться, а покрыть всю землю городами нельзя. Значит, нужны какие-то новые решения.

Это то, что хочется получить от изобретателей.

А им самим желаю большей известности, ибо, как я сказал выше, признание — один из мощных стимулов творчества, а изобретателям его, на мой взгляд, не хватает.

Письмо Аркадия брату, 2 июля 1978, М.— Л.

Дорогой Борик.

Получил твое письмо от 27-го. Жду телеграмму.

1. Бела Клюева просила английский перевод ВНМ для ознакомления Люндвалю в Швецию: они ксероксируют и вернут. Привези. Это, по-моему, в сборнике «Вортекс».

2. С этими ВААПовскими извещениями сам черт ногу сломит. Приедешь — попробуем разобраться.

3. Есть маленькие новости, но всё при встрече.

Обнимаю, жму. Привет твоим.

Арк.

P. S. Перед отъездом непременно зайди в сберкассу, погляди на поступления.

3 июля Отдел пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ отвечает на запрос АНа.

Из архива. Письмо АНу из ЦК ВЛКСМ

Уважаемый Аркадий Натанович!

Ваше письмо рассмотрено в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ.

Работники отдела ознакомились с документами, связанными с работой редакции газеты «Пионерская правда» над Вашей «Повестью о дружбе и недружбе».

Редакция предложила Вам отредактировать сказку с тем, чтобы приблизить ее к «своему» читателю. Согласитесь, что «Повесть» была написана для подростков, а возраст читателей «Пионерской правды» — 10–13 лет. Предлагая Вам пойти на изменения в рукописи, «Пионерская правда» руководствовалась одним желанием — донести «Повесть» до юного читателя. После проведенной доработки рукописи редколлегия газеты пришла к выводу, что Ваше произведение требует дополнительной адаптации, и, чтобы не ставить авторов и редакцию в затруднительное положение, было принято решение отказаться от публикации.

Редакции сделано замечание и указано на необходимость более корректной работы с авторами.

О добром отношении редакции к Вам можно судить по тому, что совсем недавно Вы уже выступали в газете со статьями.

Мы поручили издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» сообщить Вам о прохождении в редакции фантастики и приключений рукописи «Неназначенные встречи». Рукопись возвращаем.

Желаем Вам новых творческих успехов.

С уважением

Секретарь ЦК ВЛКСМ А. Деревянко

После состоявшейся в Москве краткой встречи братьев АН направляет 14 июля Анатолию Деревянко весьма доверительное письмо, рассчитывая получить ответ лично от самого заведующего отделом.

Из архива. Письмо от АНа в ЦК ВЛКСМ

Уважаемый Анатолий Пантелеевич!

Прежде всего сердечно благодарю Вас за Ваш исчерпывающий ответ на мое письмо по поводу истории с «Пионерской правдой».

Но теперь возникло несколько вопросов совсем по другому поводу.

1. В своем письме Вы пишете: «Мы поручили издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» сообщить Вам (т. е. мне) о прохождении в редакции фантастики и приключений рукописи «Неназначенные встречи».

Сообщения от «Молодой гвардии» мы так и не получили, зато получили от одного из наших читателей интересный документ. Этот читатель (Исангазин М. Ф. г. Омск) в свое время написал в редакцию фантастики и приключений письмо. О содержании этого письма говорить здесь не место, но в июне он получил от работника этой редакции Д. Зиберова ответ, который и переслал в великом смущении братьям

Стругацким. В этом ответном письме Д. Зиберов черным по белому пишет: «Что касается сб. Стругацких «Неназначенные встречи», то мы и сами с нетерпением ждем, когда авторы завершат работу над ним». Нам известно, что Зиберов является официальным редактором нашего сборника. Я сам в присутствии М. Синельникова (главный редактор) передал рукопись сборника зав. редакцией Медведеву. Это было 28 марта с. г. Никаких запросов от редакции с тех пор не поступало. Одно из двух. Либо Д. Зиберов не знает, что рукопись, редактором которой он является, уже три месяца находится в редакции, и тогда его надо гнать в три шеи (между прочим, его надо гнать и по другим обстоятельствам: он безграмотен и не может быть редактором); либо это наглая провокация — попытка распространить слух, будто Стругацкие САМИ затягивают издание своего сборника. В этом случае его надобно гнать еще более настоятельно.

2. Мне стало известно, что Медведев уходит с поста зав. редакции фантастики и приключений на пост зав. отделом писем «Комсомольской правды». Газетное дело — не моя компетенция, и мое мнение о Медведеве как об ответственном работнике нашей любимой «Комсомолки» Вас не интересует. Но сильно поговаривают, что на место Медведева в редакции фантастики и приключений собираются поставить некоего Щербакова из «Техники — молодежи».

Заклинаю и умоляю Вас, Анатолий Пантелеевич, не допустите этого! Вспомните, что редакция фантастики в «Молодой гвардии» есть единственная в стране! Медведев пустил советскую фантастику на распыл. Щербаков не оставит в ней камня на камне. Мистик, пропагандист «летающей посуды», пропагатор древней чертовщины — неужели ведомственные интересы, выталкивающие этого типа на столь важный пост, важнее интересов советской литературы?

Уважаемый Анатолий Пантелеевич! Если Вас заинтересуют мои взгляды на все эти вещи, я в любое время в Вашем распоряжении. Мой телефон <...>.

С уважением и надеждой,

Ваш А. Стругацкий

ЦК ВЛКСМ 2 августа информирует АНа: «Ваше письмо рассматривается в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. О результатах сообщим дополнительно».

Письмо Бориса брату, 13 августа 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Вот мы и дома. Попутешествовали на славу, чего и вам желаем. Новостей здесь никаких нет, да я и не стремлюсь их узнавать — хочу посидеть хоть полмесяца в бесте[1]. Пришло, правда, письмо от Х. Менке насчет издания в ГДР ХВВ+зМЛдКС. Она спрашивает, по каким изданиям делать переводы. Я намерен посоветовать им обратиться в ВААП за полным текстом зМЛдКС.

Получил деньги: 335 из Мосфильма и 1323 из к/с Горького. Кроме того, пришло извещение из ВААПа о деньгах из Франции за ХВВ в сумме 77.85 и уже лежат на почте соответствующие чеки — 354.57.

Насчет чеков у меня к тебе нижайшая просьба. Не мог бы ты мне одолжить рублей 500? Есть все основания думать, что этот долг я смог бы тебе вернуть на протяжении года, а может быть, и полугода: я отдавал бы тебе свою долю поступлений немедленно по получении. Этих пяти сотен мне не хватает сейчас, чтобы быстренько купить через Внешпосылторг машину (старую — продаю), а то ходят слухи о повышении цен, и тогда уж — пиши пропало. Отпиши свое суждение.

Отпиши также, какие есть новости: Тарковский? МолГв? Детгиз? И вообще о своих планах.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке — привет!

Тарковский же тем временем уже снимает двухсерийного «Сталкера».

[1] Сесть в бест — здесь: скрываться от наблюдения, не проявлять себя.

Из: Суркова О. Хроники Тарковского

<...>

16 августа

Сегодня съемки на самом верху плотины, перегораживающей лесную реку с берегами изумительной красоты: деревья, высокие цветы... Но когда приближаешься к речке, то вдруг начинаешь ощущать совершенно посторонний химический запах, а когда подходишь вплотную, то с ужасом убеждаешься в том, что вода вспенивается белым химическим порошком. Это так страшно, что все «фантастические» ужасы «Сталкера» ничто по сравнению с «реализмом» нашей действительности! Оказывается, какая-то целлюлозная фабрика сбрасывает свои отходы в воды такой красавицы. Ужас!

Итак, на самом верху плотины натянут парус, сдерживающий ветер, и там расположилась съемочная площадка. Всё это очень высоко, заграждений никаких нет, и поскольку я боюсь высоты, то не смогла добраться до съемочной площадки. Мне рассказывали, что сегодня снимают спуск героев в расщелину, на дне которой бурлит вода. Падающая вода, отвратительно бурого цвета с гребешками пены, распространяет вокруг себя удушающий запах «цивилизации»: находясь здесь, даже чувствуешь себя неважно — дышать тяжко.

Тарковский живет в красивом загородном доме. Вся съемочная группа поселена в каком-то общежитии Таллина. <...>

Актерам надоело сниматься — второй раз одна и та же картина да еще по шесть дублей одной и той же сцены. «Невозможно... тошнит...» — жалуются они. Кайдановский говорит, что никогда больше не будет сниматься у Тарковского. Рассказывает, что съемки были очень тяжелыми: приходилось, например, сидеть по уши в воде (благословляют еще художника по костюмам Нелю Фомину за то, что она придумала какие-то водонепроницаемые поддевки под одежду), «сидим мокрые, грязные, даже закурить не можем, а потом

нас водкой отпаивают». И сам Андрей после инфаркта напуган. Когда летели в самолете, он всё рассказывал нам с Княжинским о своей диете: «Потому что хочу жить, а главное, работать! Да и Лара с детьми... Кому они нужны? Что с ними будет, если со мной что-нибудь случится?»

Княжинским Андрей очень доволен. Говорит, что он «интеллигентный и спокойный».

О новом «Сталкере» сказал следующее: «Это история крушения идеализма в XX веке. Ситуация, при которой два безбожника-интеллектуала уверяют одного верующего человека, что ничего нет. А он остается со своей верой, но совершенно посторонним в этой жизни, как бы ни при чем, понимаешь?.. В полном г... и еще говорит “спасибо”...»

Ларисы нет — уехала с Седовым в деревню и концы в воду...

<...>

Из: Тыркин С. В «Сталкере» Тарковский предсказал Чернобыль

<...>

— Мы снимали под Таллином, в районе речки Пилитэ, где находились полуразрушенные гидроэлектростанции, — говорит Владимир Шарун. — Сверху — химический комбинат, и по реке сливали ядовитые воды. В «Сталкер» даже вошел кадр: летом падает снег, а по реке плывет белая пена. На самом деле это был какой-то страшный яд. У многих женщин из съемочной группы была аллергия на коже. Тарковский ведь умер от рака правого бронха. И Толя Солоницын тоже.

То, что всё это связано со съемками «Сталкера», стало для меня окончательно ясно, когда в Париже умерла от той же болезни Лариса Тарковская...

<...>

18 августа приходит ответ из ЦК ВЛКСМ.

Из архива. Письмо АНу из ЦК ВЛКСМ

Уважаемый Аркадий Натанович!

Ваше письмо рассмотрено в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ совместно с главной редакцией издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

По существу затронутых Вами вопросов сообщаем следующее.

Как известно, вторичное заключение с Вами договора на издание сборника «Неназначенные встречи» состоялось в то время, когда тематический план «Молодой гвардии» на 1979 год уже был утвержден ЦК ВЛКСМ. Ваш сборник будет представлен в темплане издательства на 1980 год. После утверждения темплана редакция фантастики и приключений окончательно определит редактора сборника «Неназначенные встречи», с которым Вам предстоит готовить рукопись к выпуску.

Информируем Вас о том, что в своем ответе на письмо читателя М. Ф. Исангазина из Омска редакция не сочла целесообразным сообщать обо всех обстоятельствах, связанных с нарушениями издательского договора, о расторжении и вторичном заключении с Вами договора.

Что же касается Ваших оценок и соображений о некоторых работниках издательства и журналов ЦК ВЛКСМ, то они, на наш взгляд, носят личностный характер, а Ваши рекомендации, по меньшей мере, некорректны.

Желаем творческих успехов.

С уважением

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ

А. Шишов

Письмо Аркадия брату, 27 августа 1978, М.— Л.

Дорогой Боря!

Письмо от тебя получил 22-го, но был очень занят, некогда было сосредоточиться и ответить. Если тебе интересно, я написал подробности маме, узнай у нее: оформляли документы на Машкину комнату. Теперь о сути.

1. 500 р. чеков я могу тебе одолжить, конечно, но их надобно еще получить. Придется, как ты понимаешь, изрядно постоять в очереди, а на это тоже нужно время. Полагаю, примерно числа 31-го или 1-го пойду постою. А ты подумай, как мне их тебе переправить.

2. От Тарковского лично известий не имею, но, по слухам, он снимает благополучно.

3. Как тебе, вероятно, известно, посылал я письмо Деревянке по поводу МолГв. Ответ получил от зам. зав. агитпропа, весьма сухое, в котором мы ставимся в известность, что они обсуждали мое письмо совместно с главной редакцией МолГв и выяснили, что даже в 79-м году вставить сборник в план выпуска не могут, ибо план утвержден был еще до того, как мы перезаключили договор. Намерен писать им новое письмо с протестом.

4. Из Детгиза пришел договор на сказку (14 а. л.). Я его подписал за тебя и за себя. Речь идет о сказке в «Мире приключений». Если ты по-прежнему отказываешься принять участие, это можно будет исправить: при выпуске книги будет только моя фамилия, а деньги ты мне перешлешь.

5. На днях я с большими трудами (всё из-за этой кутерьмы с Машкиной комнатой) закончил, наконец, сценарий мюзикла. Бромберг (наш режиссер) прочитал и остался весьма доволен. Распечатывать и пересылать тебе пока не имеет смысла, ибо он должен еще вставить в текст специфические для мюзикла ссылки на муз. оформление. Затем это всё будет распечатано, тогда и вышлю. И то, возможно, будет иметь смысл сначала отдать сценарий в студию, пусть его там обсудят, дадут замечания, выплатят положенные 25 %, а тогда уже передать тебе.

6. Ждем с Ленкой паспортов в Болгарию.

7. В Палермо, наверное, откажусь. Не потяну, да и ехать больно далеко.

8. Мои планы. Сейчас, освободившись от мюзикла и от хлопот по квартирным делам, хочу попытаться прикинуть сюжет «второй жизни».

Жму, обнимаю. Твой Арк.

Привет Адке и Андрею.

Письмо Бориса брату, 7 сентября 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

1. О чеках. Я у тебя просил 500, но машина, которую я уже купил, обошлась дороже, чем я думал (более дорогая модель, дешевле не было). Поэтому коленопреклоненно прошу 650. Конечно, если это тебе почему-либо не удобно, с благодарностью приму и 500, но тогда моим кредитором будет еще один человек, а мне бы не хотелось одалживаться у кого-либо, кроме своих. В общем, что ни дашь — за всё огромное спасибо!

2. Пришло официальное письмо из «Фольк унд Вельт» — просят разрешение на ХВВ (должна выйти в 80-м) и зМЛдКС (в плане редподготовки). Разрешение им даю и предлагаю обратиться в ВААП за полным текстом зМЛдКС.

3. Был в нашем ВААПе, получил экзы — ОО из США, ПкБ из ГДР и ПнО+СоТ из Аргентины. Всё это у тебя уже есть. Там же мне передали просьбу «Ное Берлин» на публикацию в 79-м (?) УнС. Дал. Разрешение.

4. В последнем нумере «Звезды» статья Адьки Урбана о философичности прозы[1]. Несколько добрых слов о нас.

5. Из ГДР прислали кучу газетных откликов на наши вещи. Не знаю, что там в них написано.

6. Опять звонил Акимов, завпрозы «Авроры», — плакался на засилье дерьма, просил чего-нибудь хорошего. Я отвечал неопределенно, но бодро.

7. Теперь по поводу договора на сказку. Аркашенька, дорогой, пойми ты меня правильно. Мое кредо просто и содержит всего два пункта:

а. Стругацкие — это марка! И они не имеют права выпускать вещей оценкой ниже, чем «хорошо».

б. Братья Стругацкие должны держаться вместе во всем и всегда (разумеется, когда речь идет о публичных выступлениях).

Это — некие политические принципы, которые имеют глубокий смысл и неплохо себя оправдывали до сих пор.

[1] Урбан А. Философичность художественной прозы // Звезда (Л.). — 1978. — № 9.

Никто не может сказать сейчас, что Стругацкие начали халтурить, и никто не может порадоваться, что удалось их разъединить, пустить по разным дорогам. Мне всё это представляется чрезвычайно важным, потому что я не могу, как ты, плевать на ВСЕХ. Во-первых, плевать на всех без исключения несправедливо, а во-вторых, попросту непрактично, ибо таким образом ты лишаешься друзей и даешь оружие в руки врагов. Поэтому я всегда свято блюл оба принципа. Ты мог бы заметить, что даже интервью свои я, как правило, даю от имени обоих и прошу корреспондентов подделывать беседу так, будто и ты там участвуешь. (К сожалению, это мне не всегда удавалось, и пару раз корреспонденты сделали так, как им было удобнее, за что и получили от меня втык.)

Такова теория вопроса. Практика же состоит в том, что я совершенно не понимаю, почему нельзя выпустить сказку под тем же самым псевдонимом? Ну, объясни ты мне, какие тут могут быть препятствия? Несколько раз я тебя просил объяснить, а ты так ни разу и не втолковал, зачем, черт побери, нам публиковать под своим именем вещь, явно ниже нашего среднего уровня, о которой и друзья-то говорят в лучшем случае: «Что ж, вполне прилично...»

Беда в том, что и одно твое имя ставить над этой сказкой не следовало бы. Ты пойми, наша политика должна быть: мы вполне советские лояльные писатели; враги литературы, враги культуры, сидящие еще пока кое-где на руководящих постах, хотят сломить нас, заставить писать не по-нашему, а по-ихнему, то есть бездарно, грубо, глупо, но это им не удастся! Мы своего имени халтурой не замарали и не замараем. Мы знамя советской фантастики (завоевывающей сейчас весь мир) несли и будем нести высоко! Никто не смеет сказать о нас, что мы сломались, сдались, «перестали бренчать»[1] и — хуже того — принялись лизать заданные места!

Это опять же теория, а практика состоит в том, что каждая слабая публикация наша, давая не такой уж существенный

[1] Автоцитата из ГЛ.

материальный выигрыш, приводит к значительному политическому проигрышу.

— Как это вас не печатают? — будет говорить какой-нибудь Верченко. — Вы же «Малыша» издавали и переиздавали. Сказку вот издали — очень, очень милая вещица, вполне наша... А вы жалуетесь... Ах, вы насчет «Пикника» жалуетесь... или (упаси бог!) насчет ГЛ? Так, голубчики! А зачем вам, собственно, писать все эти «Пикники»? Пишите сказки, пишите «Малышей», и всё будет прекрасно!..

Понимаешь, нельзя снижать уровень требований к вещам, подписанным нашими именами. Это ведь даже не поможет в борьбе с гадами: придираться они будут и к вещам низкого уровня, трудности будут и в этом случае, но высоту мы уже потеряем. После «сказочек» бороться за какую-нибудь там «Вторую жизнь» будет не легче, а труднее!

Вот поэтому я считаю, что мы должны, разумеется, халтурить вовсю — кино, телевидение, театр, цирк, опера, балет — ради бога! Но когда речь заходит о нашей ЕПАРХИИ, о литературе — тут мы должны либо выдерживать марку, либо идти под псевдонимом.

Я (да и ты, конечно) знаю множество писателей, которые согласились СОЗНАТЕЛЬНО, НАМЕРЕННО снизить свой возможный уровень до требований момента — все они — конченые люди. Им больше не подняться. Потому что страшно. Потому что трудно. Потому что на низком уровне уютно и удобно, как в старом грязном халате. Я такой судьбы не хочу ни себе, ни тебе. Я с ужасом думаю о тех временах, когда Стругацкие начнут писать свои вещи левой ногой, кое-как, морщиться от них, как от гнилого яйца, и морщась говорить друг другу: «А! Сойдет и так. Зато — сумма прописью...» Будто нет других путей добывать суммы прописью...

Я очень прошу тебя — можешь рассматривать это как личную просьбу брата к брату — приложи все усилия, чтобы сказочка вышла под псевдонимом. В этом случае я готов оказать тебе любую помощь по написанию третьей части (подумаешь! сядем и в десять дней напишем) и готов отказаться

от денег, сколько бы их там мне ни причиталось. Тем более, что мне там, если говорить честно, причитается не много. А? Ну, пожалуйста! Даже если тебе кажутся странными и сентиментальными мои мотивы, — всё равно согласись, послушайся меня в этом деле. Ну, рассматривай это, если угодно, как мой каприз. Не так уж часто я капризничаю, ей-богу.

Ах, всё это из-за отсутствия настоящего дела! Дело надо делать! Хорошую повесть писать, хотя бы и в стол, черт побери!

Обнимаю.

Твой [подпись]

11 сентября АН пишет повторное письмо Анатолию Деревянко.

Из архива. Письмо от АНа в ЦК ВЛКСМ

Уважаемый Анатолий Пантелеевич!

Ответ на мое личное письмо к Вам от 17.07 я получил от тов. Шишова. Обижаться не приходится: легко предположить, что у Вас были дела поважнее, нежели судьбы советской фантастики.

Впрочем, бог с ней, с нашей фантастикой. На опыте последних лет я убедился, что сделать тут решительно ничего нельзя. Советская фантастика, уверенно державшая в свое время одно из ведущих мест в мире, ныне прочно села на место второстепенное. Горько? Да. Стыдно? Да. Но зато удобно: некуда падать.

Поэтому прошу извинения за мои личностные и некорректные оценки и рекомендации относительно некоторых работников издательства и журналов ЦК ВЛКСМ и обещаюсь впредь оставить все хлопоты за судьбы нашей фантастики в целом упомянутым работникам.

Но вот о судьбах творчества братьев Стругацких беспокоиться буду я сам. И в этом смысле ответ на мое письмо к Вам меня ни в какой мере не удовлетворяет.

1. На собеседовании с ответственным работником отдела пропаганды ЦК КПСС 16 декабря 77 г., когда меня уговаривали перезаключить договор, Синельников в присутствии

троих свидетелей (не считая меня) клятвенно обещал издать наш сборник в следующем, 1978 году, ну, в самом крайнем случае — в 1979-м. Теперь тов. Шишов спокойно сообщает мне, что сборник может быть представлен в темплан только в 1980-м году. Как мне надлежит это понимать?

2. Тов. Шишов сообщает мне, что в ответ на письмо омчанина Исангазина редакция не сочла целесообразным сообщать об обстоятельствах, связанных с НАРУШЕНИЯМИ договора. Во-первых, это «Молодая гвардия» считает (точнее, ей много удобнее считать), что имели место нарушения, а ВААП так не считает, и об этом тоже много говорилось 16 декабря прошлого года. Я тогда предлагал решить дело в судебном порядке, но меня уговорили отказаться от этой идеи. Во-вторых, если редакция считает для себя возможным и удобным лгать читателю, почему она позволяет себе лгать за наш счет, распространяя слухи о том, что сборник не выходит по нашей вине? Мерзостных слухов о нас и без того пускается предостаточно!

3. Так или иначе, а обещанное Вами в Вашем письме от 3.07 сообщение из издательства «Молодая гвардия» относительно прохождения рукописи нашего сборника мы по-прежнему не получили. Считать письмо тов. Шишова заменой такого сообщения я не могу ни по юридическим, ни по этическим соображениям.

Вот о чем мне необходимо было поставить Вас в известность, Анатолий Пантелеевич. Я еще надеюсь, что Вы своей властью и авторитетом примете меры, чтобы выправить положение.

С уважением, А. Стругацкий

Письмо Аркадия брату, 14 сентября 1978, М.— Л.

Здравствуй, Боря.

1. Просимые 650 высылаю.

2. Позавчера послал Деревянке письмо, в котором обличал лживые утверждения в письме к нам Шишова из агитпропа ВЛКСМ. Надеюсь, письмо мое не менее злобное, чем письмо Шишова.

3. Совершенно случайно получил нумер «Московского комсомольца» и эстонского «Серпа и молота», где рассказывается, как Кроманов делает пробы для фильма ОуПА.

4. От Тарковского известий нет.

5. Медведев уже приступил к обязанностям зава отделом морального воспитания и начинает чистить кадры: изгонять инородцев.

6. Сценарий мюзикла отдал на распечатку, после чего намерен показать Ю. Киму, который выразил желание работать с нами. Если ему сценарий подойдет, это многое упростит: нам не придется заниматься грошовой формалистикой и вставлять в сценарий ремарки, долженствующие показать, что это сценарий именно мюзикла. Тогда при обсуждении на худсовете выступит Ким и скажет, что он знает, как это нужно делать. А в общем голова об этом у меня не очень болит. Аванс мы отработали.

7. О договоре с Детгизом. Твоя аргументация, прости, меня не убеждает и представляется слишком патетичной и эмпирейной, что ли. Но как твой каприз я это принимаю. Имеешь право. Тут я, к сожалению, ничего поделать не могу. Что ж, договор безавансовый, не исключено, что удастся провернуть под него какое-либо переиздание, а не удастся — тоже бог с ним.

Обнимаю, твой Арк.

Привет твоим.

Письмо Бориса брату, 17 сентября 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

1. Чеки получил. Огромное спасибо! Теперь я должен только тебе и мамочке, и на душе стало поспокойнее.

2. Про Медведева — очень интересно. Завотделом морального воспитания! Это же прелесть! Но учти, я ведь ничего не знаю. Так что отпиши: где он завотделом (в МолГв? В Комсомолке?); кто вместо него в отделе НФ; что за человек? Я ведь тут ни с кем не общаюсь, сижу в бесте.

3. О! Если бы Ким взялся за мюзикл, это могла бы получиться вещь! Обязательно напиши мне, когда этот вопрос решится.

4. Теперь по поводу этой злосчастной сказки в Детгизе. Видимо, в своем последнем письме я слишком растекся мыслью по древу[1], и ты меня не понял. Излагаю свою позицию по этому поводу еще раз:

1. Сказка БЕЗУСЛОВНО должна быть опубликована (можно с добавлением третьей части, а можно и без).

2. Опубликована она должна быть под псевдонимом.

Это мое мнение. Аргументация была изложена мною в последнем письме. Вполне допускаю, что ты не убежден ею и что она представляется тебе излишне патетичной и эмпирейной. Но ответь мне ради бога на один-единственный вопрос: ПОЧЕМУ СКАЗКУ, ОПУБЛИКОВАННУЮ В «МИРЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ» ПОД ПСЕВДОНИМОМ, НЕЛЬЗЯ ОПУБЛИКОВАТЬ В ТОМ ЖЕ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ (и даже в той же редакции) ПОД ПСЕВДОНИМОМ ЖЕ? Тут прямо какая-то тайна! Я несколько лет пытаюсь получить у тебя ответ на этот вопрос и совершенно безрезультатно. Пойми, если существуют действительно серьезные причины, не позволяющие публиковать ее под псевдонимом, я, разумеется, отступлюсь. Печатай ее тогда под своим именем, и забудем об этом. А то ведь чушь получается: мою аргументацию ты называешь эмпирейной и патетичной, а своей не приводишь вообще! Есть же какая-то причина, по которой ты обязательно хочешь опубликовать ее либо под нашими именами, либо даже только под своим? Какая?

5. Я тут перечитал последнюю нашу сказочку (ПоДиН). Тоже г... Слава богу, что ее никто не взял. И Ирене, пожалуй, не стоит ее посылать (разве что опять же под псевдонимом). Нет, брат. Халтурщиков из нас не выйдет. Писать надо серьезно, обстоятельно и в полную силу. Вот съездишь в эту вшивую загранку, давай сядем и сделаем что-нибудь. Хотя бы начнем. «Вторую жизнь» хочешь? Давай «Вторую». Не возр.

[1] Цитата из «Слова о полку Игореве».

Я, правда, не представляю себе пока, как из этого может получиться повесть: рассказ вижу отчетливо, а повесть — никак пока не получается. Но это дело наживное — обговорим. Работать будем, если хочешь, у тебя. Я пошлю всех подальше и приеду дней на 10–12.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

20 сентября 1978

Очень трудно снимать эту картину. Ничего не получается. Мне кажется, Княжинский снимает неважно. Не получается эпизод в дыму: не локально. И отсутствует состояние. Я очень боюсь, что это провал.

<...>

О «Сталкере» пишет 24 сентября БНу Борис Штерн.

Из архива. Письмо от Б. Штерна БНу

Борис Натанович, дорогой!

Прошел слух, что «Пикник» получил премию где-то за рубежом! И верю, и не верю! Верю, потому что так оно и должно быть, а не верю, потому что совсем еще недавно любители НФ болтали о том, что Лему дают Нобелевскую премию!

В общем, если это не слух, то вместе с Вами радуюсь и поздравляю! А если, все-таки, это треп, то треп очень показательный и удивления не вызывающий — «Пикник» достоин стать лучшим романом года где бы то ни было.

БН, о Вас много всякого трепа носится в воздухе. Народ — молодая и средняя интеллигенция, понятно — жаден до Стругацких, и всё хочет знать, а что не знает, то выдумывает. О «Сталкере» говорят, что почему-то запретили снимать. А я ведь, хоть ни в коем случае не рекламирую свое

знакомство с Вами, но живу ведь не на необитаемом острове. Меня спрашивают, а я честно развожу руками.

Расскажите, пожалуйста, подробности о «Пикнике» и о фильме. Еще Чехов говорил, что пуще всего боится одесских репортеров. Поэтому киньте сюда кость правдивой информации, а то забот потом не оберетесь — такое насочиняют!

Обнимаю Вас! Всегда Ваш [подпись]

25 сентября Анатолий Деревянко отвечает АНу. Теперь уже лично. Но кратко.

Из архива. Письмо АНу из ЦК ВЛКСМ

Уважаемый Аркадий Натанович!

По существу поставленных в Вашем письме вопросов представляется целесообразным провести в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ встречу заинтересованных сторон. На наш взгляд, при взаимоуважительном отношении между авторами и издательством есть все основания для позитивного решения проблемы.

Если Вы не будете возражать, мы проинформируем Вас о времени проведения встречи в первых числах октября. Ваш телефон в Отделе имеется.

С уважением

Секретарь ЦК ВЛКСМ А. Деревянко

Письмо Аркадия брату, 26 сентября 1978, М.— Л.

Здравствуй, Борик!

Завтра уезжаю в Болгарию, было много дела, потому отвечаю с опозданием.

1. Приезжала Бела и умолила придумать повод отсрочить издание ГЛ в США и изложить этот повод в вежливом виде «Макмиллану». Я сопротивлялся, но дело в том (по словам Белы), что Панкин получил сверху втык, что Стругацких слишком пропагандируют за рубежом вместо того, чтобы

пропагандировать Маркова, Чаковского и Ко. Якобы Панкин просит это наше письмо чуть ли не как одолжение. Я больше не стал противиться и тут же, не сходя с места, написал Панкину черновик письма к «Макмиллану», в котором объяснил: мы-де перерабатываем повесть и потому просим отсрочки на года полтора, а затем, если с переработкой пройдет благополучно, то пришлем ее для перевода, а если нет — дадим «добро» на издание в прежнем варианте.

2. Медведев завотделом в «Комсомолке». Редакцию нашу в МолГв, насколько я понял, распустили вовсе: путешествия передали в редакцию науки, приключения — в редакцию прозы, фантастику — в редакцию «Эврики». Характерно, что ни одна из редакций не пожелала брать в придачу к тематике живых медведевских редакторов.

3. С Кимом, вероятно, встречаюсь сегодня, а если нет — то передам для него рукопись сценария, чтобы к моему возвращению ознакомился и подумал.

4. По поводу сказки С. Ярославцева. Под этим псевдонимом ее не желает печатать редакция и дирекция Детгиза, которая считает, что нуждается в нашем имени. Впрочем, теперь, когда есть договор, это не актуально: либо они к указанному сроку согласятся на псевдоним, либо можно будет попробовать провернуть какое-либо переиздание (ТББ например).

5. Ты ошибаешься, что ПоДиН никто не взял. Взял тот же Детгиз иждивением Ревича в тот же «Мир приключений». Ну, а о новой работе поговорим, когда вернусь.

Обнимаю, твой Арк.

Привет твоим.

Конец сентября и первую половину октября АН с супругой проводит в Болгарии, в Бургасе. Это единственная к тому времени его поездка за границу, если не считать краткого Чапековского конгресса 1965 года в Чехословакии. Позже, в 87-м, будут пять дней Брайтона и уже в 90-м — Мюнхен. От того пляжного безделья остались карикатуры АНа, которые были использованы в качестве иллюстраций к болгарскому изданию ЭВП (Бургас: Офир, 1998).

29 сентября БН отвечает Борису Штерну.

Из архива. Письмо БНа Б. Штерну

Дорогой Боря!

Я рад бы удовлетворить Ваше вполне законное любопытство, да сам толком ничего не знаю.

По поводу премии за «Пикник». Да, есть такой слух. Парнов, член нашей делегации на форуме фантастов в Дублине, рассказывал что-то Аркадию по приезде в Москву. Но поскольку оба были под газом, то ничего понять теперь нельзя. Боря Заикин, впрочем, со слов Эрика Симона написал мне, что «Пикник» получил вторую премию за лучший НФ роман года на ежегодном конкурсе памяти Джона Кэмпбелла. Первый приз получил Ф. Пол за роман «Звездные ворота», а третий — Дик. Вот всё, что я могу на эту тему сообщить. Поскольку Парнов тоже говорил о какой-то «второй премии», то мы не особенно-то и интересуемся. Мало ли на свете вторых премий. Честь не велика, а денег и вовсе не полагается.

Насчет «Сталкера» опять же ничего толком неизвестно. Как я Вам уже писал, Тарковский в апреле подхватил инфаркт. Теперь он, по слухам, оклемался и — по слухам же — даже снимает фильм. Во всяком случае, в Москве его нет, он в Таллине. Не думаю, чтобы фильм был запрещен. Мы бы, наверное, уже знали об этом. Сам же Тарковский нам об этом, наверное, бы сообщил.

Зато могу сообщить Вам с полной точностью, что фильм по «Отелю» таки снимается на Таллинфильме, и я, возможно, даже туда днями смотаюсь посмотреть, как и что.

Желаю успехов в повести.

Ваш [подпись]

17 октября, после семи месяцев молчания, просыпается «Молодая гвардия».

Из архива. Письмо к АБС из МГ

Уважаемые тов. Стругацкие!

Просим Вас извинить за некоторую задержку с ответом. Сообщаем, что редактором Вашего сборника «Неназначенные

встречи» (Договор № 1515 от 7.4.1978 г.) утвержден Зиберов Д. А. В течение двух месяцев он находился в очередном отпуске. В настоящее время тов. Зиберов Д. А. приступил к работе. Дел, как всегда, много, но редакция постарается как можно быстрее сообщить Вам свои соображения и замечания, чтобы совместно решить все возникшие вопросы.

С уважением

И. о. заведующего редакцией фантастики, приключений и путешествий В. Фалеев

В этот же день АН вновь пишет Деревянко.

Из архива. Письмо от АНа в ЦК ВЛКСМ

Уважаемый тов. Деревянко!

По возвращении из длительной поездки 15 октября ознакомился с Вашим любезным письмом. Попытался дозвониться до Вас, но не преуспел. Так или иначе, если Вы не переменили Ваше очень правильное решение о встрече в Отделе пропаганды и агитации, я в полном Вашем распоряжении. В любой день и час, желательно как можно скорее и с оповещением хотя бы за сутки.

С уважением, А. Стругацкий

30-м октября датирована заявка АБС на авторский сборник, адресованная в Ленинградское отделение издательства «Советский писатель».

Из архива. Заявка от АБС в СовПис

Предлагаем издательству наш авторский сборник, включающий фантастические повести «Отель У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА», «За миллиард лет до конца света» и «Пикник на обочине». Название сборника — «За миллиард лет до конца света».

Предлагаемые повести публиковались до сих пор только в журналах: «Отель У ПОГИБШЕГО АЛЬПИНИСТА» — в журнале «Юность» (1970), «Пикник на обочине» —

в журнале «Аврора» (1972), «За миллиард лет до конца света» — в журнале «Знание — сила» (1976). Повести эти получили положительные отзывы в нашей прессе (в Ц<ентральном> О<ргане> <КПСС> «Правда», в «Литературном обозрении», в «Дружбе народов» и т. д.) и неоднократно издавались и переиздавались в ряде зарубежных стран.

Сборник объединен общей идеей — показать, насколько в наше время, в век НТР, возросла ответственность каждого отдельного человека перед всем человечеством, как усложнился сегодняшний мир, с какими грандиозными проблемами придется, может быть, столкнуться человечеству в ближайшее время.

Метод, используемый нами, хорошо известен в мировой литературе со времен Гофмана, По и Уэллса — метод исследования психологии массового обыкновенного человека, встретившегося с «чудом», с чем-то необычайным, почти невозможным. Но, разумеется, главным в наших повестях остается именно сегодняшний человек с его проблемами, человек в ситуации нелегкого выбора, человек, так или иначе пытающийся преодолеть в себе «вчерашнее» во имя «завтрашнего».

Готовая рукопись сборника объемом около 25 а. л. прилагается.

Стругацкий А.

Стругацкий Б.

4 ноября «Уральский следопыт» посылает БНу письмо.

Из архива. Письмо БНу из «Уральского следопыта»

Уважаемый Борис Натанович!

Мы приступили сейчас к подготовке апрельского номера журнала, который должен стать тематическим («Космос: наука и фантастика»). Специально для этого номера (хотя интересные ответы будем, вероятно, печатать и позже, в других номерах) разработали анкету, которую высылаю

Вам с убедительной просьбой ответить на нее, причем по возможности — не затягивая. Ведь на анкеты обычно либо отвечают сразу, либо совсем не отвечают; а нам очень хотелось бы получить Ваш ответ!

Пользуясь случаем, поздравляем Вас с наступающим праздником!

Всего Вам доброго!

С уважением В. Бугров, редактор отд. фантастики.

А 7 ноября возобновляются записи в рабочем дневнике Авторов.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Современный Христос — искупитель грехов. Пришельцы предложили за него Земле мир и избавление.

7.11.78

Москва (Боб прибыл вечером 6-го).

–1: Тристан не прибывает на медосмотр.

Дата 0: Лев узнает о том, что его не пускают на Землю.

+1: Лев удирает на Базу (полярная база на планете Гаголо); говорит, что засыпался, хочет на Землю. Ему разрешают. Но летит он на Пандору, т. к. это планета-курорт. Замешался среди туристов.

+3: Летит на Землю (неожиданно для всех). Прибывает на спутник-вокзал, там авария с 0-транспортом, удирает на Землю.

Странник: Тристан должен был давать сигнал ОК после каждого медосмотра. Так <как> он в день 0 не получил сигнала, навел справки и узнал, что Тристан погиб, а Лев улетел на Землю. Опрашивает пилотов рейсовика, те говорят, что был такой, но сошел на Пандоре.

Кидается на Пандору — опоздал.

Система опасностей, с которыми борется Странник (Комиссия по контролю, аналог: Комиссия по контактам):

1. Андроиды.

2. Пришельцы — агентура извне.

3. 12 человек — кроманьонцев.

4. Оголтелые научники с запретными науками.

5. Проверка, не потерян ли контроль научников за чрезвычайно усложнившимися научно-техническими системами (тщательный анализ всех странных происшествий на Земле).

6. Борьба с атавизмами.

+4: Лев набирает № Странника, и Странник понимает (уже знал, что Лев исчез), что это он.

Глава 1: Спутник-вокзал «Тор-6».

Решение писать документальным стилем.

Были у Манина.

8.11.78

Список главок:

I. Опрошенные:

1. Майка → с ней поссорились еще в интернате, поэтому вряд ли там засада.

2. Врач в Осинушках.

3. Учитель.

4. Корней.

5. Парень, уроженец далекой планеты (сцена на вокзале-спутнике).

6. Бадер (по запретным наукам).

7. Комов (?).

8. Щекн.

II. Документы по личному делу Льва и вообще документы.

1. Щекн.

2. Отчет о совместной работе с Корнеем (по ошибке их свели на одной работе, а он был одним из двоих, кому в экспериментальных целях сообщили о происхождении — коллизия с той, кот<орая> требует, чтобы он отказался от Прогрессорства и т. д.).

3. Ориентировка из МИДа Земли о странном заявлении тагорца (по поводу присутствия нечеловека на вокзале-спутнике, фото прилагается). Отсюда Странник требует найти этого тагорца, но не только тагорца, но и тагорской миссии на Земле уже нет (они 20 лет назад вернулись, а теперь вновь срочно уехали).

4. Донесения Тристана.

5. Донесение директора полярной базы Острова в Комкон-1 о гибели Тристана и возвращении (провале) Льва Абалкина. Странник получает его от своего человека в Комконе-1.

III. Личные впечатления Максима о Льве, когда тот юношей был послан на Остров практиковаться с голованами. Там Лев и познакомился со Странником (см. эпизод с попыткой связи по видеофону) 20 лет назад.

IV. Ложные сигналы.

1. Допрос девицы с половым психозом, что на нее напал андроид — по внешности похожий на Льва.

2. Странник отдает Максиму дело о попытке взлома музея запретной науки. Из которого только пять лет назад были вывезены детонаторы и переданы в Музей Майке. Это Бадер. Он видел на Льве в разговоре значок, вспомнил, что эти изображения на детонаторах, кот<орые> 20 лет назад помещены были в Музей запрещ<енной> науки. Он их сам туда клал, когда работал там. Вспомнил, позвонил, ему сказали, что нет таких, тогда он оскорбился этой «ложью» и полез ночью грабить.

Учитель и Майка нужны для того, чтобы узнать, было ли у него вообще детство. К Майке зашел, ибо там засада маловероятна, из-за старой ссоры, а Учителя он выследил.

22 июня ...26 года

1) Разговор со Странником.

2) Общее знакомство с папкой. Последний лист, затем первый.

3) Информаторий: кто родители.

9.11.78

Сделали 3 стр.

Вечером сделали 1 стр. (4)

Кусок из Щекна (стр. 11)

78–70 Шифровальщик

70–66 Хонти, подготовка

66–63 Гиганда

63 Операция Щекн
63–62 Пауза
62–60 Голованы
10.11.78
Сделали 2 стр. (6)
Отчет о пл. Надежда (со Щекном)
Отчет о пл. Гиганда (Корней)
Переписка:
Просит не посылать на Гиганду, оставить с Голованами.
Просит послать не в Хонти, а к Голованам.
Отчеты Тристана ≈ 70 штук 1 раз в 3 месяца.
Восьми страниц не хватает.
Вечером сделали 2 стр. (8)
11.11.78
Учитель
Родители
Наставник
Врач-1
Врач-2
Щекн
Корней
Видимо, питомцы любили своего...
Сделали 5 стр.
Вечером сделали 1 стр. (14)

	МАК	ЛЕВ	Врач Майка
I день	Учитель	Врач	Звонок Страннику
вечер	Звонок Майке (нет дома)	Майка	Учитель
	Звонок Ядвиге (Странник)		Звонок Маку
			Щекн

	[вычеркнуто: «Странник (фото) лагерь рекондиции и адаптации]	Звонок Страннику	
	Майка	Учитель	Бадер
	Врач (Осинушка)	Звонок Максиму	
	Звонок Льва		
ночь	Учитель		
	[перечеркнуто: «Странник (фото) лагерь адаптации Корней (?)] Майя	Щекну	
	Щекн	Бадер	
ночь	Странник вызывает Мака ловить Льва, а ловят Бадера	Спросить, что такое операция «Зеркало»	

13.11.78
Ездили за чеками.
14.11.78
Обсуждали визит к Деревянко.
15.11.78
Сделали 4 стр. (22)
16.11.78
Сделали 5 стр. (27)
17.11.78
Б. уезжает.

16 ноября АНу направляется письмо из ЦК ВЛКСМ.

Из архива. Письмо АНу из ЦК ВЛКСМ

Уважаемый Аркадий Натанович!

Выражаем сожаление, что намеченная с Вами встреча в октябре не состоялась. Согласно предварительной договоренности встреча заинтересованных сторон состоится в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ в третьей декаде ноября месяца.

О дате и времени встречи сообщим дополнительно.

С уважением

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ

В. Егоров

Письмо Бориса брату, 22 ноября 1978, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Пишу с запозданием потому, во-первых, что очень забегался, а во-вторых, — ничего не происходит.

В СовПисе дела обстоят так. Выделен редактор — фамилию его я забыл, незнакомая фамилия и, по слухам, человечек никакой, «чего изволите». Этот редактор передал сборник на рецензию некоему Ю. Андрееву. Андреев — человек из Пушкинского дома, доктор соответствующих наук, спец по современной литературе. Единственное его достоинство — он независим от издательства и в этом смысле объективен. Рецензию у него просят в тех случаях, когда издательство действительно не знает, издавать или нет. То есть, он не из тех, кому говорят: «На-ка, заруби эту рукопись» (или наоборот). В издательстве ему доверяют, так что если он скажет «да», то скорее всего и будет «да». Но вот скажет ли он «да»? К фантастике относится он, мягко выражаясь, холодно и, по-моему, хоть я и не уверен, когда-то за что-то долбал нас в печати[1]. В общем,

[1] Андреев выступал с критикой работы Аркадия Белинкова «Поэт и толстяк», опубликованной в том же номере «Байкала», где начинала печататься «перецовская» часть УнС (1968. — № 1). См. примечание к письму БН от 21.05.68.

в этой ситуации есть только один плюс: судя по выбору рецензента, издательство не имеет СПЕЦИАЛЬНОЙ цели нас зарубить, а готово положиться на мнение литературоведа, хотя и проверенного, разумеется.

А забегался я потому, что надвигается конференция молодых писателей Северо-Запада и надо прочитать за неделю 100 листов всяких опусов и, мало того, сделать так, чтобы и другие руководители нашей секции всё это прочитали. А тут еще надвигается заседание приемной комиссии (11 декабря) и надо успеть прочитать еще примерно столько же, правда, уже не на машинке, а типографским шрифтом. Одним словом, горю на общественной работе.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке — поцелуи!

Рецензия Юрия Андреева на сборник ОУПА+ЗМЛДКС+ПНО, сохранившаяся в архиве Авторов, датирована 1-м декабря.

Из архива. Андреев Ю. Рецензия на сборник

Предлагаемый к изданию Сборник фантастических повестей Стругацких находится на уровне лучших достижений современной мировой фантастики, и в качестве такового он способен смело выдержать любое сравнение с книгами Лема, Брэдбери, Азимова.

Сборник (он состоит из произведений, которые уже выдержали испытание публикациями в периодике и получили положительную оценку прессы) отличается высоким уровнем писательского мастерства — отточенным стилем, умело построенной и парадоксально развивающейся интригой, богатством антуража, богатейшей фантазией. Но, главное, смысл всех представленных здесь повестей заключается в постановке глубоко гуманистических благородных нравственных проблем, таких, например, как гражданская ответственность каждого отдельного человека за положение дел во всем мире; как необходимость стойкости и мужества человека в исполнении дела своей жизни — даже при наличии проти-

водействий, как будто бы превышающих меру человеческих сил; как воспитание истинно коммунистических представлений о счастье как счастье для всех, а не одиночек.

Писательский метод Стругацких состоит в создании условных, фантастических, экстраординарных обстоятельств, в которые они помещают обычных людей. Эти обстоятельства испытывают «на излом» совесть этих людей, их чуткость, способность к гибкости и диалектичности мышления, их человечность, их отвагу. Подобный метод: сочетание самой фантастической фантастики с самой реальной реальностью — производит сильное и своеобразное художественное впечатление.

Одним словом, в качестве члена редсовета я выражаю удовлетворение предоставившейся нам возможностью издать мастерски написанную гуманистическую по устремлениям книгу.

Выскажу ряд пожеланий, направленных на возможное усовершенствование книги в процессе редактирования.

1) Полагаю, что Мозес обязательно должен был доказывать полицейскому инспектору свое инопланетянское начало не только путем силлогизмов, но и продемонстрировав на деле, например, что его «жена» — не более, чем робот-помощник. Введение подобного — буквально в 1–2 абзаца — эпизода, позволило бы нам, читателям, углубить свое сожаление по поводу негибкости мышления инспектора, а следовательно, еще эффективней подвело бы нас к большим целям, поставленным авторами. Полагаю, что в финальной сцене робот и плетка «не смотрятся».

2) Думаю, что объяснение казусов, происходящих с героями повести «За миллиард лет до конца света», следовало бы несколько развить, чтобы не возникло впечатление их противостояния современным усилиям в области экологии. Если природа сопротивляется — значит надо подумать, не права ли она.

3) В «Пикнике на обочине» я всюду убрал бы дату «19... год». Кроме того, 2–3 легкими штрихами ввел бы бытовой антураж более позднего времени: скажем, не такси,

а магнитный полоз, не телефон, а видеофон и т. д., чтобы через несколько лет эта прекрасная по мысли сказка не выглядела несколько обветшавшей по фактуре. Впрочем, это — лишь приглашение подумать, а не обязательное требование.

Немногочисленные стилистические пометки — оставлены на полях рукописи.

2 декабря АН от имени обоих Авторов вновь пишет Деревянко и Десятерику.

Из архива. Письмо от АНа в ЦК ВЛКСМ

Уважаемый Анатолий Пантелеевич!

Мне сообщили из Вашего аппарата, что «Молодая гвардия» направила повесть «Пикник на обочине» на рецензирование в Госкомиздат для оценки ее идеологической полноценности. Мне сообщили также, что Вы отложили нашу встречу до получения этой рецензии.

Не смею Вас осуждать. Однако позволю себе обратить Ваше внимание на следующее обстоятельство. 22 ноября 1976 года М. Синельников зачитал мне письмо из Отдела агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ, в котором утверждается, что ЦК ВЛКСМ ознакомился с повестью и НЕ ИМЕЕТ ВОЗРАЖЕНИЙ против ее опубликования.

Вполне ясно, что, передавая повесть на идеологическую оценку в Госкомиздат, «Молодая гвардия» тем самым выражает сомнение в идеологической компетентности Отдела агитации и пропаганды. Мало того, «Молодая гвардия» отказывает в идеологическом доверии и к работникам Отдела пропаганды ЦК КПСС (в частности, к И. Ф. Сенечкину), которые во время нашей с ними встречи 16 декабря 1977 года заверили меня в присутствии тов. М. Синельникова и тов. Шишова, что отныне вопрос с изданием повести решен окончательно и никакие дальнейшие проволочки терпеться не будут.

Впрочем, нас возмущает в этой акции другое: «Молодая гвардия» по-прежнему держится излюбленной своей тактики — всячески затягивать и топить в волоките вопрос об

издании «Пикника на обочине», и управы на нее по-прежнему нет. Поэтому мы вынуждены прямо заявить Вам, уважаемый Анатолий Пантелеевич, что, если вопрос этот не будет положительно решен с соответствующими гарантиями в ближайшие две недели (скажем, до 20 декабря), мы вынуждены будем вновь обратиться в ЦК КПСС.

С уважением, А. Стругацкий

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Уважаемый Владимир Ильич!

7 апреля с. г. вверенное Вам издательство заключило с нами договор № 1515 на публикацию сборника наших научно-фантастических повестей «Неназначенные встречи». Рукопись сборника еще 28 марта с. г. была передана с рук на руки Медведеву в присутствии М. Синельникова.

С тех пор мы не имеем от редакции фантастики никаких известий, если не считать вполне бессмысленного письма от и. о. заведующего редакцией В. Фалеева № 644/09 от 17 октября с. г.

В соответствии с п. 5 издательского договора рукопись наша уже по меньшей мере три месяца считается, таким образом, одобренной. Просим оформить одобрение официально.

Обращаемся прямо к Вам по простой причине: за последние четыре года общения с работниками редакции фантастики мы на горьком опыте убедились в их поразительной некомпетентности и оскорбительной недобросовестности.

С уважением, А. Стругацкий, Б. Стругацкий

БН в это время занят конференцией.

Из: Меридианы фантастики, НФ–21

<...>

С 30 ноября по 3 декабря в Ленинграде проходила конференция молодых литераторов Северо-Западного региона. В рамках конференции работал семинар научно-художественной и научно-фантастической литературы (руководители

Е. Брандис, А. Бритиков, Ж. Браун, Б. Стругацкий, А. Томилин, А. Шалимов). Были рассмотрены произведения 11 молодых авторов из Ленинграда, Петрозаводска, Пскова, Риги и Вильнюса; лучшие работы рекомендованы к печати.

<...>

Письмо Аркадия брату, 5 декабря 1978, М.— Л.

Дорогой Борик!

Давненько не писал, всё события мешали. Ну, теперь снова получилась пауза.

1. Как ты помнишь, еще 14.11 позвонил из ЦК ВЛКСМ Егоров и предупредил, что встреча с Деревянко будет на следующей неделе. Дальше было так. 18-го письмо от того же Егорова, что встреча будет в 3-й декаде ноября. 27.11 я позвонил Егорову и спросил, в чем дело. Ответ: Деревянко назначил было встречу на завтра, однако его вызвали в Большой ЦК, и он по уточнении своего времени передаст мне приглашение. Скорее всего, это будет в среду (29-го). Ничего в среду не произошло, а 30-го позвонил мне какой-то сопляк из ихнего агитпропа и весело сообщил: МолГв отдала ПнО на рецензию в Госкомиздат (!), и Деревянко отложил встречу до получения рецензии. Прелестно. Я стал советоваться с народом, и вот информация: в редакции состоялся редсовет, на котором братья-писатели дружно предложили ни в коем случае нас не издавать, иначе, как они объявили, это будет означать «сдачу позиций». Послали ПнО на рецензию в «Правду» (!!). Рецензия такая: повесть талантливая, но идеологически гнилая. Судя по многим признакам, автор рецензии — наш старый друг Сережа Абрамов, который там заведует литературной критикой. После чего и отправили ПнО в Госкомиздат для усиления удара. Что делать? К сожалению, по понятным соображениям этой информацией я пользоваться не мог, но, по счастью, мне это и не было нужно. 2.12 я отправил Деревянке письмо. Я выражал удивление тем, что МолГв, отправляя ПнО в Госкомиздат, тем самым выражает недоверие идеологической компетенции ЦК ВЛКСМ,

агитпроп которого два года назад в специальном письме Синельникову сообщил, что НЕ ВОЗРАЖАЕТ против опубликования ПнО, а также ставит под сомнение идеологическую компетенцию работников Отдела пропаганды Большого ЦК, которые год назад строго приказали Синельникову издать ПнО и не затягивать это дело. Впрочем, написал я, это дело не наше, а нас касается то, что МолГв вновь прибегает к тактике проволочек и управы на нее не видно, а потому мы вынуждены сказать вам, тов. Деревянко, прямо: если до 20-го декабря вопрос не будет решен положительно и со всеми гарантиями, мы вновь вынуждены будем обратиться в ЦК КПСС. Вот так. Еще в тот же день я написал письмо директору МолГв с требованием официально оформить нам одобрение, ибо сроки давно истекли. По этому вопросу у меня всё.

2. 27.11 получил аванс в Детгизе на ПоДиН — 260 ряб.

3. 3.12 получил из ВААПа извещения на гонорары из ГДР, ФРГ и Аргентины — всего на 270.68. Налоги дерут — ужас.

4. Вчера исполнилось 75 лет Лагину. Послал старику от нас поздравительную телеграмму. Я бы и не знал, честно говоря, да он сам мне позвонил и напомнил, да еще намекнул, что неплохо бы дать по этому поводу что-нибудь в ЛГ. Ну, я созвонился там с соответствующими лицами и получил предложение на полторы страницы, кои я с великими мучениями написал и вчера отвез. Да зря торопился: мне объяснили, что пойдет это в номер позже.

5. Мама прислала вырезку с заметкой о вашей конференции. Силен этот Чепуров — ухитрился не упомянуть тебя! Экая сволочь!

Вот, пожалуй, и всё.

Привет Адке и Андрею.

Обнимаю, твой Арк.

Не забудь, жду тебя 15-го — 17-го непременно.

Да! В сберкассе ничего про те 420 р нет. Попробуй все-таки узнать, откуда эти деньги.

В конце года Авторы вновь встречаются для работы.

Рабочий дневник АБС

16.12.78
Б. приехал в Мск. Продолжаем СЗоД.
Сделали 4 стр. (31)
17.12.78
Сделали 4 стр. (35)
Вечером сделали 2 стр. (37)
18.12.78
Сделали 4 стр. (41)
Вечером сделали 1 стр. (42)
В 62 г. Лев развивал идеи о работе с Голованами на Земле. Вместо этого его со Щекном отправили на Надежду. Не знает ли что-нибудь об этом Максим?
19.12.78
Сделали 4 стр. (46)
Вечером сделали 2 стр. (48)
20.12.78
Сделали 4 стр. (52)
Вечером сделали 2 стр. (54)
21.12.78
Сделали 2 стр. (56)
Вечером сделали 3 стр. (56 + 3)
22.12.78
Сделали 4 стр. (60 + 3)
Вечером сделали 1 стр. (61 + 3)
23.12.78
Сделали 4 стр. (65 + 3)
24.12.78
Б. уехал.

В это время Тарковский заканчивает съемки «Сталкера».

Из: Суркова О. Хроники Тарковского

<...>

11 декабря

Последний съемочный день многострадального «Сталкера». По этому поводу мы отправились на студию вместе с Димой.

Последнее время снимали постоянно по полторы смены, то есть с 9 утра до 11 ночи. Мы приехали в начале седьмого, но оказалось, что опоздали и съемка уже закончилась. Об этом нам поведала Света Рыкалова, которую мы случайно встретили в пустынных коридорах вечернего «Мосфильма». (Света — двоюродная племянница Ларисы, дочь заместителя командующего советскими войсками в Восточной Германии. На «Зеркале» была приближена к Ларисе Павловне, но неосмотрительно сдружилась с Тереховой и с тех пор была полностью отлучена.) Она доложила нам о том, что вся съемочная группа «гуляет» в кабинете у Тарковского. А поскольку по новым законам пить на студии запрещено, то сообщение Рыкаловой не оставило сомнений, что «конспирация» в полном порядке...

К последнему съемочному дню я несла Тарковскому подарок: главу об образе, предназначенную для публикации в «Искусстве кино» (тоже событие!). Но когда мы с Димой пришли в кабинет Тарковского, то застали там пир горой. Гуляла вся съемочная группа, рабочие, осветители. Впереди всех, как обычно, «гуляла» Лариса, которая первым делом сообщила, что «специально для нас» ею сделаны «заначки»...

Андрей не пил... Но в какой-то момент все-таки не выдержал и решился пригубить.

<...>

В тот вечер Андрей поднял только один тост: «За врагов!» Я думаю, что речь прежде всего шла о Рерберге. Все загалдели, мол, «не надо об этом вспоминать». Но Андрей заявил, что надо, и вспомнил о том, как в прошлом году осенью вся съемочная группа уехала из Таллина (после брака пленки на первом «Сталкере») и они остались совсем одни: «Лара,

Араик и я сидели, шел осенний дождь, и мы пили, и пили, и пили и боялись остановиться — так было страшно! Две тысячи метров брака пленки!..»

Тарковский снова и снова вспоминал, как они начинали ту же самую картину с нуля. Говорил о тех, кто так и не вернулся, и благодарил тех, кто снова, несмотря ни на что, пришел работать на картину. И он снял эту картину!

<...>

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

23 декабря 1978

Здесь, в этой тетради, я не записываю всего, что связано с работой над «Сталкером». Об этом — в рабочем дневнике.

Последнее время я всё с большей определенностью ощущаю, что приближаются времена трагических испытаний и несбывшихся надежд. И это в то время, когда я как никогда ощущаю потребность в творчестве.

Я озвучиваю картину, скоро нужна будет музыка... Она получается, правда, несколько длинноватой, но я думаю, в конце концов длина ее утрясется в нужной степени. Картина получается. Она новая для меня — и потому, что получается простой по форме, и потому, что рвет с традиционным отношением к задачам и функциям фильма как такового. В нем я хочу взорвать отношение к нынешнему дню и обратиться к прошлому, в котором человечество совершило столько ошибок, что сегодня вынуждено существовать как в тумане. Картина о существовании Бога в человеке и о гибели духовности по причине обладания ложным знанием. Надеюсь, что смогу вслед за «Сталкером» начать «Путешествие по Италии», если не будет скандала по «Сталкеру». А он, мне кажется, будет.

<...>

Странный это был год, 78-й. Практически без публикаций, как и 77-й, если не считать окончания публикации ПНО в газете «Молодежь Эстонии». Со всё еще не изданными «Неназначенными встречами», с редкими и краткими встречами...

Но именно в этом году на финишную прямую вышли три фильма АБС: долгожданный «Сталкер», почти столь же долго тянувшийся ОУПА и весьма оперативно снимаемый мюзикл по ПНВС.

И именно в этом году АБС были награждены (за ПНО) премией имени Жюля Верна (вручаемой за лучшую научно-фантастическую книгу, вышедшую в Швеции). А еще в этом же году после публикации в США ПНО Авторы были приняты в почетные члены общества Марка Твена (США) — вопреки сомнениям Авторов общество оказалось существующим реально.

На родине же в этом году Авторов наградили призом КЛФ «Фант» (Хабаровск) — за повесть ЗМЛДКС.

1979

Начало года — публикации, письма, договоры...

1 января в «Литературной газете» публикуется поздравление АНа «Л. И. Лагину — 75 лет».

В первом номере журнала «Нева» публикуется рецензия на ленинградский сборник «Незримый мост», где упоминается ПИП.

Из: Белов С. Ленинградские фантасты в Детгизе

<...>

Одна из самых интересных вещей в сборнике — повесть братьев Стругацких «Парень из преисподней» — вполне современна по содержанию, но, несомненно, связана с излюбленными идеями Достоевского. Повесть эта далеко не так проста, как может показаться на первый взгляд, и далеко не однозначно отношение авторов к своему герою — бравому вояке Гагу. Второй план, скрытый за внешней фабулой, проясняется только в финале, точнее даже в самых последних строчках,— так мастерски умеют Стругацкие строить сюжет и до конца держать в напряжении читателя. Оказывается, для Гага лучше живая жизнь на своей страшной планете, чем стерильный, прилизанный, в результате великих побед техники, но скучный мир землян; лучше собственная воля и хотение, чем благополучное и сытое существование без тревог и забот. Здесь не простое воспроизведение идей героя «Записок из подполья» — сложные проблемы научно-технической революции поставлены в этой фантастической истории.

<...>

Не только БН, но и АН занимался молодыми фантастами и ответами на читательские письма.

В архиве сохранились копии нескольких писем, которые АН писал Александру Бушкову, в то время начинающему автору. Первое — от 4 января 1979 года.

Из архива. Письмо АНа А. Бушкову

Дорогой Александр Александрович!

Задержался с ответом — по болезни и по недостатку времени. Буду отвечать по порядку.

1. О «космической теме» в нашей работе. Честно говоря, если не считать самых ранних вещей, у нас нет ее и не было. Ну, а если подходить формально, то сейчас она опять появилась у нас в новой повести, над которой сейчас начали работать.

2. Насчет нашего одиночества во Вселенной. Шкловский для меня звучит достаточно убедительно и авторитетно, а впрочем, я этого одиночества нисколько не испытываю. С другой стороны, ничего я не имею против и сторонников множественности обитаемых миров[1]. Хотя их доказательства, на мой взгляд, почти всегда либо вранье, либо искренние заблуждения, слушать их бывает, как правило, очень забавно.

3. О «летающих тарелках» ничего не думаю. Пока всё, что я об этом знаю, очень противоречиво, даже сообщения заслуживающих доверия наблюдателей. Что же касается инопланетных «инкогнито», то с меня достаточно «инкогнито» вполне земного происхождения — сыт я по горло, как поет Высоцкий[2].

4. По поводу ваших рассуждений о инопланетном вмешательстве в судьбы нашего человечества. Видимо, рано всё же нас освободили от веры в бога. От религии мы гордо отказались, а ходить без религиозных (= инопланетных) костылей всё еще не научились. А по мне — нет лучше слов нашего партийного гимна: «ни бог, ни царь и ни герой»[3].

5. Насчет ангельской ограниченности героев «Попытки к бегству». Скажите, вот Вы, человек грамотный и образованный, на чью бы сторону Вы встали в Японии 12-го века — на сторону Тайра или Минамото?

---

[1] Вновь отсылка к дискуссии Лем — Шкловский в «Знание — сила» (1977. — №№ 6–7).

[2] Зачин песни «Сыт я по горло, до подбородка...».

[3] «Интернационал», музыка П. Дегейтера, слова Э. Потье, рус. текст А. Коца.

6. По поводу психологии творчества ничего дельного сообщить Вам не могу. О том, что это за штука — вдохновение, — тоже. Никогда не испытывал, разве что в юности, когда врал девушкам. Пишем мы потому, что не можем не писать, иначе тошнит. И потом именно то, что нельзя в себе зажимать. Примерно так.

7. А чем должна заниматься современная фантастика — это не вопрос. Вернее, это общий вопрос для всей литературы. Сеять разумное, доброе, вечное[1]. Воевать с ложью, цинизмом, самоуспокоенностью.

Вот всё. С наилучшими пожеланиями, [подпись]

Добавление. Чуть было не пропустил еще одну страницу Вашего письма.

Повесть «Гадкие лебеди» — есть такая. В издательствах ее сочли неудачной и не опубликовали.

«Новые приключения Александра Привалова»[2] — вышла под названием «Сказка о Тройке» в иркутском журнале «Ангара» (не помню, когда)[3].

«Сталкер» Тарковский снимает по мотивам «Пикника на обочине».

5 января подписан договор АБС с Ленинградским отделением «Советского писателя» на сборник из трех повестей.

Письмо Аркадия брату, 8 января 1979, М.— Л.

Дорогой Борик!

Отчаявшись дождаться твоего письма, решил писать сам. Да и пора: поднакопилось новостей.

Во-первых, мы с Ленкой больны жестоким гриппом со всеми вытекающими в такие морозы последствиями, то есть

[1] Отсылка к строке стихотворения Н. Некрасова «Сеятелям»: «Сейте разумное, доброе, вечное...».

[2] Вопрос А. Бушкова относительно «Гадких лебедей» и «Новых приключений Александра Привалова» был связан с упоминанием этих произведений в беседе АБС с Ю. Медведевым: Дороги научного прорицания: Размышления с диалогами, с роботами, с ацтеками, с машиной времени, с путешествием в ту и другую сторону от настоящего // Техника — молодежи (М.). — 1967. — № 7.

[3] Ангара (Иркутск). — 1968. — №№ 4, 5.

без больших надежд на выздоровление в ближайшее время. Правда, я очень надеюсь, что через недельку положение улучшится и всё войдет в норму. По крайней мере сегодня я уже чувствую себя лучше. Так что по-прежнему рассчитывай на приезд в ближайшую пятницу после 20-го, либо — это самое лучшее — прямо 19-го. А теперь о существенном.

1. 4-го позвонил Егоров из агитпропа ЦК ВЛКСМ и сообщил, что в Молгв отдано указание возобновить работу над сборником. Из Госкомиздата пришла рецензия, в общем положительная, но имеется ряд рекомендаций, кои мы вольны или невольны (непонятно) выполнить. Редактором сборника назначается Авраменко (ныне исп. обяз. главного в Молгв). Я спросил: а как же встреча с Деревянко? Ответ: а надо ли теперь? Я: если Деревянке интересны наши соображения насчет положения фантастики в нашей стране, то встреча была бы желательна. Ответ: я доложу. Всё. Мое решение: подождать еще неделю (теперь уже просто до 10–11-го) и отправить письмо Десятерику: мы-де не получили ответа на наше письмо по поводу одобрения, пущенному месяц назад, просим всё же ответить, а вот кстати, нам сообщили из ЦК ВЛКСМ то-то и то-то, а тов. Авраменко не мычит и не телится. Об остальном договоримся, когда ты приедешь.

2. В Детгизе с нашим сборником спешка. Пришла последняя верстка, ее в срочном порядке оформили и вернули в производство. Наша книга и еще одна в нарушение плана не вышла в 78-м году, за это всем втык, и отсюда всё следует. Наши редакторы, правда, не виноваты: как всегда, заело в типографии в Калинине.

3. Звонили из репертуарного отдела Министерства культуры РСФСР. Сообщили, что пьеса[1] залитована, деньги-гонорар будут в этом месяце, начинают распространять пьесу, но сами от нее не в восторге. И не надо.

4. 1-го звонил в дрезину пьяный Толя Солоницын (Писатель в «Сталкере»). По-моему, по инспирации кого-то из

[1] «Без оружия».

Тарковских. Всячески расхваливал материал, рассказывал, как Тарковский монтирует и выбрасывает замечательные куски, как гоняет их на озвучивании, по семь потов с них сгоняет. М. п. этак вскользь заметил, что Андрюшенька таки понавыдумывал и понавставлял в сценарий свои философические высказывания. Какие — забыл или не обратил внимания — он, а не я. Здорово надрамшись звонил.

5. Только что пришел и взял у меня интервью некий Межлумян Константин Сергеевич — от ВААПа, корреспондент журнала «Борзенблатт», центрального органа книгоиздания и книжной торговли ФРГ. Это для статьи о нас в этом журнале. Возможно, он будет звонить и просить свидания с тобой. Не откажи. Это в пользу рекламного отдела ВААПа.

6. Опять слухи о том, что мы уехали к стенам Иерусалима. Хрен знает, как они надоели. И опять источник не прослеживается.

Вот пока всё. Обнимаю, жму, Арк.

Приветы твоим.

Письмо Бориса брату, 9 января 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Только что кончил письмо Велте Элерт — нашей переводчице из ГДР. Она мучается с зМЛдКС и прислала обширный список вопросов и вопросиков.

Получил с почты извещение — два ценных письма из ВААПа — на 221 и 519 ряб. Сейчас пойду получать.

<...>

Брандис выхлопотал в Лениздате сборник на 81-й год. Очень просил нас что-нибудь дать. Я обещал ему СЗоД, сказавши, что это детектив (психологический) из светлого будущего. Он был в восторге.

Вот, пожалуй, и все новостя. Из СовПиса пока ничего. По слухам, там сейчас работает комиссия от нашего СП — проверяют многочисленные жалобы братьев-писателей. Дело доброе, но как бы оно нам не помешало.

Я имею намерение приехать вечером 19-го (Ленуся просила приезжать в пятницу). Если есть иные предложения, срочно отпиши или позвони. Билеты буду заказывать 15-го.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке — привет!

Письмо Бориса брату, 11 января 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Пишу второе письмо вдогонку первому и вот по какому поводу.

Что, если я приеду на недельку позднее? Не 19-го, а 26-го? Дело в том, что у Андрея сейчас экзамены, и сдает он их плохо — надобен контроль. Думаю, что мы особенно ничего не потеряем, если начнем на недельку позже. А? Жду указаний.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночку целую.

11 января АН, как и намеревался, отправляет письмо директору «Молодой гвардии».

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Уважаемый Владимир Ильич!

2 декабря прошлого года мы послали Вам письмо (почтовое отделение В–571, квитанция № 900) с просьбой оформить официально одобрение нашей рукописи «Неназначенные встречи» (договор № 1515). К сожалению, ответа на это письмо мы так и не получили.

Настоящим письмом повторно просим оформить одобрение.

Далее. 4 января с. г. тов. Егоров (зам. зав. отдела агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ) сообщил нам, что в соответствии с указанием тов. Деревянко редактором нашей рукописи определена тов. Авраменко. К сожалению, мы до сих пор не имеем от тов. Авраменко никаких известий.

Просим дать тов. Авраменко соответствующие указания, ибо дело с нашей рукописью и без того слишком затянулось.

С уважением, А. Стругацкий, Б. Стругацкий

У Тарковского — очередной этап работы над «Сталкером» — монтаж картины. И, как всегда, режиссер размышляет над следующим фильмом.

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

5 января 1979

<...>

Не знаю, как буду сдавать «Сталкера». Ведь не примут его без серьезных поправок, которых я, всё едино, делать не буду. Разве что чудо произойдет! А может быть, верить, что примут, и легко примут, и сбудется? Единственное, что мне осталось, — вера, надежда... Вопреки здравому смыслу.

<...>

21 января 1979

<...>

Если Бог меня приберет, отпевать меня в церкви и хоронить на кладбище Донского монастыря. Трудно будет добиться разрешения. Не грустить! Верить, что мне лучше там.

Картину закончить по схеме последнего разговора о музыке и шумах. Люсе попробовать убрать в конце *Бар*. Вставить в *Комнату* новый текст из тетради (о больной дочери) + старый, записанный для сцены после *Сна*. Если получится без *Бара*, в конец *Сна* после руки *Девочку* с костылями у *Бара*. Рыб — убрать. Перейти с последнего плана *Комнаты* — общего плана — на тишине на *Девочку* (цветную) на плечах отца. Дыхание. Главное — речевое озвучание — делать, как на съемке. В финальной сцене на кровати Саше [Кайдановскому] сдержаннее, не голосить, как на съемке. *Девочку* последнего кадра озвучить. (Асафьевым). Пусть

Саша Кайдановский поможет озвучить — у него хороший слух. И ***Шарун*** — не режиссировать, а контролировать на слух. Не делать ***больше никаких*** поправок — это моя последняя воля.

<...>

28 января 1979

А что если развить «Сталкера» в следующей картине — с теми же актерами? *Сталкер* начинает насильно тащить людей в *Комнату* и превращается в «жреца» и фашиста. «За уши к счастью». А есть ли путь такой — «за уши к счастью»? Вл[адимир] Ул[ьянов]? Шарик? Как рождаются потрясатели основ (?). Во всем этом есть, безусловно, смысл. Надо подумать.

10 февраля 1979

<...>

Кажется, действительно, «Сталкер» будет моим лучшим фильмом. Это приятно, не более. Вернее, это придает уверенности. Это вовсе не значит, что я высокого мнения о своих картинах. Мне они не нравятся — в них много суетливости, преходящего, ложного. (В «Сталкере» этого меньше всего.) Просто другие делают картины во много раз хуже. Может быть, это гордыня? Может быть. Но раньше это правда.

<...>

АН продолжает переписку с Бушковым. Второй ответ — от 23 января.

Из архива. Письмо АНа А. Бушкову

Здравствуйте, Александр!

Получил Ваше второе письмо, отвечаю.

Касательно технократов — идеалистов с «поплавками». С этой писаревщиной человеческая культура сталкивается не впервые. Начиная с Писарева, через певцов автомобиля с пудом бензина, пожирающего пространство, и — «что там

Венера Милосская? А что, ее можно кушать?»[1] — предреволюционные годы, и — брать ли на Марс ветку сирени[2] — помните, наверное? Всё это издержки, мусор, недостатки системы воспитания. Не отрицаю, это может стать и опасным, но никак не надолго. Вспоминается случай. Один известный писатель выступал на каком-то крупном заводе. Как это у нас водится, встречу с рабочими местные идиоты устроили в обеденный перерыв, что отнюдь не способствовало установлению контакта с аудиторией. И один из рабочих, раздраженный более других, сказал так: «Что вы здесь нам вкручиваете насчет литературы? Вот я ваших романов не читал, а живу хорошо, и в вас не нуждаюсь, и отцы мои, и деды не нуждались, и дети нуждаться не будут». Писатель, надо отдать ему должное, не растерялся. Он спросил рабочего: «Простите, а вот в ы что делаете?» Тот с гордостью ответил: «А я вытачиваю некую деталь для модели некоего устройства». И писатель вскричал: «А я вот в этой вашей детали, и в этой модели, и в этом устройстве не нуждаюсь, и отцы мои, и деды не нуждались, и мои дети нуждаться не будут...» Всё закончилось смехом и смягчением обстановки. Анекдот, конечно, а смысл глубокий. Вопрос: кто полезней? Хлебороб или балетмейстер? Хлебороб может сколько угодно вопить, что он кормит дармоеда-балетмейстера. Но в глубине души он знает, что просто быть сытым — скука, что мечтает он именно о том, чтобы его дети могли понимать работу балетмейстера, непостижимую по условиям существования для него, хлебороба, самого. Для того и живем, для того и трудимся, и деремся, чтобы каждый хлебороб был не просто сыт, а имел доступ к великим духовным сокровищам человечества. В этом смысле, несомненно, прекрасно было бы написать роман-гротеск: культура, полностью подчиненная потребностям сытости, причем сытости невоспитан-

[1] Цитата из романа А. Н. Толстого «Хождение по мукам» («Сестры», гл. 2).

[2] Начало дискуссии «Нужна ли в космосе ветка сирени?» было положено анкетой «Комсомольской правды» 1963 г. «На Марс — с чем?».

ной. И если Вы сделали такую работу (и особенно, если она литературно хороша), то Вы сделали доброе дело.

Теперь о Вашем романе, где описывается недозволенное вмешательство. Слепок с «Трудно быть богом»? Ну, если и слепок, то правильнее было бы сказать, что слепок с «Обитаемого острова». Только я не думаю, чтобы это был слепок. Проблема морального выбора — теперь вечная проблема, как тема любви, и чем больше таких произведений, тем лучше. Были бы они хороши. В прошлом году вышла повесть рижанина Михайлова «Сторож брату моему». Болгарский писатель пишет сейчас роман на ту же тему. И дай им бог. И я не вижу никаких поводов для беспокойства в том, что Вы выбрали именно эту тему. Скорее приветствую это. Другое дело — как это у Вас получилось в смысле литературы. Конечно, уже в самом изложении сюжета видны логические дыры: если Земля настолько могущественна, то она сумела бы сделать так, чтобы этот сакраментальный звездолет налетчиков не оторвался бы от планеты. Да и более простое соображение имеет место: империалисты прежде всего употребили бы свой выигрыш в боевой технике не для космических завоеваний, а для установления своего господства на своей планете. Впрочем, это мелочи. Это Вам скажет первый же рецензент, который возьмется за Вашу рукопись.

А теперь у меня несколько вопросов к Вам.

Кто Вы? Возраст. Образование. Профессия. Друзья. Много ли в Абакане любителей фантастики. Как относится к фантастике местное отделение Союза писателей. Как относится местный журнал (литературный). И еще всё остальное, что Вы могли бы сообщить.

С уважением и наилучшими пожеланиями, [подпись]

В конце января АБС встречаются в Москве. Они пишут ЖВМ.

Рабочий дневник АБС

27.01.79

Б. приехал в Мск. Продолжаем СЗоД.

Операция «Зеркало» — глобальные сверхсекретные маневры по отражению вторжения Странников. Несколько человек погибли. (Мак смотрит с упреком на Экселенца — тот отводит глаза.)

Остается:

1) Щекн.

2) Бадер.

3) Объяснение со срывом Экселенца.

4) Максим пытается на свой риск спасти Абалкина — неудача.

5) Появление Абалкина у Экселенца.

6) Разведка.

7) Эпилог.

Сделали 3 стр. (68 + 3)

Вечером сделали 2 стр. (70 + 3)

28.01.79

Сделали 4 стр. (74+3)

Вечером сделали 2 стр. (76+3)

Не беспокойтесь. Народ голованов не даст ему убежище.

— Он просил убежище?

— Я не уполномочен об этом говорить. Я уполномочен сообщить.

— Тогда ты должен сказать, о чем он с тобой говорил.

— Это неинтересно.

— Это необходимо.

— Он спросил то же, что и ты: есть ли разница между ним и другими землянами, с которыми я работал.

29.01.79

Сделали 3 стр. (79 + 3)

Вечером сделали 2 стр. (81 + 3)

30.01.79

Сделали 4 стр. (85 + 3)

Вечером сделали 2 стр. (87 + 3)

Безответственный болтун
Провокатор-общественник
Демагог
Рыцарь плаща и кинжала

«Выяснилось, что Экселенц всю свою жизнь посвятил...»

1. Операция «Зеркало».
2. Архивы по теоретической евгенике.
3. История с Андроидом.
4. История из ПиП (черная страница в жизни Бромберга).
5. Наша история:

a) Ученый, кот<орый> молчит о своих исследованиях кроманьонцев.

b) Ученый, который вынужден приписывать себе открытия, сделанные на саркофаге (ушел из науки от стыда).

31.01.79

Сделали 4 стр. (91 + 3)
Вечером сделали 2 стр. (93 + 3)

1.02.79

А. поехал в МолГв.
Вечером сделали 3 стр. (96 + 3)

2.02.79

Сделали 4 стр. (100 + 3)
Вечером сделали 2 стр. (102 + 3)

3.02.79

Сделали 4 стр. (106 + 3)
Вечером сделали 1 стр. (107 + 3)
Дальше д<олжны> быть
1). Программа Странника.
2). История с Тагорой.

31 января в ленинградской газете «Смена» выходит предисловие БНа к рассказу Святослава Витмана (впоследствии взявшего псевдоним «Логинов») «Цели прогресса», в котором БН рассказывает о своем семинаре.

БНС. [Предисловие к рассказу С. Витмана «Цели прогресса»]

Осенью 1974 года в рамках Ленинградского отделения Союза писателей был организован семинар молодых писателей-фантастов. С тех пор дважды в месяц по понедельникам молодые литераторы, работающие (или начинающие работать) в жанре фантастики, собираются в Доме писателей, чтобы прослушать и обсудить очередное произведение. Не все «молодые» молоды, кое-кому уже перевалило за сорок. Многие пишут не первый год, кое-кто уже публиковался, и не раз.

Разумеется, никакой семинар не может научить писать человека, к этому неспособного. Но в наших силах предостеречь начинающего литератора от стандартных ошибок, помочь ему освободиться от распространенных заблуждений, освоить некие основные принципы литературной работы. Регулярное общение с коллегами, обмен информацией и идеями, дискуссия о методике работы — всё это может оказаться весьма полезным для начинающего, да и не только для начинающего.

Сегодня «Эврика» представляет читателям одного из участников нашего семинара — молодого химика Святослава Витмана. Он работает в жанре фантастики уже несколько лет, дважды участвовал в конференциях молодых писателей Северо-Запада. Специализируется главным образом на коротких рассказах.

Письмо Бориса брату, 13 февраля 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Не писал тебе, ибо ждал развития событий. Пронесся слух — достаточно достоверный, — что наше Ленсовписовское начальство получило в Москве чудовищный втык от любезной нашему сердцу Карповой: зачем беретесь за издание фантастики? А договора, вроде бы, заключены с нами и с Шалимовым. Именно в результате этого втыка мы и вылетели из плана 80-го. Впрочем, всё это слухи.

А вот то, что свидетельствую лично я. Меня (через редактора) вызвал к себе главред Кочурин. Сейчас я только что от него. Он был весьма вежлив и предупредителен, прервал из-за меня какое-то совещание в своем кабинете и вышел со мною в предбанник. Извинился, что не удалось вставить нас в план 80-го. Сказал, что надо привести рукопись сборника в договорный вид (два экземпляра, на белой бумаге и пр.). Невинно спросил, не переписать ли договор, чтобы поставить там новый срок представления рукописи? Я, разумеется, отклонил, сославшись на дурную примету. Он не настаивал, сказал только, что направляет мне письмо следующего содержания: а). Надо привести рукопись в договорный вид, б). Хорошо бы придерживаться журнальных вариантов. (Всё это он сообщил мне устно, ибо заготовленное письмо отыскать не удалось.) Я стал ныть, что жалко же терять деньги за пять листов сокращений, и клялся, что все сокращения производились исключительно из технических соображений. Он не настаивал, попросил только, чтобы, отвечая на его письмо, я назвал новый срок представления рукописи («для одобрения») и упомянул, что все сокращения были произведены в журналах только по техническим причинам. На том и расстались. Я отвез рукопись домой и теперь названиваю по телефону в поисках машинистки.

Эксперты, которым я изложил всё это, полагают, что они сделали вялую попытку затормозить договор переписыванием, а раз это не удалось, будут теперь тянуть всякими другими способами (вроде оформления рукописи, которое сейчас, разумеется, никому не нужно, раз рукопись не идет в производство). Такие дела. Будем посмотреть, переведут ли нам аванс. Я был в бухгалтерии еще на прошлой неделе, отвозил туда справку. Мне сказали, что деньги если и будут, то не ранее 20-го февраля, причем у меня создалось впечатление, что они там не имеют указаний перечислять их нам. Впрочем, может быть, я ошибся. Посмотрим. А тебе, оказывается, справок насчет детей представлять уже не надо (больше 50 лет).

Вот, пожалуй, и все мои дела. Прочее — разные несущественные мелочи, например: в «Неве» — маленькая

рецензия на сборник, где у нас «Парень» — о нас там сказано положительно, но как-то смутно. В «Авроре» — Жора Гречко в какой-то статье опять с похвалой отзывается о ТББ.

Да! Пришло письмо из ВААПа: за издания в ГДР и НРБ мне причитается на руки 702.40. Тебе, полагаю, тоже.

В Ленинграде тоже ходит слух о том, что Стругацкие уехали, но тут уж выяснить источник никак нельзя, потому что, как известно, в Ленинграде есть еще журналист В. Стругацкий, так вот он, кажется, действительно уезжает, и поэтому возникла такая путаница, что сам черт не разберет.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет и поздравления!

О перепечатке рукописи БН сообщает и в издательство — главному редактору Кочурину.

Из архива. Письмо от АБС в СовПис

Уважаемый Павел Иванович!

В ответ на Ваше письмо от 12.02.1979 сообщаем, что рукопись нашего сборника «За миллиард лет до конца света» сдана в перепечатку и будет представлена в должном виде в издательство не позднее 25 марта 1979 года.

Что касается журнальных вариантов повестей нашего сборника, то они отличаются от полных вариантов только сокращениями текста, которые были произведены нами исключительно по техническим причинам, в силу малого объема «тонких» журналов, в которых они печатались. Разумеется, мы хотели бы опубликовать в Вашем издательстве наши повести в полном объеме.

С уважением

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

Письмо Аркадия брату, 19 февраля 1979, М.— Л.

Дорогой Бориска!

Получил (наконец-то!) твое письмо от 13-го.

1. Немедленно написал по поводу Карповой письмо Верченке. Совершенно неважно, справедлив ли слух, но это удобный повод начать кампанию за внедрение фантастики в «СовПис», а по Карповой ударить всё одно не грех, <...> старая — тут и «через ее труп», и гнусная история с УнС (заодно я там прошелся и по Л. Левину, ее клеврету и исполнителю самых тонких ее поручений[1]). Хотел отвезти письмо сегодня же (19-го), но оказалось, там у них заседание секретариата.

2. Звонил Тарковский, интересовался, что я предпринял в связи с клеветой о нашем уезде. Я ему подробно рассказал. Он сообщил, что демонстрировать (для начальства) «Сталкера» он будет в середине или в конце марта, но что уже сейчас его треплют, пытаются подправить материал. По другим сведениям на конференции репертуарных и прокатных деятелей было указано, что «Сталкер» выйдет на широкий экран в 80-м году. (Ну, это понятно: если Тарковский представит фильм в марте, то на обсуждение и поправки и споры уйдет месяца два, да еще несколько месяцев на отпечатку тиража.)

3. Извещение из ВААПа о 700 ряб получил.

4. В «Иностранной литературе» № 2 в статье Зориной упоминание о нас, как печатаемых в иноземных краях, да еще на первом месте[2].

5. Непременно по получении этого письма сразу же позвони в бухгалтерию и справься насчет гонорара. Если не перевели, добейся ответа: почему. Если не скажут, обращайся смело к редактору или к главному. В случае чего —

[1] Автоцитата из ЭвП.

[2] Зорина И. Момент сближения. О второй советско-американской встрече писателей в Нью-Йорке // Иностранная литература (М.). — 1979. — № 2. Цитата со с. 204: «Но обратимся к американскому книжному рынку. Мало-помалу там начинают появляться произведения советских авторов: Стругацких, В. Распутина, Ф. Абрамова, Ю. Трифонова. Произведения, обращенные к анализу сложных проблем нашей жизни, о которых нельзя сказать, что в них нет “критического начала...”».

напиши директору письмо в самых резких выражениях. Не стесняйся.

6. По поводу сценария «Чародеев» в ЦТ. Я, оказывается, поторопился, даже не я, а они сами. Им бухгалтерия напомнила, что очередные 25 % выплачиваются по принятии ОКОНЧАТЕЛЬНОГО варианта. Черт бы подрал это телевидение! Придется маленько еще посидеть над сценарием, учитывать их замечания. К счастью, их немного, и главным образом — на сокращение.

7. Заказал в Детгизе сто экзов ПНвС+ПиП. Столько не дадут, но все-таки дадут максимум. В редакции сказали, что ждут сигнала со дня на день.

8. Забавное происшествие: позвонил В. Щербаков — ныне зав. ред. фантастики, научпопа и л-ры о космосе — и деликатно попросил дать высококвалифицированную рецензию на поступившую к ним рукопись Ю. Котляра из Крыма. Я, разумеется, объяснил, что Котляр для меня слишком одиозен и иметь дела с ним я не буду. Надо же, жив курилка!

9. Во 2-м нумере ЭсЭф магадзин (Япония) помещена рецензия на ОО. Невооруженным глазом видно, что автор рецензии весьма озадачен. Признает, что книга — первоклассная, но есть в ней что-то, чего он не в состоянии понять, а именно — сочетание (для него — непостижимое) яркого приключенческого сюжета с явной сатирой. Бедные япошечки.

10. Не находишь ли ты нужным написать письмо в свой Секретариат, на предмет решительного отмежевания от клеветы насчет нашего отъезда и привлечения Секретариата на упорядочения наших отношений с ленинградскими издательствами — в частности с ЛенСовПисом?

11. Ждем тебя 2-го, как условились, однако надеюсь еще до этого получить от тебя очередное письмо.

Обнимаю, жму.

Твой Арк.

Приветы домочадцам.

Письмо Бориса брату, 23 февраля 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 19.02.

1. Письмо Верченке насчет Карповой одобряю. Надеюсь только, что ты не выдаешь там источников информации. Но вообще-то в ЛенСовПисе дела, мне кажется, обстоят не так уж плохо (тьфу-тьфу). Я сдал рукопись в распечатку — туда же, в ЛенСовПис, и референт главреда сказала мне, что директор подписал аванс, так что мы его, надо надеяться, вскорости получим. Договор заключен и действует. Пройдет положенное время — будем вышибать одобрение. Так что не БЕ. Меня, честно, волнует больше неизбежный разговор, когда НВ окажутся на выходе. Ну да переживем и это.

2. В порядке борьбы со слухами выступил давеча в Доме журналистов с гопой наших фантастов во главе с Брандисом. Было довольно нудно, но зато на другой день в ЛенПравде (!) появилась заметочка об этом событии с указанием имен. Так что в Ленинграде, по крайней мере, со слухами будет теперь некоторое время ОК. Тем более, что неделю назад в газете «Смена» был напечатан рассказик одного моего семинариста с моей врезкой о семинаре[1]. Полагаю, в Ленинграде со слухами теперь станет полегче.

3. 26-го у меня заседание приемной комиссии. Тогда же я закажу билет на 2-е, на дневной обычный поезд. Договариваемся как и раньше: если не будет от меня никаких корректирующих сообщений, встречай меня вечером 2-го. Обратный билет буду заказывать на 11-е.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночку поцелуй!

В начале марта АБС вновь встречаются в Москве и продолжают писать черновик ЖВМ.

[1] [Предисловие к рассказу С. Витмана «Цели прогресса»] // Смена (Л.). — 1979. — 31 янв.

Рабочий дневник АБС

3.03.79

Б. приехал в Мск. Продолжаем СЗоД.

Детонаторы.

Связь детонаторов с детьми.

Сделали 4 стр. (111 + 3)

4.03.79

Сделали 5 стр. (116 + 3)

Вечером сделали 2 стр. (118 + 3)

5.03.79

Сделали 4 стр. (122 + 3)

Вечером сделали 2 стр. (124 + 3)

6.03.79

— Я один из 13-ти?

— Эх, Бромберг, Бромберг... Да. Вы один из 13.

— Мне запрещено находиться на Земле и всю жизнь я должен прожить под надзором?

— Да.

— Так вот я пришел сюда сказать, что вы поступили подло и глупо. Вы исковеркали мою жизнь и ничего не добились. Я на Земле и больше не собираюсь ее покидать. И имейте в виду: я не потерплю больше никакого надзора. С вашими шпионами я буду расправляться беспощадно.

— Как с Тристаном?

(Он не ответил.)

— Я вас предупредил. Пеняйте на себя. Я намерен теперь жить по-своему и попрошу больше не вмешиваться в мою жизнь.

— Хорошо. Не будем вмешиваться. Но скажите мне, Лев, разве вам не нравилась ваша работа?

— Теперь я сам буду выбирать себе работу.

— Пожалуйста... А в свободное время пораскиньте, пожалуйста, мозгами и попробуйте представить себя на нашем месте. Как бы вы поступили с 13-ю?

— Здесь и раскидывать нечего. Надо было всё мне рассказать, сделать меня своим сознательным союзником...

— А вы бы через пару месяцев покончили с собой от сознания того, что представляете собой опасность.

— Вздор. Маразм. Психологические выверты. Я — человек, такой же, как и все. Какая там опасность для Земли? Мне смешно об этом думать. Это смешно, а не страшно, Сикорски!

— Ну и прекрасно! Значит, вы согласны быть нашим союзником?

— Вашим — нет.

— А чьим же?

— Что за дурацкая постановка вопроса. Я землянин. Когда я узнал, что мне запрещено жить на Земле, я чуть не спятил. Только андроидам запрещено жить на Земле. Я мотался как сумасшедший — искал доказательств, что у меня было детство, что я работал с голованами, что меня знают и помнят...

— А кто вам сказал, что вам запрещено жить на Земле?

— А что, это неправда? М<ожет> б<ыть>, мне разрешено жить на Земле?

— Теперь — не знаю. Наверное, да. Но посудите сами, на Саракше один лишь Тристан знал, что вам не следует жить на Земле. А он вам этого сказать не мог.

Лев молчит.

— Ну хорошо, пусть он почему-то сказал вам это. Не понимаю почему, но сказал. Тогда почему только это? Почему он не объяснил всей ситуации — причины...

Лев долго молчит.

— Я не хочу говорить об этом.

— Жаль. Нам очень важно.

— А мне важно только одно: чтобы вы оставили меня в покое.

— Лева. Разумеется, мы оставим вас в покое. Но я умоляю вас: если вы вдруг почувствуете в себе что-то непривычное, какие-нибудь странные мысли, необычные ощущения — умоляю, сообщите об этом... ну пусть не мне. Горбовскому, Комову, Бромбергу, в конце концов. Только сразу же. Сразу! Пока вы еще землянин. Пусть я виноват перед вами, но Земля-то не виновата.

— Сообщу-сообщу, — сказал Лев с явной издевкой. — Лично вам.

— Очень-очень на это надеюсь.

Сделали 3 стр. (127 + 3)

Вечером сделали 3 стр. (130 + 3)

7.03.79

Сделали 2 стр.

И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 132 (+ 3 + Щекн) СТР.

[Рисунок — схема финальной сцены ЖВМ. См. вклейку в НС–8.]

8.03.79

Писали анкету для Андерсона.

Приблизительно разметили «Щекна».

Заполнили дыры в черновике.

9.03.79

Попробовали, как исправляется «Щекн». НичеГё.

10.03.79

Ни хрена не делали.

Если считать, что всего 180 стр. черновика, надо делать по 12 стр. черновика в день, чтобы закончить в два захода.

Тем временем сдается «Сталкер».

Из: Суркова О. Хроники Тарковского

<...>

19 марта 1979 года

На сегодня была назначена сдача «Сталкера», но картину сдали еще 16 марта, то есть «досрочно», а это означает, что группа должна получить премию. Тарковский так и сказал: «Нужно было дирекции сдать для премии».

Так что сегодня он еще сидит в студии перезаписи, как и полторы недели назад: просит добавить басов в финальную фонограмму и чтобы звук движения стакана по столу был тише, не таким ясным. Потом ему успевают показать две части рекламных роликов «Сталкера» и «Зеркала»,

подготовленных для «Совэкспортфильма». После чего Андрей направляется в монтажную, чтобы перерезать и переделать четыре части готового фильма.

<...>

И еще одно письмо АНа Бушкову — от 23 марта. С советами молодому автору. Далее фамилия Бушкова еще будет упомянута на страницах этого повествования (в НС–10). Но уже совершенно в ином контексте. Пока же просьба к читателю — запомнить внимательную, участливую тональность письма АНа.

Из архива. Письмо АНа А. Бушкову

Дорогой Александр!

Простите, не сразу ответил — был в боях, ободрал шкуру, но и у меня под когтями клочья шкуры остались. Сейчас передышка, хочу ответить на Ваше последнее письмо.

Что ж, за исповедь — спасибо. Было изрядно интересно. Принимаю на веру, что плакаться в жилетку Вы действительно не намеревались. Давайте сразу к делу.

1. Незамедлительно сдайте экземпляр рукописи секретарю местного отделения СП на предмет рассмотрения и возможной рекомендации в местные органы печати.

2. Высылайте один экземпляр рукописи в Совет по фантастической и приключенческой литературе при Правлении СП РСФСР. Адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13. В сопроводительном письме укажите, что посылаете рукопись по моей рекомендации. И а-пропо: когда будете передавать рукопись Вашему секретарю отделения СП, не забудьте упомянуть, что еще один экземпляр отсылается в Совет в Москве, и что в июле-августе сего года Совет по поручению Правления СП РСФСР проведет обследование состояния нашего жанра по областным организациям от Зауралья до Владивостока.

3. Если Ваш роман произведет плохое впечатление в обеих инстанциях, не огорчайтесь. Многие, не только первые, блины были комом.

4. На Вашем месте я бы засел за повесть о геологе-коллекторе А. Б. 23-х лет от роду, мечтающем написать научно-фантастический роман, и чтобы всё было правдой, все настроения, переживания, мысли, и с обширными вкраплениями глав из будущего научно-фантастического романа. Но это уже совет, а от советов Вы отказываетесь.

5. В Красноярске я вряд ли когда-либо буду, годы не те, хотя в Ваших местах я прослужил три года (в Канске). Если здоровье позволит, приеду в августе в Находку и Владивосток, тоже места родные, там (на Курилах и Камчатке) прослужил четыре года.

6. Пересказать «Улитку» не могу. Дело там не в сюжете. Просто двое бедолаг выкарабкиваются из дерьма, в которое попали.

Желаю успеха, [подпись]

P. S. 1. В следующий раз не забывайте проставить на конверте почтовый индекс (свой).

2. Рукописи в Совет и в отделение СП сделайте параллельно на машинке, иначе читать не будут, я их знаю.

В начале апреля АБС в Москве правят черновик ЖВМ.

Рабочий дневник АБС

31.03.79
Б. приехал в Мск. Пишем СЗоД.
Сделали 7 стр. (6) 9
Вечером сделали 5 стр. (11) 15
1.04.79
Сделали 9 стр. (20) 25
Вечером сделали 8 стр. (22) 32
2.04.79
Сделали 20 стр. (22) 42
Вечером сделали 5 стр. (27) 48

...либо не обратил внимания на предупреждение о нейтринной буре, либо ему было всё равно куда попадать. Ему нужен был врач, срочно, позарез. Зачем?

3.04.79
Сделали 10 стр. (37) 58
Вечером сделали 5 стр. (42) 64
4.04.79
Сделали 23 стр. (42) 75
Вечером А. едет выступать.
5.04.79
Сделали 12 стр. (46) 85
Вечером сделали 6 стр. (51) 92
6.04.79
Сделали 11 стр. (56) 102
Вечером сделали 7 стр. (56) 108
7.04.79
Сделали 12 стр. (60) 118
Вечером сделали 5 стр. (65) 124
Не жук в муравейнике, а хорек в курятнике.
Не людей они спасали на Надежде, а планету от людей.

В апрельском номере «Уральского следопыта» появляется публикация ответов БНа на анкету журнала. Вообще этот номер полон упоминаниями об АБС. В статье Белы Клюевой «Контакты и контракты» сообщается, что в серии советской научной фантастики издательства «Макмиллан» (США) вышли книги ПНО, ОО, ЗМЛДКС, ПХХIIВ. Упоминаются в качестве примеров и реалии из произведений АБС в статьях М. Рута «Небесная география» (о фантастической топонимике), Вл. Гакова «История одной планеты» (об истории завоевания Венеры).

Однако же ни публикации в прессе, ни прямые заявления писателей не могут пресечь ходящие по стране слухи: «Стругацкие эмигрируют!» Об этом 11 апреля БН пишет Борису Штерну.

Из архива. Письмо БНа Б. Штерну

Дорогой Боря!

Только что вернулся из Москвы и спешу ответить на Ваше письмо.

«Подлый треп» ходит, видимо, по всему Союзу. На этот раз удалось даже установить источник — верхи Госкино. Что заставило большого начальника на одном из расширенных

заседаний ляпнуть этакое — неизвестно. То ли добросовестное заблуждение, то ли желание подкузьмить таким образом Тарковского, фильм коего был тогда (декабрь 78) как раз на подходе. Так или иначе, в январе вспыхнули слухи — сначала в киномире Москвы, потом по всей Москве, а потом поползло и по всей стране. В марте вот докатилось и до Вас. Сейчас в Москве и Ленинграде слухи уже затихли и наступила тишь-гладь, но с периферии нет-нет да и сообщат, что-де всё, уехали голубчики, тю-тю. Плюйте в глаза и не давайте утираться.

В остальном же всё ОК. Тарковский закончил фильм, говорят, хороший. В ряде газет появились наши имена в благожелательном духе. Так что — живем.

Сочувствую Вашим бедам. Но все-таки старайтесь не бросать работу. В конце концов, — «единое счастье — работа...»[1].

Желаю удачи,

Ваш [подпись БНа]

Тарковский же в своем дневнике в это время записывает.

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

13 апреля 1979

Во время полемики по поводу сдачи «Сталкера» Павленок заметил: «Зачем употреблять слово «водка»? Оно слишком русское. Ведь водка — символ России».

Я: «Как это символ России? Бог с Вами, Борис Владимирович, что Вы говорите!»

Ну и идиот! Да и вообще, весь уровень обсуждения — убрать «водку», «посошок на дорогу», «ордена несут» (как у нас!), «Весь этот мир им помочь не может» (а мы, страна развитого социализма?). Какой-то ужас.

<...>

[1] Зачин стихотворения В. Брюсова «Работа».

16 апреля 1979

<...>

А «Сталкер», кажется, получился самым лучшим из всех моих фильмов. Коля Ш[ишлин] и Станислав К[ондрашов], по-моему, не поняли. Наверное, не могут поверить в мою наглость и находятся в недоумении.

<...>

И опять АБС встречаются в Москве. Теперь им удобнее так. Возраст, недомогания, усталость не дают возможности поработать активно недели две-три, как это бывало раньше. Неделя, максимум — десять дней совместной работы, и снова порознь — копить силы на следующий рывок.

Рабочий дневник АБС

26.04.79
Б. приехал в Мск. Пишем СЗоД.
Сделали 10 стр. (75) 135
А. ездил за пойлом.
27.04.79
Сделали 11 стр. (86) 146
Вечером сделали 5 стр. (91) 152
28.04.79
Сделали 10 стр. (101) 162
Вечером сделали 5 стр. (106) 168
29.04.79
Сделали 10 стр. (116) 178
Вечером сделали 5 стр. (121) 184
30.04.79
Сделали 11 стр. (132) 195
И ЗАКОНЧИЛИ НА 195 СТР.
[на отдельном листке]
1) Загадка Тристана — разгадки нет, и об этом мы пишем (пункт обведен кружочком),
2) Майка, рисунки, терзания,
2) Как попал в Осинушку,

3) Зачем Гоаннек,
4) Майка, воспоминания,
5) Зачем ему Учитель,
6) Зачем Максим,
7) Зачем Щекн,
8) Как вышел на Бромберга — не пишем,
9) Как и зачем он появляется в Музее,
10) Что произошло в Музее,
11) Почему он не пошел и не открылся начальству?

30 апреля 1979 г.

Вопрос об эпилоге — посмотрим, что скажут квалифицир. люди.

1.05.79

Писали статью для ЛитГаз[1].

2.05.79

Писали статью для ЛитГаз.

3.05.79

Закончили статью для ЛитГаз.

[Запись между встречами]

Человек, проживший много жизней.

Давно понял, что историю изменить нельзя. Сейчас находится в стадии активного альтруизма — спасает отдельных хороших людей. Но ничего в людях не понимает и спасает подонков и ничтожеств.

«Друг» — сотрудник ЦРУ.

Врач — стяжатель и мерзавец.

Перечисленные Авторами одиннадцать вопросов, возникающие у читателя по мере развития сюжета повести ЖВМ, известны среди любителей Стругацких. О них неоднократно говорили Авторы и в своих интервью. Были заданы они и членам группы «Людены» в ньюслеттере «Понедельник» от 7 сентября 1990 года.

[1] Неопубликованная и отсутствующая в архиве статья АБС.

БНС. [Письмо в «Понедельник»]

Попытаюсь и я внести свою лепту. Так сказать, парочка вопросов на засыпку. Как Вам может быть известно, «Жук в муравейнике» был нами задуман и исполнен в форме некоего «детектива нового типа» — есть тайна, есть цепь событий, есть — в известном смысле — разгадка, но!

Но: цепь событий — рваная, из одного события, как правило, не следует другое; тайна, в общем, разъяснена, однако ряд деталей остался совсем без объяснений; и вообще — в каждый момент времени читатель знает ТОЛЬКО то, что знает главный герой, не меньше, но и не больше.

По правилам классического детектива авторам надлежало бы разъяснить ВСЕ обстоятельства, ответить на все недоумения, подвязать все оборванные и бессмысленно болтающиеся нити. Авторы, разумеется, МОГЛИ все это сделать, однако по разным причинам делать не стали.

Поэтому у ВНИМАТЕЛЬНОГО читателя «Жука» должно возникнуть (по нашим подсчетам) ровно ОДИННАДЦАТЬ вопросов к тексту. Некоторые из них лежат на поверхности, другие — закопаны довольно глубоко. Некоторые — не играют существенной роли для сути описываемых событий, другие — весьма существенны. Ответы на некоторые из них легко получить, разобравшись в логике событий, ответы на другие потребуют напряжения воображения — их нельзя вывести логически, их надобно ПРИДУМАТЬ...

В связи с вышеизложенным предлагаю люденам на выбор два варианта: либо найти и сформулировать ОДИННАДЦАТЬ вопросов к тексту ЖвМ; либо эти вопросы сформулирую я, а вы попробуете найти на них ответы. Возможен, разумеется, и какой-то смешанный вариант.

Не могу не заметить, что в свое время я ставил эту задачку перед доблестными фэнами из КОМКОНа-3. Опыт не удался. Задачка оказалась комконовцам не по зубам. Может быть, людены не дрогнут?

Всего доброго!

Людены приняли вызов. Вопросы были сформулированы, и ответы на них шлифовались как заочно, на страницах ньюслеттера, так и в дискуссиях на конвентах 1991 года — «Интерпрессконе» и «Аэлите». Итог обсуждения представил Вадим Казаков в «Понедельнике» от 15 июля 1991 г.

Казаков В. [Письмо в «Понедельник»]

1. Что произошло с Тристаном?

На месте предполагаемого рандеву с Абалкиным (но до появления там Абалкина) Тристан был захвачен контрразведчиками империи, совершенно естественно заподозрен в шпионаже и подвергнут форсированной обработке (возможно, с применением сыворотки правды, ментоскопирования и т. д.) для получения информации. Можно предположить также, что Тристан попал в руки имперцев тяжело раненным и в бессознательном состоянии — в таком случае он мог бредить, а бред этот — фиксироваться. Возможны неудачные медикаментозные попытки вывести Тристана из шока с целью все того же получения информации (а поскольку организм землян все же не абсолютно тождествен организму гуманоидов Саракша, такие попытки могли привести и к выдаче в бреду запрещенной информации, и к смерти Тристана). Совершенно естественно, что для дешифровки такого бреда мог привлекаться Абалкин, получивший таким образом данные о том, что: а) ему нельзя на Землю; б) существует номер некоего спецканала, могущий прояснить причину запрета. Гибель Тристана и получение этой информации и привели Абалкина к нервному срыву, неудачной попытке спасти тело, захвату бота Тристана и т. д. («синдром Руматы-Орловского»).

Все могло усугубиться и тем, что Абалкин действительно считал Тристана своим другом — и вдруг обнаружил двойную игру. Какие-то подтверждения этой игры Абалкин мог затем получить и на Базе — как друг Тристана, он мог иметь доступ к его личным вещам (а помешать этому ни у кого на Базе не было оснований).

2. Как и почему Абалкин оказался в «Осинушке»?

Здесь чистая случайность. На станции прибытия Абалкин узнал, что из-за флюктуаций нейтринного поля нуль-Т неустойчиво работает. Тем не менее он воспользовался нулькабиной, ибо ему:

а) было все равно, куда попадать на Земле;

б) представилась дополнительная возможность избавиться от контроля, причем самым быстрым способом (в месте прибытия Абалкин быстро мог быть вычислен работниками КОМКОНа).

3. Зачем Абалкину понадобился Гоаннек?

Абалкин ищет причины, по которым ему нельзя жить на Земле. Первый логичный шаг: выяснить, можно ли с помощью стандартного генетического оборудования выявить какие-то отличия Абалкина от Homo sapiens. Врач с уединенного курорта вполне подходит для этой цели.

4. Зачем Абалкину понадобилась Майка?

Абалкин узнал, что СЕЙЧАС отличий нет. Одновременно он получает информацию о своей непригодности по психотипу для прогрессорской работы. Теперь Лев должен понять: за что и с какого момента власть предержащие калечат его судьбу. Он должен «пройтись» по всей своей прошлой жизни, найти свидетелей ее и убедиться в подлинности своей биографии и своих воспоминаний. Майя Глумова может подтвердить, что:

а) у Абалкина было детство, его воспоминания о том времени подлинны;

б) Абалкина, имевшего в детстве зоопсихологические склонности, действительно неожиданно превратили в Прогрессора;

в) Майя Глумова СЕЙЧАС не улавливает в Абалкине нечто, скажем так, нечеловеческое.

5. Зачем Абалкину понадобился Учитель?

Это совершенно логическое следствие общения с Майкой. Абалкину надо выяснить то, о чем Глумова знать не может: кто персонально и из каких соображений постарался вопреки профпоказаниям сделать Льва Прогрессором. (Ответы

Учителя покажут, что лично он в злоключениях Абалкина неповинен. Поскольку Серафимович умер, узнать у него детали этой истории Лев не может. Поэтому ему придется обратиться к следующему этапу своей жизни — деятельности Прогрессора.)

6. Зачем Абалкину понадобился Максим?

Наставник Льва мертв, врач школы Прогрессоров — слишком далеко от Земли. Между тем Льву надо понять: почему его, имеющего несомненную склонность к работе с негуманоидами, заставили прервать успешную работу с голованами. Для этого нужен свидетель, подтвердивший бы, что такая работа была вообще и при этом представляла ценность. Каммерер курировал первые шаги Абалкина-Прогрессора — отсюда и обращение к нему.

7. Зачем Абалкину понадобился Щекн?

Эта встреча для Льва очень важна и окупает все усилия по поискам Щекна. Если помнить, что свои отношения со Щекном в прошлом Абалкин считал дружескими, то решаются следующие задачи:

а) попытка выяснить у представителя самих голованов, насколько успешно Абалкин с голованами работал и не была ли вызвана его отставка от этой работы нежеланием самих голованов с ним сотрудничать (и попытка вновь подтвердить свои воспоминания);

б) получение подтверждения своей человеческой сущности — на этот раз от негуманоида, хорошо знавшего прежнего Абалкина и обладающего повышенной чувствительностью к чуждому и непонятному (да и вообще паранормальными свойствами).

8. Как Абалкин вышел на Бромберга?

Все предыдущие контакты вроде бы убедили Абалкина, что он — человек, что его воспоминания — подлинны, но не дали ясного ответа на главный вопрос: почему он оказался под контролем? Все, что уже узнал Абалкин, должно закономерно подвести его к мысли: дело не в каких-то промашках в работе, отклонениях в поведении и т. д., а в самом происхождении Абалкина. Надо теперь выяснить, не связана ли

с появлением Абалкина на свет какая-то тайна, объясняющая факт контроля. Помочь Абалкину может только знаток запрещенных наук и неразглашаемых тайн. Для Льва, наверняка имеющего представление о жизни Земли, нетрудно узнать, что самый большой авторитет в этой области — Айзек Бромберг, что шансы выяснить нечто у ЭТОГО человека наибольшие. Остальное — дело техники...

9. Зачем Абалкин оказался в Музее, где его ждал Сикорски?

После общения с Бромбергом Абалкин наконец узнает ВСЁ (или, по крайней мере, самое главное). Все его дальнейшее поведение определяется, конечно же, не программой Странников, а логикой издерганного, потрясенного обилием скопившейся вокруг него лжи человека. Он узнал-таки, кто персонально отвечает за его изуродованную жизнь. Отсюда — визит к Сикорски — именно ЭТОМУ человеку Лев хочет сообщить, что знает ВСЁ и не потерпит далее насилия над собой. Абалкин собирается жить на Земле, но ему нужна хоть какая-то опора. И он идет к единственному человеку, его не предавшему и не участвовавшему в «игре» — к Майке. О присутствии в Музее Сикорски он размышлять не желает, ибо решил считать себя свободным от контроля. Скорее всего, с «детонаторами» он, отправляясь в Музей, ничего делать вообще не собирается. Комконовские игры его не интересуют — он идет к Майке.

10. Что, собственно, произошло в Музее?

Здесь может быть несколько вариантов развития событий. Учтем при этом, что от «выключения» Каммерера до выстрелов Сикорски проходит очень краткий промежуток времени — минуты какие-нибудь. Поэтому темп событий в Музее должен быть напряженным.

Здесь самая большая сложность — почему в руках у Абалкина оказался «детонатор», коль скоро шел-то Лев к Майке.

Итак, несколько вариантов.

а) Сикорски успел сообщить Майке, что Абалкин — автомат Странников, и удалился куда-то за кулисы. Входит Лев. Разговор с Майкой. «Лева, это правда, что он сказал?» Энергичный монолог Абалкина об идиотах из КОМКОНа,

а потом что-то типа: «Я сейчас тебе докажу, что ни черта не произойдет, а потом мы с тобой отсюда уйдем. Где тут у вас эта штука?» Лев берет «детонатор»... и у Сикорски сдают нервы. Выстрелы из «герцога». (Кстати, о Странниках Майке мог сказать и сам Лев.)

б) То же самое, но Сикорски «в кадре», однако Лев его демонстративно не замечает. Тут могут быть нюансы типа окрика Сикорски, запрещающего Майке показывать Льву «детонаторы» (а она на этот окрик, находясь в шоковом состоянии, просто не реагирует).

в) Лев приходит к Майке и застает у нее в кабинете Сикорски, предлагает ему убраться вон. Перепалка в присутствии Майки и опять-таки демонстрация на тему «ничего не случится» — теперь уже в адрес Сикорски. Концовка та же самая.

г) То же самое, но Лев действительно понимает-таки, что в покое его не оставят НИКОГДА. Окончательный нервный срыв и провоцирование выстрела Сикорски (по сути — суицид).

Во всяком случае, важно вот что. На основании информации Бромберга Абалкин вполне может — в целях демонстрации и без всякой программы — водрузить «детонатор» себе на локоть. А коль скоро в кабинете присутствует Майка, то поиски вместилища детонаторов могут существенно упроститься.

(Перечисленными вариантами дело не исчерпывается, но в таком духе можно продолжать до бесконечности.)

11. Почему Абалкин попросту не пошел жаловаться начальству (коммунизм как-никак)?

Здесь достаточно двух обстоятельств.

а) Абалкин — Прогрессор, не прошедший рекондиционирования, и свои проблемы решает по-прогрессорски, в одиночку, вопреки всем писаным и неписаным законам «Полдня, XXII века».

б) Что такое его родное начальство, Лев уже постиг вполне — достаточно вспомнить печальную участь его жалоб и претензий в предыдущие годы. Было достаточно времени, чтобы убедиться: этот путь ни к чему не приводит.

<...>

Письмо Бориса брату, 22 мая 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Мама передала мне твои проклятия. Но, ей-богу, нечего писать!

Рукопись давно сдал в распечатку. Обещали кончить к 20-му, но кто-то там в семье заболел, и теперь просят отсрочки на несколько дней. Разумеется, как только я получу рукопись, — тотчас же сообщу тебе. Без задержки.

Из «СовПиса» ничего. Да, наверное, ничего и не должно быть. Наше дело теперь тихо помалкивать в тряпочку и ждать истечения договорных сроков, а потом требовать одобрения.

А больше ничего и не происходит. Семинар, секция, письма читателей, марочки (марочушечки), автомобиль (стекло вот ветровое украли — 150 руб. долой) — так всё и идет помаленьку.

В общем, ты не волнуйся. Раз я молчу — значит писать нечего. Будут новости — немедленно будет письмо (или телефонный звонок, или телеграмма).

Обнимаю, твой [подпись]

Письмо Аркадия брату, 30 мая 1979, М.— Л.

Дорогой Борик!

Новостей много, да я все почти рассказал Адке, и теперь лень писать. Всё же главное (на мой взгляд) излагаю.

1. Получил в Посылторге 2419. Справки о твоей доле навести не удалось в связи с тем, что работают теперь с электроникой, и если запросить у машины справку, она просто сотрет из памяти твою сумму. Короче, тебе надо приехать и получить самому. Можно и по доверенности, но это, пожалуйста, только в случае крайней нужды: очередь я выстоял по жаре на 2.5 часа — эта самая электроника четыре раза отказывала, да и людей было — не протолкнуться.

2. Из ВААПа пришли извещения на ВНМ (Швеция) и ОО+ТББ (ФРГ). К выдаче по ФРГ — 24 ряб, а по Швеции —

хрен, там приписано: всё взято за подоходный налог по США. Что сей сон значит — не вем.

3. Из Детгиза поздравили с сигналом. Я таки взглянуть не поспел, сигнал с соответствующей резолюцией вернули в производство. Начал переговоры по переизданию ТББ.

4. Был первый полузакрытый просмотр «Сталкера», я протолкнул туда детей, Маниных, Мирерова, Лукина и Бовина. Впечатления разные. Очевидно, очень мешают уже существующие представления о ПнО.

5. Днями жди на книжку сумму из театра — окончательный расчет по пьесе «Без оружия», что-то ок. одной тыс. ряб.

6. Звонил 17-го в ЛитГазету по поводу нашей статьи. Мне сказали, что статья хорошая, публиковать будут, когда ближе к делу — меня оповестят. Да вот что-то уже две недели не оповещают. Поручил Ревичу и Биленкину исподволь разузнать, как там и что.

7. В самый разгар приступа у меня нордической лени Бела Клюева бросила на меня здоровенную верстку ДР+ВНМ из США. Думал отделаться легким просмотром — ан нет! Переводчики либо исхалтурились, либо пишем мы очень уж сложно — ошибка на ошибке. Четверо суток провел, не разгибая спины, правил, как читальщик у Булгакова[1]. Обнаружил зияющие провалы в моих знаниях языка, но держался стойко. Бела уехала сейчас в США, увезла исчирканную верстку. В ВНМ особенно досадили мне филателистические термины: надпечатки, кляссеры, наклейки и пр. Писал на полях по-английски, что это значит: пусть переводчики сами разбираются. А также казарменный язык Полифема. А также множество путаницы из-за фонетически схожих слов: напр. бородавку перевели как бороду. И так далее.

8. Биленкин побывал в Новосибирске на съезде фантастов РСФСР. Медведевцы — их там двое было из Иркутска —

[1] «Театральный роман»: «Дело в том, что, служа в скромной должности читальщика в «Пароходстве», я эту свою должность ненавидел и по ночам, иногда до утренней зари, писал у себя в мансарде роман» (гл. 2).

сделали ужасную вылазку с призывом отмежеваться от Стругацких и их последователей, но были встречены холодно и даже враждебно, уверились, что это еврейское собрание, и разочарованно удалились. Даже в прощальном банкете отказались участвовать.

9. Обрати внимание на восьмой нумер «Коммуниста» — там статья Ковальчука, очень важная, как мне сказали[1].

10. В СП какая-то тухлая антисемитская возня. Подробности неясны. Хотя стон стоит прежний: всё жиды заполонили. Правда, теперь это называется — сионисты или даже сионистская подпольная организация. Как мне кажется, вонь идет из издательства «Современник», лично главного редактора Сорокина и из Института мировой литературы, лично Палиевского. И как им в такую жару не надоест! И опять про нас слухи.

Ох и жарко же...

Пока всё. Жду сообщения о твоем взятии ЖвМ с машинки.

Обнимаю, жму, твой Арк.

Привет Адке и Андрею.

P. S. В Швеции выходит ВНМ — Люндваль прислал красивую обложку. В Югославии на подходе ПнО и УнС (опять только Перецовская часть).

Письмо Бориса брату, 5 июня 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо еще вчера, но хотелось довести до конца некоторые дела. Вчера был в «Авроре» и вручил, наконец, ЖвМ самому Глебу Горышину, который теперь не только главред, но и завпрозой, оказывается. Договорились, что ответ будет дан в течение месяца. А вечером было наше последнее бюро, и я вручил экз № 2 Брандису — для Лениздатовского сборника. Теперь будем ждать.

Вчера же позвонили из ВААПа, я туда съездил и получил кучу уже известных тебе изданий из США, в том числе, наконец, и ПХХIIВ.

[1] Гаков Вл., Михайловская Н. Осторожно с историей // Коммунист (М.). — 1979. — № 8.

А больше, пожалуй, ничего и не произошло за весь последний месяц.

Из Института искусствознания (!) прислали экспертную анкету с разными вопросами по поводу прошлого, настоящего и будущего нашей художественной культуры. Сижу заполняю. Анкета здоровеннейшая — на тридцати страницах. Читаю разные рукописи. Отвечаю на письма. Вожусь с автомобилем. Покоя нет.

Во Внешпосылторг послал заявление с просьбой переводить мне все причитающиеся суммы по почте. Письма из ВААПа относительно Швеции и ФРГ получил тоже. Единственное объяснение, почему весь гонорар по Швеции забрали в налог, — не хотели открывать лишнюю рубрику по Швеции.

Восхищен твоими подвигами на поприще редактирования английских переводов. Это ты орел. А что касается всяких филателистических терминов, то имей в виду на будущее, что я могу дать по этому поводу исчерпывающую консультацию для французских, английских и, пожалуй, немецких переводов.

О новосибирских событиях мне подробно рассказал Брандис. Да, со Щербаковым, видимо, каши не сварить. Медведева нет, но дух его тяжелый остался.

У нас просмотра «Сталкера» в ближайшее время не будет — перенесли на осень. Отклики, действительно, самые противоречивые и, действительно, недовольные недовольны именно несходством с ПнО. Вот идиоты.

Мамочка всё еще в доме отдыха. Завтра за ней должен поехать и привезти ее, наконец-то, домой. Адка всё ждет «добро» из Москвы, а там не мычат, не телятся.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Ленке и Машке — привет!

О триумфе «Сталкера» в Италии вспоминал главный редактор Мосфильма Леонид Нехорошев.

Из: Нехорошев Л. Тесные врата. Свидетельства о «Сталкере»

<...>

Многочисленные общественные просмотры «Сталкера» — поток восторженных благодарственных писем на киностудию, в Госкино — и, конечно, не только благодаря этому фильм принят к прокату 7 июня 1979 года.

Итак, даты: ноябрь 1975 — июнь 1979 года. Три с половиной года — для «проходной» картины, на которой Тарковский не хотел «сидеть годы» — не так уж плохо, не так ли?

Андрей и Лариса едут с фильмом в Италию и возвращаются оттуда счастливые: международный успех «Сталкера» очевиден, им говорили там, что это — лучший фильм Тарковского. И, кажется, двинулось дело с совместной постановкой «Ностальгии»...

Андрей и Лариса — мои соседи по дому. Мы сидим у них в квартире за большим квадратным столом, отмечаем их возвращение, успех «Сталкера» и пьем теперь водку втроем.

<...>

Письмо Аркадия брату, 14 июня 1979, М.— Л.

Дорогой Борис!

Получил твое письмо аж несколько дней назад, да всё не было досуга ответить. Завтра, 15-го, премьера «Сталкера». Разбойник Андрюшка захватил все сто пятьдесят билетов. Пришлось вымарщивать у него по кускам. Всего удалось выморщить двадцать мест. Тогда началась нудятина с распределением. Кое-как уладил это дело так, чтобы не было особенных обид. Впрочем, еще я рассчитываю на премьеру в Доме ученых, где мне обещали «хоть ползала». Но когда эта премьера будет — бог знает.

Вернулась из США Бела, рассказывала интересные вещи, привезла для своего начальства тамошние рецензии на наши повести: довольно лестно. Потом она еще позвонила и сообщила, что пришел договор из Польши на зМЛдКС. Это, кажется, то, чего ты столь долго ждал.

Состоялось заседание Комиссии (Московской) по случаю организации постоянного семинара молодых, наподобие твоего Ленинградского. Всего пока девять человек. Ожидается еще примерно столько же (к концу года), а руководить будут Биленкин, Войскунский и Гуревич. Вел заседание Биленкин, всё было очень мило и приятно. Кстати, в Совете по РСФСР утвердили мой проект программы Всероссийского конкурса им. И. А. Ефремова — конкурс будет закрытый, под девизами, я — председатель. Не утверждены только сроки: видимо, это будет решаться уже осенью, после возобновления занятий. Есть и еще приятные перспективы: а) видимо, удалось уже связаться с Госкомиздатом РСФСР и договориться, что рецензенты фантастики будут утверждаться Советом; б) есть перспективы и на «Советский писатель».

Совершился акт предательства Сергея Абрамова: он всё заверял меня, что предисловие к НВ он сдаст вот-вот, и вдруг отказался, сообщила мне об этом Авраменко. Мне показалось, что она встревожена, срочно попросила связать ее со Смелковым, что я и сделал. Смелков сообщил мне, что взял у нее рукопись и сдаст вместе с предисловием к 25-му июня.

Больше, кажется, ничего нового. В ЛитГазете не мычат, не телятся, но в свои житницы, несомненно, собирают[1].

Привет Адке и Андрею. Обнимаю, твой Арк.

О заседании Московского семинара вспоминал Алан Кубатиев.

Из: Кубатиев А. Деревянный и бронзовый Данте, или Ничего не кончилось?

<...>

А потом состоялся первый семинар. На нем обсуждали меня.

<...>

Каминная гостиная ДЛ... Туда надо было идти через зал ресторана... Дубовые панели, витые лестницы, пьяненькие классики и ихние подруги... Огромный коллективный шарж легендарных Кукрыниксов на стене... На мое провинциаль-

[1] Перефразировка слов Евангелия от Матфея: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (гл. 6, стих 26).

ное воображение это действовало довольно сильно, хотя и недолго.

Я в общем чувствовал себя способным отбиться от любого наскока и ощущал скорее азарт, чем трепет. Но уже наверху Дмитрий Александрыч мимоходом спросил Белу Григорьевну Клюеву: «Аркадий-то приехал?» — «Да, — был ответ. — Пока в буфете». Вот тут я и обмер.

Аркадия Стругацкого я уже видел в МГУ. Я полюбил его сразу. Но одно дело рандеву по путёвке Бюро пропаганды советской литературы и совсем другое — когда он читает твои рукописи. Тогда я не знал о нём всего, что знаю теперь... Я его боялся.

Аркадий Натаныч пришёл и сел за нашими спинами. Обсуждение началось. Мне, как и Саше, перепало всего. Помню плохо, записи не сохранил — надо, надо заводить архивов, над рукописями трястись! — но вроде бы первая половина отводилась «прокурорам», а вторая «адвокатам». Или наоборот. В память запала фраза юной тогда милейшей женщины Алёны Соловьёвой. Она занималась скандинавистикой, в том числе и фантастикой скандинавов, и была звана для участия. Меня она обвинила в «насильственной интеллектуализации прозы». До сих пор не очень понимаю смысл оценки, но наслаждаюсь ею, как красивым иероглифом на спине пляжного халата.

Дмитрий Биленкин, поблёскивая хитрыми глазами над ассиро-вавилонской бородой, слушал всех и посмеивался. Когда накал стал спадать, он произнес: «Ну что ж...»

Аркадий Натаныч офицерски прокашлялся и поинтересовался: «Ты позволишь мне высказаться или всё уже завершено?»

Тут все засуетились и закричали: «Конечно!.. Разумеется!..» — и, по-моему, даже «Просим!..»

Аркадий Натаныч прокашлялся теперь академически и смолк. Выдержав красивую паузу, он спросил — меня: «Какой это у вас рассказ? По счету, я хочу сказать?»

Речь шла о «Книгопродавце». Он был написан с вполне приличного реального человека, который книгами не занимался

никогда, я сам не ощутил этого, но родная жена его узнала, равно как и прочие. Это был мой третий рассказ. Не знаю почему, но я соврал.

«Пятый», — сказал я, вспотев.

Аркадий Натаныч опять удержал паузу. Какая у него была чудесно неправильная фонетика! «С» он говорил почти как английское «th».

«Ethли б мы th братом напithали не пятый, а пятьdethят пятый такой pathказ, мы могли бы гордитьthя», — величаво сказал он.

Я обмер вторично.

Конечно, я понимал, что это говорит очень добрый, очень пылкий и увлекающийся человек, и я ещё не знал, сколько людей будут меня потом ненавидеть только за эту фразу. Но Боже мой!.. Как мне хотелось, чтобы это было правдой...

Всё, что он говорил потом, до меня не очень доходило.

Увлекшись, он стал развивать и усиливать фабулу, немножко на кафкианский манер, но вдруг спохватился и так же величаво изрёк: «А впрочем, это сделали бы мы, а не вы. Поздравляю вас с рассказом. Работайте».

Так меня окрестили.

<...>

О премьере «Сталкера» много позже вспоминали так.

Из: Манцов И. В маршрутке, на мосту

<...>

Когда я учился во ВГИКе, преподававший нам зарубежное кино Валерий Николаевич Турицын рассказал свою поразительную историю, связанную с легендарной картиной. Он припомнил самый первый публичный показ «Сталкера», состоявшийся в Доме кино. Переполненный зал смотрит сосредоточенно, и никто не смеется. По окончании сеанса случается невероятное.

В гардеробе Валерий Николаевич помог одеться жене и оделся сам. Они вышли на улицу и... молча отправились куда глядят глаза, в совершенно разные стороны! Только

через несколько кварталов супруги спохватились и бросились на поиски друг друга. Конечно, нашлись, но потом еще долго-долго молчали. Мне кажется, это очень красивая история, лишний раз напоминающая о том, что волшебная сила искусства — вещь объективно существующая. Что это не выдумки критиков, не пропаганда продюсеров.

<...>

Письмо Бориса брату, 18 июня 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Я тут подвергся очередному нашествию родственников и потому не ответил сразу на твое письмо. Сейчас вот отсиживаюсь у мамочки и барабаню на старенькой нашей машинке.

О премьере «Сталкера» мне уже рассказывали очевидцы. Как я понял, элите фильм не понравился — аплодисментов почти не было. Ну что ж, на всех не угодишь. Между прочим, я всё забываю тебя спросить: какую категорию дали фильму? Неужто же третью? Отпиши, пожалуйста.

У меня новостей нет. Затишье. И слава богу. Брандису ЖвМ понравился очень: «Одна из лучших ваших книг». Считает, что и со стороны начальства будет всё ОК (за исключением, может быть, нескольких фраз, например: «Пятнадцать лет назад я бы жадно спросил...» и т. д. Оказывается, «пятнадцать лет назад» наводят на размышления).

«Аврора» пока безмолвствует. В «Неву» я всё никак не соберусь, но вот ужо!

Да, я спросил Брандиса: как, по его мнению, годится ЖвМ для Детгиза? Ну, разумеется, ответил он с удивлением. Это удивление меня вдохновило. А не попробовать ли переиздать ОО вместе с ЖвМ? Я всё понимаю, но не попробовать ли? А? Прощупай там почву — осторо-ожненько так... На далекое будущее. А?

Из ВААПа получил две бумажки: какие-то гроши из ЧССР и кругленькую сумму из США. Но наличных Внешпосылторг никак не шлет. Вот дьяволы со своими вшивыми правилами!

Сейчас буду отвечать геноссе Кюбарту из ГДР. Он перевел для «Фольк унд Вельт» ХВВ и теперь просит объяснить ему, что такое артик, перш, слег, пасифунчик и проч. Всего 21 вопрос.

Еще одна идея осенила меня сейчас: если отношения с московским СовПисом исправятся, не сунуть ли ТУДА ОО+ЖвМ?

Вот, пожалуй, и всё. Обнимаю, [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет!

22 июня газета «Советская культура» публикует отзыв АНа на новую телепередачу «Этот фантастический мир». В дальнейшем АН не раз будет сам принимать в ней участие (помогая составлять сценарий очередной передачи или даже лично появляясь на экране).

Письмо Аркадия брату, 28 июня 1979, М.— Л.

Дорогой Борик.

Положение у меня такое: Машка только что родила мальчика, тесть лежит в больнице <...>, зять Эдик только что прошел операцию <...> и тоже лежит в больнице, Ленка свалилась с воспалением легких и тоже лежит — правда, дома. Подробности, если интересуешься, у мамы.

О делах.

1. Из ВААПа пришло несколько несущественных извещений (четыре), из них два — пустышки, за налоги.

2. ЖвМ взял с машинки, один экз отдал Чеховской, один — в ВААП. Читали: Мирер (очень хвалит, говорит — самое лучшее у нас), Манин (ничеГо, а только зачем вы в середину напустили братьев Вайнеров?), Чеховская (нравится, но не будет ли велико для З-С?).

3. Получились экзы ПНвС+ПиП. В Детгизе разжился 45 экз, да еще добился в книжной лавке (через оптовую базу!) 100 экзов. Книжка хорошенькая, аккуратненькая.

4. Смелков написал предисловие к НВ, отвез 25-го Авраменке, та одобрила и дала читать начальству. Смелков думает, что всё будет ОК.

5. Получился гонорар за ПНвС+ПиП — 430 ряб. Сообщи, получил ли ты. И кстати, получил ли деньги из театра — 900 с небольшим.

6. «Сталкер» показывают в избранных местах. Насколько я понял Тарковского, фильму дали ВЫСШУЮ категорию. Однако же видел я Женьку Евтуха[1], он жаловался, что смотрел Гришин и пускал обильную пену, в результате чего заморожен какой-то фильм его приятелей, но «мы вас за это не виним, могло случиться и наоборот». <...>

7. Статья наша в ЛитГазе всё еще не трогается. Вокруг нее идет порядочная свалка. Возможно, кое-что прояснится в начале июля.

Вот пока и всё. Привет твоим.

Жму, обнимаю, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 6 июля 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Не отвечал тебе, ибо ждал результатов с «Авророй». Сегодня наконец поговорил с Горышиным. Как и следовало ожидать, главное требование — сократить до 6 листов (у нас — 9). Всё прочее — благоглупости относительно нехватки оптимизма («хорошо бы, чтобы Лев оставался жив...»), а также возрастания «вязкости» на последних сорока страницах.

Я, разумеется, сказал, что должен посоветоваться с тобой. Я лично полагаю — отказать. Ну их в ж... Печатать они без сомнения готовы, но объем журнала действительно не позволяет им размахнуться. Однако же уродовать повесть я не хочу. Так что, полагаю, если З-С тоже будет просить о сокращениях более одного листа, — тоже отказать. Я в понедельник заберу в «Авроре» экз и отнесу его в «Неву». А ты, кажется, что-то говорил насчет «Дружбы народов»?

Звонила Ирена. ПиП выходит прямо сейчас. На зМЛдКС с ней, наконец, заключают договор. Говорит, что какая-то американская гопа интересовалась телеэкранизацией зМЛдКС.

[1] Т. е. Е. Евтушенко.

У кого права? Мы «Макмиллану» всё отдали, или телевидение осталось у нас? Спроси у Белы.

Из ВААПа я тоже получаю извещения и даже прислали сотню чеков из Внешпосылторга. Я туда (во Внешпосылторг) еще месяц назад послал заявление: в связи, мол, с невозможностью прибыть в Москву прошу переслать мне обычным порядком гонорары из США. Ни ответа, ни привета. Узнай у Белы, кому (имя, должность, адрес) я должен писать такое заявление, чтобы на него обратили внимание.

Деньги из театра и Детгиза получил.

Я понимаю, что тебе сейчас не до меня, но, может, пришлешь мне хоть пяток экзов ПНвС+ПиП? А то ведь я их раньше чем через полгода иначе и не увижу.

Получил письмо от Георгиева из Болгарии. Зовет на конференцию фантастов. Прислал приглашение. Не поеду.

Вот и все дела. С Адкиной командировкой по сей день неясно. Сидим на чемоданах.

Поздравляю тебя дедом и желаю пережить все возникающие трудности.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночку тоже поздравляю и целую, а уж Машку!.. Молодчина, наследника родила!

Письмо Аркадия брату, 13 июля 1979, М.— Л.

Дорогой Борик.

Жить довольно сложно. Однако, к делу.

Книги выслал.

«Аврору» пошли к... Всё уже обделано с З-С. Начнут, вероятно, в январе. Сейчас звонила Татьяна, идет в перепечатку первый кусок, пошли первые претензии: не нравится им, видишь ли, имя Экселенц (до них не сразу дошло, что это прозвище, а тогда стали возникать нелепые мнения, что-де читатель подумает, что это мафия или военная хунта), не нравится им совпадение Странник — Странники. Я всё это на корню отмел. Ты вообще имей в виду, если будут обращаться к тебе — кивай на меня, всё-де знает Аркадий, справ-

ляйтесь у него. Конечно, за исключением тех случаев, если претензии покажутся тебе достаточно убедительными.

По поводу гонораров из ВААПа. Пиши по адресу: 109017, Москва, Лаврушинский пер., 17, ВААП, Отдел расчетов с советскими авторами по международным соглашениям, Коженову Евгению Семеновичу.

Ю. Смелков сделал предисловие к «Незаконченным встречам», но как оно принято — пока неизвестно, Авраменко в отпуске. Через недели две приедет, тогда узнаем, заодно выясним, как дела с художником и вообще.

Переработал «Чародеев», на той неделе сдаю как 2-й вариант на ЦТ, пусть обсуждают, утверждают и гонят деньгу.

Права на телепостановки «Макмиллана» не касаются. Пусть обращаются в ВААП в законном порядке. Кстати, я дал согласие венграм на телефильм по зМЛдКС.

Плотно влез в административную работу по СП. Кажется, меня кооптируют в приемную комиссию РСФСР — она только что зарубила хорошего новосибирского фантаста Прашкевича, будем протестовать. Наладил Сергея Абрамова воевать в Госкомиздат РСФСР — чтобы отказались там от рецензентов-мародеров и отдавали рукописи на рецензии прямо в наш Совет.

Получил приглашение из Польши на очередной их конгресс любителей и клубов фантастики. Ответил им, что посылать приглашение надо не мне, а в Иностранную комиссию.

Пока всё.

Обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Да, забыл. Категория «Сталкеру» — 1-я. Ходят слухи, что Гришин смотрел и плевался, как огнетушитель. Тарковский уехал в Италию — готовить итальяно-советский фильм. Постановочные ему выплатили, а когда нам будут потиражные — пока неизвестно.

Кстати, а что с Кромановым? Были ли известия из Таллина?

Письмо Бориса брату, 14 июля 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Большое спасибо за присланные экзы! И ты знаешь, мне это издание очень вдруг понравилось. Молодчина все-таки этот Мигунов. Его рисунки к ПиП — ну просто прелесть! Будет возможность — обязательно поблагодари его от меня.

Рукопись я из «Авроры» забрал, но в «Неву» пока еще не отнес: куда-то пропал Саша Лурье. Звоню ему чуть ли не каждый день, и каждый раз говорят одно и то же: сегодня его нет, будет завтра. Странно.

Прислал письмо Гена Прашкевич. Он хочет там у себя организовать этакий бенефис Стругацким — пишет похвальное слово и просит что-нибудь новенькое в пределах листа. Я предложил бы послать ему первый из отчетов Льва Абалкина — это 17 страниц текста, довольно увлекательно и зубодробительно, и не выдаются никакие сюжетные тайны. Ты как полагаешь?

Получил я ответ из Внешпосылторга. Ну, ей-богу, словно не человек, а машина пишет. Я ему про Фому, а он мне про Ерему: на Ваш счет поступила... ввиду размера суммы не представляется возможным... Тьфу на них.

Как ты там прозябаешь, брат? О степени твоей замотанности можно составить представление уже по тому, что ты перепутал на бандеролях с экзами номер квартиры. Сочувствую, сочувствую и еще раз сочувствую.

А больше, слава богу, ничего не происходит. И на том спасибо.

Очень тебя прошу: как только ЖвМ пройдет литование, попроси Белу послать рукопись Ирене.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Но каковы суки! На ПНвС дать тираж всего 75 тысяч! А? Гады.

P. P. S. Леночку и Машку целую.

Письмо Бориса брату, 19 июля 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 13.07. Очень тебе сочувствую. Знаешь что, плюнули бы вы с Ленкой на всю эту бодягу и удрали бы к нам хоть на недельку — перевести дух. Мама была бы рада — я выяснял. Повалялись бы на диване, покатались бы по городу или, скажем, по окрестностям. А?

Очень рад, что З-С берет ЖвМ. Но неужели без сокращений? Быть того не может! Как они впихнут эту тушу в свой тощий журналишко? Наверняка потребуют изъять отчет Абалкина, и что тогда делать? Наверное, в этом случае надо будет соглашаться на построчные сокращения, как это бывало раньше. Работа муторная, но это всё же лучше, чем выбрасывать кусками.

Намерение твое влезть в административную деятельность по СП я одобряю. Надо, надо. Пора. То, что они Генку Прашкевича зарубили — это просто преступление. Очень талантливый парень и фактически уже вполне сложившийся писатель. Опять небось славянофильская мафия сработала.

Из Пазарджика прислали первый бюллетень АБС-клуба. НичеГе. Забавно. Впрочем, тебе они, наверное, тоже прислали эту книжечку. Но это, все-таки, поразительно! Крошечный городишко, крошечный клуб — и такие возможности!

Витька Варшавский прислал мне вырезку из ныне покойного «Таймса»[1] — рецензия некоего Тома Хатчинсона на ОО. Рецензия маленькая, но вполне лестная. Кончается она так: «A warming affirmation of the writers' power; Vonnegut without the nihilism»[2].

Первая категория за СТАЛКЕР, это неплохиссимо! Если не ошибаюсь, 100 процентов. Посмотрим, посмотрим. А вот что с Кромановым — представления не имею. И писать туда как-то неудобно. И боюсь, что, если высунешься, сразу же

[1] «The Times», ежедневная газета Великобритании, издаваемая с 1785 года, прекращала выпуск по финансовым причинам и из-за конфликта с профсоюзами с 30.11.1978 по 13.11.1979.

[2] «<ОО —> свежее подтверждение писательского мастерства; Воннегут без нигилизма» (*англ.*).

загребут в дело, а мне не хочется, я всё пытаюсь отдыхать, хотя не очень-то удается: то одно, то другое.

Пришли и в нашу Лавку экзы ПНвС. Я заказывал 50, мне с воплями и стонами выделили 40. Клянутся, что потом дадут еще десяток. Со временем. Мать их!.. А впрочем, я составил список и уже начал оделять избранных.

Прислали из Внешпосылторга чеки — 16 рублей. За Болгарию, как я понимаю. У них там на 5 тысяч моих денег, а они шлют эти гроши, гады.

Между прочим, рецензия Хатчинсона написана на Лондонское («Голланц») издание ОО. Интересно знать: имеем ли мы что-нибудь с этого? И где экзы?

Вот, пожалуй, и все мои дела.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет.

P. P. S. Держись!

Письмо Аркадия брату, 24 июля 1979, М.— Л.

Дорогой Борик.

1. Об приехать сейчас в Ленинград не может быть и речи. Да всё и не так плохо. Всё налаживается.

2. ЖвМ идет в З-С БЕЗ СУЩЕСТВЕННЫХ СОКРАЩЕНИЙ. По 28 машинописных страниц с № 10 по № 5 (за исключением первой главки в № 9, даваемой как анонс).

3. Меня вызывал Сизов, я ему предложил текстик, где черным по белому показано, что действие происходит в чужой стране. Сизов также предложил подумать над очередным фильмом с правом СВОЕГО режиссера. Я сделал предварительную разработку по «Малышу» с Борецким.

4. В Таллин надо написать и извиниться. Иначе выходит голое хамство. Кроманов ничего худого нам не сделал, и третировать его мы не имеем права.

Вот пока всё.

Привет твоим.

Обнимаю, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 29 июля 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 24.07.

Очень рад, что у тебя всё налаживается. Дай-то бог.

У меня никаких новостей нет. Приближается дата автоматического выписывания одобрения в СовПисе. Посмотрим. Пока оттуда ни слуху, ни духу.

Как ты знаешь, Гена Прашкевич хотел устроить нам в своем «Собеседнике» некий бенефис: литературный портрет плюс отрывок откуда-нибудь. Я намеревался послать ему кусок из ЖвМ. Однако, раз ЖвМ благополучно идет в З-С, отрывок теряет смысл. Что послать еще, не знаю. По-моему, нечего. Есть предложение заменить литпортрет и отрывок большим интервью. Тем более, что, по словам Ковальчука, литпортрет у них всё равно никак не получается: «трудно признаваться в любви публично». Пусть Ковальчук задаст вопросы тебе и мне, мы ответим, он переработает это в беседу, мы посмотрим, поправим — и айда. Как ты полагаешь?

Вот, пожалуй, пока и всё.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Очень прошу: не забудь напомнить Беле, чтобы ЖвМ послали после литования Ирене!

Леночке и Машке — привет!

В начале августа АН с приступом стенокардии оказывается в больнице.

Письмо Аркадия брату, 24 августа 1979, М.— Л.

Дорогой Борик.

Три дня назад выписали меня из больницы. Самочувствие нормальное, жру сустак, не расстаюсь с нитроглицерином, воздержанно курю. Приступил к работе — перевод «Есицунэ», договор мне прислали.

Никаких новостей нет. Из ВААПа пришло несколько извещений о гонорарах из всяких стран, тебе, я думаю, тоже

прислали. А также затребовали согласие на постановку зМЛдКС на венгерском телевидении, да из ФРГ запросы на перевод Малыша и зМЛдКС.

У меня к тебе просьба. Мне скоро получать деньги по бюллетеню, так надобно иметь справки о гонорарах (за любой год от 1974-го, чтобы набралось 3300 ряб). Сходи в бухгалтерию СовПиса и возьми для меня справку о гонораре за сборник — они там, конечно, знают, что это за справка, — и срочно пришли мне.

Чеховская сообщила, что ЖвМ благополучно прошел Главлит, спросила, сколько экзов журнала мне надобно — я сказал, что пятьдесят.

По непроверенным данным в Госкино показывали фильм Кроманова, остались довольны, сулят большие тиражи, а о категории ничего неизвестно, ее определяет сама студия. Кстати, неправильно ты сделал, что не принял в Ленинграде Кроманова, когда он приезжал. Плюешь, братец, в колодец, так не годится. Видимо, поэтому и меня не пригласили на просмотр в Москве.

Борецкий сообщил, что Павленок отвергнул (вычеркнул из плана) не только ТББ, но и «Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю». Придется, наверное, идти — выяснять отношения.

Из ВААПа прислали договор из Польши на зМЛдКС, можешь сообщить Левандовской.

Пока всё. Жму, целую, твой Арк.

Привет Росшеперу.

Письмо Бориса брату, 30 августа 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Только что получил для тебя справку. Прилагаю. Но напоминаю еще раз: обратись в ВААП — они выпишут справку, перешлют ее в Литфонд, и ты горюшка знать не будешь.

Надеюсь, что здоровье твое крепчает. Выясни у знакомых врачей, не следует ли принимать тебе «капли Морозова». Мне очень рекомендовали для тебя это лекарство от стено-

кардии. Говорят, его производят только в Ленинграде. Если надо, я его постараюсь раздобыть.

Что Павленок отвергнул ТББ-С и Бойцового Кота — в конце концов, плевать. Жила эта вычерпана, а какого-нибудь ах!-фильма из этого всё равно не получилось бы. Конечно, потиражные... Кстати, что с потиражными за «Сталкер»? Между прочим, в последнем номере «За рубежом» какой-то английский кинодеятель пишет, что «Сталкер» приглашен на ближайший Лондонский кинофестиваль.

Кроманов, разумеется, обижен. Но вовсе не потому, что я его к себе не пригласил. Просто они дважды звали меня в Таллин на пробы, на съемки и пр., и оба раза я не поехал. Не надо больше мне поручать дел, связанных с разъездами, а? Я уж тут, на месте буду споспешествовать.

Кстати, в бухгалтерии СовПиса сказали, что деньги по одобрению дадут только в октябре.

Симонов умер — вот беда! Что теперь Лешка[1], бедняга, будет делать?..[2]

Когда встретимся? Обсудить охота новую повестуху. По-моему, что-то из этого сделать можно — злое и печальное.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет!

Письмо Аркадия брату, 6 сентября 1979, М.— Л.

Здравствуй, Борик.

Здоровье мое ничеГо, жить можно, работать можно и даже немного развлекаться можно. За предложение «капель Морозова» спасибо, ужо узнаю у врачей, тогда напишу.

К сожалению, в ближайшее время встретиться будет, вероятно, невозможно. Будем ждать середины ноября, когда мы с Ленкой намерены приехать в Ленинград, тогда и обсудим всё.

---

[1] Герман Алексей Юрьевич (Георгиевич), режиссер, сценарист.

[2] К. Симонов помогал режиссеру, попавшему в опалу после того, как в 1972 г. был «положен на полку» снятый им к/ф «Операция “С Новым годом!”» (будущий «Проверка на дорогах»). В частности, пригласил его снять к/ф по своей повести «Двадцать дней без войны».

Ковальчук передал мне ХВВ в английском издании — точная копия пейпер-бука США, только в твердой обложке и больше по формату, и с суперобложкой. А Милан Чолич привез единственный — к сожалению — югославский экз ПнО с очень забавными абстрактными иллюстрациями.

Сценарий «Чародеи» (2-й вариант) обсуждался на ЦТ и принят без единой поправки с большими похвалами в наш адрес. Теперь мы получим еще по 25 %, а затем начнется режиссерский сценарий, и если всё будет благополучно, фильм покажут в Новый год с 1980 на 1981 по телику. А там уж и все прочие выплаты.

Ни о «Сталкере», ни об «Отеле» ничего нового не слыхать.

Со статьей нашей в ЛитГазе тоже ничего, но мертвый сезон кончился, и мы будем иметь возможность (как я надеюсь) сильно на них нажать.

Из Франции просили зМЛдКС.

Вчера по просьбе Белы встречался на книжной ярмарке с вице-президентом «Макмиллана» неким Холси. Симпатичный мужик, очень к нам уважителен. В частности, сообщил, что средний уровень интеллектуальности фантастики Стругацких выше такового же ведущих фантастов США. Ну и прочее там. Были еще Ковальчук, Биленкин, Гуревич, Можейко.

Вот, пожалуй, всё. Обнимаю, твой Арк. Привет Андрею и Адке, как будешь ей писать.

Чолич будет в Ленинграде, позвонит к тебе. Прими его, будь человеком.

18 сентября умерла Александра Ивановна Стругацкая, мать АБС.

Письмо Аркадия брату, 28 сентября 1979, М.— Л.

Здравствуй, Борик!

По возвращении в Москву нашел у себя письмо от Чаковского. Очень гневное письмо, в котором он упрекает меня — нас с тобой — за демагогию и спекуляцию и впопыхах

(не сомневаюсь, он продиктовал это письмо сразу же по прочтении нашего наглого и заносчивого) подставляет задницу под хорошие пинки. Содержание в подробностях передавать здесь мне лень, существенным же является в нем то, что он обзывает нас талантливыми литераторами и обещается незамедлительно разобраться в деле с нашей статьей. А сегодня позвонил Е. Кривицкий и пригласил меня на беседу 2-го, присовокупив, что ежели мы с ним, Кривицким, договориться не сможем, Чаковский распорядился привести меня к нему, Чаковскому.

Звонила Бела, сообщила, что «Макмиллан», не дожидаясь рукописи ЖвМ, уже прислал бумагу о решении его издать.

Нынче привезли мне 50 экзов З-С № 9. С ними была диковинная история. Эти экзы должен был привезти Карл Левитин в первый же день нашего возвращения. Поздно вечером он позвонил мне и сообщил следующее. Он несся к нам на полном ходу по Садовому кольцу и вдруг, не доезжая посольства США, у него начисто отказали тормоза. На скорости в 60 км/час он вылетел на тротуар, повертелся среди людей, деревьев и стоящих машин и кое-как остановился. Характерно, что милиция у посольства не повела и усом. Он осмотрел машину и обнаружил, что вытекла вся тормозная жидкость. Вот так-то. Захлопнул дверцу и отправился переживать домой. Каков Карл!

Вот пока все наши дела. Жду твоего письма, дорогой.

Обнимаю, жму, твой всегда Арк.

Октябрьский номер «Невы» публикует статью Евгения Брандиса, анализирующую современную научную фантастику. Уделяется в ней место и АБС.

Из: Брандис Е. Горизонты фантастики

<...>

Психологизм, неотделимый от этики, пожалуй, главное, что сейчас доминирует. И это характерно в произведениях, решенных в философском ключе, ставящих достаточно трезво и осмотрительно глобальные проблемы экологии,

допустимых пределов вмешательства в законы Природы, кризисных, но отнюдь не тупиковых ситуаций, возникающих на пути познающего Разума, для которого не существует преград. Одно из таких многозначных произведений — повесть братьев Стругацких «За миллиард лет до конца света» («Знание — сила», 1976, № 9–12, 1977, № 1). Писатели словно хотят сказать: «Есть проблемы трудные, сложные, даже опасные проблемы роста цивилизации. Надо честно, разумно и смело смотреть им в лицо, настраивая себя на их преодоление, а не сидеть сложа весла, дожидаясь, когда Природа отомстит за себя».

Остросоциальная повесть тех же авторов «Парень из преисподней» (сб. «Незримый мост») непосредственно примыкает к их предыдущим произведениям — «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Обитаемый остров» и др., — изобличающим изуверство и мракобесие как тип мышления и как образ жизни. В данном случае авторы избирают труднейший прием сказовой речи: обличение отрицательного персонажа его же устами. Все события пропускаются сквозь призму извращенного сознания некого Гага с условной планеты Гиганда. Гагу, с его образом мышления, и темным силам, которые его породили и сделали таким, как он есть, противопоставлен землянин Корней с его безупречными нравственными принципами, сумевший внушить к себе уважение даже такому типу, как Гаг, хотя ему совершенно непонятны бескорыстные побуждения этого человека, который жертвует своим научным призванием и личным счастьем ради возрождения цивилизации на Гиганде, заведенной в тупик произволом ее правителей. Будущее Земли приоткрывается только небольшим уголком, и всё же за немногим видится многое — и новые человеческие взаимоотношения, и поразительный уровень науки и техники, и новые представления о моральном долге человечества в отношении отсталых планет. Авторы ничего не разжевывают, оставляя Гага на перепутье. В сложной политической обстановке наших дней, когда одновременно с борьбой за разрядку напряженности в ряде стран поднимает

голову неофашизм, «Парень из преисподней» приобретает особую злободневность.

<...>

Письмо Бориса брату, 6 октября 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Не отвечал на твое письмо, потому что замотался, да и новостей у меня никаких нет. А сейчас вот простудился малость, зубы болят, так что сижу дома с распухшей мордой и пишу письма.

Очень любопытно, что там у тебя получится с Чаковским. Разумеется, это ужасно — получить от него такое письмо, но — черт его знает! — может, это и к лучшему? Может быть, с ними только так и можно: резко, принципиально, по-партийному, без всяких вуалей! Если нашу статью опубликуют без существенных купюр, значит, такой вот резкий метод годится. Ну, а если нет... Значит, нет.

Я тут занимаюсь только хозяйственными делами. Ребята помогают. Один бы я, конечно, ничего не сделал, а так почти всё уже сделано. Осталось только реализовать книги и вывезти мебель. Вот поправлюсь и доведу всё до конца. Наше собрание сочинений с посвящениями мамочке я придумал переправить тебе. Тогда у тебя высвободится куча экзов для ВААПа, для подарков и т. д. Но это — во благовремении.

Друзья меня не покидают, так что ты можешь быть за меня спокоен. А себя — береги! Умоляю, подсократись по части выпивки! Это очень вредно при стенокардии. Помни, что мы с тобой должны успеть написать еще не меньше пяти повестух. Не меньше! А уж потом — гори всё ясным пламенем: уйдем на пенсию и предадимся доступным порокам.

Обнимаю тебя, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — поцелуи!

Борис беспокоится о здоровье брата не напрасно.

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

16 октября 1979

<...>

Сегодня звонил Аркадий Стругацкий. У него тоже умерла мама (за две недели до смерти моей мамы). Был пьян. Придет в субботу в 4 часа.

<...>

Письмо Аркадия брату, 19 октября 1979, М.— Л.

Дорогой Борик!

Письмо твое получил аж в прошлое воскресенье, а собрался ответить только сейчас. Правда и то, что существенных новостей не имеется.

1. Из ЛитГазеты ни гласа, ни воздыхания. После того, как от Чапчахова был курьер и забрал вставку с именами пострадавших, — всё, тишина. Это было 9-го. Теперь, если до 22-го ничего не последует, снова пишу Чаковскому.

2. Из ВААПа:

1) Договоры из ЧССР на отрывок ПХХIIВ и на ВНМ — два отдельных договора от разных издательств.

2) Договорное письмо из Венгрии на право телепостановки зМЛдКС, на 60 мин., по 70 форинтов за минуту.

3. Добиться в Детгизе переиздания ТББ не удалось: им категорически запретили переиздания. Существующий с ними безавансовый договор на сказку пролонгируется до ноября 80-го года.

4. Из МолГв тоже ничего. По слухам — сдано в набор. Иллюстрации мне так и не показали. Поистине, с ними чувствуешь себя, как дрессировщик крокодилов!

5. Лениво хлопочу по поводу поездки в Югославию в начале декабря на Международные встречи переводчиков («как один из лучших переводчиков японской л-ры на русский язык»). Тоже то еще болото — эти наши иностранные комиссии...

6. Занимаюсь рукописями «молодых». Неожиданно (и со стороны) получил две объемистые рукописи, поразившие меня высоким классом литературы и непривычным, нетрадиционным, насквозь психологическим подходом к теме. Характерно, это авторы — не писавшие раньше фантастики, т. е. не ушибленные «кризисом». Есть порох в пороховницах!

Вот, пожалуй, и всё, достойное упоминания.

Обнимаю, твой Арк. Привет Андрею и друзьям.

Письмо Бориса брату, 22 октября 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо и отвечаю немедленно, хотя новостей у меня никаких нет.

Миша Ковальчук передал в Ленинград грамоту от Люндваля, и эта грамота была мне вручена в полуторжественной обстановке на заседании секции. Церемония эта, и без того достаточно унылая (ты знаешь мою неприязнь к церемониям), омрачалась для меня еще и мучительными размышлениями: где же то самое шведское издание ПнО, за которое я имею честь получать приз? Кстати, нет ли у тебя такового и нельзя ли таковое вышибить из Ковальчука или — при его посредстве — из Люндваля?

Помаленьку подбираю для тебя материалы для сборника. Тут всё осложнилось тем, что Брандис ведь тоже собирает сборник (в который должен, по идее, попасть наш ЖвМ) и поскольку он начал на полгода раньше, то успел уже подгрести под себя всё лучшее. Так что я сумею послать тебе только то, что похуже, либо вещи, Брандиса напугавшие, хотя и хорошие. Надеюсь выслать тебе бандероль на этой неделе — от трех до пяти рассказов общим объемом лист-два.

Тут еще вот какое дело. Адка моя, бедолага, ухитрилась в Германии сломать руку: попала каблуком в трамвайный рельс, упала и теперь ходит в гипсе. А у нее — солидный багаж. И она, бедненькая, просит, чтобы я ее встретил в Москве

(лететь она обязана через Москву). Есть надежда, что ее встретят от Академии наук, тем более что половина ее багажа — для Академии. Если нет, тогда я попрошу ее встретить Шурку Мирера (ты ведь сейчас не годен для перетаскивания баулов). А если и тут получится нет, тогда придется-таки мне приехать. Точные даты еще неизвестны, но ориентировочно Адка прилетает 31-го. Тогда я просил бы вашего с Ленкой разрешения приехать вечером 30-го, переночевать, встретить Адку, еще раз переночевать и уехать 1-го.

Обнимаю тебя, твой [подпись]

P. S. Леночку и Машку поцелуй!

Письмо Аркадия брату, 6 ноября 1979, М.— Л.

Дорогой Борик!

Хотел написать тебе сразу после отъезда от нас Адки, но пришлось отложить — сначала из-за обстоятельств, а затем немного приболел опять.

1. За это время дважды виделся с Тарковским: раз он был у нас, раз — мы у него. Он недавно был в Италии, в декабре снова едет, будет снимать фильм (сначала думали — публицистический, а теперь уже просто художественный). Он сообщил, что «Сталкер» выйдет на экране во втором квартале будущего года, а что касается выплаты потиражных, то всё здесь неясно, ибо как раз в то время, когда с нами заключался договор, пришла перемена закону о потиражных, и всё для нас стало неопределенным. Я, кстати, посылал письмо Сизову по этому поводу, однако ответа не получил, Тарковский говорит, что Сизов вот-вот уходит на пенсию. «Сталкер» продан в ФРГ, Францию, Италию и еще куда-то. Позавчера Тарковский уехал зачем-то с Ермашем в Польшу.

2. 22-го из МолГв приезжали редактор и худредактор, привозили на подпись иллюстрации и титульный лист на сдачу в печать. Иллюстрации современные, то есть безобразные, но я спорить не стал и даже похвалил. Сдача в печать имела место 23-го.

3. 24-го был в ЛитГазете, говорил с Чаковским. Безнадежно. Он утверждает, что фантастики нет потому, что нет авторов, а авторов нет потому, что фантастика теперь не интересует читателей. Все мои попытки разубедить его натолкнулись на тупую и напористую демагогию. Я плюнул и ушел. Плакала наша статья.

4. Позвонили мне из Московской организации, сообщили, что создана комиссия по литнаследству Лагина и я в ней председателем, оформляется постановление.

5. Было бы хорошо, если бы ты написал в Таллинфильм и узнал, как там дела и как дела насчет гонорария. Как бы не замотали ненароком.

6. А что из СовПиса? Не послали ли гонорар за сборник?

Приветы Адке и Андрею.

Остаюсь твой Арк.

Письмо Бориса брату, 15 ноября 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Долго не отвечал на твое письмо потому, во-первых, что болел, а во-вторых — новостей не было. Теперь вот вроде бы поправился (сопли уже не до колена, а всего лишь до пупа), но новостей что-то по-прежнему не видно.

Из СовПиса ничего не слышно. На сберкнижке я давно не был, так что не знаю, прислали они одобрение или нет. Скорее всего, нет, так как перед праздниками (как мне рассказывали) производили выплаты еще лишь за июль.

В Таллинфильм ужо напишу, но ведь и там, наверное, заминка из-за перемены законов. Кстати, если нам решат выплачивать по новым законам, то это будет весьма солидный куш (при условии, впрочем, высшей категории).

Звонил мне Лешка Герман, сразу после того, как посмотрел «Сталкера». Очень хвалил. Я даже не ожидал от него таких прочувствованных слов. Он ведь человек скорее ядовитый.

Хочу приехать к вам дня на два, максимум на три. Напиши, пожалуйста, в какие дни это лучше всего сделать, чтобы

я мог получить деньги во Внешпосылторге — накопилась, судя по бумагам из ВААПа, весьма здоровенная сумма. Получим мы с тобою чеки, обсудим ситуацию, то, се. Книги я тебе привезу кое-какие. Рубашку твою. Долги Адкины отдам. И вообще. Причем хорошо бы приехать так, чтобы не затрагивать понедельника, когда у меня всякие заседания.

В «Неве» Брандис опубликовал статью «Горизонты фантастики». Что-то вроде очередного обзора ф-ки последних лет. Из наших вещей упоминаются: зМЛдКС — практически вскользь, и ПиП — довольно подробно.

Саша Лурье очень советует обратиться в «Неву» с какой-нибудь заявкой. Говорит, что сейчас шансы велики. Но что заявлять? Ни одной разработанной проходимой вещи. Тоже вот надобно обсудить при встрече.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет!

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

18 ноября 1979

<...>

До меня дошли слухи о том, что «Сталкер» будет прокатываться третьим экраном, как «Зеркало», безо всякой рекламы. Вчера в Д[оме] К[ино] рассказала Н. Зоркая, которая должна была делать рекламные статейки. Натравил Аркадия Стругацкого, кот. собрался писать Зимянину.

<...>

Письмо Бориса брату, 19 ноября 1979, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Хоть и <с> запозданием, но посылаю тебе просимые рукописи для вашего сборника. Как я уже тебе писал, всё лучшее захватил Брандис для сборника в Лениздате, так что на твою долю осталось лишь то, что он либо побоялся взять, либо не захотел.

Рукописи я расположил в порядке убывания к ним моего интереса. Но ты, пожалуйста, прочти их все. По сути, каждая из них не ниже современного среднего уровня.

ВСЯЧЕСКИ РЕКОМЕНДУЮ тебе Михаила Веллера — «Всё уладится» и «Недорогие удовольствия». На мой взгляд, такие рассказы способны украсить любой сборник.

БЫЛ БЫ РАД, если бы удалось тебе опубликовать следующие четыре рассказа: В. Рыбакова «Сказка об убежище» (рассказ сумбурный, несколько неряшливый, но с фантазией, черт побери); Ф. Дымова (он же Ф. Суркис) «Полторы сосульки» (вполне добротное сочинение, к себе в сборник я взял бы такое, не задумываясь, хотя и без особых восторгов); С. Витмана «Железный век» (тоже вполне добротное сочинение для журнала «Химия и жизнь»); Б. Романовского «Мужчина есть мужчина» (тема — стандартная, но написано с приятным юморком).

Всё прочее посылаю без надежды и особых рекомендаций. А вдруг?

И. Смольников «Второй том» — это, собственно, даже не мой семинарист, просто симпатичный парень, да и рассказ, по-моему, недурен, хотя все эти Гоголи, Булгарины и Эдгары Аллана По порядком осточертели в современной фантастике.

Г. Усова «Робот, которого никто не любил» — рассказ, казалось бы, стандартнейший, но, ты знаешь, он меня тронул — удалось все-таки бабе написать что-то действительно трогательное.

А. Шейкин «Предвестник» — посылаю без всякой надежды, ибо творение сие безнадежно толсто и водянисто. Но, согласись, не без изюминки! Мы с Аскольдиком договорились так: ты посмотришь и если в принципе сочтешь возможным, то он готов сократить до нужных размеров (тем более, что там есть что сокращать).

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет! И Машке!

28 декабря датируется письмо из Ленинградского отделения «Советского писателя». Случилось то, чего так опасался БН.

Из архива. Письмо БНу из СовПис

Уважаемый Борис Натанович!

Как явствует из плана издательства «Молодая гвардия», на 1980 год предусмотрен выпуск Вашей книги «Неназначенные встречи» (см. № 288 плана издательства на 1980 год).

С удивлением мы узнали, что в указанную книгу вошла и повесть «Пикник на обочине», которая находится в работе в нашем издательстве и составляет почти треть объема рукописи «За миллиард лет до конца света».

Передача части рукописи в другое издательство без ведома и согласия нашего издательства является, не говоря уж об этической стороне дела, нарушением авторами договорных обязательств, предусмотренных примечанием к пункту I договора.

Просим представить письменное объяснение по данному случаю.

До выяснения всех обстоятельств и принятия издательством окончательного решения работа над Вашей рукописью приостанавливается.

С уважением

Директор Л. О. издательства «Советский писатель» Г. Ф. Кондрашев

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

29 декабря 1979

<...>

МК КПСС послало какое-то полузакрытое письмо на киностудию «Мосфильм», где осуждается низкий художественный уровень фильмов, выпущенных «Мосфильмом», и как пример названы три: «Кот в мешке», «Молодость с нами» и «Сталкер». Картина запланирована на второй квартал 80-го года при 200 с чем-то копий.

<...>

В 79-м году в «Детской литературе» вышел сборник, включающий ПНВС и ПИП. С сентября начал публиковаться ЖВМ в журнале «Знание — сила».

Сам же год получился неоднозначным. Сняты и вот-вот выйдут на экраны два фильма по АБС — первые и сразу два! Но проблемы у Авторов, похоже, только начинаются. С издательством «Молодая гвардия» — прежние позиционные сражения, причем из-за проволочек «Молодой гвардии» на АБС ополчился и «Советский писатель». Смерть матери и проблемы с сердцем у АНа (первый звоночек)...

1980

Письмо Бориса брату, 8 января 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Ну, был я вчера у главреда ленинградского СовПиса тов. Назарова Роальда Викторовича. Это в СовПисе человек новый, и месяца еще не сидит. Раньше был секретарем нашего СП по работе с молодыми. Однажды я имел с ним дело, и он немедленно, не моргнувши глазом, мне наврал. А больше я про него ничего существенного не знаю.

Разговор наш, если отвлечься от кисло-сладких комплиментов и реверансов, дал следующие совершенно конкретные сведения:

а. Из плана 81-го года мы, благодаря этой истории, уже вылетели — окончательно и бесповоротно;

б. На специальном совещании будет обсуждаться вопрос, есть ли необходимость разрывать с нами договор, было ли нарушение злостным и т. д. Если будет решено, что договор можно не разрывать, то

в. Будем думать, как поступать далее. Издательство в принципе не против замены ПнО вещью равного объема.

г. Я должен как можно скорее в письменном виде изложить объяснение происшедшему.

Вот такие пироги с зайчатиной. В утешение могу сообщить, что он сказал, что лично он не думает, что дойдет до разрыва договора. Кроме того, от нашей агентуры стало известно, что сейчас сборник передвинут в план редподготовки на 81 год. Однако, всё это — на соплях. Всё решит, как я понимаю, новый директор, появления которого ожидают со дня на день и который и будет главным начальством в издве. (Прежний директор ничего не значил, всё решал главред.) А новый директор — человек из обкома, и, по-моему, его все там заранее боятся до усеру.

Разумеется, я тут же написал объяснительное письмо и вручил его по назначению. В письме изложил вкратце

историю нашего конфликта с МолГв, упомянул как бы вскользь о существенной помощи, которую оказал нам аппарат тов. Зимянина, выразил свою убежденность, что ПнО в МолГв всё равно не выйдет, и наше горячее желание оставить эту повесть в сборнике для СовПиса, но тут же заявил, что в принципе мы не против и заменить ее ЖвМ.

В общем, я считаю так: если они очень не захотят иметь с нами дело — нам хана (может быть, и не полностью хана, но во всяком случае — новый длинный нудный конфликт с жалобами и кляузами). Если же им в общем наплевать и они просто воспользовались удобным предлогом лишний раз оттянуть неприятные объяснения с Москвой по поводу издания ф-ки вообще и Стругацких в частности, тогда мы, возможно, просто отделаемся испугом и оттяжкой издания еще на год.

Но какова МолГв! Даже идя нам навстречу, она ухитряется нам нагадить! Наваждение!

Ладно. Будем ждать.

Теперь вот какое дело. На меня напал Бритиков Анатолий Федорович. Он подает в СП и обязательно хочет, чтобы рекомендацию ему дали Стругацкие. Б. ему рекомендацию дать не может, так как является членом приемной комиссии. Значит, остается А. Вопрос ставится так: не разрешит ли А. Стругацкий обратиться к себе с почтительнейшей просьбой о рекомендации А. Бритикову? Я, разумеется, ничего ему не обещал и, наоборот, попытался убедить его, что рекомендация от Стругацких — это палочка о двух концах. Он сказал, что он всё понимает, но что ему на все слухи и клеветы наплевать. Стругацкие сейчас — самые авторитетные люди в современной ф-ке, и он, Бритиков, хочет иметь рекомендацию именно от них.

Поскольку Бритиков мне лично симпатичен, поскольку он кажется мне человеком весьма полезным (хотя, может быть, и не на сто процентов нашим), я за него перед тобою рискую походатайствовать, хотя и помню, что в свое время ты был против него почему-то сильно настроен. Ты, конечно, решай, как тебе самому удобнее, но я тебя прошу об одном: будешь

отказывать — сделай это под очень благовидным предлогом, чтобы его не обидеть. Очень не хотелось бы его обижать. (Поимей в виду, что если ты не читал его работ — это не аргумент, он тебе их с готовностью вышлет. Если ты, скажем, стал членом своей приемной комиссии, это тоже не аргумент, ибо приниматься Бритиков будет здесь, а не у вас.) Компренэ ву? Либо ты согласен, и тогда радостный Бритиков немедленно обратится к тебе с официальной просьбой. Либо ты НЕ согласен, но тогда, умоляю, придумай очень вескую и не обидную аргументацию.

Звонила Ирена. Жалуется, что ВААП тянет с высылкой издательству рукописи ЖвМ. Она делает перевод для какой-то газеты, надо срочно, а приходится переводить кусками по мере выхода З-С. Ты не мог бы там поднажать?

Обнимаю тебя, твой [подпись]

P. S. Леночке, Машке и Ваньке[1] — привет!

Письменное объяснение, о котором сообщает БН брату, сохранилось в архиве.

Из архива. Письмо от БНа в СовПис

Уважаемый Георгий Филимонович!

В ответ на Ваше письмо от 28.12.1979 имеем сообщить Вам следующее.

История с изданием нашего сборника «Неназначенные встречи» (включающего повесть «Пикник на обочине») в издательстве «Молодая гвардия» тянется с 1972 года. За эти истекшие восемь лет названное издательство неоднократно нарушало свои обязательства, как устные, так и договорные, неоднократно обманывало и нас, и тех вышестоящих товарищей, к которым мы обращались за помощью и поддержкой. В 1977 году произошел даже разрыв договорных отношений, и только после нашей жалобы тов. Зимянину и благодаря вмешательству его сотрудников дело не дошло до суда

[1] Внук АНа Иван Владимирович Стругацкий.

и договор был возобновлен в 1978 году. Однако тогда же работники названного издательства недвусмысленно дали нам понять, что они и далее приложат все усилия, чтобы помешать сборнику выйти в свет.

Именно после этого мы обратились в Ваше издательство, будучи совершенно уверены, что сборник в «Молодой гвардии» никогда не выйдет. Хочу особенно подчеркнуть, что мы и сейчас в этом уверены. Тот факт, что издательство «Молодая гвардия» заявило о выходе сборника в своем темплане на 1980 год, к сожалению, ничего не значит, ибо оно делало это уже дважды (насколько я помню, в 1974 и 1976 гг.).

Исходя из вышеизложенного, мы были бы крайне заинтересованы сохранить повесть «Пикник на обочине» в составе нашего сборника «За миллиард лет до конца света», находящегося в Вашем издательстве. Однако, если это вызывает юридические осложнения, то мы, разумеется, готовы заменить эту повесть какой-нибудь другой, например, нашей новой фантастической повестью «Жук в муравейнике», публикация которой заканчивается сейчас в журнале «Знание — сила» и объем которой (около 9 а. л.) примерно соответствует объему повести «Пикник на обочине».

С уважением

Стругацкий Б. Н.

Письмо Бориса брату, 9 января 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Посылаю тебе рассказы Льва Куклина. Это довольно известный ленинградский поэт, большая шишка у нас в СП, чуть ли не секретарь правления. Всегда очень хорошо относился к нам, пару раз писал о нас статьи в газете «Смена». Фантастикой увлекается давно (по его сценарию был снят не такой уж плохой фильм «Роберт»[1], про человекообразного робота). Вот написал рассказики и хочет их где-нибудь пристроить. В Ленинграде,

[1] «Его звали Роберт», к/ф 1967 г., реж. И. Ольшвангер, сценарий Л. Куклина и Ю. Принцева. АН участвовал в обсуждении этого фильма: Два старта в кинофантастике: «Круглый стол» писателей // Сов. экран (М.).— 1967.— № 18.

сам понимаешь, не развернешься. Остается Москва. Видимо, ему неудобно хлопотать в этом деле за себя (все-таки, не стихи, а баловство, ф-ка), вот он и обратился к нам.

Человек ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНЫЙ!

Если есть возможность куда-нибудь сунуть, — обязательно сунь!

Обнимаю, твой [подпись]

P. T.[1] Было бы превосходно, если бы в очередном письме ты черкнул бы мне несколько снисходительно-одобрительных строк по поводу этих рассказов. Я бы ему эти строки с удовольствием показал бы или процитировал.

P. P. S. Леночку целуй[2].

Письмо Аркадия брату, 14 января 1980, М.— Л.

Дорогой Борик!

Только что получил твое письмо. Отвечаю в обратном порядке.

1. ВААП НЕ получил заявку на ЖвМ и впервые слышит, что Польша собирается его переводить. Бела сказала, что попытается ксерокопировать имеющийся у нее экз и быть готовой выслать, как только получит заявку.

2. Бела включила в сборник НФ, коего она составитель, вариант сценария «Сталкер». По ее словам, на редколлегии «Знания» это предложение приняли с энтузиазмом, особенно Бестужев-Лада.

3. Рекомендовать Бритикова в СП полностью согласен. И нечего ему обращаться ко мне с почтительнейшими или иными просьбами. Пусть он (или ты сам) напишет рекомендацию по всей форме, ты за меня подпиши, а мне вышли экз рекомендации — на всякий случай. Всего и делов.

4. По поводу ЛенСовПиса. Если договор с нами не разорвут, за ПнО не держись. А раз получается хороший промежуток времени до издания сборника, попробуй-ка подсунуть

[1] «Пост Текстум» — это наша выдумка. Нигде больше я такой аббревиатуры не встречал. А мы ею пользовались потому, что не было латиницы на клавиатуре. — *БНС*.

[2] Рукописное дополнение.

им УнС или СоТ. Насколько с понимаю, ЖвМ так или иначе идет в сборнике у Брандиса, так? Следовательно, без разрушения этого сборника ты опубликовать ЖвМ в ЛенСовПисе не можешь. Полагаю, этого делать не стоит. Лучше всего, если не возьмут ни УнС, ни СоТ, оставить сборник из двух вещей. Тоже не так уж и плохо: ОуПА и зМЛдКС, а зато у нас будут развязаны руки с ЖвМ, и, кстати, в этом случае (с таким составом) у редакции СовПиса будет выбито оружие, что мы-де что-то там нарушаем. Во всяком случае, материальные их претензии сведутся к нулю. Подумай. А вообще-то — тебе там видней. Действуй по обстоятельствам, только непременно меня информируй о всех перипетиях.

5. Связался с Сизовым. Он решительно против экранизации «Малыша», но ему сказали, что стоит обратить внимание на ПХХIIВ. Он должен прочитать ее за эту неделю. Не очень-то я на что-нибудь рассчитываю, но чем черт не шутит... Взять какой-нибудь там сюжет, или сделать многосерийку...

6. Звонили мне из Таллина. 18-го у нас в Доме кино будут представлять «Отель». Кроманов болен, придется это делать мне. Наконец-то посмотрю.

7. Я здесь с ужасными муками заканчиваю 2-ю серию «Стасова»[1]. Закончу, сдам и всё, больше не прикоснусь. Правильно, не мое это дело. Но надо было попробовать.

Засим обнимаю тебя, твой всегда Арк.

Приветы Адке и Андрею.

Письмо Бориса брату, 19 января 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

1. Ты меня очень обрадовал, согласившись дать рекомендацию Бритикову. Однако, сказавши «А», придется тебе сказать и «Б», то есть рекомендацию эту написать. Дело в том, что Бритиков ко всей этой бодяге относится очень серьезно. Он вообще чрезвычайно серьезен, когда речь идет

[1] Фильм по сценарию АНа не был снят.

об отзывах, характеристиках, рекомендациях и т. п. Поэтому твое предложение его наверняка обидит. Так что пусть уж будет, как он сам задумал: почтительное письмо к мэтру (то есть к тебе), сопровождаемое приложением списка работ и самих работ, твоя рекомендация, тобою лично написанная, и пр. Ты уж напрягись. Заодно почитаешь то, что он пишет о фантастике. Это не совсем неинтересно, есть мысли, чего не найдешь в статьях о фантастике, как правило. Так что я ему скажу буквально следующее: «А. Н. не возражает дать рекомендацию, но хотел бы ознакомиться с работами». А?

2. По поводу ЛенСовПиса. Во-первых, я получил некую сумму (1144 р.), не знаю, откуда. По расчетам выходит, вроде бы, что оттуда. Во-вторых, я поговорил с Брандисом насчет изъятия ЖвМ. Он поморщился, но не особенно возражал — вошел в наше положение. Совать же в СовПис УнС или, страшно сказать, СоТ — по-моему, дело не только безнадежное, но и в каком-то смысле опасное: можно поставить под удар сборник в целом. Лучше уж не бередить старые раны. Так мне кажется. В-третьих же, надо ждать, как они вообще станут действовать. Тут, брат, бабушка надвое...

3. Виделся с Беном Хеллманом. Он вручил мне экзы газеты «Хельсинки саномат» от 4 марраскуута 1978, где содержится большая его статья о нас, написанная по материалам бесед с нами. С фотографиями. По его словам, это самая авторитетная газета Финляндии. Я ему передал слух о том, что Сэм Люндваль сокращает выпуск советской литературы под давлением шведских антисоветчиков. Бен очень удивился и выразил большое сомнение в достоверности таких слухов. Ему ничего о таком давлении не известно.

4. По поводу к/с «Сталкер» в НФ. Хорошо было бы предпослать этому сценарию небольшую врезку от авторов: наши мысли о законах экранизации, кое-что о работе над сценарием и т. д. Договорись-ка с Белой. Если тебе самому будет лень писать эту врезку, я возьмусь написать первый вариант, а ты потом добавишь что захочешь. Смысл: слишком много разговоров на тему: «Тарковский сначала испортил Лема, а теперь принялся за Стругацких и опять всё исковеркал».

С этим, по-моему, надобно сражаться. Я уже дал по этому поводу небольшое интервью для «Молодежи Эстонии»[1], в НФ же всё это прозвучит еще более весомо. Небольшая врезочка на пару страниц. Но мне обязательно нужно знать, который из вариантов будет публиковаться. Опиши мне его: что там в начале, что в конце...

5. А почему Сизов отказался от экранизации М? Неужели нашел и там какую-то крамолу? Уму непостижимо! И что, черт возьми, происходит с гонорарами за кино? Раз уж ты общаешься с эстонцами, спроси ты у них — может, хоть они заплатят?

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Ленуське и Машке — привет!

Письмо Аркадия брату, 23 января 1980, М.— Л.

Здравствуй, Борик!

Есть несколько новостей.

1. 18-го была в Доме кино премьера ОуПА. От таллинцев была Ирена Кроманова, а сам Кроманов был болен. Фильм ничеГо, смотреть можно, а ляпы там — по нашей вине, если бы кто из нас присутствовал бы на съемках — ляпов бы и не было.

2. Прошел здесь слух, что «Сталкера» начинают демонстрировать в Москве с конца апреля. Тарковский сообщил мне еще до этого, будто Союзрекламфильм получил приказ делать рекламу, а также — что ведется титрование фильма на иноязыки для представления на Каннский фестиваль.

3. Сценарий по Стасову закончил, теперь испытываю большое облегчение. Только вот проклятущая голландская машинка опять сломалась: на этот раз, как ты можешь заметить, неравномерно дает шаг валика. Уж тут-то, поверь, тяжесть моей руки ни при чем.

4. Получил от тебя рассказы этого самого Льва Куклина. Всё это достаточно ужасно с литературной точки зрения, а с точки зрения собственно фантастики — сплошные

[1] Жанр без границ / Вел интервью М. Веллер // Молодежь Эстонии (Таллин). — 1980. — 6 марта.

плагиаты. Исключение составляет м. б. рассказ о березе. Ежели его подредактировать.

Можешь процитировать ему такие строки: «Из парня явно выйдет толк. Особенно хорош рассказ «В Музее древностей», его-то и надо пристроить куда-нибудь в первую голову. Актуален, и идея сильна. Попробуем пропустить его через журнал, а затем воткнем в первый же книжный сборник».

5. Пришел подписанный договор из ГДР на ХВВ.

6. Звонили из ВААПа — Польша покупает право экранизации для телефильмов по УнС («Лес») и ПнО. Надо полагать, в пику Тарковеру.

7. Кстати, по «Сталкеру» всё время грызутся люди. Одни превозносят, другие грозятся убить Андрюху за Стругацких.

8. Вчера получил из Милана приглашение на нас обоих на 5-й Европейский конгресс НФ («Еврокон»). Пущено приглашение 15 ноября, прибыло вчера, начинается со слов: «Вам, пресветлые господа (так я перевел «иллюстриссими сигнори»), должно быть уже известно со слов г-на Еремея Парнова, что вы назначены быть почетными гостями 5-го Конгресса Еврокона, имеющего состояться в мае 1980 года». Хер нам известно со слов господина Парнова! И здесь развел интриги, с-сукин сын...

Вот такие дела. Приветы Адке и Андрею.

Твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 28 января 1980, М.— Л.

Дорогой Боря!

1. Насчет Бритикова. Давай — ни тебе, ни мне. Пусть шлет письма к мэтру и бандероли к нему же, хрен с ним. Но рекомендацию всё же напиши ты, подпиши за меня, сложи вчетверо и вручи ему, будто это я тебе ее переслал. Некогда мне писать эти рекомендации-фуемудации, и без того в бумагах тону.

2. Я тоже получил 1122 рэ, это точно из СовПиса, ибо мне вручили талон на перевод. А вот получил ли ты еще из «Мира» триста с лишним ряб?

3. Повторяю: все дела с СовПисом лежат на тебе, только сообщай мне своевременно, что и как.

4. К/с «Сталкер» в НФ — это еще не так скоро. Надо предпослать врезку от авторов — предпошлем, о чем речь. Пока же Бела только раскачивается насчет перепечатки рукописи.

5. Сизов отказался от М не из-за крамолы, а потому, что, как он выразился, «нам пришлось бы выписывать акробатов из Франции». Конечно, это отговорка. Скорее всего, он опасается иметь с нами дело вообще. На днях звонил ему по поводу П22В — еще не прочитал. Да хрен с ним.

6. Насчет гонорара за ОуПА — я, когда виделся с Иреной Кромановой, попросил ее напомнить Реккору. Если в течение месяца ничего не случится, отпишу ему. А насчет оного же за «Сталкера» — никто ничего не знает. Здесь надо ждать, братец. Ежели картину пошлют в Канны в мае, то ее выпустят на наши экраны только в июне: по положению, в Канны идут только целочки. Вот тогда-то и будем поднимать волну.

7. ВААП прислал договор с ГДР на ХВВ.

8. Чеховская требует от нас новой вещи для печатания в этом году. Я ее долго посылал к тебе, она не отставала, тогда я, дабы отвязаться, предложил ГЛ. К моему изумлению, ответсекретарь не против, ежели мы добьемся реабилитации повести. Татьяна еще к тебе обратится, я же, видимо, буду писать Альберту Беляеву, только надобно будет перепечатать и послать ему (или, лучше, принести) экземпляр. Как ты смотришь?

9. Давеча звонил Жора Гречко. Он с еще двумя космонавтами пишет сценарий на космическую тему — не знаю уж, худ или научпоп. Главное то, что их очень пленила наша песенка из «Десантников». Он обратился ко мне узнать, кто автор, дабы испросить песенку у него, и очень обрадовался, когда узнал, что это наша. Я согласился отдать им эту песню с условием, что музыка останется из «Двух дюймов»[1]. Это его еще больше пленило, он тоже любит этот фильм. Всё

[1] К/ф 1958 года назывался «Последний дюйм», реж. Н. Курихин, Т. Вульфович. АБС в своей песне для «Десантников» использовали зачин и метр песни из этого фильма «Тяжелым басом гремит фугас...» («Какое мне дело до всех до вас, / А вам до меня?»). Слова М. Соболя, музыка М. Вайнберга.

дело в том, чтобы сделать еще один куплет. Мы договорились, что они либо сами представят проект третьего куплета, либо дадут нам точную тему. А так будет в титрах: песня на слова бр. Стругацких из повести «Полдень, 22-й век», музыка композитора имярек. Жора был в восторге, когда я ему это сказал.

Кажись, всё. Обнимаю, целую. Привет Адке и Андрюхе.

Твой всегда Арк.

P. S. А попробуй-ка, брат, набросать мне проектец письма Беляеву по поводу ГЛ. Это было бы славно. Всё равно рано или поздно надо начинать. М. б. заодно и УнС зацепить?

Песня для фильма «на космическую тему» действительно пригодилась. Вот как описывал эту историю бард Борис Вахнюк.

Из: Вахнюк Б. Терема

<...>

Следующей нашей с Маном[1] работой стал «Единственный выход». Георгий Гречко и Юрий Романенко совершили самую длительную на те поры экспедицию в Космос, вернулись на Землю с киноматериалом, снятым на борту, с магнитофонными записями.

Проявили пленку, прослушали записи и поняли, что неразумно держать все это в загашнике, как исключительно служебную информацию. Вышли на Мана, он — на меня.

Звоню Гречко:

— Георгий Михайлович, по известному вам делу вас беспокоит киносценарист Вахнюк.

— Боря, что ли? — слышу в трубке ехидный голос космонавта.

— Можно и так, — отвечаю, не догадываясь, что за этим последует.

— Ну, так нам тогда нечего разводить турусы на колесах и играть в этикеты. Твои песни у меня на пленке уж лет двадцать крутятся. Сейчас-то пишешь?..

[1] Ман Виктор Аронович, режиссер, педагог.

Им выпала сложная командировка на орбиту, и дело не только в ее рекордной протяженности. Предыдущее посещение орбитальной станции, если помните, окончилось конфузом (особой рекламы, правда, не имевшим), стыковка не состоялась. Корабль «поцеловал» обшивку, не попав в стыковочный замок, и скромно так, без обычной шумихи, вернулся, «совершив посадку в заданном районе». На всякий случай космонавтам вручили по побрякушке, но о том, что они там натворили на орбите, на земле можно было только догадываться. В программу полета Гречко и Романенко было включено задание особой важности: установить, выйдя в открытый космос, степень повреждения, нанесенного стыковочному узлу, и постараться оперативно его устранить.

<...>

Через десять лет после фильма мы с Георгием Михайловичем будем гонять у меня дома чаи с волжской душицей, вспоминать нашу общую работу, и я услышу от него буквально следующее, тогда так и не сказанное:

— В сущности, это ведь типично для опасной, смертельно опасной профессии — проблема выбора. Причем проблема, где быстрого решения нет, где нельзя посчитать, сколько голосов — за, сколько — против. Никто тебе не скажет заранее, оправдан твой риск или нет. Даже не твой лично. Если рисковать только самим собой, то никакой тут драмы нет. Ты же рискуешь еще и товарищами, идеей, станцией — как было у нас с Юрой Романенко. Разумно ли — идти на выход в открытый космос, зная, что можно и не вернуться? Это всегда становится известно только потом. Мы вот рискнули — и победили. Значит, сделали правильно. Рискнули бы и погибли — нас бы осудили...

<...>

Как и в «Большом табло», Виктору Ману хотелось отступить от традиционной строгости формулировочного языка технико-научных фильмов. Поэтому в «Единственном выходе» собственно дикторского текста нет, не считая сообщения ТАСС о полете. Есть стихи (как бы лирическое «я» космонавтов), начитанные двумя актерами, и песня.

Идею песни предложил Георгий Михайлович:

— Тебе никакого труда это не составит. Возьми у Стругацких в «Полдне XXII века» гимн Десантников, придумай мелодию, самую простую, и — будет все путем.

— Там же мало, — говорю, — две строфы всего, на песню не хватит.

— Ну и что — нет для космонавта трудных задач, бывает неумелое их решение. Продли, сколько не хватает.

— А как Стругацкие на это посмотрят?..

— А мы у них самих об этом спросим.

Не заглядывая в телефонную книжку, набирает номер. Дожидается ответа, передает трубку мне. На проводе — Аркадий Натанович:

— Да делайте все, что нужно для вашего кино. Только должен предупредить: ход насчет «и если б ты не вернулся назад, кто бы пошел вперед» нами заимствован. Была в свое время такая альпинистская песня, мы ее и использовали, слова только придумали другие, в расчете на своих героев. А распевали вдвоем с Борисом на мотив «Какое мне дело до всех до вас, а вам — до меня» — из любимого фильма «Последний дюйм». Вот сколько всего намоталось! Так что если и вы еще куда-нибудь выкрутите, получится история почти детективная.

<...>

Письмо Бориса брату, 28 января 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 23.01.

Очень интересные новости. А что если нам действительно рвануть в Милан на Еврокон? Вместе, а? Что-то мне вдруг захотелось. Давай-ка, у тебя там в Иностранной комиссии куча знакомых, выясни, как нам надлежит действовать. Какого черта, в самом деле? Всё Парнов да Кулешов, а мы что — рыжие? Мы тоже хотим галопом по Европам.

У меня новостей никаких нет. Получил из ВААПа письмо — просят разрешить публикацию в Израиле. Напишу — пусть издают. В Израиле нас еще не издавали.

Жизнь веду в основном растительную. Выхожу только лишь по понедельникам — на заседания в ПисДоме, да по четвергам — в филклуб. Читаю. В том числе и по-аглицки (прочел «Десять негритят», а сейчас мучаюсь с «Багдадом»[1] — почему-то читается с гораздо большим трудом). Зяму Юрьева прочел, фантастический его детектив[2], — очень, очень неплохо, я бы даже сказал — забойно. Увидишь — передай ему мои конгратьюлейшнз[3].

Интервью мое в «Молодежи Эстонии», насколько я знаю, притормозили. Боятся чего-то. И упорно тормозят семинарский сборник в Лендетгизе. Я уж не говорю про наши дела в ЛенСовПисе, откуда веет холодом могилы и соответствующим гробовым молчанием.

Вообще-то писать надо, а мы с тобой ерундой какой-то занимаемся.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет.

Письмо Бориса брату, 30 января 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

У нас с тобою завязывается воистину оживленная переписка. Получил твое письмо от 28.01. Спешу ответить.

1. Сначала о ГЛ. Прочитавши историческое заявление ответсекретаря, что «он готов печатать, ежели мы добьемся реабилитации повести», я прежде всего залился горьким смехом. Ведь то же самое он бы мог с легкостию сказать, например, и про «1984»[4]! Однако, поразмыслив, я решил, что горький смех это, братец, гм... за него, братец, не платят, а есть-таки надо... Поразмыслив, решил я посоветоваться с Умными Людьми (УЛ). И что же? УЛ отнюдь не стали заливаться горьким или каким-нибудь иным смехом. Они отнеслись к поставленной задаче (реабилитации ГЛ) абсолютно

[1] Детективы А. Кристи («Ten Little Niggers»; «Встреча в Багдаде», «They Came to Baghdad»).

[2] Юрьев З. Полная переделка. — М.: Молодая гвардия, 1979.

[3] Congratulations — поздравления (*англ.*).

[4] Роман Дж. Оруэлла, запретный в СССР.

по-деловому и не увидели в этой задаче ничего невозможного. По их мнению, надобно для начала просто пойти к Виталию Михайловичу Озерову и всё ему рассказать, попросив содействия в виде телефонного звонка, например. Озеров — второй секретарь СП, человек невредный и нетрусливый, он уже помогал людям в близких ситуациях и вполне может помочь и нам. ГЛ — повесть вполне добропорядочная, разоблачает язвы буржуазного мещанства, ратует за светлое будущее, и судьба ее — горестное недоразумение, каковое надобно развеять. Почему-то УЛ особенно настаивали, чтобы визит к Озерову состоялся до 19 февраля, когда ожидается какое-то совещание редакторов журналов у того же Озерова. Когда я заикнулся насчет А. Беляева, мне сказали, что это тоже прекрасный путь, но лучше его оставить про запас просто потому, что к Беляеву попасть значительно сложнее, чем к Озерову. И вообще наш вопрос вполне в компетенции СП. Вот такие вот дела. Делай выводы. В любом случае рекомендуется не писать письма, а идти на прием. Тебе. Увы.

2. Получил письмо от Ханнелоре Менке из «Фольк унд Вельт». Просит разъяснений по некоторым нюансам ХВВ (что такое мимикродон?). Просит фото для новых наших изданий. Сообщает, что зМЛдКС ожидается к выходу в марте. И жалуется! Издательство обращалось в ВААП с запросом по поводу текста ПоДиН, но не получило оттуда ни текста, ни ответа. Просит содействия. Ты уж займись, пожалуйста.

3. Триста с лишним из «Мира» пока не получал. А за что это?

4. Ты мне так и не написал, какой именно киносценарий «Сталкера» хочет печатать Бела. Опиши мне его, пожалуйста. Достаточно будет, если ты дашь две первые и две последние строчки из него.

5. Я буду очень рад удружить Жоре нашей песенкой да и чем угодно еще. Только зачем так уж обязательно сохранять мелодию из «Последнего дюйма»? Да пусть будет любая мелодия! А впрочем, вам там виднее...

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — поцелуи!

Рекомендация Анатолию Бритикову сохранилась в архиве.

Из архива. Рекомендация АНа в СП А. Бритикову

А. Ф. Бритиков давно и плодотворно работает как литературовед-профессионал, занимаясь исследованием русского советского романа, главным образом, 20–30-х годов. Его книга «Мастерство Михаила Шолохова» хорошо известна специалистам, она положила начало новому направлению в шолоховедении.

Однако, рекомендуя А. Бритикова в члены ССП, мне хотелось бы в первую очередь подчеркнуть, что литературоведческие работы его сыграли особо существенную роль в развитии теории современной фантастики как жанра.

Научная фантастика — популярнейшая и интереснейшая ветвь литературы, давшая миру таких писателей, как Ж. Верн, Г. Уэллс, И. Ефремов, С. Лем, расцветшая особенно буйным цветом в середине XX века, завоевавшая сердца миллионов читателей всего мира, — на протяжении многих лет оставалась «золушкой», «принцессой-дурнушкой» в глазах профессионального литературоведения. Лишь с середины 60-х годов в СССР выделяется группа литературоведов, которая принимается систематически и глубоко исследовать этот жанр.

А. Бритиков сыграл в разработке теории фантастики безусловно весьма значительную роль. Его фундаментальное исследование «Русский советский научно-фантастический роман» (1970) является, по сути, первой советской монографией, целиком посвященной фантастике. Скрупулезно и тщательно анализируя богатейший материал, накопленный советской фантастикой к середине 60-х годов, А. Бритиков последовательно и убедительно развивает чрезвычайно плодотворную идею о том, что научная фантастика есть порождение НТР, отклик литературы на появление принципиально новой социальной проблематики, на безмерное усложнение нашего мира в XX веке. На десятках и сотнях примеров, опираясь на эволюцию творчества крупнейших писателей-

фантастов нашей страны, автор отстаивает и обосновывает неизбежность перехода от фантастики, так сказать, «производственной», питающейся главным образом естественно-научными идеями, к фантастике социальной, философской, трактующей проблемы взаимодействия «человек — общество».

Монография А. Бритикова оказалась настоящим подарком всем без исключения любителям фантастики, будь то литературовед, писатель или представитель многомиллионной армии читателей. Неудивительно, что книга эта немедленно стала библиографической редкостью и получила широкий отклик в прессе и у нас, и за рубежом. В 1973 году на Совещании писателей социалистических стран в Польше она была удостоена международной литературной премии.

В позднейших своих статьях А. Бритиков продолжает развивать теорию научной фантастики. Им введено чрезвычайно интересное с теоретической точки зрения понятие опережающего реализма как некоей центральной категории метода и поэтики научной фантастики — области литературы, осуществляющей, в известном смысле, контакт между настоящим и будущим человечества.

Мне представляется, что Анатолий Федорович Бритиков, литературовед-профессионал, старший научный сотрудник ИРЛИ, кандидат филологических наук, человек в расцвете сил и таланта вполне достоин быть принят в Союз Советских Писателей.

18 февраля «Советский писатель» направляет БНу свое мнение по поводу конфликта.

Из архива. Письмо БНу из СовПис

Содержащееся в Вашем письме от 7.01.1980 г. объяснение по поводу включения в состав рукописи А. и Б. Стругацких «За миллиард лет до конца света» повести «Пикник на обочине», находящейся в другом издательстве, не может быть признано удовлетворительным. Своим письмом Вы лишь подтвердили факт явного нарушения авторами договорных обязательств.

Отмечая, что в настоящее время повесть «Пикник на обочине» объемом 8 авт. листов (что составляет более трети объема находящейся в нашем издательстве рукописи) объявлена в плане выпуска «Молодой гвардии» на 1980 год в книге А. и Б. Стругацких «Неназначенные встречи» (см. № 238 указанного плана), и исходя из положений издательского договора (примечание к пункту I), Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», в силу предоставленного ему права, расторгает заключенный с Вами 5 января 1979 г. договор № 2555 со взысканием с авторов выплаченных им сумм.

Директор Л. О. издательства «Советский писатель»
В. П. Набирухин

27 февраля в «Советский писатель» уходит ответное письмо.

Из архива. Письмо от АБС в СовПис

Уважаемый тов. Набирухин!

Ваше письмо от 18.02.1980 огорчило нас прежде всего тем, что Издательство так легко готово пойти на крайние меры в отношениях со своими авторами. Право же, мы этого не заслужили. Очень жаль, что объяснения, данные нами в письме от 7.01.1980, показались Издательству неудовлетворительными. А ведь мы хотели в этом письме просто показать, что нарушение буквы договора, если оно и произошло, не было ни злостным, ни умышленным.

Нам кажется, что и сейчас имеет место реальная возможность для такого разрешения конфликта, которое удовлетворило бы обе стороны. Расторгнутый договор, как нам кажется, может быть без всяких потерь для Издательства заменен новым с учетом создавшейся ситуации. Спорная повесть «Пикник на обочине» легко может быть заменена другой, ранее не издававшейся, либо исключена вовсе — в этом вопросе мы готовы на любой вариант.

С уважением,
А. Стругацкий,
Б. Стругацкий

27 февраля в «Литературной газете» публикуется «круглый стол» «Фантастика: Кризис жанра?», в котором наряду с Г. Гуревичем, Д. Биленкиным, А. Казанцевым, Е. Войскунским, Вл. Гаковым, Е. Парновым, Е. Брандисом, В. Савченко, Киром Булычевым принимал участие АН. Вот его реплики на «круглом столе».

АНС из: Фантастика: Кризис жанра?

<...>

(*Резко.*) Кризис — это когда писатели не желают более писать фантастику, а читатели не желают ее более читать. Такого не наблюдаю. Зато издатели!..

<...>

А издатели в ответ на ваши прекраснодушные рассуждения выдвинут контраргумент: издавать нечего, пишете посредственные книги!

<...>

В московском семинаре молодых фантастов собрались интересные авторы. Уверяю вас, свои первые вещи они пишут на гораздо более высоком уровне, чем, например, мы с Владимиром Савченко писали свои первые.

<...>

Целый ряд общетеоретических положений, вызывавших некогда сомнения и даже протесты, в наши дни уже представляется бесспорным. Например, что фантастика есть равноправная часть художественной литературы. И тем не менее сохраняется поразительная диспропорция между количеством издаваемой фантастики и реальными потребностями читательской аудитории, между идеологической и социальной ролью фантастики и тем вниманием, которое реально ей уделяется. Фантастику не издает «Мысль», не издает «Наука»; из принципа — так было впрямую заявлено — не издает «Советский писатель». Всячески отмежевываются от фантастики «Советская Россия», «Современник», «Художественная литература» (в частности, «Роман-газета»). Ослабла фантастика в издательстве «Молодая гвардия». А это то самое издательство, в стенах которого возмужала

вся когорта авторов, вошедших в литературу вслед за «Туманностью Андромеды». То самое издательство, которое и вывело на мировую арену современную советскую фантастику. Увы, всё в прошлом.

Нет фантастики и в толстых литературных журналах.

<...>

Некоторые конкретные сдвиги есть, конечно. Какие-то приемы работы мы нашли. Взять хотя бы деятельность наших советов по приключениям и фантастике.

<...>

Фильмы — дело хорошее... Но всё же творческая эволюция писателя теснейшим образом связана с публикацией его произведений. Для развития писателя жизненно необходим партнер — читатель, причем обязательно массовый. Не знаю, в чем заключается магия этой связи, но, как правило, писатель (независимо от его таланта), лишенный выхода к широкому читателю, рано или поздно останавливается в своем развитии, начинает топтаться на месте.

Если мы хотим, чтобы советская фантастика занимала в советской и мировой культуре надлежащее место — место действительного пропагандиста передовых идей, была на деле могучим средством воспитания молодого поколения и действительно острым оружием в идейной схватке двух миров, если мы хотим, чтобы наша фантастика развивалась и совершенствовалась качественно, мы должны обеспечить ровный, систематический, неспадающий поток ее публикаций. Другого пути просто не существует. У нас есть массовый читатель, умный и благодарный, ждущий этого потока с нетерпением. У нас есть писатели, опытные и молодые, способные обеспечить этот поток.

<...>

Тем временем состоялся просмотр «Сталкера» представителями кинопроката. АН после вспоминал.

Из: АНС. Каким я его знал

<...>

Вечером 3 января[1] восьмидесятого года мы с Андреем Тарковским выступали перед представителями кинопроката. В огромном зале собрались люди, которым доверено было определить, как отнесутся к «Сталкеру» зрители и соответственно сколько экземпляров пленки выпустить в свет.

Я пришел к обсуждению. Фильм уже посмотрели. Выступил Андрей, объяснил фильм, рассказал о своей над ним работе, ответил на вопросы. Вопросы показались мне странными. Вдруг в зале прозвучал сочный бас: «Да кто эту белиберду смотреть будет?» Раздался одобрительный смех. Андрей побелел, пальцы его сжались в кулаки. Стараясь не смотреть на него, я попросил слова. Но они уже уходили. Черт знает, куда они уходили, эти гении кинопроката. В пивную? В писсуар? В никуда? Я говорил и видел, как они медленно поворачиваются затылками и медленно, громко переговариваясь и пересмеиваясь, удаляются проходами между кресел. Разумеется, затылки были разные, но мне они казались одинаково жирными и необъятными, и на каждом светилось знаменитое сытое «Не нада!»[2]. Такого я еще никогда не переживал.

Помнится, мы сошли с эстрады на лестничную площадку. Андрей скрипел зубами. У меня тряслись руки, и я с трудом поднес спичку к сигарете.

Несколько мужчин и женщин остановились возле нас. Беспокойно оглядываясь, они бормотали вполголоса:

— Вы не думайте... Мы не все такие... Мы понимаем...

На четверть миллиарда только советских зрителей кинопрокат выпустил 196 экземпляров фильма.

На всю Москву выделили три копии.

За первые же месяцы в Москве «Сталкер» посмотрели два миллиона зрителей.

---

[1] На самом деле — марта.

[2] В черновике этих воспоминаний А. Стругацкого фраза заканчивалась так: «...и на каждом светилось знаменитое кассилевское “НЭ ТРЭБА!”». Цитата из «Кондуита и Швамбрании» Л. Кассиля: «Зажиточные хуторяне собирались в волостном правлении «на сходку». И, если подымался вопрос о постройке новой школы, о замощении улиц и т. д., горланили обычную «резолюцию»: — Нэ треба!» (кн. 1, ч. «Голубиная книга», гл. «Голуби-сизяки»).

Письмо Аркадия брату, 5 марта 1980, М.— Л.

Дорогой Борик!

Трижды и четырежды прошу прощения, что долго не писал. Появилось ужасное отвращение к письмам, не знаю, чем это объяснить. Ну, ладно. Надобно преодолевать.

1. Дела киношные. «Чародеев» начнут работать в середине года. Там всё на мази, отношение отличное, режиссер готов, мои предложения касательно музыки практически приняты.

Я побывал у Павленка — по делам исключительно общественным, договорились, что будет при Госкино создана организация по развитию советской кинофантастики. Секретариат СП РСФСР послал под мою диктовку Павленку список инициативной группы от писателей, которых Павленок должен встретить со своей инициативной группой в удобное для него время.

«Сталкер», видимо, идет на Каннский фестиваль, после чего будет демонстрироваться широко. 3-го я с Тарковским выступал перед руководителями прокатчиков со всего СССР. Тарковский был жутко недружелюбен, ему отвечали тем же. Темные все-таки люди.

Просмотрел фильм ОуПА, но об этом, кажется, тебе уже писал. Говорят, выйдет на экраны в апреле.

2. Совещались в воскресенье у Войскунского с Биленкиным и Ковальчуком. Согласились, что нужно добиваться раскола всесоюзного Совета, просить создать отдельный Совет по фантастике. Затеяна сложная игра, в которой я опять-таки должен играть заглавную роль. Прежде всего мне придется встретиться с троицей Кешоков-Кулешов-Парнов и сообщить им, что я иду на них.

3. В ВААП и Верченке пришло письмо из Италии от организаторов Еврокона-5 об отмене нашего приглашения. Ссылаются на то, что Парнову еще в августе было передано это приглашение в Брайтоне, а никаких реакций не было, а теперь уже поздно. Я с Парновым не говорил (и не буду), но, по слухам, Парнов передал это приглашение в Инокомиссию

тогда же, так же, как и повторные письма из Италии, но Косоруков (пред. Инокомиссии) их положил под сукно. Еще говорят, что Верченко, получив письмо с отказом, вызвал Парнова и спросил, как он это расценивает, и тот якобы сказал, что расценивает это как плевок в лицо. Мужественный парень, наш Парнов.

4. Реакция на Круглый стол в ЛГ пока не очень ясная. Ковальчук считает, что непременно будут неприятности, а начнутся они где-то в сентябре, когда выйдут серые журналы[1], которые только сейчас подготавливаются. Другие люди считают, что бояться нечего, ибо Чаковский всегда знает, что можно, а что нельзя. Стало известно, что в период подготовки Круглого стола Десятерик бегал к Верченке, Чаковскому и даже, кажется, в ЦК КПСС с просьбой остановить публикацию, однако везде его послали на х...

Вот, пожалуй, и всё главное.

Ты писал, что пора бы поработать. Я не против. Но мне хочется работать над «Менсурой Зоили». Я об этом часто думаю, и даже не столько думаю, как чувствую эту вещь. С героями «Понедельника», с Лавром Федотовичем и Выбегаллой в ролях руководителей СП и т. д. Я — не ты. Я без тебя думать конкретно не могу.

Обнимаю, жму. Твой Арк.

Привет Адке и Андрюхе.

Не бери с меня пример, пиши сразу.

6 марта газета «Молодежь Эстонии» публикует интервью Михаила Веллера с БНом. Среди прочего в интервью говорилось о «Сталкере» и семинаре БНа.

Из: БНС. Жанр без границ

<...>

— Борис Натанович, к вашей читательской аудитории теперь прибавилась кинозрительская: любители фантастики, например, многого ждут от фильма Тарковского «Сталк-

[1] Т. е. партийные журналы с характерной серой обложкой: «Коммунист», «Блокнот агитатора» и др.

кер», поставленного по мотивам вашей повести «Пикник на обочине». Учитывая специфику кино, что, по вашему мнению, потеряло и что приобрело ваше произведение при экранизации?

— Проблема экранизации художественного произведения — это твердый орешек. Наш с Аркадием Натановичем Стругацким личный зрительский опыт свидетельствует о том, что подавляющее большинство экранизаций, созданных даже по самым замечательным произведениям литературы, самостоятельного художественного значения не имеет. В лучшем случае это интересные движущиеся иллюстрации к великим романам, которые можно не без приятности просмотреть. И тут же благополучно забыть.

Существуют, разумеется, блистательные исключения, но они, как это частенько бывает с исключениями, лишь подтверждают общее правило: почему-то самые удачные, на наш взгляд, экранизации созданы по довольно-таки серым художественным произведениям. Дело тут, очевидно, в том, что литература и кино пользуются совершенно разными системами образов, весьма разными и непохожими языками искусства. Режиссер, стремящийся совершенно точно перенести героев и события романа на экран, может вполне преуспеть в этом — и безвозвратно потерять тот аромат прозы, который и составляет суть читательского впечатления от романа. Кинофильм, в точности повторяющий роман, в силу специфичности языка кино будет вызывать у зрителя совершенно иное впечатление, чем экранизируемый роман.

Когда мы начинали работать с Тарковским, стояла задача не экранизировать повесть, а создать сценарий, который бы позволил режиссеру создать новую образную систему, годную и необходимую именно для кино. Пришлось написать девять вариантов сценария, причем в последнем от повести не осталось ничего, кроме общей ситуации. «Сталкер» — не перевод «Пикника на обочине» на язык кино. Это самостоятельное произведение.

— Вы являетесь руководителем семинара молодых писателей-фантастов — первого и, насколько мне известно,

единственного пока у нас объединения подобного рода. Расскажите, пожалуйста, об этом семинаре, о его работе.

— Наш семинар возник пять лет назад по инициативе бюро секции научно-популярной, фантастической и приключенческой литературы Ленинградского отделения Союза писателей. Единственным он уже не является — недавно аналогичный семинар создан в Москве.

В постоянном составе семинара около двадцати человек; среди них молодые и не очень молодые уже люди разных профессий. Понятно, что научить писать никого нельзя. Талант, призвание играют такую большую роль в писательской работе, что никакой учебный процесс не способен существенно изменить положение, о котором бессмертный Остап Бендер сказал: «Предположим, что этот блондин играет хорошо, а этот брюнет — хуже. И никакие лекции, товарищи, этого соотношения сил изменить не могут»[1]. Хотя, конечно, объяснить, почему «этот брюнет» играет хуже, вполне можно.

В творческой работе много значит обмен идеями и информацией с коллегами. Большинству такое интеллектуальное общение необходимо, оказывая их работе неоценимую помощь.

Потому коротко задачи семинара можно определить так: 1. Создать определенную атмосферу творческого общения. 2. Помочь молодым и начинающим писателям избежать достаточно широко распространенных ошибок и заблуждений.

<...>

Проблемы с публикациями дополняются житейскими проблемами.

Письмо Бориса брату, 19 марта 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Андрея исключили, причем с самой плохой формулировкой: за неуспеваемость и за поведение, недостойное советского студента. Я, конечно, продолжаю движение по

[1] Приблизительная цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (ч. 3, гл. 34).

инстанциям, но это, по-видимому, барахтанье. Горком вначале пообещал помочь, но университет их переубедил, и теперь горком отступился. Суть, разумеется, в этой вонючей киевской истории пятилетней давности: никто не хочет взять на себя ответственность и поручиться за студента, который, будучи школьником 9-го класса, проявил себя как политически неблагонадежный трепач.

Сейчас Андрей устроится на завод, но через месяц-другой его призовут в армию. А там — посмотрим.

Возможные последствия для нашей работы (Я уже не говорю про новую волну слухов!): 1). Я намерен подать в отставку с поста руководителя семинара, 2). Членом приемной комиссии мне теперь, разумеется, не быть, 3). Вполне допускаю, что СовПис, узнав о том, что горком и обком отказались меня поддерживать, совершенно распояшется. Разумеется, многое зависит от того, как на всю эту историю решит реагировать наш секретариат. (В секретариат придет или уже пришло письмо из университета на тему: ваш писатель не сумел воспитать собственного сына.)

Прочие дела в общем идут нормально. Поступают письма с одобрением «Круглого стола» Литгазеты. Многие, как я понял, пишут в Госкомиздат и в ЛитГаз, требуя немедленных мер по изданию фантжурнала.

Начали поступать чеки из ВААПа.

Сдвигается помаленьку дело с изданием семинарского сборника в ЛенДетгизе.

Звонила Бела, просила выслать экз сценария по «Сталкеру» — твой экз она, разумеется, потеряла.

Директор «Ное Берлин» снова приглашает меня на «Стругацкиз-токз»[1].

Вот такие дела.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночку и Машку поцелуй.

[1] Strugatsky's talks — здесь: разговоры о Стругацких (*англ.*).

И соответствующее настроение у АНа.

Письмо Аркадия брату, 27 марта 1980, М.— Л.

Дорогой ты мой Борик!

Наконец, наконец, муха села на конец. Получили твое письмо. Забавно, в Л-де оно проштемпелевано 19.03, в Москве 26.03. Радищев, кажется, добирался скорее. Одновременно получил письмо из Югославии — тоже вышло из Белграда 19.03. Так-с. Мы здесь очень беспокоились, Машка настаивала, чтобы я не ждал, позвонил, но мы с Ленкой откладывали: завтра, завтра, если не придет, тогда уже...

Ну что ж, видно — судьба. Я кое-что пытался здесь пошевелить, но глухо. Как в вату. И всё бы ничего, но Адку очень жалко. Хорошо, мама не дожила. Она бы измучилась. Я бы тоже с удовольствием не дожил. Это не для словца. Очень устал я, браток. Тошно. Нынче один свет в окошке — Ванечка, внучек. А то так вот сидишь, сидишь, читаешь, переводишь, огляделся — а со всех окон повыставлялись свинячьи рыла[1]. И такая, брат, тоска! Впрочем, это всё лирика. Ты не любишь, да и я тоже.

Если говорить практически, то ты впал в панику. Не делай далеко идущих выводов. Никто ничего с тобой не сделает. Ваши университетские кретины, конечно, еще пожалеют об этом скандале. Скандал будет, в этом можно не сомневаться, и не миновать нам по примеру прежних лет писать опровержение в ЛГ. Ну, только теперь мы будем умнее. Правда, в Москве, например, об этом никто ничего не знает. Я рассказал только Мирeру, Манину и Беле, причем наказал им помалкивать. Не знаю, как у тебя.

Теперь дела.

1. На днях (через полмесяца, вероятно) придет к тебе договор из Мосфильма на сценарий ТББ. А может быть, и не придет, подпишу за тебя. Горьковский сценарий закрывают, в Мосфильме открывают — максимально приближенный

[1] Реминисценция «Сорочинской ярмарки» Н. Гоголя: «...глядь — во всех окнах повыставлялись свиные рыла...» (гл. 8).

к тексту повести. Режиссер соответственный, протащил это дело мгновенно через Ермаша, Сизова и др. Фамилию и прочие данные сообщу при встрече. Будь готов приехать и стремительно и хорошо поработать: если одна серия — 60 стр., если две — сто. Понимаю, это для тебя неожиданность, но сейчас происходят много неожиданностей. Учти: сценарий новый, независимый, финансово полностью свежий.

2. Я расплевался с Абрамовым и ухожу из Совета. Со всей этой сволочью ничего не сделать. Все великие мероприятия относительно издания молодых фантастов ушли пшиком. Не быть мне членом приемной комиссии. Не быть мне председателем жюри всесоюзного конкурса молодых (такого вообще не будет). Не будет разрекламированных сборников молодых в Сибири, на Урале и на Дальнем Востоке. И не я буду составителем сборника «Аэлита» для «Московского рабочего» (хотя я его уже собрал, но у меня его вежливенько изъяли). И вообще, кажется, ничего не будет. Всё! Теперь для меня в фантастике осталась одна реальность: мы с тобой. Только для себя. Пусть бог для всех. Всё обернулось предательством: Парнов, Абрамов, Биленкин, Беркова. Гуревич под сомнением, хороши по-прежнему лишь Бела да Женя Войскунский. Нет, брат, драться нужно и можно только за себя. Жуткое дело, в один прекрасный миг (несколько недель назад) я вдруг осознал: вот я пишу, доказываю, из дрисен вылезаю, чтобы создать журнал, отдельный Совет по фантастике, конкурс и бог знает что еще, а во главе встанет тот же Биленкин и будет самозабвенно издаваться, ездить за рубеж, надувать щеки при начальстве, а нам будет говорить, как говорят сейчас Абрамов и Парнов: сейчас не то время, друзья, ты же понимаешь, старик, надо погодить... Вах! Наср... я на это. Пусть сами хлопочут. Без меня!

Ну вот, собственно, всё. Выговорился. Пиши.

Целую тебя. Жму руку. В апреле Машка с мальчишкой уедет на дачу, готовься приехать.

Всегда твой, [подпись]

Приветы Адке и Андрюхе.

Да! Напиши, какие ты получил извещения от ВААПа?

Письмо Бориса брату, 30 марта 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 27.03. Дошло, как видишь, быстро.

Моя главная работа сейчас — пристроить Андрея. Всё осложняется тем, что ему могут не дать и, скорее всего, не дадут допуск на мало-мальски приличное предприятие. Ну, и армия, естественно, на носу. Я пишу об этом, главным образом, потому, что не смогу уехать из Ленинграда, пока вопрос так или иначе не решится. Но как только он решится, я приеду обязательно.

Настроение, естественно, жуткое. Острота ощущений прошла, но наступило хроническое состояние отчаяния, сопровождаемое опущением рук. Ладно. У тебя, я вижу, настроение не лучше.

Я так и не понял, что произошло. По телефону было очень плохо слышно, а в письме ты фактически ничего не пишешь. У меня осталось ощущение, что ты узнал что-то новое после встречи фантастов с Куцкой. Но, по моим данным, ничего особенного там не говорилось. Да я и сам встречался с ним, причем дважды — сначала в официальной обстановке, а потом — в полуофициальной. Он в восторге от Стругацких, но никак не может понять, почему они не были ни на одном Евроконе. Оказывается, нас приглашали на все совещания, кроме самого первого, учредительного. Особенно неудобно получилось с последним: там все уверены, что мы обязательно будем, это уже объявлено, и как теперь выкручиваться, Куцка не представляет.

Всё это, конечно, противно, вся эта возня вокруг поездок отвратительна, но неужели это могло до такой степени тебя задеть, что ты всё бросил и ушел в отставку? Да плевать на них, пусть ездят, нам-то что. Славу ездоков-туристов и великих организаторов с ними делить? Да крутись они волчком! Плевать. А вот журнал пробить — это дело. И пусть Биленкин там сидит и надувает щеки. Не Казанцев же, в конце-то концов. Наверное, тебе

стало ясно, что ты ишачишь на других, угли им загребаешь. И ты рассвирепел. Понимаю. Но ведь, кроме этих говнюков, есть еще и дело — журнал, молодые ребята, которые загибаются без публикаций, общая атмосфера вокруг фантастики, наконец. Вот игра, которая стоит свеч! Только игра эта изнурительная, длинная, тухлая и неблагодарная, игра без выигрыша. Точнее, выигрыш достается надувателям щек. Но ведь не только же им! И ребятам молодым, и читателям тоже. Не-ет, я бы так просто не уступил! Впрочем, я ведь не знаю всех твоих обстоятельств. Но неужели и Биленкин в предателях оказался? И Ниночка[1]? И даже Гиша[2] под вопросом... Жуткую ты, брат, картину мне нарисовал!

Ладно. Из ВААПа я получил два извещения: 1. Болгария, сборник «Синий тайфун», на руки 81.08, 2. США, Франция, зМЛдКС, всего на руки 167.38 (причем это надлежит умножать на 4.55). Из Внешпосылторга же пришло чеков 238.77, и что это такое — не вем.

Вчера получил извещение с почты: перевод на 2615.28 из Эстонии. Я так понимаю, что это деньги за ОуПА-С — потиражные, 100 % за вычетом налогов и пр.

Деньги из «Мира» (ок. 300) тоже получил. Ты, кстати, так и не написал мне, за что это.

В ЛенСовПисе пока ничего. Ждут, видимо, приезда главреда. Прогнозы знающих людей — кислые. Раньше меня бы это угнетало, а сейчас, на фоне прочих неприятностей — горьковатая пилюлька и боле ничего.

Ты все-таки напиши мне поподробнее, что произошло в Москве. Хочу от тебя это узнать, а не от посторонних.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночку и Машку целуй!

---

[1] Беркова Нина Матвеевна, редактор издательства «Детская литература», писательница, критик.

[2] Гуревич Георгий Иосифович, писатель, критик, популяризатор науки.

10 апреля «Советский писатель» сообщает Авторам свое окончательное решение.

Из архива. Письмо к АБС из СовПис

Уважаемые Борис Натанович и Аркадий Натанович!

Ваш договор с издательством от 5 января 1979 г. за № 2555 на сборник повестей «За миллиард лет до конца света» расторгнут из-за нарушения Вами п. 1 договора.

Поскольку исполнение издательского договора стало невозможным по Вашей вине, Вы должны возвратить издательству весь гонорар, полученный по договору.

Поэтому просим сообщить, в какой срок Вы сможете внести в кассу издательства: Стругацкий Б. Н. — 2250 рублей и Стругацкий А. Н. — 2250 рублей.

С ответом просим не задержать.

Юрисконсульт Л. О. издательства «Советский писатель» Тартаковская Н. М.

По поводу причины расторжения договора АН заметил:

Из архива. Записка АНа

Поскольку никакими разумными причинами объяснить действие издательства невозможно, остается предположить, что вся эта история является актом мести за критику издательской политики «Советского писателя» в области фантастики. Это реакция на наши критические замечания в адрес «Советского писателя», которые были сделаны на «Круглом столе фантастов» в ЛитГазете, а также в нашей статье, которая хотя и не была опубликована, но получила широкую известность в литературных (и окололитературных) кругах Москвы и Ленинграда.

12 апреля в кемеровской газете «Комсомолец Кузбасса» публикуются ответы БНа любителям фантастики. Кроме прочего, БН отвечает и на такой вопрос:

Из: БНС. [Ответы любителям фантастики]

<...>

Сильнейшее впечатление производит драматическая сцена финала вашей повести «Пикник на обочине», когда Рэд Шухарт находит, наконец, Золотой Шар, но не в состоянии высказать ему свое заветное желание, которое Шар может выполнить. Скажите, что бы на месте Рэда Шухарта попросили вы?

В. Николаенко, г. Кемерово.

— Хороший вопрос, но ответить на него не так-то просто. Если у Рэдрика Шухарта не было слов, то у меня их, пожалуй, слишком много. Всё, что я хотел бы пожелать, разбросано по двум десяткам повестей, которые мы с А. Стругацким написали за два десятка лет. Другая трудность состоит в том, что я вообще принципиальный противник изменения и улучшения мира волшебным путем. Для человечества не только (и не столько) важна конечная цель развития, но и путь, ведущий к этой цели. Но если уж я оказался бы рядом с Золотым Шаром, я бы все-таки рискнул попросить его: «Пусть мир станет таким, каким мы представляли его себе, работая над нашей повестью “Полдень XXII век”».

<...>

17 апреля АБС делают последнюю попытку погасить конфликт с ленинградским «Советским писателем» и пишут письмо его директору Вадиму Набирухину.

Из архива. Письмо от АБС в СовПис

Уважаемый Вадим Павлович!

Мы получили письмо от юрисконсульта Издательства тов. Тартаковской Н. М.

Мы с сожалением констатируем, что, несмотря на предварительные переговоры, проведенные Б. Н. Стругацким с Вами лично, Издательство всё же расторгло с нами договор № 2555 от 5.01.74 г. на наш сборник «За миллиард лет до конца света».

Каковы бы ни были причины этого действия Издательства, мы уверены, что по-прежнему сохраняется реальная возможность такого разрешения конфликта, которое удовлетворило бы обе стороны. Расторгнутый договор может быть без всяких потерь для Издательства заменен новым договором.

Мы согласны на любой из двух следующих вариантов:

1. Заключить договор на сборник под тем же названием в составе двух повестей: «За миллиард лет до конца света» и «Отель "У погибшего альпиниста"». Объем сборника ок. 18 а. л. Сборник полностью подготовлен для редактирования и выпуска.

2. Заключить договор на сборник под тем же названием в составе трех повестей: «За миллиард лет до конца света», «Отель "У погибшего альпиниста"» и «Жук в муравейнике». Объем — ок. 26 а. л. Публикация повести «Жук в муравейнике» сейчас заканчивается в журнале «Знание — сила».

В любом из этих вариантов выигрывают все участники писательско-издательского дела: и читатели, и Издательство, и авторы.

Уважаемый Вадим Павлович!

Вы — руководитель издательства «Советский писатель», и кому, как не Вам, должны быть близки и дороги интересы именно членов Союза советских писателей, а мы являемся таковыми вот уже шестнадцать лет и, смеем думать, у нас есть определенные заслуги перед советской литературой как в нашей стране, так и за ее пределами.

С уважением,

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

Но договориться не удается, и АБС возвращают аванс, сообщая об этом издательству.

Из архива. Письмо от АБС в СовПис

Уважаемая тов. Тартаковская!

В ответ на Ваш № 548 от 10.04.1980 сообщаем, что гонорар по расторгнутому договору № 2555 от 5.01.1979 в сумме

4500 руб. переведен нами 24 апреля 1980 года на счет ЛО издательства «Советский писатель» (расч. счет 19000608220 Куйбышевского отд. Госбанка).

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

Письмо Аркадия брату, 5 мая 1980, М.— Л.

Дорогой Борик!

Письма от тебя не дождался, поэтому пишу сам.

В канун праздников встречался с Кареном Шахназаровым. Выяснилось, что юридически существует шероховатость со студией Горького, поэтому нам предложено так:

Мосфильм выкупает у студии Горького сценарий, новый вариант пойдет как доработка, нам ничего не платят. Однако Шахназаров САМ будет писать сценарий, нам остается только литобработка (редактирование, дополнения, сомнения и прочие целевые указания). В случае же перезаключения договора на двухсерийный фильм мы получаем за вторую серию. Полагаю, справедливо. Значит, оплата нам в основном — после приема и категорирования готового фильма. Честно говоря, я рад: ужасно не хотелось снова браться за ТББ.

В Сценарной Студии ничего не изменилось, наша редактриса заболела, после ее выздоровления понесу туда заявку на «Малыша».

Литературные дела — глухо, ничего не известно. Был в Совете, дико поругался с Абрамовым. Вероятно, Брандис тебе рассказал. Сейчас всё вообще заглохнет до осени по случаю каникул, а там начнется пора съездов прозаиков МО и СП РСФСР[1].

Биленкин мне определенно рассказал, что новое руководство СовПиса категорически объявило, что печатать фантастику не хочет и не будет. Из МолГв ничего не слыхать.

[1] Пленум МО СП, V съезд писателей РСФСР.

Жду письма с известиями о делах как домашних, так и издательских. Ежели разделался с ЛенСовПисом, забирай у них рукописи и найди способ поскорее переправить их сюда. Хотя бы через Суркиса: у меня такое впечатление, что он часто к нам ездит.

Обнимаю, приветы Адке и Андрею, твой [подпись]

О своей попытке создать фильм по ТББ вспоминал Карен Шахназаров.

Из: Шахназаров К.: «Фильм рождается тогда, когда его увидит зритель»

<...>

— Кстати, я ведь в свое время пытался снять «Трудно быть богом». Даже написал сценарий! Примерно в 80-м году, после первой картины, я заявился к Аркадию Стругацкому домой и объяснил, что хочу снять такой фильм. Аркадий сказал: «Пожалуйста. Только учти, тебе его снять не дадут. Мы тебе помогать не будем, ты пиши сценарий сам, но покажи нам». Я написал сценарий, он почитал. К тому времени у нас сложились очень хорошие отношения, мы довольно часто встречались. Сценарий Аркадию понравился, о чем (хочу похвастаться) он много позже сказал публично — на премьере «Трудно быть богом» Фляйшмана.

— Вы не хотели бы сейчас опубликовать этот сценарий?

— Он не имел самостоятельной ценности. В отличие, скажем, от «Сталкера». Аркадий мне говорил, что ему очень нравится этот фильм, но он не имеет никакого отношения к повести Стругацких, и это произведение полностью принадлежит Тарковскому. А в своем сценарии я придерживался первоисточника.

<...>

Письмо Бориса брату, 9 мая 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 5.05. Сам не писал, главным образом, потому, что никаких существенных новостей нет.

24.04 перевел на счет СовПиса 4500 руб. и тогда же послал юристу уведомление об этом. Заметь, что получили мы с тобой примерно 4100, а возвращаем всю сумму целиком: таков, оказывается, закон — налоги остаются государству. И тут нас ободрали. В ближайшее время схожу туда и заберу рукописи.

«Аврора» заказала мне интервью. Я сначала согласился было, а потом, подумавши, уклонился, сославшись на занятость в кино. Ну их. Опять пережевывать эту жвачку, да еще придавать ей военно-патриотический уклон... Летом-летом[1].

Из ВААПа получил уведомление о суммах из НРБ, ПНР и ФРГ — сумма вполне аппетитная, даже после удержания налогов. Странно: получается, что в ФРГ издали зМЛдКС, а я об этом ничего раньше не слыхал.

Общался вчера с Мишей Ковальчуком — он тут проездом. Он подробно рассказывал о московских делах. Видимо, в «Знании» действительно имеют место перспективы. Надо попробовать просунуть туда ОуПА.

Брандиса видел мельком. Он сказал, что ты показался ему очень нервным и взвинченным и что нам с ним надо бы поговорить. Тогда я решил, что он что-то прознал про мои неприятности, а теперь думаю, что, может быть, он хочет рассказать что-то о московских делах. Через пару дней мы с ним встретимся.

Я тут кое с кем беседовал и теперь почти точно знаю, что вся история с СовПисом инспирирована именно Москвой. Московский СовПис был в ярости и требовал крови. Так что можно почти наверняка утверждать, что всё происшедшее есть просто реакция на критику в печати. В лучших традициях.

Домашние дела — боль-мень. Андрей работает. Слесарь-сборщик. Работа — нудная и однообразная, но он в общем не жалуется, приспособился и смирился. <...>

Сам я работал на стройке кооперативного гаража, застудил бок и вот уж без малого неделю хожу перекошенный и сплю с грелкой. А так, в общем, ничего.

---

[1] Фраза из анекдота, упоминаемого выше, в письме БНа 17.01.78.

Ситуация с Шахназаровым меня вполне удовлетворяет. Мне тоже не больно-то хотелось бы опять засаживаться за ТББ-С. Пусть всё идет как идет.

В нашем писдоме 12-го демонстрация «Сталкера». Я закупил 16 билетов для друзей, но сам не пойду — боюсь. Говорят, в конце мая начнется регулярный прокат по кинотеатрам. Где гонорар?!

Лениздатовский (Брандисовский) сборник, где наш ЖвМ, находится на рецензировании. А семинарский лендетгизовский опять застрял. Там было уже три рецензии, все три, в общем, положительные, но за истекшие годы составитель Жанна Браун успела вдребезги рассориться с директором, и тот теперь всячески уклоняется от заключения с нею договора.

Вот, пожалуй, и все дела.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет!

Тем временем «Сталкер» производит фурор в Каннах.

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

13 мая 1980

<...>

Да! Очень важная новость: сегодня, 13 мая, в Канне был показан «Сталкер» французским продюсером (прокатчиком), который купил фильм за 500 тыс. долларов (!). Известна реакция лишь одного критика (того самого, кому очень понравился ***«Special»***, Козулич (?)). Завтра, видимо, уже кое-что будет в газетах. Фильм, видимо, представлен «сюрпризом», как в прошлом году был представлен «Мраморный человек» Вайды.

<...>

14/15 мая 1980

Потрясающая пресса во всех газетах в связи со «Сталкером» в Канне. Просто-таки триумфальная. Джан Луиджи

Ронди называет фильм гениальным и оценивает его как величайшее произведение. Даже повторять неловко всё, что он говорит. В общем, это был взрыв.

<...>

Жаль, что картина («Сталкер») не может теперь пойти в Венецию. Правда, теперь это неважно — после такой критики. Я не помню, чтобы кому-нибудь из режиссеров критики говорили подобное.

15 мая 1980

<...>

Звонил из Канн Ронди. Говорит, что «Сталкер» произвел фурор. Все только и говорят о нем. Фильм Куросавы («Двойник» — самурайский фильм) хорош, мол, но гораздо хуже «Сталкера». Я поблагодарил его за рецензию. Ронди же тут же назвал меня гением. Ну да ладно, лучше гений, чем бездарность, если говорить об эпитетах.

<...>

Письмо Аркадия брату, 15 мая 1980, М.— Л.

Дорогой Борик!

Получил твое письмо от 9.05.

Как прикажешь отдать тебе 2250? Могу переслать. Могу передать при встрече. Могу — вернее, ты можешь — забрать те, что мамочка мне оставила: в этом случае распорядись, какую нужно прислать тебе доверенность. Как скажешь, так и сделаю.

ВААПовское извещение тоже получил. Только не понимаю, почему ты счел, что зМЛдКС именно в ФРГ?

Подлость С. Абрамова начинает сказываться. Прислал письмо Гена Прашкевич: Роскомиздат запретил ему очередную книжку в Новосибирске. Это после всех заверений Абрамова, что роскомиздатовские работнички — чуть ли не родственники ему. И еще: только что наша приемная комиссия зарубила одного (еще одного!) сибирского фантаста. Это после того, как Абрамов нас заверил, что отныне в приемных делах по фантастам буду участвовать я. Эх, подлость.

Несколько дней бился по поводу гонорара за «Сталкера». Никаких концов. Путаница, видимо, из-за того, что первый договор был заключен ДО нового закона об оплате, а дополнительный договор (на две серии) — ПОСЛЕ. Терпения у нас уже нет, сейчас сажусь за письмо Сизову или Нехорошеву. Пусть разберутся, провалиться им так и не так.

А нет ли у тебя впечатления, что имеет место общий зажим фантастики, организованный на самом верху? Хотя по киношным делам этого не чувствуется...

Пока всё. Моя редактриса в Сценарной Студии всё еще болеет.

Обнимаю, выздоравливай, твой Арк.

Всем твоим приветы.

Об описываемом периоде вспоминал Геннадий Прашкевич, цитируя письмо АНа к нему.

Из: Прашкевич Г. Человек эпохи

<...>

«Получил твое письмо, — писал он мне в мае 1980 года. — Ну что тут скажешь? — (Речь в письме шла о моей очередной зарубленной цензурой книге. — Г. П.) — Выругался матерно (шепотом), облегчил душу, а толку никакого. Всё скверно. Все благие порывы и начинания нашего Совета, очевидно, пошли прахом из-за нерешительности или напуганности С. Абрамова. Твои известия об ударе из Роскомиздата — только завершающий штрих отвратной картины, развернувшейся в последние месяцы перед моим изумленным взором, как говорилось в старых романах. Создавали сеть периферийных ежегодников фантастики, клялись, хвастались, истратили уймищу денег на командировки. Было? Было. А вышел пшик. Издатели объявили, что ничем подобным заниматься не будут, если им не выделят специально для этого бумагу. Ладно. Хлопотали о включении в приемную комиссию Стругацкого, дабы не повторилась позорная история с Прашкевичем. — (При первой попытке вступления в СП СССР мое дело было провалено. — Г. П.) — Клялись, хвастались, добились. Было?

Было. А в результате приказа о включении Стругацкого в комиссию так и не случилось, и вот на днях зарубили еще одного фантаста из Сибири. Ладно. Планировали ежегодный конкурс для молодых, закрытый, под девизами, с председателем жюри Стругацким. Грозились, хвастались, восхищались. Было? Было. А в результате создали конкурс опубликованных произведений (т. е. для награждения самих себя) с Михаилом Алексеевым в качестве председателя жюри. Ладно. Договорились о том, что в Госкомиздате рецензировать писателей-фантастов будут не проходимцы, а члены Совета по списку. Клялись, хвастались, добились. А в результате Прашкевича опять забили по горло в землю. Ладно. Взялись заставить изд-во «Советский писатель» издавать фантастику, договорились, обещались, хвастались. Было? Было. А в результате «Советский писатель», придравшись к юридическому пустяку, расторгнул договор со Стругацкими с вычетом у них аванса (4.5 тыс. руб.), а сборник Шалимова, где уж и юридических крючков не оказалось, загнали на рецензию в Академию наук...»

И дальше:

«Мы с братом сейчас плюнули на всё. Занимаемся потихоньку кино, да я перевожу более или менее усердно, как ты. Тем и живем».

Нелепости смешили и утомляли его.

<...>

Письмо Бориса брату, 21 мая 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

1. Насчет денег пока не беспокойся. Я вот оклемаюсь и займусь маминым наследством. Тогда и посчитаемся.

2. Мне звонили из ВААПа (по-видимому, ленинградского) и спрашивали, куда перевести потиражные за фильм. Я понял это так, что деньги — за «Сталкер». Мосфильм, наконец, разрешился от бремени. Интересно, сколько?

3. Беседовал с Брандисом. Он страшно озадачен и даже напуган твоим лаем с Абрамовым. Я его всячески успокаивал

и говорил, что ты вообще человек эмоциональный, а тут столько всяких обманов и провалов... Сам-то я думаю, что Абрамов не такой уж подлец. Просто он делает в первую очередь то, что ему выгодно, а во вторую — то, что получается. И получается у него не больно-то много, как и у всех прочих.

4. Вчера была у меня Танька Чеховская. Излагала про московские дела и требовала от нас что-нибудь для З-С. Придется, наверное, писать. Но что? И когда?

5. Каюсь, рукописи из СовПиса еще не брал. Сначала было тошно туда идти. Потом прострелило мне бок. Сейчас вот помаленьку прихожу в себя и днями обязательно схожу.

6. Впечатления общего зажима ф-ки у меня, честно говоря, нет. Скорее уж ф-ке попадает между делом. Так сказать, чубы трещат.

7. Получил от Петера Куцки обширную анкету-интервью (50 вопросов!). Пишет, что и тебе посылает то же. Как отвечать? Имею предложение: напиши ответы на «личные» вопросы и перешли их мне, а я уж всё в целом оформлю и перешлю ему. Только не тяни. Он показался мне прекрасным мужиком, и надлежит его уважить. Я уже начал писать — получается что-то вроде программной статьи. Что ж, может, еще где пригодится.

8. Не передавай ты нумера З-С ни с кем! Пусть лучше уж у тебя пока лежат. А передал ты их Севке, а этот мудак (которого я, впрочем, почему-то нежно люблю) отдал их Брускину. А я с Брускиным вижусь раз в три года! Не говоря уж о том, что и Брускин — тоже мудак высокого класса.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет!

21 мая «Литературная газета» публикует отзыв АНа на телевизионный художественный фильм «Приключения Электроника».

Вообще же пресса этого года полна отзывами на только что вышедшие фильмы по книгам АБС. В первую очередь, конечно, на «Сталкер».

«Горьковская правда» 24 мая (Мухина И. Дорога в никуда) считает, что фильм ориентирован на «пресыщенно-интеллектуальные вкусы».

В тот же день «Ленинградская правда» (Павлов Д. Драма, фантастика, приключения) отмечает тяготение языка фильма к живописи, его многоплановость и присущий ему психологический анализ.

26 мая «Горьковский рабочий» (Хазина Л. Сталкер) заявляет, что в фильме слишком много «кинематографических красивостей», а герои фильма — люди ущербные.

30 мая «Вечерний Свердловск» (Тубин Я. Столкновение с будущим) из фильма делает вывод, будто Зона символизирует собой будущее, и люди идут туда, чтобы снова стать собой, но выясняют, что будущее — внутри них и поэтому исполнение желаний не нужно.

12 июля тбилисская «Заря Востока» (Церетели К. Проводник в неизведанное) характеризует «Сталкер» как философскую драму, в которой сочетаются реализм и фантастика.

17 июля новосибирская газета «За науку в Сибири» (Петров С. В поисках истины) отмечает злободневность фильма, подчеркивая, что «Сталкер» «учит зрителя думать». Одновременно тут же вторая статья (Полев Л. Нравственный урок) характеризует фильм, где «поэтика театра абсурда» сочетается с показом личности.

2 августа ленинградская «Смена» (Отюгова Т., Хидекель Р. Любить человека) утверждает, что фильм повествует об утраченной вере.

7 августа «Молодежь Молдавии» (Яковенко И. Перед дверью, в которую ты войдешь) отмечает символизм фильма и внимание в нем к личности.

8 августа газета «Вперед», издающаяся в г. Троицке Челябинской области (Кофанова Т. Переступи порог), утверждает, что фильм посвящен пути познания себя и истины, причем «Сталкер пытается познать Красоту и Истину, а в буржуазном обществе это преследуется законом».

11 августа «Вечерняя Уфа» (Назаров Р. Перед лицом тайны) видит идею фильма в показе жизни перед лицом неведомого.

В 10-м номере журнала «Советский фильм» (Шитова В. Путешествие к центру души) фильм характеризуется как психологическая драма, в «Биробиджанской звезде» от 19 октября (Клименков М. По кругам ада) как притча, сходная с «Божественной комедией» Данте.

Есть публикации и о кинофильме ОУПА.

7 марта в газете «Правда» (Капралов Г. Решая собственную участь) автор статьи полагает, что при переработке повести «Отель «У погибшего альпиниста» в сценарий АБС не справились с требованиями кинематографа, многое осталось непроясненным или прояснилось искусственно.

1 июля «Заря Востока» объясняет подтекст фильма словами «не одним законом жива человеческая совесть».

В № 16 «Советского экрана» (Емцев М. Ближний космос) фильм характеризуется в основном положительно, но, по мнению автора

статьи, «эпизод бегства пришельцев» выглядит неуместно. А в № 23 (Лотяну Э. Триест-80) сообщается, что на 18-м Международном фестивале фантастических фильмов в Триесте «жюри наградило специальной премией «Серебряный астероид» советскую картину режиссера Г. Кроманова «Отель “У погибшего альпиниста”», особо отмечая сценарий братьев Аркадия и Бориса Стругацких, а также музыкальное решение фильма эстонским композитором Свеном Грюнбергом».

Письмо Аркадия брату, 26 мая 1980, М.— Л.

1. Кроме литературы — японская литературная классика: в наст. время перевожу «Сказание о Есицунэ», рыцарский роман 14 века.

2. По премиям: не забудь Вторую премию памяти Кэмпбелла за 1977 год и Премию Жюля Верна (Швеция) за 1979 год за «Пикник».

3. Член Союза по НФ и приключенческой л-ре при СП РСФСР. Хобби нет. Развлечения — книги, изредка кино.

10. Полагаю исключить классическую утопию из худ. литературы как публицистику политического толка.

15. Любимые наши произведения: предлагаю УнС, ВНМ, зМЛдКС, а впрочем — на твое усмотрение.

18. Ю. Смелков? В. Ревич?

19. Ни с кем.

29. «Сталкер» — фильм великолепный, пришел к нам словно из 21-го века, как будто кто-то из будущего долго наблюдал человечество и создал кинообраз-квинтэссенцию механики человеческого существования.

30. Страшно трудно и интересно.

31. Более или менее знаем. Единственный фильм, кот. нравится — Кубрик «На последнем берегу»[1]. «Война миров»[2], «Звездные войны»[3] — мура, киномакулатура.

32. Ле Гуин, Воннегут, Уиндем, а далее — по твоему усмотрению.

---

[1] Ошибка памяти АНа: «На последнем берегу» — название в советском прокате амер. к/ф «On the beach» реж. С. Крамера по роману Н. Шюта.

[2] Амер. к/ф 1953 г. «The War of the Worlds», реж. Б. Хаскин.

[3] В эти дни мая 1980-го вышел второй хронологически и 5-й сюжетно эпизод «Звездных войн» — «Империя наносит ответный удар». АН же имеет в виду первый из фильмов «Звездных войн» (эпизод IV) — «Новая надежда», 1977, реж. Дж. Лукас.

33. Ценное — только «Новые карты ада» К. Эмиса.

34. Пока только зарождается и потому слабо. Более или менее — учебные пособия по фантастике Г. Гуревича.

37. Несколько статей Дарко Сувина из Университета Мак-Гилла, Канада.

38. Разные. Любим и уважаем при личном знакомстве Гранина, Ф. Абрамова, В. Шефнера, так, что ли?

39. А. Толстой, Э. Хемингуэй, Ф. Достоевский — по твоему выбору.

40. Чехословакия, Болгария.

41. Представление о «гетто» предлагаю считать довольно обоснованным, однако в наше время у фантастов иного пути нет.

45. Пиши откровенно!

48. Хотелось бы, но не от нас зависит.

50. Не считаем.

Дорогой Борик!

Письмо твое получил вчера вечером (25-го). Выше даю ответы для Куцки. Нового ничего. Разве только то, что 19-го я открыл широкий прокат «Сталкера» в к/т «Мир». Народищу — тьма, длиннейший хвост за билетами на завтра и послезавтра. То же сообщают из к/т «Прогресс» и «Янтарь», а больше нигде не идет. Еще: Лариса Тарковская сообщила, что звонил из Италии Андрей, говорил, что «Сталкер» продан во Францию за полмиллиона, показывают его вне конкурса в Каннах, где имеет колоссальный успех и огромную прессу.

Насчет потиражных ничего не знаю. Если за «Сталкера», то это результат моего письма в бухгалтерию Мосфильма. Ужо схожу на сберкнижку.

Слушай, я что-то не помню, чтобы я что-то передавал Севке для передачи тебе. Здесь какое-то недоразумение. Уж З-С во всяком случае отдавал только тебе лично при встречах.

О претензиях З-С на нашу новую публикацию. Я с Ленкой на днях был у Карла Левитина, выпивали и закусывали, так

Карл мне сообщил, что они решили публиковать ГЛ. Говорит, изменим название, кое-что подправим и вася-кот. Я пожал плечами. Пусть, по-моему. Спросил только: не боитесь? Нет, говорит. Ничего нам не будет. Им виднее.

Кстати, у них была комиссия, проверяла их работу. Руководил комиссией некто Гольданский. По фантастике назначили В. Щербакова из МолГв, но его почему-то заменил ст. редактор той же МолГв некто Родинов. Общие выводы комиссии были вполне благожелательными. Но кто-то потребовал зачитать заключение Родинова — оказалось, он написал по Роману Подольному и по зМЛдКС и ЖвМ и нес грязную фашистскую демагогию чисто в духе МолГв. Ученые, говорят, страшно разозлились и облили Родинова помоями тут же на месте.

Насчет писать. Когда — в любое время. У меня. Отлично устроимся, не беспокойся. А вот ЧТО — вопрос. А фраге[1], как говорит Крендель[2]. Я бы все-таки предложил продолжение серии «Понедельник» на писательском матерьяле. Назвать «Путешествие по Москве и вокруг». Разумеется, надлежит тщательно подумать. Но мыслится нечто бессюжетное.

Вот, пожалуй, всё.

Обнимаю, целую, привет твоим, Арк.

Письмо Бориса брату, 29 мая 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 25.05.

У нас тоже «Сталкер» идет вовсю. То есть, в двух или в трех кинотеатрах (довольно занюханных). Параллельно шпарят «Отель». Везде висят рекламные (типографские) афиши. На «Отель» — так себе, а на «Сталкера» — просто великолепные: на глубоко черном фоне жуткая бритая голова Кайдановского, искривленная мукой. (Голова... искривленная мукой — это в стиле Аверченко. Но ты понимаешь, что я хочу сказать — мощный плакат!)

[1] Вопрос (*идиш*).

[2] Прозвище Крелина (Крейдлина) Юлия Зусмановича, писателя, хирурга.

Отзывов — навалом. От и до. Как и следовало ожидать, три четверти разочарованных — это люди, любящие ПнО и ожидавшие соответствующего зрелища.

Относительно зарубежных впечатлений у меня несколько иные данные: фильм хвалят, но довольно вяло и считают, что он утомляет зрителя.

С Севкой и З-С, видимо, и в самом деле недоразумение. Наверное, я неправильно понял Таньку: не ТЫ передал журналы с Севкой, а ОНА. Тем лучше. Держи мои при себе.

Вчера съездил наконец в СовПис и забрал рукопись. Насколько я понимаю, единственный шанс — это «Знание» и «Отель». Посмотрим. Если дело зашевелится, я тебе рукопись перешлю.

По поводу З-С и ГЛ я говорил с Танькой. Она высказалась в том смысле, что всё будет ОК, но сначала надо дождаться, пока утихнет очередная атака Басова на журнал.

Я тут в основном корячусь над статьей для Куцки. Это будет обширный документ с изложением всех требуемых фактов, а равно и нашего литмировоззрения. Пусть он это использует, как хочет: в виде статьи, или в виде интервью, или пусть нарежет на кусочки и пустит врезками к нашим книгам. У него ведь обширные планы по поводу изданий.

(Между прочим, многие смотрели «Сталкера» дважды, а Адка даже трижды. Совершенно отчетливое впечатление: с каждым разом фильм нравится всё больше и замечаний по нему становится всё меньше. Я считаю, что вот это — признак действительно сильной работы!)

Писать бессюжетное — это, братец, гм... Это, брат... Когда это мы с тобой писали бессюжетное? Не припоминаю. Я, впрочем, обуреваем сейчас титанической идеей (о которой, впрочем, мы с тобой уже говорили): написать книгу, состоящую только из документов, историю ПнО в МолГв. Так сказать, «ПИКНИК на обочине». Расположить в строго хронологическом порядке: переписка с МолГв, переписка с Цекамолом, переписка с ЦК КПСС, переписка с ВААПом, переписка А с Б (отрывки, разумеется), письма читателей по этому вопросу, рецензии (отрывки), письма-заказы из разных

стран и т. д. Во получится книга! Правда, на довольно образованного читателя.

К сожалению, 90 % всех материалов находится у тебя (да так и должно быть), но я уже прошелся по твоим письмам, а при встрече можно будет поработать и над прочими материалами.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночку и Машку целую!

Вероятно, тогда же в рабочем дневнике появляется запись без даты.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

«Как это делается» (История издания ПнО)

1. Повесть опубликовали.
2. Повесть получила одобрение прессы.
3. Повесть получила одобрение читателя.
4. Повесть активно выходит за рубежом.

[Все четыре пункта обведены сбоку фигурной стрелкой с надписью: «Почему именно ПнО?»]

Переписка с МолГв.

Переписка с ЦК ВЛКСМ.

Переписка с ЦК КПСС.

Переписка с ВААП.

Переписка А с Б.

Письма читателей.

Рецензии (отрывки?).

Письма-заказы из разных стран.

Письмо Аркадия брату, 4 июня 1980, М.— Л.

Здравствуй, Борик!

Письмо от 29-го вчера получил.

Новости от 29-го вчера получил.

Новости из-за рубежа:

1. Через Карла Левитина: звонили из Болгарии, там с моей подачи — я переслал ксеру — принялись переводить ПнО и просят всё, что есть еще.

2. Пришло письмо от Дарко Сувина. У них там в Аризоне выпускается некое издание «Русские и восточно-европейские публикации», так они задумали выпуск такой публикации под названием «Канадо-Американское исследование славянской фантастики». Приглашает принять участие статьей. Полагаю, нам это не интересно, но ежели ты заинтересуешься, сообщу подробности.

3. Девис переслал письмо от некоего г-на Телесфоро Фуентес Суарес с Канарских о-вов. Ему понравились наши вещи, просит прислать что-нибудь на русском или испанском.

Наши новости:

1. Пришли — наконец — договоры из Баку на наш сборник ТББ+ХВВ. Там уже корректура, книга будет через несколько месяцев.

2. Из бухгалтерии Мосфильма сообщили, что нам за «Сталкера» вышло по 1178 р. 55 коп. на нос, т. е. 29.1 % гонорара потиражных, а копий сделано 194 шт. Я тут же послал Сизову письмо, что мы-де авторы кинофильма мирового класса и негоже нам платить, как сценаристам фильмов о тещах.

3. Гуревич с подачи Биленкина, а тот узнал у Парнова, что на «Евроконе-80» (Италия) вице-президентом в обмен на обещание провести «Еврокон» 82-го в Москве выбрали А. П. Кулешова. Бьюсь об заклад, никто там не знал, что Кулешов к фантастике отношения не имеет. А как узнают, какова будет реакция?

4. Севка сообщил, что вышел сигнал «Мира приключений», где «Повесть о дружбе и недружбе».

Вот так. Что до твоего замысла насчет эпистолярного романа, то отчего же? Можно и так, конечно. Правда, уж это-то совершенно некому печатать будет. А что ты говоришь, де никогда бессюжетное не писали, ну и что? Никто ничего не знает, пока не попробует. Впрочем, я сейчас больше с японской

классикой вожусь, гоню вовсю. Видится возможность успеть к сроку — к 1 сентября. Думаю, что больше уже никогда японскими переводами заниматься мне не придется. Так что надо выйти в отставку победителем.

Затем тебя обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Андрею.

Письмо Бориса брату, 5 июня 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Пишу тебе вне очереди по совершенно частному поводу.

Я познакомился с неким Гурштейном Александром Ароновичем. Это — старший научный сотрудник Института космических исследований, кандидат наук, только что защитил в Пулкове докторскую, специалист по исследованию Луны всякими методами (докторская у него была закрытая) и по моему впечатлению, как и по отзывам некоторых вполне заслуженных людей, — весьма приятный и порядочный человек.

Так вот он написал историко-приключенческий роман, хронологически продолжающий трилогию Дюма, но совсем о другом — об ученых и политиках того времени. Герои: Кассини, Ньютон, Лейбниц, Кольбер, Луи Каторз и т. д. Он изложил мне в общих чертах фабулу — по-моему, может быть очень любопытно.

В романе 35 а. л. Такое чудовище, сам понимаешь, никакой журнал не возьмет. Да и никакое издательство, пожалуй. Однако он морально готов к сокращению листов на десять.

При чем здесь ты. Он позвонит тебе (я дам ему твой телефон) и будет почтительнейше просить о встрече. Даруй ему, пожалуйста, таковую. Я уверен, что этот человек тебе понравится — это что-то вроде Мирера, но Мирера практичного и с астрономическим уклоном. Он принесет тебе рукопись. Клянется, что до сих пор ее все читали запоем. Прочти и, если рукопись тебе понравится и покажется перспективной, сведи его с Детгизом. Вот, собственно, и всё.

В литературе он человек не вовсе новый. Писал много и публиковался, но всё по части научпопа. Впрочем, он о себе и так всё расскажет.

А новостей у меня никаких существенных нет.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночку и Машку — целуй!

5 июня Борис Штерн сообщает в письме БНу о впечатлениях различных людей после просмотра «Сталкера».

Из архива. Из письма от Б. Штерна БНу

<...>

Смотрел два раза «Сталкера». Очень хороший фильм, «Солярис» оставил меня абсолютно равнодушным, зато на «Сталкере» душа жила. По Одессе долго ходили разговоры, что «Сталкера» не покажут (как это было с «Зеркалом», здесь его так и не пустили в прокат); наконец в середине мая «Сталкера» запустили в кинотеатре им. Котовского (небольшой к-тр в центре города) и начались убийства за билетами. Неделю нельзя было достать билет, но потом «Сталкер» пошел во втором, в третьем, в четвертом кинотеатре и очереди вскоре рассосались. Впечатления мои от зрителей и всяких послепросмотровых рассуждений: в черной своей массе народ спит или весело смеется, когда Фрейндлих корчится на полу, Шухарт читает стихи или Мартышка опрокидывает взглядом стакан. Это естественно — дядя Коля с тетей Мусей пришли в кино отдохнуть на фантастическом фильме, где как будто какие-то пришельцы, а тут тебе такая тягомотина, куда-то едут, зачем-то идут, что-то говорят, ничего понять нельзя! Другая сторона медали — эстетствующая и бесплодная интеллигенция; эти всё прекрасно понимают в «Сталкере», но с глубокомысленным видом начинают затемнять абсолютно ясные вещи — «Вечерняя Одесса» опубликовала рецензию одного кандидата-искусствоведа; абсолютный глубокомысленный бред. (Газету я отложил, чтобы выслать Вам, но обстоятельства (о них ниже) помешали мне это сделать,

и газета, кажется, уже пропала.) Рассуждения в этой статье были о «человеческом счастье», начала и концы которого находятся в самом индивидууме, о долге ученого перед обществом, о долге писателя перед обществом — кредитор! — и прочее. Не хвалил и не ругал, пресная глупая статья с явной оглядкой на дядю Колю и тетю Мусю. Зато фильм очень понравился простым начитанным добрым и замордованным жизнью 30–35-летним ребятам моего поколения. Витька Андрианов вообще в телячьем потрясении, сравнивает «Сталкера» с фильмами Антониони. Мой экземпляр «Пикника» сейчас нарасхват. Очередь. Объясняю, что фильм и книга разные вещи и т. д. — в общем, только и разговоров.

Мое личное ощущение: фильм прекрасный, и всё же жаль отличных сюжетных ходов «Пикника на обочине», всё же Тарковскому стоило бы сделать «Сталкера» хоть чуть-чуть развлекательнее — не в угоду среднему зрителю, а чтобы до середнячка лучше дошло.

<...>

О «Сталкере» пишет и Тарковский в своем дневнике.

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

6 июня 1980

<...>

Лара рассказала мне, что, когда она спросила у Сизова, знает ли он о том, как прошел «Сталкер» в Каннах, он ответил: «Да, провалился. Люди уходили с фильма». Интересно, кто его таким образом информировал? Лариса тут же его обрадовала, рассказав о прессе и двух премиях. Тогда Сизов сказал: «Почему же они тогда не послали фильм на конкурс?» Лариса с удивлением ответила, что сама хотела бы знать это.

<...>

Письмо Бориса брату, 7 июня 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 4.06.

Статью писать для Сувина неохота. Обойдутся. Но надобно, я полагаю, вежливейше ему ответить: так, мол, и так, перегружены работой, а не вышлете ли Вы нам экземплярчик УнС?..

Письмо сеньора Т. Ф. Суареса получил и я. Слушай, у тебя нет ТББ, который в свое время издавал на испанском «Мир»? Надо бы послать человеку. Живет, понимаешь, на Канарских островах — ты на карту посмотри; это же такая дичь и глушь! А у меня, как назло, ничего на испанском нет, кроме каких-то жалких сборников рассказов.

Получил я потиражных за «Сталкер» 927 р. с копейками. Гроши, одна треть от ОуПА. Но, видимо, таковы уж новые гонорарные законы в кино. Чудовищный все-таки налог получился — 21 %! Это что-то невиданное. Нет ли тут путаницы какой-нибудь? Ты сколько получил на книжку?

Вчера пришло очередное извещение из ВААПа: ГДР, ЧССР за ХВВ, М и «Дер Ягер» — всего на руки 220. И то хлеб.

«Сталкер» у нас победно шествует по трем экранам (новый фильм «С любимыми не расставайтесь»[1] — по девятнадцати; впрочем, фильм неплохой). Очереди, толпы, слухи, что вот-вот снимут. И огромное количество разочарованных. Ходят слухи: Стругацкие излупцевали Тарковского за издевательство над своим творчеством. Впрочем, потрясенных и начисто обалделых тоже много. Такие смотрят по два, по три раза, и с каждым разом фильм нравится им всё больше.

Я тут оскоромился и посмотрел «Зеркало». Любопытно. Восторгов не испытал, но многое понял — в том числе и про «Сталкер», которого не видел.

Надо будет попробовать следующий фильм отснять под полным нашим контролем. Жестко. По-нашему. По-моему,

[1] К/ф 1979 г. реж. П. Арсенова по одноименной пьесе А. Володина.

режиссеры ни хрена не понимают простую вещь: можно снять фильм, одновременно и хороший, и кассовый. Надо им показать, как это делается.

«Сталкер» в Каннах якобы поделил приз с каким-то еще фильмом — за изображение и критику коррупции (???). За что купил, за то и продаю. Узнаешь что-нибудь толком, напиши.

Насчет встречи. Видимо, до осени не встретимся. Должна приехать Ирена. Потом Олимпиада. То, се. Так что доводи до конца свой перевод, а вот уж осенью что-нибудь придумаем. Так?

Слушай, в Баку нас на русском издают или на азербайджанском? В первый раз об этом сборнике слышу!

Письмо мое про Гурштейна ты наверное уже получил. Подтверждаю. Обязательств это на тебя никаких особенных не накладывает, имей в виду. Просто, если рукопись понравится, свяжешь его с Детгизом. Представишь, так сказать. Не подумай, упаси бог, что я за этого человека так уж безумно хлопочу. Я его и не знаю толком. Просто симпатичный. А вдруг графоман? Сам посмотри.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет!

Письмо Бориса брату, 10 июня 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Я тут, наконец, предпринял нужные шаги по поводу мамочкиного наследства и получил свою долю. Теперь дело за тобою. Тебе надлежит пойти к нотариусу и получить доверенность такого содержания: «Я, такой-то, доверяю такому-то полностью закрыть вклад по счетам № 02101 и № 04151 сберкассы I разряда № 1880/0398, находящейся по адресу г. Ленинград, пр. Карла Маркса, дом № 20».

Кассирша считает, что такой доверенности, заверенной в нотариальной конторе, будет достаточно. Но на всякий случай я сообщаю некоторые дополнительные сведения, которые вдруг, может быть, понадобятся:

1. Остаток на счете № 02101 — 763 р. 59 коп.; остаток на счете № 04151 — 1760 р. 64 коп.

2. Мой паспорт: <...>

На всякий случай опиши нотариусу ситуацию, может быть, он предложит какой-то другой вариант. Помни только, что сумму в доверенности указывать нельзя — пока идет время, растут проценты и сумма всё время меняется.

Весьма сочувствую тебе: стоять в очереди к нотариусу это не сахар. Но, в то же время, очень прошу тебя не откладывать это дело: у меня, вроде бы, зашевелилось что-то с Андрюшкиной квартирой (тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить), так что деньги могут понадобиться в ближайшее время, а я почти что на мели.

Доверенность посылай ЦЕННЫМ письмом!

Осталась еще одна сберкнижка, где вклад не завещан. С ней будет всё значительно сложнее. Я уже предпринял кое-какие шаги, но это дело длинное.

Новостей особых нет. Отправил наконец статью Куцке. Всё время получаю письма от разных людей про «Сталкера». В конце недели приезжает Ирена. Вот, пожалуй, и всё.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — поцелуи!

Письмо Аркадия брату, 16 июня 1980, М.— Л.

16.06.80

Дорогой Борик!

Забарахлила машинка[1].

1. Какие мои доходы от «Сталкера» — неизвестно. У меня на книжке ничего нет.

2. Азербайджанское издание — на русском языке. Я тебе говорил, ты запамятовал. В договоре — 250 р. за п. л.

3. Завтра иду к нотариусу. Но ежели срочно, готов ответить тебе хотя бы и 3 тысячи, только прикажи. А буде надобно больше, и больше дам. Здесь дело в расходах на

[1] Письмо, в отличие от большинства писем этого периода, рукописное.

пересылку, лучше подъедешь сам, 16 р. не деньги, возьмешь у меня, сколько надо.

4. А хорошо бы приехал на 1–2 дня. Тогда бы поговорили.

Пока всё.

Целую, твой Арк.

Твоим привет.

P. S. Машка с Ванькой на даче, а Ленка с радостью тебя примет.

Письмо Бориса брату, 26 июня 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Во-первых, доверенность твою получил и с мамочкиным наследством почти разобрался. Теперь уже не ты мне, а я тебе должен — 276 руб. Осталась еще одна сб/книжка, но вклад там не завещан, и с нею будет посложнее. Пока я это дело отложил.

Принимал Ирену. Она была здесь целую неделю. Ничего особенного не рассказывала, кроме того, что дело с зМЛдКС на мази. Американцы, вроде бы, хотели снимать ПнО, но отшатнулись: неясны права на эту вещь, да и технические трудности показались им слишком значительными. Хорошо бы вообще выяснить у Белы: «Макмиллан» закупил ВСЕ права или только права на книжные издания.

Выступал вместе с Кромановым на открытии ОуПА. Ублажил старика. Он очень приставал еще что-нибудь снять. Я ему посоветовал познакомиться с ХВВ и зМЛдКС. А кино не смотрел — повели к директору кинотеатра пить коньяк. ОуПА идет у нас довольно широко. Пока все видевшие ругают. Исключение — Андрюшка. Пришел из кино, пожимая плечами: «Не понимаю, что они все ругаются — вполне забойный фильм».

Получил приличную сумму из В<неш>П<осыл>Т<орг> — 1196 р. ч. И еще оттуда же пришло письмо, что на моем счету 2477, за каковыми надо приехать. Ужо. В связи с этими новостями пошел и купил новую машину — Жигуль 21011. Хоть эта польза будет от чеков.

Много шума по поводу «Сталкера» — пишут письма, присылают рецензии из областных газет (иногда вполне толковые), одна психопатка даже позвонила откуда-то из другого города в два часа ночи — позарез ей надо было выразить свое ФЭ — я ее послал, разумеется. Диапазон мнений огромен. Я что-то не припомню за всю свою жизнь фильма, о котором высказывались бы столь противоречивые суждения. Между прочим, говорят, в моду входит прическа а ля сталкер. Я сам видел пару таких кретинов молодых, но допускаю, впрочем, что они только что из заключения или страдают педикулезом, то бишь завшивленностью.

Андрюшке предложили на выбор три кооператива. Неделю мы думали, мотались по городу, смотрели среду обитания по указанным адресам (домов еще нет). Выбрали. Дом, впрочем, обещают только в 81-м. А реально, я полагаю, в 82-м. Спеху, однако, пока нет. Вот женится, тогда да, тогда забегаем.

Говорят, «Мир приключений» вышел с нашей ПоДиН. Раздобудь на мою долю парочку экзов, пожалуйста.

Пока всё.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночку и Машку целуй!

Письмо Аркадия брату, 6 июля 1980, М.— Л.

Дорогой Борик!

Новостей особенных нет.

1. ПоДиН вышел, я уже получил гонорар (467 ряб), а тебе должны его выплатить в твоем Детгизе. Насчет парочки экзов не получится: Севка обращался ко мне по поводу того, сколько надо заказать, и я ответил: три. Ты ведь раньше никогда не заказывал разноавторских сборников более одного. Я заказал один для тебя, один для себя и один для ксерокопирования в ВААПе.

2. Была верстка ЖвМ от «Макмиллана». Пришла она ровно в тот день, когда должна была быть возвращена в США. Впрочем, беспокоиться нечего: Антонина Боиз, переводчица, оказалась вполне на высоте. Ошибки только корректорские.

3. Сегодня придет Шахназаров, принесет свой вариант ТББс. Обратно мне морока — прерывать работу, читать и заниматься с ним. Зато, если всё пройдет как надо, в этом году начнется его работа на Мосфильме.

4. Есть шансы толкнуть в ст. Горького сценарий М с режиссером Борецким. Познакомился с главрежем 1-го ихнего объединения.

5. Слушай, что это за суммы из ВААПа? Посчитай, сколько тебе начислили (и перевели) вместе с этими, начиная с декабря прошлого года, и сообщи. А то мне то посылают извещения, то нет.

И вообще давай после Олимпиады заезжай сюда на несколько дней, получишь деньги и поговорим.

6. Только что получил японский Эс-Эф магадзин № 8 (!), в нем довольно большая статья о нас. Частию посвящена скандалу с Бантам-букс (насчет УнС, аннотации на обложке[1], ты помнишь), частью излагается содержание ЖвМ по 5 номер включительно. Возможно, будут публиковать, а статья — реклама.

Вот и всё пока. Обнимаю, твой Арк, привет твоим.

«Скандал с Бантам-букс» не был единственным в своем роде. Западные издатели часто сопровождали переводы книг советских авторов броскими слоганами о преследуемых на родине писателях. Нельзя сказать, что это было откровенной неправдой. Просто со «здешней» точки зрения до настоящего преследования было еще далеко — так, мелкие недоразумения. Но реплики с Запада, подобные аннотации к «Улитке на склоне» от Бантам-букс, становились известны в СССР и никак не облегчали жизнь полуопальным писателям.

Помимо процитированной выше аннотации это издание предваряло еще и небезынтересное высказывание писательницы Урсулы Ле Гуин: «Один из братьев Стругацких происходит от Гоголя, а второй — от Чехова». Согласитесь, такая похвала дорогого стоит.

[1] Аннотация издания Strugatsky A., Strugatsky B. The snail on the slope (New York: Bantam, 1980) гласила: «Борис и Аркадий Стругацкие, самые известные и успешные из ныне живущих русских писателей-фантастов, сейчас в немилости у Советского правительства за смелые, честные идеи, высказанные в данном романе. На Западе, где они котируются на уровне Дика, Диша и Эллисона, они получили признание за такие шедевры, как «Обитаемый остров», «За миллиард лет до конца света», «Далекая Радуга» и «Второе нашествие марсиан» — произведения, отличающиеся выразительными образами и повествовательной силой».

Письмо Бориса брату, 11 июля 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 6.07.

То, что мне не отломится парочка ПоДиН — не страшно. Но есть просьба: как получишь мой экз, тотчас же пошли его заказным Ирене. Адрес: <...>

Это надо сделать по возможности быстро — она пропадает там у себя без работы. И заодно коленопреклоненно молю: пошли заказным один комплект ЖвМ по адресу: 236040 Калининград <...> Буруковскому Р. Н. Это наш огромный поклонник, конхиолог по специальности. Умоляет прислать, а у меня нету и нескоро будет. Так что уж, пожалуйста! Если самому лень, — попроси кого-нибудь из З-С. Ей-богу, полезный человек!

Вот список извещений из ВААПа за указанный тобою период:

4.12.79	Голландия	ПнО	200.94	-
4.12.79	ГДР	ПнО	791.53	-
4.12.79	ГДР	ПкБ	58.70	-
4.12.79	Швейцария	зМЛдКС	аванс 154.34	115.76
4.12.79	Швеция	зМЛдКС	193.25	110.02
(?)	Болгария	сб. «Синий тайфун»	127.11	81.08
(?)	США	зМЛдКС	262.38	167.38
(?)	Франция	?	105.06	55.39
3.06.80	ГДР, ЧССР	ХВВ, М, «Охотник»	653.35	220.57
5.05.80	НРБ	ТББ	1830.89	596.52
5.05.80	ПНР	ПиП	959.64	611.58
5.05.80	ФРГ	зМЛдКС (?)	1412.46	543.90

Первый столбец — дата ВААПа (если она есть), второй — страна, третий — произведение (если указано), четвертый — сумма до удержаний, пятый — сумма после удержаний. Для того чтобы прикинуть, что ты получишь на руки, надобно сумму из соцстраны умножить на 0.99, а сумму из капстраны или Югославии умножить на 4.554.

В этом году я получил на руки из Внешпосылторга: в марте — 238.77, в апреле — 1094.84, в июне — 1196.14. Кроме того, пришло из Внешпосылторга письмо, коим извещают меня, что на моем счету лежит там 2477.15, за каковыми я должен прибыть лично (и каковые, видимо, составляют гонорар из ФРГ — см. выше).

Уффф!

Все твои новости очень интересны. Но почему ты ничего не пишешь относительно дел в «Знании»? Может быть, Миша[1] не держит тебя в курсе? Тогда позвони ему и расспроси. Он всё время перезванивается с Суркисом и через него сообщает кое-что мне. Или, может быть, всё это несерьезно?

Как следует из газет, «Отель» пошел на конкурс НФ-фильмов в Триесте. Любопытно, что он там получит? Это на фоне всяких там Кубриков и Крамеров? Я думаю, шиш он там получит. Нашли что отправлять.

Приеду я к вам обязательно. Скорее всего — в сентябре. Получим чеки, обсудим ситуацию, прикинем планы.

Обязательно напиши впечатления от шахназаровского сценария. Эх, сделать бы ТББ по-нашему! Эти режиссеры ни хрена не понимают, все-таки, ни в фантастике, ни в нашей работе.

Между прочим, как я узнаю, что деньги за ПоДиН уже-таки можно получать? Меня известят, или как?

Между прочим, есть одна идея. Не захочет ли Детгиз выпустить сборник современной сказки? Смотри, что туда может пойти: ПоДиН — раз, С. Бережков — два, лучшие сказки моего конкурса — Д. Романовский, Б. Романовский,

[1] Ковальчук Михаил Андреевич, критик, литературовед.

М. Веллер, С. Витман — это около 5 а. л. — три. Наверняка что-нибудь найдется у К. Булычева — это четыре. И вообще. Словом, уже сейчас, наличными, есть листов 10. Еще столько же наберется без труда, если пошарить по сусекам у хороших людей. Отличный можно сборник сколотить! Подумай, посоветуйся с народом, поищи составителя. Хорошее дело! В ленинградском Детгизе это, разумеется, не пройдет. А в московском — вполне. И предисловие солидное. А?

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет!

Письмо Аркадия брату, 19 июля 1980, М.— Л.

Дорогой Борик!

Спасибо за информацию по гонорарам. Ужо схожу и получу.

1. Для адреса Ирене ты оставил пустое место, забыл вписать. Но всё равно, экзов ПоДиНа еще нет, как, впрочем, нет еще и № 6 З-С, так что полных комплектов пока не будет.

2. О «Знании». Ковальчук недели две назад сообщил, что ОуПА якобы взяли в план 82-го и утвердили на уровне издательства, но его еще предстоит утверждать у Басова. Так что спеха с экзами пока нет.

3. «Отель» на фестивале в Триесте получил некую специальную премию. А насчет фона Кубриков и Крамеров — не надо так уж уничижаться. Ничего порядочного (кроме «На последнем берегу») они не сделали.

4. Впечатление о ТББс — самые приятные. Шахназаров сделал поистине великолепную штуку: взял текст ТББ и, практически не прибавив ни слова, изъял из него текст ТББс — не изъял, конечно, а извлек. Эффект при чтении получился ошеломляющий. Сейчас он распечатывает и передает Алову и Наумову (это руководство студией 4 «Мосфильма»). Уверяет, что единственный уровень, где сценарий может застрять, — это Госкино.

5. На ЦТ Лапин утвердил план выпуска телефильмов на 81–82 вместе с нашими «Чародеями». Скоро работать и с этим.

6. Насчет денег за ПоДиН позвони попробуй в бухгалтерию своего Детгиза и сразу же сообщи мне. Тогда я буду звонить (или не звонить) в бухгалтерию моего Детгиза.

7. Насчет сборника современной сказки ужо поговорю с Брусиловской. Сейчас там все либо в отпуске, либо шляются по Олимпийским игрищам. Составитель — дело десятое, издатель бы согласился.

8. Роскомиздат утвердил СБТ в составе новой Б-ки приключений и фантастики.

9. Инокомиссия отказала мне в поездке в Польшу «как незапланированной». Теперь с интересом жду, как будет с поездкой в Югославию. Уж она-то запланирована! Хе-хе-с.

Вот пока всё. Обнимаю. Привет твоим. Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 29 июля 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Наконец-то дошло до меня твое письмо. Шло оно, смешно сказать, всего десять дней. Почти как Радищев из Петербурга в Москву.

Новостей у меня особых нет. Получил из Внешпосылторга чеков на 218.33. За что это — ума не приложу. Сходил на сберкнижку, а там два перевода — тоже неизвестно откуда: на 144.71 и на 472.20. Ну, второй — это, вероятно, за ПоДиН, а вот первый... Впрочем, всё в дом.

В остальном же я ни хрена не делаю, круглосуточно слежу по телевизору за Олимпиадой и наслаждаюсь от души. Давеча, отвечая на письмо одного любителя, произвел большие архивные изыскания, устанавливая даты написания наших произведений. Обнаружилась (для меня неожиданно) очень неприятная вещь. Смотри сам. Закончено за период 1955–59 — три повести; за 1960–64 — семь повестей; 1965–69 — шесть; 1970–1974 — пять; 1975–80 — две (в том числе жалкая ПоДиН). Мне это очень не понравилось. Надо что-то

предпринимать, тем более что, по моим же архивным же подсчетам (же), вир хабен[1] 10 (десять!) задуманных сюжетов, в том числе три очень подробно разработанных.

Очень приятно, что ТББ-с у Шахназарова удался. Дай-то бог! Но вот чем ты меня истинно потряс, так это сообщением о СБТ в Биб-ке приключений. Как! Роскомиздат? Стругацких? Да еще в Биб-ку? Нет, это какая-то ошибка... Хотя, с другой стороны, СБТ это единственная наша повесть, удостоенная премии. Так что, пожалуй... Но все-таки не верится.

А вот куда и когда ты собирался в Польшу? Почему не знаю? Я бы с тобой поехал. Нам бы сразу двоим отказали...

(В связи с появлением в моем письме определенного кавказского акцента, вспомнил очень глупый и очень смешной анекдот.

Просыпаются два грузина после жуткой попойки. Один стонет:

— Гоги! Налей мне немножечко коньяку...

— Нет коньяку, дорогой, всё выпили.

— Ну тогда налей водочки...

— И водки нет. Всё выпили, дорогой.

— А что это за бутыль там в углу стоит?

— А это ми нассали.

— Гоги! Ну налей хоть стаканчик минассали!)

Если с Югославией дело выгорит, обязательно сообщи мне предварительно: у меня будут к тебе филателистические поручения. Необременительные.

Кстати, о поручениях. Еще раз очень тебя прошу:

1. Как только получишь ПоДиН, немедленно вышли мой экз Ирене по адресу:

Polska <...>

2. Позвони в З-С, попроси кого-нибудь послать один из моих комплектов ЖвМ по адресу: 236040 Калининград <...> Буруковскому Р. Н. Уговори, пожалуйста, их это сделать. Им это не трудно, у них там экспедиция и т. д.

3. Сейчас же сними телефонную трубочку, набери номер Татьяны Чеховской и сообщи ей буквально следующее

[1] Wir haben — у нас есть (*нем.*).

(можешь просто читать дальнейший текст): «Татьяна! Вы в З-С интересуетесь новостями науки. Так вот, в Ленинграде живет и действует кандидат физмат наук Александр Иванович Оль. Ему впервые в мире удалось разработать методику предсказания параметров солнечной активности. У нас он не особенно в чести, а на Западе сразу учуяли что к чему, пользуются его методикой вовсю и уже какие-то ловкачи вводят термин «методика Оля-(скажем)Джонсона». Фамилии американца не помню. Оль уже старый человек, хорошо бы было его как-то распопуляризировать. Он в принципе готов дать интервью или как вам будет угодно. Его адрес: 195257 Л-д <...>. Телефон: <...>». Всё.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет.

БН в своем письме упоминает десять задуманных сюжетов. Вероятно, тогда же в рабочем дневнике появляется запись:

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Страной управляют мертвецы. Обычно на пост «приговаривают» после отбора. Но многие стараются сами убить себя, чтобы стать властьимущим.

У «бессмертных», пьющих из Источника, накапливаются с веками болезни, и они становятся рабами источника — один раз пропустишь прием и — смерть в мучениях.

1. События на рифе Октопус (Кракен с эманациями).
2. Menzura Zoili.
3. История новосела.
4. Человек, которого принимали за пришельца.
5. «Высокие договаривающиеся стороны» (контакт НИИЧАВО с аналогичным НИИ из другого мира).
6. «Хромая судьба» (чел-к, которого было опасно обижать).
7. Летальный ген чел-ва. Санитарная лига.
8. Детектив про фант. бактерий (?).

9. Человек, проживший много жизней.
10. Родник бессмертия.

Письмо Аркадия брату, 12 августа 1980, М.— Л.

Дорогой Борик!
Новостей деловых нет.

На другой день по получении твоего письма отослал Ирене «Мир приключений». Отослал, а сопроводительное письмо вложить забыл. Ну, ты уж сам сообщи ей.

Насчет комплекта ЖвМ для Буруковского — звонил Татьяне, она обещала споспешествовать, когда вернется из отпуска. Но, по-моему, это мура. Лучше свяжись с этим Буруковским, чтобы он дал какую-нибудь оказию, я бы передал, а то такую груду в бандероль не берут, а разрознивать — часть дойдет, часть не дойдет. Книги на почте воруют без жалости.

Также сообщил Татьяне и твой текст про Оля.

Коллегию по ТББс на «Мосфильме» перенесли на 15-е за отъездом Алова и Наумова за границу.

Что до Польши, то я собирался туда на ежегодные встречи любителей фантастики, те самые, куда нас приглашал Поляк[1] в тот раз, когда ты был у меня.

Да, получил твои каталоги (две штуки) из Югославии. Еще звонил Чолич, тоже что-то говорил, что ты ему должен каталог — вроде этого. Если я поеду в Югославию, ты должен со мной передать, что ли?

Перевод мой идет к концу, но продвигается медленно и с трудом, ибо очень я устал, а вдобавок имеют место неприятности личного характера <...>. Спасибо, Ленка и Машка меня поддерживают, а то бы я совсем скис.

Возможно, в десятых числах сентября поедем с Ленкой на Тихий океан. А с первого октября — в Пицунду отдыхать. А то устал так, что ничего не радует и на всё наплевать. Это ужасно неприятно.

Обнимаю, привет твоим. Твой Арк.

[1] Возможно, некто Ёнешта, польский корреспондент АНа.

Письмо Бориса брату, 16 августа 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Давеча видел тебя во сне. Грустный был такой сон и смутный. Проснулся и понял, что соскучился. Редко мы видимся последнее время. И дело даже не в работе, гори она огнем. Надо просто съезжаться хоть раз в два месяца. Вот ужо. Галоши только надену.

Большое спасибо тебе за все хлопоты. Буруковскому я доложу твое предложение и дам твой телефон. Если позвонит тебе оказионер, ты уж дай ему подборочку ЖвМ. Ну, а если Татьяна отправит через З-С, то и того лучше.

Каталоги, кои прислал тебе Чолич, конечно, было бы мне приятно иметь при себе. Если выберешь время, отправь ЦЕННОЙ бандеролью. А для начала хоть напиши, что за каталоги, как называются, какого года издания. Советский каталог я Чоличу послал по почте неделю назад, так что пусть он не вякает.

Меня тоже Москва не пустила — в ГДР. Дирекция «Ное Берлин» прислала официальное приглашение, гарантировала оплату и пр. А Москва заявила, что командировку не даст, ибо оная не запланирована заранее. В нашей инокомиссии мне объяснили, что это обычное дело, командировки надо заказывать за два-три года, а так — дело кислое. Впрочем, они предложили мне обычный для таких случаев вариант: они звонят в Берлин и просят, чтобы кто-нибудь из издательства прислал мне частное приглашение. Я не возражал, пусть звонят и договариваются. Выгорит — хорошо, а не выгорит — еще лучше. Планируется (немцами) поездка на середину октября.

Был в нашем ВААПе, получил экзы «Леса» (в сборнике «Реконструкция человека») и ПХХIIВ (второе, между прочим, издание, а первого мы так и не видели) — все из ГДР. Теперь, по моим данным, ГДР всех обскакала в изданиях Стругацких: 16 изданий 10-ти повестей!

Вот пока и все мои новостя.

Жму руку, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — поцелуи!

17 августа «Московский комсомолец» публикует интервью с АНом.

Из: АНС. Трудно быть фантастом

<...>

— А что, разве открывать новые миры в ваш замысел не входит? Или они, эти миры, открываются, так сказать, попутно?

— Ну, конечно, мы вовсе не против яркой, занимательной фантастической идеи, острого сюжета. Даже считаем это необходимым. Но, разумеется, не ради воссоздания нравов и быта средневековья садились мы с Борисом за «Трудно быть богом». Важен предмет размышлений, важны мысли. Они-то и формируют сюжет, взаимодействие между героями. Вот мы поначалу и расставляем кегли — это главное. А уж потом начинается костюмированный бал: захотим — обрядим эти кегли в доспехи средневековых рыцарей, а не то просто в домашние туфли. И отнюдь не гнушаемся развлекательности.

Кстати, нам чужд пуританский тезис некоторых критиков и педагогов: развлекательность — грех. По-моему, как раз наоборот: читателю должно быть интересно — это вовсе не противоречит идейной содержательности книги. Оставим снобам наслаждаться Джойсом. Мы вовсе не против подобной литературы, но нельзя же навязывать ее всем. Ведь мышление иных людей устроено таким образом, что даже самые глубокие мысли они воспринимают в сюжетной динамике. Что ж, пусть шестиклассник ищет в «Трудно быть богом» стычки, рубку на мечах. Глядишь, заодно западет в сознание кое-что еще. И года через три вернется юноша к нашей книге и прочтет ее совсем другими глазами.

Я, между прочим, тоже в пятнадцать лет в «Войне и мире» выискивал только «войну». Когда потянуло читать про любовь, выбирал другие места. А сейчас мне всего интереснее публицистика четвертого тома — взгляды Толстого на историю. Зато эпизод с Платоном Каратаевым не был интересен ни в молодости, ни теперь. <...>

Письмо Аркадия брату, 22 августа 1980, М.— Л.

Дорогой Борик!

Сделай милость, срочно возьми для меня в бухгалтерии ЛенДетгиза справку о гонорарах, выплаченных мне с 75 по 79 годы по каждому году отдельно. Впрочем, форму они знают. Позвони туда, закажи, а потом зайди и возьми. Это обычная для них процедура. И сразу вышли. Да, скажи, что для представления в Литфонд СП СССР.

Обнимаю, твой Арк.

Письмо Аркадия брату, 1 сентября 1980, М.— Л.

Дорогой братик!

Получил твое письмо. Датировано оно 16.08, проштемпелевано в Л-де 21.08, московского штемпеля нет вовсе, а получил я его 29.08. И всё же отвечаю только сейчас, ибо хотел дождаться прояснения обстоятельств с поездкой на Дальний Восток.

С обстоятельствами всё еще неясно, хотя билеты на руках. Эти местные ослы в своем гостеприимческом энтузиазме забыли, что во Владивосток нужен пропуск, и не выслали приглашения, на основании коего я бы оным разжился. Нынче утром в панике звонил директор ихнего Дома ученых. Составился проект прислать приглашение по телеграфу, но боюсь, что впопыхах забудут в приглашении упомянуть Ленку, а я без нее, конечно же, не поеду (строго между нами, еду я туда, собственно, главным образом из-за нее). Ну, хрен с нимя, с егерьмя.

Я пребываю в посторгадическом ступоре после окончания перевода и главным образом выпиваю и закусываю, а также предаюсь сожалениям по всяким поводам, а также с посторонним интересом слежу, как совершенно посторонние люди вмешиваются в мою жизнь. Но это в сторону.

Явился Тарковский, днями из Италии. У него там, видимо, всё в порядке. Ты ругай меня или не ругай, но треть гонорара по окончательному расчету за «Сталкера» я ему

выплатил — 786 ряб. Ежели не захочешь участвовать, всё пусть останется на мне. А рассказал он вот что:

1. В Каннском фестивале «Сталкер» получил две премии — «Международного христианского центра» и «Французской кинокритики».

2. В Канны «Сталкера» не пустили Бондарчук и Ростоцкий. Ермаш только подчинился их решению.

3. Андрей получил звание народного артиста РСФСР — по срокам (!) выходит, что получил он это звание либо за «Зеркало», либо за «Сталкера», либо за то и другое. Весело живем!

4. Фильм новый у Андрея будет итальянский, а не советско-итальянский, название — «Ностальгия», главная роль — Солоницын. Сейчас Андрей ждет приезда французов и итальянцев (кто финансирует фильм) заключать договоры.

Зашевелились и наши кинодела.

Наш Бромберг (не старикашка Айзек, а Костенька) начинает возню с Юликом Кимом[1].

«Мосфильм» постыдно запоздал с рецензированием сценария ТББ и прислал официальную бумагу о неутверждении сценария, а к бумаге приложено извинение с объяснением, что все были в отпусках и не успели прочитать, что всё наверняка будет в порядке.

Звонила Майя Брусиловская (зав. нашей редакцией в Детгизе), совершенно измученная реакцией мужа и сына на ЖвМ и — без всяких с моей стороны провокаций! — объявила, что будет рассматривать ЖвМ как выполнение нашего договора с Детгизом — помнишь? Такой был, безавансовый, его в прошлом ноябре продлили на год. Но ее кое-что смущает. Что именно? Бромберг ее смущает, мать ее за ногу! Приказала мне в ближайшее время прийти поговорить серьезно. (Я ржал в телефонную трубку.) Отпиши свое мнение.

Есть еще события, нас непосредственно не касающиеся, о них при встрече. А ощущение мое от общей обстановки смутное, странное, как накануне цунами или многочисленных

[1] Ю. Кимом был написан цикл песен для фильма К. Бромберга. Но в итоге в мюзикле звучат песни Л. Дербенева и Е. Крылатова.

умертвий. Будь моя воля, я бы предложил встретиться немедленно. Да как тут сделаешь, всё в каком-то густом клею.

Кажись, всё. Да, вот что. Никому, ни при каких условиях и обстоятельствах не сообщай о наших доходах. Если спросят, либо говори: не ваше дело, либо прибедняйся.

Ох, боже мой, каким оптимистом и альтруистом надо быть в этом мире, чтобы сносно существовать!

Обнимаю. Привет твоим. Всегда твой — Арк.

Письмо Бориса брату, 6 сентября 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 1.09 и отвечаю немедленно, хотя шансов застать тебя еще в Москве, по-видимому, маловато.

Во первых строках повторяю (но уже более решительно) свою нижайшую просьбу выслать мне каталоги, полученные от Милана[1]. Они меня весьма интересуют (там подробное описание первых сербских и черногорских марок!), а посему, как только выберешь свободное время, вышли их мне ЦЕННЫМ (отнюдь НЕ заказным) бандеролем.

Далее. По поводу твоей благотворительности в отношении Тарковского. Ты и сам знаешь, что я по этому поводу думаю. Полагаю, Тарковер побогаче нас с тобой, вместе взятых. Но тем не менее, верный своему союзническому долгу, беру на себя половину, и, таким образом, должен тебе отныне всего 669 руб. 00 коп. Вручу при встрече.

Что касается Детгиза и ЖвМ, то я считаю, что надо соглашаться. Как я понимаю, их смущает имя и фамилия старикашки. Ну так пусть он будет Обри Моррис, или Магнус Френсис, или Юстас Норман. Или что угодно, но в том же ритме. Хуже, если их смущает его социальный статут, но и тут, я полагаю, можно идти на определенные уступки. В общем, благословляю, но держи меня в курсе. Да! На какой год они планируют, иф эни[2]? Ведь у нас, по идее, ЖвМ должен идти в ленинградском

[1] Здесь и далее — Чолич Милан, югославск. переводчик.

[2] Здесь — «если вообще планируют». If any (*англ.*).

сборнике Брандиса в 82-м году! Договора, сам понимаешь, еще нет, но и Брандиса подрезать, сам понимаешь, без весьма существенной причины — тоже неудобно.

Моя поездка в ГДР откладывается, видимо, до декабря. Пока они пришлют частное приглашение, пока визы, то, се... Ну и ладно.

У нас тут особых событий не происходит, но они будут! Вот-вот начнется сезон, отчетно-перевыборное собрание, снова проблема семинара... Тьфу, гори они все огнем.

Давай-ка возвращайся скорее из своего Владивостока, и я к тебе приеду. Всё обговорим и прикинем, что к чему.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — поцелуи!

Письмо Бориса брату, 24 сентября 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Пользуясь оказией, посылаю тебе требуемую справку. В самый последний момент я заметил, что выписали они ее тебе «для представления в Лен. отд. Литфонда». Я возопил было, но наша главная бухгалтерша сказала, что это не существенно. Будем надеяться.

Звонили из «Авроры». Они в свое время просили у меня интервью, и я, чтобы отделаться, сунул им интервью, которое в свое время делал для Куцки. Думал, отвяжутся, ан нет! Им очень понравилось, хотят (несколько сократив) печатать и просят, чтобы еще добавил про молодую фантастику. Я пригрозил, что напишу всё, что думаю об издательской политике. Они сказали: ничего, давайте, попробуем напечатать. Что ж, попробую.

В Ленинграде Стукалина таки сняли. За плохие финансово-экономические показатели. (Помнишь, как Хлебовводову объявили выговор за систематическое непосещение бани?) Кто будет на его месте, неизвестно пока. А вопрос, между прочим, существенный. Сам Стукалин всем рассказывает, что в обкоме ему, якобы, сказали: старик, ты наш, ты настоящий коммунист и всё делал правильно, но сейчас следует

тактически отступить... Может, и врет, конечно, падла, но, может, и правду говорит.

С семинаром дела обстоят неважнецки. Чепуров наш сам завел разговор об этом с Жанной Браун и снова попросил воздержаться от заседаний — на этот раз до конца перевыборов (23 октября). На прямые вопросы: почему? в чем же все-таки дело? — уклонился и ничего не ответил. «Против Б. Н. мы ничего не имеем, но надобно погодить». При случае расскажи об этом Ковальчуку, но более никому.

Вот пока и всё.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — поцелуи!

24 сентября датирована рукопись БНа о «четвертом поколении» фантастов. Возможно, это были именно заметки для «Авроры» — добавка «про молодую фантастику». Опубликован этот текст только в 1991 году: в сборнике «Библиотеки “Звезды”».

Из архива. БНС. О «четвертом поколении» фантастов

Довоенная советская фантастика дала миру Александра Беляева. В послевоенные годы поднялась над литературными горизонтами новая звезда первой величины — Иван Ефремов, которого по справедливости можно назвать отцом современной советской фантастики. Именно в его работах были продемонстрированы и утверждены новые принципы фантастики как литературы по преимуществу социальной, философской, литературы больших идей и дальнего прицела. На этих принципах выросло поколение фантастов 60-х годов, — произведения этих фантастов ныне широко известны не только в СССР, но и за его пределами. И вот на наших глазах поднимается сейчас молодая поросль — четвертое поколение советской фантастики, поколение 70-х.

Подробный анализ творчества «четвертого поколения» — это задача специальной статьи или обзора. В этой статье можно было бы попытаться определить наиболее характерные черты нашей молодой фантастики (на мой взгляд, это — повышенная психологичность, пристальный интерес

авторов к своему герою как к личности), поговорить о наиболее типичных недостатках (на мой взгляд, это, прежде всего, неумение или нежелание строить по-настоящему острый сюжет), наметить вероятные перспективы и т. д.

Я хотел бы здесь поговорить о другом. «Четвертое поколение» вынуждено работать и расти в условиях явного сокращения издательской деятельности в области фантастики. До сих пор нет и не предвидится специального журнала. До сих пор сколько-нибудь систематической публикацией фантастики занимаются лишь три-четыре периодических издания, главным образом «тонкие» научно-популярные журналы. Количество названий фантастики, выпускаемой издательствами, неуклонно падает. Молодому писателю-фантасту с каждым годом всё труднее и труднее опубликовать свое новое произведение. К чему это приводит?

Я не знаю, в чем здесь дело, но внутреннее ощущение творческого роста возникает у молодого автора только тогда, когда он чувствует, что очередной опубликованный им рассказ лучше предыдущего. Именно ОПУБЛИКОВАННЫЙ, а не просто написанный. Все рукописи, лежащие у него в столе, кажутся ему, в общем, на одно лицо, все они — загадка, и никогда молодой автор не способен с определенностью сказать, удались они или нет. Опубликованная же вещь — иное дело. Она своя, но уже как бы и чужая. На нее можно смотреть, как на нечто постороннее — судить ее строго и нелицеприятно, критиковать, хвалить, обдумывать. Она отделилась от автора, она существует совершенно самостоятельно, как некий промежуточный итог и — в то же время — как некое новое начало отсчета.

Если же публикации возникают случайно и только время от времени, по капле в год, молодой автор теряет ориентировку. Он совсем перестает понимать, что из сделанного им хорошо, а что никуда не годится. Он топчется в кругу одних и тех же идей и образов, не в силах избавиться от них, он многократно переписывает одно и то же в тщетной попытке приспособиться к требованиям издателя. Он перестает расти, творческое начало в нем затормаживается. Вещи его

постепенно теряют смелость и свежесть, они неумолимо сползают к тому состоянию, которое кто-то жестоко и остроумно охарактеризовал так: ни у кого не украдено, но и не свое.

Мне кажется, что молодое поколение наших фантастов нуждается сейчас в действенной поддержке, если мы хотим, чтобы в ближайшем будущем появились новые Беляевы и Ефремовы. У этого поколения есть, казалось бы, всё. Есть идеи, есть смелые замыслы, есть талант и трудолюбие. В его распоряжении богатые традиции отечественной и зарубежной фантастики. У него есть читатель — лучший читатель в мире! — благодарный, умный, многомиллионный.

И не хватает только одного: Издателя. Благожелательного, понимающего, заинтересованного постоянного Издателя.

Письмо Аркадия брату, 25 сентября 1980, М.— Л.

Дорогой Борик!

За справку спасибо. Всё в порядке.

Новостей особенных никаких, кроме того, что я тебе сказал по телефону: организовал три внутренние рецензии космонавтов. Сначала через В. Губарева состыковался с Олегом Макаровым и провел у него очень милые три часа. Он немедленно согласился написать отзыв сам, а также получить таковой же у Феоктистова. Затем связался с Гречкой, он уезжал в Софию, но на следующей неделе вернется и тоже напишет. Кроме того, Мирер пишет небольшое предисловие, которое кто-нибудь (не решено еще — кто) подпишет.

В остальном без перемен.

Обнимаю, жму. Твой Арк.

В начале октября АН принимает участие в конференции.

Из: Меридианы фантастики, НФ–24

Хроника событий в мире научной фантастики, 1980 год.

1–4 октября в подмосковном Доме творчества киноработников «Болшево» состоялась Всесоюзная творческая

конференция драматургов на тему «Фантастика и приключения в театре, кино и на телевидении», организованная совместно Советом по приключенческой и НФ литературе и Советом по драматургии СП СССР. Сообщение о современном состоянии НФ кино в мире сделал критик Вл. Гаков (Москва). В работе конференции приняли участие писатели-фантасты и критики: Д. Биленкин (Москва), Е. Брандис (Ленинград), Е. Войскунский (Москва), С. Гансовский (Москва), А. Громов (Кишинев), Б. Кабур (Таллин), К. Симонян (Ереван), А. Стругацкий (Москва), А. Шалимов (Ленинград), а также сотрудники Министерства культуры СССР, Госкино СССР, работники кино и телевидения. Был обсужден широкий круг вопросов, в частности, выступавшие с удовлетворением отметили известное оживление в отечественном НФ кинематографе. Конференция наметила ряд мер по дальнейшему улучшению положения с этими жанрами в театре, кино и на телевидении.

Во время конференции, 3 октября, приходит долгожданное письмо из «Молодой гвардии».

Из архива. Письмо АНу из МГ

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Поздравляем вас с выходом в свет сборника «Неназначенные встречи». Напоминаем вам, что если вы желаете получить экземпляры этой книги за наличный расчет или в счет гонорара — как угодно, то нужно написать об этом заявление на имя директора издательства (если, разумеется, вы этого уже не сделали).

Желаем вам больших творческих успехов.

С уважением

Мл. редактор Т. Журавлева

8 октября Авторы отвечают на это письмо, адресуясь директору издательства Владимиру Десятерику.

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Уважаемый Владимир Ильич!

В связи с выходом в свет нашей книги «Неназначенные встречи» просим Вас дать нам возможность приобрести 100 (сто) экземпляров этой книги. (Два месяца назад мы уже обращались к Вам с этой просьбой, но считаем не лишним вновь ее подтвердить.)

А пропо: Мы получили информацию, что, сколь это ни прискорбно, книга неделю назад появилась на черном рынке.

С неизменным уважением,

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

Позже БН писал о выходе сборника.

Из: БНС. Комментарии к пройденному

<...>

Сборник «Неназначенные встречи» вышел в свет осенью 1980 года, изуродованный, замордованный и жалкий. От первоначального варианта остался в нем только «Малыш» — «Дело об убийстве» потерялось на полях сражений еще лет пять тому назад, а «Пикник» был так заредактирован, что ни читать его, ни даже просто перелистывать авторам не хотелось.

Авторы победили. Это был один из редчайших случаев в истории советского книгоиздательства: Издательство не хотело выпускать книгу, но Автор заставил его сделать это. Знатоки считали, что такое попросту невозможно. Оказалось — возможно. Восемь лет. Четырнадцать писем в «большой» и «малый» ЦК. Двести унизительных исправлений текста. Не поддающееся никакому учету количество на пустяки растраченной нервной энергии... Да, авторы победили, ничего не скажешь. Но это была пиррова победа.

<...>

29 октября в «Литературной газете» публикуется статья Вл. Гакова о творчестве АБС, где главное внимание уделяется ЖВМ.

Из: Гаков Вл. Тест на человечность

<...>

Можно отметить в повести ряд несомненных удач — так, образ разумного «пса» Щекна-Итрча, по-моему, один из самых интересных в фантастике последних лет. Есть о чем и поспорить по поводу отдельных сцен (вроде диспута Экселенца со своим оппонентом Бромбергом). Заслуживают, вероятно, особого разговора (и, как мне кажется, заслуживали более обстоятельного показа в повести) непростые образы Льва Абалкина и Экселенца. Но резюмирую: в одном Стругацкие остались Стругацкими — предельно обнажили нравственную проблему, приковали к ней внимание — да так, что хочешь не хочешь, а задумаешься. Ведь думать, по Стругацким, — обязанность. <...>

В декабрьском номере «Литературного обозрения» публикуется еще одна рецензия на журнальную публикацию ЖВМ.

Из: Ревич В. [«В новой фантастической повести...»]

В новой фантастической повести братьев Стругацких действие происходит в том далеком будущем, когда народы мира объединились в одну семью и заняты выполнением своей космической миссии — познанием и овладением тайн природы. Зачем же тогда нужна человечеству служба безопасности, возглавляемая шефом со странным прозвищем — Экселенц? И какие могут быть «превосходительства» в обществе полного равноправия? Объяснение — просто: в этом прозвище скрыто несколько ироническое признание прежних заслуг старого мудрого человека: давным-давно он помогал обитателям одной несчастной планеты ликвидировать последствия термоядерной катастрофы под видом тамошнего правителя.

О тех печальных событиях повествовалось в давнем романе Стругацких «Обитаемый остров». Из того же произведения пришел в новую повесть и Максим Каммерер, которому шефом дано ответственное задание — срочно разыскать третьего героя, Льва Абалкина, тайком прибывшего на Землю, — случай беспрецедентный, ибо на Земле уже давно никто и ни от кого не скрывается. Со Львом Абалкиным мы встречаемся впервые, и с ним же в произведение входит новая идея, проблема, мысль, то, что оправдывает появление нового фантастического произведения среди сонма пустых, бессодержательных подделок, где фантастического — только чудовищной величины звездолеты да мелькание разноцветных, как детские шарики, планет.

Было бы слишком накладно излагать весь сюжет в короткой рецензии. Но необходимо читателям сообщить, что Абалкин оказался личностью неземного происхождения, хотя сам он об этом и не подозревает. Именно его выслеживает Максим, словно инспектор угрозыска преступника. Но Абалкин не преступник, он жертва. Подходит срок, в нем срабатывает заложенная от рождения программа: и вот уже не по своей воле он стремится во что бы то ни стало отыскать и заполучить круглый предмет, помеченный тем же иероглифом, который выступает на его руке. Что это за предмет, именуемый в донесениях шефа «детонатором»? Неизвестно. Чья воля руководит действиями незавербованного лазутчика? Воля некоей сверхцивилизации Странников. Что же может произойти, если дать возможность их агентам (Абалкин — один из них) соединиться с «детонаторами»? Какие несчастья обрушатся на голову человечеству в этом случае? Возьмется ли кто-нибудь гарантировать, что их не будет? Следовательно, обороняться? Не допускать Абалкина и его двойников к намеченной ими цели? А еще лучше уничтожить их вообще? Так спокойнее. Но с другой стороны: а вдруг соединение принесет неслыханные открытия, проникновение в неведомые миры? Не трусостью ли тогда станет называться разумная осторожность? Впрочем, я почему-то думаю, что большинство людей сегодня дало

бы отрицательный ответ на вопрос, надо ли было развязывать силы атома. Но ведь в сорок пятом кнопка все-таки была нажата...

И вот эта неопределенность приводит к яростным спорам, которые временами могли бы быть несколько посерьезнее... Герои повести спорят о том, допускать или не допускать Абалкина к его цели, уничтожить его или оставить на свободе, жертвовать ли интересами личности во имя всех людей и какое из этих решений может считаться человечным. Находятся сторонники развития науки (и, соответственно, всего человечества) без всяких ограничений. Всё, что может быть открыто, запущено, попробовано, должно быть открыто, запущено, попробовано. Понятно, что обнаруживаются и категорические противники рискованных экспериментов. Я не пишу здесь, как решилась альтернатива в повести. Очевидно, что при недостатке информации неудовлетворительным будет любой ответ. Но в том, собственно, и состоит задача произведения — возбудить в читателе раздумья над судьбами человечества, над великой ответственностью, которую иногда берут на себя люди.

Хорошая фантастика всегда многослойна, ее можно прочитать на разных уровнях и на каждом получить удовольствие и пользу. И в этой повести можно только поплескаться у берега лихого приключенческого сюжета и даже обнаружить подлинные фантастические жемчужины, например, образ голована Щекна, представителя расы говорящих собак. Но можно погрузиться и поглубже и увидеть, что не беспечный мир, изобилующий доступными для всех бытовыми удобствами, изображают авторы, а Землю как носителя идеалов Разума и Добра, — быть такой не всегда просто. На самой же большой глубине обнаружатся контуры фундаментальных философских проблем, о которых, оказывается, можно говорить и в увлекательном фантастическом детективе.

Конец года навевает мысли о дальнейшей работе.

Рабочий дневник АБС

26.11.80

Menzura Zoili

1) В номерах живут Александр Сергеевич, Виссарион Григорьевич (с сыном Иосифом), Лев Николаевич, Михаил Евграфович[1] (фельетон о недостатках коммунального хозяйства).

2) Лаборатория оргтехники Центр. Литинститута: приборы, облегчающие труд писателя: новые модели пишмашинок, диктофоны, электронные словари синонимов, омонимов и антонимов; множительные аппараты с ограничителями. Там и создана Menzura.

3) Типичные прототипы: Саша Рубашкин, Саня Лурье, Миша Демиденко, Чабуа Амирэджиби, Рита Райт-Ковалева или Руфь[2], или И. Грекова.

4) Герой — протеже «Симонова», Мастер-80, автор одной опубликованной повести, трех рассказов и бессмертного фильма «Товарищи офицеры!» с подзаголовком «Полк, смирно!».

5) Попытка провокации: страница из «Целины»[3]. Дьявол: «Не надо». Препирательства, свалка. «Сука ты, Петров!»

6) Засунули Шолохова или Ал. Толстого. Тоже правка! Все взвыли. А знающий человек закричал: э-э-э! А ведь это вариант до правки под давлением политиков!

7) На дисплее выскакивает цифра и слова. Что такое цифра? А это так, для статистики, — отвечает дьявол.

8) Мастер-80 — Перец. К нему все ходят за сочувствием.

9) Все несчастны. Глав. редактор был писателем, сменил 4 изд-ва и разучился писать. Директор издательства — пригрел еврея, а тот дернул за бугор. Стал антисемитом — отверг талантливого еврея, за это на ковер. Плачется Мастеру: вам хорошо, вы писатель, у вас имя, а если меня выгонят — куда

[1] Т. е. Пушкин, Белинский, Толстой, Салтыков-Щедрин. «С сыном Иосифом» — аллюзия на И. Сталина.

[2] Зернова (Зевина) Руфь Александровна, писательница.

[3] Произведение Л. Брежнева.

я пойду? Грозит кулаком наверх: им там хорошо, поставили нас, бесталанных, мы лучше всяких овчарок вас стережем — для них, а чуть что — нас побоку.

9) [повторно 9-й пункт. — Сост.] Вторая сторона руководящего работника — ненависть к своему делу, чуждость. Во главе фантастики — кабардинский поэт. Во главе киностудии — милиционер[1]. И т. д.

Торговцы псиной.

Эпиграф: С тех пор, как изобрели эту штуку, всем этим писателям и художникам, которые торгуют собачьим мясом, а называют его бараниной, всем им — крышка.

Акутагава: стр. 45, ГИХЛ–59[2]

10) МЗ показывает не отвлеченную ценность, а количество читателей, кот. прочтут данную страницу на ближайшие 100 лет, так что даже у самых говенных авторов оценка — сотни. А у него — 3 (не считая автора, машинистки и редакторов). Кто же третий? — мучительно думает он. Одиночество.

В конце года Тарковский тоже раздумывает над новой картиной.

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

4 декабря 1980

<...>

Не хочется «Идиота». Хочется другое — писатель со смертельным диагнозом. Рассказал Нехорошеву — за. Стругацкому тоже нравится.

<...>

АБС тоже планируют новую работу в кино. Заявка на литературный сценарий фильма по ЗМЛДКС написана 15 декабря. На обороте заявки отмечено «Исп. Кадочников П. П. Таб. № 1299. ОСНТЭИ».

[1] Т. е. А. Кешоков и Н. Сизов.

[2] Цитата из рассказа «Menzura Zoili». Перевод Н. Фельдман.

Из архива. Заявка на литературный сценарий

А. и Б. Стругацкие

ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ ДО КОНЦА СВЕТА

Заявка на литературный сценарий полнометражного художественного научно-фантастического фильма по мотивам одноименной повести

В конце концов, не так уж важно, что произошло: может быть, кто-то выпалил из дробовика или даже из пистолета, а может быть, это был просто резкий выхлоп грузовика — верный признак слишком позднего зажигания и, следовательно, перерасхода топлива... Но, тем не менее, сидевший в одних трусах за письменным столом Малянов оторвал взгляд от вороха исписанных листков и уставился в распахнутое настежь окно. Резкий звук повторился. Малянов сморщился, отложил аккуратно отточенный на машинке для точки карандашей «Кохинор» и начал нервно нащупывать босой ногой спрятавшийся куда-то разболтанный тапок. Стрельнуло в третий раз. Малянов выскочил из-за стола и с силой захлопнул обе рамы, громыхнул шпингалетами и наглухо задернул тяжелую желтую штору. Потом, подсмыкнув трусы, прошлепал на кухню, отдернул занавески и отворил балконную дверь... Раскаленные солнечные лучи остервенело ударили в кроваво-красный пластик кухонной мебели, навылет пробили стальное корыто мойки, впились в податливый мягкий линолеум пола, и горячие злобные зайчики задрожали на белом кафеле стен. Малянов зажмурился и вышел из кухни...

Открыв смеситель, Малянов, склонившийся над ванной, блаженствовал под холодной струей. Сквозь шум воды послышалось слабое телефонное треньканье.

— О черт! — прошипел Малянов, склоняя набок голову и прислушиваясь. Треньканье повторилось. Малянов схватил полотенце и, путаясь в шлепанцах, неуклюже заковылял в комнату.

— Да!

— Витя? — спросил энергичный женский голос.

— Какой вам номер нужен?

— Это «Интурист»?

— Нет, это квартира...

Малянов бросил трубку и, отдуваясь, уселся на тахте. Вытерев мокрое ухо и отшвырнув полотенце в сторону, он подошел к стеллажу и достал небольшой томик, на котором значилось: «Теория функций комплексного переменного». Малянов задумчиво полистал книжку, потом подошел к столу и, встав одним коленом на стул, начал что-то рисовать на листе бумаги, поглядывая в текст книги...

Снова зазвонил телефон. Малянов как ошпаренный сорвался с места, схватил трубку и гаркнул:

— Да!

— Митька? — поинтересовался сильно искаженный телефоном скрипучий мужской голос.

— Ну...

— Не узнаешь, собака...

— Да нет, кто это?

— Это я, Вайнгартен.

— А, Валька... Чего тебе?.. Голос у тебя какой-то противный. Ну что?

— Тут, понимаешь, кроссворд с фрагментами... Я тебе прочитаю, а ты слушай.

— С каких это пор ты стал кроссворды решать? — недовольно спросил Малянов.

— Ну, в общем, слушай... «Белый июльский зной, небывалый за последние два столетия, затопил город». Дальше... «В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо...» И вот такая фразочка: «В жидкой тени изнемогающих деревьев потели и плавились старухи на скамеечках у подъездов»...

— Чушь какая-то... — буркнул Малянов. — Тут и так парная, а ты со своими фразочками.

— Так не знаешь, а?

— Иди ты к дьяволу! — вконец освирепел Малянов и так громыхнул трубкой, что большой черный кот, видно,

отсиживающийся до этого под тахтой, пулей высадил в коридор и там затих. — Калям! — тоскливо позвал Малянов, но кота и след простыл.

Малянов взял полотенце, подошел к столу и начал вытирать голову, скосив глаза на разбросанные на столе бумаги. Волосы сбились в колтун, и Малянов стал похож на ведьму из детской книжки. Не отрывая взгляда от бумаг, Малянов повесил полотенце на спинку стула, изогнулся, дотянулся до секретера, нашарил лежащую там щетку и начал было причесываться, но тут снова раздался звонок, на этот раз в дверь... Малянов переложил щетку в другую руку, взял карандаш и наскреб на бумаге какую-то закорючку. Позвонили во второй раз...

— У-у-у-у! Чтоб вас! — зарычал Малянов и бросился к шкафу, горестно взглянув на оставленную закорючку.

Кое-как нацепив на себя куцый среднеазиатский халат с продранными локтями и легкомысленными разрезами по бокам, Малянов рванулся в прихожую. Зазвенел телефон...

— Да что вы все!!! — взвыл Малянов в голос, в ярости хватая трубку. — Подождите, сейчас я открою!!!

— Митька? — раздался из трубки голос Вайнгартена.

— Ну что «Митька»?!

— Ты что там делаешь?

— Работаю, — сказал Малянов злобно. В дверь снова позвонили. — Подожди, я дверь открою.

— Постой, дурак!.. — испуганно зашипела трубка, но Малянов уже не слушал: бросив трубку на тахту, он скрылся в прихожей.

Вылетевший из-за угла Калям запутался у него в ногах, и Малянов чуть не грохнулся...

— Постой! — сказал Вайнгартен из трубки очень серьезно. — Слышишь, не ходи никуда!

Открывая дверь, Малянов сейчас же отступил на шаг. На пороге стояла молодая женщина в вызывающе белом «фирменном» сарафане, очень загорелая, с выгоревшими на солнце короткими волосами. Красивая. Загадочная. И расте-

рянная. У невероятно стройных ног ее стоял огромный клетчатый чемодан на колесиках и большая картонная коробка, тщательно перевязанная тонким капроновым шнурком.

— Дмитрий Алексеевич? — спросила женщина стесненно.

— Д-да... — проговорил Малянов, делая руками бессмысленные извиняющие движения, одновременно прижимая локтями полы распахивающегося халата, а ногами отбиваясь от совершенно распоясавшегося Каляма, явно решившего рвануть в пампасы...

— Вы простите, Дмитрий Алексеевич... Наверное, я некстати... Вот. — Она протянула конверт.

Малянов молча вытащил из него лист бумаги. На сложенной вдвое половинке ученической тетради крупными буквами, видимо второпях, вкривь и вкось было написано: «Димкин! Это Лидка Пономарева, моя любимая школьная подруга. Я тебе про нее расск. Прими ее хорошенько, она ненадолг. Не хами. У нас всё хор. Она расск. Целую, И.»

Малянов, вероятно, должен был издать протяжный, неслышный миру вопль, но почему-то произнес, улыбаясь, как швейцар от полученной на чай десятки:

— Очень приятно... — И тут же дружески-развязным тоном добавил: — Не знаю уж, чего она там думала, но, надеюсь, вам у нас будет удобно...

Он еще очень многого не знал, этот тридцатипятилетний кандидат физико-математических или каких-то других, не менее умных наук... Не знал о том, что у него не зря стреляли за окном, не зря звонил телефон, не зря приехала Лида Пономарева, и не зря рядом с ней стояла большая картонная коробка...

И, разумеется, он не знал, что станет одним из тех, кому суждено быть участником невероятных, абсолютно фантастических, загадочных, забавных, страшных и вместе с тем совершенно земных событий. Нелепые телефонные звонки от Вайнгартена и появление прекрасной незнакомки окажутся лишь прелюдией к действительно трагическому происшествию — смерти Арнольда Павловича Снегового —

соседа Малянова по лестничной площадке, крупного специалиста в области теории упругости... Окажется, что Малянов и его друзья не только каким-то образом будут знать об угрозе, нависшей над Снеговым, но сами окажутся перед лицом реальной опасности, исходящей от какой-то неведомой и злонамеренной силы. Со временем выяснится, что эта сила действует лишь в отношении тех людей, которые стоят на пороге блестящих и необходимых миру научных открытий.

Много сил и времени отдадут Малянов и его товарищи, чтобы открыть природу этой таинственной силы, пока не поймут, наконец, что дело, собственно, не в ней, хотя она и существует, а в них самих.

Проблема нравственного выбора, проблема ответственности ученого перед самим собой, перед наукой, перед всем человечеством — вот то основное, что станет содержанием целого отрезка жизни молодых и талантливых героев нашего рассказа...

Вечная неуспокоенность творчества, отчаянные попытки проникнуть в непознаваемое, ощутить нематериальное, разглядеть неразличимое... Бескорыстное и страстное желание добиться, доказать, открыть, подарить миру то, что может сделать людей счастливыми, небо безоблачным, а жизнь прекрасной... Не это ли было тем главным, что заставляло, преодолевая все препятствия, трудиться Менделеева и Курчатова, Жолио-Кюри и Келдыша, Эйнштейна и Королева, Бора и Семенова, Пастера и Дарвина... Не это ли есть главное и сегодня, что движет помыслами и делами сотен тысяч безвестных тружеников науки во всех областях знаний?

И вместе с тем... Благополучная тихая жизнь, высокий оклад, заметная должность, спокойная заводь мещанского прекраснодушия... Как часто мы слышим в последнее время: «Он мог бы стать большим ученым, но... семья, дети, неурядицы быта... Он мог бы быть замечательным поэтом, но... это ужасное окружение — друзья, компании, бесконечные развлечения...» Как часто мы валим все свои неудачи на обстоятельства, непонимание, глупые случайности, трудности быта... Тогда как даже в осажденном Ленинграде игрались

спектакли, создавались поэмы и великие музыкальные произведения... В голоде, в холоде работали ученые, инженеры, техники, делались открытия...

Испугаться, отступить, спрятаться за спасительной философией «лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным» или... Или идти на риск, не досыпать ночей, не съедать лишней порции икры, «бороться и искать, найти и не сдаваться»?

Мы сами... Вот она, та сила, которую безуспешно пытаются и долго не могут найти Дмитрий Малянов и его друзья. Мы сами. И только мы, а не какая-нибудь сверхцивилизация, вознамерившаяся по каким-то своим, может быть, нечеловеческим причинам остановить прогресс на Земле, способны ответить на те вопросы, перед которыми стоят герои нашего рассказа.

— Я хочу сказать, — говорит один из тех, кто уже сделал свой выбор, — что ничего интересного с вами не произошло... Все ваши поиски причин есть просто праздное любопытство. Вам надо думать о том, как теперь вести себя. А думать об этом — гораздо сложнее, чем фантазировать насчет царя Ашоки. Никто вам не поможет. Никто вам ничего не посоветует. Никто за вас ничего не решит. Ни друзья, ни Академия, ни даже всё прогрессивное человечество...

Ему, Вечеровскому, сделавшему свой выбор, будет нелегко, но, по крайней мере, совесть его будет спокойна. Но будет ли спокойна совесть у других?

«— Легко сказать — выбирать! — начал было Захар, но тут заговорил Глухов, и Захар с надеждой уставился на него.

— Да ясно же! — сказал Глухов с необычайной проникновенностью. — Неужели не ясно, что выбирать. Что же еще? Не телескопы же ваши, не пробирки же... Да пусть они подавятся телескопами вашими! Диффузными газами!.. Жить надо, любить надо, природу ощущать надо, а не ковыряться в ней...»

Будет ли спокойна совесть у Вайнгартена, решившего променять свое открытие на внезапно возникшую перспективу незакатной административной карьеры? Будет ли она

спокойна у человека, который, приняв свое решение, кричит в истерике:

«Двадцатый век — это расчет и никаких эмоций. Гордость, честь, потомки — всё это дворянский лепет. Атос, Портос и Арамис. Я так не могу. Я так не умею, мать вашу в колокольчики! Проблема ценностей? Пожалуйста. Самое ценное, что есть в мире, это моя личность, моя семья, мои друзья. Остальное пусть всё катится к чертовой матери!.. Ничего себе выбор! Или тебя раздавят в лепешку, или тебе дадут новенький институт, из-за которого два членкора уже друг друга до смерти загрызли! Ты с этим своим научным любопытством всю жизнь можешь просидеть в лабораториях, колбы перетирать. Институт — это тебе не чечевичная похлебка! Я там заложу десять идей, двадцать... Сила солому ломит! Давай не будем плевать против ветра; когда на тебя прет тяжелый танк, а у тебя, кроме башки на плечах, никакого оружия нет, надо уметь вовремя отскочить...»

Фантастика... Обостренное до предела видение мира, катализатор, прием, позволяющий вскрыть глубинные процессы человеческой психологии, человеческого «Я»... А в принципе — психологический, острый детектив, но который, тем не менее, позволяет исследовать истоки творчества, научного подвига, истоки человеческого возвышения и бессмертия, истоки трусости и капитулянтства, истоки слабости и силы человеческого духа...

Не есть ли это в конечном итоге та история, которую все-таки следует рассказать?

Письмо Бориса брату, 28 декабря 1980, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Злой рок преследует нас. Адка сломала ногу. Вышла из машины, поскользнулась на ровном месте, и в результате — сложный двойной перелом со смещением и вывихом. Сейчас лежит в больнице. Прогноз: в больнице от пяти до пятнадцати дней, в гипсе — до пяти месяцев. Вот так. Просто плакать хочется.

Одно хорошо: в Германию я теперь могу не ехать под вполне благовидным предлогом. А вот как мы будем с тобой работать? Ведь Адка по крайней мере месяц-два будет вполне беспомощна — гипс ведь аж до самого паха. Постепенно, конечно, привыкнет, но вот первое время...

В Ленфильме — молчание. Говорят, там всё начальство в гриппе. Очень может быть. Я и сам в гриппе.

В последнем номере «Звезды» большая статья[1] о ленинградских фантастах в ВААПе. Писано Балабухой и Сморяковым (что-то вроде ленинградской Белочки Клюевой). Много о нас и в высшей степени комплиментарно. <...>

Из ВААПа пришло извещение: 59.85 из США за ГЛ и 64.34 из Финляндии за ТББ. Умножь на 4.6.

Получил также деньги из МолГв (1733) и из Мосфильма (1100) — за вторую серию «Сталкера». Из Баку — ни денег, ни экзов. Ты бы им написал туда, если знаешь, кому.

Был тут Бугров из «Уральского следопыта». Оказывается, мы с тобой члены жюри конкурса на какой-то там красивый приз за лучшее произведение фантастики. Очень мило. Правда, в том же жюри и <...> Лапин из Новосибирска (?), но зато кроме него других <...> там нет, все вполне приличные люди.

А прочие новости вышибло у меня из головы.

Обнимаю тебя, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет.

О том же самом Лапине вспоминал Кир Булычев.

Из: Булычев Кир. Поход на стадион

<...>

В свое время несколько лет назад в Союз писателей РСФСР пришло письмо от Иркутской писательской организации, подписанное ее секретарем Борисом Лапиным, с требованием изгнать меня из Союза (в котором я никогда

[1] Балабуха А., Сморяков В. Научная фантастика — факты и проблемы // Звезда (Л.). — 1980. — № 12.

не состоял, потому что, в частности, не разделял идей Союза), ввиду того, что «Кир Булычёв — человек неизвестной национальности, окруживший себя людьми одной, всем известной национальности».

Я цитирую точно, это письмо видели десятки человек. Я помню, как развеселило это письмо Аркадия Стругацкого, который сказал: «Утешься, ты же Булычёв по матери».

<...>

В этом году по сравнению с добрым десятком предыдущих у Авторов небывалый урожай публикаций. Вышли в «Молодой гвардии» измученные «Неназначенные встречи». Вышел сборник в Баку (ХВВ + ТББ). В «Мире приключений» напечатана «Повесть о дружбе и недружбе». В сборнике «Формула невозможного» — давний рассказ «Чрезвычайное происшествие». И в этом году в журнале «Знание — сила» публиковалось окончание ЖВМ. И два фильма по их сценариям прошли по стране.

1981

Письмо Аркадия брату, 7 января 1981, М.— Л.

Дорогой Борик!

Получил наконец твое письмо — от 28-го. Действительно, злой рок. Бедная Адка. Теперь и вовсе неизвестно, как быть. Тут и Комарово не спасает. А впрочем, тебе на месте виднее. Сообщаю новости.

1. С «Мосфильмом» (ТББс) всё объяснилось проще, чем я думал: там у них какие-то нелады со студией Горького, а также кто-то опять объявил ТББ опасным произведением (там же на «Мосфильме»).

2. «Экран» (ТВ) получил втык за отсутствие новогодних телефильмов и снова ухватился за «Чародеев». Судя по тому, что сообщил Бромберг, запуск на носу. Впрочем, будет запуск или нет, в сентябре вынь да положь оставшиеся нам 60 % (4.5 тыс.).

3. В Детгизе склоняются к тому, чтобы издать ЖвМ отдельной книгой. Я не возражал. Срок — 83-й год. Перезаключают договор на 350 ряб, срок одобрения начинается с 22.12 (перепечатал и сдал официально рукопись).

4. Насчет Баку. Я посылал туда два письма и три телеграммы, всё без результата. Тогда по моей просьбе Шилейко задействовал там свою агентуру — руководство тамошних кибернетиков. Выяснилось: а) тебе деньги перечислили примерно числа 20-го, мне — 30-го. б) все наши авторские экземпляры проданы на черном рынке. в) осталось в издательстве, вместе с личным экзом главного редактора, всего 4 экза, кои агент у них забрал (все 4) и лично доставит в Москву в ближайшие недели.

5. На письмо насчет собрания сочинений из МолГв ни слова.

6. Ты пишешь, что получил из МолГв 1773 ряб. Я получил на полтысячи меньше. Ты уверен, что это из МолГв, а не из Баку?

7. Нынче приедет Танька, привезет Литобоз со статьей Ревича о ЖвМ. «Звезды» со статьей Балабусморякова не видел.

8. Сдал гранки с моим интервью в «Советской России». О будущем человечества, взгляд и нечто[1], но характерно — Стругацкие в «Советской России».

9. Что мы в жюри конкурса в Свердловске — это плохо. Я таки ждал, что приз дадут за ЖвМ.

10. Возможно, тебе известно: Ганичев снят и лежит в больнице, Медведев тоже в больнице.

Кажется, всё.

Держись, браток, приветы и соболезнования Адке. Твой Арк.

Да! Забыл очень важное.

Тарковский предлагает совместную работу по оригинальному сценарию. Писать втроем. Сюжет: жил человек, весьма могучий, влиятельный, стоического типа. Вдруг узнает, что заболел, что жить остается всего год. Переоценка ценностей. Ввергает себя в вихрь удовольствий, бросив всё, чему поклонялся. Только вошел во вкус, как его то ли вылечили, то ли объявили, что вышла ошибка. Его поведение после этого. Возможны варианты. Идея фильма: проанализировать понятие смысла жизни.

По его словам, руководство «Мосфильма» — за. Готовы заключить договор.

Вопрос: что мне ответить Тарковскому? По получении письма позвони.

Обнимаю, твой Арк.

7 января подписывается договор с киностудией «Ленфильм» на сценарий по ЗМЛДКС, о чем БН тут же пишет брату.

Письмо Бориса брату, 8 января 1981, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Вчера состоялось заседание худсовета студии Ленфильм (под председательством главного редактора студии), на коем обсуждалась заявка на сценарий зМЛдКС. За пять минут всё было кончено, а еще через полчаса я уже давал сведения для

[1] Цитата из комедии А. Грибоедова «Горе от ума» (действ. 4, явл. 4).

договора и подписывал чистые листы в четырех экземплярах. Мне сказали даже, что если бы я подождал пару часов, то и деньги мог бы получить тут же. Так что с этим вопросом всё пока ОК. В субботу ко мне придет режиссер и принесет свои соображения в письменном виде. Срок представления сценария — 15 апреля. Главред объединения (Фрижетта Гургеновна Гукасян, она же Фрижа) заклинала нас сделать сценарий как можно быстрее, чтобы поспеть в план съемок 82-го года. Вчера же у меня с нею произошел следующий разговор.

Она: Вы знаете, Илья Авербах очень хочет снимать вашу повесть ЖвМ. Но дело в том, что он сам — пишущий режиссер. Не хотели бы вы передать право экранизации, чтобы сценарий он писал сам?

Я: Скажу вам, как родной. Нам нужны деньги, а право экранизации — это гроши.

Она: Нет. По новым законам это не такие уж и гроши. Мы имеем право выплатить вам до 4 тысяч.

Я: Ах, вот как? Ну тогда я подумаю.

И я стал думать. И придумал следующее. Если бы нам дали 4 тыс. за право экранизации и если бы Авербах согласился бы выплатить нам одну треть от всех поступлений за сценарий, то я бы лично согласился на такой вариант. Конечно, общая сумма, которую мы таким образом заработаем, составит лишь малую долю от истинной платы за сценарий, но зато и количество работы значительно уменьшится и сведется фактически только к моим разговорам с Авербахом. С другой стороны, денежные потери могут оказаться очень обидными. Мне сказали, что сейчас за кассовый фильм сценарист может получить хорошие деньги. Порядок, якобы, теперь такой: за сценарий — шесть, после выхода фильма — шесть, а потом через год за каждый миллион зрителей свыше 14 миллионов еще по девятьсот. В общем, ты подумай, как нам лучше поступить, посоветуйся там с народом и отпиши. Дело это не срочное.

У Адки дела обстоят неважнецки. Она всё еще в больнице. Рентген обнаружил смещение, так что в понедельник

будут ей делать то ли операцию, то ли репозицию (то есть новое вправление втемную), что именно, врач и сам еще толком не знает. В любом случае это еще лишних десять дней в больнице, как минимум.

Так что как будет с нашей работой, даже и не знаю. Пока что я начну потихоньку делать сценарий сам во взаимодействии с режиссером, а там уж — видно будет. Как только получу от режиссера ЦУ, напишу тебе, чтобы ты тоже думал.

Да! Видел я бакинский сборник. Ну и кошмар! Такого плохого издания у нас, пожалуй, еще не было. Прямо самиздат какой-то — бумага сортирная, обложка корявая, рисунки слепые, опечаток миллион... Впрочем, сам понимаешь, всё это несущественно — получить бы экзы и гонорарчик!

Вопросы-просьбы:

1. Организовал ли ты Чоличу письмо о преимущественном его праве на перевод? Организуй, христа ради.

2. Задействовал ли ты ВААП, чтобы послали ОуПА Куцке? Задействуй, умоляю.

3. Как обстоят дела с ЖвМ в Детгизе?

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — поцелуи!

АН в это время уже работает с Андреем Тарковским над новым сценарием.

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

9 января 1981

А. Стругацкий хоть и за идею написания сценария, но, боюсь, за два месяца он, или они, не справятся. М. б. уточнить с ним сроки и, если они не возьмутся сделать сценарий за два месяца, предложить Саше Мишарину.

<...>

11 января 1981

Вчера немного работали с Аркадием. Пришел к мысли о том, что было бы неплохо сделать фильм из нескольких

(десяти?) эпизодов, действительно имеющих в основе ***временное*** основание.

<...>

Аркадий, кажется, понял, что я хочу.

Актеры: Солоницын (герой), Кайдановский, Фрейндлих (ведьма), Гафт, Калягин, Броневой, Богатырев, Гринько (эпизод). Сценарий должен быть из IX-X эпизодов на 50 стр. максимум. Лучше на 45.

12 января 1981

В четверг встречаемся с Аркадием С. По поводу сценария. Редко. Он говорит (по телефону), что, кажется (как ему кажется), моя концепция фильма вступает в противоречие с материалом. Вполне возможно. Но работать надо над тем, чтобы загнать замысел в строго выдержанную форму.

<...>

Уже намечаются персонажи:

Герой — писатель — Солоницын.

Ведьма — Фрейндлих.

Персонаж, воплощающий для героя страх, — Калягин.

<...>

15 января 1981

Работали с Аркадием. Долго разговаривали. Внушил ему кое-что. Он попросил неделю: хочет записать схему сюжета. Мне рассказать ее не захотел. Если эта схема будет бредовой, всё равно она послужит началом работы. А начало важнее всего. Несмотря на то, что, якобы, «конец — делу венец».

<...>

О намечающемся сценарии вспоминала Лейла Александер-Гарретт, ассистент Тарковского во время съемок «Жертвоприношения».

Из: Александер-Гарретт Л. «Жертвоприношение» Андрея Тарковского. Двадцать лет спустя

<...>

Первоначально сценарий «Жертвоприношения» назывался «Ведьма», и возник он задолго до «Ностальгии». Герой

фильма Александер получает от друга-врача известие, что он смертельно болен. По совету случайно постучавшегося в дверь прохожего (прототип почтальона Отто) он проводит ночь с ведьмой и чудом исцеляется. Это была история человека, оставившего привычную респектабельную жизнь ради собственного спасения. В «Жертвоприношении» вопрос стоит уже не о физическом спасении героя, а о его духовном возрождении (не случайно Александер празднует свой день рождения) и о спасении всего человечества от неизбежной атомной катастрофы.

<...>

Письмо Аркадия брату, 16 января 1981, М.— Л.

Дорогой Борик!

Вчера вечером получил твое письмо от 8-го.

1. Полагаю, условия 4 тыс. и треть всех поступлений за ФИЛЬМ (не только за сценарий, но и за фильм!) должны нас устроить. Во-первых, Авербах, по мнению Тарковского, хороший режиссер и борозды не испортит. Во-вторых, работа по сценарию ЖвМ — несусветная возня, неприятности с худсоветами, с оскорбленным режиссером и вообще большая слишком потеря времени. Словом, я ЗА такое решение вопроса.

2. А пропо: сообщи Леше Герману, — это его, возможно, порадует, — что Тарковский считает его самым лучшим режиссером в нашей стране. За ним, по мнению Тарковского, но много ниже его следуют некий Сокуров и Авербах.

3. С Тарковским встречаюсь регулярно, контуры будущего фильма понемногу вырисовываются.

4. Любопытно, что именно вчера, но утром позвонила Ушакова, возглавляющая 5-е объединение на «Мосфильме» (телевизионное). Разговор шел о завершении истории с фильмом о Стасове, но главное было в другом: она попросила разрешения вставить в план объединения либо ДР, либо ЖвМ. Так что письмо твое пришло своевременно.

5. Намедни выступал в Политехническом, 650 гавриков-вундеркиндов из Колмогоровских матшкол, потребителей

известного тебе журнала «Квант». Устал страшно, но было очень весело. Жутковато, конечно, что этим соплякам поголовно всем очень нравится «Сталкер». Поставил автограф на по крайней мере двух десятках экзов «Неназначенных встреч». Ни хрена себе — библиотечная серия![1]

6. Как сообщил уже тебе, отправил в Президиум Съезда[2] письмо насчет собрания сочинений. Квитанцию бережно подклеил.

7. По поводу Чолича и Куцки: в свое время к Беле обращался, сейчас с твоей подачи ей позвонил, но она больна, и дома ее нетути. Видимо, отлеживается на даче.

8. О ЖвМ в Детгизе нам приказано не беспокоиться. Всё идет своим ходом.

9. Нынче в ЦДЛ вечер памяти Днепрова, который дурак Парнов почему-то объявил как «обсуждение творчества Днепрова». Не пойду.

10. Накануне Нового года встретил в ЦДЛ Нинон Беркову. Вот что она мне сказала: «Перестань делать волну, спасать фантастику. Над тобой уже смеются, тобой недовольны, тебя подозревают в далеко идущих интригах». И я твердо решил следовать этому совету. А уж за границу я теперь поеду лишь в том случае, если мне принесут на дом паспорт, билет и деньги. Будя.

Вот, кажись, и всё пока.

Бедная Адочка! Мы все здесь очень о ней печалимся и также беспокоимся за тебя с Андрюхой.

Всем сердечные приветы.

Жму, целую, твой Арк.

«С Тарковским встречаюсь регулярно, контуры будущего фильма понемногу вырисовываются», — кратко пишет АН. Конкретнее описывает обсуждавшиеся ими варианты сценария Андрей Тарковский.

---

[1] «Неназначенные встречи» вышли в так называемой «библиотечной» серии, которая должна была не поступать в продажу, а распространяться централизованно по библиотечной сети.

[2] Будущего XXVI съезда КПСС (проходил 23.02–3.03.1981).

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

22 января 1981

<...>

Работали с Аркадием Стругацким. Разрушил его схему («кот»). Возникла новая. *Странник*, который отказывается убивать *Абалкина*. («Жук» наоборот.) Где бы *Странник* не разрушил сам себя, а утвердил. Вера — против знания. («Смерть Ивана Ильича».) «Ловец ангелов» — плохо. Человек выполняет долг перед обществом, во имя идеи, и всегда насилуя кого-то или что-то. Зависимость. Связи с другими. Общество. Перед лицом смерти связи обрезаются, свобода. Мысли о душе. Независимость от общества. Отказ от достигнутого из-за насилия. Неправота и ее осознание. А правота персональная — в нравственной чистоте. Пронзительная незащищенность героя. Слабость и беспомощность. (А он-то «пахал» всю жизнь во имя идеала!)

<...>

Письмо Бориса брату, 23 января 1981, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Письмо твое получил уже давно, но тянул с ответом по разным причинам. В частности, ждал, пока Адке сделают вторую операцию. Она, вроде бы, прошла нормально, так что появилась некоторая надежда на выписку домой.

Общался с нашим режиссером по зМЛдКС. Это, между прочим, тот самый «некий Сокуров», которого, судя по твоему письму, Тарковский назвал третьим или даже вторым режиссером в СССР. Мальчик совсем молодой, но, видимо, на самом деле талантливый. Я оговорил с ним основной принцип построения сценария и теперь попытаюсь начать писать. Получится — хорошо. Не получится — тогда через несколько недель нагряну к тебе и сделаем сценарий вдвоем. Время до середины апреля у нас есть. Только бы у Адки дело пошло наконец на поправку.

Был на сберкнижке. Деньги из Баку пришли — 1352 руб. 01 коп. Кроме того, пришли какие-то 223 рубля из издательства «Известия» по журналу СЛ («Советская литература»?).

Говорил с Брандисом относительно ЖвМ в Лениздатовском сборнике. Сборник планируется на 82-й год, так что Детгиз ему не помеха, а вот что думает по этому поводу Детгиз, ты уж выясни на месте.

Все твои внешнеполитические действия, включая посылку письма в секретариат съезда и отказ от благотворительной деятельности, одобряю и поддерживаю. Ну их.

Очень прошу держать под контролем просьбы Куцки и Чолича. Ибо сказано: не плюй в кладезь!

Обнимаю. Твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет!

Андрей Тарковский собирается общаться и с БНом. Но — по другому, нетворческому поводу.

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

25 января 1981

Мы с Тяпой решили собирать марки. Он, в основном, — флору и фауну. А я — кино и религию. Начали с того, что Ольга (родственница Ларисы) принесла Тяпе в подарок два альбома о живописи (сов. и загр.). Потом у нас с Тяпой было немного в конвертиках. Потом Ольга принесла откуда-то альбом разных и ей обещали еще. Сегодня Сенька принес пол-альбома своих и неразобранных кучу. Саша Медведев обещал тоже принести. Сейчас у нас около тысячи штук. Короче говоря, возникло хобби. Собираюсь написать Борису Стругацкому — он, говорят, маньяк по этой части и может дать совет.

<...>

22 января АБС вводят в Совет по приключенческой и научно-фантастической литературе правления СП РСФСР, о чем 27 января правление СП РСФСР сообщает Авторам.

Из архива. Письмо БНу из СП РСФСР

Уважаемый Борис Натанович!

Сообщаем Вам, что постановлением секретариата правления Союза писателей РСФСР № 3 от 22.01.81 года Вы утверждены членом Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе правления СП РСФСР.

Председателями Совета являются тт. Абрамов С. А. и Александровский В. П., заместителями — Ильин В. П., Стругацкий А. Н. и Хруцкий Э. А.

Ждем Ваших предложений по плану работы, по вопросам форм и методов деятельности нашего Совета.

С уважением

Ответственный секретарь Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе правления Союза писателей РСФСР А. Свиридов

В конце января АН принимает участие в конференции.

Из: Меридианы фантастики, НФ–25

ПО СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

28–29 января Совет по приключенческому и научно-фантастическому кино Союза кинематографистов СССР под председательством кинорежиссера В. Мотыля провел теоретическую конференцию. Доклад о кинофантастике сделал киновед В. Кичин, в прениях о проблемах научно-фантастического кинематографа говорили: режиссер Р. Викторов, писатели Г. Гуревич и А. Стругацкий (Москва), В. Михайлов (Рига), критик Вл. Гаков (Москва). Краткое сообщение о современном западном НФ кино сделал кинокритик Г. Капралов.

В февральском номере «Авроры» публикуется обширное интервью с АБС.

Из: АБС: «Фантастику любим с детства»

<...>

— Что такое фантастика, какое место, по вашему мнению, занимает она в литературе нашего времени?

— Фантастику мы рассматриваем как часть общего литературного потока. Поэтому мы распространяем на нее все законы литературы, хотя и с некоторыми оговорками, касающимися специфики жанра. Например, фундаментальное правило писателя-реалиста: «Пиши только о том, что знаешь хорошо» звучит для писателя-фантаста так: «Пиши либо о том, что знаешь хорошо, либо о том, чего никто не знает».

В этом смысле фантастический роман весьма напоминает роман исторический. Замечательный литературовед и писатель Юрий Тынянов говорил о работе над своими историческими романами: «Я начинаю там, где кончается документ». Писатель-фантаст сплошь и рядом поступает так же, только для него роль исторического документа играет совокупность научных и социальных знаний его времени.

— Существуют ли направления внутри современной фантастики, в чем их своеобразие?

— Современная фантастика содержит в себе два основных направления. Одно из них трактует обширный круг проблем, связанных с темой Человек и Природа, Человек и Вселенная. Это и есть то, что обычно называют научной фантастикой.

Другое направление тесно связано с кругом проблем, трактующих тему Человек и Общество, Человек и Социум. Это то, что мы склонны называть «реалистической фантастикой», как ни парадоксально звучит такой термин.

Фантастика научная — молода. Отцом ее следует считать Ж. Верна, она детище научно-технического прогресса, расцветает и процветает вместе с ним, она, по сути, является литературой научно-технической революции XIX—XX веков, порождена ею и питается ее идеями и плодами.

Фантастика реалистическая восходит к мифу. Она родилась в те времена, когда молодое человечество еще не отделило друг от друга философию, религию, литературу, мораль, искусство, науку, когда всё многообразие духовной жизни было слито в единое поразительное целое, называемое сейчас мифом. Миф был отражением действительности в сознании древнего человека, когда не было различия между чудом и реальностью, когда всё на свете было чудом и реальностью одновременно — и молния, огонь с неба, пожирающий лес, и люди с песьими головами, почудившиеся охотнику за пеленой дождя, и монотонно повторяющиеся заходы и восходы светил, и духи предков — галлюцинации, порожденные силами голодного воображения.

Из мифа выкристаллизовалась литература вообще и реалистическая фантастика в частности. Долгое время они шли рука об руку, мало отличаясь друг от друга, — вся литература содержала элементы того, что мы сейчас называем фантастическим. Лишь за последние несколько веков различие стало заметно, но и сейчас реалистическая фантастика отличается от реалистической литературы лишь своими приемами, а основные темы их, главный объект отражения — человек в обществе — остаются общими и постоянными.

Мы называем фантастическим всякое произведение, в котором существенную роль играет элемент необычайного (пока еще невозможного или невозможного вообще).

При таком подходе вся фантастика как бы растягивается в широчайший спектр, на одном конце которого лежат сказки, легенды и мифы, а на другом — почти уже научно-популярные произведения типа романа Циолковского «Грезы о Земле и Небе». Фантастикой оказываются и «Восемьдесят тысяч километров под водой» Ж. Верна, и «Превращение» Кафки, и «Туманность Андромеды» И. Ефремова, и «Мастер и Маргарита» Булгакова, и «Вий» Гоголя, и «Заповедник гоблинов» Саймака. Разумеется, мы прекрасно понимаем, что существуют как самостоятельные жанры (или поджанры) и современная сказка, и роман-предупреждение, и мениппея, и утопия, и, так сказать, «чистая» научная фантастика,

но для нас важно прежде всего то, что все они объединены общим приемом — введением в повествование элементов необычайного или невозможного.

— Зачем вообще нужен этот прием? Почему автору недостаточно просто описывать жизнь, рассказывать о судьбах реальных людей в реальной обстановке? Зачем это вдруг понадобилось ему переноситься в будущее, или сталкивать своих героев с пришельцами из иных миров, или обрушивать на вполне реальное человечество какое-нибудь совершенно невероятное открытие, или выпускать на улицу своего родного города толпу ведьм и чертей?

— Что ж, ответить на подобные вопросы порою не составляет труда. «А любопытно, черт возьми, что будет после нас с людьми? Что станется потом?..» — писал поэт Николай Асеев. Такое любопытство порождает романы о будущем. Однако такие романы невозможно писать, оставаясь в рамках бытовой реалистической литературы, необходим некий специфический литературный прием, а именно — перенесение действия в будущее, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Как отразится на истории человечества контакт с иным Разумом? Что несут нам грозные чудеса генной инженерии? Каковы возможные последствия: создания искусственного Интеллекта? нарушения экологического равновесия? глубокого проникновения в Космос? электронного управления человеческой психикой?.. и т. д., и т. п., и пр. Огромное количество вопросов, проблем, трудноразрешимых задач, не поддающихся расчету вариантов бытия — всё это образует напряженное интеллектуальное поле, воздействующее на духовный мир современного человека, а значит, с неизбежностью должно стать предметом литературы, — но какой?

Бытовая реалистическая литература, призванная, казалось бы, отражать и описывать повседневную жизнь современника, как правило, просто не способна касаться аналогичных проблем. Во всяком случае, она бессильна перед ними, если намерена использовать только обычные приемы отражения бытия в формах самого бытия. И вот тут на помощь приходит

фантастика, для которой вторжение в реальность необычайного и невозможного составляет самую ее суть.

Гораздо сложнее объяснить необходимость фантастического приема в таких произведениях, как, скажем, «Мастер и Маргарита» Булгакова или «Бойня номер пять» Воннегута. Интуитивно ясно, что произведения такого рода много потеряли бы, если бы элемент необычайного в них отсутствовал. Дело, возможно, в том, что введение такого элемента приводит к обострению любой созданной писателем ситуации, становится своего рода преломляющей призмой, дающей возможность по-новому увидеть привычные картины.

Резкость и новизна постановки самых важных и злободневных проблем современности и способность до любых необходимых пределов катализировать таинственный процесс воздействия книги на читательское восприятие — вот два важнейших качества фантастики, делающие ее столь привлекательной и с писательской и с читательской точек зрения.

Конечно, определений фантастики существует множество. Фантастика — литература мечты. Фантастика — литература эпохи НТР. Фантастика — юношеская литература, призванная учить, развлекая. И так далее. Фантастика многогранна, и каждое такое определение характеризует лишь одну какую-нибудь ее грань. Эти определения кажутся нам узкими. Все они отграничивают фантастику от общего литературного потока, обедняют ее, сужают диапазон ее возможностей.

— Расскажите о себе: как вы открыли для себя фантастику, с чего началась ваша работа и, наконец, как вам удается писать вдвоем?

— Мы оба любим фантастику с детства. Жюль Верн, Александр Беляев, Конан Дойль, а несколько позже Уэллс, Алексей Толстой, Чапек, Ефремов — без всякого преувеличения они владели нашим воображением с самых ранних детских лет.

Желание писать возникло прежде всего как реакция на нехватку хорошей фантастики в послевоенный период. Однако серьезно мы занялись литературой только в середине пятидесятых годов. Сейчас уже трудно сказать, что именно побудило нас взяться за пятнадцатилистный роман, — кажется,

какое-то пари. Но так или иначе, план романа был детально расписан, и в 1955 году работа началась.

За первые пять или шесть лет мы испробовали, по-видимому, все мыслимые методы работы вдвоем и вот уже пятнадцать лет, как остановились на самом, без сомнения, эффективном для нас.

Мы собираемся вместе — в Ленинграде, или в Москве, или в каком-нибудь Доме творчества. Один из нас садится за машинку, другой — рядом. План всегда подготовлен заранее — весьма подробный план с уже продуманными эпизодами, героями и основными сюжетными поворотами. Кто-нибудь из нас предлагает первую фразу. Фраза обдумывается, корректируется, шлифуется, доводится до уровня готовности и, наконец, наносится на бумагу. Кто-нибудь предлагает вторую фразу... И так вот — фраза за фразой, абзац за абзацем, страница за страницей — возникает черновик. Черновик обычно отлеживается два-три месяца, а затем его тем же порядком (фраза за фразой, абзац за абзацем) мы превращаем в чистовик. Как правило, хватает одного черновика, но бывали и исключения.

Работаем мы обычно четыре-пять часов утром и час-два вечером. После окончания рабочего дня — обсуждение плана на завтра или обдумывание, наметка следующей повести.

При таком методе работы неизбежны споры, иногда свирепые. Собственно, вся работа превращается в непрерывный спор или, во всяком случае, в некое соревнование за лучший вариант фразы, эпизода, диалога. Взаимная нелицеприятная критика всячески поощряется, но при одном непременном условии: раскритиковал чужой вариант — предложи свой. В крайних случаях абсолютного отсутствия компромисса приходится прибегать и к жребию.

— *Что у вас сейчас в работе?*

— О своих планах на будущее и вообще о любой своей неоконченной работе говорить мы не любим. Опыт показал: стоит рассказать кому-нибудь замысел новой повести, и эта повесть никогда не будет доведена до конца. Совершенно непонятно, почему это происходит, но это так.

— Что нравится вам из собственных книг?

— Наиболее популярны, по-видимому, наши повести «Трудно быть богом» и «Пикник на обочине». Об этом свидетельствуют социологические опросы конца шестидесятых и конца семидесятых годов. Да и среди зарубежных изданий эти повести занимают первые места. Сами же мы больше всего любим «Улитку на склоне», «Второе нашествие марсиан» и «За миллиард лет до конца света».

— Недавно и почти одновременно появились два кинофильма по вашим сценариям. Какое у вас к ним отношение?

— В последнее время мы частенько получаем отзывы на кинофильм «Сталкер». Этот фильм, созданный Андреем Тарковским по мотивам нашей повести «Пикник на обочине», вызывает оживленную полемику у зрителей — и не случайно.

Андрей Тарковский — режиссер поразительный, необычайно самобытный и притом умный и тонко чувствующий современность человек. И фильм «Сталкер» получился у него тоже поразительным и странным, словно прибыл к нам из XXI века, словно кто-то долго наблюдал человечество из будущего и затем создал кинообраз — квинтэссенцию механики сегодняшнего человеческого существования.

Работать над сценарием было одновременно и страшно трудно, и страшно интересно. Но мы заранее положили себе во всем идти навстречу пожеланиям режиссера, ибо понимали, что чистая экранизация никогда не способна превратиться в самостоятельное, сколько-нибудь значительное произведение искусства. Необходимо было перевести самые общие идеи повести на язык кинематографа, а это невозможно без весьма существенных переделок. В результате было сделано девять различных вариантов сценария. Мы переделывали и перекраивали материал до тех пор, пока режиссер не сказал нам: «Стоп! Это то, что нужно»...

Фантастика в кино еще не сказала своего последнего слова, но такие фильмы, как «На берегу» Крамера и «Сталкер» Тарковского — это заявки на нечто весьма серьезное и значительное...

4 февраля в «Литературной газете» публикуется рецензия АНа на книгу вьетнамского автора То Хоая. Перевел ее старый друг АНа Мариан Ткачёв.

АНС. Мой друг То Хоай

Вот и закрыл я последнюю страницу романа То Хоая «Затерянный остров». И думается мне, прочитай я эту книгу двумя годами раньше, по-другому сложился бы мой разговор с автором, состоявшийся вскоре после того, как вьетнамские пограничники и ополченцы столь отменно обломали зубы китайскому тигру. То Хоай пришел в гости ко мне на проспект Вернадского, показывал фотографии разрушенных пограничных городов, убитых, убитых, убитых мирных жителей, исковерканных китайских танков, китайских пленных с жалкими и изумленными лицами... И, конечно, припомнились мне страшные годы войны, сорок первый под Ленинградом.

Беседа наша была активной и содержательной, и я, помнится, задал То Хоаю прямой и, вероятно, не совсем тактичный вопрос: в чем, по его мнению, секрет поразительной стойкости вьетнамцев на протяжении древней, средневековой, новой и новейшей истории? Сколько раз за последние тысячелетия наваливались на страну великолепно оснащенные и организованные иноземные армии! А вьетнамцы отстояли свою землю, сохранили свой язык и свою культуру...

— Я думаю, — сказал мне тогда То Хоай, — что секрет в том, что мы, как и предки наши, составляем с нашей землей нерасторжимое целое. Наша земля — рукотворное чудо, созданное трудом сотен поколений. Как поется в одной нашей старинной песне:

Слышите, люди,
не бросайте поля!
Что ни щепотка земли,
то щепотка золота!

Когда я прочел «Затерянный остров», то понял, что имел в виду То Хоай.

По сюжету это робинзонада. Действие происходит в бронзовом веке, в полумифическом прошлом государства вьетов. По навету придворных завистников тогдашний правитель ссылает талантливого и мужественного Ан Тиема вместе с семьей на необитаемый остров. И вот мужчина, женщина, мальчик и девочка в жесточайшей борьбе со стихией преобразовывают пустынный клочок земли, затерянный в бескрайних морских просторах. Они возводят жилище, изготовляют орудия и утварь, оружие и одежду, приручают диких зверей. И ни на миг не забывают о милой родине. Сам остров свой они видят как часть родной земли, целью жизни своей считают они подарить соотечественникам новое владение, ухоженное, удобренное, готовое принять в лоно свое сотни и сотни голодных, бездомных, обездоленных. В конце романа всё так и вершится, как они мечтали...

Труд, воля, разум! Поистине земля, сотворенная человеческими руками, и люди, творцы ее, нераздельны.

Я люблю героев То Хоая. Люблю Нгиа, председателя Тоа, Тхая Кхая из «Западного края», полюбил и Ан Тиема с его супругой и детьми. Это живые, активные, полнокровные персонажи, их чувства и поступки определены не сюжетными соображениями, не авторским произволом, а их прошлыми судьбами и их взглядами на будущее.

Но, пожалуй, и сама природа, многоликая и нераздельная, косная и вечно изменчивая, суровая и благодатная, великая мать-природа тоже является полноправным персонажем «Затерянного острова». Впрочем, прозе То Хоая вообще свойственна живописность. А в этом романе он достиг новых высот. Читатель воочию видит сотворенный его фантазией мир, переживает опустошительные тропические ураганы и купается в светлом весеннем многоцветье, наблюдает словно бы своими собственными глазами расцвеченный фонарями и факелами столичный город Фаунгтяу и стремительный бег боевых кораблей, чьи весла срывают с красных речных волн дымчатые язычки пены.

Всё, что описывает То Хоай, на редкость зримо, осязаемо, вещественно.

Тут надо помнить, что изобразительная сторона романа стала доступна нам исключительно благодаря переводчику. То Хоай — писатель вьетнамский, и пишет он в первую очередь, конечно же, для читателя вьетнамского. Вьетнамских же реалий — названий растений и животных, предметов обихода и одежды и прочее и прочее — в оригинале романа предостаточно. От переводчика потребовалось незаурядное мастерство, чтобы тактично и немногословно ввести эти реалии в русский текст и передать в переводе весь образный строй повествования.

Я сам старый переводчик, причем переводчик тоже с достаточно «экзотического» языка — японского, и потому особенно остро ощущаю переводческое искусство Мариана Ткачева, восхищаюсь и несколько завидую ему. Звукопись прозы То Хоая, ее ритм «настроены» на русское звучание. Превосходен и русский стиль перевода — роман звучит вполне современно и в то же время сохраняет необходимую патину архаики, дух старины.

Весьма важно для понимания романа и предисловие, написанное Марианом Ткачевым. В нем содержатся неизвестные еще читателю сведения об истории, жизни и культуре вьетов. Дает оно также и литературный портрет То Хоая, написан он живо и занимательно. Мы как бы прослеживаем весь путь большого писателя от вершин его творчества к самым истокам. И видим: вся жизнь То Хоая нераздельно слита с жизнью его народа. Перед нами предстает не только То Хоай — прозаик, но и То Хоай — общественный деятель, секретарь правления Союза писателей Вьетнама, председатель Ханойского отделения Ассоциации литературы и искусства, депутат столичного городского совета и председатель местного уличного комитета.

Известность То Хоая давно уже распространилась за рубежи его родины, его книги и фильмы, снятые по его книгам, не раз удостаивались премий во Вьетнаме и других странах мира. Он — лауреат международной литературной премии «Лотос», член секретариата Ассоциации писателей стран Азии и Африки.

Да, всё это так. Но, как говорится, хорошего человека слава не портит. То Хоай остается скромным, улыбчивым и добрым, верным слову, неизменным в дружбе. И мне просто необходимо сегодня от души поздравить его с прекрасной книгой, которая, я уверен, полюбится нашим читателям.

6 февраля БНа госпитализировали с инфарктом.

Письмо Аркадия брату, 17 февраля 1981, М.— Л.

Дорогой Борик!

Ну и поддает нам судьба! Адка, ты, у меня Ванька с двусторонним воспалением легких... Бела Клюева лежит с инфекционным поражением спинного мозга... Черт знает что. Однако надо держаться. Ты уж выздоравливай. Но не торопись. Торопиться решительно некуда. Будь предельно осторожен. Да не забудь взять бюллетень! Нынче же пошли в ВААП письмо, чтобы тебе выслали справку о гонорарах за последний год (пиши прямо Николаю Пантелеймоновичу Карцову, заму Панкина, он нас любит, а пиши ему потому, что бухгалтерия с Лаврушинского переехала куда-то, а Бела в больнице). Тебе тогда будет по десятке в день.

1. Закончил вчера предисловие к японскому роману, весь упрел, а, между прочим, предисловие могут и не принять. Такое написал.

2. В начале марта начнется режиссерская разработка «Чародеев».

3. Нынче приезжает из Англии Тарковер. По предварительным данным ему пришлось нелегко, имели место провокации, но всё же премьера «Сталкера» прошла на сплошное УРА.

4. Кажется, уже решено в «Знании» издать ОуПА в 1982-м.

5. Не помню, писал ли тебе, что пришел ответ из МолГв по поводу собрания сочинений. Полный отказ. Опять отсылают в следующую пятилетку. Хотел было уже с этим материалом обратиться в ЦК, но решил еще попробовать счастья в СовПисе. На двухтомник. А вдруг? Но даже и отрицательный ответ принесет пользу. Тогда уже материал будет солидный.

6. Веду небольшую и бесперспективную войну за квартиру. Моссовет — сплошное жулье. Наши писательские жилищники — и того хуже.

7. Пятое (телевизионное) объединение Мосфильма заинтересовалось ЖвМ и М. Пока ничего не ясно.

Вот, кажись, и все новости. Здоровей, бодрись. Обнимаю крепко, всегда твой Арк.

Письмо Бориса брату, 20 февраля 1981, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Ну вот, я помаленьку уже и хожу — в сортир, руки помыть, то, сё... Если будет бог милостив, через 3–4 дня смогу звонить по телефону (он довольно далеко от палаты) и тогда вызову сюда режиссера и договорюсь с ним о Пете Кадочникове. Боюсь только, что режиссер, человек молодой, самолюбивый, предпочтет отложить съемку фильма на год, чем иметь дело «с каким-то Кадочниковым» вместо Стругацких. Это будет жаль, ибо я уверен, что Петя сможет написать очень неплохой сценарий. Я бы прошелся бы по нему рукой мастера и — ОК! Ну ладно, там будет видно.

Я тут, само собою, окружен заботой. Все Стругацких знают, все их ценят, а тут еще и чисто дружеские связи в ход пущены — в общем, я хабен всё, что только пожелаю. В этом смысле можешь быть спокоен. Самочувствие — вполне. Лучше, чем до, во всяком случае (не курю ведь уже 16 дён).

Миша Ковальчук прислал письмо с массой приятных новостей. В том числе он пишет о сценарии «Машина желаний», который, якобы, отдан в печать. Это всё прекрасно, но как насчет врезки? Мы же договаривались, что будет врезка о том, что это 2-й вариант, а было их 9, и как мы работали с Тарковским, и что мы думаем об экранизациях и т. д. и т. п. Такая врезка совершенно необходима! Надо ее написать! Ты возьмешься? Если нет, я напишу через месяц, но врезка обязательно нужна!

Вот и все мои заботы. Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — поцелуи!

Письмо Аркадия брату, 27 февраля 1981, М.— Л.

Дорогой Борик!

Нынче получил твое письмо.

1. Надеюсь, что твой самолюбивый без меры Сокуров все-таки снизойдет до Кадочникова, тем более, что затем пойдет твоя рука мастера. Понимаю, что ты еще слаб, однако не боись, поднажми на Сокурова в этом смысле. Кстати, не потому ли они не высылают аванс? Может быть, правда, почта дерьмовая.

2. Насчет врезки не беспокойся. Я написал еще в начале июля прошлого года. Конечно, не исключено, что Бела ее, по обыкновению, потеряла. Но это я выясню и, если в верстке ее нет, заставлю включить.

3. Ты уже получил, наверное, авторскую карточку из «Знания». На предмет заключения договора на ОуПА. Я вчера получил, заполнил и сегодня отослал.

4. 5-е (телевизионное) объединение Мосфильма нами шибко заинтересовалось. Не буду описывать перипетий, в итоге — некий Рубинчик заинтересовался ЖвМ, текст затребовало руководство. Пришли инструкции: как быть с Авербахом?

5. Возобновил работу с Тарковским. Тема изменилась. О ведьме. Она шарлатанка, а всё сбывается. Потому что люди ей верят. Пытаюсь что-то накропать. Андрей торопит. Ему всё семечки, а у меня голова кругом идет. Завтра встречаемся, а затем мне писать сценарий.

6. В Детгизе всё замерло. Наша редакторша, Марина Зарецкая <...>. Срок одобрения — 10 марта.

7. Насчет «Чародеев». Вызывали на ЦТ, беседовали. Кажется, в ближайшее время будет приказ на запуск. Выпуск — к Новому году. Но это нас не должно беспокоить. В последнем квартале — плати!

Кажись, всё. Выздоравливай, браток!

Твой Арк.

Целуй своих.

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>
17 марта 1981
<...>
Работаем с Аркадием над «Ведьмой». Получается неплохо.
<...>

Письмо Бориса брату, 21 марта 1981, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Чудовищно задержался с ответом, главным образом, потому, что новостей никаких нет.

Петя Кадочников вполне поладил с Сокуровым и быстро-быстро пишет сценарий[1]. Надеюсь в течение 10 дней получить черновой вариант. Я думаю, за первый вариант сойдет, а там я как-нибудь оклемаюсь и возьмусь за дело сам.

В реабилитации мне еще предстоит (в лучшем случае) сидеть до 31 марта, а потом — в санаторий, еще на 24 дня. Ух, и надоело же! Если бы не Адкино увечье, давно бы сбежал домой.

Чувствую себя, впрочем, вполне прилично. Врачи утверждают, что процесс идет нормально (тьфу-тьфу-тьфу!).

Очень любопытно, что у тебя там получится с Тарковским.

Что же касается ЖвМ и Авербаха, то веди помаленьку переговоры, но ничего не подписывай. Авербах сделает (if any) весьма значительную картину, и этот факт может быть нейтрализован разве что уж очень солидной суммой прописью. Из этого и исходи.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет!

30 марта в газете Уральского политехнического института «За индустриальные кадры» вышла статья Виталия Бугрова, где рассказывалось о его встрече с БНом.

[1] Этот вариант сценария опубликован в НС–3.

Из: Бугров В. «Разговор шел о фантастике»

<...>

Наш отдел фантастики имеет самые тесные, дружеские связи с ленинградской секцией фантастики. Со многими писателями «ленинградской школы» я был и раньше знаком, переписывался и с Борисом Натановичем. На этот раз мне представился случай познакомиться с ним поближе. По телефону мы условились встретиться в очень уютном маленьком писательском кафе. Борис Натанович серьезным голосом предупредил, что он будет с «дипломатом» и в очках (мы плохо представляли друг друга внешне). И вот передо мной плотный, подвижный, живой, улыбчивый Стругацкий. Он произвел на меня впечатление человека мягкого, доброжелательного, очень обаятельного. Даже когда разговор заходил о людях, которых он не очень «долюбливал», в их адрес он не допускал никакой резкости. Это, конечно, подкупает.

На вопросы читателей — студентов УПИ — он отвечал охотно и дружелюбно. Я думаю, что его ответы будут интересны любителям фантастики.

Опубликованная в прошлом году повесть «Жук в муравейнике» вызвала у читателей огромный интерес. И, наверное, многие из нас задавались вопросом: быстрое «свертывание» сюжета повести — задумано авторами, или это работа редактора? Повесть прошла в журнале «Знание — сила» в том виде, в каком она была написана (технические сокращения, в журналах неизбежные, измеряются считанными строками). Так что сюжетный обрыв «Жука» был в плане авторского замысла.

Один из вопросов читателей касался элитарности искусства и того, как она увязывается с социалистическими взглядами на искусство.

Вопрос этот, по мнению Б. Н. Стругацкого, не так уж сложен. У любого произведения искусства, художественной литературы всегда находятся свои читатели, свои ценители — те, к кому обращено это произведение. Ведь даже и наиболее общедоступная и привлекательная «деревенская» проза, тем

не менее, привлекательна и интересна отнюдь не для всех. К любому может быть обращен продукт такого рода искусства, какой получил сейчас на Западе название «маскульт» (массовая культура) — культура, заведомо рассчитанная на заниженный уровень «потребителя». А это недостойно истинного искусства. С нашими взглядами на искусство положение об «элитности» ни в коей мере не расходится: социалистическое искусство не отрицает усложненных форм в литературе и искусстве.

«Элитарными» можно назвать и некоторые произведения Стругацких. Более всего это относится к «Улитке на склоне» — повести, которая печаталась не так, как задумали ее авторы, — не целиком, а расчлененными частями (в предисловии ко второй части писательница А. Громова говорила о том, что невозможно определить, какая из частей, собственно, первая). Возможно, будучи опубликованной в последовательности, определенной авторским замыслом, повесть приобрела бы какое-то новое звучание, но, к сожалению, этого не произошло, и она действительно воспринималась в свое время как наиболее сложное произведение Стругацких. То есть оказалось, что эта повесть рассчитана (это подчеркивала и А. Громова) на читателя подготовленного.

<...>

Мы долго говорили с Б. Н. Стругацким о кинофантастике, ее проблемах (сейчас она пошла в гору — любители статистики насчитывают уже около восьмидесяти отечественных фильмов!). Разумеется, мы не могли обойти стороной фильм «Сталкер». Сразу выяснили, что ожидания многих зрителей увидеть экранизацию повести «Пикник на обочине» были напрасны, о чем ясно говорили титры: «по мотивам повести...». Этот фильм нелегко дался сценаристам — братьям Стругацким. Ими была проделана огромная работа — ведь тот вариант киносценария, по которому снимался фильм, был девятым! Но тройка главных героев — Сталкер, Писатель, Профессор — появилась уже во втором варианте...

<...>

Последние пять лет Стругацкие перенесли основную часть своей творческой работы из области писательской в киносценаристскую. Утверждая это, Б. Н. Стругацкий добавил, что каких-либо новых повестей они с братом не пишут. Как читателя это меня втайне огорчило. Но потом я воспрянул духом — Борис Натанович проговорился, — они всё же думают над новой повестью. А мне показалось, что наверняка и пишут. Просто, как и все писатели, они не спешат «раскрывать карты».

Что ж, нам, читателям, остается ждать. Остается ждать интересных книг любимых авторов.

<...>

Письмо Аркадия брату, 31 марта 1981, М.— Л.

Дорогой Борик!

27-го получил твое письмо от 21-го. Сейчас ты, верно, уже отправлен в санаторий. Очень надеюсь, что поправишься как надо. У меня новостей не очень.

1. Подписан договор со «Знанием», передал в бухгалтерию заявления на перевод гонорара за тебя и себя, видел оформление, весьма неплохо на мой вкус.

2. Сделал для Тарковского второй вариант сценария, опять не то, что ему снилось, пять часов проговорили, буду делать третий вариант. Кстати, он рассказывал, какой успех у «Сталкера» в Милане — очереди, и публика приветствует друг друга подъемом сжатого кулака и возгласом «Сталкер!».

3. На днях подписывается приказ о запуске в производство «Чародеев». Тоже придется слегка попотеть, ибо у начальства, да и у Бромберга есть просьбы кое-что переделать в сценарии.

4. Из Франции пришли экзы ПнО. Называется «Сталкер» и на обложке кадр из фильма.

5. Из ВААПа прислали то, что у нас называется «чистые листы» «Стажеров». Перевод хороший — всё та же прекрасная Антонина Боиз.

6. Белу Клюеву выпустили из больницы после операции, теперь ей еще отлеживаться месяца полтора-два.

7. Из ВААПа пришло извещение на гонорары из ЧССР, ГДР — 162.82, Финляндия (ПнО) — 46.48; США (П22В, ПнО, СоТ, зМЛдКС) — 190.19.

8. Позавчера закончил работу над аппаратом к своей японщине: комментарии, географический справочник, персоналии, всего на два с половиной листа. Надоело до смерти.

9. Из кино за отчетное время больше никто не обращался.

Вот всё. Привет Адке и Андрею.

Выздоравливай, твой Арк.

Невеселую тематику писем АНа того времени упоминал Геннадий Прашкевич.

Из: Прашкевич Г. Человек эпохи

<...>

А в марте 1981 года жаловался: Борис, кажется, оправился от инфаркта, сегодня должен был отбыть из больницы в санаторий, еще месяц — и, возможно, начнем снова встречаться для работы. Хотя где встречаться... Живу вчетвером с малышом в двухкомнатной, сам понимаешь, каково это. Но Бог милостив, что-нибудь придумаем. Главное, оба мы с Борисом уже старые больные клячи, в доме творчества работать боязно — без жены, чтобы присматривала за здоровьем, насчет возможных приступов и т. д.

<...>

«Из ВААПа пришло извещение на гонорары из ЧССР, ГДР — 162.82, Финляндия (ПнО) — 46.48; США (П22В, ПнО, СоТ, зМЛдКС) — 190.19», — пишет АН брату. Да, зарубежных изданий у Авторов в те годы было немало. Однако иные книги приносили Авторам не только гонорары, но и лишние проблемы. К примеру, ПНВС в нью-йоркском издательстве «DAW» вышел вот таким.

Из: Сухоруков В. «Чудеса» американских издателей

<...>

В этой остроумной, талантливо написанной книге есть и добрая шутка, и беспощадная сатира, и лукавый вымысел. А потому без улыбки читать ее нельзя.

Улыбку иного рода вызывает книга, изданная в Нью-Йорке. Прежде всего, нужно оговориться, что американский читатель знакомится с книгой, как правило, с вынесенных на обложку анонсов, которые должны, по мысли их авторов, заставить каждого покупателя приобрести книгу. А поэтому, если в романе хоть раз упоминается слово «пистолет», можете не сомневаться, что фотография увесистого кольта непременно украсит обложку. Об обнаженных же красотках и говорить нечего.

Не стало исключением из общего правила и издание повести братьев Стругацких. Кажется, что целое скопище монстров и чудовищ слетело на обложку с экранов, на которых демонстрируются фильмы ужасов. Ухмыляющиеся физиономии, оскаленные пасти, фантасмагорическое сплетение перьев, когтей, зубов — это, так сказать, дань сказочному антуражу повести. Вот тебе и веселые чудеса!

Но это — цветочки. А вот и ягодки. Броским красным шрифтом напечатан заголовок «За кулисами секретного советского института колдовства и черной магии!». И далее: «Хорошо известно, что Советы ведут секретные работы в области психической энергии, внечувственного восприятия и так называемого колдовства. Перед вами ставший по ту сторону Занавеса бестселлером роман, написанный двумя советскими учеными, которые одновременно являются известными писателями-фантастами. Этот роман — о совершенно секретном, хорошо охраняемом институте в Соловце, где ведутся интенсивные исследования по обузданию мощи черной магии, чародейства и тайн сверхъестественных человеческих способностей!»

Комментарии к этому тексту не излишни. Прежде всего, нужно отметить, что в нем нет ни единого слова правды.

И сделано это вряд ли по личному указанию главы издательства «ДАУ» (кстати, это аббревиатура его имени — Дональд А. Уолхейм). Извращение истины, откровенная ложь — старая традиция западной журналистики и книгоиздательства. И в полном соответствии с этой практикой в рекламных отделах буржуазных издательств каждый день сотнями пекутся столь же «достоверные», как и приведенный, анонсы.

Признаюсь, смутило меня и слово «занавес», вынырнувшее из давно ушедших времен «холодной войны». Но и оно органично согласуется с позицией издателей повести Стругацких в Нью-Йорке — позицией антисоветизма.

Эта формулировка расставляет все точки над «i». Становится понятным и запугивание американских читателей «сверхсекретными работами русских в области черной магии».

Всё это, впрочем, было бы смешно, если бы не было так грустно. Ведь приведенный пример со сказкой Стругацких более чем типичен. Капитализм за многие десятилетия своего существования довел до совершенства искусство извращения истины. И фантастичность издательского анонса стала намного безудержнее самой лихой выдумки авторов. Куда там магам института чародейства и волшебства!

<...>

Письмо Бориса брату, 8 апреля 1981, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо от 31.03.

Ты прав, я уже в санатории. Самочувствие ничего себе. Жду не дождусь, когда отпустят домой. Осточертели больницы и больные вокруг.

Новости от тебя мне очень нравятся. Ужасно завидую, что ты работаешь с Тарковским, а я тут прозябаю как полное г...

Петя Кадочников написал сценарий зМЛдКС. Как I вариант, на мой взгляд, вполне сойдет. Того же мнения придерживаются редактор и режиссер. Пусть теперь перепишут договор с включением третьего соавтора, выплатят 10 %, и можно двигаться дальше.

Очень хочется работать по-настоящему! Боже, неужто мы теперь до конца жизни так и будем писать сценарии?

Очень тебя прошу: пришли ценной бандеролью 1 экз французского ПнО!

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет!

Письмо Аркадия брату, 16 апреля 1981, М.— Л.

Дорогой Борик!

Получено твое письмо от 8-го. Рад, что самочувствие у тебя хотя бы и ничего себе. Боюсь только, что снова закуришь, скотина. Это было бы крайне нехорошо. А впрочем, будем уповать на милосердие Всевышнего.

Ну-с:

1. Насчет премии сообщил мне лично Сергей Абрамов, и уж извивался он, как поганая ужака под вилами, и я всё не понимал, в чем дело, пока не открылось с его слов, что есть и еще одна премия, и ее получил А. П. Казанцев «за заслуги перед советской фантастикой». Я-то по малоумию сказал было, что мне-то де какое дело, но потом сообразил, что придется при получении стоять с ним рядом и ухмыляться и еще жать ему руку... тьфу. Ну, ничего не попишешь, 24-го летим в Свердловск большой гопой во главе с Олегом Макаровым, коий является председателем жюри, и будут встречи и речи, и радио и телео, и большой шум. В этом есть хороший момент: ведь у нас в 22-м веке Свердловск — столица Федерации... И как ни говори, а первая в истории премия за фантастику — наша с тобой. (Если эти выползни не придумают какие-либо гадости, я им ни на грош не верю.)

2. Позавчера была официальная встреча с режиссером Бромбергом и с редактором, это по «Чародеям». Придется еще поработать. Правда, требуются теперь голые диалоги, да и схема, предложенная Бромбергом, по чести, лучше, чем у нас, так что не жалко.

3. Насчет Тарковского не завидуй, это очень каторжная и неверная работа, но отступать теперь я не хочу, уж с очень

большим триумфом идет по миру наш «Сталкер», только что он имел совершенно восторженный прием в Швеции. Надо бы закрепить позиции.

4. «Боже, неужто мы теперь до конца жизни так и будем писать сценарии?» — раздирательно пишешь ты, и вот тут я подхожу к главному.

Мы здесь посоветовались с семьей и приняли решение переезжать в Ленинград.

Суди сам, здоровье не позволяет нам встречаться редко и намного, а напрашивается стиль встречаться почти ежедневно часа на два-три и много и полезно трепаться. Для этого не годятся дома творчества, для этого надобно жить в одном городе. Примем во внимание, что для наших семейств (для моего, во всяком случае) нет ничего важнее нашей работы. Примем во внимание также, что Москва для меня себя исчерпала, ничего из нее я уже не смогу выжать к нашему удовлетворению, честолюбивые замыслы мои иссякли, общественный пирог мне опостылел, а таких друзей, как у тебя, у меня здесь нет — самый близкий Мирер, а и то с ним виделся в последний раз две недели назад и ничего, не страдаю. Примем также во внимание и самоочевидное обстоятельство, что и к тебе, и ко мне уже стучался солдат веслом в двери[1], и надо бы быть на всякий случай поближе друг к другу: если и не из сентиментальных соображений, то все-таки ближе тебя у меня в этом мире людей нет. Вот такие предпосылки.

Что касается практического исполнения этой мысли, то кое-что уже наклевывается, днями пошлем в Ленинград Машку на день поглядеть на предложенный вариант, утром приедет, вечером уедет, зайдет к Адке, расскажет свои

[1] Иносказание из «Дороги на Океан» Л. Леонова, образ, говорящий о смертельной болезни главного героя романа. Солдат — это Харон: «Незнакомый с бытовым строеньем древности, Курилов представил себе Харона на русский образец. С круглым щербатым лицом, в солдатских обмотках, Харон сидел на корме дырявой ладьи, подстелив под себя рядно, скручивал махорочную ножку и вонял; облезлая армейская манерка — вычерпывать, что натечет из щелей, — валялась у него в ногах» (глава «Он едет на Океан»). См. также одноименную главу «Солдат стучит веслом в куриловскую дверь» («...солдат стучал веслом к нему в дверь...», «...начался припадок... Так вот когда постучал к нему солдат!»).

впечатления, послушает советы (иф эни), заодно привезет тебе французского «Сталкера» и заберет твое письмо с твоими предложениями (иф эни), но ты ее не жди, а сразу по получении сего отправь мне письмо с ответом генеральным, возможно, есть какие-либо противопоказания, о которых я не знаю.

Засим всем приветы, обнимаю, твой Арк.

О вручении приза «Аэлита» и посещении АНом Свердловска писалось немало.

Из: Николаева Н. «Аэлита» нашла хозяев

В минувшем году журнал «Уральский следопыт» совместно с советом по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей РСФСР учредил премию за лучшее произведение в области фантастики. Начиная с нынешней весны, она будет присуждаться ежегодно. До сих пор аналогичной премии в нашей отечественной литературе не существовало, и это при самой широкой популярности данного жанра у читателей.

Как оговорено в положении о премии, она присуждается за создание произведений, получивших широкое признание, отличающихся актуальностью проблематики, новизной авторского замысла и художественного воплощения.

Было сформировано жюри, в состав которого вошли известные критики, писатели-фантасты, представители журнала — учредителя премии. Возглавил жюри летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза О. Г. Макаров. Первое итоговое решение жюри принято нынче, в соответствии с положением, к Дню авиации и космонавтики. Премия присуждена известным советским писателям-фантастам А. П. Казанцеву и братьям А. Н. и Б. Н. Стругацким.

В наш город прибыла делегация на церемонию вручения — и получения — премии. Приехали А. П. Казанцев, А. Н. Стругацкий, С. А. Абрамов — председатель совета по приключенческой и научно-фантастической литературе при

СП РСФСР, В. С. Губарев — научный обозреватель газеты «Правда». К сожалению, не смог прибыть председатель жюри космонавт О. Г. Макаров: он сейчас находится за границей.

<...>

Для лауреатов премии изготовлено в этом году два очень красивых приза из хрусталя, обсидиана, металла, символизирующих космос и мечту (авторы призов — камнерезы М. Надеенко и В. Саргин).

А вот имя призу — «Аэлита» — придумали сами читатели журнала «Уральский следопыт», где был проведен специальный конкурс.

Итак, «Аэлита»-81 уже нашла своих хозяев. Сегодня вечером в торжественной обстановке в Доме культуры «Автомобилист», куда приглашены любители фантастики Свердловска и Перми, призы будут вручены А. П. Казанцеву и А. Н. Стругацкому.

Из: Матафонов Ю. Посланцы страны фантастики

<...>

В Свердловске произошло значительное литературное и общественное событие: впервые вручены премии «Аэлита» за лучшее произведение советской фантастики, учрежденные Союзом писателей РСФСР и журналом «Уральский следопыт».

<...>

А почему премия вручается в Свердловске, разъяснил на торжественном вечере С. А. Абрамов, которому довелось этот вечер вести.

— Понятие центра фантастики, — сказал он, — ныне явно сместилось. Не только в Москве, в Ленинграде, но и в ряде других городов страны успешно работают писатели-фантасты. В том числе — в вашем Свердловске, и поэтому именно здесь несколько лет назад состоялось первое региональное совещание писателей-фантастов. В Свердловске издается «Уральский следопыт» — единственное в РСФСР регулярное издание подобного рода...

...Ну, нам, уральцам, «Следопыт» представлять, наверное, не надо. Все мы, его читатели, знаем и то, что на следопытских страницах фантастика — один из самых любимых жанров. Помимо «Уральского следопыта», ее печатают регулярно лишь «Знание — сила», «Техника — молодежи», «Вокруг света». Но «Вокруг света», к примеру, — в основном фантастику зарубежную. «Следопыт» же занимается фантастикой исключительно нашей, советской. Только за последнее время здесь напечатаны произведения писателей Москвы, Ленинграда, Свердловска, Киева, Томска... Журнал ведет читательские викторины по научной фантастике, изучает читательский спрос и читательское мнение о публикуемых произведениях.

Вот и вечер торжественного вручения литературных премий начался с экспресс-викторины, победителей которой ждали призы — книги с автографами. В президиуме вечера — дорогие гости и первые лауреаты: один из основоположников советской фантастики Александр Казанцев и Аркадий Стругацкий, который в тот день представлял известный авторский дуэт А. и Б. Стругацких, авторов многих книг. Под горячие аплодисменты вручаются призы «Аэлита» <...>.

Лауреатов приветствуют читатели, а затем с огромным вниманием слушают их выступления. Сыплются вопросы. И Аркадию Стругацкому приходится рассказать и о работе с А. Тарковским над «Сталкером», и о ближайших планах: начинаются съемки двухсерийного мюзикла «Чародей» по мотивам повести «Понедельник начинается в субботу», в работе киносценарий по «Жуку в муравейнике», а потом братья снова засядут за прозу.

<...>

Из: Бугров В. Аэлита фантастов

«В Свердловске проходил праздник фантастики», — писала «Правда» в предмайские дни.

Что это был за праздник? И почему проходил он именно в Свердловске?

<...> В нашей стране, как известно, до сих пор нет журнала, который был бы целиком посвящен фантастике: издавна его функции выполняют у нас пять-шесть журналов, с большим или меньшим постоянством печатающих фантастику. В семидесятых годах к этим пяти-шести примкнул и «Уральский следопыт». Фантастику-то он печатал и прежде, но лишь от случая к случаю, без особой любви к ней. Так, как и сейчас печатают ее многие издания, предназначенные для детей и юношества — основных «потребителей» жанра... Но вот однажды решила редакция, поближе присмотревшись к любимому чтению своих юных подписчиков, завести на страницах журнала специальный раздел, где, помимо фантастики, печатались бы систематически самые разнообразные материалы о ней. Появились в журнале викторины, ставшие ежегодными. И выявилась любопытная вещь: и в нашей стране у фантастики сформировался свой читатель. Читатель, который внимательно следит за нею, систематически прочитывает ее в журнальной периодике, стремится не упускать из виду и отдельных ее изданий и — что главное — страстно жаждет общения с себе подобными любителями фантастики, «фэнами», как называют они себя во всем мире.

Об этой феноменальной читательской жажде общения мы нередко забываем. Между тем энергия «фэнов» поистине колоссальна!

Попробуйте-ка просто так, почти единственно собственного удовольствия ради, исписать (в свободное от учебы либо работы время), 30–50 машинописных страниц, а перед тем перерыть горы книг в поисках необходимых сведений. Сможете? Сомневаюсь. А вот «фэн», одержимый страстью к фантастике, может! Проверено нашими викторинами. А ведь вопросы этих викторин совсем не обязательно — развлекательные, они могут иметь и исследовательский характер. Тем самым нашему журналу удалось как-то задействовать энергию «фэнов». Вернее, самую малую толику этой энергии...

Но, став в какой-то степени площадкой для общения любителей фантастики, журнал неизбежно должен был пойти

дальше. Мы выпустили тематический фантастико-космический номер — о нем до сих пор с тоской и восхищением вспоминают в письмах наши читатели. Провели анкету среди писателей-фантастов. В 1978 году на базе журнала в Свердловске было проведено первое в стране региональное совещание авторов, работающих в жанрах фантастики и приключений. Не без участия журнала возник региональный же ежегодник «Поиск», первый выпуск которого вышел в прошлом году в Свердловске. И наконец, по инициативе журнала, поддержанной Союзом писателей РСФСР, родилась «Аэлита» — первая в стране премия по фантастике.

Эта премия присуждается за создание произведений, получивших широкое признание, отличающихся актуальностью проблематики, новизной авторского замысла и художественного воплощения. Сформировано жюри, которое возглавляет дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт О. Г. Макаров и которое, рассмотрев произведения, опубликованные в течение предшествующих двух лет, выносит итоговое решение к 12 апреля — Дню космонавтики.

В нынешнем году лауреатами «Аэлиты» стали старейшина советской фантастики Александр Казанцев, выпустивший новый роман «Купол Надежды», и братья Аркадий и Борис Стругацкие, чья новая повесть «Жук в муравейнике» вызвала живейший интерес у любителей научной фантастики.

В последнюю субботу апреля в Свердловске состоялось чествование первых лауреатов «Аэлиты». Зал Дома культуры «Автомобилист», где проходило торжество, оказался мал и, к сожалению, не мог вместить всех желающих: посмотреть на живых классиков фантастики приехали даже наши соседи — пятнадцать любителей научной фантастики из Перми. Председатель российского совета по приключенческой и научно-фантастической литературе С. Абрамов и главный редактор «Уральского следопыта» С. Мешавкин под горячие аплодисменты вручили А. Казанцеву и А. Стругацкому почетные призы — великолепные изделия из камня и металла, выполненные уральскими мастерами...

Начало традиции положено. Теперь каждый год в апреле свердловчане будут встречать у себя лауреатов первой советской «премии Мечты».

Информация о фестивале «Аэлита» публиковалась в том же году в «Уральском следопыте» (№ 9) и в «Знание — сила» (№ 9). Немало воспоминаний вышло и гораздо позже. Среди них — мемуары главного редактора «Уральского следопыта» Станислава Мешавкина и писателя Владислава Крапивина.

Из: Мешавкин С. Мгновение протяженностью в три дня

<...>

Признаться, я долго, целое десятилетие, не решался, по этическим соображениям, доверить свои воспоминания листу бумаги и тем самым предать их гласности. У любой акции, особенно такой представительной, как «Аэлита», есть свои, так сказать, парадная и закулисная стороны, и не всегда корректно смешивать эти понятия. Преодолела мое внутреннее сопротивление мысль о том, что когда-нибудь, убежден, будет воссоздана история фэновского движения, «Аэлиты» в частности, и «закулисные» заметки очевидца о вручении первой в нашей стране НФ-премии, о ее первых лауреатах, возможно, пригодятся, да и сегодняшнему читателю, надеюсь, небезынтересны. Горькая весть о кончине Аркадия Стругацкого с новой силой вернула память к тем далеким дням...

Идея «Аэлиты» как праздника отечественной фантастики пробивала себе дорогу долго и мучительно. Не забудем, события происходили в конце семидесятых годов, в пик застоя. В партийных кругах, а именно они располагали решающим голосом, фантастику расценивали как потенциальную угрозу коммунистической идеологии, в литературных — как продукцию второго сорта. В Москве идею пробивал энергичный Сергей Абрамов, нынешний главный редактор еженедельника «Семья», я — в Свердловске. Наконец, всё определилось:

и статус «Аэлиты», и ее первые лауреаты: Александр Казанцев, братья Аркадий и Борис Стругацкие.

Гости (Бориса удержало нездоровье) приехали в Свердловск поздно вечером. На другой день я отправился в гостиницу нанести визит вежливости (а заодно покормить обедом). С обоими лауреатами до этого я лично не был знаком, хотя, естественно, знал, что их отношения трудно назвать дружескими, и следовательно, мне предстояла нелегкая роль наведения мостов. Беседа с Александром Петровичем носила преимущественно светский характер. Когда речь зашла о ресторане, он тактично дал понять, что обед дает он как лауреат «Аэлиты». Вынув бумажник, Казанцев отсчитал купюры. Грешен, я тихонько порадовался про себя. «Аэлиту» никто не финансировал, и каждый рубль был на счету.

Поднявшись этажом выше, в номер Стругацкого, я начал разговор с предложения Казанцева. Аркадий Натанович быстро отреагировал:

— А когда я смогу дать обед? Ведь мы с Борисом, кажется, тоже лауреаты?

Программу пребывания гостей я знал наизусть, как таблицу умножения, и с сожалением ответил, что, увы, такой возможности больше не представится. Аркадий Натанович нахмурился:

— Так дело не пойдет! Вы ставите меня в крайне нелепую ситуацию: Казанцев кормит меня обедом, а я его нет!

Логика в этом была, но программа есть программа, к тому же согласованная с обкомом партии! Стругацкий же и нашел выход:

— Значит, так. Прошу вас передать Александру Петровичу, что сегодняшний обед дают лауреаты, подчеркиваю, не лауреат, а лауреаты. Сколько с меня причитается?

Делать нечего — сами заварили кашу с «Аэлитой», самим ее и расхлебывать — поплелся я к Казанцеву. Не скажу, что известие его порадовало, но справедливость доводов со-лауреата он признал, сказав при этом:

— Только я очень прошу вас быть хозяином стола и первым произнести тост.

И, помолчав, тихо добавил:

— Вы же знаете экспансивность натуры Аркадия Натановича.

Этого я тогда еще не знал, но предложение посчитал разумным и, тихо ненавидя предстоящий обед, отправился заказывать столик. Уже одно то, что два писателя, два москвича не изъявили ни малейшего желания самим, хотя бы по телефону, «утрясти оргвопросы», а предпочли общаться исключительно через посредника, не вселяло оптимизма. А вечером предстоял праздник, ради которого редакция, местные «фэны» потратили столько сил и времени. Неужели всё это, зло думал я, коту под хвост? Не для того же, в конце концов, чтобы полюбоваться борьбой самолюбий двух мэтров, собрались любители фантастики!

В назначенный час я решительно занял председательское место в торце стола, лихорадочно додумывая первый и столь важный тост, когда малейшая ошибка в расстановке акцентов грозила обернуться конфликтом. Тонкость состояла еще и в том, что инициаторы «Аэлиты» сознательно пошли на то, чтобы не ранжировать лауреатов, не распределять их на первые и вторые номера, а наградить на основе паритета.

Не успел я привстать со стула, чтобы произнести вымученную речь, как из-за стола рывком поднялся Стругацкий с рюмкой коньяка в руке.

— Вы позволите? — он обратился ко мне не столько просительно, сколь неколебимо утверждающе.

Секундное замешательство... Во взоре Александра Петровича явственно читалась укоризна: «Ну что? Я же предупреждал вас...» А что прикажете делать мне? Стругацкий громадой возвышался над столом. Я молча кивнул — будь что будет! За столом воцарилась наэлектризованная тишина.

— Я был тогда пацаном, — начал Аркадий Натанович звучным красивым голосом, — но до сих пор хорошо помню, с каким нетерпением ждал заключительного звонка, а нередко и убегал с последнего урока. Дело в том, что к обеду нам домой приносили почту, в ней «Пионерская правда», в которой печатался роман Казанцева «Пылающий остров».

С продолжением, понимаете? И меня снедало нетерпение: что же дальше произойдет с героями?

Память у Стругацкого оказалась великолепной. Он приводил малейшие детали публикации, а когда затруднялся, то вопрошающе смотрел на Казанцева, и тот подсказывал ему тихим голосом. Я видел, как тают настороженность и холодок в глазах Александра Петровича, как над столом гаснут, разряжаясь, электрические заряды. С этой минуты я проникся к Стругацкому глубоким дружеским чувством. Тогда же мы перешли на «ты», и если в последующих строках я буду обходиться без отчества, то это не фамильярность дурного тона, а дружеская норма общения, которая установилась между мной и Аркадием с этого самого памятного обеда до последних дней его жизни.

В заключение своего не столь уж краткого тоста Стругацкий предложил выпить за патриарха советской фантастики, и все сидящие за столом с удовольствием отведали коньячка. Естественно, что следующим взял слово Александр Петрович. Ответная речь не была простой любезностью в духе кавказского застолья. Видно было, что старейшина писательского цеха фантастов пристально следит за творчеством братьев Стругацких и нашел точные, глубокие оценки. Он приветствовал новую волну советской фантастики, которую прежде всего и главным образом связывал с именем Стругацких. В довершение всего оказалось, что сын Казанцева, бравый морской офицер — давний поклонник Стругацкого, мечтает о книге с автографом, каковую немедленно и получил.

Словом, когда мы отправились в уютный зал Дворца культуры автомобилистов, я был твердо уверен, что торжественный вечер обречен на полный успех. Так оно и было — смело беру в свидетели всех, кому посчастливилось быть на торжествах в «Автомобилисте». Фамилия Казанцева прозвучала первой (в порядке алфавита), а призы вручали практически одновременно, в разных концах сцены, Абрамов — Казанцеву, я — Стругацкому. Лауреатов окружили теле-, кино- и фоторепортеры, выискивая различные

ракурсы. Наконец, уставшие лауреаты уселись рядышком, бок о бок, с «Аэлитами» в руках. (Пользуясь случаем, хочу письменно зафиксировать: автор эскиза приза — ныне покойный писатель Юрий Яровой, а воплотили в металл и камень камнерез Виктор Саргин и художник Михаил Надеенко.)

Оба лауреата были в ударе, охотно отвечали на бесчисленные вопросы, щедро раздавали автографы. Программа, расписанная по минутам, пошла под откос, но, слава богу, о ней никто и не вспомнил.

Накануне отъезда прощальный ужин дал уже «Следопыт». Александр Петрович ушел рано — возраст есть возраст, а Аркадий сидел до последней минуты. И видно было по всему, что сиделось ему хорошо. Где-то впереди его ждало почти безоговорочное признание, солидная материальная обеспеченность, а тогда — придирки цензуры, отказ в заграничной визе, нападки в печати. В редакции он оттаял душой, грелся теплом всеобщей симпатии.

Впрочем, был момент — мы и не заметили начальной искры — когда возник яростный спор. Со стороны это выглядело несколько даже комично. В небольшой комнатушке возвышались друг против друга Аркадий Стругацкий и Владислав Крапивин. Оба крупные, стояли, по-бычьи наклонив головы. Быстро выяснилось, что, собственно, предмета стычки и не было, скорее, всё объяснялось поговоркой: «Сошлись два медведя в одной берлоге». Недоразумение закончилось брудершафтом, и зазвучала песня. Смею полагать, что «следопыты» знают толк в песнях, но и мы были удивлены, сколь оригинальным оказался репертуар Аркадия. Звучным баритоном, заполняя всю комнату, он пел старые солдатские песни. Грустные, озорные, бравурные...

Ранним утром мы стояли в аэропорту небольшой кучкой и вяло перебрасывались ничего не значащими фразами — спать пришлось всего два часа, к тому же не успели позавтракать. Вдруг через толпу провожающих пробилась группка женщин. Наши, «следопытки»! Оказывается, они вообще не спали, готовили завтрак к отъезду гостей. В руках у них термосы с кофе, бутерброды, бутылка коньяка и... крашеные

яйца — «Аэлита» совпала с пасхой. Усталость как рукой сняло — мы даже пожалели, что слишком рано, по нашему общему мнению, объявили посадку. Казанцев, свойственно его характеру, попрощался очень дружественно, но корректно. Аркадий и тут проявил «экспансивность своей натуры». С каждым расцеловался, а с женщинами, растроганный, трижды (в дальнейшем не припомню случая, чтобы он в конце телефонного разговора обошелся без просьбы передать глубокий поклон «милым славным следопыткам и моему другу Славе Крапивину»).

...Идиллия на то и идиллия, что ее существование фантастически скоротечно и она умирает, едва успев народиться. Не прошло и месяца, как позвонил Аркадий. Он сослался на какие-то упорно ходящие по Москве слухи, что Казанцев якобы утверждает, будто он является первым лауреатом «Аэлиты», а братья Стругацкие идут под номером вторым. Вскоре такой же звонок, только с обратной расстановкой акцентов, последовал от Казанцева. Оба просили сделать гравировку (чего редакция в спешке не успела) и на пластинке проставить порядковый номер. Мы накоротке посовещались, будучи, честно говоря, готовыми к такому повороту событий, и я сообщил обоим твердое решение редакции: промашку исправим, но на каждой пластине будут четко (через дефиску) проставлены одни и те же цифры: «1–2». А уж они там, в Москве, пусть разбираются, кто из них первый, кто второй. Оба лауреата больше не настаивали на своем предложении.

Но не хочется заканчивать заметки на грустной ноте. А ведь был, состоялся же он, первый в нашей стране праздник фантастики! Это сейчас, и слава богу, проходят всеразличные фестивали, слеты, а тогда Свердловск впервые собрал под своей крышей представителей многотысячного племени фэнов.

И героями этого праздника, его душой, были лауреаты. Они проявили лучшие свои человеческие качества, сумев встать выше — над! — суетной московской молвой и мелкими страстями. Произошла на радость почитателям НФ стыковка поколений, двух крупных писателей, каждый из которых,

в меру таланта, вписал свое имя в историю советской фантастики. Воспроизводимый журналом снимок документально свидетельствует: лауреаты не позируют, сидя рядком да ладком, им уютно вместе, они улыбаются.

Три дня — мгновение в человеческой жизни. Но если они предельно насыщены высокими чувствами и мыслями, то западают в память на всю жизнь.

<...>

Из: Крапивин В. След ребячьих сандалий

<...>

Сейчас отношение к Александру Казанцеву, патриарху нашей фантастики, разное. Кто-то по-прежнему хвалит, кто-то пренебрежительно оттопыривает губу. А я благодарен ему всем сердцем за книги, которые в детстве уводили меня в распахнувшиеся фантастические пространства, полные великих преобразований и не менее великих тайн. И думаю, у множества читателей моего поколения найдутся для Александра Петровича добрые слова.

Нашлись они и у Аркадия Натановича Стругацкого, хотя были люди, которым почему-то хотелось столкнуть друг с другом (хотя бы заочно) А. Казанцева и знаменитых братьев-фантастов.

В 1981 году, когда «Уральский следопыт» присуждал первую премию «Аэлита», были выбраны сразу два лауреата. Даже три: Александр Казанцев и братья Стругацкие. В этом была немалая мудрость — проявить признание и благодарность известным авторам разных поколений. Но мельтешили среди участников праздника юные прыщеватые «фэны», которые азартным полушепотом сообщали друг другу, что «Аркадий в своем выступлении врежет старикану за его старомодные книженции». Аркадий Натанович вышел на сцену и сказал, с каким интересом читал в юности романы Казанцева и как благодарен ему за эти книги.

Наверно, Аркадий Натанович далеко не всё принимал в творчестве и позициях старого писателя, но благодарность

его была искренней. К тому же А. Стругацкий был истинный интеллигент, человек с громадной внутренней деликатностью.

Впрочем, деликатность не помеха простоте и непосредственности. В этом я убедился в тот же день. Точнее, вечером, когда в редакции отмечали завершение праздника. Отмечали шумно и неофициально. Здесь-то и состоялось наше близкое знакомство с Аркадием Натановичем. Близкое в прямом смысле, ибо мы стукали друг друга животами.

Живот у меня был в ту пору не тот, что нынче, но всё же, как говорится, «имел место». У Аркадия Натановича комплекция тоже «вполне»... Совершенно не помню, о чем мы поспорили, что не поделили, поскольку перед этим «попраздновали» уже изрядно. Запомнилось только, что мы, поддавая друг друга упругими округлостями животов, ведем разговор примерно такого содержания: «...А ты кто такой?» Нас быстренько и деликатно развели, вскоре уже мы рядышком подымали фужеры во славу отечественной фантастики и Аркадий желал мне поскорее тоже стать лауреатом «Аэлиты» (что я и исполнил через два года).

После этого наши отношения были самыми добрыми. Встречались мы не часто, но перезванивались, посылали друг другу книжки.

<...>

Одним из результатов поездки явилось интервью, взятое у АНа в Свердловске редактором Средне-Уральского книжного издательства А. Матвеевым и опубликованное 6 июня в газете «Вечерний Свердловск».

АНС. О настоящем — ради будущего

Братья Стругацкие. Больше двадцати лет мир читает их книги. И это не оговорка — именно весь мир: во Франции и Чехословакии, Соединенных Штатах Америки, да, пожалуй, везде, где люди научились складывать буквы в слова. Чем вызван такой интерес к этим людям, чьи имена стоят

сейчас рядом с именами Ефремова, Брэдбери, Саймака? Стругацкие — действительно писатели мирового масштаба, их волнуют проблемы глобальные как в нравственном, так и в социальном отношении, и поэтому, разговаривая с нашим корреспондентом, Аркадий Стругацкий вел беседу в самом широком плане, касаясь и проблем мировой литературы.

> «...И, наконец, есть люди, которые живут будущим. В заметных количествах они появились недавно. От прошлого они совершенно справедливо не ждут ничего хорошего, а настоящее для них — это только материал для построения будущего... на островках будущего, которые возникли вокруг них в настоящем... Они умны... Они чертовски умны в отличие от большинства людей. Они все как на подбор талантливы... У них странные желания и полностью отсутствуют желания обыкновенные...»
>
> (А. Стругацкий. Из разговора[1].)

Мы сидим с Аркадием Натановичем Стругацким в его небольшом скромном номере на четвертом этаже гостиницы «Свердловск». Для меня это довольно странно — сидеть вот так, рядом, с человеком, чьи книги, написанные им вместе с братом Борисом, стали для моего поколения своеобразным эпосом, на котором мы выросли. Были буквари — «Страна багровых туч», «Стажеры». Были сказки и первые учебники — «Понедельник начинается в субботу», «Трудно быть богом». И целая череда книг иного, высшего порядка — «Хищные вещи века» и «Второе нашествие марсиан», «Пикник на обочине» и «Улитка на склоне», «За миллиард лет до конца света» и, наконец, «Жук в муравейнике». Тот самый, за который журнал «Уральский следопыт»

[1] На самом деле это цитата из запрещенной в то время повести ГЛ.

присудил братьям Стругацким приз «Аэлита» как за лучшее произведение советской фантастики 1980 года.

Итак, за окном — непогода, а в номере тихо и уютно, и один-единственный вопрос задаю я Аркадию Натановичу в нашей беседе:

— Аркадий Натанович, в чем она, миссия писателя в современном мире?

— Только не в нравоучительстве. Это, конечно, заманчиво: сидеть в кресле в кабинете и чему-то учить. Какие бы идеи, какие бы нравственные и моральные ценности ни исповедовал писатель, он должен соизмерять их с действительным миром, с реальными, живыми проблемами. Но раз он писатель, так его дело — это еще и писать. Писать, обращаясь как можно к более широкому кругу читателей, писать увлекательно, занимая. Есть, конечно, снобы, которым милее всего наслаждаться прустовским «По направлению к Свану» или же французским романом «Искусство наслаждения», герой которого на протяжении где-то около пятисот страниц разговаривает с канарейкой[1]. Но таких даже не стоит брать во внимание. Писатель — проводник идей. Они могут быть его собственными идеями, могут быть идеями, внушенными ему кем-то, но идеями, добрыми, злыми, ради хорошего или плохого, это уже иной аспект, но идеями. И вот их-то, эти идеи, писатель и должен донести. Нам в нашей работе, когда это касается наших собственных идей, проще делать в форме фантастики, хотя какая это фантастика, ведь речь всегда идет о делах земных, о наших с вами делах.

Мы просто берем ампулу мысли, покрываем ее шоколадом увлекательного сюжета, обертываем в золотую или серебряную фольгу вымысла и — кушайте на здоровье. Кто-то

[1] Отсылка к роману В. Кожевникова «Щит и меч»: «Книга эта оказалась французским романом, изданным в 1902 году на немецком языке в Мюнхене. Называлась она «Искусство наслаждения». Но ничего фривольного в ней не содержалось. Автор обстоятельно описывал жизнь пожилого холостяка, который приговорил себя к добровольному заключению в своей комнате. Единственным живым существом, с которым он позволял себе общаться, была канарейка. Беседы с этой птичкой и составляли суть повествования» (кн. 1, гл. 25). Описан роман франц. писателя и философа Ж. Ламетри «L'Art de Jouir» (в немецком переводе «Die Kunst, Wollust zu empfinden»).

просто получит приятные эмоции, а кто-то вдруг возьмет да и поставит себя на место того же Руматы Эсторского или Рэдрика Шухарта, но вывод из ситуации должен делать сам, ведь ответов-то мы не даем. Это не наша прерогатива — давать ответы. Писатель будоражит, подстрекает, иногда увлекает в ловушку, но остальное — дело читателя...

Нельзя сказать, что писатель в современном мире — это всегда его совесть или предсказатель будущего. Даже утописты это будущее не предсказывали. Они писали мир, в котором или хотели жить (Ефремов), или нет (Хаксли), но не больше. Писатель, в основном, предостерегает. Предостерегает и смотрит чуть дальше, чем многие его современники, ведь работает он иными инструментами, чем физики, скажем, или геологи. У меня много друзей-геологов. Они часто приезжают и рассказывают удивительные, действительно фантастические истории. Я слушаю и поражаюсь, но знаю, что во многом смотрю дальше их, хотя мой инструмент и менее точен, но этот инструмент прежде всего — интуиция. Ей надо верить, по крайней мере тогда, когда речь идет о предостережении. Поэтому, например, гениален Уэллс. Его «Человек-невидимка» — ведь это самая сильная антимещанская книга, когда-либо написанная человеком. Но она воспринимается так сейчас, а в свое время... Да что «Человек-невидимка», если и «Война миров» воспринималась когда-то как книга о завоевании индейцев Америки жестокими европейцами. Смешно? Да. Но и печально.

Но писатель должен и бороться, и отстаивать победу, верить в конечную победу разума над мраком. Моральные и нравственные понятия меняются, мир стал неизмеримо сложнее, взять те же категории добра и зла в современном понимании по сравнению с библейскими. Добро в понимании Адама и Евы, зло в их понимании, грех, ими совершенный, и — грехи, добро и зло современного мира. Главное зло для меня — это нелюбовь к прогрессу, нежелание правды, инертность мышления, хотя я сам в быту, к примеру, человек очень консервативный. Но ведь быт — это практически ничто. Наши потребности — они порождены цивилизацией.

Мы покупаем множество абсолютно ненужных нам вещей, курим, пьем водку. И это — потребности? Потребность потребления — есть ли что более страшное, хотя у нас, к счастью, оно не достигло того уровня, как на Западе, но опасность очень велика. Суетность убивает. Это не значит, что надо лишь предаваться абстрактным раздумьям о судьбах мира. Человек, прежде всего, должен быть одет, обут и сыт, но при этом он должен помнить, что он Человек, должен идти вперед, а не стоять на месте. Я верю в человека. За какие-то шестьдесят лет мы достигли феерически многого, а сколь многое нам мешало? Войны, те или иные перегибы... Да и сейчас, когда мы вступили в то, что называют веком НТР, — готовы ли мы к нему? На складах ржавеют импортные вычислительные машины, а люди брякают костяшками счетов. Им так удобнее? Нет, привычнее, а привычка, порожденная цивилизацией, — это страшно... Дело писателя — говорить об этом. В любой форме, в том числе — и научной фантастики. Нас, к примеру, часто спрашивают, почему в наших книгах так много крови, много войны. Но ведь война — это единственное, что может помешать естественному, диалектическому развитию общества. И пишем мы об этом не только потому, что на себе знаем, что такое кровь, взрывы, холод и разруха. Пусть ощутит это новый, молодой читатель, ощутит без прикрас, и не войну прошлого, а ту, что возможна — с нависающими грибами и радиоактивными пустынями. А умение написать, передать — это уже ремесло, ведь писателем мало называться, надо уметь и писать, то есть владеть ремеслом, владеть ради убеждения, пусть и в рамках острого, фантастического сюжета.

Отсюда недалеко, как вы сами понимаете, и до одной из главных проблем, проблемы воспитания. Настоящего, коммунистического. Но мы не философы и не социологи, предлагать реформы — не наша задача. Что вы думаете: пришли к Стругацким, и они на всё ответят? Если бы так. Мы бы сами хотели, чтобы кто-нибудь нам ответил, так что остается одно: думать и еще раз думать, ненавидя ложь, ханжество и фарисейство, борясь с мещанством и тупостью, веря

в будущее человека. Каждый писатель живет в свою эпоху, но должен смотреть чуть вперед, работать не только на настоящее, он должен забрасывать мины сомнения и надежды в будущие поколения, ведь мы — лишь предыстория... И не надо бояться иронии, скепсиса, жестокой усмешки. В анналах русской культуры Гоголь и Щедрин, Достоевский с его «Бесами». Они не боялись взять что-то, никогда не подвергавшееся сомнению: а вдруг это «что-то» не так? И будущие поколения говорят им спасибо. Хотя засомневались из сотен тысяч несколько, как один из всех засомневался Эйнштейн в том, что же это действительно такое — пространство и время. Почки старых понятий лопаются, и писатель — один из тех, кто должен сдирать шелуху старого, пусть даже новое будет приятно далеко не всем...

...А потом Аркадий Натанович рассказывал о своем последнем переводе с японского — это роман неизвестного автора XIV века «Сказание о Ёсицунэ». Говорил о книгах, написанных братьями Стругацкими и не ими, но без которых они — как люди и как писатели — были бы гораздо беднее. И звучали имена Толстого и Булгакова, вновь Достоевского и Щедрина, Фолкнера, Акутагавы и многих, многих других. И кончилась непогода, появилось солнце, и казалось, что вместе с его лучами в комнату вошли и герои книг, созданных братьями Стругацкими: Румата Эсторский и Саша Привалов, Кандид и Перец, Маляев[1]*, Странник, неутомимый Горбовский, Бойцовый Кот Гаг, Малыш и тот самый странный прогрессор Лев Абалкин, жук в муравейнике, который по вине монетки (упади она орлом, а не решкой) мог оказаться хорьком в курятнике. А вслед за ними влетали иные тени — бесплотные, бестелесные, безымянные. Когда же у них появится плоть и тело, когда они обретут имена, Аркадий Натанович?*

7 мая сценарно-редакционная коллегия «Ленфильма» сообщает Авторам свое решение по сценарию ЗМЛДКС.

[1] Вероятно, Малянов.

Из архива. Заключение на сценарий ЗМЛДКС

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Редколлегия объединения 7 мая обсудила Ваш сценарий. Еще до обсуждения мы выработали с Вами подробный план дальнейшей работы, поэтому обсуждаемый сценарий был принят в качестве 1-го варианта.

Нам понятно Ваше стремление сделать эту философскую притчу драматургически напряженной, увлекательной для будущего зрителя. Но, с нашей точки зрения, Вы избрали для этого неверный путь. Линия «расследования» следователя Зыкова, во-первых, бессодержательная; во-вторых, создана по заранее ложному поводу; в-третьих, стоит далеко в стороне от настоящего расследования, составляющего самую суть содержания будущего фильма. Расшифруем наши утверждения. О бессодержательности этой линии, как мы полагаем, Вы догадаетесь, еще раз внимательно прочитав все эпизоды с Зыковым. Ложным для восприятия читателя, а потом и зрителя, будет расследование по поводу «убийства» Снегового, потому что все герои — Малянов наверняка, и Вайнгартен и Вечеровский — быстро, в пределах экранного времени, поймут, что это с а м о у б и й с т в о . Если же Вы заставите их д о л г о сомневаться в этом, то всё поведение их окажется по меньшей мере странным: как это люди ведут себя подобным образом, если кто-то убил знакомого, или, во всяком случае, рядом живущего человека. Следовательно, все усилия Зыкова по «расследованию» будут для зрителя фиктивными. Третье, и самое главное. Настоящий «детектив» содержится в самом сюжете Вашей повести, которую Вы экранизируете: это выяснение героями — и прежде всего, Маляновым — ч т о происходит и к а к и е силы за этим стоят. Не меньшее, а даже большее драматическое напряжение начнется и тогда, когда, осознав опасность, герои с т а н у т в ы б и р а т ь линию поведения, а в сущности, определять всю свою дальнейшую судьбу, всю свою жизнь до конца дней – задолго до отпущенного миллиарда.

Наибольшая привлекательность Вашей повести — это обычное течение жизни, в которое вклиниваются поначалу

тоже обычные происшествия. Ну, что странного в том, что принесли заказ из «Гастронома», или что с запиской жены приехала ее подруга и поселилась на несколько дней? Вроде бы — ничего. В такого рода событиях, постепенно нарастающих, приводящих почти к ужасу, — самое настоящее напряжение и, на наш взгляд, занимательность жанра фантастики. При этом только в этой повседневности, похожести, узнаваемости существования героев и состоит настоящий контакт читателя-зрителя, его способность сопереживать, применять к себе сходные обстоятельства и — вместе с героями делать выбор, чрезвычайно существенный для нашего с Вами современника.

Как же, по нашему мнению, и на чем Вы должны строить сюжет? Так, как в повести: Малянов проходит через сумму испытаний, всё более и более серьезных, и в конце концов признает себя побежденным. Почему? На этот вопрос не дает полного ответа и повесть. Это предстоит придумать. Телеграмма о сыне — как нам кажется, прием запрещенный: вероятно, каждый поступил бы так же. Может быть, это любовь? Только не в виде развлечения с женщиной-вамп (тут-то Малянов должен устоять, иначе его не стоит пугать дальше), а с собственной женой Ирой. Ведь бывают же, согласитесь, случаи, когда муж и жена любят друг друга (последнее утверждение мог бы сделать Вайнгартен!). И, наверное, сложно и даже мучительно подвергать опасности любимого человека, даже если он согласен эту опасность с тобой разделить.

Теперь о героях. Наибольших усилий потребует от Вас главное действующее лицо — Малянов. Здесь Вам тоже предстоит придумывать и писать много заново. Происходит это оттого, что в повести Малянов выступает в роли рассказчика, даже, скорее, автора «рукописи, найденной при странных обстоятельствах». Самоирония, заключенная в прозаическом тексте, норма и пики его душевного состояния не могут без изменений, трансформации перейти в драматургическую форму. В настоящем варианте сценария это очень заметно: Малянов превратился в маловыразительную

фигуру, лишенную глубины натуры. За таким героем, согласитесь, следить неинтересно.

Предстоит еще и еще раз продумать, ч т о все-таки за силы действуют на вполне земных героев. Назовите их, как Вам только понравится (одно ясно, что это никакая не земная организация — тут следователь Зыков, его краткие действия могли бы недвусмысленно дать это понять). Но, как нам кажется, из разнообразных догадок, вполне закономерных тогда, когда герои только стараются прийти к какому-то предположению, в финале должно прийти однозначное решение: это то-то и то-то.

Во время обсуждения было высказано много частных соображений, о которых Вам расскажет редактор в личной беседе.

Учитывая большой объем предстоящей работы, а также то обстоятельство, что Вы, Борис Натанович, еще далеко не оправились от тяжелого заболевания, мы предоставляем Вам большой срок для завершения сценария — до 25 сентября с. г.

Уверены, что работа будет успешно завершена, желаем Вам обоим только доброго здоровья и еще раз здоровья.

Главный редактор 1-го творческого объединения Ф. Гукасян

Редактор С. Пономаренко

АН в это время решает не работать более с Андреем Тарковским.

Из: Тарковский А. Мартиролог

<...>

8 мая 1981

Был у Аркадия Стругацкого. Решили бросить «Ведьму». А. говорит, что плохо себя чувствует, что ложится в какой-то кардиологический институт, где ему, «конечно, не разрешат работать». Жалко мне его; но и он вот уже четыре месяца морочит мне голову. Плохо себя чувствует, но пьет и еще хочет добиться толка в работе. Не будет толка, конечно.

<...>

«Ведьму» буду писать сам.

NB. «Ведьма»: Калягин должен быть бедный, оборванный, небритый, жалкий и счастливый (никто не понимает почему).

<...>

5 июня 1981

<...>

Мне почему-то кажется, что А. Стругацкий не случайно расторг со мной рабочее содружество. Ему показалось, видимо, что общение со мной им чем-то угрожает. Никогда не забуду, как он примчался ко мне выяснить денежные свои (наши) дела, когда узнал, что у меня инфаркт.

<...>

Письмо Бориса брату, 15 июня 1981, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Вот собрался наконец тебе написать, хотя писать, собственно, по-прежнему не о чем. Вот получил давеча деньги из «Знания» — 821 ряб. Извещение из ВААПа пришло насчет чеков из ФРГ, Франции и США всего на 512. Если умножить на 4.6, получается вполне приличная сумма...

Кстати. Просьба. Свяжись-ка ты с ВААПом и попроси их выяснить, где экзы следующих изданий:

ФРГ	УнС	деньги получали уже дважды
США	ДР, ВНМ	« — »
ФРГ	зМЛдКС	деньги получили в прошлом году
Финляндия	ПнО	деньги получили недавно
Франция	зМЛдКС	деньги получили в прошлом году
Швейцария	зМЛдКС	деньги получили в позапрошлом году
Португалия	ТББ	« — »

Это — для начала. Пусть выяснят.

В остальном бездельничаю. Вяло занимаюсь сценарием зМЛдКС. Пишет его Петя Кадочников, а я только даю ЦУ. Однако же вот-вот придется-таки приводить в движение руку мастера. Жутко неохота! Сценарии все эти заср... Романы надо писать, а не сценарии! Правда, кто их будет печатать?

Тут при слухе о твоем переезде все страшно оживились и начали строить планы. Я имею в виду собратьев по секции во главе с Евгением Павловичем[1]. Я, правда, все их восторги сразу же охладил, сказавши, что всё это вилами по воде... Разумеется, мне не поверили. Представляю, какое разочарованное «У-у-у!» сейчас раздастся! А может, ты все-таки потом соберешься с духом и займешься этим делом снова — не спеша, спокойненько, хладнокровно... Как врач советовал моему соседу по палате: «Половой акт? Да, можно... Но, знаете ли, так — спокойно, без эмоций...» Съехаться бы надо. Это, понимаешь ли, объективная необходимость.

Слушай, а нельзя пустить подзаголовком к ОуПА — «Дело об убийстве»? Я был бы очень рад. А?

Как там Мирерà? Манин? Ревич? Процветают, небось, без всяких стенокардий! Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Ужо, даст бог, приедем к вам числа 11-го — всех повидаем. А может, и НЕ повидаем. А посидим на кухне, попивая чаек (коньячок?) и почесывая языки...

Ладно.

Обнимаю тебя, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машеньке — привет!

Письмо Аркадия брату, 22 июня 1981, М.— Л.

Дорогой Боря!

Получил твое письмо от 15.06.

Особых новостей нет. Жара удручающая, все полуголые и потные. Занят тем, что вяло переругиваюсь с т/о «Экран»

[1] Брандис Евгений Павлович, критик, библиограф, литературовед.

Центрального телевидения. Не желаю я писать им новый сценарий по бредовым разработкам моего режиссера, а платить они должны 30 августа, а приказ на запуск в режиссуру уже есть, и там вялая паника, а у меня вялое неудовольствие. Впрочем, подробности при встрече.

С ВААПом по экзам связываться бесполезно. Во-первых, пробовал и безрезультатно и раньше, во-вторых, Бела всё еще болеет, когда выйдет — никто пока не знает. Ясно только, что выяснять они ничего не будут. По такой-то жаре! Да ты что?

Насчет нашего переезда в Ленинград. Объективная-то она необходимость есть, да мне ее не одолеть. Здоровье, братец, не то. А я понюхал здесь, чем это пахнет — контейнеры, упаковки, да там еще ремонт, да здесь еще бумаги грязные всякие, и жаждущие хари... Нет, не судьба.

Мирерà в ажитации по поводу рождения у Лидки ребенка.

У Манина жена в больнице.

Ревича не видел года два, а Танька тоже в больнице <...>.

Словом, приезжайте, как пожелаем, так и будем. Чаек, коньячок и всё, что потребуется.

Насчет подзаголовка к ОуПА спрошу, но вряд ли. Оформление-то давно готово и утверждено.

Обнимаю, жму, твой [подпись]

Приветы Адке и Андрею.

28 июля 1981 года датированы наброски статьи АБС для «Литературной газеты», но не были тогда опубликованы.

АБС. «Собратья по перу, издатели, читатели...»

<...>

Нам частенько говорят:

— Знаете, мой сын без ума от ваших книг. Все как есть прочитал. Сам я эту фантастику не люблю, но вот сын!..

Считается, что это комплимент. И одновременно — героическое признание, вызов на откровенность. «Сам я эту фантастику не люблю...» — «Да, да, я тоже, знаете ли, больше люблю зазорные открытки смотреть и кошек мучить...»

Впрочем, мы радуемся. Сын все-таки без ума. Или там дочь. Прогресс, ребята, движется куда-то понемногу[1].

Вообще, у нас впечатление, что если бы не эти сыновья и дочери, нас бы не издавали. Представляется такая картина. Сидит у себя дома за ужином издательский работник, превеликого ума человек, с хроническим гастритом от воздействий Госкомитета по печати. Пьет он чай и жалуется внимательной супруге:

— Нынче Стругацкие рукопись принесли. Экие наглецы! Давно ли я за порнографию выговор получил, так теперь только Стругацких мне и не хватало...

И тут подает голос сын — длинноногий, в очках и с сигаретой, — лениво листавший «Огонек» в углу на диване.

— Прости, старик, но ты — дубина. У нас в классе (а еще лучше — на курсе, а еще лучше — в цеху) все от Стругацких без ума. И если ты посмеешь их не издать, я тебе...

Следует сцена. Возможно, даже не без валидола. Но старику-дубине деваться некуда. Он соглашается держать мазу за Стругацких, выговорив себе право отдать их рукопись на рецензию.

Забавно, что если в этой картине есть хоть намек на правду, тогда мы тут имеем единственный известный нам случай воздействия читателя на издателя.

«Литература — жизнь моя».

Любят-таки наши газетчики лихие названия. «На турнирной орбите». Почему на орбите? Вокруг чего (кого) орбита? В воображении возникает спецкор, который с жужжанием несется по эллипсу вокруг шахматного столика и творит чего-то профессионального[2]. Или «Спортивные меридианы»... Конечно, космический век, эпоха НТР, и вообще, по одежке протягивай ножки... Со временем уровень образованности у газетчиков повысится, и будут у нас «Судебные эклиптики», «Параллаксы канализации» и даже какие-нибудь «Морально-нравственные арктангенсы».

[1] Строка из песни Ю. Кима «Посвящение Петру Якиру» («Четырнадцати лет пацан попал в тюрьму»).

[2] Перифраз из фельетона И. Ильфа и Е. Петрова «Пташечка из Межрабпомфильма»: «Батрачка Ганна кует чего-то железного».

Впрочем, «Литература — жизнь моя» — совсем иное дело. Название рубрики отдает веской, десятилетиями выверенной солидностью. Но от этого не легче. Что, собственно, имеется в виду? Что вся жизнь писателя сосредоточена в писательстве? Так это же неверно. У нас семьи, у нас дети и внуки, мы копим на кооперативную квартиру, мы коллекционируем марки. Не говоря уже о том, что мы с неизбывным и пристальным интересом следим за тем, что творится в нашей собственной стране и за ее пределами, да еще угроза атомной войны, да еще экологический кризис, да мало ли что еще! Нет, не можем мы сказать, что вся наша жизнь сосредоточена в писательстве. Не бывает таких писателей.

Следовательно, смысл названия рубрики в чем-то другом. Для простоты предположим, что речь должна идти о примате профессиональных литературных интересов в повседневной жизни литератора или, точнее, в его повседневном труде. Тогда от писателя, выступающего под этой рубрикой, ожидаются, как минимум, его впечатления, сложившиеся в ходе его многолетней работы, от собратьев по перу, от издателей и читателей.

(Конечно, название «Литература — жизнь моя» можно истолковать и иначе. Например, что больше всего на свете я люблю хорошую литературу. И пуститься в длинные рассуждения о том, как и почему хорошая литература важна в жизни народов. С соответствующими примерами из учебников для педвузов. Но с такими рассуждениями, как ни велика их ценность, может выступить и достаточно квалифицированный читатель, а мы все-таки писатели, от нас требуется взгляд «изнутри».)

Из интервью (по магнитофонной записи):

— Кого из писателей, русских и иностранных, вы считаете своими учителями?

— Учители писателя — это из речей на торжественных заседаниях. Переформулируйте вопрос.

— Сейчас... Так. Кто из писателей, русских и иностранных, более всего, по вашему мнению, оказал влияние на

формирование ваших литературных интересов, языка, стилистики и так далее?

— Влияние на формирование... Впрочем, понятно. Именно «по нашему мнению», это вы правильно вставили. Пишите: Алексей Толстой, Гоголь, Салтыков-Щедрин. Проза Пушкина. Затем, значительно позже, Достоевский. В определенной степени Леонид Леонов, его «Дорога на Океан». Головой в небеса упирается для нас Булгаков, он мог бы здорово повлиять на нас, но нам его дали слишком поздно. Из иностранцев — Диккенс, Уэллс, конечно, Чапек, Акутагава, Хемингуэй, Фейхтвангер. Немного и кратковременно Кафка. А на сюжетную смелость нас поощрил пример Ефремова и Станислава Лема.

Два неотвязных и отвратительных призрака бродят со стенаниями по тучным нивам фешенебельных издателей, критиков и педагогов. Наиболее фешенебельные, во всеоружии доскональных знаний литературы и массовой психологии девятнадцатого века, полагают даже, что имеет место один призрак о двух головах: это где про марсиан и про сыщиков. Наименее фешенебельные, по неграмотности и отвращению к читателю и ученику, слепо следуют этому убеждению — тем-де, которые со званиями и в столицах, гораздо более виднее.

Впрочем, действительно, деваться некуда. В детективах действуют сыщики, а фантастика описывает марсиан. Оставим пока в стороне фантастику: известно, что у Гоголя, Булгакова и Маркеса марсиан не случается, и вообще, фантастика — это не тема, а СПОСОБ ДУМАТЬ, как счастливо выразился кинокритик В. Кичин[1]. Но почему — при прочих равных условиях — тяжкие усилия делового человека внедрить бригадный подряд, или заставить бригаду отказаться от премии[2], или совершить еще что-то нужное (не говоря уже о вечной теме, может ли мальчик дружить с девочкой, и если может, то как родители отнесутся к внуку), — почему фешенебельные издатели,

[1] Кичин В. Обитаемый остров. Заметки о кинофантастике // Литературная газета (М.). — 1980. — 25 июня. — с. 8: «...фантастика — это вовсе не возможность выдумывать. Это способ думать».

[2] Отсылка к сюжету пьесы А. Гельмана «Премия».

критики, педагоги признают такие темы достойными литературы, а интересный труд сыщика — нет?

Произведем эксперимент. Гражданин Икс известен как любитель детектива. Гражданин Игрек известен как любитель лирической поэзии. Гражданин Зет известен как любитель производственной темы. Кому из троих вы доверили бы свой кошелек? За кого согласились бы отдать свою дочь? Кого выдвинули бы в депутаты местного Совета?

А мы любим детектив. Мы бросаемся на детективную книжку, где только ее видим. И мы знаем очень многих очень уважаемых людей, которые любят детектив и не стыдятся этого. Черт бы побрал всех фешенебельных скопцов и ханжей! Это из-за них у нас так мало хорошей детективной литературы. И даже плохой мало.

Есть еще один, более частный вопрос, на который мы, как ни старались, не смогли найти ответа. Кто впервые спарил детектив с фантастикой? Рабочая гипотеза. Должно быть, в незапамятные времена некий головастый социолог вдруг обнаружил, что фантастические похождения сыщика Ната Пинкертона пользуются наибольшим спросом у тех гимназистов, которые не смогли одолеть «Князя Серебряного»[1]. Обнаружил, сформулировал и опубликовал. Прошли годы, прогремели войны и революции. Давно уже числятся в классиках Уэллс, Чапек и А. Толстой, давно уже считается неприличным не знать Коллинза, Честертона и Конан Дойла, давно уже фантастику и детектив объединяет только огромный интерес к ним десятков миллионов читателей, а формула «фантастический сыщик» всё еще прочно сидит в головах г.г. фешенебельных. В результате, между прочим, уродливый гибрид в системе нашего Союза писателей: Совет по приключенческой и научно-фантастической литературе.

Нам нравятся наши читатели. По крайней мере, большинство из них.

Мы встречались с ними лицом к лицу в школах, институтах, библиотеках, в Политехническом музее, и это были

[1] Повесть А. К. Толстого.

далеко не самые тяжелые, хотя и далеко и не самые легкие часы в нашей жизни. Почта наша не очень обширна, 10–15 писем в месяц, но иногда она приносит нам статьи и целые трактаты о современной фантастике, и мы с удовольствием отмечаем, что они на много голов серьезнее и глубже, чем те немногие работы профессионалов-литературоведов, которые иногда и вразнобой появляются на свет. Уже мало кого интересует наше мнение о летающей посуде и Бермудском треугольнике. Они делятся своими предположениями о природе социального прогресса, предлагают новые темы и сюжеты, просят совета, излагают грандиозные гипотезы относительно глубочайших тайн мироздания, а также ругают нас за то, как мы распорядились судьбой наших героев. В сложные для нас годы, когда в прессе шельмовали наше творчество, читатели писали нам, призывая держаться, а также слали нам копии (умницы!) своих негодующих писем в редакции.

Мы довольны нашими читателями. И мы гордимся, что нужны им. Насколько мы можем судить по письмам, это школьники, студенты, научные работники, инженеры и квалифицированные рабочие, военнослужащие, сельская интеллигенция. Случаются (редко) партийные и комсомольские работники.

В. Орлов, автор известного романа «Альтист Данилов», сказал нам:

— Надеюсь, вы не причисляете меня к вашему клану?

Чтобы не врать зря, мы ответили уклончиво. Впрочем, мы понимаем его позицию: назови он свой роман фантастическим, «Новый мир» трижды подумал бы, прежде чем принять его к публикации. Всем нам, советским читателям, здорово повезло, что великий Булгаков не назвал «Мастера и Маргариту» фантастическим романом.

Наука утверждает, что на заре времен возник в человеческом психокосме такой механизм — ориентировочная потребность. Что именно этот механизм вопреки инстинктам самосохранения и даже продолжения рода толкает человека на поиски в неведомых областях, заведомо не сулящих ничего существенного в смысле выпить и закусить.

Для нас важно, в частности, что ориентировочная потребность тянет человека заглянуть за далекие горизонты, содрать завесу, отделяющую его от будущего, проникнуть хотя бы в воображении в непостижимые времена и невероятные пространства. У иных эта потребность развита сильнее, у других — слабее, одни ощущают ее с почти болезненной остротой, иные почти совсем не ощущают, но она наличествует у всех.

Практическое освоение неведомых горизонтов — дело долгое, оно растягивается иногда на сотни поколений, а ориентировочная потребность, как жажда, как голод, как страсть, требует немедленного удовлетворения, мучает человека и не дает ему покоя. И тогда, чтобы утешить и удовлетворить ее (поистине, сколько болезней создал Аллах, столько создал он и лекарств от этих болезней), в дело вступает величайшее порождение разума — человеческая фантазия. Это она и только она дает художнику возможность воплотить в зримые образы те самые непостижимые времена и невероятные пространства, к которым тянется человек, изнуренный свирепыми позывами ориентировочного демона. И если художник — мастер, тогда миллионы слушателей, зрителей, читателей легче и отраднее возвращаются к повседневному и вечному своему труду. А если демон остается голодным, тогда в обществе возникают скверные перекосы — в алкоголизм и наркоманию, в антисоциальное поведение, в рискованные бытовые эксперименты...

Так утверждает наука. Во всяком случае, так мы поняли утверждения науки относительно ориентировочной потребности. И если мы поняли правильно, то нашим издателям давно уже есть над чем задуматься. И писателям тоже.

За четверть века нашей работы в литературе нам посчастливилось встретиться с порядочным числом редакторов и членов редакционных коллегий, о которых мы всегда будем вспоминать с глубоким уважением и благодарностью. Как правило, их отличало чувство высочайшей социальной ответственности. Именно социальной, а не административной. Что далеко ходить, внезапное возникновение и мощный

расцвет современной советской фантастики были обусловлены не только первым запуском нашего искусственного спутника и появлением фундаментальной «Туманности Андромеды» И. Ефремова, но и беззаветной, порой жертвенной деятельностью С. Жемайтиса, Б. Клюевой, К. Андреева, О. Писаржевского, Р. Кима, И. Касселя. Давно это было...

Удивительное дело! Стоит молодому автору предложить, скажем, в журнал свой новый фантастический рассказ, и ему, как правило, говорят примерно так: «Это неплохо. Но ты знаешь, старик, ведь это можно печатать, а можно и не печатать. Ты нас понимаешь, старик?» Как правило, старик понимает и уходит, солнцем палимый[1]. Творить шедевр, который нельзя не напечатать. Но стоит ему принести в ту же редакцию целую подборку своих рассказов, так сказать, на выбор, и тогда в том редчайшем случае, если редактор все-таки возьмется опубликовать один из них, выбор почему-то падет на самый вялый, самый традиционный, самый серый рассказ из подборки.

Мы полагали, что так происходит только с молодыми фантастами. Но из осторожных расспросов выяснилось, что с молодыми авторами из традиционных видов литературы происходит то же самое. О тайны редакторских вкусов!

Книги современных советских авторов, которые по очень разным причинам мы любим и достаточно регулярно перечитываем. Называем в очередности, как приходило на память в течение трех минут. Ограничение: авторы только ныне здравствующие (и пусть здравствуют еще многие годы).

«Дорога на Океан», «Вор» Л. Леонова.

«В августе сорок четвертого» В. Богомолова. (Какая книга!)

«И дольше века длится день» Ч. Айтматова.

«Пряслины» Ф. Абрамова.

«Дата Туташхиа» Ч. Амирэджиби.

«Привычное дело» В. Белова.

Почти всё В. Быкова.

Почти всё Б. Окуджавы.

[1] Реминисценция из стихотворения Н. Некрасова «Размышления у парадного подъезда»: «...И пошли они, солнцем палимы...»

Почти всё Ф. Искандера.

Почти всё И. Грековой.

Почти всё В. Конецкого.

Маленькая повесть «Место для памятника» Д. Гранина. (Это один из немногих пока шедевров советской фантастики.)

Исаевская серия Ю. Семенова.

Почти всё братьев Вайнеров.

«Тревожный месяц вересень» В. Смирнова.

Стоп. Три минуты истекли.

«Тихий Дон» М. Шолохова, зачитанный нами до дыр, минован, видимо, как само собой разумеющееся.

Художественная литература есть один из способов отражения действительности в художественных образах. Это так, и это общеизвестно.

Но не будем забывать, что:

— в художественном творчестве плоские зеркала процессу отображения противопоказаны;

— действительностью является не только мир вещный, но и мир сознания, индивидуального и общественного, мир идей и эмоций;

— художественный образ есть по преимуществу функция отношения автора к объекту отображения.

Не будем забывать об этом, товарищи писатели, издатели и читатели, и мы будем всегда понимать друг друга.

В августовском номере «Студенческого меридиана» публикуется интервью с Андреем Тарковским, где основное внимание уделено, конечно же, «Сталкеру».

Из: Тарковский А. «...Мы делаем фильмы»

<...>

Вопрос. Андрей Арсеньевич, ваш фильм «Сталкер» поставлен по мотивам известной повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине». Как вы объясняете выбор для экранизации именно этого произведения?

А. Тарковский. Мне показалось, что в его последней главе заложена интересная форма будущего фильма: классическая, даже классицистическая, возможность сделать картину, обладающую единством места, действия и времени.

Вопрос. Чем вызван отход сюжета фильма от сюжета повести? Разве нельзя было экранизировать повесть в точности так, как она написана?

А. Тарковский. Наверное, вопрос следует понимать так: насколько повесть сама по себе хороша для экранизации?.. Я бы сказал, что она достаточно хороша, чтобы ее не экранизировать.

Как уже говорил, фильм поставлен по мотивам литературного произведения. Смысл всякой экранизации, думаю, не в том, чтобы проиллюстрировать то или иное известное произведение, а в том, чтобы создать по поводу его, на его основе совершенно новое кинопроизведение. Кино — искусство оригинальное, и нет оснований буквально повторять в нем то, что уже было сказано в литературе. И, работая над «Сталкером», наша группа прежде всего ставила перед собой цель сделать фильм, то есть создать новое художественное произведение, что, вообще говоря, может состояться лишь тогда, когда совершается какой-то новый творческий процесс.

Вопрос. Не кажется ли вам, что герой фильма несколько непохож на героя повести Стругацких?

А. Тарковский. Кажется. Мы очень много усилий приложили к тому, чтобы это было именно так.

Вопрос. С «Соляриса» я ушел, так и не поняв основного замысла режиссера. В «Сталкере» сложностей еще больше...

А. Тарковский. Совершенно верно. Об одном я бы хотел предупредить тех, кто еще не смотрел этого фильма, — отнеситесь к нему непосредственно. К сожалению, слишком часто зритель начинает мучительно думать и гадать, что означает та или иная возникающая на экране деталь. И в результате пропускает весь фильм «между пальцев». Дело в том, что, если автору нужно, чтобы вы совершенно точно знали, что означает это, а что означает другое, вы это будете знать,

поверьте. Это входит в нашу профессиональную обязанность перед зрителями.

Вопрос. А что именно символизирует собой собака, появляющаяся по ходу действия фильма?

А. Тарковский. (*Смеется.*) Ну вот и начинается то, что принято называть «вечером вопросов и ответов». Если в кадре существует собака, она непременно должна обозначать нечто иное, нежели собаку? Я, признаться, не совсем понимаю, кто вас научил воспринимать действительность таким сложным образом... (*Улыбаясь.*) Я даю вам честное слово, что собака в «Сталкере» означает собаку. Простите, что я несколько веселюсь, но, поверьте, это действительно так.

Вопрос. Вокруг каждого вашего нового фильма сразу же возникает много разговоров и дискуссий. Иногда приходится слышать, что режиссер ставит себя выше зрителя...

А. Тарковский. Отвечу вопросом. Как вы полагаете, что сказал бы рабочий, скажем, каменщик, если бы я пришел однажды на стройку, постоял около него, наблюдая, как он работает, а потом сказал бы: «Знаете, молодой человек, по-моему, вы не совсем правильно делаете. Вам надо раствор положить с этой стороны, а кирпич — вот с этой, и вообще одеться для работы надо как-то иначе...» Как вы думаете, что бы он ответил?.. (*Смех в зале.*) Совершенно верно. Он ответил бы именно так. И был бы прав. Он уважает свою профессию и свой труд. А я уважаю свою профессию и свой труд. Я всегда относил и отношу себя к режиссерам, которые в своей работе стараются ясно выражать свои мысли, а не скрывать их или зашифровывать до такой степени, чтобы они стали непонятными. Было бы довольно странно делать картину с целью упрятать свои мысли как можно дальше — дикая, с моей точки зрения, идея и нелепая...

Не всё здесь, правда, удается... Случается, что фильмы остаются кем-то непонятыми. Я наблюдал, как люди уходили и с «Зеркала», и со «Сталкера». Видеть это не очень приятно, но... я не смущаюсь. В конечном счете оказался прав — со временем у этих картин образовалась своя аудитория, и никто уже не уходил из зала.

<...>

Вопрос. По-видимому, вас всегда интересовали проблемы НТР? Вы один из немногих режиссеров, снимающих научно-фантастические фильмы...

А. Тарковский. Вы ошибаетесь. Во-первых, в этом жанре работают многие. Во-вторых, вы судите обо мне как о режиссере научно-фантастического кино, видимо, по «Солярису». Если вы внимательно смотрели «Сталкера», вы бы так не говорили — надеюсь, что у вас не возникает впечатления, что это научно-фантастический фильм. Во всяком случае, мы сделали всё от нас зависящее, чтобы истребить приметы этого жанра в картине. Если говорить о «Солярисе», думаю, что самый главный недостаток этой работы как раз и заключается в том, что слишком ощутимо в ней присутствие жанровых черт и особенностей. Должен сказать, что я вообще не принадлежу к почитателям научной фантастики. Скорее наоборот...

<...>

Письмо Аркадия брату, 15 августа 1981, М.— Л.

Дорогой Борис!

Посылаю тебе проект статьи в ЛГ, а задержал потому, что ждал окончательного ответа от Ришиной, зав. отделом худлитературы. И правильно: выяснилось, что Кривицкому (помнишь такого?) многое в статье не нравится, требует он выкинуть то и се, и я порешил статью забрать, ибо раз Кривицкому лучше известно, пусть сам и пишет статьи, а к нам не лезет. Но Ришина зело огорчилась, и мы договорились, что подождем до моего возвращения с Дальнего Востока и всё решим в конце сентября. Ты же тем временем статью прочитай, переделай, что хошь, да и прими решение. То, что Кривицкий вычеркивает, я вычеркнул тож.

Еще дело. По моему рапорту Верченке было поручено им Берковой справиться у Сартакова (наш секретарь по делам издательств), что Стругацким делать в рассуждении собрания сочинений и издания в СовПисе. Нинон просидела

у Сартакова час, и вот что выяснилось: 1. Надлежит написать заявку на Н-томник, но заявку подробную, с аннотацией на каждое произведение (строки на три на аннотацию). 2. Издательством лучше избрать «Молодую гвардию», ибо ХудЛит не имеет традиции, а МолГв имеет: Ефремов, Казанцев и т. д. 3. На один том не более 30 а. л. 4. Рассчитывать можно на 86-й год, но надлежит не медлить. 5. Заявку послать в изд-во (отнести) с сопроводиловкой, в которой незачем ссылаться на юбилейные даты, а только сухо: предлагаем то-то и то-то, а состав вышеизложенного перечислен ниже. 6. Копии сопроводиловки и заявки надлежит отдать Сартакову, с этого момента заявка считается под контролем СП. Аналогично и с СовПисом, только вместо заявки надобна сама рукопись. (Сартакову копию рукописи, естественно, не посылать, а сопроводиловку — непременно.)

Я это к чему? Посмотри состав четырехтомника, скажем, и набросай аннотации, пока суд да дело. С возвращением я этим займусь вплотную, но дел будет много, так уж облегчи работку.

Были гранки ОуПА.

Вот пока всё. Обнимаю, твой Арк. Привет твоим.

9 сентября 1981 года АБС пробуют работать с братьями Вайнерами.

Рабочий дневник АБС

[Пять нумерованных машинописных страниц, сложенных и вложенных в дневник]

ПРОТОКОЛ СОБЕСЕДОВАНИЯ 9.XI.81 ДВУХ ПАР ЧИСТЫХ.

Райцентр. Действие описывается с 2-х точек зр<ения>: это герой-следователь, естественно связанный с районными властями. С др<угой> стороны — небольшой научный работник, он ведет действие со стороны «жертвы».

Ходит по р<айо>ну некий Бледный Человек (БЧ) и покупает живые человеческие души. Что это значит — никто

не знает, и знать не хочет. Равно никто не знает, что в наше время есть живая чел<овеческая> душа.

Но душа душе рознь и цена им — тоже различная.

Один, напр<имер>, продает св<ою> душу за загранкомандировку, др<угой> — за должность в горторге, 3-й — за здоровье и половую мощь, 4-й — за бутылку через час после закрытия м<агази>нов.

В конце берут БЧ, но в чем состав прест<упле>ния? Необходим минимум вреда для потерпевшего?

Если бы БЧ ПРОДАВАЛ души, его можно окунуть как афериста, мошенника, или спекулянта, или частного предпринимателя. Но он ПОКУПАЕТ.

Наверное, он при этом мошенничает, но КАК?

Договор скрепляется кровью. (БЧ д<олжен> иметь при себе фельдшерское приспособление для пуска крови.)

Состав пр<еступле>ния? Это должен обсуждать синклит юристов и властей, выдвигая различные идеи. Это — секретари, исполком, главн<ый> законник — прокурор, местн<ый> адвокат (он всегда у нас — второй прокурор), судья, даже местный юрисконсульт.

Итак, прокурор или след<ова>тель получает глупое возмутительное письмо, жалобу продавца раймага на то, что его обмишулили: он продал душу за то, что его назначат зав<едующим> горторгом, а ему дали всего лишь завмага. Просит разобраться в этом безобразии (позже выяснится, что с ним торговались).

След<ова>тель вспоминает, что какой-то гул на эту тему уже был: анонимка старухи, подслушавшей, что ее враг продавал душу за бутылку.

И еще: в местной обсерватории ученый — трухлявый, дохлый очкарик, безумно талантливый, вдруг стал чудовищно здоровым верзилой с дымящимся наперевес... а потом помрачнел, потускнел и повесился... И, разбирая его архив, нашли неотправл<енное> письмо — продав душу за здоровье, он полностью лишился интеллектуальной потенции. Конечно, иносказание — и бумагу подшили в дело.

Итак, продавец-пьянчуга. Но кто же его назначил? И как? И протокола вроде не было? Но протокол находят; и припоминают смутно, что был такой разговор о его назначении завмагом.

...Всё должно происходить после праздника, 9.XI или 3.V, с элементом флера — то ли похмелье, то ли и верно было...

Странный диапазон: от дремучей деревенской старухи-сплетницы с дл<инным> носом на соседа, с которым не поделила огород, — до астронома.

След<ователь> начинает разбираться: да, старуха своими ушами слышала, как за бутылку «старорусской» сосед продал душу.

Пытаются втянуть в проблему 2-го секретаря, но он както странно жмется, увиливает, пока не приезжает вдруг: ребятки, прощаюсь, меня переводят в Центр.

А тут еще приехал человек с Лубянки, подозрительно приглядывается к Секретарю: ну-ка, ну-ка, расскажи, как б<ыло> дело; и колет его (или нет).

Наконец, в разгар событий, берут БЧ.

В промежутке — допрос второго научника, друга астронома: он ведет ожесточенную торговлю за св<ою> душу, погряз в это дело.

БЧ. Что он такое? И было ли что-нибудь? Посадили в КПЗ и обсуждают всем синклитом. Так есть ли состав пр<еступле>ния? Давайте его самого спросим.

Что это значит — продавать душу? Приезжий: неважно, что это значит — человека до самоуб<ийст>ва довели?!

Смута, нездоровые настроения, массовое беспокойство, переходящее в массовое волнение — это ли не состав?

Ударная глава — допрос. 1-й спрашивает (а 2-й молчит, он бы давно смылся, да приезжий его держит): — Что вы потеряли в нашем р<айо>не? Из всех весей почему именно наш выбрали?

— А я не только в вашем. Меня сейчас одновременно подвергают допросу в ФБР, неприятности в Токийском Упр<авлении>, меня собираются сварить заживо на Баффиновой Земле...

— Что за чушь?! Вы что, присутств<уете> одновременно в неск<ольких> местах? — Да. В 23456 местах только на Земле. Да что далеко ходить...

Раздается телеф<онный> звонок из Москвы, просят капитана, и тот слышит голос БЧ:

— Вот, пожалуйста, вы меня слышите из Москвы. Но понять не пытайтесь, это выше ваших мозгов... — и вешает трубку.

Капитан:

— А кто вы такой?

— В вашей терминологии я ДЬЯВОЛ.

— Чушь, дьяволов не бывает.

— Хорошо, а покупать души — бывает?

— Тогда объясните, в чем заключается ЭТО?

— Представьте троглодита, к<ото>рый видит у вас в руках газету, но не понимает, что это такое. Так же и вы не поймете.

— Хорошо, но что вы делаете с людьми, у к<ото>рых покупаете души? Что с ними происходит?

— А что происходит с жуком-плавунцом, к<ото>рого зачерпнули ведром и перелили в др<угой> пруд: он этого даже не заметил. То же самое происходит и с вашим братом, вреда никому не причиняется.

— А самоубийство?!

— Вы и сами прекрасно с этим справляетесь, через водку, например.

Для нас: БЧ — это Агасфер, Вечн<ый> ЖД — тогда в нем есть посыл, заряд, сфера деятельности. Потому что читатель не любит необъясненного, и персонажи не поймут, а читатель должен получить наши объяснения, тем более, что тут д<ля> нас открывается уйма возможностей.

Для этой цели полезен 2-й «потерпевший». Он построил теорию «клякс в тропосфере», но последние естеств<енные> открытия выяснили вдруг, что всё это — ерунда. И он просит БЧ ПОДПРАВИТЬ природу, чтобы она не опровергала его открытия. Душа его привлекательна для БЧ, и тот торгуется,

а ученому интересно, сможет ли БЧ изменить природу, и вообще, что он такое? Что хочет? Тут важно: возможности БЧ не безграничны, и он может дать за кажд<ую> душу лишь определенную цену. (Продавцу предлагал магазин, но тот настаивал на торге. БЧ обещал «поговорить в сферах», но без гарантий. Уж больно недорога душа пьянчуги.) Нельзя переплачивать.

ВАЖНО И НОВО — столкновение с фантастическим не обычного человека, а — ВЛАСТИ.

Для синклита: в городке живут и работают три выпускника-одногруппника-университанта-юриста: адвокат, судьиха и прокурор. Живут в дичи, ни с кем общаться, окромя друг друга, не могут. И в зависимости от характера вчерашних вечерних общений (выигрыш в шахматы, перепил, добился перевеса в ухажансе) решаются сегодняшние служебные вопросы.

ФИНАЛ. К чему мы выйдем? Наверное, к торжеству правосудия: БЧ должны судить и осудить, как и бывает... а он грустно смотрит вслед уезжающему порожнему «воронку», в к<ото>ром его же якобы увезли.

НЕОБХОДИМО ОБЪЯСНИТЬ ЦЕЛИ ВИЗИТА БЧ, они не д<олжны> б<ыть> НЕПОСТИЖИМЫ.

Нужно объяснить ЦЕНУ ДУШИ. Зачем они — и плохие, и хорошие?

ПЛОХИЕ ему — прополка мира от сорняка. Он ведь Инспектор; и если попадаются хорошие души даже в плохой, свинской оболочке, БЧ в разгаре торга отказывается от сделки. Он пропалывает СВОЙ мир, к<ото>рый общий с НАШИМ.

Он не ищет добрых душ; да хороший чел<ове>к и не отдаст св<оей> души, разве что во имя чьего-то спасения, — что бы это понятие — душа — ни значило.

Наша мать не продала «мицвес» одному верующему еврею, к<ото>рый хотел за крупн<ую> сумму купить ее «добрые дела»: Зачем они вам? Мать ответила: — Вы же хотите

купить? Значит, зачем-то надо! Хотя была совсем не религиозна. «Мицве» — есть о чем пофантазировать.

Но наш БЧ скупает плохие, «мертвые» души.

ВАРИАНТ: Не покончил с собой астроном, а пошел в разгул. БЧ поменял его душу с пьяницей, на бутылку, тот выпил, наутро проснулся с ужасной пустотой, ужасом — пока не понял, что ему вперв<ые> в жизни не хочется опохмелиться. Не хотел до обеда, и вечером аппетит к вып<ивке> утратил... Тоска. И он понял, ч<то> его жизнь без выпивки лишена всякого содерж<ания> и смысла. И повесился. Вне выпивки нет жизни. А астроном?..

Поступ<ило> заявление, что два городских хулигана поступили в горбольницу с телесн<ыми> повреждениями. Их якобы избил астроном, но это вызывает изумление, поскольку сам хиляк, на костылях. Но выясняется, что он уже силач, гигант, и ничем кроме харева и пьянства не интересуется: его место должен занять 2-й потерпевший, а этот понял, что всю жизнь занимался херней, когда бытие так прекрасно! Избил хулиганов, наколол двух телок, раньше жрал дерьмо, теперь добыл парного мяса (отдельный срез — КАК ДОБЫВАЛ МЯСО).

ВСЕ наши продавцы душ должны выступать отчасти аферистами, поскольку точно знают, что попали на мудака, ибо души — нет, они торгуют паром, совершают самую выгодн<ую> сделку в жизни. А БЧ от всего этого очень грустит, и тоска его от души к душе нарастает.

ФОРМУЛИРУЕМ, что общая совокупность желаний продавцов душ — это и есть подсознательная мечта современн<ого> чел<ове>ка о СЧАСТЬЕ. Все вместе просят то, что должно образовать чел<овеческое> счастье. Итак, счастье — это ИДЕАЛ или НУЖДА?

Все продавцы наши — суть люди бездуховные. Нужен их список: выпивка, здоровье, должность, власть, деньги, бабы (а у баб?), одному нужен сталинский режим, где он начальником — и т. д.

Собакевич охотно составляет список душ подчиненных сослуживцев, к<ото>рые он тщится продать БЧ. Ноздрев хватает то, на что глаза глядят.

А Плюшкин? Собственник, доведенный до остервенения, до потери здравого смысла, всё превращающий в г...

Современный Манилов[1] симпатичен — никому не желает зла. Хорошо бы поболтать с инопланетянином... и т. д. Бескорыстен.

Нужен ПЕРСОНАЖ-ВРУН. Это широко распространенный тип, гл<авным> образом — бескорыстный. Врут, потому что надо о чем-то говорить. Ноздрев может позвать слуг, чтобы выпороть гостя, но БЧ-то точно знает, что слуг вовсе нет. Он тонко намекает, что у него тайные связи с ГБ, а с др<угой> стороны — с уголовниками, если надо кого-то прирезать, например. Он же связан и с диссой: может переправить рукопись или достать почитать запретных книжек. Он инженер в РЖУ: вместо своей души предложит БЧ квартиру или что-нибудь еще, и всё вранье. Болтун, бездельник, к<ото>рый не отрабатывает даже своей нищенской зарплаты. Не властен над собой, стихия вранья волочит его за собой.

Или он — директор подгороднего совхоза-миллионера. Разговор о метафизике, бессмертии — перемешан с удобрениями, урожаем и навозом. БЧ предлагает сделать его замминистра с<ельского> хоз<яйст>ва, но спохватывается, что министра и двух членов коллегии, а также всех нач<альни>ков главков он уже назначил.

Р<айон>ный городок д<олжен> б<ыть> точной проекцией всей державы. И есть местный — Тот, Который Всё Знает, это его должность.

Собирается очередь на продажу душ: можно получ<ить> «запорожец», ковер без талона, цветной ТВ. Уже есть прецеденты, но никто не знает, что дадут за ЕГО душу, боятся: может, ничего не дадут, даже жести на кровлю? Что самое

[1] Собакевич, Ноздрев, Плюшкин, Манилов — персонажи поэмы Н. Гоголя «Мертвые души».

недефицитное? — Душа. Молодежь хочет джинсов и гитар. Начинают оценивать др<уг> друга («За твою даже диска паршивого не дадут!»). Номера очереди пишут чернильн<ым> карандашом на ладонях. («Сенька, зараза — полное барахло, а чего достал — задний мост к жигулю!»)

Слухи: напрасно стоим, в исполкоме будут давать ордера на право продажи души, но только для ветеранов и активистов. (Разговоры перед Олимпиадой — что будут давать в магазинах.)

Будут давать книги, но при условии сдачи макулатуры, особенно Собр<ания> Соч<инений> в 30 и более томах.

ВСЁ ЭТО — предфинал. Весь город только об этом думает и говорит, все заняты только этим.

ПРИМЕЧАНИЕ: Большой кусок разговора не записался по техническим причинам, каждый пусть допишет, что помнит.

В добрый час, в добрый путь, аминь!

Письмо Бориса брату, 17 сентября 1981, Л.— М.

АННОТАЦИИ

ДР, 1962, 7.0

На далекой планете, затерянной в глубинах Галактики, земляне организовали полигон для опасных физических экспериментов. Один такой эксперимент выходит из-под контроля, разражается катастрофа, грозящая уничтожить всё на планете. Повесть рассказывает о мужестве, стойкости, доброте и самоотверженности людей будущего.

ТББ, 1963, 9.5

Люди коммунистической Земли, сотрудники института Экспериментальной истории, изучают жизнь инопланетного человечества, находящегося на уровне развития, соответствующем периоду феодализма на Земле. Как помочь местному человечеству миновать ужасы феодализма и капитализма? Возможно ли это? Решению этих вопросов отдает всего себя герой повести — историк Антон, он же благородный

дон Румата Эсторский, блистательный кавалер при дворе Арканарского короля.

ПНвС, 1964, 14.0

В гротескной сатирической манере повесть рассказывает о жизни сказочного Научно-исследовательского института Чародейства и Волшебства. Воспевается энтузиазм и веселая энергия современных магов — молодых ученых, целиком отдающих себя любимому делу, высмеивается бюрократизм и бездушие ловкачей и приспособленцев от науки.

ХВВ, 1964, 10.0

В некоей капиталистической стране пресловутое общество потребления порождает увлечение новым страшным наркотиком — электростимуляторами мозга. И пока Интерпол ищет злоумышленников, герой повести Иван Жилин, проведя расследование, понимает, что истинным «злоумышленником» является буржуазное мировоззрение, ежедневно и ежечасно творящее моральных уродов.

УнС, 1965, 11.0

В гротескной символической форме в повести рассказывается о страшном мире, где властвуют наиболее отвратительные идеи современности — расизм и бездушная технократия. Герои повести противостоят этой мерзости, опираясь на идеологию гуманизма и демократии.

ВНМ, 1966, 5.0

Небольшая капиталистическая страна оккупирована инопланетными пришельцами. Герой повести — типичный буржуазный обыватель, готов продать всё и вся — Родину, честь, само звание землянина — лишь бы сохранить свою ренту, свой привычный статус-кво.

СоТ, 1967, 6.0

Тематически и стилистически эта повесть является продолжением сказки «Понедельник начинается в субботу». Те

же герои, молодые советские ученые, попадают в гротескный сказочный мир современных злых волшебников — бюрократов и жуликов — и сражаются с ними не на жизнь, а на смерть.

ОО, 1968, 16.0

Молодой землянин, человек XXII века, попадает на неизвестную планету. Его космический корабль терпит крушение, и он оказывается один в совершенно чуждом ему, непонятном и враждебном мире. Много необыкновенных приключений приходится ему испытать, прежде чем он находит друзей и определяет свое место в этом мире.

ОуПА, 1969, 9.5

В маленьком отеле, затерянном в горах, совершено страшное, необъяснимое преступление. Инспектор полиции Петер Глебски проводит расследование и находит — не гангстеров и не преступников, перед ним — пришельцы из чужого мира, запутавшиеся в сложностях и мерзостях буржуазного государства.

М, 1970, 8.0

На далекой планете экспедиция землян находит мальчугана, воспитанного негуманоидной сверхцивилизацией. Эта находка ставит перед людьми целый ряд неожиданных проблем, для решения которых важны не столько конкретные знания и умение логически мыслить, сколько доброта, внутренняя честность, подлинно коммунистический гуманизм.

ПнО, 1971, 8.5

Представители некоей сверхцивилизации посетили нашу Землю и вновь скрылись в безднах космоса. Следами их посещений заняты не только ученые, но и агенты военно-промышленных комплексов капиталистических стран. О судьбе простого человека, втянутого в страшные аферы милитаристов, рассказывает эта повесть.

зМЛдКС, 1974, 7.5

Молодые советские ученые оказываются в эпицентре странных и страшных событий, которые можно объяснить лишь действием нового, не известного пока закона природы. В повести анализируется проблема нелегкого выбора, который приходится иногда делать естествоиспытателю, если он хочет остаться честным и добросовестным перед самим собой и своими товарищами.

ЖвМ, 1979, 9.5

Повесть эта является в некотором роде продолжением повести «Обитаемый остров». Здесь действуют те же герои, но действие разворачивается двадцать лет спустя и уже на Земле. Земляне впервые входят в активный контакт с таинственной сверхцивилизацией из глубин Галактики.

ВАРИАНТЫ ЧЕТЫРЕХТОМНИКА.

I вариант: квазихронологический.

ДР 1962, 7.0 [рукописно исправлено на: «ПнА 4.0»]
ТББ 1963, 9.5
ПНвС 1964, 14.0

ХВВ 1964 10.0
УнС 1965 11.0
ОуПА 1969 9.5

ВНМ 1966 5.0
ОО 1968 16.0
ЖвМ 1979 9.5

СоТ 1967 6.0
М 1970 8.0
ПнО 1971 8.5
зМЛдКС 1974 7.5

II вариант: тематический.

Люди будущего и их дела — ДР, М, ОО = 31.0

Мещанство — враг номер один: ХВВ, ПНвС, СоТ = 30.0

Неназначенные встречи — ТББ, ОуПА, ЖвМ = 28.5

Философские повести — УнС, ВНМ, ПнО, зМЛдКС = 32.0

В любом из вариантов суммарный листаж = 121.5 а. л.

Лично я — за квазихронологический вариант.

Во втором эшелоне (на случай, если будут что-то выкидывать):

ПнА, 1959, 4.0

ПХХIIВ 1960, 17.0

ПиП, 1974, 6.5

На мой взгляд, лучше иметь все-таки дело с СовПисом: а. Личных ссор и тяжб мы с ними не имели. б. Издательство взрослое — меньше будет придирок по части «задниц» и «дерьма». в. Издательство — писательское, а значит, проще воздействовать на него через Секретариат и пр.

А впрочем, — на твое усмотрение.

С БОГОМ!

С текстом для ЛитГаз — значительно хуже. Во-первых, мне не очень нравится то, что уже сделано, но в башке — ни единой мысли, как же это надо писать. Во-вторых, рубрика обговняется на глазах. Одно дело, когда выступаешь между Кавериным и там Окуджавой, а другое дело, ежели между Расулом Рзой и Вадимом Кожевниковым. А дело, видимо, к тому и идет[1]. Впрочем, с твоего позволения, я еще недельку поразмыслю: вдруг такое осенит, что ай-ай! Тогда — конечно.

Сценарий сдал. Режиссеру понравилось. Нижнее и среднее начальство сказало, что это — «туда!» (Новая для меня

[1] В рубрике «Литература — жизнь моя» (для которой Авторам была заказана статья) в 1981 году выступили: В. Каверин, «В круге чтения», 19.08; К. Кулиев, «Ответственность», 26.08; О. Сулейменов, «Мы приходим, чтобы действовать», 2.09. Позднее письма БН в этой рубрике вышли статьи: С. Капутикян, «Перекресток души», 7.10; С. Залыгин, «Из дальних странствий», 14.10; П. Проскурин, «Постигая народную душу», 18.11.

форма оценки, означающая, видимо, <что> есть некоторая надежда получить еще какую-нибудь сумму.) Впрочем, как я понял, запускаться начальство не спешит.

Зашевелился ЖвМ в Лениздате — только что я кончил учитывать редакционные замечания (это, брат, что-то особенного!) и сократил на 6 страниц (за счет кусков из отчета Льва Абалкина). В ноябре они собираются сдать сборник в производство и тогда же заключат договор (охрана авторских прав, где ты?) и выплатят одобрение. Я сказал Брандису, чтобы он провентилировал вопрос о ставке для нас 350 ряб. Не знаю, что получится. Если они согласятся, но за счет других участников сборника, то так дело, разумеется, не пойдет. А если... Какого хера? Или мы недостойны такой ставки? Где же тогда рост реальных доходов советского писателя? Цены-то на бензин — в два раза подняли! За бензинчик теперь как за молоко плòтим!

Брандис рассказывал, что на Ярмарке Авраменко жаловалась ему, будто «Неназначенные встречи» трижды перли со стенда, так что она в конце концов перестала эту книгу выставлять. Может, так, а может, объяснение: почему Стругацких нет на стенде МолГв? Во всяком случае, когда шли переговоры с французскими издателями, она предлагала им что угодно (Казанцева, В. Щербакова, еще какого-то г...нюка), но не Стругацких. И это при том, что, как выяснилось, французы из первой партии фантастики и детективов, которая была предложена им год назад, отобрали ТОЛЬКО две повести Стругацких, а всё остальное вежливо отвергли. Партия была — наименований пятьдесят, я сам принимал участие в составлении списка. Прямо и не знаешь, как это расценивать: как позор или как успех — французики-то издают Черную Серию — полицейские романы и романы ужасов — среди коих, впрочем, я вспоминаю и Брэдбери, и Воннегута, и Грэма Грина, если не ошибаюсь.

Надеюсь, если всё будет не хуже, чем сейчас, подвалить к вам с Адкой в октябре — дня на три-четыре.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Ленусе и Машке — поцелуи!

Письмо Аркадия брату, 30 сентября 1981, М.— Л.

Дорогой Борик!

Даю информацию.

1. Из США пришли (наконец-то) 5 экзов УнС, 2 экза С и 2 экза ЖвМ. Красиво. К УнС предисловие Сувина, перевод неважный.

2. Ковальчук сообщил, что в Меце (Франция) ПнО получил первый приз «Золотой Демон» за лучшее произведение НФ 1981 года. По слухам, этот «Демон» — хорошенькая статуэтка. Скорее всего, нам ее не видать. В лучшем случае пошлют за ним («Демоном») Парнова, а он ее опять по пьянке потеряет.

3. Заявку на четырехтомник в МолГв послал 27-го, а сегодня представлю ее копию с сопроводиловкой Сартакову. Что касается изд-ва СП, то надо еще перепечатать рукописи, тогда и этим займемся.

4. В «ВопЛях» № 8 есть статья о литературоведении фантастики[1]. Если интересно — взгляни.

5. Насели газетчики — из «Сов. России», из Болгарии и даже из ЦО. Приходится стонать, как та дама: «По одному, господа! По одному!» Да еще из радио (на зарубеж).

6. Борецкий жаждет ставить в ст. Горького «Малыша». Кажется, это у него на мази. По-моему, пусть. А?

7. У Бромберга всё гладко. Съемки начнет со снегом.

Вот пока всё. Береги себя.

Привет твоим.

Арк.

В октябрьском номере «Литературного обозрения» публикуется обзор научной фантастики, подготовленный Юлием Смелковым. Из последних произведений АБС в нем рассматриваются ЗМЛДКС и ЖВМ.

[1] Воздвиженская А. Продолжая споры о фантастике // Вопросы литературы (М.). — 1981. — № 8.

Из: Смелков Ю. Бег на месте?

<...>

Однако здесь есть своя причина для беспокойства — недостаток новых фантастических идей, которые давали бы возможность новых художественных решений. В современной фантастике есть, по сути, три главные темы — космические путешествия и столкновения с неведомым, взаимоотношения с искусственным разумом, созданным человеком, и тема контактов с чужой жизнью, чужим разумом (строго говоря, это один из вариантов первой темы). Они продолжают разрабатываться, варьироваться, порой весьма искусно и оригинально (к примеру, безусловно, следует отметить книгу С. Павлова «Лунная радуга», вышедшую в «Молодой гвардии» в 1978 году). В сущности, все эти произведения входят в одну еще более общую тему, которая как раз и уводит фантастику от задач популяризаторских к чисто художественным — тему о духовных, нравственных возможностях человека. Именно об этом написаны лучшие произведения братьев Стругацких, и не случайно, что, многие годы художественно исследуя эту тему, они пришли к новой фантастической идее, на которой построена повесть «За миллиард лет до конца света». Здесь человеку противостоит не то или иное зловещее или благотворное порождение космоса, но сам космос, сама Вселенная испытывают человека добром или злом. И происходит это не на далекой планете, но вот тут, в твоей квартире, в твоей повседневной жизни начинаются ужасные своей непонятностью события, которые ставят тебя буквально в безвыходное положение. Тогда человек раскрывается весь, до глубин своей сущности, до донышка. Какой человек? — да обыкновенный земной, наш современник, неглупый, добрый, честный, как герой Стругацких.

В последней повести «Жук в муравейнике» мы знакомимся со Львом Абалкиным — человеком, неотличимо похожим на других людей, но запрограммированным чужой и чуждой Земле цивилизацией. На что именно он запрограммирован — неизвестно, следовательно, Абалкин представляет собой потенциальную опасность для Земли. Его ищут, находят

и убивают — чтобы предотвратить эту потенциальную, возможно, и не существующую опасность, у людей нет иного выхода. В «За миллиард лет до конца света» тоже создана безвыходная ситуация, но она качественно иная — там невозможно бороться, ибо против человека — сама Вселенная с ее неотменяемыми законами, а в «Жуке в муравейнике» невозможно не бороться, не убивать Абалкина, ибо есть какая-то вероятность того, что он опасен. И как бы ни мучился Максим Каммерер, мечущийся по планете в поисках Абалкина или хотя бы сведений о нем, какой бы психологический барьер ни пришлось преодолеть отвечающему за безопасность Земли Рудольфу Сикорски, прежде чем нажать на спусковой крючок, — другого выхода нет. Или все-таки есть? — Стругацкие оставляют и такую возможность, оставляют не логически, а эмоционально, создавая в повести атмосферу, в которой убийство человека само по себе воспринимается как акт чудовищный. И остается мечта о тех далеких днях, когда оно будет невозможно ни при каких обстоятельствах, и одновременно — сознание того, как страшно далеки эти дни, какой долгий и мучительный путь придется пройти до них человечеству...

Стругацкие пробуют разные варианты отношений человека с неведомым, причем варьируется не только неведомое, но и человеческая личность, уровень ее интеллектуального и морального развития.

Именно в этом направлении видятся мне перспективы дальнейшего развития фантастики. Ибо ее, можно сказать, общий сюжет — человек перед лицом неведомого — не может разрабатываться только с одной стороны, со стороны неведомого. Хотя до сравнительно недавнего времени было именно так — фантасты отправляли на встречу с неведомым, как я уже говорил, обобщенно усредненно-улучшенного представителя рода человеческого. А когда он стал обретать плоть, представлять перед лицом космоса не всё человечество сразу (задача для литературного героя, пожалуй, непосильная), а какую-то одну его часть и, главное, самого себя, живую и конкретную личность — тогда и появилась возможность художественных открытий. <...>

Письмо Бориса брату, 5 октября 1981, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо. Я, правда, почему-то вообразил себе, что это будет подробное, на четырех листах, описание твоего путешествия, но и то, что ты прислал, меня, впрочем, вполне удовлетворило. Новости твои — в основном приятные.

Конечно же, пущай Борецкий ставит М. Тут я не претендую даже на сценарий — содрать бы побольше за право экранизации и за консультации.

Брандис твою бандероль получил, я же еще раньше передал ему второй экз и комплект журналов. Впрочем, в Лениздате всё начальство сейчас в отпуске, так что всё вновь откладывается и затягивается.

Вчера получил посылку: приз Ростовского-на-Дону Клуба любителей фантастики «Притяжение». Приз, грамота и письмо. Думаю, что и ты получил то же, поэтому лишь на всякий случай сообщаю, что приз имеет вид семигранной гайки и выдан за ЖвМ.

По поводу распечатки рукописей для СП имей в виду, что я только что распечатал УнС и намерен распечатать СоТ. Если надо, могу привезти.

Завтра намерен пойти к врачу и выяснить, как насчет поездки. Если возражений не будет, мы приедем, скорее всего, утром 16-го и уедем вечером 18-го. Очень важно, чтобы Внешпосылторг не был закрыт в пятницу — проверь, пожалуйста.

Пока всё. Если у тебя будут какие-то соображения по поводу нашего приезда, — пиши или звони.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночку и Машку целуй.

О призе из Ростова рассказывает Михаил Якубовский — в то время председатель КЛФ «Притяжение».

Якубовский М. Пояснение, октябрь 2008

Семигранная гайка была изготовлена трудами Сергея Битюцкого — он кончал Донской государственный технический университет, в те времена Ростовский институт сельхозмашиностроения, сокращенно РИСХМ. Там на станках с ЧПУ могли сделать что угодно. Но СЕМЬ граней! Мастера просто охреневали — на нее же нельзя накинуть ключ... Но сделали. В те времена «Притяжение» сам по себе выбирал лучшее произведение, а что было в том году лучше ЖвМ? Вот и послали. Молодые были, наглые...

В конце октября Авторы встречаются и недолго работают.

Рабочий дневник АБС

23.10.81

Москва. Обсуждаем Menzura Zoili. Демон литературы (М<ихаил> А<фанасьевич>) проверяет легенду о ящиках письменных столов[1].

Отрывки из сказки — неопубл<икованные> куски СоТ.

Повесть «Товарищи офицеры!».

Киносценарий.

Повесть «Равнение на середину».

56 лет, биография А. Струг.

Жена уехала за бугор (капстрана), остались сын (50 г. р.) и дочь (55 г. р.).

Однокомн<атная> квартира, аккуратист, коллекционир<ует> оптику. За рубеж почти не выезжал (ЧССР и Польша).

Феликс Александрович Сорокин.

Со школьных лет предавался литературному блуду — фантастика, описание реальности не в реальных образах.

Читает свой архив, в част<ности> из нашего старья.

Процесс творческого мышления по нашим записям к ГО, оно же для информации читателя.

[1] Многие полагали, что писатели много и часто «пишут в стол». Это оказалось мифом, и миф этот рухнул после начала перестройки. — *БНС*.

Конец: — У меня есть к вам предложение. — Какое? — Ни света, ни покоя[1] я вам не обещаю, но вот представьте себе: желтая стена и пропасть.

Эпизод: — Вызов к секретарю по поводу Who's Who (создается писат<ельский> справочник, и надо пройти через Menzura). Секретарша, кот<орая> считает, что ее разыгрывают, и старый писатель, узнавший Бледного Человека. (БЧ на месте Секретаря, а секретарша его не видит.) БЧ — Мих<аил> Булгаков.

Дом в Москве, где Menzura, — перекличка с Домом из ГО.

Для приключений в доме использовать сюжеты, не пошедшие у нас.

Эпизод: читает главку из ГО авторитетному старшему писателю на предмет узнать мнение: пойдет вещь или не пойдет?

Типажи:

ноющий друг (Ларин)

делец

мэтр (настоящий Симонов, кот<орому> удалось стать признанным)

запивоха (Демиденко, знает всё и непрерывно врет, главный «Нов<ого> мира» или член редколлегии). Примерно: пришел к Феликсу занять четвертак, но заврался, что у него денег в банке полно, а потом не знает, как выкрутиться

писатель, кот<орого> некогда приняли по рукописи романа и с тех пор ничего не пишет; на что живет — непонятно. Активный обществ<енный> деятель. Аскольд Шейкин.

24.10.81

Великий Писатель — талантливый и признанный (a la Симонов)

Великий Редактор — всё знает до тонкостей

Эпизод: ищет доказательств своей правоты. Он стар, ему 56, ему не до экспериментов, и он разбирает старые свои архивы, плоды его литературного блуда за последние четверть века. Читает отрывки.

[1] М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»: «Он не заслужил света, он заслужил покой...» (ч. 2, гл. 29).

Читает свой лит<ературный> дневник, неосуществленные сюжеты, а потом кое-что вроде этого происходит с ним в Доме.

1. Источник бессмертия

Мучается сомнениями: нужен он или не нужен? Перепады: от полного апатического отчаяния к уверенности в своей необходимости для мира.

Рассуждение: нет никакой корреляции между талантом писателя и его личными качествами. И когда говорят: посмотри на высокую нравственность такого-то и такого-то, ответил: талантливый вынужден носить маску нравственности.

25.10.81

УнС — 10 а. л.
СоТ — 9 а. л.
зМЛдКС — 7.5 а. л.
~ 27 а. л.

В изд-во «Советский писатель»
от чл. СП СССР
Стругацкого А. Н. и Стругацкого Б. Н.

Заявка

Предлагаем Издательству однотомник наших избранных произведений в составе: повесть «Улитка на склоне» (11 а. л.), повесть «Сказка о тройке» (9 а. л.) и повесть «За 109 лет до конца света» (7.5 а. л.), а всего 27–28 а. л.

Повесть «Улитка на склоне» в фантастической форме рассказывает о странном гротескном мире, где верховодят наиболее отвратительные идеи нашего века — расизм, бездушная технократия. Герои повести противостоят этим античеловечным тенденциям, опираясь на идеологию гуманизма и демократии. В полном виде повесть никогда не публиковалась. Частично публиковалась в альманахе «Эллинский секрет» (Лениздат, 66) и журнале «Байкал» в 1968 г.

«Сказка о тройке» тематически и стилистически является продолжением нашей широко известной сказки «Понедельник нач<инается> в субботу». Те же герои, молодые советские

ученые, современные маги, целиком отдающие себя любимому делу, попадают в сказочный мир сегодняшних злых волшебников — бюрократов и жуликов при науке, сражаются с ними не на жизнь, а на смерть, и побеждают. Сокращенный наполовину вариант повести был опубликован в альманахе «Ангара» в 1968 году. Целиком повесть не публиковалась.

В повести зМЛдКС молодые советские ученые оказываются в эпицентре странных и страшных событий, которые можно объяснить лишь действием нового, неизвестного пока закона природы. В повести анализируются проблемы нелегкого выбора, кот<орый> приходится делать иногда естествоиспытателю, если он хочет остаться честным и добросовестным перед наукой, перед самим собой и своими товарищами. Журнальный вариант был опубликован в журнале «Знание — сила» в 1976–77 гг.

Рукопись сборника прилагается.

Размышляли над совместным с Вайнерами романом.

Обсудили Вайнеров.

Пишет (Сорокин) письмо переводчику; потеет: как объяснить выражения типа «полные штаны», «майская роза» и т. д. (см. письмо Фуками).

Письмо Бориса брату, 7 ноября 1981, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Прости мое окаянство! Не писал очень долго, ибо подвернулось мне тут нечто филателистическое, и я оказался выключен из нормального течения жизни на десять дней.

Надеюсь, ты уже получил посланную Брандисом бандероль с зМЛдКС.

Движения в Лениздате (ЖвМ) нет никакого — никто меня не вызывает, дабы уточнить поправки и, тем более, подписать договор по 350 за лист.

В Ленфильме развили бурную деятельность: перепечатали сценарий, внесли туда кое-какие изменения в конце (для проходимости) и, кажется, отправили в Москву.

Вдруг подвалило из Таллинфильма — 2188.82. За что? Неужели добавка за выполнение плана? Если так, то — ай да ОуПА! А вы всё долдоните: «Сталкер! Сталкер!» Вот фильм так фильм! Тарковский, Тарковский!.. Вот режиссер — Кроманов! Да здравствует коммерческий кинематограф!

Прислали из ВААПа договор с японцами. Любопытный документ. Насколько я понимаю, обратно мне его отсылать не надо (подписав)?

Говорил ли ты с Вайнерами? Очень любопытно. Чем больше я об этой затее думаю, тем больше она мне нравится. Вообще, должен тебе сказать, что в последний мой приезд к тебе мы очень неплохие вещи придумали! Пальчики оближешь.

Намереваюсь приехать дней на десять числа 20-го. Предварительно позвоню.

Писем накопилось — отвечать — ужас!

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет!

17 ноября АБС подают заявление директору Лениздата.

Из архива. Заявление от АБС в Лениздат

За четверть века литературной деятельности нами опубликовано более двадцати повестей общим тиражом около 2 миллиона экземпляров. Большинство из этих повестей неоднократно издавались и переиздавались на языках народов СССР, а также и за рубежом (более ста изданий в двадцати странах). Наши произведения неоднократно удостаивались международных премий по фантастике, а принятая сейчас к изданию в вашем издательстве повесть «Жук в муравейнике» получила впервые учрежденный СП РСФСР и журналом «Уральский следопыт» приз «Аэлита» за лучшее фантастическое произведение 1980 года.

В связи с вышеизложенным, а также учитывая, что авторское право предусматривает дифференцированную оплату труда писателей, просим выплатить нам гонорар за повесть

«Жук в муравейнике» в сборнике Лениздата в размере 350 рублей за авторский лист.

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

И снова встречаются Авторы в Москве.

Рабочий дневник АБС

21.11.81

Б. приехал в Мск.

Сделали аннотацию для Беларусьфильма.

22.11.81

Б. страдает желудком и сердцем.

23.11.81

Диктовали аннотацию на ХВВ-С в Минск.

Писали статью о ТВ для ЦО.

24.11.81

Закончили статью в ЦО.

25.11.81

Обсуждаем «Ловца душ».

«Я, нижеподписавшийся, передаю предъявителю сего в аренду на 99 лет свое религиозно-мифологическое представление, возникающее на основе олицетворения жизненных процессов моего организма». (Расписка 2-го секретаря за передвижение в Москву.) («Мифы народов»)

(Моя) Особая нематериальная субстанция, независимая от (моего) тела. (С<оветский> Э<нциклопедический> С<ловарь>)

(Мой) Внутренний психический мир, (мое) сознание. (Ожегов)

«...Душа всякого тела есть кровь его» (из «Мифы народов», Левит.)

Матф: стр. 12 Марк: 84 Лука: 141

Особая нематериальная сущность, активное движущее начало (Словарь атеиста)

Герой астроном, теория двойных и кратных объектов.

Манохин Сергей Корнеевич.

36 лет, кандидат фмн, ст. научный сотрудник некоей обсерватории возле городка Эн — филиал, неск<олько> инструментов.

Место: аналог Ташлы, лесостепь, жара и мороз, много ясных дней.

Эпизоды:

1. Приятель, доктор, директор филиала. Росляков Карл Гаврилович. Однолетки, вместе учились. Хиляк, талант. Аналог Жорика[1].

5. Собакевич: Суслопарин Константин Ильич, аналог Кириллова. Зам<еститель> директора по хоз<яйственной> ч<асти> (зам<еститель> по общим вопросам). Местный житель, ставленник райкома. На тер<ритории> филиала построил сауну, в кот<орой> по средам и субботам моется весь райком. Власть! Честолюбие! От директора объекта № Х до министра. Старается всучить души подчиненных (он тоже владелец душ!). Относится совершенно по-деловому, как Собакевич. Не видит никакого иносказания.

4. Манилов: Коля и Оля Виноградовы, молодая пара учителей из Московского пединститута, добровольно уехавшие в глушь сеять разумное, доброе, вечное, отчаявшись, отдают души даром, пока не сгнили, ибо видят, что изменить ничего не могут.

3. Коробочка: шофер из обсерватории Гриня, лет 50-ти, навязчивый и жадный, боящийся прогадать. Встречает предложение продать душу без удивления, но с озлоблением: в позапрошлом году заезжие скупщики купили за пол-литра у его матери старинную икону. Страшно боится прогадать.

2. Ноздрев: Женя Демченко, вычислитель. Аналог Миши Демиденко. Трепло, лгун, почти бескорыстен. Длинные бестолковые монологи. «Чего хотите?» Гальку трахнуть... Кобель у начальничка хорош... и т. д. С тем Агасфер и отходит.

Агасфер Кузьмич Прудков

[1] Гельфрейх Георгий Борисович, радиоастроном, сокурсник БНа.

Похож на Кана. Очень деловой, беседы и торговля на уровне прасола. Вне деловой обстановки — любит баб, выпить, широко пошиковать (у него оказываются самые экзотические продукты — из других его местопребываний). Две-три квазидемонические черточки (красные глаза без очков — спектрограф бы!).

«Души продают только те, кому душа не нужна. Кому нужна — тот душу не продает. А если продает — были прецеденты: ради детей, ради идеи, ради высоких целей, сострадания, любви, — то жестоко платится! А кому не нужна — тем и горя мало, конечно. Карл Гаврилович? Да не потому он повесился, что без души жить не мог, а потому что продешевил, не то попросил. Попросил бы членкорства, лауреатства, сносу бы ему не было...»

«Но, конечно, с условиями средневековья не сравнить. Тогда трудно было. Уж я им втолковываю... Нет, не верят. Цепляются за души, в ад боятся попасть. А сейчас религии нет, как прекрасно стало!»

26.11.81

[Схема: разбивка по времени. Линия «Манохин»: «10 июля уехал в Москву», «3 сент<ября> возвращается в обсерват<орию>»; линия «Росляков»: «14 июля» — «охмурение», «24 авг<уста> возвращается в обсерватор<ию>» «10 дней уже в обсерв<атории>, за это время пришел в ужас»; линия «Агасфер»: «14 июля» — «охмурение», «поселили в гостиницу»]

3 сент<ября>. 10.00

Манохин на автобусе со станции к гостинице. Злорадная администраторша подает ключ. Поднимается в номер — одна из комнат явно занята. Мысли о том, что зря перед отъездом поссорился с Суслопариным. Наскоро бреется, берет папку, звонит секретарше: «Карл Гаврилович у себя?» «Да». Идет в главн<ый> корпус. Секретарша Серафима Серафимовна в предбаннике. Из предбанника две двери: «Директор» и «Зам. директора по общим вопросам». Шоколадка на стол, и тут из директорского кабинета задом, кланяясь, вылезает Агасфер. Любопытно взглядывает на Манохина. Серафиме:

«Что, Константин Ильич у себя?» Манохин, с неприязнью думающий о Суслопарине, обращает внимание на Агасфера. Описание. Манохин идет в кабинет Карла и слышит его крайне капризный голос: «Подождите там!» Но он на правах старого друга влезает и видит: Карл ужасно, до отчаяния не в духе. Но Манохин и сам не в духе, и его поражает другое: наружность Карла.

Разговор, где, по идее, Карл хочет уговорить Манохина продать душу за возвращение его, Карла, в прежнее состояние:

1. Манохин выражает восхищение, как Карла выправили в санатории.

2. Передает Карлу проспекты от Шкловского, говорит о заказе на новую выч<ислительную> технику и пр. shop[1].

3. Что ты такой кислый? А ты и сам кислый. Так у меня причины, кого-то Костя мне в гостиницу подселил, ты бы его выгнал, а? Как бы он сам меня не выгнал. Разговор о Суслопарине.

4. Что-то он недоговаривает. Я его 20 лет знаю. Я спросил его наугад: не был ли в Москве, не получил ли втык? Нет, приехал прямо со своего чудодейственного курорта 10 дней назад. Так что же? Пристает.

5. Тут Карл пьет бормотуху. Душу я продал. И неудачно. Не хочу я на эти темы говорить здесь, приходи-ка лучше ко мне вечерком.

Ошеломление: Манохин предполагает, что речь идет о групповой борьбе между научниками.

3 сент<ября>. 11.30

См. в конце:

Манохин вспоминает, что давал перед отъездом в ВЦ кое-какие расчеты, и идет к Жене Демченко. Расчеты сделаны, ничего утешительного нет, а Женя разражается рассказом о том, как у него торговали душу.

1. Провел титаническую борьбу, чтобы не подходили к Сереже посторонние.

[1] Здесь — закупки (*англ.*).

2. Набил морду Суслопарину (a la Медведев, только я развернулся, как наскочили какие-то двое...)

3. Всё районное начальство с им пьет: первый с им пьет, второй с им пьет, нач<альник> милиции с им не просыхает, предисполкома с ... на себе тащил.

Всё время цепочка: душа — борьба за счастье Сергея — совершенно посторонние предметы.

4. Душа — в Кампучию, нач<альник> военкомата, все с им пьют, знаешь, рыжий такой, жена у него Галька, всё хочу трахнуть, но неудачно...

5. Известна становится только связь между душой и этим... как его... имя у него... Агафон, что ли... в общем, Кузьмич. Но не еврей.

Основной мотив Жени, поскольку он в хорошем настроении, — обнять Сергея, выразить ему свою любовь и преданность.

Кто-то другой заходит на ВЦ и переключает Женю на себя. Сергей ускользает.

Карл: нет самоубийства. Потерпев поражение с предложением продать душу сына, он напивается и, как все, продавшие душу неудачно, обрушивает месть на окружающих. Хрен с им, что я теперь бездарь. Академик N тоже бездарь. А у меня как-никак 86 работ, две монографии, а там, глядишь, года через два-три этот ступор пройдет. А ты, Сережа, не продал душу и со своими двойными звездами в г... А я сейчас этим Суслопариным займусь, я ему покажу райком, сауну, гаражи, я его в распыл пущу!..

Суслопарин: Я вам души сотрудников пока продам, а свою погожу. Агасфер ему: я бы на вашем месте не ждал. Заметили, каким директор с курорта вернулся? Он ведь вас съест. Ну, кто еще кого. А все-таки, зачем вам тратиться на мелочи? Соглашайтесь сейчас, голубчик.

Карл (третий разговор) (в кабинете):

1. Совершенно не обязательно, Сергей, проводить твои наблюдения именно здесь.

2. С жильем плохо, обещал я тебе коттедж, видимо, не будет.

3. Могу помочь перевестись хотя бы в Симеиз.

Звонок из Москвы, и Сергей понимает, что Карл принял неблагородную позицию, будет писать хороший отзыв на скверную диссертацию нынешнего противника.

Сергей: Ты что же, будешь за этих кое-какеров?

Карл: Если со мной работаешь, изволь стать на мои позиции. Дружба — это прекрасно, любовь к старику учителю — прелестно, но жизнь есть жизнь. И скажи спасибо, что я говорю с тобой откровенно, а не полунамеками елейными, которых бы ты не понял, и мне пришлось бы тебя отсюда выживать, и ты пробкой так и вылетел бы отсюда, так и не поняв, что случилось.

И еще подумай: мне предстоят тяжелые бои. На кой черт мне в обсерватории сотрудник, у которого неудачная работа?

3 сент<ября>. 13.00

Манохин в столовой, подсаживается шофер Гриня. Я тебя ждал, приехал ты наконец. Без объяснений, посиди, свидетелем будешь. Пообедав, идут на садовый участок Грини позади обсерватории. Садятся в домике, и тут является Агасфер. По дороге Гриня: слушай, а там, в Москве, почем сейчас субстанция? Да как везде — пять двадцать. Да я не об ней... — сказал Гриня с досадой и надолго замолчал. Появляется Агасфер с толстым странным портфелем. Сергей ничего не понимает. Гриня деловито перечисляет условия: 15 тыс. Никаких фальшивок. Новыми, не старыми. Не крупнее десяток, а лучше трешками и пятерками. В банковской упаковке. Готов подписать. Агасфер достает расписку. Гриня дает прочитать Сергею. Тот обалдел. Что это? Агасфер: так в «Мифологическом словаре». Да что за чепуха! Чего вы человеку голову морочите? Кто вы такой? Гриня орет: чего орешь? Я тебя свидетелем приписал, чтобы честь по чести было! А орать будешь — вон иди, посиди на лавочке. Ты, что ли, у меня субстанцию купишь за 15 тыс<яч>? Дурак, тебя, может, в иностранную разведку вербуют, а ты рот разинул! Агасфер предъявляет документы, представляется. Гриня: ну, я подпишу. А деньги когда? Завтра суббота, будете огород копать, найдете. Гриня: а может, сейчас? — показывает

пальцем на портфель. Агасфер: голубчик, деньги те не у меня! Я только посредник! Предъявляю расписку, и завтра к полудню получите! Ну, ладно, давай. Процедура подписи: как кровь на анализ, палец прижимается к пергаменту. Гриня: ну? А как субстанция? Не беспокойтесь, всё в порядке. Счастливо оставаться.

Обалдевая, Манохин уходит за Агасфером. Агасфер: ну-с, как я понимаю, вы на работу, я тоже по делам. Вечером встретимся.

Агасфер: заготовитель шиповника, а попутно и этим занимаюсь.

Эпизод: Агасфер доставал из портфеля принадлежности, по ошибке вынул что-то живое, шевелится, на столе прожженное пятно, запах гари. Ах пардон! — Агасфер зашипел, схватился за ухо, затряс пальцами. Сунул обратно в портфель. Гриня: повел носом, сказал:

— Никак горит что-то? Окурок кто не притушил?

3 сент<ября>. 19.00

Вечерняя беседа с Агасфером.

Сергей звонит Карлу, тот отказывается его принять, отменяет встречу.

Эпизод с очками (красные глаза)

Агасфер угощает из своего портфеля экзотической жратвой и выпивкой.

Вопросы Сергея, ответы уклончивые, разговор на аналогиях.

4 сент<ября>. 13.00 суббота

Проспавшись, Манохин отправляется поглядеть, как там Гриня. Попутно видит, как Агасфер садится на автобус и уезжает в город.

У Грини. Гриня сидит в клуне у своего участка, весь в поту и не знает, что делать. Всё отрицает и разговаривать не желает. Манохин уходит и видит на кустах прибитую ветром банковскую обертку.

И он представляет себе, как Гриня выкопал свои 15 тыс<яч> в пластиковом мешке (и если это трешками — то мешок огромен!), и что ему делать дальше? Не предусмотрел Гриня. Домой нельзя — там семья. Довериться кому-либо — страшно подумать. Выпить охота, а как сбегать за водкой, оставив мешок? Да, продал душу Гриня, да неудачно. И тут Манохин останавливается: «Продал я душу. И неудачно». Где это он слышал такие слова — совсем недавно? Вспомнил: это Карл.

И он идет к Карлу.

Отчаянный разговор. Карл пьян и как в бреду. Вещи разбросаны. В доме кавардак.

Рассказ Карла. См. завершение.

Торговал Агасферу душу сына. Жена подслушала, схватила сына и убежала с чемоданом.

Карл напивается до блевоты, Сергей его раздевает, укладывает, прибирает и сидит, пока не возвр<ащается> жена с сыном.

Разговор с женой.

А пока дожидался, наступило озарение, он понял, что нужно сделать с теорией двойных, торопливо работает, лихорадочно пишет, а затем видит, что это ни хрена не стоит.

27.11.1981

4 сент<ября>. 21.00

В номере с Агасфером. Манохин приступает к переговорам о переделке законов природы. Он в отчаянии от новой неудачи своего «озарения» по поводу теории и прямо предлагает свою душу Агасферу [Вставка: «Вставить вопрос Манохина о Карле. «Я его предупреждал!»] за изменение законов природы в соответствии с теорией. Агасфер: это ужасно трудно. Предлагает: 1) затормозить науки, чтобы теории хватило на век Манохина: а) воздействие на наблюдательную аппаратуру; б) создание мнения, что Манохин достиг идеала; в) укрощение энтузиастов путем неприятностей на работе или отфутболиванием вверх; 2) не изменяя законов природы, использовать существующие, чтобы создать весьма малую статистику: подвинуть газовые облака, передви-

нуть звезды — какие ближе, какие дальше. Это предполагает большую архивную работу — уничтожить или подчистить прежние наблюдения. На это начальство, пожалуй, пойдет. Манохин всё это отвергает, потому что это связано с обманом большого количества людей. Тогда Агасфер отступает и предлагает составить проект изменения законов природы, необходимых для теории. Пыхтят. Агасфер в этом плавает, Манохин тоже. «На чье имя?» Агасфер задумывается. «Пишите на мое». Сверху оставьте место, а ниже пишите: «Зам<естителю> нач<альника> отд<ела> снабжения Прудд-д-кову от ст<аршего> н<аучного> с<отрудника> и т. д.»

5 сент<ября>. 11.00 воскрес<ение>

Проснувшись, Манохин слушает разговор Агасфера с Колей и Олей. Простодушные энтузиасты, трагические фигуры. В их представлении вокруг хорошо и только в городе плохо, и не всё плохо, а портят дело отдельные начальники: заврайоно, директор и т. д., а вместе с тем есть такие-то и такие-то учителя-энтузиасты, экскурсии за город, третьяковки и т. д. Мы слышали, что вы принимаете души. Возьмите и уберите эти помехи. Агасфер молчит и слушает. Мальчик: директор школы хапуга и жулик. Девочка: правильно, но без этого нельзя, иначе остались бы без дров, и зимой все бы замерзли. Так они пререкаются и доходят до того, что всему виной международное положение. И тут Агасфер: в политику не вмешиваюсь, свою коммерцию на Западе подрывать не желаю.

(«Завуч торгует на базаре мясом...» «Мясом учеников?» — с ужасом спрашивает Агасфер.)

Этот разговор Манохин слушал вполуха, умываясь, завтракая, бреясь и т. д. Не дослушав, уходит. Всё ему обрыдло, на уме трагедия Карла, собственная трагедия, не может он больше оставаться под одной крышей с Агасфером. У дверей гостиницы только что из города прибыл автобус. Толпа. В центре стоит и витийствует Женя Демченко. Он рассказывает о панике в городе: у райторга очередь на получение талонов на продажу души. Он приехал, чтобы всех позвать

в город. И все лезут в автобус, потому что водитель панически гудит нетерпеливо. И тут выскакивает Агасфер, лезет в переполненный автобус и необъяснимо оказывается в середине автобуса.

Манохин с удивлением видит, что Женя остался. «Жень, автобус-то уходит!» — «А чего мне в городе делать? В буфет надо идти, пиво обязательно привезут. Пойдем». — «Не хочу пива». — «Так что же я на тебя столько времени потратил?»

5 сент<ября>. 20.00

«Как я понимаю, силы империализма вы уничтожить не можете?»

Является чем-то очень довольный Агасфер. Стучит к Манохину, дает ему заявление с резолюцией: «Ха-ха» и непонятной крючковатой подписью. Манохин испытывает неожид<анное> для себя огромное разочарование. Ему даже смешно — как он мог так сильно надеяться получить за «субстанцию» измененную Вселенную. Агасфер на него внимат<ельно> глядит и говорит: «Не так вы относитесь к этому вопросу. Вот как надо относиться», — и включает магнитофон с записью (магнитофон из портфеля, кассету из кармана) Суслопарина.

Три линии беседы:

1) описание предлагаемых сотрудников,

2) продвижение по службе Суслопарина,

3) провокации Суслопарина.

Продажа душ = поставки шиповника.

Вознаграждение — госцены — тут и начинается путаница, после которой отчаявшийся Агасфер предлагает перейти к разговору без кода. «Можно подумать, что у вас записывающая аппаратура!» — «Н-ну, не знаю... Я не устанавливал, а ручаться не могу». — «Тогда давайте переписываться». — «Давайте». Тишина. Затем Агасфер: «Я не понимаю, что это у вас... Су... Сун...» — «Это сустанция!» — важно говорит Суслопарин. «Нет, давайте лучше говорить, вы меня в гроб вгоните».

М<ежду> п<рочим,> официальный предлог визита Агасфера к Суслопарину — это именно вопрос об организации сбора дикого шиповника, в изобилии растущего в окрестностях обсерватории.

[Внизу отделено чертой: «Беда не в том, что наблюдения не совпадают с теорией, требуют каких-то поправок к теории. Наблюдения мою теорию просто уничтожают! Она не верна с самого начала, и я не знаю, с чего теперь начинать».]

Процедурный вопрос: как заставить сотрудников поставить кровавую роспись под распиской? Не согласятся. Суслопарин: можно под видом медицины: поставить фамилии, кровь-де для исследования, а саму расписку потом приписать сверху. Агасфер: не пойдет. Души, проданные добровольно, отличаются от душ, проданных обманом, как водка и вода. Вы пили когда-нибудь воду? Нет, — ответил Суслопарин рассеянно. — Чай, борщ... мороженое... Да, это затруднение.

Во время разговора телефонные звонки сверху и снизу, и он то воркует, то рявкает. Один из звонков про сауну.

6 сент<ября>. 10.00 понед<ельник>

В начале главы Манохин, идя на работу, думает со слезами на глазах: «Черт возьми, надо Карла спасать. Ну на кой черт мне эта душа, субстанция, или как ее...»

Приходит на работу, ему передают, что вызывал Карл. Разговор у Карла. Подоплека: для Карла Манохин невыносим как свидетель его позора, надо убрать его с глаз раз навсегда. Цель: подвести его к мысли подать по собственному желанию. (Еще: когда он приходит, Серафима, непривычно напряженная, предлагает ему подождать. Он ждет в предбаннике, вдруг дверь в директорскую распахивается, выходит Суслопарин, весь красный, злобный, растерянный и, бормоча: «Мы еще посмотрим, кто кого», — скрывается у себя за дверью. Манохин входит, Карл холоден и трезв — красавец, образчик советского ученого из кинофильма сталинских времен. Предлагает написать отзыв на диссертацию Засранцева. «Провалить?» — радостно спрашивает Манохин. Карл:

«Зачем же? Поддержать. Работа интересная». Манохин: «Как же так? Мы же весной еще с тобой говорили, ты сам сказал, что не выступишь против своего учителя, что не станешь вмешиваться в их грызню...»

Когда Манохин, спотыкаясь о мебель, выбирается в прихожую, там сидит бледный парторг, ставленник Суслопарина. [Сбоку добавлено: «Отыграть его раньше.»]

Парторг Беспалов втолковывает старому астрометристу Пестраку: «Вы, поколение 50-летних, несчастные...» и т. д. о промежуточном поколении. Манохину это приятно.

Манохин возвращается в гостиницу — на работе делать больше нечего, — и растерянный администратор подает ему повестку: явиться в прокуратуру района сегодня к 18.00. «Зачем?» Администратор жмется, показывает на потолок: «Приезжали за ним... увезли... милиция».

28.11.1981

Приехала Адочка.

29.11.1981

Пьянствуем.

30.11.1981

Писали кратк<ое> содерж<ание> для Вайнеров.

В конце года АН писал Геннадию Прашкевичу:

Из: Прашкевич Г. Человек эпохи

<...>

И в декабре 1982 года:

«А у меня, брат, дела плохи. Живу от одного сердечного приступа до другого...

Невозможность издать книгу вовремя.

Невозможность поехать туда, куда хочется».

В итоге Аркадий Натанович вообще перестал выезжать.

Я приглашал его в Дом ученых в Академгородок, вместо себя он прислал Теодора Гладкова. В зале собрались работники местного КГБ, я был поражен, как их много. Даже в Брайтон (кажется, единственная зарубежная поездка)

Аркадий Натанович ехал, покряхтывая. В столах у него и у Бориса Натановича скопилась масса не опубликованных в России произведений.

<...>

В 1981 году у Авторов вышла книга в Баку (еще один тираж прошлогоднего издания ХВВ + ТББ) и сценарий «Машина желаний» в сборнике НФ–25.

Сценарий был предварен предисловием АНа.

АНС. [Предисловие к сценарию «Машина желаний»]

Несколько лет назад нам выпала честь участвовать в создании фильма «Сталкер». Режиссер Андрей Арсеньевич Тарковский первоначально взял за его основу четвертую главу нашей повести «Пикник на обочине». Однако в процессе работы (около трех лет) мы пришли к представлению о картине, ничего общего с повестью не имеющей. И в окончательном варианте нашего сценария остались от повести лишь слова-термины «Сталкер» и «Зона» да мистическое место, где исполняются желания. Фильм вышел на экраны и у нас, и за рубежом. О нем много и разнообразно говорят, но сходятся в одном: он чрезвычайно сложен и многозначен. Кроме того, никто не сомневается, что это работа высшего международного класса. И да не будут приняты эти слова за самохвальство! Главная заслуга в создании фильма «Сталкер» принадлежит А. Тарковскому, мы же были только его подмастерьями.

А сейчас читателю предлагается один из первых вариантов сценария, в котором будущий «Сталкер» едва проглядывается. Нам любезно предложили опубликовать его, полагая, видимо, что картина, будь она снята по нему, тоже имела бы право на существование.

В этом году АБС были удостоены как международной награды (на Шестом фестивале французской фантастики в Меце — приз за лучшую иностранную книгу года — ПНО), так и отечественной («Аэлита»).

1982

Новый год АН встречает с Тарковским.

Из: Суркова О. Тарковский и я

<...>

...вспоминается, как мы прикатили с моим мужем к Тарковским не на Новый год [1982 года. — Сост.], а первого числа, насмеялись тогда вдоволь... Хотя надо было, наверное, не смеяться, а плакать... Тот Новый год они встречали с Аркадием Стругацким и его женой. Она поддерживала совершенно узюзюканного Андрея, похожего на ребенка: «Ой, Ольга, Дима... Давайте, ребята, проходите», — командовал Андрей, гостеприимно помахивая вялой рукой. <...> Мы само собой подключились к новогоднему утру, всегда странному и специфичному, но уж чрезмерно убойному в этом никак не приукрашенном «пейзаже после битвы»... А как же здоровье Маэстро, который больше не пьет?

<...>

В начале года Авторы работают в Москве.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Женя Демченко устроил прошлой зимой (в пьяном виде) эскападу a la Дудин: чайником на снегу написал «Сусло — дуб». Следствие месткома, анализ почерков, запугивания — Женя раб Суслопарина.

У Манохина привычка: всем встречным и поперечным дает клички (мысленно, конечно). «Ойло союзное». Еще? «Клепсидра».

8.01.82

Приезд Б<ориса> и А<ды> в Москву.

Работа над «Торговцами».

Феликс Александрович Сорокин, 56 лет.

Официально известен как автор пьесы «Товарищи офицеры», а затем романа «Равнение на середину».

Биография Арк<адия> Стругацкого. В 1943 г. должен был погибнуть на Курской дуге вместе со всем училищем, но за два дня до отправки его откомандировали в Военный Институт.

1949 — кончает Институт, откомандиров<ан> в Зап<адно-Сибирский> воен<ный> округ.

1952 — проштрафился, загремел на Камчатку.

1954 — переведен в Управление ДВВО в Хабаровск.

Пишет пьесу «Тов<арищи> офицеры», пьеса в жилу (против маршала Жукова, за политработников), получает премию. Принимается за роман.

1955 — отсыл романа в Военное из<дательст>во, получает договор и добивается демобилизации. Переезж<ает> в Москву.

С женой развелся в 1952 г., ребенок родился на обратном пути из ЗАГСа в 1949 г. Есть дочь с зятем, кот<орые> живут на его старой квартире, а он — в однокомнатной квартире.

1957 г. — вышел роман «Равнение на середину», славы не принес, но приняли в СП и дали адм<инистративный> ход: член комиссии военной прозы, рецензии, семинары, поездки в части, очерки в военную прессу.

1939 г. — школьником написал сочинение <по> лит<ерату>ре — первый фантастич<еский> рассказ.

Химия, физика, астрономия, математика — школьные увлечения, да и в армии тоже.

Всю жизнь пописывал сказки, научную фантастику, хобби, полузапретное наслаждение.

С 1960 — осмелился дать несколько сказок в редакцию, опубликовали, стали даже приглашать на заседания Комиссии по фантастике. Широк<ие> массы знакомых осудили. Поэтому балуется тайно. Гл<авным> образом в виде разработанных сюжетов. Или отрывки.

В 1976 г. — решается приняться за роман, начинает писать. К 1981 г. — готовы уже две части ГО.

По-прежнему не уверен в себе. Человек, который ни разу в жизни не был уверен, что он прав.

В Доме реализуются такие сюжеты:

1. Источник бессмертия — реализация <сюжета> с больным товарищем.

2. Menzura — как сатирическая сказка — реализуется сюжетом повести.

3. Дни Кракена — сумасшествие, поразившее конторы Дома. Попадает на собрание какой-то конторы, где идет товарищеский суд, приговарив<ающий> к расстрелу.

4. Человек, кот<орого> принимают за пришельца.

5. Хромая судьба.

6. Ноты трубного гласа страшного суда, пьяный падший ангел продал за кружку пива Сорокину. Тот либо в Menzura, либо знакомому музыканту → дальше a la врач-грузин, прочитавший Маркеса: приходит черней тучи, «Динамо опять проиграла».

Всегда надо оставаться в меньшинстве.

9.01.82

«А сейчас, — подумал я, — будет то-то». И действительно, дверь распахнулась... (Прием, кот<орый> используем раза два: как когда я смотрел «Альфавиль»[1]. Когда придуманный заведомо сюжет реализуется в жизни.)

Первый поход в дом. Не доходит до дома, история из «Источника бессмертия».

Второй поход в дом. Не доходит до кабинета. Запутался в коридорах, попадает на товарищеский суд. История с Кракеном.

Третий поход в дом. Встреча с ангелом в буфете, получает ноты, забывает на столе черновики. Входит к Menzur'е, обнаруживает, что у него ноты, а не его папка, думает: какая разница! Сдает Михаилу Афанасьевичу, показания Menzur'ы. Булгаков его разоблачает. Он извиняется и уходит. Это 1-я встреча с Булгаковым. Он просит Булгакова: да запишите как попало, чего там! Булгаков: неужто вам самому не интересно?

[1] Франц. к/ф 1965 г., реж. Ж.-Л. Годар.

Объясняет, что означают цифры на дисплее. А на ноты выпало 100 миллиардов. Как понять? Не знаю.

Булгаков — аналог Наставника в ГО.

Четвертый поход: последнее посещение, несет рукопись ГО, жалкие цифры, предложение Булгакова.

Эпизоды:

1. Перебирает свои старые рукописи.

2. Пишет письмо переводчику (взять Фуками, вопросы о переводе слов).

3. Размышление о своих библиотеках — биография одновременно.

4. Сцена в ресторане ЦДЛ: полоумный старик подсаживается к Феликсу, рассказыв<ает> о Владим<ире> Владим<имирови>че[1], Белинском, Ал<ексан дре> Сергеевиче. «А! — вот и Михаил Афанасьевич. Миша! Интересно, куда это он: в парикмахерскую, в партком или в биб-ку?» Это после третьего похода.

5. После второго похода, сразу после товарищеского суда, — в ресторан. Там его обсаживают писатели и травят всякие истории про Menzura: легенды и анекдоты. Демиденко, он еще не был. Всего четверо.

6. Интрига: о плагиате двухстрочной подписи к карикатуре в виде перевода с монгольского 20 а. л. романа. «Что мое, то мое. Суд разберется». Монстризм членов комиссии: серьезно и с жаром занимаются г...м.

7. «И животноводство!..» — пьяный писатель на заседаниях, после каждого выступления и в паузах. В первый раз попал в жилу, а в третий — вывели.

8. Дочь с зятем: то ли ясли для внука, то ли шубу шить в Литфонде...

9. В очереди за получением заказа — может, дочка: принесла ему, кое-что отдала, кое-что забирает себе.

[1] Т. е. Маяковском.

Зима.

10.01.82

День 1

В середине января, примерно в два часа пополудни, я сидел у окна и вместо того, чтобы заниматься сценарием, пил вино и размышлял о нескольких вещах сразу. Думал я о том, что... [Стрелка со вставкой: «в последнее время я всё чаще и чаще попадаю в какие-то нелепые, нудные происшествия».] И о том, что... Но отчетливее всего я осознавал, что размышляю о своей библиотеке. Боже мой, подумал я с тоской и состраданием к себе, ведь это моя последняя библиотека, больше мне не завести...

2. Описание дня и вида из окна.

3. Описание размышлений.

4. Размышление о биб<лиоте>ке.

5. Звонок секретаря — давай черновики.

6. Возня с черновиками: зачитывается отрывками из «Источника бессмертия». [Дописано: «про Пришельца-человека».]

7. Почтальон с переводом, он воспрял духом. И письмо из Японии.

8. Бросив всё, садится отвечать на письмо.

9. Уже одет, но звонит Шибзд. Он всегда звонит, когда я сплю, или в сортире, или готов выходить. Есть еще друг Сергеев, звонит, когда я ем.

10. Настроение сбито, чтобы не встретиться с Шибздом, решает остаться. Сбегал за бутылкой, достал ГО и принимается читать.

Глава из ГО. [дописано поперек «Звонки от режиссера»]

День 2.

1. В 13 собрался идти на MZ, перед этим звонок из бюро пропаганды или от дочери. Берет папку с черновиками.

2. Лифт стоит, занят санитаром. Из квартиры приятеля, Костя Кудинов, выносят заблеванного. «Опять!» — подумал я и не ошибся. «Поезжай туда-то... это в Сокольниках... по Богородскому шоссе... остановка такая-то... спроси, где

институт... найдешь там Мартинсона Ивана Давыдовича... пусть даст тебе... расскажешь всё... пусть даст тебе «мафусаллин»... это так препарат называется, запомнил? Хоть несколько капель...»

3. С врачом на лестнице. Адрес поликлиники. Ч-черт, в Бирюлево, на другом конце Москвы... Сильное отравление, ботулизм... А помогает этот «мафусаллин»? Впервые слышу.

4. Чертыхаясь, едет в Сокольники. Находит институт, за забором, без пропуска не пускают. Доброхот показывает пролом в заборе: через институт для спрямления пешего пути проложена тропа.

5. Встреча с Мартинсоном (вроде Мирера). Мартинсон расспрашивает имя, адрес. Говорит, что сам всё сделает.

6. 15.00, настроение сбито. Едет в метро, в Клуб. Встреча с соглядатаем, которого принял за Женю Гамарника, умершего неск<олько> лет назад. Пригляделся — нет, и даже не похож. Только пальто такое же. Но чего смотрит?

Замечает за собой слежку.

7. В Клубе 16.30. Разговоры насчет MZ. Разговор, естественно, — где был? Да собрался на MZ, а по дороге Кудинов, пришлось насчет лекарства и т. д. Мнение: суки-евреи выдумали машину, объективно оценивающую талант, и теперь нам конец. Миша Демиденко. Версии:

1) еврей создал машину для работы по теории информации: изучает энтропию языка. С первым по вась-вась, а тот нас затянул.

2) Нет, это помощь ученых писателям. Робот-редактор. (См. 1-е варианты — магазин «Писатель».) Машина уже создана, сейчас ее отлаживают с помощью рукописей.

3) Ужасная версия — оценка таланта писателя, повергает всех в панику. Галина Серебрякова устроила скандал, в результате попытка подсунуть Шолохова, дать на лапу.

Слух, что снижение гонораров.

Официальная версия: подшефная помощь. Секретарь: вас, как ученых, свеклу перебирать не посылают. Так что же ты, сукин сын, съездить на 20 минут не можешь?

Во время беседы он вспоминает, что был у него замысел написать «Menzur'у». Ничего не придумать! И убивает его окончательно, когда один из друзей вспоминает, что такой рассказ есть у Акутагавы.

8. За это время несколько раз звонил к Косте домой, никто не отвечает. А Костя когда-то навещал его, когда он лежал, и от неловкости — надо ехать.

9. Он едет. В автобусе он уже встает, чтобы выходить, и видит знакомое пальто, знакомый взгляд. Он вспоминает свой сюжет, и ему становится неуютно.

10. Встреча с Костей в больнице, он здоров, беспомощные попытки Кости убедить, что ничего не было.

11. Провожает на лестничную площадку, говорит на ухо: «Ничего не было. Понял?» — «Как так?» — «Не было ничего! Дурак! Понял?» И уходит.

12. Дома в почт<овом> ящике находит пакет, где его принимают за пришельца. Дочь была, оставила продукты.

Главы из ГО.

День 3.

Письмо к нему, как к пришельцу: смешно, и страшновато, и гордо. Это базируется на сказках. Его творческая биография.

Звонок секретаря по поводу приемной комиссии, в конце спрашивает, ходил ли в Дом. Нет, не ходил. Секретарь звереет, но Феликс — надо было лекарство доставать.

Едет и наконец достигает Дома. Берет папку с рукописью.

А между тем в филиале Ин<ститу>та Лингвистических Исследований происходит товарищеский суд. Судят некоего Жуховицкого 1) за кражу шубы, 2) за соблазнение двух сотрудниц, 3) за распространение порочащих слухов. За что точно — непонятно. Среди сотрудников вкраплены писатели. Один из них, пьяный, всё вскрикивает: «И животноводство!» Понять ничего нельзя. Демиденко тоже берет слово по поводу предложения кастрировать. Феликс ждет, почти плачет и уходит.

Дома дожидается дочь, кот<орая> принимается его пилить за то, что он не устроил внука в спец<иализированную> школу или насчет шубы в литфондовом ателье. Уже уходя, сообщает, что ее вызывали в отдел кадров и задавали странные вопросы — о детстве и не является ли папаша телепатом.

Звонок интригана. В порядке подготовки к заседанию приемной комиссии. Невнятные угрозы.

Звонок в связи с принятием за пришельца. Получили ли письмо и не отказываетесь ли от помощи.

Главы из ГО.

День 4.

С утра берет папку с рукописью, помчался позавтракать в «Ракушку». Пиво, бефстроганов. Подсаживается падший ангел. «Ну вот, опять...» — подумал я.

История. «Мне посоветовали обратиться к вам». — «Кто посоветовал?» Тот с готовностью оглядывается, чтобы показать, не находит, говорит: «Куда-то он... Да это неважно». — «А почему ко мне?» — «Мне сказали, что вы способны если не поверить, то понять»...

Продает ноты за 5 р<ублей>. «Я их уже переписал в вашу нотную систему». В папке. «Вот вам 5 р<ублей>, возьмите свою папку, мне не нужно». — «Нет-нет». Ангел поспешно благодарит и уходит. Феликс раскрывает папку. Там ноты, в них он не понимает. Сбоку написано: «Пр<оспект> Вернадского 117, бар «Ракушка», пальто серое в клетку». И тут же видит на полу рядом со стулом ангела два здоровенных грязных пера. Он вскакивает, смотрит в окно. А там ангела ведет, крепко взяв под руку, давешний соглядатай в клетчатом пальто. Ангел слабо упирается, но его уводят.

Потрясенный, Феликс решает было никуда не ходить и возвращается домой. Сидит, обдумывает.

Звонок секретарши: «Федор Иванович настоятельно просил напомнить вам сегодня же побывать в филиале».

Перепутав папку, идет в филиал.

В коридоре сидит одиноко Гнойная Тень. Феликс садится ждать. Выходит Демиденко с перевязанной головой и рукой

на перевязи. Момент ужаса. Дем<иденко> объясняет, что вчера сверзился. Просит сигарету, выхватывает папку, раскрывает. «А, ты и этим балуешься...» — говорит непонятно. Феликс глядь — а это ноты. Что делать? Э, один черт. Секретарю галочку надо поставить, так и хрен с ним.

Выходит Гнойный, весь зеленый, останавливается, бормочет в том смысле, что, видно, не добил я его. Третий шок — слишком много для меня. И он входит в лабораторию.

После этого идет домой, заходит к поэту-песеннику и композитору. Показывает ноты. Посмотри. Тот работает (очередная песенка «Мы болеем за “Спартак”»), «ладно, посмотрю». И пропирает Феликса. Феликс ставит суп, чистит картошку и садится за сценарий. Вечером приходит поэт-песенник. Лицо его было... собственно, не было на нем лица. Он положил папку. Подошел к окну, вцепился в волосы. У меня ослабели ноги. Я сел. Он наконец: «Опять «Спартак» пропер... Ну что ты будешь делать!»

ГО.

День 5.

В 8 утра позвонил Баринов и спросил загробным голосом, как дела. Черт бы тебя побрал. Грубый ты человек. А к кому мне еще звонить? Кто больше трех раз женат, у того отбирают квартиру.

Лежа, мучается мыслями, сколько накопилось тяжкого г...на: пришелец, литфондовская шуба, эликсир бессмертия, завтрашнее склочное заседание, несделанный сценарий, сыщики какие-то... Мистическая надежда, что, может быть, Михаил Афанасьевич что-то сделает такое, откроет, откровенное скажет, что сразу все эти трудности перечеркнет...

Удрученный, спускается по лестнице (лифт не работает) и на лестничной площадке видит Костю: его выгоняют из квартиры курить на лестницу. И Костя веселый, ясноглазый и пахнет не блевотиной, а одеколоном, и сразу стало ясно, что все страхи последних дней — недоразумение, совпадение и т. д. Что речь шла о новом препарате, а раз так — нечего языками трепать, товарищи...

Ходил за газетами и за хлебом. Всё смотрел, нет ли клетчатого пальто. И, действительно, не было. И писем подозрительных не было.

Идет на заседание комиссии. По тексту.

Ресторан, старухи за соседним столом, о шубе Островского, старикашка. Михаил Афанасьевич. Влад<имир> Влад<имирович>, Ал<ександ>р Сергеевич, Виссарион Григорьевич с сыном Иосифом. Ба! Мих<аил> Афанасьевич! Куда это он, интересно, пошел, Миша?

Либо в парикмахерскую, либо в биб<лиоте>ку, либо в партком...

ГО

День 6.

Предположит<ельно>: М. А. читает Феликсу часть, кот<орую> тот еще не написал.

Писатель должен писать либо о том, что он очень хорошо знает, либо о том, чего не знает никто. Большинство считает не так. Но надо всегда оставаться в меньшинстве. И не только здесь.

11.01.82

Я остался жив, и всю молодость провел в армии, и всегда полагал своей обязанностью писать об армии, об офицерах. Километрами можно писать только то, к чему ты равнодушен.

Сделали 4 стр.

Вечером сделали 3 стр. (7)

12.01.82

«Случай в карауле» — текст.

«Нарцисс» — кр<аткое> содерж<ание> и текст.

Пьеса — текст.

Человек-пришелец.

Источник бессмертия.

А вот это помню: Человек (фокусник), кот<орого> принимали...»

Сделали 5 стр. (12)

Вечером сделали 2 стр. (14)

13.01.82

Сделали 5 стр. (19)

Вечером сделали 2 стр. (21)

14.01.82

Сделали 4 стр. (25)

Вечером сделали 3 стр. (28)

Наверное, я какой-нибудь урод. В лит<ерату>ре даже сама мысль — не поехать — не могла прийти герою в голову. В лит<ерату>ре — совесть всегда присутствует в чел<ове>ке, а в жизни можно месяцами и не вспоминать о ней, но тогда возникает конфликт между тягой к духовному и материальной комфортностью. (Правда, бывает и отрицат<ельная> духовн<ая> комфортность — обида, злость, злорадство.)

15.01.82

Сделали 5 стр. (33)

Вечером сделали 2 стр. (35)

Петя Скоробогатов (Демиденко), детск<ий> писатель.

Гарик Аганян — научпоп.

Жора Наумов (Гирш Наумович) — очеркист по с<ельскому> х<озяйству>.

Валя Демченко — прозаик.

16.01.82

Сделали 5 стр. (40)

Вечером сделали 1 стр. (41)

И ПРЕРВАЛИСЬ НА 41 СТРАНИЦЕ.

Вставку на стр. 36: Феликс рассказывает, что Кудинов обожрался консервами, его забрали в больницу, а ему пришлось тащиться через весь город за лекарством. Болезнью Кости никто не заинтересовывался, зато выяснилось, что Костя, оказывается, всем присутствующим нагадил. Нагадит, потом приходит и извиняется, что перепутал.

17.01.82

Писали письмо Фуками.

Писали письмо Городовикову.

В отличие от предыдущих лет этот год щедр на публицистику АБС. Начинается он интервью АНа «Московским новостям».

Из: АНС: «Герой фантастики не может не быть добрым»

<...>

— Значит, не считая себя специалистом по будущему, вы именно в понимании будущего расходитесь с большинством западных фантастов?

— Это естественно. Я сын своего отца, своего времени, своего народа. Никогда не сомневался в правильности коммунистических идей, хотя я и не член партии. Я впитал их с детства. Позднее, во время учебы и самостоятельно, я познакомился с другими философскими системами. Ни одна из них не удовлетворяет меня так, как коммунизм. Ну и, кроме того, я основываюсь на собственном восприятии жизни. В нашем обществе, несмотря на некоторые недостатки, я вижу то здоровое, святое, если хотите, что делает человека человеком. У нас считается неприличным не работать. А ведь коммунизм — это занятие для всех голов и для всех рук. Коммунизм не представляется мне розовым бытом и самоуспокоенностью. Его будут сотрясать проблемы, которые человек будет решать.

— Вы имеете возможность писать обо всем, что хотите?

— Я понимаю, чем вызван этот вопрос. Так вот, если говорят, что советские писатели пишут то, что им приказывают или заказывают, — это чепуха. Мы с братом, по крайней мере, пишем о том, о чем хотим.

— Тем не менее литературные критики частенько высказываются отрицательно о произведениях Стругацких...

— Нас с братом чаще всего ругают за стиль, усложненность наших повестей. Я, в отличие от иных критиков, люблю многих писателей, противоположных мне по стилю, пишущих в реалистической манере. Люблю, ценю, глубоко уважаю Даниила Гранина, Федора Абрамова, Булата Окуджаву... Но лично для меня точка зрения домового (хотя домовых и не существует) на мир интереснее, чем точка зрения обычного жильца дома. А раз мне так интереснее, я так и пишу.

8 января газета «Правда» публикует отзыв Авторов о телепрограмме «Этот фантастический мир», а 23 января интервью с АНом публикует газета «Путь Ленина» (Сенгилей, Ульяновской области).

В середине февраля АБС продолжают работать в Москве над будущей ХС.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

21 янв. 82 — получил 479.05 чеков (из Венгрии за Отель)

22 янв. 82 — звонили из Праги, хотят ставить в кино М. Я не возражал.

29 янв. 82 — получил 1230.07 чеков (?откуда?).

12.02.82

Б. прибыл в Москву. Пишем ТП.

13.02.82

Сделали 5 стр. (46)

Вечером сделали 2 стр. (48)

14.02.82

Сделали 5 стр. (53)

Лёня Шибзд восьмой год пишет повесть о спортсмене-бегуне, кот<орый> берет скоростные рекорды потому, что во время соревнований в нем пробуждается безумный страх, унаследованный от предков, что догонят и сожрут. И всех потому обгоняет.

Садится за сценарий. Пусть фильм дерьмо. Большинство фильмов дерьмо, а зрителям что-то нужно. А режиссер пусть пускает афоризмы: попробует он снять кадры про танковую атаку где-либо, кроме как на родной земле. Шовинист проклятый.

Вечером сделали 2 стр. (55)

15.02.82

Сделали 5 стр. (60)

Вечером сделали 2 стр. (62)

После Трубной дома:

1. Дочь, рассказ об отделе кадров.

2. Звонок Орешина.

3. Робкий звонок, получил ли письмо.

4. Читает письмо.

Fin

[Рисунок — схема расположения дверей в актовом зале Института лингвистических исследований (ХС). См. вклейку в НС–8.]

16.02.82

Сделали 5 стр. (67)

Вечером сделали 2 стр. (69)

Во время разговора с Орешиным, когда становится особенно тошно, он говорит: «И животноводство!»

17.02.82

Сделали 5 стр. (74)

Вечером сделали 2 стр. (76)

«Соврем<енные> сказки» — история завоевания Земли пришельцами, а la «Марс<ианские> хроники»[1], только наоборот.

18.02.82

Сделали 5 стр. (81)

Вечером сделали 2 стр. (83)

И ПРЕРВАЛИСЬ НА 83 СТР.

19.02.82

Писали ответы для «Ур<альского> следопыта».

БН записывает в Рабочем дневнике новости по работе на Ленфильме со сценарием ЗМЛДКС.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

22.02.82 — получил 106.91 из ж. «Сов. лит-ра»

25.02.82 — был на Ленфильме. Требования Госкино: 1) Что за работы ведут ученые? 2) Почему сверхцивилизация агрессивна? 3) Убрать быт и карлика.

[1] Повесть Р. Брэдбери.

4.03.82 — был на Ленфильме. Светка[1] взялась переменить интонацию. Решено сделать цивилизацию сверхагрессивной.

Надо бы в IV день вставить что-нибудь про пришельца или эликсир.

В начале марта АН принимает участие в пленуме Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе.

Из: Меридианы фантастики, НФ–27

1–2 марта в Москве состоялся пленум Совета по приключенческой и научно-фантастической литературе СП СССР, посвященный роли научной фантастики в современной борьбе за мир и дружбу между народами. Пленум открыл председатель Совета А. Кешоков; с докладами выступили заместитель председателя Совета, председатель советского национального комитета Всемирной Организации Научных Фантастов (ВОНФ) Е. Парнов и доктор философских наук, сотрудник Академии общественных наук при ЦК КПСС Э. Араб-оглы. В прениях участвовали писатели и критики Д. Биленкин, Вл. Гаков, Г. Гуревич, А. Казанцев, А. Стругацкий (все — Москва), Е. Брандис и А. Шалимов (Ленинград), В. Михайлов (Рига), Ш. Алимбаев (Алма-Ата), С. Снегов (Калининград), В. Бугров (Свердловск), А. Громов (Кишинев) и другие, а также доктор философских наук, заведующий кафедрой научного коммунизма Пермского политехнического института З. Файнбург, доктор исторических наук, заведующий сектором Института социальных исследований И. Бестужев-Лада, эксперт ВААП Б. Клюева.

В это время становятся регулярными контакты АНа с региональными КЛФ, а также с молодыми писателями-фантастами. Интервью, которыми зачастую сопровождались эти встречи, со временем публикуются в различных СМИ, всё чаще — региональных и фэновских.

[1] Пономаренко Светлана Андреевна, редактор Ленфильма.

Одно такое интервью имеет подзаголовок: «Коллективное интервью, взятое у Аркадия Натановича Стругацкого семинаром молодых писателей-фантастов 17 марта 1982 года в редакции журнала «Знание — сила», исподтишка записанное на магнитофон и впоследствии перенесенное на бумагу практически без изменений и искажений». И предварение от Виталия Бабенко: «Так [т. е. «В подвале у Романа». — *Сост.*] молодые писатели-фантасты называли свои вечерне-ежемесячные сборища в журнале «Знание — сила». Официально это именовалось Московский семинар молодых фантастов. Вели его Дмитрий Александрович Биленкин, Евгений Львович Войскунский и Георгий Иосифович Гуревич. А бессменным хозяином вечеров был заведующий отделом журнала и член редколлегии Роман Григорьевич Подольный, тоже писатель-фантаст». Фрагменты из этого интервью были впервые опубликованы в 1990 году.

Из: АНС. В подвале у Романа

Интервью брали:

Дмитрий Биленкин (руководитель семинара), Георгий Гуревич (еще руководитель), Евгений Войскунский (руководитель тож), Виталий Бабенко (староста семинара), Эдуард Геворкян, Иосиф Ласкавый, Владимир Гопман, Мария Мамонова, Аркадий Григорьев, Владимир Покровский, Вячеслав Задорожный, Борис Руденко, Михаил Ковальчук, Александр Силецкий,

а также:

Лев Минц (не член семинара), Илья Качин (растущий кадр), Андрей Гостев и Борис Петухов (два психолога, приведенные Аркадием Григорьевым на том основании, что ему многое дозволено, ибо он ходил еще на ТОТ семинар[1] в начале 60-х).

<...>

Покровский: Кто соединился в образе, скажем, Кандида в «Улитке на склоне»?

А. С.: Кандид и Перец — образы в какой-то степени автобиографические. Вообще автобиографические образы — это

[1] Еще более старинное сборище — знаменитый семинар фантастов в «Молодой гвардии». Организаторами его были Бела Григорьевна Клюева и Сергей Георгиевич Жемайтис, а вдохновителем и душой — Ариадна Громова. — *В. Бабенко.*

у нас довольно частое явление. Как бы хорошо мы ни знали своих близких, лучше всего мы знаем все-таки самих себя. Уж себя-то мы видали в самых разных ситуациях.

Биленкин: А Щекн в «Жуке в муравейнике»? Вряд ли его образ взят со знакомой собаки?

А. С.: Конечно, нет. Собака-то у меня была, пудель, но это был пудель-дурак.

Руденко: Бывают ли случаи, когда вы не знаете, чем окончится произведение? Например, «Жук в муравейнике» предполагает несколько концовок...

А. С: Мы всегда знаем, чем должна кончаться наша работа, но никогда еще в истории нашей с братом деятельности произведение не кончалось так, как мы задумали. То есть, мы всегда знаем, о чем пишем, и всегда... ошибаемся. Причем это выясняется не в конце, а где-то в середине вещи.

Руденко: В некоторых ваших произведениях ощущается намеренная недоговоренность. Например, в «Далекой Радуге».

А. С.: Я считаю, что недоговоренность должна быть основным инструментом литературы. Насчет «Радуги» — точно не помню. Работа над ней относится к тому периоду, когда мы имели силу и энергию придерживаться заранее составленного плана. Не исключено, что конец этой повести был запланирован. Может быть, имелся в виду и счастливый конец, хотя вряд ли... Счастливые концы мы отбрасываем, как заведомо маловероятные при любых ситуациях.

Геворкян: Не возникает ли трагическое противоречие между верой писателя в свой выдуманный мир и действительностью?

А. С.: Нет, не возникает. Вы подходите не с того конца. Конструирование вселенной для нас стоит на самом последнем месте. В процессе работы сначала возникает сюжет, возникает образ, затем мы развиваем сюжет и образ. Развиваем так, чтобы наиболее четко выразить свою идею, и в соответствии с этим *налепливаем* вокруг свою вселенную. Поэтому логического противоречия не возникает.

Геворкян: А эмоциональное противоречие?

А. С.: Мы не создаем вселенную на пустом месте. Если вселенная вступает с нами в конфликт, мы ее изменяем так, чтобы она не вступала. Модели вселенной, модели антуража, модели обстановки мы строим таким образом, чтобы они не мешали, а помогали нам работать. Если нам понадобятся, например, три или четыре луны... Да, представим себе какой-то дикий сюжет, где для наших наклонностей над селом Диканька было бы четыре луны сразу. И что? Мы не колеблясь поставили бы в небе эти четыре луны.

Геворкян: Не влияют ли ваши прошлые произведения на будущие? Нет ли некоторой творческой инерции?

А. С.: Как они могут влиять? Новое произведение всегда означает новую проблему. Если мы, конечно, не топчемся на месте сюжета ради, как это случилось с «Обитаемым островом» и «Парнем из преисподней». Это всё на одну тему написанные вещи. Новых проблем в «Парне...» никаких нет, нас там интересовала в основном атрибутика.

Биленкин: А с чего начался «Пикник на обочине»? Со вселенной или с идеи?

А. С.: С «Пикником...» было несколько необычно, потому что нам сначала понравилась сама идея пикника. Мы однажды увидели место, где ночевали автотуристы. Это было страшно загаженное место, на лужайке царило запустение. И мы подумали: каково же должно быть там бедным лесным жителям? Нам понравился этот образ. Но мы не связывали его ни с какими ситуациями. Мы прошли мимо, поговорили, и — лужайка исчезла из нашей памяти. Мы занялись другими делами. А потом, когда возникла у нас идея о человечестве... — такая идея: свинья грязь найдет, — мы вернулись к лужайке. Не будет атомной бомбы — будет что-нибудь другое. Будет что-нибудь вроде бомбы — третье, четвертое. Человечество — на его нынешнем массово-психологическом уровне — обязательно найдет, чем себя уязвить. И вот когда сформулировалась эта идея — как раз подвернулась, вспомнилась нам эта загаженная лужайка.

Подольный: А что вы можете сказать о герое «Миллиарда лет до конца света»?

А. С.: Вы его знаете уже. В какой-то степени он списан со всех нас. Помните, где речь идет о папке? Прочитав эту вещь, вы не задавали себе вопроса: «А что бы я сделал с этой папкой?» Мы дали ответ словами героя: если я отдам папку, я буду очень маленький, никуда не годный, а мой сын будет обо мне говорить: да, мой папа когда-то чуть не сделал большое открытие. И все подлости начнут делать и коньяк начнут пить. Если же я папку не отдам, меня могут прихлопнуть. Выбор...

Войскунский: Значит, для вас проблема выбора самая главная?

А. С.: Вот-вот-вот. Мы нечувствительно — мы, Стругацкие, — писали именно об этом, но долгое время не осознавали, что это именно так. Писали, повторяю, нечувствительно. Оказалось, что главная тема Стругацких — это выбор. И осознали мы это не сами, нам подсказала... Один знакомый подсказал...

Силецкий: Как вы интерпретируете образ Странника в «Жуке»?

А. С.: Как я понимаю Странника?.. Странник жертвует первым проявившим себя автоматом, чтобы сделать вывод, чтобы посмотреть, как тот будет действовать. Как тот будет вести себя до последней секунды. И уж потом — выяснив, автомат Абалкин или не автомат, — Странник будет делать другие выводы.

Силецкий: Так он знает, что он автомат?

А. С.: Мы в таком же положении, как и читатели, как и Максим, и Странник. Я вот что хочу сказать: вы не должны бояться альтернативных вариантов.

Задорожный: Кто из фантастов вам нравится больше всего?

А. С.: Меньше всего нам нравятся Стругацкие. А больше всего нам нравится Булгаков.

Руденко: А из современных фантастов?

А. С.: Вопрос некорректный, гражданин начальник. Отказываюсь отвечать.

Ласкавый: А из зарубежных?

А. С.: А? Что?

Ласкавый: Из «не наших»?

А. С.: Из «не наших» больше всего люблю Урсулу Ле Гуин и Шекли, но не то, что у нас печатают. У Шекли есть замечательная вещь «Путешествие в послезавтра». Странная, гротескная повесть. Еще Воннегут. Ну, и так далее. Остальных сами можете насчитать там для себя...

Биленкин: Почему в «Стажерах» Горбовский у вас красавец, а в «Малыше» у него утиный нос, да еще и царапина вдобавок?

А. С.: Это было сделано совершенно сознательно. Помню, когда я был еще очень молодым, школьником, то ужасно обиделся на Дюму... Есть у Дюмы место, где д'Артаньян описан как человек с редкими зубами и маленькими хитрыми глазками. Я думаю, надо приучать читателя... хотя бы молодого читателя... к тому, что не лицом красен человек, а душой. Мало ли кто красивый или некрасивый!

Задорожный: Когда вы начали писать фантастику?

А. С.: Фантастику мы с братом любили читать с детства. И потому неизбежно должны были начать работать в фантастике. Но в общем-то поначалу это была героическая литература, литература героев. О рыцарях без страха и упрека. И без проблем. Я думаю... А? «Страна багровых туч»? Ну, какая там проблема?.. Сели, полетели! Трудно сказать что-либо о начале нашей деятельности... о том, когда именно мы начали работать... Первое наше произведение было реакцией на состояние фантастики в нашей стране... Уж очень плохо тогда было... с фантастикой...

Силецкий: А сейчас?

А. С.: Ну, сейчас... Вы, начинающие, начинаете на таком уровне, о котором нам и не снилось. Старт у вас хороший, но по независящим от вас обстоятельствам приходится трудновато.

Бабенко: Когда читаешь «Сказку о Тройке», то кажется, что в произведении не реализованы сюжетные возможности. Считаете ли вы, что сказали в «Сказке...» всё, что хотели сказать?

А. С.: Здесь случай очень особенный. Мы написали большую повесть. Десять листов. Никаких лифтов там не было. Дело происходило вовсе не в Тьмутаракани, а в Китежграде. Приехала туда компания за волшебными предметами, ну а выдает эти предметы та самая Тройка. Потом вдруг ребята, которые издавали журнал «Ангара», решили посвятить два последовательных номера фантастике. В частности, они попросили нас что-нибудь дать. А десять листов было для них очень много. Они попросили нас сократить до шести. Мы сократили даже до пяти листов и надстроили на лист этот самый лифт. Там, кстати, еще один член Тройки был у нас — четвертый.

Бабенко: Есть ли надежда, что «Сказка...» выйдет в свет?..

А. С.: Бог его знает. Может быть, когда-нибудь удастся опубликовать целиком. Я хочу сказать только то, что это не цельная вещь.

Силецкий: Сколько лет проходит от рождения замысла до воплощения?

А. С.: Четыре-пять лет. Но параллельно мы работаем и над другими вещами.

Задорожный: Но когда вы пишете, то над другими вещами, наверное, уже не думаете?

А. С.: Когда пишем? Я уже говорил, что на определенном уровне... когда напишешь уже определенную кучу авторских листов... когда овладеешь ремеслом... Что мы понимаем под ремеслом? Под писательским ремеслом мы понимаем способность автора без особых усилий — без заметных усилий — выражать любую, самую сложную, мысль чисто автоматически. Поэтому сам процесс писания не требует от нас больших усилий и оставляет нас «свеженькими» для раздумий над следующими произведениями. Кроме того, мы собираемся достаточно редко, и у нас много времени остается для размышлений, для мыслей о новой вещи... В общем, такая практика привела к тому, что у нас скопилось около двух десятков сюжетов, и всё это нам уже не успеть написать...

Силецкий: У вас, как правило, выходят из-под пера только большие повести. Романов вы вроде бы не пишете? Или не хотите писать? Чем это объясняется?

А. С.: Скучно!

Силецкий: То есть становится скучно в процессе писания?

А. С.: Да, в процессе писания становится скучно писать.

Руденко: Может быть, просто появляются другие интересы?

А. С.: Нет, не в этом дело. Скучно... Не идет... Вернее, так: не идет, потому что скучно писать.

<...>

Геворкян: В сценарии «Машина желаний», опубликованном в «НФ», есть определенные стилистические огрехи, места, вроде бы не вами написанные. Как возник этот вариант сценария?

А. С.: Понимаете, Бела Григорьевна Клюева, собирая этот номер «НФ», попросила у нас один из ранних образцов сценария. Литературного сценария. Литературный сценарий — это дело для киношников, которые вообще читать не умеют, и для режиссера Тарковского, который всё равно будет менять реплики в зависимости от того, какие актеры станут играть. А Бела Григорьевна взяла этот сценарий в сыром виде — в киношно-сыром виде — и поместила в «НФ». Это был первый попавшийся под руку вариант сценария — один из девяти подготовительных вариантов.

Геворкян: А нужно ли было вообще публиковать его?

А. С.: Я думаю, ничего страшного в этом нет. Думаю, не убудет нашей чести.

Бабенко: У вас же было одиннадцать вариантов сценария. Откуда взялось такое количество? Как это получилось?

А. С.: Когда мы начали работать, Тарковский еще точно не знал, что ему нужно. Тарковскому нужно было показать поход людей за счастьем и разочарование в этом самом счастье, которое возникает во время похода. Вот мы и сделали четыре или пять — я уже не помню точно — вариантов... Фантастических вариантов сценария...

Задорожный: Это вы добровольно сделали четыре-пять вариантов, или под нажимом Тарковского?

А. С.: Что значит — «нажим»? Я не понимаю, что такое нажим. Сценарист — раб режиссера. По нашему глубокому убеждению, фильм делает режиссер, а не сценарист. Режиссеру нужны сцены, режиссеру нужны узлы, режиссеру нужны реплики. Мы это и пишем. Он говорит: «Мне это не нравится». Мы переделываем. <...>

Войскунский: По-моему, фильм перенасыщен символикой, и она не всегда понятна.

А. С.: Ну, разгадывать каждый символ Тарковского — это дело безнадежное.

Войскунский: А «Гадкие лебеди» никаким образом не связаны со «Сталкером»? Например, символикой? Например, и там, и там — образ воды...

А. С.: Да нет, вряд ли. Вряд ли... Тарковскому очень понравились «Гадкие лебеди». Может быть, в каком-то смысле... Ну, не знаю... Я боюсь говорить за Тарковского. Я даже думаю так: как Тарковский толкует фильм «Сталкер» и как толкуем его мы — это совершенно разные вещи. Что касается воды в фильме... Вода диктуется двумя вещами. Во-первых, место съемки... Очень это было водянистое место... Дождливое? Нет, дело не в том, что оно было дождливое. Там была разрушенная гидроэлектростанция... А во-вторых, у Тарковского в фильме обязательно должна быть какая-то стихия: либо огонь, либо вода, либо ветер...

Бабенко: А как вы относитесь к фильму «Сталкер»?

А. С.: Я считаю... Поскольку я уже сказал, что мы не являемся авторами фильма, — я считаю, что «Сталкер» — один из лучших фильмов мира. Вот такое у меня ощущение. И я очень горжусь, что мы приложили к этому руки. Тарковский — воистину гениальный режиссер...

Силецкий: Бывает ли так, что герои выходят из-под вашего контроля, ведут себя так, как вы и не предполагали вначале?

А. С.: Как только герой, который нам уже понравился, начинает поступать вразрез с нашими намерениями... — нужно менять намерения.

Руденко: Значит, вы начинаете изменять сюжет?

А. С.: Перекроить, переменить сюжетную ситуацию куда легче, чем создать образ героя, который тебе нравится. Если образ героя получается такой, что он тебе нравится, — надо жертвовать ситуациями и менять ситуации.

Биленкин: Например?

А. С.: Примерчик, примерчик, примерчик... Сейчас попытаюсь. «Улитка...»? Нет, в «Улитке...» развитие очень произвольное, там же сюжета нет. Точнее, там взаимозаменяемые сюжеты... «Обитаемый остров»? Пожалуй... Сначала — по нашему замыслу — вещь должна быть гораздо короче. Максим пообтерся там — на той планете, подрался там, понял, что дело нехорошо, что попал в неприятную компанию фашистского типа, и сразу начинает революцию. Начали писать, написали уже много — две части — и выяснили: не успеет Максим понять, что он находится в обществе фашистского типа. Мы начали писать еще одну часть, чтобы дать ему, Максиму, *дорасти*.

Руденко: А когда поняли, что герою тесно в задуманных рамках, — значит, стоп?

А. С.: Да, стоп. Весь последующий план мы выбрасываем и начинаем строить новый план. Так у нас получалось два или три раза.

Войскунский: Откуда вы берете фамилии своих героев? Например, Лев Абалкин...

А. С.: С Абалкиным прекрасно помню, как получилось. Лев? Почему Лев? По одной простой причине: у нас не было еще ни одного героя по имени Лев. А Абалкин... Помню, Боря сидел, облокотившись на газету, глянул на текст и прочитал: «Абалкин». Давай, говорит, назовем: Лев Абалкин. Так и сделали.

Биленкин: А Мбога?

А. С.: Тоже помню. Понадобилось нам имя африканского пигмея. Я звоню человеку, у которого есть Большая Советская Энциклопедия, и прошу: «Посмотри Африку. Какие ее племена населяют?» Отвечает: «Например, мбога». Ага, говорим мы себе, Мбога...

Бородатый психолог Петухов: А Кандид?

А. С.: Кандид — естественно, не случайное имя. Кандид, конечно, связан с вольтеровским Кандидом. Но — на другом уровне и по другому поводу. Каммерер? Каммерер, товарищи, — это вообще хохма. Никакой он не Каммерер на самом деле, а Ростиславский. Вызывает меня главный редактор Детгиза и говорит: «Знаешь, есть вот тут претензии, сделай-ка ты своего героя немцем». — «А почему немцем?» — «Так лучше будет — немцем». Я Борису пишу: «Делай немца. Давай!» Откуда он вытащил эту фамилию — Каммерер, — я совершенно не знаю.

Руденко: Кстати, много вам приходилось переделывать по требованию редакторов?

А. С.: Знаете, кажется, последнее позорище такого типа мы пережили с «Обитаемым островом». Потом мы ничего не меняли.

Руденко: Самоцензура у вас, конечно же, существует?

А. С.: Конечно. Она нам даже помогает. Заставляет искать более тонкие пути. Заставляет делать более тонкую работу.

Руденко: Интересно, вы садились хоть раз писать книгу, зная заведомо, что она не пойдет?

А. С.: Нет, так нельзя. Конечно, мы всегда можем сказать заранее, пойдет вещь или не пойдет. Но самоцензура проявляется — прорывается — даже не в этом. Совершенно раскованно писать, по-моему, невозможно.

Руденко: А вы пробовали писать реалистические вещи?

А. С.: Нет. А зачем? Нас не интересуют те вещи, ради которых стоит отказаться от фантастики. Товарищи, я вас не призываю поголовно зарываться в проблемы. Существует огромная область фантастики — героическая фантастика, приключенческая фантастика. Вот что мы разучились писать. И очень жалко, что разучились.

Покровский: Время такое...

А. С.: Почему время такое? Создавайте героев, плодите героев...

Геворкян: Так ведь не напечатают...

А. С.: Тоже верно... Помните, когда приехал Кастро... прилетел к Никите Сергеевичу Хрущеву... какой-то холуй подскочил к нему: «Товарищ Кастро, скажите, как вы боретесь с абстракционизмом?» — «Я не борюсь с абстракционизмом, я борюсь с империализмом», — ответил Кастро. Словом, пишите «сайенс фикшн», пишите «фэнтези», всё пишите...

Биленкин: Пишете ли вы для театра?

А. С.: Ничего у нас не получается с театром. Представляете пьесу «Трудно быть богом»? Вот безобразие получилось бы...

Бородатый психолог Петухов: Как правило, ваши произведения неоднозначны. Они допускают много толкований, вызывают много мыслей — порой противоречивых. Взять хотя бы «Жука в муравейнике» — пока читаешь, предполагаешь разные варианты концовки, и всё равно то, чем заканчиваете роман вы, обрушивается на читателя совершенно неожиданно. Вы сознательно стремитесь к поливалентности произведений или это получается у вас случайно?

А. С.: Это очень лестно, что вы выдвигаете такое предположение. Дело в том, что мы сами считаем так: чем больше художественное произведение вызывает противоречивых мнений, чем больше допускает толкований, чем больше вызывает столкновение читателя *с самим собой*, — тем оно лучше. На наш взгляд, абсолютная ценность произведения в этом случае возрастает. Читая произведение, которое можно интерпретировать так, и так, и этак, и так, — человек порой меняет свое мировоззрение. Он начинает понимать, что окончательных ответов в мире не может быть. Вот что самое главное. Сегодня он пришел к такой-то интерпретации, а через год перечитывает вещь, — и у него получается другая интерпретация. Он накапливает опыт. Я не хочу сравнивать, но вот возьмем, например, «Войну и мир» Толстого...

Покровский: Так ведь там всё разжевано...

А. С.: Ничего там не разжевано. Я читаю «Войну и мир» регулярно каждый год, и каждый год я обнаруживаю что-то новое — что-то, что либо не заметил ранее, либо посчитал банальным, а потом оказывается, что это связано с какими-то

другими вещами в «Войне и мире» и этой связи я раньше не уловил.

Бородатый психолог Петухов: Так ведь чтение любого произведения зависит еще и от психологического состояния, от настроения, даже от физиологии: сытый ты читаешь его или голодный...

А. С.: Что касается «Войны и мира», то этот роман можно читать и в голодном состоянии, и в сытом состоянии, и всё равно: и голодным найдешь что-то новое, и сытым найдешь что-то такое...

Бородатый психолог Петухов: А как вы приходите к выводу, что сказали всё, что хотели сказать, если вещь поливалентна и не допускает однозначности суждений? Может быть, желание закончить произведение приходит бессознательно?

А. С.: Нет, в конце концов это получается сознательно. Сознательно вот в каком смысле. Когда мы упираемся в ситуацию, в которой возможно несколько альтернативных решений, — мы считаем, что на этом можно поставить точку.

Силецкий: Наверное, часто бывает так, что действительность — ежедневная действительность — заставляет вас менять планы? Я это к тому, что ваши произведения всегда очень созвучны времени. То есть я хочу спросить: случается так, что вы планируете одно, а что-то происходит, и вы *вдруг* переходите совсем к другим решениям?

А. С.: Именно! Ситуации общественного или даже мирового масштаба постоянно наталкивают нас на какие-то идеи, на какие-то догадки. Или на то, что мы считаем догадками. Я говорил здесь уже, что у нас есть сюжетов двадцать — неиспользованных еще сюжетов. Десять из них — если мы вдруг напишем — читать сейчас будет уже неинтересно. «Проехали»...

Силецкий: А бывает так, что *вдруг* происходит нечто такое, отчего вы немедленно бросаете начатую вещь, перечеркиваете, сжигаете и спешно переходите к новой, следуя только что родившейся идее?

А. С.: Ну, для того, чтобы нас что-то ТАК взбудоражило... Это должно быть начало атомной войны. Обычно это вещи, которые накапливаются исподволь, незаметно, мы к ним привыкаем, и вдруг в каком-то разговоре тема поворачивается каким-то странным образом, и мы говорим: «Ба, а вот оно. Сейчас мы закончим начатую вещь, и хорошо было бы тогда заняться вот каким делом...» Например, я читал «Новые карты ада»[1] — а читал я эту книгу раз пять или шесть — и не обращал внимания на одну очень интересную штуку: помните, там раздражали крысам центр удовольствия? Мне это просто забавным показалось, и — проскочило. А когда я перечитал книжку в пятый или шестой раз — это года два прошло с тех пор, как я читал ее в первый раз, — то вдруг подумал в ужасе: «Господи боже мой! А если с людьми так?..»

Руденко: Когда примерно это было? В каком году?

А. С.: Это было еще до «Хищных вещей века». «Хищные вещи века», кстати, отсюда и возникли.

Бабенко: Интересно, почему вы так не любите пришельцев? То есть, почему — по-вашему — они непременно должны нести какую-то угрозу Земле? Например, Странники в «Жуке в муравейнике»? Почему вы пугаете читателя пришельцами, хотя — по идее — он должен пугаться тем, что происходит у нас на Земле? Ведь самая большая угроза человечеству — сам человек.

А. С.: Ошибка! Вот типичный методологический просчет, допущенный нашим другом. Где и когда я говорил, что даю хоть ломаный грош за инопланетный разум? Не нужен он мне. И никогда не был нужен. А когда мы «пугаем», как вы говорите, мы имеем в виду совершенно определенную цель: нечего надеяться на НИХ. Есть они или нет, а надеяться на НИХ нечего. Выбили религиозные костыли у людей — вот теперь и ходят-прыгают на одной ноге: «Дай нам, Господи!», «Барин к нам приедет — барин нас рассудит»[2]. Вот что нужно выбивать из читателей. Вот эту глупую надежду надо выбивать!

---

[1] Книга К. Эмиса.

[2] Н. Некрасов, «Забытая деревня»: «Вот приедет барин — барин нас рассудит...».

Бабенко: Согласен! Но не считаете ли вы, что, сделав акцент на пришельцах, вы несколько снижаете воздействие того же «Жука...» на читателей? Читатель-то всё же пугается, боится негуманоидных инопланетян, но поскольку они априорно *несуществующие*, то пугается читатель понарошку? Может быть, нужно взять что-то страшное на Земле, что-то такое жуткое, что на Земле взаправду и произрастает? И вот этого пугаться? Тогда и снижения пафоса не произойдет. И пусть тогда тот же Сикорски направит усилия против этого страшного на Земле.

А. С.: А мы не пренебрегаем и этой темой.

Бабенко: Как же не пренебрегаете? «Жук в муравейнике» — последняя ваша вещь — только на том и построена, что на неведомой угрозе со стороны Странников.

А. С.: По сути дела, в «Жуке в муравейнике» только один Странник (Экселенц) боится Странников.

Бабенко: А почему и Сикорски — Странник, и инопланетяне — Странники? Может быть, это не случайное совпадение?

А. С.: Просто уже деваться некуда было. Мы назвали его — Сикорски — Странником в «Обитаемом острове» — что же теперь менять? Мы никогда не думали, что он встретится со Странниками.

Руденко: Бывали ли у вас случаи, что вы написали совсем «безнадежную» — в смысле проходимости — вещь и потом на нее даже рукой махнули: мол, не напечатают и бог с ними?

А. С.: По-моему, у нас такого не бывало... такого, чтобы полностью «безнадега», — нет... Не может быть... Рано или поздно напечатают.

Биленкин: В «Отеле...» у вас есть определенные нюансы — в поступках героев, — которые заметны лишь при втором-третьем чтении. То есть внешне всё логично, но тем не менее есть какой-то скрытый алогизм, заметив который, понимаешь: а ведь обычный человек так поступить не мог. Что-то побудило его. Или, может быть, авторы сами не заметили алогичности — поспешили, забыли о том, что было вначале?

А. С.: Это вот что. Это упражнение, по сути дела, на обрисовку психологии героя. Есть люди, которые ничего не заметят и пройдут мимо. А есть люди, которые задумаются, обратят внимание на мельчайшие несоответствия в поведении персонажей...

Биленкин: То есть получается скрытый психологический детектив, что ли?

А. С.: В общем, в «Отеле...» это не имеет никакого значения, но мы никогда не упускаем случая поупражняться в этом. Находим всегда какие-то детали, чтобы дать новую окраску героя. В принципе, конечно, есть и «ляпы». «Ляпов» в наших вещах много, особенно в ранних. Есть вещи просто ненужные, которые лучше всего выбросить. Которые «не играют», и колорит не придают, и так далее... Но в общем я думаю так, что, когда вы работаете, когда пишете, не стесняйтесь вводить новые детали. Убрать всегда можно... А потом — вдруг, когда вы будете перечитывать, вам придет в голову заменить ту или иную деталь, ввести что-то по делу, что-то действительно интересное? Голый сюжет — самое опасное. Голого сюжета бойтесь больше всего... Чтобы не ободранное дерево стояло, а чтобы с листвой оно было...

Биленкин: В принципе, у вас всегда герои — все люди в произведениях — это наши современники...

А. С.: Обязательно. Совершенно бессмысленно изображать что-то иное...

Биленкин: А если взять ефремовскую задачу — изобразить людей иного — будущего — времени? Вы ее, видимо, никогда не ставили?

А. С.: И никогда ставить не будем. Потому что, товарищи, существует совершенно справедливое высказывание Льва Николаевича Толстого: всё что угодно выдумать можно — психологию нельзя выдумать[1]. Кстати говоря, насколько я знаю, Иван Антонович и не пытался *показать* людей будущего. Он конструировал их, шел *нарочно* на нарушение

[1] А. Чехов, письмо М. Горькому от 25 апреля 1899 г.: «Третьего дня я был у Л. Н. Толстого <...>. Он сказал: “Можно выдумывать все, что угодно, но нельзя выдумывать психологию, а у Горького попадаются именно психологические выдумки...”».

определенной логики. Конечно же, он знал об этом высказывании Толстого и, конечно же, был с ним совершенно согласен, но ему нужно было создать образ человека, совершенно не похожего на нас. Мы же в своих вещах стараемся говорить, скорее, не об изменении психологии, а об изменении поведенческого модуля. ТАК — вернее говорить о людях.

Бабенко: Есть ли надежда, что «Гадкие лебеди» увидят свет?

А. С.: Я думаю, что есть. Думаю, что есть... Я пока из-за какой-то апатии никак не могу взяться за поиски, кем же эта вещь запрещена. Там ведь ничего нет *такого*...

Биленкин: Боюсь, что это «несчастный случай» на производстве... Не докопаетесь...

А. С.: Ну, в конце концов... Ну, «Гадкие лебеди»... Вообще, она неплохая вещь, конечно... Надо будет ею заняться... Посмотрим... Но вот что я вам скажу: все вещи — впереди. Всё самое настоящее — впереди.

Войскунский: Какая, по-вашему, сейчас самая острая проблема?

А. С.: То, что называется мещанством. Ведь какой раньше мещанин был? В баночку копить, в кубышку, в чулок, под себя. А сейчас? Жрать, жрать, жрать... Хватать!

Бабенко: Да ведь для этого и слова не нашли еще. Мещанин, обыватель — всё это не то. Семантика не та...

А. С.: Очень смешно, между прочим, когда наши гневные филиппики против мещанства переводятся на английский язык. Мещанина как такового у них нет. Они переводят: «филистайн», «хипокрит», — но это совсем не то. Скорей, такой... лицемер, ловкач... Словом, совсем не то, что мы понимаем под мещанином.

Биленкин: А знаете ли вы слова Герцена насчет мещанства? Нет? «Все нации должны пройти через стадию мещанства».

А. С.: А что он имел в виду под мещанством?

Биленкин: По-моему, то же самое, что имеем в виду мы.

Покровский: Может быть, поставить проблему более общо: *цивилизация* должна пройти через стадию омещанивания?

А. С.: А что такое цивилизация? Дайте определение...

Голос с места: Сложно...

Биленкин: Чем сложнее общество или явление, тем труднее дать ему дефиницию. Ведь надо охватить невообразимо широкий круг явлений...

А. С.: Мое определение... мое определение простое: цивилизация есть социальная система, которая наличествующими производительными силами непрерывно создает новые потребности и тут же создает способы их удовлетворения.

Григорьев: Что касается определения современной цивилизации, то так оно и есть.

А. С.: Любой. Возьмите ассирийскую цивилизацию — там то же самое. Главная функция любой цивилизации, товарищи, — это создание новых потребностей... Небывалых...

Войскунский: А как это распространить на первобытную общину?

А. С.: А первобытная община не была цивилизацией. На протяжении нескольких тысяч лет первобытный человек удовлетворялся, насколько я понимаю, хоботом мамонта[1] или червячком. А по мере того, как первобытная община переходила в цивилизационную стадию, люди начинали понимать, что травка, например, бродит и можно выпить кое-чего нового — «тяпнуть»...

Бабенко: Я слышал, что на телевидении снимают фильм по «Понедельнику...».

А. С.: Да, двухсерийный фильм. С «Понедельником...» он не имеет ничего общего.

Бабенко: То есть здесь вы так же не авторы фильма, как не были авторами «Сталкера»?

А. С.: Совершенно точно.

Бабенко: А вы видели отснятый материал?

А. С.: Никакого отснятого материала еще нет. Впрочем, нет, одну часть Бромберг уже отснял. Бедняге не повезло со снегом. Действие происходит в новогоднюю ночь, а снимать пришлось сейчас, в марте.

---

[1] Отсылка к строкам припева песни А. Меня «Помнишь первобытную культуру?»: «Если хочешь — приди / И в пещеру войди, / Хобот мамонта вместе сжуем». В основе студенческой песни Меня — танго «Если любишь — найди» (музыка К. Листова, слова Л. Ошанина).

Бабенко: Как и в случае со «Сталкером», вы тоже многократно переделывали сценарий?

А. С.: Многократно.

Бабенко: И что получилось?

А. С.: Получилась довольно банальная история. Там нет, скажем, Выбегалло...

Григорьев: А что есть?

А. С.: Есть какая-то контора по производству чудес для народного потребления. Во главе стоит дама, колдунья. Она заколдовывает молодую сотрудницу. А ее любит один из Москвы, и встает вопрос о расколдовывании, и все непрерывно поют и пляшут.

Голос с места: Почему в ваших произведениях, как правило, только главный *герой*, а главных героинь практически нет? Почему нет женщин на главных ролях?

А. С.: Отвечаю. Женщины для меня как были, так и остаются самыми таинственными существами в мире. Они знают что-то такое, чего не знаем мы. Вот в Японии в начале нашего тысячелетия существовало два строя — матриархат и патриархат одновременно. Так женское начало взяло верх. Так и осталось в иерархии богов: верховный бог — женщина, подчиненный — мужчина. Повторяю — и за себя, и за своего брата: женщины для нас самые таинственные существа. И повторяю, что сказал Лев Николаевич Толстой: всё можно выдумать, кроме психологии. А психологию женщин мы можем только выдумать, потому что мы ее не знаем.

Голос с места: Ваше отношение к «летающим тарелкам»?

А. С.: «Летающие тарелки» для нас абсолютно неинтересная вещь. Но для того, чтобы показать отношение людей к «летающим тарелкам», мы можем, теоретически, написать такое произведение, где были бы НЛО. И это не будет значить, что мы верим в «летающие тарелки».

Сверхзаумный вопрос бородатого психолога Петухова с приведением высказывания какого-то иностранного философа, которого никто не знает и от фамилии которого на пленке осталось только «брпрфпрр...».

А. С.: Ага... Гм... Аналогичный случай со мной уже был... Приехал я в Новосибирск получать премию за «Понедельник начинается в субботу». Вдруг подскакивает ко мне один молодой научник и спрашивает: «А что вы думаете о теории...». Вот я и забыл уже название... иностранное имя такое... Да... А мне не хотелось ударить лицом в грязь. Я и говорю: «Что ж... конечно... при известных условиях...» Он: «Правильно, я тоже так думаю...» Говорит: «Некоторые аспекты...» Я говорю: «Простите, меня ждут...» А там уже коньяк разливают. А его — научника — туда не пустили...

Психолог Гостев: Определенные ваши вещи, можно сказать, написаны с пессимизмом. Чем это можно объяснить? Вы на самом деле пессимистически смотрите на развитие человечества?

А. С.: При чем здесь развитие человечества? Пессимизм, если он и есть, происходит не от развития человечества, а от того, что мне уже пятьдесят семь лет. Будь мне сейчас лет двадцать, не было бы никакого пессимизма. Я-то ведь с двадцать пятого года, а Борис — с тридцать третьего...

Руденко: Когда вы начали писать?

А. С.: Господи, я думаю, что писать — точнее, рисовать, а не писать, рисовать комиксы — я начал, наверное, в восьмилетнем возрасте.

Голос с места: Фантастику?

А. С.: Фантастику.

Голос с места: В школе учились?

А. С.: Восемь лет было! Конечно, в школе учился.

<...>

Руденко: Все-таки отличные у вас вещи. И как это получается такое? *(Общий смех.)*

А. С.: Спасибо, ребята, за такое мнение, но я думаю так: вы сами работайте побольше, и всё у вас получится. Я думаю, что сюжет — это самое слабое место у вас. Острый сюжет... Ну что, всё?

Все (задумчиво): Пока всё...

Запись, оставленная А. Н. Стругацким после масс-интервью в гроссбухе семинара, носящем название «СЕДУКСЕН» (СЕминар ДУшеведов и КСЕНологов):

«17.03.82

Было очень интересно и профессионально. Начавший писать да пишет и не пугается. То, что все мы золуши (или золухи?) — не суть важно. Важно работать и общаться».

В конце марта АБС вновь встречаются.

Рабочий дневник АБС

24.03.82

Б. прибыл в Мск писать ТП.

25.03.82

Сделали 5 стр. (88)

Вечером сделали 2 стр. (90)

26.03.82

Сделали 5 стр. (95)

Осознает:

1) История с MZ произошла после комедии.

2) Машина предсказывает будущее рукописи!

27.03.82

Сделали 5 стр. (100)

Вечером сделали 3 стр. (103)

Во сне он понимает, что машина предсказывает будущее рукописи.

«Сцена грехопадения».

28.03.82

Сделали 5 стр. (108)

Вечером сделали 2 стр. (110)

29.03.82

Сделали 5 стр. (115)

Вечером сделали 2 стр. (117)

«Ел хлеб беззакония и пил вино хищения»[1].

[1] Притчи Соломона: «...ибо они едят хлеб беззакония и пьют вино хищения» (гл. 4, стих 17).

30.03.82
Сделали 3 стр. (120)
И ПРЕРВАЛИСЬ НА 120 СТРАНИЦЕ.

25 марта Виталий Бугров из «Уральского следопыта» обращается к БНу с просьбой.

Из архива. Письмо БНу из «Уральского следопыта»

Уважаемый Борис Натанович!

В одном из ближайших номеров (мне очень хотелось бы попасть с этим материалом в № 8!) идут у нас ответы А. Н. и Б. Н. Стругацких на вопросы редакции (и читателей), посланные мною Аркадию Натановичу к тому редкому моменту, когда вы оба оказались в Москве.

Эти ответы мне очень хотелось бы сопроводить фотографиями. В отношении Аркадия Натановича для меня проблемы не существует: когда в прошлом году он приезжал в Свердловск — его наснимали, и фотографий его у меня довольно много. Но вот Ваших, Борис Натанович, — во-первых, просто нет, а во-вторых, то, что могли мои друзья переснять с прежних журнальных публикаций, — относится к довольно давним годам. В связи с этим:

не могли бы Вы прислать мне более-менее недавнее Ваше фото (лучше бы — две-три фотографии!) — с тем, чтобы наши фотографы его пересняли для журнала и *непременно вернули* Вам?

Если Вы сможете это сделать — хотелось бы, чтобы сделали это — не откладывая. Типография год за годом ставит нас во всё худшие условия: чтобы успеть в августовский номер, я должен получить от Вас это фото — до середины апреля...

Всего-всего Вам доброго, сердечный привет и наилучшие пожелания Вам от всей нашей редакции!

В. Бугров

На письме БН отметил: «Ответ и фото 1.04.82». А 2 апреля появляется интервью БНа в газете «Ленинградский рабочий».

Из: БНС. Сказки эпохи НТР

В *предыдущем выпуске «Открытой книги» мы рассказали об интересе юных читателей к приключенческой литературе. Однако любви к приключениям, в частности к фантастике, покорны все возрасты. Наши читатели В. Клочков, Т. Потапенко, Н. Кириченко просят продолжить разговор о фантастике — «литературе мечты», «магическом реализме», «сказке эпохи НТР»... Так что же это за жанр — фантастика? На этот и другие вопросы отвечает руководитель семинара молодых писателей-фантастов при секции научно-художественной, научно-фантастической и приключенческой литературы Ленинградской писательской организации Б. Н. СТРУГАЦКИЙ.*

— По-моему, фантастика — это разновидность литературы, для которой характерен специфический прием: в произведение вносится элемент необычайного, почти невозможного или невозможного вовсе. Прием этот и дает всё разнообразие произведений, которые мы называем фантастикой. Фантастика тысячегранна, в ней невозможно выделить только одно какое-нибудь идейно-тематическое направление.

— Вследствие этого приема фантастика, по-видимому, получает какие-то преимущества по сравнению с реалистической литературой?

— Конечно. Например, проблему межпланетных контактов, проблемы экологического кризиса, перспективы генной инженерии и других наук в рамках чисто реалистической прозы не только анализировать, но даже поставить невозможно. А ведь все эти проблемы стоят нынче на повестке дня. Вот тут на помощь и приходит фантастика. Кроме того, она позволяет до предела обострить сюжет произведения, усиливает его эмоциональное воздействие на читателя и, следовательно, зачастую вызывает более активное сопереживание. Вспомните отца современной фантастики Г. Уэллса: он всю жизнь писал об английском обывателе, писал зло, ярко, умно, но ни в одном из реалистических романов не достиг таких высот обличения и горькой иронии, как

в романах фантастических, посвященных той же теме. И не случайно, наверное, если брать творчество М. Булгакова, писателя замечательного, одинаково сильного и в реалистической, и в фантастической прозе, все-таки больше всего поклонников соберет именно «Мастер и Маргарита».

<...>

— В повести «Второе нашествие марсиан» вы сделали попытку представить встречу двух цивилизаций, и вот результат: одна из них попыталась разрушить другую. Значит ли это, что у вас негативное отношение к попыткам установления контакта с иной цивилизацией?

— К нынешним попыткам установить контакт, точнее — радиоконтакт с другими цивилизациями, я отношусь, скорее, скептически. Я не считаю, что разъединенное человечество, стоящее сегодня перед множеством весьма сложных чисто внутренних проблем, готово к такому серьезному событию, как встреча с иным Разумом. Я всецело за то, чтобы продолжать и расширять поиски сигналов от других миров, следов деятельности сверхцивилизаций, но лично мне не нравится, что мы последнее время посылкой специальных сигналов объявляем на всю Вселенную о своем существовании. Не надо забывать, что активно откликнуться на наши сигналы, то есть прибыть к нам на Землю для встречи, способна только сверхцивилизация, обогнавшая нас на сотни, а может, на тысячи лет. Правда, есть основания ожидать, что высокий уровень технологического развития предполагает и достаточно высокий уровень развития социального — высокую гуманность, доброту, справедливость... Что можем мы знать об этом заранее? А, во-вторых, что мы будем делать, если сверхцивилизация окажется вообще не гуманоидной, то есть не человекоподобной? Если это будут разумные ящеры, разумные насекомые или механизмы? В таком случае, пожалуй, само понятие контакта теряет смысл. И, пожалуй, цивилизации же более развитые, явившись к нам на Землю, способны скорее увеличить количество проблем, стоящих перед нами, чем уменьшить. Поэтому, по-моему, надо сначала навести порядок в собственном доме, а потом уже приглашать гостей.

Отстоять общечеловеческие идеалы здесь, на Земле, — вот сейчас главная задача земного разума. Отстоять человеческое: разум, здравый смысл, гуманизм. Представление о человеческой жизни как высшей ценности — главное философское завоевание людей планеты Земля. Подвергать его сомнению — значит ставить под угрозу будущее. <...>

29 апреля газета «Воздушный транспорт» публикует интервью с АНом, в конце которого он признается:

Из: АНС: «Писать о том, что действительно волнует»

<...>

Хотя теперь больше тянет размышлять, чем писать. Меньше тянет на эффектные, динамичные сюжеты. Хотелось бы, чтоб герой тоже больше рассуждал и думал.

Главное же — писать о том, что действительно волнует, писать просто, четко. И ничего не писать со зла...

Издательские же дела не столь хороши.

21 апреля «Детская литература» отказывается публиковать ЖВМ.

Из архива. Письмо к АБС из «Детской литературы»

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Мы еще раз пересмотрели наши возможности издания рукописи «Жук в муравейнике» и пришли к выводу, что ее публикация в издательстве «Детская литература» нецелесообразна.

Носителем страшного зла в вашей повести оказывается ни в чем не повинный человек, и надо решать его судьбу прежде, чем он, сам того не желая, станет для всех смертельной угрозой. Эта тягчайшая ситуация, по сути своей, трагедийна и может быть неправильно понята неподготовленным читателем, на которого ориентируется наше издательство.

Просим Вас разрешить нам включить в план изданий взамен повести «Жук в муравейнике» одну из Ваших ранних повестей, уже получившую широкую известность и поддержанную педагогической общественностью.

С глубоким уважением

Главный редактор И. И. Ляпин.

Формальный повод для задержки с выплатой гонорара находит и Лениздат.

Из архива. Письмо БНу из Лениздата

Уважаемый Борис Натанович!

Оформление договоров с авторами сборника фантастики (составитель Е. П. Брандис), куда входит и Ваша повесть, задержалось из-за того, что по рукописи невозможно точно подсчитать объем каждого произведения. Между тем это необходимо, т. к. произведения объемом менее 1 а. л. оплачиваются аккордно, а таких малообъемных произведений в сборнике немало. Выплата же гонорара может быть произведена бухгалтерией только всем авторам сборника в целом, а не выборочно.

С уважением

Главный редактор Лениздата Л. Н. Плющиков

И в мае АБС съезжаются опять. Теперь у них другой график работы — встречаться на меньшее время, но чаще. Хотя и не всегда получается это самое «чаще».

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

7.04.82 получил 213.72 ч. (Португалия, ТББ).

12.04.82 послал заявление в Лениздат.

19.04.82 отдал верстку ЖвМ (Лениздат).

Редкая профессия: специалист по определению пола цыплят на бройлерной фабрике.

19.05.82

Б. прибыл в Мск писать ТП. А. страдает остеохондрозом.

Владимир Владимирович

Борис Леонидович

Александр Александрович

Алексей Николаевич

Самуил Яковлевич

Корней Иванович

Исаак Эммануилович

Костя, Даня, Веня[1]

20.05.82

Сделали 4 стр. (124)

1) Цитата: «Я не обещаю вам ни покоя, ни света, но представьте себе: справа стена...»

2) Цитата из конца ГО (уткнувшись в Л<енинградскую> П<равду>). Он понимает, что это КОНЕЦ, и мысль: на кой черт мне это надо?

3) Дежурка с тетками; перерыв в разговоре.

Вечером сделали 2 стр. (126)

21.05.82

Сделали 6 стр.

И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 132 СТР.

Рассмотрение главы «Следователь» (стр. 78–161)

22.05.82

Б. покупает машину.

23.05.82

Бездельничаем.

24.05.82

Получали чеки.

25.05.82

Уезжаем на машине.

В начале лета БН отвечает на залежавшиеся письма.

[1] Т. е. Маяковский, Пастернак, Фадеев, Толстой, Маршак, Чуковский, Бабель, Симонов, Гранин, Каверин.

Из архива. Письма БНа М. Снегиреву (Омск)

Уважаемый М. Снегирев!

Я долго не отвечал на Ваше письмо, потому что был занят. А сейчас вот слегка разгрузился и сел, наконец, отвечать всем, кому задолжал.

Перечитал еще раз Ваши стихи-песни. Я никакой знаток поэзии, но любитель, и как любителю почти все они мне понравились. Особенно, по-моему, удались Вам «Три послесловия к СТАЛКЕРу», но и прочие песни тоже хороши. Меньше всего, пожалуй, понравилось мне стихотворение памяти Высоцкого; может быть, просто потому, что к стихам такого рода всегда невольно предъявляешь повышенные требования. Впрочем, мне приходилось читать аналогичные сочинения и Гафта, и Окуджавы, и Вознесенского... — все они неудачны.

Большое спасибо за внимание к нашей работе. Напишете по мотивам «Жука» — присылайте: очень любопытно будет прочитать, потому что повесть эту, как ни странно, многие совсем не поняли.

Желаю Вам всего доброго

[Подпись]

АН в июне принимает участие в съемках на Горьковском телевидении научно-популярного фильма «Тайна тайн».

Выступление АНа в фильме «Тайна тайн», 20.06.82

В конце концов, что мы знаем об этих цивилизациях, когда мы даже не знаем, есть ли они вообще?

Другое дело, конечно, что никогда я бы, особенно перед такой, так сказать, аудиторией, не посмел утверждать: нет, ни в коем случае, никаких других форм разума во Вселенной нет, и вся эта гигантская, невообразимо гигантская пустота, в которой рассеяны миллиарды миллиардов звезд, что эти миры необитаемы, что мы совершенно уникальны во Вселенной. Но я не могу рекомендовать ни себе, ни человечеству ориентироваться на существование инопланетных разумных существ.

В качестве гипотезы мы можем, конечно, себе предположить, что все-таки контакт состоялся.

Хорошо.

Что это за контакт? Прежде всего, это будет контакт со сверхцивилизацией. Можем ли мы с чистой совестью одобрить или рекомендовать такие действия, как протянуть руку навстречу этому щупальцу, клешне, или что там у него, скажем, найдется. Мое глубокое убеждение, что ничего подобного делать ни в коем случае нельзя.

Прежде всего, мне представляется, что сам факт такой высадки, сам факт открытого появления среди нас, на земном шаре, вызвал бы гигантскую волну религиозного фанатизма, мы бы имели дело, наверно, с удивительным... с падением социальной дисциплины, с потерей чувства ответственности перед своими народами, с потерей чувства ответственности перед своими семьями и так далее, и так далее.

Во-от.

Ну, можно еще привести такой аспект.

Конечно, эта цивилизация охотно с нами поделилась бы своими, так сказать, научными технологическими секретами. Это бы означало: остановка земной науки. Мы бы получили готовые ответы не только на те вопросы, которые мы сейчас себе задаем, но даже на те вопросы, которые мы зададим еще когда-то, когда-то, неведомо когда. Вот.

Так что, я считаю... Так сказать, если бы я был директором, как говорит «Литературная газета», если бы я решал вопрос: вступать нам в контакт с высадившимися представителями инопланетной цивилизации или не вступать, я бы предложил такой выход:

— Давайте, товарищи, садитесь обратно в свою тарелку и летите, летите отсюда на тысячу парсеков. А договоримся так: прилетайте через двести лет, только не на Землю, пожалуйста, а прилетайте на северный полюс далекой ледяной планеты Плутон. Вот там встретимся. Если не встретим мы вас — улетайте. Опять. И прилетайте снова через двести лет. А там видно будет.

Вот так я отношусь к этой самой проблематичной в высшей степени, в высшей степени маловероятной проблеме посещения Земли этими самыми представителями цивилизаций далеких миров.

Другой вопрос — это если бы нам удалось сейчас установить в точности, не вступая ни в какие контакты, что мы не одиноки во Вселенной. Это, конечно, имело бы громадное значение для всего человечества. Имело бы громадное значение — и философское, и моральное, и этическое, и, прямо скажем, научное. Прямое научное значение.

Письмо Бориса брату, 27 июня 1982, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Знаешь ли ты, что за первое полугодие текущего, 1982 года мы не обменялись с тобою и парой писем? Это непорядок, и я решил возобновить старый добрый обычай.

Ну-с, во-первых, я перечитал по твоему совету «Альтиста»[1]. При этом я старался глядеть на повесть не только своими, но еще и твоими глазами. Получилось у меня всего три беспокоящих (в принципе) момента:

1. Общая тональность повестей, общая их манера, одинаковая интонация.

2. Демоны. Там демоны, и у нас, вроде бы, демон литературы.

3. Данилова принимают за пришельца, и Сорокина принимают за пришельца.

Всё.

Но!

1. Общая тональность повестей не есть результат взаимного подражания. Это результат общего подражания одному первоисточнику — Михаилу Афанасьевичу. Не знаю, что при этом имел в виду Орлов, но ведь мы-то шли на повторение стиля-манеры Булгакова вполне сознательно. Более того, у нас это отыгрывается в образе Мих. Аф., мы не скрываем

[1] «Альтист Данилов» — повесть В. Орлова.

своего первоисточника, мы как бы выпячиваем, подчеркиваем то обстоятельство, что похожесть не случайна, она нарочита. Так что ни о каком повторении Орлова в этом пункте не может быть и речи. На мой взгляд.

2. Этот пункт меня и вовсе не волнует. Только мы знаем, что Мих. Аф. — демон литературы. Нигде об этом не говорится, да и нужды нет говорить об этом.

3. Здесь — да. Здесь сходство бросается в глаза. Но, черт побери! Во-первых, мы описываем РЕАЛЬНЫЙ случай из нашей жизни. Во-вторых, если подумать, сходство весьма относительно: у Орлова героя принимают за пришельца НЕ БЕЗ оснований (мягко говоря), у нас же — только потому, что он хороший фантаст. А в-третьих, уж коли на то пошло, раз уж мы опоздали с этой ситуацией, ну — выбросим этот эпизод. Жалко, конечно. Да и с какой стати?

Такие вот соображения у меня по «Альтисту».

В остальном же я занимаюсь, главным образом, дачей и калькулятором.

Дачу мы никак не можем привести в жилой вид. Надо получить в Литфонде мебель — невозможно раздобыть грузовик и грузчиков. Надо прочистить дымоходы — невозможно раздобыть трубочиста. Надо раздобыть дрова — местный лесник в отпуске. И т. д. Пока на даче висят занавески и стоит электрический самовар.

С калькулятором тоже не всё слава богу. Правда, считает он пока — тьфу, тьфу, тьфу! — великолепно, но батареи его иссякли, а эта ж... Милан как пообещал приехать и всё необходимое привезти еще к 20 мая, так с тех пор и сгинул, словно в землю провалился. Христом богом тебя молю: позвони ты Мирeру, и, если тот будет как-то связываться с Миланом, пусть напомнит ему, что он обещал раздобыть для меня блок питания.

В писательском мире затишье пока. Правда, Госкомиздат не дремлет: затребовал на рецензию из Детгиза (нашего) сборник ф-ки молодых фантастов Ленинграда (моих семинаристов). Не знаю, не знаю. Иногда мне даже хочется, чтобы они на этот сборник залупились: ведь составитель его Жанна

Браун — та самая, что практически в одиночку свалила директора нашего Детгиза Стукалина-младшего. Сейчас она полна боевого задора и ждет вестей из Госкомиздата.

Напиши, как наши дела. Что с ЖвМ, а точнее, с ОО, в Детгизе? Что слышно — иф эни — из СовПиса? Не прорезалась ли Танька Чеховская, которая забрала у меня рукопись ГЛ и исчезла как дым, как утренний туман[1]? И вообще что слышно? Бог-то теперь в Москве.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Машку и Ленку целуй!

Пишет БН и зарубежным интервьюерам.

Из архива. Письмо БНу от Р. Димитровой

1) Ваш «человек будущего» не только нам близок и понятен, но и знакомство с ним многое нам дает. В том может быть и причина того, что так вас любят даже те, у которых нет особого интереса к фантастике или способности следить за полетом научной фантазии. Что, по-вашему, дает цену этому жанру и делает его даже необходимым в это время неограниченных возможностей в области деловой, так сказать, информации?

2) Можно ли в литературном творчестве предвосхищения, таком интернациональном по своим возможностям, уловить и «национальные» черты, как это бывает, когда говорится, скажем, о французском, немецком или бельгийском экспрессионизме в изобразительном искусстве?

3) Если человеку невозможно оторваться от действительности даже в сновидениях, можно ли полагать, что автору научно-фантастического произведения возможно «освободиться» от собственной реальности, т. е. от настоящего момента, от конкретной среды, от личного восприятия мира и существующих проблем? И вообще, что могло бы дать литературное творчество, полностью освобожденное от уз действительности?

[1] Строка одного из вариантов стихотворения А. Пушкина «К Чедаеву» (или «К Чаадаеву»).

4) Ваше «предвосхищение» о человеке будущего — не о плохом, о хорошем, об его возможностях? Какими вы представляете себе формы и средства науки и информации, скажем, в 2010-м году? А научную фантастику?

С просьбой извинить за ошибки — в русском, да и в логике — и с благодарностью за эту хотя бы и заочную встречу — уважающая вас

Радка Димитрова

Из архива. БНС. Ответы Р. Димитровой

1. Большинство читателей, как мне кажется, ищет в литературе не только (и не столько) полезную информацию, не только (и не столько) пищу для ума, сколько информацию эмоциональную, пищу для чувств и воображения. Хорошая фантастика (научная, социальная, философская — любая!) прежде всего ПОРАЖАЕТ ВООБРАЖЕНИЕ — необычайными событиями, неожиданными поворотами сюжета, глобальностью затронутых проблем. Она создает перспективу, позволяет увидеть необычное в обыденном, она как бы демонстрирует интересность мира, в котором живет читатель. В этом — основная задача фантастики, в этом же — залог ее популярности.

2. Фантастика — часть общего литературного потока. Она существует и развивается по общим законам литературы. Поэтому, надо думать, столь же «национальна», сколь и литература вообще. Я невеликий знаток мировой фантастики, однако, на мой взгляд, тесная связь, скажем, английской, американской и французской фантастики с традициями и нормами соответствующей национальной литературы очевидна. Поэтому, когда речь идет о ФОРМЕ, то различия между национальными фантастиками сильнее сходства; если же говорить о СОДЕРЖАНИИ, о проблематике, то, разумеется, сходство сильнее различий. В конце концов, всех людей на земле интересуют в общем-то одни и те же проблемы.

3. «Творчество, полностью освобожденное от действительности», по-моему, так же невозможно, как пространство,

полностью освобожденное от материи. Человек может освободиться от действительности, разве что умерев или, в лучшем случае, упавши в обморок. Но тогда ему станет не до творчества. Если же писателю удалось освободиться не от всей реальности, а только «от настоящего момента, от конкретной среды, от личного восприятия мира и существующих проблем», то спрашивается: о чем же тогда ему писать? А если он и напишет что-нибудь, то кому это будет интересно читать?

4. Будущее многовариантно. Мы пишем о будущем вот уже четверть века, но не перебрали, наверное, и сотой доли возможных вариантов. Какой же именно из вариантов реализуется историей, не сможет сказать сейчас ни один человек на Земле. Что же касается варианта ЖЕЛАННОГО, то будущее и людей будущего, какими бы мы хотели их видеть, мы описали в наших повестях «Полдень, XXII век», «Далекая Радуга», «Малыш» и некоторых других.

Борис Стругацкий

Переписка же Авторов постепенно сходит на нет. Общение сводится к телефонному, письма становятся исключениями, весьма краткими по содержанию.

Записка Бориса брату, 9 июля 1982, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Подательница сего — Галя Михайлова, жена Саши Копылова и наш хороший друг.

Выдай ей, пожалуйста:

1). Посылку Милана — целиком, ничего не забыв и всё тщательно упаковав.

2). Новые заграничные издания, если таковые есть (в частности, французское).

3). Записку, если хочешь что-либо мне сообщить приватное.

Доверие к Гале — полное.

Обнимаю [подпись]

Письмо Аркадия брату, 10 июля 1982, М.— Л.

Дорогой Борик!

В моей сберкассе МФО 20131.

Все дела пребывают во взвешенном (на лето) состоянии.

Копошусь только с рецензией на Велтистова, да еще послезавтра будут звонить из Беларусьфильма на предмет заявки на ТББ (с).

М. п., звонил Грошев (руководитель «Экрана»), обещался встретиться со мной после 15-го.

Таки всё.

Жму, целую. Привет твоим.

[подпись]

В августовском номере «Уральского следопыта» публикуется интервью с АБС, которое готовилось долго и тщательно. Помимо обычных вопросов, задаваемых писателям (как пришли в литературу, кто были ваши учителя, как возникла идея того или иного произведения), были и такие.

Из: АБС: «Чтение — наше любимое занятие»

«Высылайте ваши вопросы немедленно! На днях ко мне приезжает Борис...» — услышали мы в телефонной трубке, позвонив в Москву Аркадию Натановичу Стругацкому и попросив его ответить на ряд вопросов, заданных нашими читателями. Медлить мы не стали: братьев-писателей нам удавалось видеть вместе лишь на фотографиях...

Чтобы у читателей не возникло впечатления случайности вопросов, предложенных редакцией прошлогодним лауреатам «Аэлиты», процитируем письмо Стругацких. «ОТВЕЧЕНО только на половину вопросов, — предупреждают они. — Остальные либо требуют развернутой статьи, либо носят, на наш взгляд, личный характер...»

ПОЛУЧЕННЫЕ ОТВЕТЫ ПУБЛИКУЕМ.

<...>

2. Соответствует ли профилю образования каждого из вас распределение мест в вашем творческом дуэте: является ли А. Н. стилистом, а Б. Н. — генератором идей? Кто из вас, по современной терминологии, — лидер? Какие сюжеты принадлежат А. Н., а какие — Б. Н.? И как вы пишете вдвоем: имеет ли ваше соавторство какие-либо особенности «технического» плана?

— Профессия каждого из нас не играет и никогда не играла сколько-нибудь существенной роли в нашей литературной работе. Что же касается стилистики, генерирования идей и лидерства, то наш рабочий метод таков, что не позволяет ни одному из нас получить преимущество над другим ни в одном из этих аспектов. Технически наша работа выглядит так: один сидит за машинкой, другой бродит по комнате (валяется на диване); кто-то предлагает очередную фразу; фраза обдумывается, правится, шлифуется, и, наконец, наносится на бумагу. Кто-то предлагает следующую фразу... И так фраза за фразой, абзац за абзацем, страница за страницей. Разрешается и даже всячески приветствуется любая, сколь угодно резкая критика, но при одном непременном условии: раскритиковал — предложи свой вариант. Легко видеть, что при такой методике работа превращается в непрерывную дискуссию. И в каждый данный момент генератором является тот, кто предложил фразу, главным стилистом тот, кто наиболее удачно ее отшлифовал, а лидером — тот, кто победил в результате двухминутной дискуссии. Еще труднее ответить на вопрос: кому принадлежат сюжеты. Как правило, окончательный сюжет повести имеет очень мало отношения к первоначальному замыслу. В целом процесс выковывания сюжета очень сходен с процессом работы над отдельной фразой, только занимает больше времени — иногда до нескольких лет.

3. Какие из ваших книг (и чем?) нравятся вам более других? И какое из своих произведений вы считаете наиболее удавшимся, почему? Совпадают ли в том и в другом случае ваши мнения?

— Ранние наши произведения («Страна багровых туч», «Извне», некоторые рассказы) не нравятся нам — сейчас

они кажутся нам примитивными. Из произведений же зрелого периода мы оба любим, в общем, одни и те же: «Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан», «Пикник на обочине», «За миллиард лет до конца света». Чем они нам нравятся? Трудно сказать. Наверное, тем, что в них нам удалось изобразить именно то, что нам хотелось, когда мы их задумывали.

<...>

8. Импонирует ли вам какой-нибудь из «современных мифов»? Верите ли вы в летающие тарелки и инопланетян-гуманоидов? в телепатию и телекинез? в снежного человека? в загадочность Бермудского треугольника и озера Лох-Несс?

— Нам импонируют все без исключения современные мифы. Мы такие же люди, как все, и, как всем, нам хочется, чтобы окружающий мир был полон тайн, чудес, волшебства. Но мы — рационалисты и твердо знаем, что ни экзотических тайн, ни чудес, ни волшебства в этом мире нет. Мы ясно отдаем отчет себе в том, что мечта о ковре-самолете трансформировалась в скучные кассы Аэрофлота, мечта о гуслях-самогудах обернулась оглушительно ревущим магнитофоном соседа за стеной... Всякий миф, воплощаясь в реальность, теряет огромную долю своей изначальной привлекательности. Такова се ля ви, дорогие товарищи, как нам сказали недавно в собесе.

9. Каково впечатление А. Н. от Свердловска, по которому А. Н. всё же довелось пройтись раз-другой?

Отвечает А. Стругацкий. Свердловск прекрасен. Только имейте в виду, что впечатление о городе, который видишь впервые, очень субъективно. А приняли меня в Свердловске так радушно, с таким гостеприимством, с такой приязнью, что... Ну, сами понимаете. Хотя не случайно же мы сделали ваш город столицей коммунистической России в своей утопии. Москва — столица Коммунистического Мира, а столица Российской Коммунистической Федерации — Свердловск! (См. «Полдень, XXII век», «Жук в муравейнике»).

13 августа в «Комсомольской правде» публикуется рецензия АНа на книгу Е. Велтистова «Ноктюрн пустоты. Глоток Солнца» под названием «Фантастический ноктюрн».

С 17 по 19 августа АН находится в Саратове. Как пишет Вадим Казаков в предисловии к публикации интервью АНа 85-го года (АНС. И снова встреча... (Аркадий Стругацкий в Саратове. 1985 год) // Стругацкие о себе, литературе и мире (1985 и прочее). — Омск, 1994): «Аркадий Натанович посещал Саратов трижды. Впервые — в августе 1982 года, оставив в местной прессе многочисленные интервью и записи встреч с читателями».

27 августа в газете «Коммунист» (Саратов) публикуется интервью с АНом.

Из: АНС. Фантастика всегда актуальна

По приглашению Саратовской областной организации Всесоюзного общества любителей книги наш город посетил и встретился с читателями известный советский писатель Аркадий Стругацкий. Произведения братьев Стругацких — «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Пикник на обочине», «Жук в муравейнике» и другие широко известны в нашей стране и за рубежом. По просьбе редакции газеты «Коммунист» А. Н. Стругацкий ответил на ряд вопросов.

<...>

— Какие проблемы вы считаете основными в ваших произведениях?

— Мне кажется, что в настоящее время существует угроза цивилизации со стороны «вещизма». В «Хищных вещах века» мы показали, к чему может привести человека высокий уровень благосостояния, когда появляется новый тип мещанина-потребителя. Эта угроза зачастую мало ощущается людьми, занятыми повседневными заботами. Социальная психика мещанина чрезвычайно стабильна. Если не будить человеческую совесть, не напоминать человеку о его предназначении, мир может прийти к катастрофе. Главный вопрос, который мы поднимаем в своих книгах, — ответственность каждого человека перед историей, перед семьей, перед человечеством в целом.

<...>

— Как вы оцениваете картину «Отель "У погибшего альпиниста"»?

— Это добротный, «нормальный» фильм. Режиссер старательно следовал букве сценария, написанного нами. В создании же фильма мы практически не участвовали. Кстати, скоро выйдет фильм, снятый по отдаленным мотивам повести «Понедельник начинается в субботу». К сожалению, у нас в стране очень мало режиссеров, которые любят и хотят экранизировать фантастику.

<...>

29 августа интервью с АНом публикуется в саратовском «Железнодорожнике Поволжья».

Из: АНС. Фантастика — против родимых пятен палеолита

17–19 августа в Саратове и Энгельсе был в гостях известный писатель-фантаст Аркадий Стругацкий. Нашему корреспонденту А. Баженовой удалось встретиться с писателем. <...>

<...>

— Занимаетесь ли вы чем-либо помимо писания научно-фантастических произведений?

— Да. Я перевожу средневековую японскую прозу. Борис собирает аппарат для астрономических исследований и пишет научные статьи.

— Переводились ли ваши произведения на другие языки?

— Переводились, и легче перечислить те страны, в которых они не издавались. Наши книги выходили во всех странах социализма, а также в Японии, США, ФРГ и других.

— Как вы относитесь к понятию «развлекательность»?

— Развлекательность, интересность благодаря нелегкой руке каких-то литературных бюрократов стали словами чуть ли не ругательными. А между тем отнимать у человека возможность отдохнуть за чтением, возможность накормить

свой интерес к необычным ситуациям, отрешиться от серой обыденности, — медицински и социально преступно. Именно отсутствие интереса вызывает вспышки пьянства и наркомании. Дайте человечеству 100 романов типа романов Дюма, и оно будет более здоровым.

— *Ваше человеческое кредо?*

— Честность и, по возможности, чувство юмора.

<...>

— *Как вы думаете, почему до сих пор не экранизировано такое произведение, как «Мастер и Маргарита»?*

— Я думал об этом и сам задавал вопросы такого рода в кинематографических кругах. Выяснилось, что дело не в каких-то технических неурядицах. Пусть у вас не напрашивается мысль о том, что кто-то кому-то ставит палки в колеса. Нет. Дело в другом: ни один режиссер не решается взяться за столь сложную, почти непосильную задачу. Правда, в Польше поставили «пилатовскую» часть произведения, но это не совсем то...

<...>

И 31 августа интервью с АНом публикует саратовская «Заря молодежи».

Из: АНС: «Трудно быть человеком»

Целую неделю были взбудоражены саратовские любители фантастики. По приглашению областной организации Всесоюзного общества любителей книги в Саратов приехал известный писатель-фантаст Аркадий Стругацкий. На те встречи с читателями, которые А. Стругацкий провел в нашем городе, попали, видимо, далеко не все почитатели произведений братьев Стругацких. Своей публикацией мы надеемся восполнить этот пробел.

За пятнадцать минут до начала встречи читателей с А. Н. Стругацким зрительные залы уже полны. Менее расторопные зрители стоят в проходах. Когда встреча кончается, в толпе, выходящей на улицу, можно услышать

всевозможные высказывания — от восторженного до недоуменного и разочарованного. Этих точек зрения, видимо, так же много, как и мнений по вопросу: что, как и зачем пишут писатели-фантасты Аркадий и Борис Стругацкие.

<...>

Их книги воспринимают очень по-разному. Один читатель не понимает того, что кажется совершенно ясным другому, а третий находит там нечто такое, чего не видят первые двое. Отсюда и пестрота вопросов, на которые приходилось отвечать Аркадию Натановичу на встречах с читателями. Спрашивают о перспективах развития разума, о вероятности войны в космосе, о том, можно ли ожидать пришельцев...

«Как Вы считаете, куда приведет человечество прогрессирующая урбанизация?» Записка из зала.

Ответ: «Я не специалист в этой области. Но могу предположить, что урбанизация приведет человека в деревню».

<...>

«Как вы относитесь к творчеству Александра Казанцева?» Вопрос на встрече в университетском клубе любителей фантастики.

Ответ: «Как бы я ни оценивал сегодня творчество Александра Казанцева, я всегда помню, что он сделал меня писателем-фантастом. Его «Пылающий остров» помог понять, что действие фантастического произведения может происходить не только в космосе».

И хотя в повестях Стругацких фигурируют далекие планеты, звездолетчики и представители внеземных цивилизаций, всё это лишь художественные приемы, средства, позволяющие авторам решить задачу произведения.

В современной зарубежной фантастике различают два течения, два различных жанра — science fiction и fantasy. Наименование первого переводится как «научная фантастика». Для второго названия в русской терминологии, пожалуй, не существует аналога. Fantasy — это игра воображения, фантазия. Этот жанр в русских переводах иногда называют сказочной фантастикой.

«В советской фантастике вряд ли можно четко разделить эти два направления, — считает Аркадий Стругацкий. — Жанр fantasy, кстати, не является привилегией фантастической литературы. В этом жанре написаны многие произведения Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Булгакова. Прекрасно продолжил эту традицию В. Орлов своим «Альтистом Даниловым». Мы с братом никогда не упустим случая (если это будет нужно) разыграть этюдик в этом жанре, в основе которого полудогадка, полунамек на нечто, не укладывающееся в рациональные рамки.

Когда же я слышу разговоры о научной фантастике, мне всегда представляется, как сидят друг против друга два профессора, и один говорит другому: «Представляете — скорость света, оказывается, равна тремстам тысячам километров в секунду!» — «Подумать только! — отвечает второй. — А между тем скорость звука...» Задача фантаста не в том, чтобы предугадывать развитие науки и техники — что же останется ученым? Фантаста, как и любого другого писателя, интересует человек».

«Счастья для всех! Поровну! И чтобы никто не ушел обиженным!» Так заканчивается повесть Стругацких «Пикник на обочине». Эти слова сталкер Рэдрик Шухарт собирается выкрикнуть Золотому шару, исполняющему желания. «Машина желаний» — так первоначально назывался фильм, снятый по мотивам «Пикника на обочине». Фильм далек от повести. Это, по сути дела, совершенно новое произведение, иными средствами — в форме философской притчи — решающее ту же проблему, что и «Пикник». В фильме не осталось почти ничего от фантастических предметов, оставленных пришельцами в Зоне, и вместо Золотого шара появилась Комната, исполняющая сокровенные желания того, кто сумел добраться до нее.

«А вы пошли бы в эту Зону, в Комнату, чтобы она исполнила ваше желание?» Вопрос на встрече в университетском клубе любителей фантастики.

Ответ: «Нет, не пошел бы. Именно по тем причинам, которые открыли для себя герои фильма. Ведь Комната

исполняет не желания, произнесенные вслух, продиктованные разумом, а желания сокровенные, спрятанные в подсознании. Откуда я знаю, что представляет собой такое мое желание? Тут ведь есть шансы уничтожить весь мир, кроме самого себя».

<...>

«Вы пишете о людях будущего, более совершенных, чем мы...» Из записки.

Ответ: «Товарищи, это недоразумение. Мы никогда не писали о будущем. И не собираемся писать. Нас интересуют сегодняшние проблемы, сегодняшние люди с их заботами».

<...>

Напечатано интервью АНа и в 17-м выпуске саратовских «Новостей киноэкрана».

Из: АНС: «Такой сложный жанр...»

На встречах с приезжавшим в наш город писателем-фантастом Аркадием СТРУГАЦКИМ было задано немало вопросов, посвященных кино. Уверения Аркадия Натановича в том, что он может судить о кино только как зритель, не охладили многочисленных любителей кино и фантастики. Их интересовало всё: как снимался фильм «Сталкер», довольны ли писатели Стругацкие экранизацией их повести «Отель “У погибшего альпиниста”», почему выходит так мало фантастических фильмов, будут ли экранизированы еще какие-либо произведения Стругацких?.. На встречи с А. СТРУГАЦКИМ смогли попасть далеко не все желающие. Поэтому мы попросили Аркадия Натановича ответить на несколько вопросов, интересующих читателей нашей газеты.

«Лишь очень немногие кинофильмы я могу считать произведениями искусства, — говорит Аркадий Натанович, — это работы таких режиссеров, как, например, Андрей Тарковский. А основную массу кинематографической продукции следует, по моему мнению, отнести к развлекательному жанру. Слово «развлекательный» у нас почему-то приобрело

этакий снисходительный оттенок. Считается, что кинофильму даже неприлично быть развлекательным. Я считаю, это совершенно неправильно. Любой грамотный психолог скажет вам, что человеку необходим развлекательный момент. Человек не может быть всё время серьезным».

<...>

Иные мнения, иные разговоры вызвал в свое время фильм «Отель “У погибшего альпиниста”», снятый эстонскими кинематографистами по одноименной повести Стругацких. Интересно было узнать, как оценивают этот фильм авторы сценария.

«Мне кажется, это добротный, хороший, средний фильм. Достаточно увлекательный, интересный для зрителя. Жанр фантастического кино, видимо, очень сложен. Может быть, поэтому таких фильмов очень мало — не только у нас, но и за рубежом. Ведь если сравнить «Отель “У погибшего альпиниста”» с фантастическими фильмами западных стран, окажется, что западное фантастическое кино очень слабо».

В создании фильма «Сталкер» Стругацкие приняли самое деятельное участие, постоянно работая над сценарием в ходе съемок. При экранизации «Отеля» ограничились лишь написанием сценария и в дальнейшей работе не участвовали. Это, пожалуй, можно заметить и по фильмам. Еще более «самостоятельным» должен, видимо, стать телефильм «Чародеи», который снимается по мотивам повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

«Это будет фильм по настолько отдаленным мотивам «Понедельника», что от повести там, по сути дела, ничего не осталось. Местом действия вместо НИИЧаВо — института чародейства и волшебства — стал некий волшебный магазин, где с продавцами и покупателями происходят сказочные приключения. Фильм этот должен выйти на телеэкраны в новогодние праздники».

Будем надеяться, что фильм «по отдаленным мотивам» окажется кстати и в новогоднюю ночь не разочарует многочисленных поклонников кино, сказки и фантастики.

БН же это лето проводит как обычно — путешествуя в компании друзей на автомобиле. Такой их традиции уже много лет.

Стругацкий Б. Офлайн-интервью 05.04.01

В «ВГВ» Горбовский умирает в Краславе. Создается впечатление, что Вы не раз там бывали, поскольку описали это изумительное латгальское местечко с поразительной точностью и теплотой. Даугава действительно в этом месте неширокая и быстрая, пляжи действительно чистые и желтые, а противоположный берег на самом деле крут и порос соснами. Август-Иоганн Мария Бадер спускается у Вас по стилизованной под старину деревянной лестнице. ТАМ ЕСТЬ ТАКАЯ ЛЕСТНИЦА! Черная от дождей и весенних половодий, она поднимается от реки к домам по крутому берегу слева от бывшего понтонного моста, если идти по нему в Приедайне! Откройте тайну, Борис Натанович, Вы отдыхали в Краславе? И где, если не секрет? Видимо, «Дом Леонида» это также реальный дом?

Денис. СПб, Россия

Описанное в романе местечко на Даугаве совершенно реально существует. Это была наша любимая стоянка на пути из Ленинграда в Литву. Да и просто так мы там тоже иногда останавливались и стояли по несколько дней. Но — должен Вас огорчить — никакой лестницы и, уж конечно, никакого дома там не было — всё это я придумал специально для романа. Там было совершенно пусто на несколько километров влево и вправо, только на противоположном берегу виднелся в отдалении какой-то хуторок. Именно полной приватностью и безлюдностью было особенно хорошо это местечко. Хотя неподалеку в сосновом лесу мы нашли старинный фундамент какого-то дома, я думаю, времен еще буржуазной Латвии. Фундамент густо зарос одичавшей малиной, и над ним летали огромные махаоны неописуемой красоты.

Стругацкий Б. Офлайн-интервью 10.04.01

Где именно останавливались с Аркадием Натановичем на Даугаве по пути в Литву? Это было по правому берегу, если идти вверх по течению, или по левому? За Краславой, если идти вверх, или перед ней?

Будет здорово, если место Вашей стоянки окажется тем самым местом, которое так любили мы с моими родителями! Если мы с Вами говорим об одном и том же, то тот фундамент, над которым летали «махаоны неописуемой красоты», мы прозвали «графские развалины». По-моему, там на самом деле жил граф. А как давно были там Вы?

Денис. СПб, Россия

Я, видимо, выразился недостаточно ясно: «мы» (о которых идет речь) — это компания моих старинных друзей, с которыми я, начиная с 82-го года и до года 93-го, каждое лето на двух-трех автомобилях объезжал Прибалтику по круговому маршруту — иногда с заездом в Калининград, иногда без, иногда с заездом в Краславу, а иногда и без такого заезда. АНС с нами не ездил никогда. Во-первых, он был принципиальным противником автопробегов, а во-вторых, у него была своя компания, и компании наши не пересекались.

А на стоянку нашу мы обычно попадали так: сворачивали налево с шоссе Ленинград-Даугавпилс, пилили километров 20–30 (уже не помню точно) по асфальту и, не доезжая нескольких десятков метров до знака «Краслава», сворачивали направо, на грунтовую дорогу. Проезжали мимо какого-то производственного вида строения (всегда безлюдного), въезжали в сосновый лес и ползли по лесной дороге 3–4 километра, пока не попадали на другую грунтовую дорогу, идущую параллельно Даугаве. По этой дороге направо еще метров 100 (мимо развалин дома, заросшего малинником и какими-то роскошными желтыми цветами на высоких стеблях) — и вот мы на маленькой полянке над обрывом к Даугаве. Это — правый берег (если смотреть по течению). Место замечательное: малина, земляника, грибы, вот только рыбная ловля (как, впрочем, и обычно бывает на реках) неважная.

Из: БНС. «Лихачество — только за письменным столом»

<...>

— У вас и теперь «Жигули»?

— Да, так называемая «сорок третья» модель.

— Универсал предполагает частые поездки на дачу...

— Дачи у нас нет. Мы с женой не дачные люди. Наш универсал предполагает путешествия.

— Даже сейчас, в наше небезопасное время?

— Даже сейчас. Мы с друзьями отправляемся в отпуск целой автомобильной колонной. Раньше ездили в Прибалтику, но теперь она малодоступна: нужны визы, а с нами кот, и на него тоже нужны документы... Поэтому в последние годы ездим в Белоруссию, на Браславские озера. С палатками.

— Ваша жена тоже водит автомобиль?

— Аделаида Андреевна еще более опытный водитель, чем я: у нее «права» вообще с 52-го года.

<...>

Из: Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского

<...>

— Когда у Вас появилась собственная машина?

— Это случилось гораздо позже, в 1976 году. Но до того существовал ведь прокат автомобилей — ныне совершенно забытое явление, разрешенное к жизни еще Хрущевым. Вы могли пойти на станцию проката (на Конюшенной площади), взять машину на несколько дней и ездить на ней сколько хочется и куда угодно. После ухода Хрущева автопрокат прикрыли (по-моему, году в 65-м), но пока он существовал, мы им пользовались на полную катушку и с большим удовольствием объездили всю Прибалтику, Карелию, частично — Белоруссию, Украину, Молдавию... Потом у меня получился большой перерыв, когда я машину практически не водил совсем, а с 1976 года, когда у меня появился «запорожец», мы начали ездить снова...

— «Запорожец» — который «ушастый»? Или еще «горбатенький», по поводу которого шутили, что водитель не слышит шума мотора, потому что уши зажаты между колен?

— Нет-нет, это был уже «ушастый», последнее слово тогдашней техники. Замечательная машина, между прочим. Для молодого человека — вообще идеальная машина. Для молодого, полного сил и здоровья, и особенно если у него еще есть вдобавок склонность к работе руками... У меня, к сожалению, такой склонности не было, но у моих друзей она была, некоторые из них просто замечательно умели работать руками. Так вот, если ты умеешь сам чинить машину, если ты не боишься и если ты любишь тяжелые дороги — «запорожец» — это именно то, что тебе надо. Самая высокая проходимость — из любой ямы можно вытолкать руками и даже просто вынести, если вчетвером. Гладкое дно — нет карданного вала, поскольку двигатель сзади, и машина не цепляется за камни и неровности. Очень удобная машина, всячески рекомендую. Правда, теперь это уже иномарка... Через несколько лет я поменял свой «запорожец» на «Жигули» и с тех пор придерживаюсь только этой марки.

— Вы путешествовали с компанией?

— Всегда. Сперва у нас была одна машина, потом две, потом три — на семь-восемь человек.

— Аркадий Натанович с Вами ездил?

— Аркадий Натанович никогда не участвовал в этих путешествиях. Он был ярый противник автомобилизма вообще.

— Почему?

— Я думаю, у него сохранились самые неприятные воспоминания о тех временах, когда в армии его учили водить автомобиль. И он на грузовике совершал какие-то неимоверные подвиги, связанные с прошибанием насквозь встречных заборов, задавлением поперечных коров и тому подобное. С тех пор у него сохранилась устойчивая идиосинкразия к автомобильному рулю. Да он и вообще не был поклонником туризма... Братья Стругацкие, надо сказать, начиная с определенного возраста — лет примерно с сорока

каждый, — оба стали склонны к оседлому образу жизни. Идеальным вариантом отпуска для них было — лежать дома на диване и читать хорошие книги. Вытащить их из этого состояния и заставить куда-то поехать — это всегда была проблема для родных и близких. С Аркадием Натановичем бо̀льшая проблема, с Борисом Натановичем проблема поменьше, но обязательно проблема. Аркадий Натанович вообще предпочитал бо̀льшую часть времени проводить дома. Хотя и его, конечно, жена время от времени вытаскивала куда-нибудь — в Дом творчества, скажем, на море, к знакомым, к родственникам. Но зато он был удивительно легок на подъем, когда речь заходила о «боевых походах» писательских бригад. Вот затеи, в которых я ни разу в жизни не принимал участия, а он участвовал неоднократно и не без удовольствия.

— Можно чуть поподробнее — что это за боевые походы? Писать на месте о великих достижениях в строительстве социализма?

— Нет-нет, скорее наоборот. Волею отдела пропаганды литературы сколачивались бригады из самых разных писателей и отправлялись на периферию, но не для того, чтобы там писать, а для того, чтобы выступать перед народом. Как правило, принимали их там очень хорошо, местное начальство перед ними стелилось, не знало, как получше угодить «столичным штучкам», и всё было весьма приятно и удобно. Аркадий Натанович любил это дело и раз в два года обязательно куда-нибудь ездил: либо в Среднюю Азию, либо на Дальний Восток, либо на Кавказ. Тут с ним вообще имело место какое-то противоречие: с одной стороны, Аркадий Натанович был совершенно несрываем с насиженного места, а с другой стороны, он вдруг срывался и мчался сломя голову в путешествие, на которое я бы, например, никогда не решился. Скажем, ехать на Дальний Восток через всю страну.

<...>

В это время АН отдыхает с семьей в Дубултах.

Письмо Аркадия брату, 5 сентября 1982, Дубулты — Л.

Дорогой Борик!

Разобрался я в своих наметках, и вот какие у меня предложения по ТП.

I. Принимая во внимание, что а) есть смысл наметить пунктиром, как наш герой дошел до жизни такой (как — не обязательно по прямой логике) и б) за основу взята моя биография, имеет смысл вставить в текст ряд реминисценций. Я предлагаю:

1) эпизод моей первой любви — когда-то я его набросал, да никому не показывал, стыдно было, а нынче уже не стыдно,

2) в связи с агрессивной глупостью — эпизодик с неким полковником Снегиревым и штабным сортиром (Камчатка),

3) о том, как я застрелил под Кингисеппом немца в июле 41,

4) эпизод, как я впервые услышал «А первой болванкой...»[1]. Камчатка, затонувшие по башню танки, уныло поющие танкисты. Возможно, найдутся еще реминисценции подходящего толка.

II. Далее, развить рассуждения героя о литературной критике. Критика в жизни героя (и нашей) никогда не помогала ни как читателю, ни как писателю.

III. О начальстве (в т. ч. писательской организации) — ни разу в жизни не было у героя начальника, которого он искренне уважал.

IV. Надо бы хотя бы обозначить текущие увлечения и политические взгляды героя. Скажем, что-нибудь из книг, кот. ему в последнее время понравились (я предлагаю роман «Сёгун»[2] — при встрече расскажу, на меня произвел большое впечатление). И отношение к мировому бардаку — Ливан, Рейган и т. д.

V. Как ты посмотришь на такой тезис: меня ничто не удивляет, готов ко всему. В том смысле, что всё приму с покорностью, как бы давно уже этого ожидал: арест, атомную

[1] Фронтовая переработка казачьей песни «Любо, братцы, любо», популяризированной к/фильмом «Александр Пархоменко» (1942, реж. Л. Луков).

[2] Роман Дж. Клавелла, прочитанный АНом в оригинале.

войну, гибель близких. А выражение возмущения, заинтересованности, ярости — это декорум, которого от меня ожидают и который я обязан обеспечить для внешнего мира.

Вот в таком плане.

В Дубултах неплохо. То солнце, то дожди, а в общем прохладно.

Ленка вас целует, я тоже. Жму, обнимаю, твой Арк.

Захочешь — напиши.

Да, здесь Саша Щербаков. Я прочитал его «Сдвиг» и «Суд». НичеГё!

Письмо Бориса брату, 9 сентября 1982, Л.— Дубулты

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо. Отвечаю незамедлительно.

1. Давеча вызвал меня к себе завредакцией худлитературы Лениздата. По-видимому, до него дошли слухи о судьбе ЖвМ в Детгизе, и он сразу же возбудился к активности. Издательство наше — партийное, Обкома КПСС, а повесть ваша, кроме того истолкования, которое дает в предисловии Евгений Павлович и с которым я лично вполне согласен, допускает и иные толкования... Аллюзии... Неуправляемые ассоциации... Шпиономания в будущем... Охота за ведьмами... Короче говоря, всему виною стихи «Стояли звери...», каковые, открывая собою повесть (эпиграф) и закрывая ее (предсмертный бред Абалкина), и создают аллюзии, акценты и ассоциации... Словом, надо убрать эпиграф, желательно изменить название и уж совершенно необходимо убрать концовку. В общем, битых полтора часа мы с Брандисом (который также был вызван, как составитель и автор предисловия) доказывали этому дубине, что нет там никаких аллюзий и что не ночевали там ни акценты, ни ассоциации, ни прочие иностранцы, а есть там, напротив, только Одержание и Слияние[1]... Скажи мне: почему они всегда одерживают над нами победы? Я полагаю, потому, что им платят за то, чтобы они

[1] Отсылка к УНС.

напирали, а нам за то, чтобы мы уступали. Я отстоял, правда, концовку, но эпиграф пришлось снять (хрен с ним, впрочем) и пришлось (что гораздо, гораздо хуже) изменить в тексте сам стишок. Теперь он звучит почти бесполо: «С З О Д, они кричали, их не пускали». Название, разумеется, тоже сохранили. Тут даже он понял, что чушь какая-то получается. Такие дела.

2. Звонил режиссер очередного выпуска «Очевидное — невероятное». Выпуск этот будет посвящен целиком проблеме Контакта. Я сказал ему, что сниматься не люблю и не буду, и отослал его к тебе. Он будет тебе звонить в конце сентября, а может быть и раньше — в Дубулты.

3. Пришли из ВПТ чеки — 31 рубль. За что? Откуда? И почему так мало?

4. Все твои соображения по ТП поддерживаю горячо. И полагаю, почти все мы и реализуем в ближайшее же время.

5. Ремонт мы никак не начнем. Во-первых, подвели нас мастера, на которых мы рассчитывали. Ищем сейчас других. Во-вторых, совершенно пропали из магазинов обои. Словом, не пришлось бы нам с тобою снова работать в Москве этой осенью, ибо совершенно ясно, что к концу сентября ремонт закончен не будет (а может быть, не будет и начат). Дача наша, правда, сейчас вполне уже обжита, но там холодно! Черт подери, там уже сейчас холодно, а что же будет в октябре? Понимаешь, там три комнатки, из коих отапливается только одна. Ладно, я полагаю, не пропадем.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночку целуй!

Был ли закончен ремонт — неизвестно, но в октябре АБС всё же встречаются в Ленинграде.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

«...ибо люди всегда дурны, пока их не принудит к добру необходимость». Макиавелли Никколо, «Государь», стр. 371

— Харя — вò! Кусками висит, опухшая...

9.10.82

Арк приехал в Л<енингра>д пис<а>ть ТП

«Зарубежный инвалид» («Ин<остранная> л<итерату>ра»)

10.10.82

1) Катя.

2) Лауреатская медаль (стр. 131) и сверхчеловек.

3) Эпизод с Тарковским (сцена в Клубе).

4) Эпизод с полковником.

Обрабатывали черновик (12).

11.10.82

Обрабатывали черновик (40).

Б. идет на заседание бюро.

12.10.82

Обрабатывали черновик.

13.10.82

Закончили обрабатывать черновик.

«Хромая судьба».

Эпиграф:

«Как пляшет огонек!
Сквозь запертые ставни
Осень рвется в дом».
Райдзан (Яп. поэзия, стр. 103)[1]

«Встреча со Странниками»

Странники ставят эксперимент: выбирают базу землян на далеком мире — человек 10 и, отрезав ее от связи, создают фон информации, из которого следует, что и Земля, и все остальные поселения землян и др. сапиенсов погибли. Вопрос: выживут ли такие робинзоны, уверенные в том, что, кроме них, никого во Вселенной не осталось?

Социальный рефлекс жизни ради Человечества настолько силен, что многие начинают гибнуть: одни кончают самоубийством — не для кого жить; другие набрасываются на ближних, лихорадочно их опекая и стремясь оказать всяческие услуги, производят впечатление умалишенных.

[1] Японская поэзия. — М.: Гослитиздат, 1954.

Только двое-трое, кот<орые> либо сумели подавить в себе этот рефлекс, либо имели его в ослабленном виде, остаются «нормальны».

В конце концов является «некто в белом» и объявляет: — Здравствуйте, я Странник. Простите за эксперимент, нам нужны представители человечества, для кот<орых> не существует понятия «дом родной».

14.10.82

Читали II, а потом I часть ГО.

15.10.82

Обсуждали про пришельцев.

16.10.82

То же.

17.10.82

Ганда.

Арк уезжает.

[Запись между встречами]

Интересно представить себе «Ревизора» с точки зрения чиновника; чиновник поставит эту пьесу как историю о том, как негодяй и проходимец обманул хороших людей.

Наконец-то мы дождались этого печального события...[1]

18 октября Борис Штерн пишет БНу. Пришло время уже Штерну представлять своих новых знакомых.

Из архива. Из письма БНу от Б. Штерна

<...>

Борис Натанович, вот что еще. Позвольте познакомить Вас с моим первым «потусторонним» корреспондентом. Роман Арбитман, 20 лет, живет в той самой глуши-Саратове. Студент, филолог, русский язык и литература. Прочитал

[1] Смерть Брежнева 10 ноября 1982 г.

в «Химии» и в «Природе» мои рассказы и послал в редакцию письмо мне. Итого: первый откликнувшийся ЧИТАТЕЛЬ. Мой. На фантастике, как видно, помешан. Написал на третьем курсе работу: «Тема прогресса в творчестве Стругацких». Собирается писать дипломную работу об Вас. В письме сравнил мою манеру с Вами. Приехали! Ну, я ему объяснил, что до Стругацких мне как до неба, но в принципе он на правильном пути: что Вы мой самый непосредственный шеф. Он хочет показать Вам свою работу. Погладьте его по головке, Борис Натанович! Моего ЧИТАТЕЛЯ. Он сумасшедший, читает всю НФ. Читал даже какие-то рассказы в киргизском журнале какого-то 1964 года. Двадцать лет, а всё знает. Может, и правда выйдет из Саратова хороший критик НФ. Я ему дам Ваш адрес. Не сердитесь! Он не будет приставать по пустякам, я ему написал. Он напечатал заметку о «Пикнике» в какой-то саратовской газете.

А меня наградил похвальной грамотой ростовский клуб любителей фантастики. Весной. За рассказ «Чья планета?» в «ХиЖе». Они оценили его как лучший рассказ 81 года по периодике. Я счастлив! Грамота со знаменами, текст отпечатан на машинке, без печати. В принципе, мог и сам себя наградить. От Ростова, от Бердичева, от Саратова. А вообще доволен. Всегда утверждал, что кому-то все-таки мои рассказы нужны.

Андрей молодец, Зинчук! Третья пьеса, хороший гонорар, и во ВГИКе всё хорошо. Он вплотную занимается делом... а я... бегаю по Сибири.

Знаю, что Ларионову приняли в СП. Туда ей и дорога, давно пора.

Познакомился в Новосибирске с Аланом и Ниной Кубатиевыми. Очень милые ребята. У него неплохие рассказы, а она недавно в «ЛГ» опубликовала статью-интервью с Кларком. Толком не поговорили, потому что мешали Генины <Прашкевича — *Сост.*> именины.

О Славе Рыбакове, о Феликсе ничего не знаю. Славе уже скоро тридцать, Андрею тридцать один, мне тридцать пять. Всё бродим в молодых писателях. У меня рассказов на две

книги, у Славки повестей — на пять. М-да. А Лермонтова давно уже застрелили. Кто бы нас перестрелял?

<...>

Что ВООБЩЕ сейчас в фантастике происходит? Вопрос не праздный. Гена собирается пригласить меня и Борю Чипа в Томск на семинар сибирских писателей-фантастов. Он должен был состояться в октябре, но перенесли на декабрь. Както надо чувствовать обстановку. Кстати, на мою рукопись в Новосибирском издательстве написали хорошие рецензии Колупаев и Михеев.

И вот уже 17 ноября БН отвечает Роману Арбитману.

Из архива. Письмо БНа к Р. Арбитману

Уважаемый Роман!

Всё присланное Вами я прочитал с интересом. Спасибо.

Рассуждения Ваши по поводу темы прогресса в творчестве Стругацких представляются мне вполне обоснованными, однако же ряд замечаний мне сделать по этому поводу хотелось бы. Не для того, чтобы как-то перечеркнуть Вашу работу, отнюдь нет! Повторяю, всё, что Вы сделали, вполне обоснованно, а следовательно (с литературной точки зрения) неопровержимо. Но раз уж Вы влезли в эту кашу, Вам небезынтересно будет узнать, как всё происходило на самом деле.

Тема прогресса, действительно, интересует Стругацких издавна. Однако, во-первых, интересует их не сам прогресс (развитие от более простого к более сложному и т. д.) и даже не развитие вообще, в широком смысле слова, не изменения в производительных силах и производственных отношениях. Много лет назад мы поняли (осознали до печенок) хорошо известный марксистский тезис о невозможности изменить ход истории волею отдельных личностей. И мы спросили себя: «А почему, собственно? Что мешает? Какие силы противостоят человеческой воле? Какие такие законы?» Почему нельзя изменить ход

истории волею отдельных людей за время человеческой жизни? Вот вопрос, который мы, действительно, протащили через цепочку повестей: «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Улитка на склоне» и «Обитаемый остров». Отголоски этой темы, встречающиеся в других повестях («Хищные вещи века», «Парень из преисподней», «Жук в муравейнике»), есть не более чем отголоски, хотя, пожалуй, «Парень...» тематически ближе к основной линии, чем всё прочее. Так что, строго говоря, обзор Ваш и анализ следовало бы ограничить четырьмя, от силы — пятью повестями. Интересно было бы узнать, какой вывод Вы сделали бы в этом случае?

Что касается наиболее важного аспекта нашего творчества, то мне кажется, что вопрос Вы поставили не вполне определенно. В каком смысле — аспект? Тема? Задача? Проблема? С самого начала мы стремились писать хорошо, тщились доказать (кому? кому-то), что фантастика — тоже литература, что не случайны в фантастике ни Уэллс, ни Чапек, ни Алексей Толстой, ни Булгаков. Может быть, это и есть наиболее важный аспект нашего творчества?

Буду рад узнать, чтò у Вас будет получаться и далее.

Желаю удачи,

[подпись]

С 10 по 24 ноября в Малеевке проходит всесоюзный семинар молодых писателей-фантастов, в котором принимает участие АН. Позже, 17 января 1983 года, Борис Штерн, участвовавший в семинаре, вспоминал в письме БНу:

Из архива. Из письма БНу от Б. Штерна

<...>

БН, это было как праздник. Это было намного лучше, чем в 1976 году[1]. Тогда компания была очень уж разношерстной — от 18-летних пацанов до 50-летних начинающих писателей. Балабуха, Никитин, Павлов, еще какие-то

[1] Всесоюзный семинар молодых писателей-фантастов и приключенцев 1976 г.

бесфамильные функционеры от НФ, задранные носы, дележ призовых мест, группки, группировки... К тому же тот семинар проходил в Лит. институте, и опосля заседаний народ автоматически разбегался по Москве по магазинам и редакциям, что отнюдь не содействовало общению. Пили крепко. (Я не в счет, потому что был тогда в семинаре на нелегальном положении, всего дней десять.)

На этот раз всё было иначе. Во-первых, загнали нас в Малеевку. 100 км от Москвы, особенно не попрыгаешь. Каждый по разу съездил в столицу на день-второй, вот и всё. Все официальные мероприятия по посещению музеев и пр. были отменены. Ничего не оставалось делать, кроме как: перезнакомиться друг с другим, читать друг друга, обсуждать, собираться с вечера на ночь в разных комнатах, играть на гитаре, слушать Высоцкого, травить баланду, праздновать случавшиеся дни рождения, играть в сурьезные логические игры (Ковальчук притащил игру, называемую «МПС», — Витман-Логинов Вам расскажет), разок пулю записали — но карты не пошли, — короче, жизнь заставила сплотиться. Впрочем, никто не заставлял, не в заставлении дело. Дело в том, что очень удачно ребята были подобраны. Были, конечно, и сильные, и слабые, талантливые и бес, и чушь всякую читали — главное, все шли в одном направлении. <...>

Из отрывочных впечатлений. Мишка Ковальчук очень энергичен и ведет какую-то политику (хорошую), от которой я всё же подальше. Кормят в домах творчества очень неплохо, все на мясе отъелись. Нина Матвеевна Беркова золотой человек. Аркадий Натанович постарел. Показывали две серии «Звездных войн» — вторая серия просто отлична. Все приключенцы — милиционеры, от лейтенантов до майоров. Всё правильно, материал-то у них.

<...>

В конце ноября вновь ненадолго съезжаются Авторы.

Рабочий дневник АБС

24.11.82
Вчера приехал Арк.
Закончили чистовик ХС.
25.11.82
Треплемся.
26.11.82
Предложение: переделать «Эксп<едицию> в преисподнюю».
Арк уехал.

В новогодний вечер состоялась премьера «Чародеев».

Кацев И. Чародеи

Пятница 31 декабря, 1 программа, 16.15

Предновогодние дни в институте со странным названием «НУИНУ», деятельность которого имеет прямое отношение к сфере услуг. И поскольку деятельность института основывается на волшебных действиях его сотрудников, вполне естественно, что Новый год встречают здесь созданием волшебной палочки, именуемой «ВП–2». Это, так сказать, фон. А существо фильма заключается в истории лирико-романтической по своему характеру с фантастическим уклоном. Достаточно сказать, что дело происходит в городе Китежград.

Следует длинная цепь забавных приключений, когда люди с добрыми и злыми намерениями стараются использовать себе во благо волшебную палочку. И вот тут оказывается, что там, где дело касается любви, никакие палочки-выручалочки не помогут. Здесь всё зависит от силы чувств, их постоянства и благородства. Эти качества героев способствуют тому, что всё становится в конце концов на свои места, порок наказывается, добро торжествует и под новогодний звон бокалов счастливо смотрят в глаза друг другу влюбленные герои.

Авторы сценария — А. и Б. Стругацкие.

Режиссер — К. Бромберг.

Фильм решен в стиле музыкальной комедии, в которой есть много фантазии, много улыбок и еще больше песен.

Композитор — Е. Крылатов, поэт — Л. Дербенев. Оператор — К. Апрятин.

Производство Одесской киностудии по заказу Гостелерадио СССР.

В главных ролях: Шемаханская — Е. Васильева, Сатанеев — В. Гафт, Киврин — В. Золотухин, Алена — А. Иванесс-Яковлева, Иван — А. Абдулов, Ковров — Э. Виторган, Брыль — М. Светин.

В этом году у АБС вышла в издательстве «Знание» книга ОУПА. В ленинградском сборнике «Белый камень Эрдени» был опубликован ЖВМ с кратким авторским предисловием.

АБС. [Предисловие к повести «Жук в муравейнике»]

Более двадцати лет назад повестью «Полдень, XXII век» мы начали цикл произведений о далеком будущем, каким хотели бы его видеть. «Попытка к бегству», «Далекая Радуга», «Трудно быть богом», «Обитаемый остров», «Малыш», «Парень из преисподней»... Время действия всех этих повестей, написанных в разные годы, — XXII век, а их главные герои — коммунары, люди коммунистической Земли, представители объединенного человечества, уже забывшего, что такое нищета, голод, несправедливость, эксплуатация. «Жук в муравейнике» — последняя (пока) повесть этого цикла. Тематически она продолжает повесть «Обитаемый остров». Здесь действуют те же герои — Максим Каммерер и Рудольф Сикорски, — но они теперь стали на два десятка лет старше, и они уже не Прогрессоры — специалисты по ускорению развития отсталых инопланетных цивилизаций, они — сотрудники Комиссии по контролю, КОМКОНа, наблюдающей за тем, чтобы наука в процессе бурного развития своего не нанесла ущерба человечеству Земли.

Кроме этого, ЖВМ был опубликован в региональных газетах — «Ленинец» (Уфа) и «Волжский комсомолец» (Куйбышев). Повесть выходила маленькими отрывками в течение нескольких месяцев.

А еще 28 декабря в специализированном издании «Советская панорама: Вестник АПН» было опубликовано интервью с Авторами, которое провел Вл. Гаков. Как это обычно бывает с АПНовскими материалами, позднее оно было неоднократно перепечатано центральными и региональными изданиями.

Летом этого года произошло заседание Добровольного общества книголюбов (ДОК).

Из: Меридианы фантастики, НФ–27

<...>

С целью координации работы клубов, снабжения их научно-методическими материалами, осуществления творческой связи энтузиастов научной фантастики с писательскими организациями Президиум ДОК РСФСР на своем заседании 17 августа принял решение о создании научно-методического совета по пропаганде научно-фантастической литературы, в состав которого вошли известные писатели, ученые, критики, активисты-книголюбы. Председателем Совета избран Аркадий Стругацкий, заместителем председателя — Вл. Гаков.

<...>

С этого момента КЛФ перестали быть «самодеятельностью». Созданные на энтузиазме жаждущих общения фэнов, теперь КЛФ получают организационную поддержку от Добровольного общества книголюбов. Ежегодная «Аэлита» в Свердловске принимает всё больше и больше любителей фантастики, журнал «Уральский следопыт» публикует новости из различных КЛФ. Клубы множатся по всей стране. Можно сказать, что это был недолгий период расцвета КЛФ.

Вл. Гаков, подготавливая в сборниках НФ («Знание») обязательную рубрику «Меридианы фантастики: Хроника событий в мире фантастики», в этом году добавляет к двум разделам («По Советскому Союзу» и «За рубежом») третий — «Новости клубов любителей фантастики (КЛФ)», в котором сообщает:

Из: Меридианы фантастики, НФ–27

<...>

За период с ноября 1981 года по май 1982 года в нескольких городах страны образованы новые КЛФ: в Горловке («Контакт»), Петрозаводске (при Доме культуры и техники), Мурманске, Семипалатинске («Прогрессор»), Магнитогорске («Фантаст»), Краснокамске Пермской области, Волгограде («Ветер времени»), в Тбилиси («Фаэтон»). Теперь, по данным на начало лета 1982 года, общее число КЛФ в стране превысило 40, а в ряде городов успешно работает по два и даже по три клуба.

<...>

В новых условиях клубы перестают быть оторванными друг от друга. Между ними налаживается регулярная переписка. В местной прессе появляются статьи о деятельности клубов. Стругацкие в КЛФ пользуются неизменной популярностью. Свидетельство тому — «говорящие» названия многих клубов, постоянное упоминание АБС в клубных публикациях.

Петрозаводск, КЛФ «НИИЧАВО»:

Из: Мамаев Л. Что такое НИИЧАВО?

Дворец культуры и техники «Машиностроитель». В фойе необычный указатель в виде вытянутой руки с подписью «фанталюбы», направляющий нас в уютную гостиную. На двери эмблема клуба любителей фантастики «НИИЧАВО». Последуем и мы вслед за гостями и хозяевами клуба.

<...>

Итак, сезон открыт. Всех, кто любит фантастику, хочет узнать что-то новое в этой области, желает поделиться своими мыслями с другими, интересно провести время, мы приглашаем в наш клуб.

Хотя сообщения о нем уже появлялись на страницах «Машиностроителя», не все, наверное, знают, почему наш клуб зовется «НИИЧАВО». Так называлось одно научное

учреждение в знаменитой повести-сказке братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». А мы дали свою расшифровку. «НИИЧАВО» значит: «Надо искать, изучать, читать, анализировать, выдумывать, обобщать!». Это — девиз нашего клуба. <...>

Семипалатинск, КЛФ «Прогрессор»:

Из: Огус П. «Прогрессор» действует

Состоялось двадцатое заседание киноклуба любителей фантастики «Прогрессор».

Почти два года назад группа энтузиастов при содействии облкинопроката организовала при кинотеатре «Октябрь» кинолекторий для юношества «Фантастика». Никто не мог предвидеть, что уже на четвертом занятии больше половины малого зала театра составили люди не совсем юного возраста.

Через полгода клуб набрал силу и приобрел постоянных участников. В свою программу он включил 12 наиболее интересных произведений советской и зарубежной кинофантастики: от довольно легкомысленной французской комедии «Жандарм и инопланетяне» до кинофильма «Сталкер» — сложного философского кинополотна советского режиссера Тарковского, снятого по мотивам повести братьев Стругацких «Пикник на обочине». Вскоре киноклуб получил свое нынешнее название — «Прогрессор», заимствованное из повести этих же известных писателей-фантастов «Жук в муравейнике».

<...>

Владивосток, «КОМКОН»:

Из: Вахненко М. На связь выходит «Комкон»

МЕСТО действия: краевая межсоюзная библиотека имени А. Фадеева.

Играет музыка, гаттаухи (так по клубному обычаю называют группу ребят, отвечающих за техническое оснащение)

крутят слайды. Слышится странная речь. О звездолетах, «желтых карликах», микроразрядных устройствах на ткацких станках и весьма сомнительных жителях планеты-спутника Пандоры...

Кажется, ты попал в мир мечты, фантазии, в мир научного расчета и воображения. Что может быть занимательнее, чем контакт с другой цивилизацией? Возможен ли он? Как достигнут люди высшей ступени общественного сознания, какие препятствия и опасности встретятся им на пути? Всё это пытаются выяснить члены клуба любителей фантастики «Комкон-3».

Комиссия по контактам — Комкон. Еще год назад это словосочетание было знакомо лишь тем, кто читал произведения Аркадия и Бориса Стругацких. Взяв его в название клуба, члены рождающегося коллектива хотели еще раз подчеркнуть свой особый интерес к советской фантастике вообще и к творчеству братьев Стругацких в частности.

<...>

1983

В начале года Авторы встречаются в Москве.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]
Замечания по ХС:
Пастух ОНОН!
«Вчера в Белом зале... Кудинов принял...»
Убрать I упоминание о значке.
5.01.83
Приехал Борис.

Зам. главного редактора
изд-ва «Советский писатель»
тов. Скачкову И. В.
от Стругацкого А. Н. и Стругацкого Б. Н.

Уважаемый Игорь Васильевич!

В беседе с Вами А. Стругацкого, состоявшейся 8 декабря 1982 года, Вы предложили заменить в нашем сборнике «За миллиард лет до конца света» повесть «ДбвК» какой-либо другой нашей научно-фантастической повестью, хотя бы уже и ранее издававшейся — при условии, что она не превысит 1/3 общего объема сборника.

В связи с этим мы предлагаем включить в сборник нашу повесть «Трудно быть богом». Повесть эта, впервые опубликованная в СССР в 1964 году, выдержала с тех пор несколько переизданий, а также вышла 18-ю изданиями в 13-ти странах мира. Повесть получила обширную положительную прессу, и специалисты считают сегодня эту повесть классикой жанра.

Объем ее составляет 9.5 а. л., так что общий объем предполагаемого сборника не изменится.

Рукопись либо расклейку повести «Трудно быть богом» мы представим, как только получим от Вас официальное согласие на эту замену. Что же касается замечаний редакци-

онного характера, которые вы сделали по поводу повести «За поворотом, в глубине», то они, разумеется, будут учтены нами — немедленно после заключения договора.

С уважением А, Б

В изд-во «Советский писатель»
редакция русской советской прозы
тов. Немченко Г. Л.
тов. Стригину В. М.
тов. Стеценко В. П.

Уважаемые товарищи!

При сем направляем Вам копию письма тов. Скачкову И. В.

Мы убеждены, что такая популярная и широко известная, неоднократно публиковавшаяся и подробно проанализированная в критической литературе (см. напр. Бритиков А. Ф. «Русский советский научно-фантастический роман») повесть ни в каком дополнительном рецензировании или в рекомендациях не нуждается. Отчасти потому мы и предлагаем именно эту повесть, что надеемся ускорить таким образом процедуру заключения договора.

С уважением
А. С.
Б. С.

6.01.83

Думали над трилогией о Максиме.

Максим внедряется в Океанскую империю, чтобы выяснить судьбу Тристана и Гурона.

7.01.83

Странники прогрессируют Землю. Идея: человечество при ком<муни>зме упирается в эволюц<ионный> тупик. Чтобы идти дальше, надо синтезироваться с другими расами.

8.01.83

Основы социоэволюционной теории Странников: любой разум — технический ли, или нетехнический — проходит путь от состояния максимального разъединения (дикости, нищеты, энергетического голода) к состоянию максимально возможного для отдельных индивидуумов объединения

(дружелюбия, энергетического богатства); далее для любого разума существуют лишь два принципиальных пути: 1) стагнация, самоуспокоение, замыкание на себя — планета Ковчег; 2) синтез с другими разумами, дающий: а) огромное количество новых граней восприятия мира, что ведет к неимоверному увеличению количества и, главное, качества получаемой информации, что, в свою очередь, влечет уменьшение страдания до нуля, а радости — до бесконечности (практической); б) расширение понятия «дом» до масштабов Вселенной; в) новый метаболизм и, как следствие, практически вечную жизнь и вечное здоровье: возраст Странника становится сравним с возрастом космического объекта — при полном отсутствии психической усталости, что обуславливается пунктом а). Странники считают свой путь развития единственно верным и действуют по отношению к другим примитивным разумам как Прогрессоры. Эта их убежденность основана, в частности, и на том, что для самого примитивного разума их преимущества составляют недосягаемую мечту.

Аналогия: земные прогрессоры стремятся изменить социальную структуру своих подопечных, они как бы подготавливают материал для будущей работы Странников, ибо вмешательство Странников в судьбу разъединенной цивилизации ничего хорошего дать не может.

Странники ждут, пока разум (технологический) доведет себя до коммунистического уровня; а потом уже начинают вмешательство в биоструктуру человечества с целью подготовки перехода к синтезу.

Каждый Странник как индивидуум есть произведение синкретического искусства: его творят физиологи, генетики, техники, психологи, этики, моралисты, эстетики и т. д. Процесс «рождения» очередного Странника занимает несколько десятков земных лет.

Кракен — это заложенный 40 лет назад эмбрион будущего Странника. Кстати, творение Странников — одно из почетнейших и увлекательнейших занятий, синтез науки и искусства, немыслимый для человека, нет аналогов.

Лозунг Странников: «Созидай, не уничтожая».

9.01.83

Серосовин и умирающий Горбовский.

Иллич-Свитыч.

10.01.83

Начало: Максиму звонят и сообщают, что тагоряне отозвали посольство и колонию.

Ибо Гриша (или другой Странник) побывал вчера у культурного атташе тагорян.

Неделя ужасов:

1). Люди, видевшие чудовищ (испытание на ксенофобию).

2). Люди, испытавшие кошмар космофобии.

3). Люди, попавшие под колпак (гибель Земли).

4) Ужас Максима, которого никто не слушает.

5). М<ожет> б<ыть> и Горбовский.

11.01.83

Мирер читал предисловие.

12.01.83

Б. уезжает.

Авторы считают своим долгом предупредить читателя, что ни один из персонажей этой повести не существует (и никогда не существовал) в действительности. Поэтому возможные попытки угадать, кто здесь есть кто, не имеют никакого смысла. Точно так же являются вымышленными все упомянутые в этой повести учреждения, организации и заведения.

6 января в газете «Советская культура» публикуется первый отзыв на телефильм «Чародеи».

Яковлев Ю. Сказка для взрослых

В праздничные дни новогоднюю сказку ждут не только дети, но и взрослые. И вот уже много лет подряд телевидение делает взрослым свой новогодний подарок. Некоторые ленты гаснут в памяти вместе с огоньками уходящей елки, другие — оставляют след, и их эхо долго не смолкает в наших воспоминаниях.

В нынешний предновогодний вечер зрителю был предложен новый двухсерийный фантастический фильм «Чародеи». Взрослого зрителя трудно ввести в «сказочные» заблуждения — слишком крепок его рационализм. Тем не менее авторам сценария братьям Стругацким, режиссеру-постановщику К. Бромбергу, оператору К. Апрятину удалось вовлечь зрителей в веселую, увлекательную и в чем-то бесшабашную игру, развернувшуюся на телевизионном экране.

Действие фильма «Чародеи» происходит в наши дни в институте НУИНУ (Научный универсальный институт необыкновенных услуг), где в основном работают чародеи. Сюжет строится на недоразумении, которое создает забавную путаницу.

Постановщик фильма использовал опыт своей предыдущей работы — увлекательной картины для детей «Приключения Электроника», где удалось найти забавные игровые ситуации, изобрести трюки и занятные игровые положения.

Наиболее яркими в «Чародеях» оказались женские образы: директриса института Шемаханская (артистка Е. Васильева), заведующая лабораторией Алена (А. Яковлева). Увлекательно смотреть, как властная, суровая Шемаханская по недоразумению принимает Алену за соперницу и, пользуясь своими магическими возможностями, меняет ее характер.

Е. Васильева создает образ гротесковый, но в то же время чем-то вызывающий сочувствие. А ведь именно неоднозначность так необходима комедийному жанру. Необычен в роли Сатанеева артист В. Гафт, ломающий привычные рамки амплуа.

«Чародеи» — не просто забавный и развлекательный фильм, в нем звучат и резкие сатирические нотки, направленные против бюрократов и очковтирателей.

Дети на экране — это большой и отдельный разговор. Но я не могу пройти мимо единственной детской роли в фильме, прекрасно исполненной московской школьницей Аней Ашимовой. Созданный ею образ — еще одна живая, привлекательная краска.

Сейчас, по всей вероятности, на телевидении уже начинается подготовка к съемке новогоднего фильма 84-го года. Каким хотелось бы увидеть тот фильм? Думается, что, используя накопленный опыт «новогодних» картин, будущий фильм должен не просто развеселить зрителей, но и заставить глубже задуматься над смыслом жизни. Но пусть при этом он не утратит веселья и искрометности, без которых не может обойтись новогодний праздник.

Но если Юрий Яковлев, известный детский писатель, воспринял фильм положительно, то любители творчества АБС долго относились к нему негативно. Из-за «перевирания» сюжета. Из-за потери уникального антуража «реальной сказки». Из-за качественно иного, слишком уж незамысловатого юмора. Из-за превращения культовой книги в слабенький новогодний мюзикл. Многие даже не верили, что Авторы имели хоть какое-то отношение к созданию этого фильма. Но... Со временем все привыкли к «Чародеям»! И БН был вынужден констатировать:

БНС. Комментарии к пройденному

Мюзикл получился недурной. Сначала он мне, признаться, не понравился совсем, но, посмотревши его пару раз, я к нему попривык и теперь вспоминаю его без отвращения. Кроме того, невозможно не учитывать того простого, но весьма существенного обстоятельства, что на протяжении множества лет этот мюзикл РЕГУЛЯРНО и ЕЖЕГОДНО идет по ТВ под Новый год. Значит, нравится. Значит, народ его любит. Значит, — есть за что...

В январе 1983 года исполняется 25 лет творческой деятельности АБС. Любители фантастики первыми откликаются на этот юбилей.

Рублев К. Этот увлекательный мир

В январе 1983 года все советские любители фантастики отмечают четвертьвековой юбилей писателей-фантастов Аркадия и Бориса Стругацких. Их творческая деятельность началась в первом номере журнала «Техника – молодежи» за

1958 год небольшой повестью «Извне». Не всякие писатели могут похвастаться таким количеством книг, каждая из которых сразу же становилась заметным явлением в мировой фантастической литературе. «Страна багровых туч», «Понедельник начинается в субботу», «Улитка на склоне», «Трудно быть богом», «Сказка о Тройке», «Жук в муравейнике» и «Пикник на обочине» — эти и целый ряд других произведений завоевали прочную любовь советского читателя.

Одна из крупнейших заслуг братьев Стругацких в том, что большинство их произведений сцементированы убедительно созданным образом коммунистического будущего. Прообразы людей будущего они ищут среди людей сегодняшнего дня — наших современников, считая, что те черты, которые составляют исключение сегодня, станут достоянием каждого человека завтрашнего дня.

Труд как радость, труд как удовольствие, труд как творчество — вот что считают главным признаком коммунизма писатели Стругацкие.

Это не значит, что будущее в произведениях Стругацких безоблачно и беспроблемно. Проникновение человечества в космос, встреча с неведомым порождают множество нравственных проблем и конфликтов.

Если в ранних произведениях Стругацких, таких как «Путь на Амальтею», «Стажеры», писателей интересует борьба человека с необозримым океаном космоса, то начиная с повести «Попытка к бегству» их творческое внимание всё больше привлекают «острова» в этом океане — недаром одна из самых остросюжетных повестей Стругацких называется «Обитаемый остров».

Фантазия писателей населила Вселенную множеством обитаемых миров, каждый из которых — увеличенная до масштабов целой планеты — частичка нашей Земли. Грозная Пандора, населенная чудовищами в ужасных дебрях, светлая Леонида, обитатели которой достигли полной гармонии с миром природы, планета Радуга, превращенная учеными Земли в испытательный полигон, и, наконец, мрачный Саракш — беспросветное царство мещанской серости и военщины.

Там, где искры разума лишь начинают тлеть в царстве тьмы, действуют люди фантастической профессии — прогрессоры. Это посланцы Земли, где уже победил разум и гуманизм, задача которых — раздуть эти искры прогресса, облегчить победу света над тьмой.

Любители фантастики Семипалатинска от всей души поздравляют любимых писателей и мечтают о новых замечательных книгах, на обложках которых будет стоять: А. Стругацкий, Б. Стругацкий.

Из: Творчество Стругацких

<...>

Многие из выходивших тогда книг благополучно позабыты. Многие с интересом читаются и перечитываются сейчас. Среди последних — книги братьев Стругацких.

Начало творческой деятельности этих авторов положила небольшая повесть «Извне», напечатанная в 1958 году в журнале «Техника — молодежи». Это официально. На самом же деле, еще будучи школьником, Аркадий рисовал фантастические комиксы, а Борис вместо традиционного сочинения на свободную тему написал фантастический рассказ. (Справка для любителей фантастики: ни то, ни другое опубликовано не было. Рассказ сожжен автором, судьба комиксов неизвестна.) Затем в печати выходили повести «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», цикл рассказов... Это была литература о героях, которые, как говорят сами Стругацкие, не испытывали никаких проблем в достижении цели. Но даже в первых произведениях чувствуется необычно легкая раскованность изложения, какой-то сверхъестественный эффект присутствия — результат того, что прообразами героев были люди, с которыми авторы жили и работали. По словам А. Н. Стругацкого, это было реакцией на нереалистичность фантастической литературы того времени, реакцией на выдуманность героев.

Сейчас читатели знакомы со многими произведениями братьев Стругацких, произведениями, вызывающими противоречивые мнения, сталкивающими читателя с самим собой,

остро-злободневными, а потому очень ценными в формировании мировоззрения современной молодежи.

Сами писатели называют свою работу ремеслом. Они продолжают плодотворно трудиться в жанре фантастики, причем не только в литературе, но и в кинематографе. По мотивам их произведений снято три фильма: «Отель “У погибшего альпиниста”», «Сталкер» и «Чародеи». Премьера последнего фильма совпала с 25-летием творческой деятельности писателей, которое отмечалось в январе 1983 года. В связи с этим КЛФ «Зодиак» поздравляет Аркадия Натановича и Бориса Натановича Стругацких и желает больших творческих успехов в работе над фантастическими произведениями.

В одной из бесед на вопрос, кто из фантастов вам нравится больше всего? — Аркадий Натанович ответил: «Меньше всего нам нравятся Стругацкие».

Мы придерживаемся иного мнения.

КЛФ «ЗОДИАК».

Клубы любителей фантастики устраивают конкурсы на лучший рассказ...

Полтавский В. Конкурс «Комкона-3»

Наш дальневосточный сосед — клуб любителей фантастики из Владивостока «Комкон-3» совместно с Приморской писательской организацией, горкомом ВЛКСМ и обществом книголюбов объявил конкурс на лучший научно-фантастический рассказ. Принять участие в конкурсе может каждый пишущий научную фантастику, как профессиональный писатель, так и начинающий автор. В жюри конкурса входят писатели, представители Всесоюзного общества книголюбов и клуба «Комкон-3», возглавил его (заочно) писатель Б. Н. Стругацкий. Победителей ожидают премии, призы. Наш клуб «Фант» также учредил приз для этого конкурса «За наиболее интересное произведение на дальневосточную тему». Желающие принять участие в конкурсе могут направить

свои рассказы по адресу: 690000, Владивосток, Океанский проспект, 18, библиотека им. Фадеева, КЛФ «Комкон-3». С итогами конкурса и с рассказами его лауреатов мы познакомим читателей в выпусках «Фанта».

...ставят спектакли...

Из: Торопцев И. Так это было

За окнами сгущалась ночь... Ее чернильный сумрак, просочившись сквозь роскошные шторы актового зала краевой библиотеки им. А. Фадеева, становился совсем непроглядным. Лишь узкий луч вращающегося прожектора время от времени скользил по заполнившим зал людям. Вдоль одной из стен угадывались декорации — что-то наподобие двора или, может, комнаты. Флегматичные звуки мини-рояля (настоящего — в наш-то «дискотечный» век!) время от времени слегка оживляли общую тишину. И вдруг...

Действие развивалось стремительно. Персонажи спектакля «Что случилось “За миллиард лет до конца света”», поставленного по мотивам одноименной повести Аркадия и Бориса Стругацких, словно задались целью ошеломить зрителей.

Вот дворник Прохор пытается в чем-то убедить следователя Зыкова (пропала метла — ну и фантастика!). А вот уже следователь допрашивает Малянова, явно подозревая его в причастности к краже. Или его друзей, монологи которых, лаконичные и емкие, исполнил с большой экспрессией один актер (и снова никакой фантастики). Сюжет движется по торной детективной колее: свидетели — дворник Прохор и Калям, проницательный следователь, группа злоумышленников во главе с неким Вечеровским. Герои в лучах прожекторов передвигаются от одной декорации к другой, действие быстро нарастает, достигая кульминации в момент взрыва в квартире главаря. В клубах дыма завязывается интеллектуальное единоборство злодея и следователя. Вечная идея борьбы добра и зла нашла выход во вмешательстве третьих сил. Каких? Не будем спешить. <...>

...переписываются с любимыми Авторами и даже переиздают — ведь это 1983 год, разгар книжного голода — их книги.

АБС. [Предисловие к повести «За миллиард лет до конца света»]

Мы с удовольствием представляем на суд приморского читателя нашу повесть. От души надеемся, что затронутые в ней проблемы не оставят вас равнодушными. Работая над ней, мы хотели выразить одну, главную, на наш взгляд, мысль: наше будущее — в наших руках. И только от нас самих зависит, каким оно будет. Никакие фантастические допущения не будут выглядеть более фантастично, чем события самого ближайшего будущего. И элементы жанра в повести — не более чем рабочий инструмент писателя.

Делать будущее надо своими руками, не останавливаясь ни перед какими трудностями. Успехов вам в этом нелегком деле, дорогие приморские читатели.

БНС. [Поздравление калужскому КЛФ]

Бедой многих клубов любителей фантастики является недостаток общения с интересными людьми, со своими коллегами из других городов. Постарайтесь избежать этого. Клубы любителей фантастики могли бы стать связующим звеном между теми, кто пишет, и теми, кто читает. Никакой автор не в состоянии контактировать со всеми своими читателями. Поддерживать же контакт с десятком КЛФ — задача вполне реальная. Таким образом, клубы могли бы взять на себя роль некоего регулятора обратной связи в системе «писатель — читатель».

Письмо Аркадия брату, 31 января 1983, М.— Л.

Дорогой Борик!

Вот что мне пришло в голову.

Время действия — 20–25 лет спустя, как мы и решили. Максиму 60–65 лет. Он заведует каким-то отделом в КОМКОНе-2.

А повествование ведется не от его лица, а от некоего молодого инспектора-наблюдателя, комиссара Мирового Совета, работника созданной десяток лет назад организации, контролирующей КОМКОН–2. Этот молодой человек контролирует каждый шаг Максима, причем, как и все работники этой организации, он активно недолюбливает Максима: недоучка, ученик и бывший соратник ненавистного Сикорски-Экселенца, да и вообще жандарм духа и интеллекта. А на дворе новый, 24-й век, большие перемены. Медленно, но верно затухает интерес к позитивному знанию. Затухает космическая экспансия, возрастает нелюбовь к Прогрессорству как к форме вольной или невольной вмешательско-угнетательской деятельности. Усиливается движение «назад, к Человеку!» — к простым и ясным идеалам духовности, к отказу от навязывания детям субакса, инфравидения и прочих форм вмешательства в природную организацию личности. Громадный подъем литературы и искусства как единственно возможных методик исследования единственной ценности во Вселенной — человеческого духа. Как неожиданный побочный результат — исчезновение в массовой и личной психологии страха перед физической смертью, что представляется Максиму и его поколению прямо-таки чудовищным явлением. Второй (первый имел место десяток лет назад) кризис системы массовой информации: редакции и издательства теряют критерии для отбора новостей и произведений литературы и искусства. Растет неудержимо спрос на новые названия книг, музыкальных произведений, картин и статуй, и столь же неудержимо падают тиражи, т. е. вкусы и потребности в Информации (художественной в том числе) всё резче дифференцируются. Рассасываются города, определенно обозначается стремление к одиночеству, особенно в возрасте с 30–40 лет. Ощутимы результаты начавшегося полтора десятка лет назад процесса ухода с Земли на вечные поселения на необитаемых планетах и даже астероидах. Можно упомянуть о первом за три века сбое в системе автоматического изобилия: об этом, правда, мало кто знает, Мировому Совету удалось тогда мобилизовать

мальчишек и девчонок, чтобы подменить опустивших руки старых инженеров.

Таков примерно фон. Герой, от лица которого идет речь (в виде ли дневника или прямым рассказом), — как раз представитель нового поколения: по понятиям Максима хилый, размягченный, интеллектуально и духовно заостренный юноша. И вот всё, о чем мы договаривались, происходит на его глазах и получает его оценку. Движущая сила сюжета — история (краткая, конечно) развития его отношений к Максиму и всему тому, что Максим олицетворяет.

Вот так. Всем приветы. Жму, целую, твой Арк.

Во втором номере журнала «Огни Болгарии» (этот софийский журнал издавался для советского читателя) публикуется интервью Радки Димитровой с АНом, БНом и Агопом Мелконяном.

Из: Братья Стругацкие: «Главное — на Земле, главное — человек»

Для нашего современника имя братьев Стругацких — символ умения проникнуть в человека, а посредством него — в мир. В последние десятилетия оба они занимают место среди писателей-фантастов, которые сильно волнуют умы читателей. В Москве мне выпала возможность разговаривать с одним из братьев — Аркадием Стругацким, японистом.

<...>

— Можно ли в этом творчестве со столь «интернациональными» возможностями уловить известные «национальные черты»?

Аркадий Стругацкий. Национальные черты совершенно обязательны, но вот в каком смысле: когда мы описываем, например, немца, англичанина, японца, то, хотим этого или не хотим, мы ссылаемся на национальные характерные черты, которые извлекли из книг, так как знаем их только по ним. Именно поэтому наши герои — в основном русские. А иначе — на вопрос, в той плоскости, в какой вы его ставите, лучше ответят литературоведы, если им придет в голову идея

сравнить фантастику братьев Стругацких, скажем, с фантастикой Брэдбери. Ибо, как известно, со стороны виднее.

— Возможно ли, чтобы автор, даже создавая фантастику, освободился от собственной реальности, то есть от конкретной среды и личного восприятия мира и его проблем?

Аркадий Стругацкий. Нелепо считать, что это возможно. Не существует литературы, оторванной от действительности. Начнем хотя бы с того, что писатель пользуется азбукой и языком, существующими объективно, независимо от него, но которые стали его собственными. Нельзя из кирпичей построить привидение. Некоторые указывают на Джойса как на автора, оторвавшегося от реальности, от действительного мира, в результате чего его очень трудно переводить. Я считаю, что это произошло потому, что он строит повествование на чрезмерно конкретных ситуациях и обстоятельствах своей непосредственной среды, которую знают немногие. Это всё равно что переводить древнеяпонскую поэзию, не зная хорошо конкретных реалий Японии, скажем, VIII–IX веков.

— Переводите ли вы с японского, или писательский труд не оставляет для этого времени?

Аркадий Стругацкий. Перевожу, но не поэзию. Когда я работал над переводом произведений средневековой японской прозы, то не раз сталкивался с трудностями такого же порядка, которые, вероятно, мучают переводчиков Джойса. То же самое было бы и с переводами греческой и римской античной литературы, если бы мы ничего не знали о ней. То, чем я горжусь как переводчик, это: «В стране водяных» (Акутагава Рюноскэ), «Луна в тумане» (Уэда Акинари), «Пионовый фонарь» (Санъютэй Энте) и «Сказание о Есицунэ» — анонимный роман XIV века.

<...>

Признавая свою слабую ориентированность в фантастике, под конец беседы подчеркиваю, что мой импульс начать ее питается высокой литературной ценностью создаваемого двумя признанными во всем мире авторами. И слышу в ответ реплику:

«А, значит, вы думаете, что это серьезная литература. Есть такие, которые этого не понимают».

<...>

Встреча, протекавшая при строгой экономии времени и слов, а также лаконичные ответы на несколько кратких вопросов недостаточны для более глубокого знакомства с двумя братьями, которые войдут в историю литературы как один человек. И так как фантастика — область, в которую не каждый может войти по-настоящему, даже в качестве читателя, мне понадобилось вмешательство специалиста. Агоп Мелконян — инженер, журналист и писатель, знаток фантастики (он автор интересной книги «Воспоминания о мире»), а также хороший друг обоих Стругацких.

<...>

— Каково место братьев Стругацких в фантастике и считаете ли вы, что их произведения носят национальный оттенок?

Агоп Мелконян. В одной американской энциклопедии по фантастике братья Стругацкие определены как продолжатели линии Гоголя в русской фантастике. Я думаю, что родословное дерево более разветвленное, и определил бы его так: «Гоголь — Салтыков — Щедрин — Булгаков — Ефремов», то есть продолжатели лучших традиций русской и советской фантастики.

Что самое специфическое в творчестве обоих братьев? Они говорят об этом в одной своей книге: главное — на Земле, главное — человек. Прогностические модели, технические аксессуары их не волнуют. Они концентрируют свое внимание исключительно на сложной обстановке, в которой вынужден жить человек XX века и бороться, чтобы уцелеть как вид и разум. Книги братьев Стругацких до такой степени русские, что даже если их герои носят иностранные имена, они всё равно русские. Некоторые из книг очень трудно понять, если не знать глубоко быт и душу русского человека. И еще: эти писатели поражают многоплановостью. За простой на первый взгляд историей читатель открывает невероятно много, невероятно глубокие пласты. Поэтому я могу

сказать, что каждому они нравятся настолько, насколько он сумел их понять.

Несколько слов о многих лицах жанра. Их столько, сколько больших авторов в современной фантастике. Совсем основательно называют Рея Брэдбери «великим моралистом», Артура Кларка — «оптимистическим технократом», Станислава Лема — «интеллектуальным мутантом», то есть человеком, который думает не так, как все остальные люди. Айзек Азимов — один, Роберт Шекли — другой, Геннадий Гор — совсем различен от них. В этой пестрой группе имен братья Стругацкие занимают свое определенное место, и оно принадлежит только им. Периметр их творчества ясно очерчен: исследование человека в экстремальных обстоятельствах. Человек перед лицом опасности, человек перед угрозой утратить свое лицо, то есть свою индивидуальность, загадка «Человек» перед загадкой «Вселенная».

— Что вам не нравится в фантастическом жанре?

Агоп Мелконян. Не нравится, когда автор-фантаст пытается поразить читателя невероятными открытиями, необычайными ситуациями или парадоксальными сюжетами. А забывает, что он хочет видеть самого себя в своем произведении.

— Расскажите что-нибудь «личное» о братьях Стругацких.

Агоп Мелконян. Я читал всё, написанное ими, перевел три их книги, знаю их вот уже пять лет, Аркадий был моим гостем. Мои личные контакты с ними убедили меня, что великолепным писателем может быть только великолепный человек. Один из этих мыслящих людей с созданной шкалой ценностей и достойным гражданским поведением, Борис, живет в Ленинграде, он астроном по профессии, работал в Пулковской обсерватории. Старший, Аркадий, специалист по японскому языку, живет в Москве. Его жена — переводчик с китайского, а их дочь — с кхмерского (кампучийского). Братья начали писать с детских лет, распространяя среди своих друзей фантастические комиксы, а их первая книга («Страна пурпурных облаков», 1959 год) — явилась результатом

заключенного пари. Двадцать пять книг и несколько киносценариев принесли им много международных премий. Они одни из самых переводимых советских авторов, их произведения издавались в США и Японии, в Европе и Латинской Америке. По их собственным рассказам знаю, что во время совместной работы они демонстрируют феноменальный синхрон в мышлении. И под конец мне хотелось бы сказать, что я чувствовал бы себя счастливым, если мне достанет сил следовать в литературе линии братьев Стругацких.

ЖВМ, последнюю опубликованную на этот момент повесть АБС, продолжают оценивать критики. 7 февраля выходит статья о сборнике «Белый камень Эрдени» в «Вечернем Ленинграде».

Из: Куклин Л. Встречи с будущим

<...>

И, наконец, четвертая крупная вещь в сборнике — это повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Жук в муравейнике». Мне всегда было любопытно следить за творчеством этих писателей, которые сейчас, без преувеличения можно сказать, входят в первую сборную команду фантастов нашей планеты. В их произведениях — возьмем ли к примеру «Далекую Радугу» и «Хищные вещи века», «Трудно быть богом» и «Малыш», «Обитаемый остров» или «Пикник на обочине» — всегда есть не только напряженный сюжет, глубокий смысл, неожиданная коллизия, но, я бы сказал, еще и образ произведения, образ обобщающий, крупный, вырастающий до философского символа. Очень важно, что почти всегда писатели Стругацкие, ставя своих героев перед поступком, перед нравственным выбором (что само по себе является вечной задачей литературы!), стараются своим фантастическим приемом снять с нас защитную кору равнодушия, самоуспокоенности и самовлюбленности, выступая против наивного, удобного, а иногда и узколобого антропоцентризма. Чем оно — это самодовольное ощущение себя центром Вселенной — лучше средневекового геоцентризма, когда вся

конструкция мира превращалась в ярмарочную карусель, вращающуюся вокруг заштатной планетки, затерянной со своими обитателями и своим Солнцем на окраине одной из многочисленных Галактик?!

— На нас идет автомат Странников!

Помню, как я вздрогнул от какого-то холодноватого, пожалуй, не страха, нет — предчувствия, когда прочел эту фразу в новой повести братьев Стругацких.

...Темную декабрьскую ночь сотрясали порывы сильнейшего ветра; уровень воды в Неве снова — в который раз! — подымался выше ординара; вокруг меня был современный город, на Земле хватало своих забот...

А ведь автомат Странников — представителей загадочной высшей цивилизации, кочевников Космоса, — это был не неведомый межзвездный корабль, не сверхмощное взрывное устройство — нет: это могли быть мы с вами...

Новым своим произведением писатели-гуманисты ставят непростой вопрос: «Люди! Не переоценивайте себя! Это опасно... Достаточно ли вы сами разумны, чтобы общаться с Высшим Разумом?!» И трудное, выстраданное, противоречивое решение, которое в минуту кажущейся опасности принимает ответственный за судьбу человечества Рудольф Сикорски, не дает на этот вопрос прямого, однозначного ответа...

<...>

Письмо Бориса брату, 9 февраля 1983, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Письмо твое получил. Со всеми соображениями вполне согласен и принял их к сведению.

Продолжаю разгребать завалы. Многое уже сделано. Осталось: пристроить архивы, разложенные прямо на полу; куда-то девать журналы, сваленные в угол; вывезти (как? на чем?) старую кушетку и купить новый диван с креслами. Это — основные и необходимые работы, завершив каковые, мы спокойно сможем тебя принять, разместить и обеспечить минимальными удобствами. Всё прочее — потом. Так что

ориентироваться надо тебе на вторую половину февраля и ждать вызова в интервале 15–25 февраля. Полагаю, что писать в этот раз мы еще не начнем, но зато точно разработаем план, чтобы без всяких-яких начать в марте.

Вышла рецензия Левы Куклина на сборник «Белый камень...» в «Вечернем Ленинграде». Хорошая рецензия. И вовремя.

Получил журнал «Сов. литература» на чешском, где «Машина желаний». Так вот за что заплатили мне таинственные 114 рублей! Богато, богато платят. А в бухгалтерию Лениздата я звонил (насчет потиражных за ЖвМ), так там попросту сказали, что и представления не имеют, когда из Москвы (?!) придет разрешение на выплату. Я из-за них, гадов, сижу без денег и продаю марки, чтобы купить мебель.

В «Дейли Уорлд» была статья Виктора Перло (очень известный публицист-коммунист), где автор вмазывает по усам Баллантайн-Букс за попытку изобразить Стругацких диссидентами — помнишь эту идиотскую обложку на издании УнС? Статья называется «_____»[1], и там нас очень хвалят.

В «Смене» — интервью Вл. Гакова со Стругацкими — видимо, то, что ты давал для АПН. А сейчас я даю интервью для АПН некоему Захарову В. Н. Так что «чести много, а денег мало».

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке — привет.

15 февраля в письме Роману Арбитману БН рассказывает о писателях, повлиявших на творчество АБС.

Из архива. Письмо БНа к Р. Арбитману

Уважаемый Роман!

Долго не отвечал на Ваше письмо, так как был очень занят.

К вопросу о традициях и влияниях. Лично я считаю главным учителем нашим Г. Дж. Уэллса: он дал нам метод.

[1] Английское заглавие не было вписано в машинописный текст.

Стилистически мы учились понемногу у многих: у Алексея Толстого, у Хемингуэя, у Кафки, пожалуй... Гоголь, Достоевский, Салтыков-Щедрин. Грин продемонстрировал нам пользу смешения жанров — детектив плюс любовная история плюс фарс плюс трагедия получается оч-чень неплохо. (Я имею в виду, разумеется, Грэма Грина.) Ильф и Петров, — может быть, только в самых ранних вещах. Шварц — разве что король в «Трудно быть богом». Уоррен, Леонид Андреев — совсем нет, хотя первого (в отличие от второго) очень любим. Булгаков? Любимейший из любимых, но, всё-таки, нет. Мы узнали его слишком поздно, ранние же его вещи («Роковые яйца», «Новые похождения Чичикова») особого впечатления на нас не произвели... Впрочем, всё это ужасно субъективно. Пока мы были молоды, неопытны, вопрос о традициях еще имел смысл, а теперь, когда написано больше двадцати повестей, когда уже зубы съедены, когда каждую новую повесть стараешься писать так, чтобы она была НЕПОХОЖА на предыдущую, и это стало уже чуть ли не принципом работы... Не знаю, не знаю.

О стихах. Если хотите, я могу дать Вам ссылки на все стихи, которые у нас упоминаются. Если сам сумею вспомнить, разумеется. Например, откуда «черное лицо досуга», — представления не имею: может быть, сами придумали? А «на ответы нет вопросов» — это то ли Бальмонт, то ли Блок[1].

Наиболее важные тематические аспекты? Затрудняюсь ответить. Когда-то это были проблематика прогресса, НТР, вторжения будущего в настоящее... А сейчас, пожалуй, тематика как таковая нас вообще не интересует. Тема не важна. Важно ощущение от придуманной ситуации. Придумать новую вещь означает сейчас придумать новую ситуацию (а не выбрать некую тему).

Желаю успехов,

[подпись БНа]

В середине февраля Авторы встречаются в Ленинграде.

[1] Неточная цитата из стихотворения В. Брюсова «Скала к скале; безмолвие пустыни...»: «Ответам нет вопроса».

Рабочий дневник АБС

19.02.83

Арк приехал в Лрд.

Сотрудник КОМКОНа может доказать свою правоту единственным способом: совершив ошибку в своей работе.

У научников ощущение тупика: благоустроенного, ароматного и безвыходного тупика. Поэтому ширится круг работников, ведущих исследования в области биологии и психологии — изменить природу человека. И в этом они парадоксально смыкаются с намерениями Странников.

Тойво Глумов, 31 год, сын Майки.

Бывш<ий> прогрессор, ненавистник прогрессорства и противник безграничного развития науки. В детстве испытал (вместе с миллионами сверстников) шок из-за убийства Абалкина. Ощутил ужас надвигающейся угрозы вторжения иного разума. Затем шок прошел, сменился насмешкой над детскими своими страхами. Поэтому не верит Максиму, кот<орый> объясняет «неделю ужасов» Странниками, считает, что это свои братья-ученые шалят.

Максим — зав. отделом по-прежнему. КОМКОНа ему не дали, ибо сочли, что был в деле Сикорски недостаточно оперативен.

А Максиму никто не верит! Синдром Сикорски — вот когда начала работать программа Странников! Когда он стрелял в Абалкина, он считал, что разрушает программу, а Странники всё это рассчитали вперед: теперь хоть на всех перекрестках кричи, что идут Странники: никто не поверит.

20.02.83

Гл<ава> I.

Тойво выходит из кабины 0-Т. Поселок Малая Пеша — стоит на речке Пеше, впадающей в Чешскую губу. Дежурный аварийщик. «Здесь где-то Старушка?» Старушка (ничего страшного: противные — да, но с чего убегать?). Мальчик, тайком вернувшийся за моделью (страшные, но добрые). Двое у кабины: мужчина (очень смущен, не понимает, что на него нашло, хочет понять); женщина (художник, хочет

чудовищ изобразить). Две пары бежали. Потом двое ученых, увешанных аппаратурой. Экзекуция мальчика прабабкой. Остальные бегут аж с Земли.

Гл<ава> II.

Тойво докладывает Максиму. Подозрение на ученых. Шляпа Иванов и барбос [дописан вариант: «жулик»] Флеминг могут быть замешаны.

Реакция Максима, кот<орую> Тойво заметил:

1) Мальчик, кот<орый> нашел этих животных добрыми.

2) Художница (первая завизжала, но первая и вернулась — запечатлеть дикую, «потустороннюю» красоту движения этих гадов).

3) Кто и куда удрали эти две семьи в Космос?

Тойво предлагает заняться Флемингом. Максим отказывается. Брошюра проф<ессора> Х «К вопросу об эволюции эволюции», откуда-то появившаяся на столе Максима.

Спустя неделю тагорский посол отбыл на родину на неизвестный срок.

Максим спорит с Сандро и Тойво, приказывает прочесть брошюру, они не нашли, брали почитать у него. Теперь Максим спохватился. Стал искать автора брошюры — неизвестен такой профессор. А брошюра — в одном экземпляре.

Приоткрылся Гриша Серосовин: после вылазки Максима к начальству, где был осмеян, стал уговаривать Максима не лезть на рожон. Демпфер. Что за дремучий антропоцентризм?

Между тем: лаборатория Флеминга как раз занимается тем, что на основании имеющихся данных <пытается> создать муляж-робот Странника. Данных очень много, в том числе артефакты Странников — спутники, покинутые города и проч.

И Странники недаром устроили шухер рядом с Флемингом.

Разговор нужен, чтобы показать всю ненависть Тойво к Странникам и вообще к Прогрессорству. Он — естественный союзник Максима.

Максим предлагает Тойво прочитать брошюру. Тойво неохотно берет, но думает, что читать не будет.

Vous voyez le malheureux Mack! — Вы видите несчастного Мака.[1]

Разговор Максима с Горбовским в присутствии Тойво. Тойво ничего не понимает в разговоре. Тойво знал, что Горбовский был очень плох и даже умирает. Но вот восстал.

— Это правда, что это ОН поднял вас на ноги?

— Ну, в каком-то смысле — да.

— Удивительный вы человек, Л<еонид> А<ндреевич>. Меня эти новости загоняют в гроб, а вас выгоняют из гроба.

— Я вдруг понял снова: впереди еще миллион лет интересной жизни. [Сбоку пометка «Голованы!» и стрелка вниз к тексту, отмеченному ниже ***]

Конец: Сумерки, Тойво и Максим только что прочли отчет N, прорвавшегося на дельфине из-под колпака. Является Серосовин. «Сядьте, Серосовин, мы еще не решили, что мы с вами сделаем». — «Простите, Максим, это мы еще не решили, что с вами сделаем».

Отчет — перевод с дельфиньего, очень странно выглядит. «Читай», — произнес Максим, швыряя мне листок.

*** В разговоре с Горбовским: это столкновение чистых идей, никакие скорчеры и мегаватты ничего не решают. И я проигрываю это сражение. Первая такая война человечества. Ведь наши идеи проигрывают! Как вы можете говорить так спокойно? Горбовский: это сражение, в котором не могут выиграть ваша идея и неверная идея, а здесь выиграет верная идея.

* * *

А у Тойво — представление: имеет место грандиозный заговор ученых. Мы искали по мелочам, а тут что-то открылось, и шеф в панике пытается что-то сделать.

* * *

Направление в космосе, где космонавты испытывают ужасные приступы космофобии. Туда же летал и Гриша.

[1] Цитата из романа Л. Толстого «Война и мир» (т. 1, гл. 2, главк. 3).

После чтения брошюры Максим соображает, что методы атаки Странников не могут быть социальными, как это делают земные Прогрессоры, а должны нести психобиологич<еский> характер. Тогда он и сажает Тойво за статистику: выяснить, были ли за последние несколько лет:

1) сколько-нибудь массовые выступления против существующих методов медицины и педагогики (аппендиксы — матери стали запрещать оперировать их у детей),

2) новые фобии, не существовавшие ранее (многофакторный анализ, данные д-ра Мёбиуса — его запрос в Космофлот, там ничего существенного не ответили),

3) случаи массовой истерии.

Д-р Мёбиус обратил внимание не на маршруты, а на тип кораблей, и ему сообщили, что действительно в этих кораблях обнаружены некоторые конструктивные недостатки. Перепутал.

Глава 3.

Институт Чудаков. Создан 15 лет назад. Феномен чудачества: крупный ученый, достигший больших высот, вдруг впадает в тоску, остро осознав, что так же далек от абсолютной истины, как и раньше, когда ничего не знал. Метания между позитивной наукой и мистицизмом. Странники-прогрессоры выводят их на правильный путь — третий путь интуитивного познания истины, сколь угодно далекий от современного уровня жизни.

21.02.83

Максим узнал, что тагоряне эвакуировались с Земли после того, как их научный атташе год обследовал институт Чудаков со всеми филиалами.

Гл<ава> 3 — с подачи Корнея Яшмаа (через Колдуна с Саракша) Максим посылает Тойво в инст<иту>т Чудаков: выяснить, с кем и о чем беседовал Колдун. Разговоры с сотрудниками, членами Партии Вертикального Прогресса. Много говорят о брошюре N. Беседа с Директором — тот, похохатывая: да, Колдун, удивительная фигура, но он не с нами. С кем — не с нами? Директор-Странник не жалеет человечество, он — крайнее крыло Странников.

Затем Тойво читает брошюру.

Беседа Серосовина с Тойво. Расстаются противниками. Серосовин решает устранить агрессивного и эмоционального Тойво.

И вот в тот же вечер его возлюбленная призывает его лететь на два года на Пандору.

Гл<ава> 4.

Тойво сообщает Максиму об увиденном. Максим несчастен.

Прогулка, встреча с Горбовским.

Тойво решает остаться.

Гл. 5

1. Максим узнает, что тагоряне эвакуировались с Земли.	
Обнаруживает у себя на столе брошюру.	Максим приказывает Тойво начать социобиологическую статистику.
Беседует с Голованом, кот<орый> утверждает, что на Земле нечисто.	
Максим идет со своими подозрениями к Председателю КОМКОНа-2. Уходит осмеянный.	
Серосовин дает понять, что он в курсе происходящего.	
Пропал остров, послан и замолчал Сандро.	Тойво сунет Максиму отчет по первой половине статистики.
Случай в пос<елке> Малая Пеша.	Максим посылает Тойво на расследование.
Сообщение Корнея о Колдуне в институте Чудаков (Черниговщина).	Посылка Тойво в институт.
Официальная беседа с Комовым.	

Комов — сторонник вертикального прогресса и опасений Максима не понимает. Синдром Сикорски.	[перечеркнуто: «Тойво читает брошюру. Тойво беседует с Серосовиным».]
Максим получает от Тойво просьбу об увольнении.	
Посещение Горбовского.	Тойво остается.
Максим грозит Серосовину за пропавшего Сандро, затем посылает Тойво на поиски.	Поиск Тойво.
Пока Тойво на выезде, появляется сообщение от Сандро через дельфина.	Тойво читает рукопись.
Последняя сцена. Появление Сандро, у которого события стерты, он ничего не помнит, весел и здоров.	

2 точки зрения друзей Максима:

1) Мы тебе верим, мы с тобой, приказывай, мы готовы! Максиму приходится говорить: ладно, пока подождите.

2) Слушай, испокон веков существует две категории, составляющие мир: разум и природа. То, что не разум, то природа. Этот твой сверхразум — это природа. Природу надо использовать, изучать ее законы, чего ты от нас хочешь?

22.02.83

Предусмотреть возможность главки — встреча Тойво со старыми приятелями, беседы о «политике», аналог современного трепа. Это даст фон повествованию.

Взять на вооружение: «...дом был очень старый, в нем еще сохранились окна Линии Доставки».

Новшества, кот<орые> не нравятся старикам. Напр. «Облачные Города».

Арк уехал.

23 февраля коллегия Государственного Комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли принимает следующее решение.

Из архива. Из решения Госкомиздата СССР «О мерах по дальнейшему улучшению выпуска литературы по научной фантастике»

Коллегия Госкомиздата СССР отмечает, что в условиях постоянно ускоряющегося научно-технического прогресса, превращения науки в могучую производительную силу важное значение имеет дальнейшее улучшение выпуска литературы по научной фантастике, призванной с марксистско-ленинских позиций отразить передовые научно-технические идеи, связанные с ними социальные и нравственные проблемы общественного устройства будущего.

Научно-фантастическая литература пользуется широкой популярностью у советских читателей. Она по праву стала любимым жанром у нашей молодежи. Лучшие произведения писателей-фантастов формируют у читателей диалектико-материалистическое мировоззрение, способствуют нравственному и эстетическому воспитанию, приобщению к миру научной и технической мысли.

Советская научная фантастика — острое оружие в борьбе с идеологическим противником, активно использующим этот вид литературы для глобальной пропаганды неизбежности ядерной катастрофы, краха мировой цивилизации, морального оправдания политики человеконенавистничества.

Центральные и республиканские издательства совместно с писательскими организациями страны ведут значительную работу по увеличению выпуска произведений научной фантастики, повышению их идейно-художественного уровня. Для более полного удовлетворения возросших запросов читателей всех возрастных групп в XI пятилетке переиздаются книги известных советских и зарубежных фантастов: А. Толстого, А. Беляева, И. Ефремова, А. Азимова, А. Кларка, Г. Уэллса, Э. По, Ж. Верна, С. Лема и других.

Плодотворную работу по изданию произведений современных авторов ведет издательство «Молодая гвардия». Здесь создана специальная редакция, свыше десяти лет издается «Библиотека советской фантастики», выпускается ежегодный сборник повестей и рассказов. Литература по научной фантастике регулярно выходит в издательствах «Знание», «Детская литература», «Мир», «Молодь», «Ёш гвардия».

Авторы лучших произведений современной советской фантастики в своих предвидениях будущих путей научно-технического развития исходят из принципов диалектико-материалистического миропонимания, социально-нравственных целей и идеалов социалистического общества, активно отстаивают гуманистический идеал прогресса во имя человека, предостерегают против бездуховного «благоденствия».

Во многих научно-фантастических рассказах, повестях, отражающих нравственные устои человека, проповедуется мужество, стремление к глубокому научному познанию действительности и самосовершенствованию, взаимовыручка и товарищество.

Наряду с бесспорными достижениями в выпуске научно-фантастической литературы в издательской практике последних лет, тем не менее, допускается немало просчетов, серьезных недостатков. В издательские планы еще нередко попадают невыразительные, слабые в художественном отношении работы, ничего общего не имеющие с подлинной литературой по фантастике. При попустительстве издательских работников порой появляются книги, не отличающиеся оригинальностью сюжетов, научных гипотез, познавательностью. Отдельные произведения не имеют четкой идейной направленности. Так, в ряде рассказов, опубликованных в сборниках «Научная фантастика» (НФ) №№ 21–25 («Знание», 1979–1981 гг.), повествуется о жизни людей на других планетах, но при этом речь идет о «человеке вообще», без какой-либо социальной его ориентации. Чрезмерная увлеченность общегуманными проблемами, когда будущее

отрывается от настоящего и недооценивается глубокое различие двух социально-экономических систем, приводит авторов отдельных произведений к туманной концепции человека будущего.

Нечеткостью социальных позиций страдают произведения некоторых весьма опытных и известных писателей-фантастов. Это относится к отдельным работам А. и Б. Стругацких. В частности, в повести «Пикник на обочине» («Молодая гвардия», 1980 г.) проявляется настроение социального пессимизма. Исключив из сферы противоборства Человека и Непознанного приметы социализма, подлинного творца истории — передовой социальный класс, ее авторы невольно оказываются проводниками идеи некоего чуда, полной непостижимости итогов прогресса.

<...>

Издательства еще недостаточно привлекают к созданию произведений научной фантастики талантливых, в том числе молодых писателей.

Мало выпускается литературно-критических исследований, посвященных указанному жанру литературы; при оценке произведений научной фантастики рецензенты и редакторы применяют заниженные критерии; малоэффективна роль редакционных советов в улучшении этого вида изданий.

Коллегия Госкомиздата СССР РЕШИЛА:

1. Директорам, главным редакторам издательств, выпускающих научно-фантастическую литературу:

— обеспечить строгий контроль за выпуском всех изданий научно-фантастической литературы на высоком идейно-художественном уровне;

— принять решительные меры, исключающие неразборчивость, недобросовестность редакторов в работе над книгами научной фантастики; строго взыскивать с работников, ответственных за выход в свет изданий с идейно-художественными просчетами;

— повысить требовательность к идейно-художественному уровню научно-фантастических произведений зарубежных авторов, отбираемых для перевода и издания;

— оказывать всемерную помощь и поддержку молодым талантливым авторам, обращающимся к жанру научной фантастики.

2. Главным редакциям, Главиздатэкспорту, госкомиздатам союзных республик, издательствам улучшить подбор, воспитание, профессиональную учебу издательских работников, занятых выпуском научно-фантастической литературы, систематически проводить научно-практические конференции и семинары, редакторские чтения.

3. В целях улучшения выпуска научно-фантастической литературы считать целесообразным, чтобы ее издание было сконцентрировано в центральных издательствах («Молодая гвардия», «Знание», «Радуга», «Мир»).

Установить, что решение об издании книг научно-фантастического жанра в других центральных издательствах принимается в каждом отдельном случае Госкомиздатом СССР.

Госкомиздатам союзных республик определить головные издательства по выпуску данного вида литературы и доложить об этом к 1 июня 1983 года.

4. Главному управлению сводного тематического планирования и координации (т. Махов) до 1 июня 1983 года разработать и представить на утверждение руководства Госкомиздата СССР сводный план выпуска изданий научно-фантастической литературы на 1984–1985 гг.

5. Главным редакциям, Главному управлению республиканских и областных издательств, Главиздатэкспорту совместно с Советом по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР:

— до 1 июля 1983 г. с участием издательств «Молодая гвардия» (т. Десятерик), «Радуга» (т. Незнанов), «Мир» (т. Карцев), «Детская литература» (т. Виноградов) разработать и представить на утверждение Коллегии Госкомиздата СССР проспект межиздательской «Библиотеки фантастики», включающей наиболее значимые произведения отечественной и зарубежной литературы. Выпуск библиотеки предусмотреть на 1986–1988 гг. в составе 30 томов, тиражом 400 тыс. экз.; создать редакционную коллегию;

— до 1 июня 1983 г. провести межиздательский семинар по дальнейшему улучшению выпуска и повышению идейно-художественного уровня научно-фантастической литературы.

6. Совету по детской и юношеской литературе Госкомиздата СССР совместно с Советом по приключенческой и научно-фантастической литературе Союза писателей СССР провести пленум на тему: «Научная фантастика для детей и юношества».

7. Главным редакциям, Главному управлению республиканских и областных издательств, Главиздатэкспорту, госкомиздатам союзных республик обеспечить регулярное контрольное рецензирование изданий научно-фантастической литературы.

8. Поручить издательству «Художественная литература» (т. Осипов) подготовить и выпустить в 1985 году сборник литературно-критических статей, анализирующих состояние и перспективы развития жанра научной фантастики.

9. Рассмотреть совместно с Союзом писателей СССР и ЦК ВЛКСМ предложения о проведении постоянного Всесоюзного конкурса на лучшее произведение научной фантастики и учреждении для его лауреатов премии имени И. А. Ефремова.

10. Обзор литературы по научной фантастике, подготовленный главными редакциями художественной и общественно-политической литературы, Главным управлением республиканских и областных издательств направить в госкомиздаты союзных республик, центральные, республиканские и областные издательства (прилагается).

11. Контроль за выполнением данного решения возложить на главные редакции (Молдаван, Сахаров, Ежков), Главиздатэкспорт (Коровкин), Главное управление республиканских и областных издательств (Шишигин).

Председатель Госкомиздата СССР Б. Н. Пастухов

Итак, государство в очередной раз обратило внимание на популярность фантастики и в очередной раз решило ограничить ее строгими рамками.

«Литературная газета» откликается на это решение «Круглым столом», опубликованным 13 марта. В нем принимает участие и АН.

Из: Какие звезды светят фантастике?

В разговоре участвуют: писатели Еремей Парнов (он председательствовал), Дмитрий Биленкин, Владимир Орлов, Аркадий Стругацкий, а также читатели, члены московского и ростовского клубов любителей фантастики.

Ведущий клуба «Диспут» — обозреватель «ЛГ» Валентина ПОМАЗНЕВА.

<...>

Д. Биленкин. Современным писателям приходится труднее, нежели их предшественникам, по той причине, что действительность усложнилась, что она стала куда более динамичной. Она не только быстро меняется, но зачастую меняется фантастически, непредсказуемо, парадоксально.

Это, естественно, заставляет литературу искать новые формы и средства создания образного мира, хоть как-то адекватного нашей реальности. Отсюда, на мой взгляд, и резкий крен литературы в сторону мифологии, в сторону чистой фантастики.

Отличие научной фантастики от просто фантастики не в том, что в первой есть наука, а во второй науки нет. Чистая фантастика прежде всего обращена к сегодняшнему дню. Будущие ее проблемы присутствуют в нашем сейчас (что превосходно видно на примере, скажем, романа «Альтист Данилов» Владимира Орлова).

Научная же фантастика — как двуликий Янус. Будучи зеркалом тревог, надежд, сомнений, поисков своего времени, она вдобавок пытается что-то нащупать, освоить в пространствах будущего. Отсюда и ее особая поэтика. Имея свой объект действительности, научная фантастика (и в этом ее реализм) неизбежно должна была вырабатывать специфические средства решения своих сложных задач. В частности, именно в ней обрел плоть и кровь такой отвлеченный еще

недавно литературный герой, как человечество. Вдруг мы увидели, как разноплеменный экипаж космического корабля под названием «Земля» сквозь оледенелые пространства Вселенной летит в будущее, во многом непредсказуемое и неясное. Как вывести этого героя в литературе? Здесь масса проблем и сложностей. Не буду говорить, как они решаются, но они решаются во многих произведениях. Не буду говорить и о другой проблеме — образ человека будущего. И эту проблему пытается решить научная фантастика. Но вдумайтесь только в это словосочетание: человек будущего. Как при подъеме в стратосферу — чем дальше от Земли, тем бледнее краски.

Но всем нам, фантастам, читатель вправе предъявить претензии: что же, энное тысячелетие, а герой вроде современен?

А. Стругацкий. С претензиями такого рода категорически не согласен. Будучи верным и покорным учеником Льва Николаевича Толстого, напомню сказанное им: всё, что угодно, можно выдумать, невозможно выдумать психологию. От себя добавлю: да и зачем ее выдумывать? Зачем вообще создавать синтетического человека?

В. Тернов. Но разве Максим Каммерер из «Обитаемого острова» и «Жука в муравейнике» не прообраз человека будущего?

А. Стругацкий. Уверяю вас, что таких Максимов, если отречься от физических данных нашего героя, которые дала ему система воспитания далекого будущего — способности видеть в темноте, чувствовать время, увеличивать темп своих физиологических процессов и так далее, — среди нынешнего поколения очень много. В нашем обществе живут бок о бок с нами люди, которые уже сейчас могут жить и работать при коммунизме.

В. Тернов. Чем же тогда объяснить такое: в жизни они есть, а со страниц научно-фантастической литературы исчезают? Когда мы спрашиваем писателей об этом, то, как правило, слышим, что чем проще герой, тем ярче контраст между ним и необычностью, сложностью навалившейся на него парадоксальной ситуации, тем выше разность потенциалов конфликта.

Звучит убедительно, но вопроса-то не снимает.

В. Степанов. Я стал разочаровываться в фантастике. И не потому, что разлюбил ее как направление в литературе, просто всё реже встречаюсь с действительно настоящими произведениями. Лет восемь назад переключился на чтение англо-американской фантастики, думал, там найду что-то для себя интересное. Ради этого даже освоил английский язык. И что же? Первое время действительно находил. А потом и в ней увидел массу пустопорожнего. Но самое главное — в американской фантастике нет героев, которых хочешь иметь в друзьях. В этом отношении наша литература выгодно отличается от англо-американской, ибо здесь есть герой — прекрасный человек. Но я вдруг стал замечать: то, чем переболела западная фантастика, начало проявляться и в нашей. Бросается в глаза мелкотемье, мелкомасштабность. Авторов многих произведений литературная форма волнует больше, чем содержание. Но ради чего всё это словесное плетение кружев, непонятно. Литературная форма, по-моему, должна быть простой, слово — экономным. А у нас книжное пространство порой используется не по делу. От «красот» стиля подчас становится не по себе. <...>

В фантастике я желаю видеть искусство. Искусство и людей. И вообще она должна просто трогать. Но как может тронуть проблема будущего героя, если сам он меня совершенно не волнует? К примеру, В. Головачев. Новый писатель. Я его впервые заметил по публикациям в украинском журнале. Стал читать в сборниках. Автор интересный, одаренный. Недавно на русском языке вышел его роман «Реликт» — на мой взгляд, лучшее научно-фантастическое произведение прошлого года. Но и в нем те же самые недостатки. Прекрасно выписан фон, интересна идея сверхразума, который развивается из споры, сам процесс раскрытия этой тайны. Добротный научный детектив. Но нечего и пытаться представить людей. Всё их различие в именах, язык стандартизирован.

Не знаю, как вам, а мне надоели бесконечные варианты встреч с инопланетянами, микропарадоксики, микроанекдотики насчет машины времени, плоские, схематичные персонажи в скафандрах и без. Читать это больше не могу!

А. Стругацкий. Мне нравится такой читатель. Мне вообще нравится требовательный, думающий человек, который хочет получать от литературы эстетическое и интеллектуальное наслаждение. Голос такого читателя крайне важен для нас.

Нам известен мир поклонников фантастики на Западе, в частности в Америке. Вот им подавай остренькие сюжеты, ситуации, в которых, если можно так выразиться, работают мышцы и совершенно не работает голова. Избави бог еще и чувствовать что-что!

К сожалению, иные наши авторы, по-видимому, как читатели, сами имея предрасположенность к литературным штампам такого рода, считают необходимым повторять их в собственных сочинениях. Конечно, не халтура определяет сущность нашей фантастики. А в том, что халтуры появляется много, виновата, в частности, критика, которая старательно обходит фантастику стороной.

Протест же против мелкотемья — на читательских конференциях, на встречах я всё время слышу эти голоса — явление чрезвычайно значительное. Хотя в принципе возражать против изображения в фантастике маленького человека нельзя. Как говорил еще Ф. М. Достоевский, все мы вышли из гоголевской «Шинели». Но как бы ни был мал и прост Акакий Акакиевич, я убежден, не найти в мире читателя, который бы сказал: «Не мог дочитать до конца, потому что было скучно».

<...>

А. Стругацкий. А вообще, друзья, самой главной проблемой для современной фантастики является проблема издательств. Проблема компетентности и доброжелательности редакторов. Проблема доверия издательств писателям. При нынешнем состоянии дел редактор по своей литературной квалификации иной раз стоит неизмеримо ниже автора.

Если бы удалось выправить это положение, многие трудности, о которых сегодня говорится, решились бы сами собой.

<...>

Дискуссии о фантастике (в том числе, разумеется, и о фантастике АБС) идут в литературных клубах.

Из: Федотова Т. Глядитесь в свое отражение

Каких только существ не напридумывали фантасты. Тут и колдуны-мутанты Хогбены, которые запросто мастерят атомный реактор, и люди-растения, и роботы-творцы и всезнайки. Не сходя с места, вы можете совершить путешествие во времени, побывать на планете, которая выполняет любые желания человека, или оказаться в стране бессмертных.

Раньше ученые, желавшие высказаться, писали философские эссе. Сегодня они пришли в фантастику. «Фантастика — единственный вид литературы, который занимается сегодняшним днем», — утверждает писатель и ученый А. Кларк.

Но что же такое фантастика? Какие этапы развития она прошла? Какие заметные произведения этого жанра появились в последние десятилетия?

Об этом шел разговор на заседании литературного клуба Дома ученых СО АН СССР. Впрочем, заседанием эту встречу никак не назовешь.

...Все сидят за большим столом и пьют чай. Лишь один человек, кандидат филологических наук А. К. Кубатиев, стоя держит речь.

Предмет знаком лектору не понаслышке. Диссертация Кубатиева имеет прямое отношение к фантастике. Несколько его рассказов опубликовал альманах «Мир приключений». В этом году Алан Кайсанбекович впервые прочел в НГУ курс «История англоязычной фантастики от ранних этапов до наших дней».

Рассказать о безбрежном море фантастической литературы — задача, непосильная даже для специалиста. Только в США в год выходит три тысячи произведений.

<...>

Речь оратора прерывают реплики с мест. Кому-то захотелось уточнить, дополнить. Кому-то возразить. Приходится

быть начеку! На помощь Кубатиеву в любой момент готовы прийти писатели-фантасты Д. Константиновский, Г. Прашкевич, поэты Е. Шунько, Э. Падерина и О. Мухина. И вот час пробил. Бородатый физик переходит в наступление.

— Для меня неочевидно, что фантастика — это литература. Что дала фантастика большой литературе?

— Физики всегда скептики, — шутит Кубатиев. — Корни фантастики уходят в глубокую древность. Лучшее, что она дала, принадлежит мировой литературе. Фантастика необычайно остро ставит проблемы, такие как человек перед лицом техники. А разработка сюжета? А элемент умственного эксперимента?

— Фантастика предлагает нам примитивного человека, — продолжает наступать физик.

— Психологическая однозначность в какой-то мере качество фантастической прозы. Но иногда неожиданные обстоятельства помогают раскрыть психологию героя. Помните ситуацию «Жука в муравейнике?». Здесь ответственность, границ которой нельзя представить. Любой поступок ведет к необратимым последствиям. Под силу ли это заурядному человеку?

Спор разгорается, но упорного оппонента не сломить.

<...>

Вот ещё один из множества примеров того, как освещалась тогда в печати деятельность объединений любителей фантастики. И, как нетрудно заметить, в первую очередь упоминаются книги АБС.

Яшин А. «Радиант» о Стругацких

Свердловские любители фантастической литературы, занимающиеся в клубе «Радиант», большое внимание уделяют творчеству писателей-фантастов Аркадия и Бориса Стругацких. Они составили библиографию их произведений, опубликованных в различных советских журналах и выходивших отдельными изданиями. Сейчас работают над библиографией

повестей и романов Стругацких, увидевших свет за рубежом. Творчеству писателей-фантастов было посвящено прошедшее занятие в клубе.

Член клуба сотрудник Свердловского объединенного историко-революционного музея О. Малютин сделал обстоятельный обзор критической литературы о творчестве писателей-фантастов. Затем состоялся опрос на тему «Ваше любимое произведение братьев Стругацких». Самыми популярными повестями и романами оказались «Пикник на обочине», «Жук в муравейнике», «Улитка на склоне». Эти и другие произведения стали предметом интересной дискуссии, в которой заочное участие приняли сами авторы, переписывающиеся с членами свердловского клуба.

Феномен КЛФ во времена их расцвета был описан, пожалуй, наиболее точно в статье Виталия Бабенко и Михаила Ковальчука, опубликованной в журнале «В мире книг».

Из: Бабенко В., Гаков Вл. Притяжение

«Притяжение» — так назвали свой клуб ростовские любители научной фантастики. Готовя материал о подобных читательских объединениях, мы поняли, что лучшего, наиболее точно отражающего смысл их деятельности, заголовка для нашей статьи не сыскать.

Для начала посмотрим на деятельность клубов любителей фантастики (КЛФ) как бы со стороны. Первый вопрос: зачем всё это? Создание детских секций и открытие «взрослых» курсов развития творческого воображения; составление библиографий научной фантастики; собственные пробы пера и жаркие их обсуждения; постоянные разъезды, бесконечная переписка, лекции, доклады, викторины, диспуты. Столь бурная, многогранная деятельность наблюдается от Калининграда до Владивостока, от Мурманска до Тбилиси. Кто вывел закон (и можно ли его вывести?) удивительного притяжения к этому жанру людей столь разных возрастов, профессий, интересов, увлечений и даже жизненных позиций?

Очевидно, «тайна» закона коренится в самой научно-фантастической литературе. Дать ей точное определение, которое удовлетворило бы всех, не сможет ни один даже самый ярый ее поклонник. Но задачи НФ ясны. Эта литература, избравшая объектом анализа не только человека, но и всё человечество, исследует самые жгучие проблемы настоящего (чем не парадокс: литература о будущем, прежде всего, говорит о настоящем?). В век, когда ядерная угроза ставит под вопрос саму возможность будущего, научная фантастика утверждает существование его, зовет к нему, заставляет думать о предстоящем, делать его собственными руками.

«Самое главное всегда остается на Земле», — сделал вывод герой повести А. и Б. Стругацких «Хищные вещи века». Современная научная фантастика — по крайней мере в лучших ее произведениях — вернулась со звезд на неспокойную, полную забот и тревог нашу планету. Глобальны задачи человечества: охрана среды обитания, защита биосферы, изыскание ресурсов, выход в космос, энергетический баланс, освоение океана, прогнозирование изменений климата. Как сохранить планету, не дать атомным безумцам взорвать ее, лишив тем самым Человечество — Будущего? Может ли литература, обращенная в завтра, остаться в стороне от этих самых жгучих, насущных проблем сегодняшнего дня?

Участники первых трех семинаров советских клубов любителей фантастики в Перми, Ростове-на-Дону, Свердловске, организованных обкомами ВЛКСМ и областными организациями Всероссийского добровольного общества любителей книги, выбрали — не сговариваясь — один и тот же девиз: «Фантастика в борьбе за мир и прогресс человечества». Главное остается на Земле...

Год назад, когда мы возвращались из Перми с первого такого семинара, суть деятельности КЛФ казалась очевидной. Недавно, по возвращении из Калининграда — с уже четвертой за двенадцать месяцев встречи любителей фантастики — мы только-только начали понимать, как — при ближайшем рассмотрении — сложен, объемен, противоречив, просто многозначен феномен КЛФ.

Прежде всего, сколько этих клубов в стране? Неофициальные подсчеты дают ответ: от 40 до 50. Это так... и не так. Мы на опыте убедились, что не всякую группу любителей фантастики можно назвать клубом, если, конечно, относиться к этому понятию достаточно серьезно.

Современная астрофизика ввела в обиход понятия «черных» и «белых» дыр. Не углубляясь в научные дебри, поясним: всё, что попадает в «черную дыру» — материальные объекты, энергия, информация, — исчезает без следа. «Белые дыры» — наоборот: работают только на отдачу. В пространстве КЛФ тоже есть «дыры»-излучатели и «дыры»-потребители.

Вот, скажем, собиратели-«книгоманы», дотошные библиографы, которые берут на учет любую публикацию, имеющую отношение к НФ (всё, что не НФ, для них — как за световым барьером: туман, абстракция...). Здесь порой вырастает зловещая — и, увы, обязательная для подобных групп — фигура «чернокнижника» — менялы, любовно подбирающего книги по дефицитным сериям и часто — для украшения интерьера, под цвет обоев... Группы таких собирателей тоже порой называются клубом любителей фантастики. Интересно ли таким людям общаться друг с другом? Да. Но — не ради общения.

Встречаются и люди, нашедшие в фантастике увлекательную игру: собираются и пишут «капустные» буриме. Но как похоже сие развлечение на салонные литературные забавы прошлого века: спокойно, весело. Тихо, как под стеклянным колпаком. А ветер времени и не ощущается. Однако спросим: интересно ли и первым, и вторым увлекать своим интересом других? В ответ — вежливое недоумение: о чем это вы? А вот противоположный пример истинного клуба. В Пермской области об областном «Рифее» знают многие. И дело не только в интенсивности пропаганды (материалы о нем появляются в семи (!) газетах области), а в активности, так сказать, «разъездной». Школы, институты и университеты (не только свой, пермский, но даже и дальний — кемеровский), ПТУ, педучилище, Дома культуры заводов и фабрик,

кинотеатры и редакции газет, даже медсанчасть! Где только не побывали «рифейцы», с гордостью называющие свой клуб областным! Существуют филиалы клуба в Березниках, Чусовом, Краснокамске, Кудымкаре, Чайковском. «Рифей» выезжал в Верещагино, Лысьву, Соликамск...

Читаешь отчет председателя клуба Александра Лукашина на заседании Правления ДОК РСФСР, и улетучивается из памяти знакомый по давним впечатлениям образ уютного, немногочисленного, до предела «камерного» кружка фанатиков-книгособирателей, собравшихся у своего «камелька», отгородившихся в книжном шалаше от внешнего мира! <...>

Наконец, особое место в клубной работе занимает творчество самих любителей фантастики. Хорошо Москве и Ленинграду — здесь организованы постоянно действующие семинары молодых фантастов. Повезло и тем городам (Ереван, Томск, Харьков, Новосибирск, Свердловск), где есть активно действующие фантасты-профессионалы, они-то и опекают молодых авторов. Но часто среди местных писателей и критиков не находится ни одного, доброжелательно относящегося к фантастике. И тогда начинающим авторам одна дорога — в клуб.

Очевидно: советские КЛФ — это не только форма организации досуга. Это еще и труд, увлекательный, добровольный. Недели и месяцы, которые потрачены на изучение теории и истории любимой литературы, вечерние часы в библиотеках над конспектами будущих лекций, а в результате — выстраиваются мостики к душам сверстников, подростков. Разве можно переоценить труд этих самодеятельных педагогов, воспитателей, способных увлечь, заразить жаждой познания, а порой — дать первый толчок к осознанию собственного места в жизни! Кто, когда проводил подсчет «перевербованных» в КЛФ из другого, увы, более распространенного кое-где «клуба» — Трех-В-Подворотне...

<...>

Первый шаг на пути решения этих проблем сделан. В августе прошлого года правление ДОК РСФСР одобрило опыт работы клубов любителей фантастики, наметив конкретные

шаги к координации и активизации этой деятельности. Поддержку энтузиастам оказали и писатели, критики, ученые — А. Стругацкий, Д. Биленкин, Е. Брандис, И. Бестужев-Лада, В. Бугров... Назрела необходимость создания при Центральном правлении ВОК общественного совета, который координировал бы и направлял деятельность КЛФ страны.

Будем надеяться, что Совет станет центром притяжения.

Авторы же в Москве работают над ВГВ.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Тойво не очень любит Максима (прогрессор, участник неприятной истории с мамой; мама отзывается неприязненно; беспощадный остряк).

Тойво очень любит Гришу Серосовина (веселый, энергичный, добрый остряк, умница, ловкач).

Это надо, чтобы персонифицировать добро и зло наоборот (Максим прав, но неприятен; Гриша приятен, но неправ).

Тойво каждый день звонит маме (контрольный звонок) — добрый хороший сын.

26.03.83

Б. приехал в Мск.

[Рисунок — карта-схема расположения Малой Пеши (ВГВ). См. вклейку в НС–8.]

27.03.83

1). Тойво и аварийщик Базиль Сатаров.

2). Тойво, Базиль и Анатолий Сергеевич Крыленко (зоотехник, встретил друга в Архангельске и поехали ужинать).

3). Тойво и старуха («Они были жалкие, они просили о помощи»).

Сделали 5 стр.

Сделали 2 стр. (7)

28.03.83

1) Результаты осмотра: откуда чудища двинулись, сколько маршрутов и т. д.

Ретроспективно — обитатель коттеджа и его приятель из лаборатории. Вдруг возвращаются.

2) Мальчик, и тут же вспомнил про старуху.

3) Таинственный герой. Возвращается, чтобы работать впоследствии с теми, кто не испугался + художница-любовница.

4) Старуха.

5) Появление исследовательской группы от Флеминга.

1 Вер. -	6 спальня -	11 спальня -
2 Гост. -	7	12 Гост. -
3 Гост. -	8 н/о	13 н/о
4 н/о Вер.	9 н/о гос.	
5 н/о -	10 Вер.	

[Обведены квадратами №№ 4, 5, 8, 9, 13. № 7 — двумя квадратами[1]. Рисунок — схема проникновения эмбриомеханизмов в коттеджи Малой Пеши (ВГВ). См. вклейку в НС–8.]

Сделали 5 стр. (12)

Вечером сделали 2 стр. (14)

29.03.83

Сделали 6 стр. (20)

Вечером 2 стр. (22)

30.03.83

Сделали 5 стр. (27)

Вечером сделали 2 стр. (29)

31.03.83

1) Мальчик Кир, дети.

2) Художница.

3) Неадекватность паники.

Максим увиливает от прямых объяснений с Тойво, чтобы, на случай, если его попросят в отставку, Тойво не был бы скомпрометирован.

Прогрессор, т. е. всё время лжет.

[1] См. в ВГВ: «Все девять маршрутов заканчиваются внутри жилых помещений, а именно: в коттеджах № № 1, 4, 10 (на верандах), 2, 3, 9, 12 (в гостиных), 6 и 13 (в спальнях). Коттеджи № № 4 и 9, судя по всему, необитаемы... Что же касается коттеджа № 7, откуда началось нашествие, то там явно кто-то жил...».

Неприязнь мамы.

Сделали 5 стр. (34)

Вечером сделали 2 стр. (36)

1.04.83

Для читателя цели Тойво и Максима не будут тайной с самого начала.

Тайна, раскрываемая в конце, состоит в том, что Странники УЖЕ захватили Землю, что на Земле уже давно две цивилизации.

Сделали 2 стр.

И ПРЕРВАЛИСЬ НА 38 СТР.

Условное название «Fait accompli»[1]

В апреле БНу исполняется 50 лет. Его поздравляют журнал «Искусство кино» (№ 4, рубрика «Поздравляем!»), «Литературная газета».

Б. Н. Стругацкому — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по приключенческой и научно-фантастической литературе СП СССР направили Борису Натановичу Стругацкому приветствие:

«Ваши книги, написанные в соавторстве с А. Н. Стругацким, изданы в нашей стране миллионными тиражами, переведены на многие иностранные языки. Первые же повести — «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», «Стажеры», «Возвращение (Полдень, XXII век)» принесли известность братьям Стругацким. Упрочили и расширили Вашу популярность такие произведения, как «Далекая Радуга», «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Хищные вещи века», «Обитаемый остров», «Малыш», «Парень из преисподней», «Жук в муравейнике» — главы далеко еще не завершенной эпопеи о людях XXII века.

Ваши лучшие книги внесли заметный вклад в советскую научную фантастику и в художественную прозу в целом.

[1] Свершившийся факт (*фр.*).

Кроме многочисленных повестей, Вы написали в сотрудничестве с братом ряд сценариев кино- и телефильмов, из которых выделяется «Сталкер», поставленный А. Тарковским по мотивам повести «Пикник на обочине».

За заслуги в развитии советской научной фантастики Вы и Ваш неизменный соавтор были первыми удостоены совместной литературной премии Союза писателей РСФСР и журнала «Уральский следопыт» — приза «Аэлита». Ваши книги также отмечены международными премиями. Мы ценим, Борис Натанович, и Вашу многолетнюю плодотворную работу как наставника литературной молодежи — руководителя постоянного семинара фантастической прозы в Ленинградской писательской организации».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Поздравляют и любители.

Из: БНС: «...Мы пишем о земном человеке»

В январе этого года почитатели научно-фантастического жанра отметили 25-летний юбилей творческой деятельности крупнейших советских фантастов — братьев Стругацких. Тогда «Иртыш» опубликовал на своих страницах интервью, взятое критиком Вл. Гаковым у Аркадия Стругацкого. В апреле исполнилось 50 лет младшему из знаменитых братьев-писателей Борису Натановичу Стругацкому.

<...>

— Борис Натанович, как вы относитесь к клубам любителей фантастики?

— Это же замечательно, когда собираются люди, объединенные общими интересами, — и не только фантастикой. В последнее время ведется много разговоров о проблемах общения нашего современника. И клубы любителей фантастики, как мне кажется, есть один из способов решить эту

проблему. То, что в нашей стране сейчас возникает множество клубов, объединяющих людей по интересам, свидетельствует о дальнейшем духовном развитии общества, о том, что современный советский человек способен сам творить вокруг себя духовную среду.

— Еще один вопрос об этом же. Если вы обратите внимание, в последнее время происходит «профессионализация» клубов фантастики, то есть в них появляются свои писатели, критики, художники, переводчики. Любителям фантастики уже «не хватает» просто обсуждения прочитанного. Как вы, Борис Натанович, считаете, атмосфера ли клуба побуждает к этому, или же он просто привлекает в свои ряды потенциальных фантастов?

— В общем-то, в каждом внимательном читателе «сидит» писатель. Многим людям, которые любят читать, хочется еще и писать. Когда клуб объединяет любителей фантастики, среди них много тех, кому хочется самому попробовать сочинять. Одних не удовлетворяет то, что они читают, им хочется сделать лучше, другим, наоборот, очень нравится прочитанное и они хотят, так сказать, сделать нечто подобное. Но я не согласен, что это — признак профессионализации клубов любителей фантастики, это и есть чистое любительство, которое следует приветствовать.

<...>

В апреле отмечается еще один юбилей.

АНС. О 25-летии журнала «Уральский следопыт»

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, писатель, лауреат премии «Аэлита-81»:

— Я почувствовал симпатию к «Уральскому следопыту», еще когда впервые услышал о его существовании и не прочитал еще ни одного номера. Объясняется это просто: для человека моего возраста название журнала слишком отчетливо ассоциировалось с легендарным ныне «Всемирным следопытом», этой колыбелью советской фантастики. Честно

говоря, попервоначалу эта моя симпатия не оправдалась и даже сменилась некоторым разочарованием. Но вот уже десяток лет прошло с тех пор, как журнал «Уральский следопыт» стал тем, что он есть сейчас, — образцовым и единственным в стране журналом фантастики и приключений для юношества.

Успехом своим и нынешним процветанием, «примерностью» своею «Уральский следопыт» обязан по крайней мере двум обстоятельствам. Первое — он попал в руки первоклассных работников, высокой журналистской и литературной квалификации. Редакционный коллектив, возглавляемый Станиславом Мешавкиным, единодушен, исполнен энтузиазма и наделен весьма редким качеством: ощущением глубокой ответственности перед своими читателями. Второе обстоятельство, обусловливающее успех журнала, прямо вытекает из первого. «Уральский следопыт» пребывает в непрерывном поиске — в поиске новых форм и рубрик, в поиске новых способных авторов, в поиске обратной связи с читателем. И еще. «Уральский следопыт» связан тесными узами с родным Свердловском, с прекрасным своим родным краем, с его людьми и природой, а такое отрицание дешевой космополитичности всегда и во всех случаях придает печатному изданию «лица необщее выраженье»...

Много-много еще хотелось бы сказать в адрес «Уральского следопыта». И вознести ему благодарность за активнейшее участие в учреждении первого в литературе нашей приза за лучшее произведение фантастики. И рассказать о том, как он медленно, но верно превращается в «центр конденсации» нашей фантастической литературы для юношества. И попенять кому следует, что объему «Уральского следопыта» давно уже пора по меньшей мере удвоиться... Жаль, нет места поговорить обо всем этом более обстоятельно.

Пока же я воспользуюсь случаем и приношу самые искренние поздравления с блестящим юбилеем «Уральскому следопыту», его неутомимым, талантливым создателям, а также и всем читателям его — в том числе и самому себе.

Вот уже и за «Чародеев» АБС получают «окончательный расчет».

Из архива. Письмо к АБС из Одесской киностудии

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Для произведения окончательного расчета по сценарию «Чародеи» бухгалтерии Одесской киностудии необходимо уточнить некоторые сведения.

Просим Вас сообщить нам Ваши паспортные данные, а также номера и адреса сберегательных касс и номера расчетного и лицевого счетов, на которые следует перевести гонорар. Желательно знать и номера Ваших удостоверений ветеранов Великой Отечественной войны.

Простите, что беспокоим Вас и доставляем излишние хлопоты. К сожалению, бухгалтерия т/с «Экран» в течение долгого времени не сообщает Одесской киностудии этих данных. В интересах дела мы решили обратиться непосредственно к Вам.

Желаем Вам всего доброго. Поздравляем с наступающими праздниками 1 Мая и Днем Победы!

С уважением,

Ст. редактор Марценюк Елена

В апреле в Свердловске проходит очередной фестиваль «Аэлита». Клубы любителей фантастики набирают силу.

Из: Бугров В. Свердловск: «Аэлита-83»

<...>

В нынешнем апреле в Свердловске гостили представители 35 клубов из 34 городов страны! Свыше ста энтузиастов, беззаветно преданных фантастике, — иначе не приехали бы, ведь добирались-то за свой собственный, как правило, счет: мы, в редакции, отметили не более полутора-двух десятков командировочных удостоверений! В таком количестве наши КЛФ не собирались еще ни разу...

<...>

На столиках — подшивки газет со страничками КЛФ; способный развеселить любого альбом НФ-изошуток, собранный — с миру по нитке — из газет и журналов; буквально накануне — после «мозгового штурма» — родившиеся в «Радианте» настольные НФ-игры «Сталкер» и «Охота на Пандоре» (еще одну игру привезли с собою ростовчане)... <...>

Словом, тому, кто с непривычки устал от чересчур интенсивного общения с «братьями по разуму», было что посмотреть, полистать, почитать в этой комнате, вполне похожей на формирующийся музей фантастики. Кстати, музей в ней тоже был, пусть пока и миниатюрный: в шкафах вдоль стен разместился самый настоящий филиал знаменитой «Изнакурнож». С шапкой-невидимкой и неразменным пятаком, с гипсовым слепком со следа «снежного человека», с «умклайдетом» (в просторечии — волшебной палочкой), с камнем преткновения и другим камнем — философским, с летающей тарелкой, с пивной кружкой мистера О'Тула и... много еще с чем! На нескольких полках, к примеру, расположились забавные фигурки из пластилина: легко узнаваемые отцы-основатели «Радианта», самые разноликие инопланетяне — как «сапиенсы», так и представители животно-растительного мира, среди которых явно преобладали хищники; наш земной «олгой-хорхой одомашненный», со шнуром для электросети на 220 вольт, смотрелся весьма безобидно в этой компании тахоргов, ракопауков и прочих крылатых и бескрылых страшилищ...

<...>

Из: Арбитман Р. «Аэлита-83»

<...>

Каждый КЛФ привез на «Аэлиту» свой опыт работы. Парадокс — все так увлечены клубными делами, что часто забывают просто поговорить о фантастике.

Существует ли кризис фантастики? Как преодолеть недостатки НФ-критики? Что такое «средний уровень» фантастики? — дискуссию «направляет» Константин Рублев,

преподаватель-филолог и он же — председатель Семипалатинского КЛФ. В центре спора оказываются все коренные проблемы современной НФ-литературы.

Сейчас поражаешься, как в трехдневный срок можно было успеть так много? Программа фантастических мультфильмов. Встреча с художниками-фантастами, чьи картины были выставлены в помещении ДК автомобилистов, особенный интерес вызвали графика А. Коротича и картины А. Пасеки. Знакомство с художником «Уральского следопыта» Е. Стерлиговой, под пером которой многие персонажи фантастических повестей и рассказов стали зримыми. Посещение редакции журнала и музея его, где собраны самые редкие издания фантастики.

<...>

Так какова же главная задача КЛФ? Не секрет, что кое-кто приходит в клуб только в надежде, что их сразу научат писать хорошую фантастику и сразу будут печатать, забывая о том, что писательство — это труд, тяжелый, кропотливый, не всегда благодарный. «Да. У нас пытается писать фантастику примерно процентов семьдесят всего состава, — сказал мне В. Головачев, писатель, председатель Днепропетровского клуба. — Правда, негде печататься». Пользуясь случаем, я поинтересовался еще у двух писателей их мнением по поводу главного «направления» работы КЛФ.

— Воспитывать читателя — вот основная задача, — считает Д. Биленкин. — Если человек пишет, и к тому же вкладывает душу, то, наверное, он и так добьется своего, без помощи клуба. А вот воспитанием читательского вкуса у нас, по сути, никто не занимается. Кроме вас, клубов любителей фантастики.

Солидарен с Д. Биленкиным и Г. Прашкевич: «Писателя воспитать нельзя, а вот объяснить читателю разницу между плохой и хорошей фантастикой — можно и необходимо».

Дел предстоит еще очень много, и как не хотелось разъезжаться по домам: многие вопросы остались неразрешенными, о многом недоговорили, недоспорили... Уезжая, думали о будущем и загадывали встретиться через год на «Аэлите-84».

Оглядывая всё это ретроспективно, поражаешься — как могли весьма неглупые люди, участвующие во всём этом действе, не понимать, что КПСС не потерпит конкурента на своей территории. Несанкционированная инициатива снизу! Они хотят объединять, воспитывать, учить, оценивать, вручать призы, выпускать собственную печатную продукцию... Не партия и контролируемые ею органы, а эти самозванцы! А теперь еще и какое-то там воззвание-обращение! Разве ж могла такое позволить руководящая и направляющая партия? Вот и не позволила. В следующем же году. Но вернемся к апрелю 1983 года.

В апреле АБС участвуют в семинаре по кинофантастике, организованном Советом по приключенческому и научно-фантастическому кино Союза кинематографистов СССР, а затем работают в Ленинграде.

Рабочий дневник АБС

28.04.83

После семинара НФ-кино прибыли в Ленинград.

29.04.83

Wanderer[1]

Вандеризованный человек не нуждается в Толстом, Шекспире и т. д. Он не нуждается в творцах. Он сам себе творец и читатель. И сколько бессмертных и гениальных романов он прочитывает за час, сидя на скамье на бульваре, глядя на проходящих мимо него гуляющих людей! И это при бесконечном, неутолимом сенсорном голоде. В капле воды он угадывает не только океан[2], но и все населяющие его живые существа, в т. ч. и разумные.

Тагоряне — цивилизация гипертрофированной предусмотрительности. 3/4 всех мощностей направлены на изучение последствий (вредных), которые могут последовать из изобретения, открытия, нового технологического процесса и т. д. Причем это очень интересно, дает массу интеллектуального и эмоционального наслаждения. Тормозить прогресс

[1] Странник (англ.).

[2] Реминисценция из «Этюда в багровых тонах» А. Конан Дойла: «По одной капле воды <...> человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если он не видал ни того, ни другого и никогда о них не слыхал» (ч. 1, гл. 2). Перевод Н. Треневой.

так же увлекательно, как и ускорять — всё зависит от воспитания и исходной установки.

Транспорт — только общественный (ЖД). Авиации — никакой. Зато прекрасно развита (проводная!) связь.

Леонидяне — чрезвычайно древняя и медленная цивилизация. Возраст — 200 тыс. лет. Застыли в единении с Природой.

Итак: три цивилизации, считающие себя благополучными.

Почему Странники должны вмешаться именно в нашу жизнь? Мы движемся, а значит, можем ошибаться в направлении движения.

Подмикитеры — фанатики-энтузиасты ускорения прогресса тагорян и леонидян.

30.04.83

Сделали 3 стр. (41)

Вечером сделали 3 стр. (44)

1.05.83

Сделали 4 стр. (48)

Причины выступления против фукамизации:

1) Антиевгеника. Вторжение в естественное состояние чел<овеческого> организма. Никому и никогда еще не удавалось затормозить расторможенный гипоталамус. Отдаленные же последствия предсказать невозможно.

2) Возможное влияние на наследственность. Рождение детей с расторможенным гипоталамусом, и это передавалось по наследству.

3). «Религиозные» соображения. Ридеры (т. е. телепаты). Ноофилисты (жизнь → преджизнь; жизнь начинается после смерти в объединении с Мировым духом).

4). Сторонники свертывания технологического прогресса. Фукамизированный человек — человек дерзкий, он не остановится. Монография «Человек дерзкий». Освоение мира внешнего наносит ущерб освоению мира внутреннего. Некогда оглянуться.

Вечером сделали 2 стр. (50)

2.05.83

1). Первые вспышки и географическое движение фобий.

2). Гипотезы, объясняющие фобии.

3). Появление группы врачей, поддерживающих женщин.

4). Появление таких же групп отцов.

5). Рост социальной агрессивности — марши, петиции и т. д.

6). Появление оппозиции к «Закону» в самой комиссии по охране Материнства и младенчества.

7). Малый процент «простых» людей; заметная доля специалистов (медики, философы, социологи и т. д.).

8).

a) совпадение по времени с «синдр<омом> пингвина»,

b) многие из женщин, выступавших против, потом прекрасно фукамизировали (либо Дирижер, либо принципиальная борьба против обязательного).

Сделали 4 стр. (54)

Вечером сделали 2 стр. (56)

3.05.83

Сделали 3 стр. (59)

И ПРЕРВАЛИСЬ НА 59 СТР.

4.05.83

Арк. уезжает.

Письмо Аркадия брату, 11 мая 1983, М.— Л.

Дорогой Борис!

На 10.05.83 денег из Одессы на книжке нет.

Письмо в ВААП отправил 5-го.

Тогда же и письмо тов. Пастухову из Госкомиздата — с вопросом о статусе ПнО.

Приветы, обнимаю

твой Арк.

9 июня корреспондент АПН В. Захаров берет интервью у БНа. Вопросы обычные — о специфике фантастики, о начале творческого пути, о своеобразии произведений АБС.

Из архива. Из: БНС. Научная фантастика: мнение братьев Стругацких

<...>

— В последнее время, как мне кажется, наблюдается сращивание фантастики и детектива, в том числе и в вашем творчестве («Отель "У погибшего альпиниста"», «Жук в муравейнике»). Чем вы объясняете такую тенденцию?

— Откровенно говоря, я ее просто не вижу. Действительно, во многих фантастических произведениях сюжет строится на тайне, которую надлежит раскрыть, на загадке, которую разгадывают герои, но ведь это — давняя традиция, ведущая свое начало от Эдгара По, Жюля Верна, Герберта Уэллса. На мой взгляд, это говорит лишь о том, что фантастика находится в близком родстве с приключенческим, авантюрным романом.

Что же касается детектива, то мы оба его любим и даже давно задумали написать детектив, причем не совсем обычный. Свою задачу мы понимаем так: придумать такой детективный сюжет, чтобы читательский интерес к моменту развязки не падал бы, как это обычно бывает, а, наоборот, возрастал. Другими словами, развязка должна быть не менее интересна, чем завязка. Кстати, из рассуждений подобного рода и родился наш «Отель»... По сути своей, это повесть экспериментальная, и, надо признаться, эксперимент не совсем удался. Насколько нам известно, и любители фантастики, и любители детективов остались этой повестью не очень-то удовлетворены.

Если же говорить о «Жуке», то его следовало бы считать скорее антидетективом. Внимательный читатель обнаружит там по меньшей мере одиннадцать вопросов, оставленных без ответа. Что же это за детектив, где столько сюжетных нитей болтаются «неподвязанные», неприбранные, кое-как?.. Конечно, «Жук» ни в коей мере не детектив. Это повесть о том, как принимаются решения, причем и читатель приглашается тоже принять свое собственное решение. Он имеет на это право, ибо знает о происходящем ровно столько, сколько и герои повести.

— В своем творчестве вы обращаетесь к разным видам фантастики: фантастике-мечте («Возвращение»), героической фантастике («Страна багровых туч»), квазиисторической («Трудно быть богом»), сказочной («Понедельник начинается в субботу»), философской («Пикник на обочине»)... Не хотелось ли вам попробовать свои силы в ином жанре — написать «в чистом виде» исторический роман или заняться социально-психологической прозой?

— Вряд ли мы когда-нибудь напишем чисто «бытовой» роман, а вот об историческом романе подумываем давно. Ведь фантастика и историческая проза очень близки в своей основе. И здесь, и там только принятая мера условности определяет правдоподобие. И там, и здесь несомненно право автора на домысел: право писать либо о том, что знаешь очень хорошо, либо о том, чего никто не знает. И там, и здесь описываемое в романе ценно не само по себе, а только в некой перекличке (идейной, эмоциональной) с нынешним днем.

— В связи с бурным развитием науки современная фантастика становится всё более сложной, всё более интеллектуальной. Возникает вопрос о доступности научной фантастики широкому читателю. Не движется ли она к тому, чтобы стать «элитарным» чтением?

— По-моему, такой проблемы нет. Во всяком случае, мне не кажется, что интеллектуальный уровень фантастики растет быстрее, чем сам советский читатель.

— Какую из ваших повестей вы считаете лучшей?

— С наибольшим уважением, пожалуй, мы относимся к нашей повести «Улитка на склоне». Но, как водится, любимое детище — последнее. Так сказать, «поздний ребенок» — повесть «Хромая судьба», которую мы только что закончили.

Это интервью было опубликовано в «Вестнике АПН» 19 июля и затем на протяжении всего года перепечатывалось под своим названием и названием «Ориентиры научной фантастики» различными центральными и региональными газетами.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Для Института Чудаков: человек, кот<орый> видел звуки окрашенными (Скрябин); буквы окрашены (Хлебников) и далее по аналогии.

«Познание не обязательно будет обещанием успеха или выживания; оно может вести также к уверенности в нашем конце».

R. Thom «Catastrophe theory» (см. «Природа», 10, 1979, стр. 63)[1]

13.06.83

Б. в Мск. Пишем письма и ябеды.

14.06.83

Тойво грешит на Странников. В середине узнает, что это самопроизвольное появление элиты.

Главные задачи элитчиков:

1) Выявление потенциальных себе подобных.

2) Их воспитание до уровня и организация.

Элита — порождение сверхтехнологии: ЭВМ, медицины и миллионов других факторов.

Идеология: определение своих целей и определение дальнейшей судьбы расы и отношение к матери — человечеству.

Сцену объяснения с Серосовиным — в середину.

Финальная сцена — Тойво узнает, что он тоже потенциальный элитчик. Что делать — повисает в воздухе.

Этический вопрос у элитчиков: имеем ли мы право на создание новой расы?

Возможный ответ: аналогия с созданием математических, балетных и пр<очих> школ — выявление максимальных возможностей у человека.

Потенциальные элитчики появились вместе с возникновением человека, но не было условий для превращения, и это были самые несчастные представители рода человеческого.

Два идейных направления в элите, главное:

1) помощь землянам (всё для Земли),

[1] Высказывание Р. Тома приведено в статье В. Арнольда «Теория катастроф».

2) свои собственные задачи (всё для новой расы).

Для Максима, м<ежду> п<рочим,> это цель для создания раскола в рядах потенциального противника.

Горбовский — не элитчик!

С точки зрения Тойво — возможные направления деятельности Странников:

1. Выявление своих: отсортировка (фобии; Малая Пеша; «синдром пингвина»; события на острове (Сандро)).

2. Идеологическая подготовка:

теория вертикального прогресса (Комов?),

«тибетцы» — отряд, спустившийся с Гималаев.

3. Непонятные действия:

1) фобии среди животных — или Странники негуманоиды и потому применяют сортировку к животным; или — побочный результат какой-то деятельности, которой мы не знаем и не воспринимаем, или само присутствие Странников,

2) за последние 50 лет всё больше людей с судьбой Художника — серые, затем блеск гениальности ни с того ни с сего. Это — вступившие в контакт со Странниками.

15.06.83

Сделали 5 стр. (64)

Вечером сделали 2 стр. (66)

16.06.83

Сделали 5 стр. (71)

Вечером сделали 2 стр. (73)

17.06.83

Сделали 2 стр. (75)

Вечером сделали 2 стр. (77)

«Я не имею ни возможности, ни желания останавливаться на подробной критике этого документа. Не могу не заметить, однако, что...»

18.06.83

Сделали 3 стр. (80)

Вечером сделали 2 стр. (82)

И ПРЕРВАЛИСЬ НА 82 СТР.

19.06.83

Б. уехал.

В Ленинграде проходит «круглый стол», посвященный проблемам научно-художественной литературы. Участвует в нем и БН.

Из: БНС. Литература — наука — приключения мысли

<...>

Б. Стругацкий: Мне кажется, что подавляющему большинству научно-художественных произведений не хватает того таинственного качества, которое в просторечии именуется занимательностью. Фантастика, как правило, захватывает читателя, детектив — в большинстве случаев, научно-художественное произведение — скорее как исключение. И дело здесь, на мой взгляд, в том, что научно-художественная литература в массе своей информационна. Если говорить упрощенно, теория информации считает любое скопление тем более информативным, чем более оно неожиданно, странно, непредвидимо, нетривиально. Научно-художественное произведение всегда дает нам массу информации — факты, события, интерпретации, — но как мало среди этого действительно нового, по-настоящему неожиданного, такого, о чем мы раньше и не догадывались!

<...>

Б. Стругацкий: <...> Ведь, в конце концов, самым интересным в науке являются именно нерешенные проблемы. Мне лично нравится читать в чисто научных работах, как автор, изложив полученные результаты, добавляет: такие-то и такие-то вопросы остались нерешенными, и мы даже не знаем, как к этим вопросам подступиться. В научно-художественных же произведениях это большая редкость — рассказ о том, как ученые бьются над каким-нибудь вопросом, проявляют чудеса изобретательности и остроумия, получают результат, обнаруживают, что он отрицателен, и начинают всё сначала. А ведь именно это и есть будни науки, тот самый краеугольный камень, на коем стоят самые блестящие победы и открытия.

<...>

Б. Стругацкий: Слушая наш сегодняшний разговор и припоминая прошлые дискуссии, замечаешь, что рано или поздно, но обязательно мы начинаем давать определения: что такое научно-художественное произведение, что такое фантастическое... Я представил себе разговор двух математиков. Один говорит: «Сумма квадратов длин катетов равна квадрату длины гипотенузы». А другой отвечает: «Не скажите! Лично мне пришлось встречать такие катеты, что...» Мы примерно в таком же положении. У математиков катет это всегда катет — понятие, имеющее строгое определение. У нас же рассказ рассказу рознь, ибо на одной, как говорится, полке — майор Пронин, а на другой — комиссар Мегрэ, и различий между этими произведениями зачастую больше, чем сходства. Литературное качество произведений играет несравненно бо̀льшую роль, чем их жанровая подчиненность. Я полагаю, что критерий художественности всегда один — произведение должно вызывать сопереживание. Речь, естественно, идет о сопереживании квалифицированного читателя, то есть такого, для которого литература является полем для собственной мыслительной деятельности, собственной духовной жизни. Дело даже не в том, какие переживания у самого писателя, а в том, что он хочет сказать людям.

<...>

6 августа в газете «Советская Эстония» публикуется статья Михаила Веллера о проблемах научной фантастики и движении КЛФ.

Из: Веллер М. Разговор о будущем

<...>

Пик издания фантастики в нашей стране приходится на конец шестидесятых годов. А десять лет спустя набрало силу совершенно новое явление, привлекшее уже внимание социологов: повсеместно стали возникать клубы любителей фантастики, сокращенно — КЛФ. Причем входят в них по большей части люди уже взрослые и с высшим образованием.

Заурядное хобби? Социологи уточняют. Чем больше живет человек, тем шире круг его интересов и тем больше он хочет узнать. И вот читаются в КЛФ лекции по истории и теории фантастики, приглашаются писатели и ученые, устраиваются диспуты и вечера.

<...>

И еще один аспект, крайне важный для нас. Движение КЛФ возникло снизу. Что свидетельствует о социальной активности его участников, о желании людей самых разных профессий знакомиться ближе с кардинальными проблемами современности — как в науке, так и в литературе, ибо все-таки НФ — это в первую очередь литература научных проблем.

...Есть такой клуб и в Таллине. Возник он около двух лет назад при Доме культуры «Маяк», родившись из литературного объединения. Людей различных занятий и возрастов объединили повышенный интерес к глобальным проблемам нашего века, любовь к литературе, желание писать самим и обсуждать написанное с единомышленниками и еще, разумеется, «хотелось, чтоб было интересно!».

Через год клуб перебрался в просторное помещение Республиканского общества любителей книги, расширился, принял свой устав. В поисках необычного и привлекательного названия остановились на... «Вверх дном» (по названию романа Жюля Верна). «Вверх дном» вступил в «Большое кольцо» — Всесоюзную систему КЛФ, и письма от коллег — от Владивостока до Тбилиси — сыплются в почтовый ящик пачками. Сообщают новости, рассказывают о себе, присылают книги по фантастике. А этой весной клуб принимал гостя из КЛФ далекого Владивостока.

Каждый апрель представители клубов — которых по стране уже более пятидесяти! — съезжаются в Свердловск, где вручается «Аэлита» — приз за лучшее фантастическое произведение года. А в Москве, при президиуме добровольного Общества любителей книги, создан Совет, координирующий работу КЛФ. Председателем Совета избран Аркадий Стругацкий. <...>

Автор этой статьи — Михаил Веллер — в то время один из участников семинара. 22 августа БН дает ему рекомендацию в Союз писателей.

Из архива. Рекомендация в СП БНа Веллеру

Я знаю Михаила Веллера много лет. Это человек безусловно одаренный во многих отношениях. Он еще молод, но успел накопить немалый жизненный опыт, попробовать себя в самых разных профессиях, поглядеть на жизнь с самых разных сторон. Он талантлив, энергичен, трудолюбив. Он и в литературе успел испытать свои силы в самых разных манерах и жанрах от сугубо реалистического повествования до гротескно-фантастической притчи. Он пишет плотно, емко, живо и увлекательно. Его кругозор широк, герои и темы разнообразны, техника своеобычна, а применяемые литературные приемы, как правило, нетривиальны.

Михаил Веллер много видел, много знает, ему есть о чем рассказать читателям, и он умеет рассказывать. Я нисколько не сомневаюсь, что впереди у него еще много отличных рассказов и повестей.

С удовольствием и радостью рекомендую Михаила Веллера в члены Союза советских писателей.

Б. Стругацкий

16 августа в «Ленинградской правде» публикуется рецензия Юрия Андреева на сборник «Белый камень Эрдени», в котором был напечатан ЖВМ.

Из: Андреев Ю. Земные заботы фантастов

<...>

В центре произведений — размышления не столько о научно-технических проблемах и достижениях развивающегося человечества, сколько о нравственных конфликтах и заботах, с которыми человек столкнется тогда, когда технические возможности его станут могущественными и воистину безмерными.

Собственно говоря, мы имеем дело с проекцией современных вопросов морали в будущее, имеем дело с теми важными для всего человечества проблемами, которые, по мнению писателей, представленных в сборнике, выходят на первый план нашей жизни.

В самом деле, разве остросюжетная повесть А. и Б. Стругацких «Жук в муравейнике», которая ставит вопрос о колоссальной ответственности ученых за те научные эксперименты, последствия которых непредсказуемы, не является остроактуальной уже сейчас?

<...>

Во Владивостоке силами любителей фантастики инсценируется ЗМЛДКС.

Из: Попов С. Найти свой путь

<...>

Попробуйте представить себе длинный сумрачный коридор, дальний конец которого освещен призрачными лучами нежно-бирюзового света. Вы идете по мягко пружинящему под ногами ковру, стены, кажется, расступаются всё шире, и вот он, последний шаг... Ярким всплеском поток света разливается перед вами, но впереди еще один поворот, и невольно закрадывается мысль: «Да откуда же в этом здании столь большое помещение?» Хоть и трехэтажный особняк занимает краевая библиотека имени Фадеева, но актовый зал здесь отнюдь не бесконечен... Но вот и этот поворот позади, а перед вашими глазами открывается небольшая сцена. Левая ее часть оформлена декорациями квартиры одного из героев — полковника Снегового, правая — другая квартира — ученого Малянова. И вот тут-то, на небольшом пространстве, разыгрываются ситуации спектакля по мотивам повести А. и Б. Стругацких «За миллиард лет до конца света». Это последняя по времени театральная постановка сектора синтетических спектаклей клуба любителей фантастики «Комкон-3».

Для тех, кто посмотрел хотя бы несколько спектаклей сектора, неожиданности в зале должны стать делом привычным, потому что к каждому новому произведению относятся начинающие артисты и режиссеры творчески, ищут новые пути сценического решения, оформления зала. Если при показе фрагментов спектакля «Герои и образы» зрители сидели, например, лицом к боковой стене, на фоне декораций которой разворачивалось действие, то во время феерии «По страницам наших спектаклей» стульев в зале не было вовсе, а действие развивалось по всей площади. Это небольшое отступление от главной темы лишний раз подчеркивает заинтересованность сектора синтспектаклей (ССС) в своей работе. С постановкой «За миллиард лет до конца света» связан наиболее напряженный период становления коллектива. Фактически было сделано два разных варианта, и оба показаны на своей сцене с промежутком времени в несколько месяцев. Причем варианты эти разнит абсолютно всё — от технического оформления до режиссерского решения отдельных сцен.

<...>

А в Волгограде Горьковский ТЮЗ показывает спектакль по «Малышу».

Сломова Н. Малыш, сын Земли

«Редеет облаков летучая гряда. Звезда печальная, вечерняя звезда, твой свет посеребрил увядшие равнины...»

В знакомых с детства строчках Пушкина вдруг проглянули иные миры — там, за редеющей завесой облаков.

Мы — дети Вселенной. Ощутить это не разумом, а разом — всем существом, до дрожи — помогает фантастика.

Пушкинские строки звучат в спектакле Горьковского ТЮЗа «Айсберг Тауматы», премьера которого состоялась недавно на гастролях в нашем городе. Театр не случайно выбрал для постановки, может быть, самое грустное и поэтическое произведение братьев Стругацких — повесть «Малыш».

Детеныш Земли, человеческий сын, волею обстоятельств оказавшийся на чужой планете и выпестованный иной цивилизацией, встречается с землянами — космической экспедицией, изучающей новую планету.

Таумата — родина Малыша. Приняв в свое лоно сироту (родители погибли при аварии космического корабля), она научила его тому, чего не знают люди Земли. Он сверхчувствителен, умеет летать. Таинственная раса, обитающая в глубинах планеты, не хочет встречи с человеком, противится контакту. Но у нее есть Малыш. А у Малыша есть прародина — Земля.

О, как трудно и странно ему с этими пришельцами: командиром звездолета «Витим», мудрым, усталым и добрым Яковом Вандерхузе (нар. артист РСФСР А. Палеес), начальником экспедиции, деловитым и резким Геннадием Комовым (артист С. Белоусов), даже с обаятельным, веселым радистом Стасиком Поповым (артист С. Внуков). Больше других притягивает его Майя Глумова, геолог. Но с ней и труднее всего. Может быть потому, что она напоминает что-то самое давнее и прекрасное, бывшее у Малыша, — маму.

Такие родные и понятные нам, для Малыша они мучительные загадки. Малыш растерян. Он в тревоге. Таумата не отпускает от себя приемыша, не дает ему забыться.

— Я хочу разорваться пополам! — кричит он в отчаянии.

Сложная задача выпала на долю молодого артиста Сергея Щербакова. Его герой — человек и не человек. Он по-другому видит, иначе размышляет. Но победа артиста там, где мы понимаем: чувствует Малыш как человек. За странной внешностью (очень точно переданной во взгляде и пластике актера) бьется человеческое сердце.

Встреча с внеземной цивилизацией все-таки не состоится. Члены экипажа возвращаются на Землю. В телевизионном сеансе космической связи (просто и убедительно решенном театром) мы видим их усталые, улыбающиеся лица — домой!

В опустевшем, как бы укрытом снегом пространстве сцены остается Малыш — существо удивительной судьбы,

единственный мостик, связывающий человечество с иным разумом. А может быть, он — прообраз нашего будущего?

Над холодными, чужими снегами снова звучат прекрасные человеческие слова: «Редеет облаков летучая гряда. Звезда печальная, вечерняя звезда...» Они как свет звезды, пришедший из глубин космоса. Они как сигнал, который шлет человечество иным мирам. В них — надежда. Возникает странное ощущение, будто мы слышим голос самого поэта. И это тоже мостик — из прошлого в будущее.

Да, театр не случайно выбрал для постановки это сложное философское произведение. Выбрал потому, что захотел поговорить со своими зрителями о вещах чрезвычайно важных: о том, какие мы сегодня и какими будем завтра, о том, что жизнь человечества и отдельного человека — непроста.

Спектакль «Айсберг Тауматы» хочется назвать оптимистической элегией. В нем много доброты и грусти. Он учит верить в человека, даже тогда, когда победа откладывается и тайна не разгадана. Он учит мужеству быть человеком.

АБС же продолжают работать.

Рабочий дневник АБС

20.09.83

Вчера Б. приехал в Мск.

Дурной глаз.

Ясновидение (сэнриган).

Совмещение душ (ментограмма).

Смешение чувств.

Неадекватность реакции (— Извлеки корень квадратный — Пытается извлечь, но получается стих).

Перевоплощение в животных (психическое).

21.09.83

Сделали 5 стр. (88)

Вечером сделали 2 стр. (90)

— Что ж, по-твоему, их Странники «вдохновили»?

— Нет. Это пример счастливого ЧП.

22.09.83

Сделали 4 стр. (94)

Вечером сделали 2 стр. (96)

23.09.83

Сделали 4 стр. (100)

Вечером сделали 2 стр. (102)

24.09.83

Эмбриофор

Существует ли в настоящее время технология, позволяющая создавать эмбриофоры, обладающие следующими свойствами (без заметного выделения энергии):

а) развивающиеся из эмбриофора механизмы имеют объем порядка 1 $м^3$ и общую массу в десятки тонн,

б) развитие произошло за время в несколько часов,

в) время существования порядка 10–15 мин.,

г) при дальнейшем полном, без остатка распаде эмбриофора,

д) биомеханизмы обладают высокой подвижностью и не реагируют на естественное биополе,

е) без значительной...

Пришел фотограф. Мешает работать. Ужас. Кошмар. Конца не видно.

Сделали 2 стр. (104)

Социопсихология раскола — теория организации раскола человечества без социопсихологических потрясений для обеих сторон. Теоретики-«раскольники». Вместе с «вербовщиками» составляют 10 % от всех суперов. Остальные живут в Космосе.

Вечером сделали 1 стр. (105)

25.09.83

Сделали 6 стр. (111)

Вечером сделали 2 стр. (113)

26.09.83

Сделали 4 стр. (117)

Вечером сделали 2 стр. (119)

1) Синдром пингвина — ок<оло> 1200 (непр<оверенных> 1347 случ<аев>).

2) Инверсия синдрома (12 случаев).

3) Отказчики от прививок зрелости.

4) Исчезнувшие:

а) Группа 80-х (11 чел.),

b) ...

03.81 — самоубийство китов,

17.04.81 — отказ от фукамизации,

начало 80-х — возникнов<ение> синдр<ома> пингвина.

27.09.83

Сделали 3 стр. (122)

Мак не скрывает список-Т, чтобы показать суперам: «Я знаю!»

Они приходят на переговоры: не будем мешать друг другу.

И ПРЕРВАЛИСЬ НА 122 СТР.

Человек может научить медведя ездить на мотоцикле. Но это умение вряд ли когда-нибудь понадобится медведю.

«Муки совести переносимы» — одно из маленьких открытий, которые делаешь с возрастом.

Д<олжна> б<ыть> сцена «представления»: Комов, Горб<овский> и Мак беседуют с Тойво (он чувствует, что от него чего-то ждут). Это в домике Горб<овского>, на берегу Двины, близ Краславы, чтобы Горб<овский> приходил в себя здесь.

Персонажи новой повести уже являются любимыми героями множества читателей, поэтому очередное интервью с АНом, опубликованное в свердловской газете «Наука Урала», посвящено им.

АНС. Новая встреча с Максимом Каммерером?

Полки с книгами, два кресла, письменный стол. Здесь живет и работает писатель-фантаст Аркадий Натанович Стругацкий. Мы разговариваем с писателем о его повестях «Трудно быть богом», «Обитаемый остров», «За миллиард лет до конца света». Разговор касается и повести «Жук в муравейнике», за которую братья Стругацкие получили приз «Аэлита-81».

— Аркадий Натанович, вам не жалко Абалкина? Многим вашим читателям жалко.

— Нет. Для этого мы, писатели, и пишем, чтобы вызывать у читателей различные чувства. Вам жалко героя, и это прекрасно.

— Считаете ли вы Сикорски положительным героем?

— Нет. Сикорски ни положительный, ни отрицательный герой. Это человек, который прожил очень трудную жизнь. Он всегда был поставлен в ограничительные рамки и был вынужден действовать, как он и действовал...

Как член КЛФ интересуюсь его мнением о возникновении во многих городах клубов любителей фантастики. Стругацкий отвечает, что это очень хорошее дело. Писатели-фантасты ставят перед читателями общечеловеческие проблемы, и то, что читатели, собираясь в КЛФ для обсуждения их произведений, думают над этими проблемами, — это именно то, для чего они, писатели, пишут. Последний традиционный вопрос о новых работах писателей. Аркадий Натанович говорит, что они закончили работу над новой повестью и сейчас пишут нечто вроде «Продолжения "Жука в муравейнике"». Во всяком случае, читатели там встретятся снова с Максимом Каммерером. Так что вместе с «Обитаемым островом» и «Жуком в муравейнике» новая повесть составит трилогию.

И еще одна рецензия на сборник «Белый камень Эрдени».

Из: Арбитман Р. Человек в ответе за человечество

<...>

Открывается сборник повестью Аркадия и Бориса Стругацких «Жук в муравейнике». Это, пожалуй, здесь наиболее значительная вещь. Действие повести происходит в XXII веке, но она — не о будущем. Эта повесть — об ответственности человека за судьбу Человечества, точнее, о тяжести этой ответственности, которую может вынести не каждый.

...Есть подозрение, почти уверенность, что некий Лев Абалкин, сам того не ведая, является агентом могущественной

цивилизации Странников. И еще есть подозрение, что стоит Абалкину завладеть таинственными «детонаторами», то что-то произойдет. Что именно — этого не знает никто, в том числе и Рудольф Сикорски, отвечающий за безопасность Земли. Может быть, глобальная катастрофа. Может быть, состоится долгожданный Контакт. Может быть, ничего не произойдет. Однако рисковать Сикорски не может. Раз не исключена хоть какая-то опасность для планеты, не благоразумнее ли физически устранить Абалкина? Да и, в конце концов, что важнее: судьба одного человека или многих миллиардов? К этой зловещей арифметике, а от нее — к убийству приводит Сикорски внутренняя логика его поступков... Повесть читается как самый захватывающий детектив, поднимающий вместе с тем серьезные философские и нравственные проблемы.

<...>

АН в это время является председателем научно-методического совета ДОК РСФСР по пропаганде научно-фантастической литературы. Очередная должность находит и БНа.

Из архива. Выписка из протокола Секретариата Правления Союза кинематографистов СССР от 29.09.83

СЛУШАЛИ:

7. Вопросы Совета по приключенческому и научно-фантастическому фильму.

ПОСТАНОВИЛИ:

Принять предложения бюро Совета по приключенческому и научно-фантастическому фильму:

1. Утвердить А. Н. Митту заместителем председателя Совета по приключенческому и научно-фантастическому фильму;

2. Ввести в состав Совета тт. Б. Н. Стругацкого, К. Булычева (И. Можейко), Р. П. Соболева, В. А. Ревича, В. А. Спиридонова, К. Л. Бромберга, Н. М. Беркову, Э. А. Хруцкого.

Первый секретарь Правления Союза кинематографистов СССР Л. А. Кулиджанов

И опять Авторы встречаются для продолжения работы.

Рабочий дневник АБС

27.10.83

Арк приехал в Лрд писать про Тойво.

Написали заявку для Ивченко.

28.10.83

1). Синдр<ом> пинг<вина>.

2). Фукамизация.

3). Киты.

4). М<алая> Пеша.

5). Исчезнувшие.

6). Институт Чудаков.

Сделали 5 стр. (127)

Вечером сделали 2 стр. (129)

29.10.83

Сделали 5 стр. (134)

Вечером сделали 2 стр. (136)

Горб<овский>: Да, это серьезный вызов нашему оптимизму. Но, если подумать, человечество принимало вызовы и пострашнее.

Что ты колготишься, Геннадий? Ты ратовал за вертикальный прогресс. Вот тебе верт<икальный> прогресс!..

30.10.83

Сделали 5 стр. (141)

Вечером сделали 2 стр. (143)

31.10.83

Сделали 4 стр. (147)

Тема: «Волны гасят ветер».

1. Рапорт Мтбевари Маку.

2. Рапорт Мака Президенту.

3. Отчет Президента Комову (о неувеличении...).

4. Рапорт Мака Комову, записка Тойво, письмо Аси.

1.11.83

Сделали 3 стр.

И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 150 СТР.

2.11.83

Арк уезжает.

«Написали заявку для Ивченко», — отмечают АБС в рабочем дневнике 27 октября. Заявка сохранилась в архиве.

Из архива. АБС. Заявка в киностудию им. Довженко

Предлагаем оригинальный сценарий полнометражного художественного фильма под условным названием «Пять ложечек эликсира».

Фильм мыслится в жанре фантастики. Действие происходит в наши дни и в нашей стране в столичном городе, например, в Киеве. Главный герой, средней руки писатель, по стечению обстоятельств оказывается втянут в странные и удивительные события.

Началось всё с того, что сосед его по лестничной площадке, молодой музыкант, опасно отравился консервами. Очутившись на смертном одре, он умоляет писателя срочно съездить в некий институт за городом, обратиться там к некоему завлабу и выпросить у него лекарство со странным названием «мафусаллин». Писатель выполняет это поручение, но разговор с завлабом производит на него очень неприятное и зловещее впечатление, и вечером того же дня писатель обнаруживает, что за ним следят какие-то неизвестные люди. Он оказывается в центре поначалу загадочных и жутких, а затем и попросту опасных событий, которые и составляют фантастико-детективную линию сюжета. В конце концов выясняется следующее. В окрестностях города в глубине древней пещеры существует так называемый Источник Бессмертия: кап-кап-кап падает в каменное углубление живая вода. За год набирается ее всего пять чайных ложечек, и только пять человек в мире знают об этом. Пока они пьют эту воду по ложечке в год, они бессмертны. И тянется эта история с незапамятных времен. Все пятеро выглядят сравнительно молодыми людьми, но на самом деле это глубокие старцы, пришельцы из чуждых нам веков. Они не похожи друг на друга, они ненавидят друг друга, но их объединяет одна тайна, являющаяся по сути осью их существования: монополия на бессмертие. На протяжении веков

они бдительно и с успехом охраняли эту тайну, и вот из-за нелепой случайности в их замкнутый мирок попадает наш герой.

По сути дела это будет фильм о столкновении социалистического человека, нашего современника, с мрачными призраками прошлого. Нам представляется особенно привлекательным использовать острый захватывающий сюжет для постановки и анализа таких глубоких философских и морально-этических проблем, как проблема бессмертия вообще и права на бессмертие в частности, проблема несовместимости морали и этики досоциалистических формаций с моралью и этикой человека социализма, и ряда других пограничных проблем.

Хотим подчеркнуть, что этот фильм не потребует ни большого числа актеров, ни специального антуража и может быть снят в обычных интерьерах современного города.

Сценарий фильма может быть представлен через три месяца после заключения договора.

Критики продолжают анализировать творчество АБС.

Из: Гопман В. Впереди по курсу — будущее

<...>

Одна из основных задач современной детской НФ — показать процесс становления личности подростка, постижения им сложности мира. В таком направлении развивается творчество А. и Б. Стругацких. Герой их «Повести о дружбе и недружбе» 14-летний школьник Андрей Т. в ночь под Новый год получает таинственное сообщение о том, что его лучший друг Генка Абрикос попал в беду. Повинуясь священным законам дружбы, Андрей отправляется в путь, на котором ему, согласно канону сказочных испытаний, предстоит пройти огонь, воду и медные трубы. Но главное — преодолеть страх, справиться с пугающим одиночеством и благоразумной осмотрительностью, советующей ему вернуться. Только так, убеждены авторы, может взрослеть человек, формироваться его характер.

Сходные проблемы, но на ином материале и глубже разрабатывают писатели в повести «Парень из преисподней». Герой ее, Гаг, Бойцовый Кот — так называются солдаты штурмовых отрядов Великого Герцога, правителя государства на планете Гиганда, — попадает на Землю. Две морали сталкиваются в повести: гуманизм, бескорыстие землян — и холодная жестокая убежденность подростка, воспитанного в специальной военной школе, в том, что правильно «изначальное» разделение людей на тех, кого надо убивать во славу Герцога, и тех, кто имеет на это право...

Казалось бы, психологический эксперимент по перевоспитанию, поставленный землянами, терпит неудачу: Гаг захватывает земной корабль, отправляющийся на Гиганду, и улетает на родину. Но в финале мы видим героя, начинающего всё же осознавать, что есть на свете иные истины, более высокие, чем служение Великому Герцогу... В современном взрывоопасном мире, когда в ряде стран Запада поднял голову неофашизм и тысячи подростков воспитываются в милитаристском духе, повесть Стругацких звучит очень актуально. <...>

Арбитман Р. Истоки будущего — в настоящем

Двадцать пять лет назад в журнале «Техника — молодежи» был опубликован рассказ «Извне» молодых авторов Аркадия и Бориса Стругацких. Известность им принесла первая повесть «Страна багровых туч», вышедшая в 1959 году. Читатели признали ее сразу, критика — несколько позже. Еще бытовала теория ближнего прицела, сводившая все задачи фантастики к единственной — научной популяризации, и критике еще предстояло осознать, что для советской фантастики началась новая эпоха. Повести Стругацких середины 60-х годов, «Трудно быть богом», «Хищные вещи века», «Понедельник начинается в субботу», «Улитка на склоне» и многие другие — новаторские, самобытные, в чем-то спорные, но неизменно талантливые — вызвали горячий интерес и самую оживленную полемику.

С тех пор прошло еще 15 лет. На карте страны фантазии появилось много новых имен, однако братья Стругацкие продолжают оставаться в авангарде советской научной фантастики. Ими зачитываются, о них говорят, а когда в нашей стране была создана литературная премия «Аэлита» — за лучшее фантастическое произведение, они стали ее первыми лауреатами. Трудно и, пожалуй, невозможно перечислить все слагаемые их успеха. Отметим только одно: созданный писателями фантастический мир в высшей степени убедителен и осязаем. Убедителен он потому, что соткан из примет реального мира, легко узнаваемых черт повседневности, характеров близких нам людей. Эти черты действительности, причудливо сплавленные авторской фантазией, образуют новое качество — мир Стругацких, знакомый и незнакомый, непредсказуемый и притягательный.

Тема контакта с инопланетным разумом — одна из самых распространенных в современной научно-фантастической литературе. Но Стругацкие находят в ней новый неожиданный ракурс. В ряде повестей и особенно в «Трудно быть богом» писатели рисуют столкновение высокогуманного, технически совершенного, социально и этически «взрослого» общества Земли будущего с «детской», еще не развитой чужой цивилизацией. Причем «детской» — на уровне варварства и дикости средневековья. Огромная дистанция между коммунистической формацией и раннефеодальной определяет основную проблему, стоящую перед землянами на этой планете, — проблему бескровного воздействия. По сравнению с представителями Земли жители планеты еще дети — злые, жестокие, невоспитанные дети. «Стисни зубы и помни, что <...> они не ведают, что творят, и почти никто из них не виноват, и потому ты должен быть терпеливым и терпимым», — внушает себе Антон, разведчик-землянин, скрывающийся под маской аристократа королевства Арканар дона Руматы. Герой повести Стругацких, вооруженный законами исторического развития, прекрасно понимает, что как ребенок не может мгновенно повзрослеть, так и вся планета не может мгновенно «перепрыгнуть» в коммунизм: до

этого еще сменится не одно поколение. Не случайно среди крови, грязи, подлости и предательств, окружающих его, Румата мысленно обращается к «еще не родившимся мальчикам и девочкам перед учебным стереовизором в школах Арканарской Коммунистической Республики». Собственно, он и находится на планете ради будущего таких ребят. Тезис «Будущее создается тобой, но не для тебя» — основополагающий и для Руматы, и для героев многих книг Стругацких. Острейший нравственный конфликт в душе Антона между долгом его как историка, наблюдателя, «бога» и совестью коммунара, «не могущего равнодушно смотреть, как режут и оскверняют», завершается в конечном итоге его безнадежным бунтом. «Сердце не вытерпело. Простите меня <...> Я просто не смог. Надо было хоть что-нибудь сделать», — говорит другой герой Стругацких, Саул Репнин из повести «Попытка к бегству», оказавшийся в такой же ситуации и тоже поднявший оружие.

Писатели-фантасты неоднократно предостерегают от каких бы то ни было «экспериментов» с историей. Можно, в принципе, и уничтожить тиранов и угнетателей, и накормить голодных — земная цивилизация достаточно могущественна. Но как быть с громадой традиций, «освященных веками, незыблемых, проверенных <...>, освобождающих от необходимости думать и интересоваться?».

Аркадия Стругацкого однажды спросили, с какими научными открытиями связывает он самые большие надежды. Он ответил: «Пока таких нет. Но наибольшие надежды я связывал бы с открытиями в области педагогики, психологии. Воспитание — наша главная задача». В большинстве произведений Стругацких проблема воспитания — как истинного, так и мнимого, калечащего души людей, — является одной из центральных.

Вот сталкер Рэд Шухарт (повесть «Пикник на обочине»).

Он глубоко ненавидит общество, в котором живет, презирает его, не желает на него работать. Но он — плоть от плоти его, он отравлен и опустошен борьбой за существование в этом «обществе потребления». И перед Золотым шаром,

способным исполнить любое желание, Шухарт вдруг понимает, что ему нечего сказать: в душе не осталось ничего светлого, только пачки зеленых бумажек и рыла, рыла, рыла...

Появление Человека Невоспитанного — не в житейском, конечно, а в социальном смысле — чрезвычайно тревожит писателей. Многие страны Запада сейчас достигли сравнительно высокого жизненного уровня, но их общество осталось социально и нравственно крайне несовершенным. Здесь возникает тип неомещанина, Массового Сытого Невоспитанного Человека — опасность необычайно серьезная. Используя все достижения современной науки и техники, такой человек может поставить человечество на край гибели — не со зла, а просто в погоне за еще более утонченными наслаждениями (повесть «Хищные вещи века»), может предать его, даже не заметив своего предательства за мелкой выгодой, узко-утилитарными приобретениями («Второе нашествие марсиан»). К опасности потребительства как психологии жизни не следует быть беспечными и нам. Как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, вся сложность борьбы с мещанством и буржуазностью заключается в том, что главный фронт этой борьбы проходит глубоко в душах людей. И так ли фантастичен персонаж «Улитки на склоне», вполне серьезно мечтающий о коммунизме как о царстве безделья, бесплатной выпивки и жратвы?..

По мнению Стругацких, одна из основных задач школы будущего — не только обучение, но и воспитание. В школе «закладывается фундамент хорошего человека», который потом «никогда не спутает хорошее с плохим», в ней учат «страшному» для мещанина представлению, что «работать гораздо интереснее, чем развлекаться». Герой повести «Стажеры» космонавт Иван Жилин возвращается на Землю, чтобы стать педагогом, воспитателем, помочь молодым людям войти в жизнь, определить свое место в мире, найти себя.

В обществе будущего, нарисованном Стругацкими, педагог — самая почетная и ответственная профессия. В романе «Возвращение» есть глава об учителе Тенине и его учениках. Глава невелика по размеру, но важна для понимания всего

романа: она предваряет дальнейшее повествование о выросших мальчиках — людях будущего, которые воплощают в себе лучшие черты человека сегодняшнего дня.

В эпоху обострившейся идеологической борьбы двух систем книги Стругацких стали действенным орудием пропаганды коммунистического мировоззрения. В связи с этим любопытен отзыв рецензента «Нью-Йорк Таймс» о повести «Трудно быть богом»: «Это, конечно, красная пропаганда, зато какая литература!» Именно соединение подлинной художественности с четкой идейной позицией придает особую ценность произведениям выдающихся мастеров советской социальной фантастики — Аркадия и Бориса Стругацких.

22 ноября Киевская киностудия им. Довженко дает положительное заключение на заявку Авторов.

Из архива. Заключение на сценарий ПЛЭ

Сценарийно-редакционная коллегия и ТО «Радуга» рассмотрели творческую заявку на литературный сценарий «Пять ложек эликсира».

Будущий сценарий будет решен в жанре фантастики. Исключительная ситуация столкновения современного советского человека с мрачными призраками прошлого дает авторам возможность для художественного анализа таких философских и морально-этических проблем, как проблема бессмертия, несовместимости морали и этики досоциалистических формаций с моралью и этикой человека социалистического общества.

Действие происходит в наши дни в современном городе, поэтому, невзирая на сложный жанр, будущий фильм не потребует специального антуража и может быть снят в обычных интерьерах.

В сценарии необходимо дать точные приметы времени, прописать социальный фон, на котором будут развиваться основные события, что позволит нам явственно увидеть

превосходство советского образа жизни и придаст будущей картине четкую контрпропагандистскую направленность.

Сценарная редакционная коллегия и ТО «Радуга» считают возможным вступить в договорные отношения с авторами А. и Б. Стругацкими на написание оригинального литературного сценария «Пять ложек эликсира» и устанавливают срок его предоставления студии — 1 марта 1984 года.

Замдиректора по творческим вопросам, гл. редактор студии В. В. Сосюра

Гл. редактор ТО В. П. Рыдванова

Директор ТО А. И. Винярский

И. о. худрука ТО М. А. Беликов

Редактор Е. Г. Шандыбина

Этим же числом датирован и договор на сценарий ПЛЭ.

В статье Лидии Мошенской, опубликованной в декабрьском номере «Литературного обозрения», рассуждения об особенностях приключенческой и фантастической литератур иллюстрируются примерами из различных произведений, зачастую — из книг АБС.

Из: Мошенская Л. За что мы любим д'Артаньяна

<...>

В какой-то степени их [Стругацких. — *Сост.*] эволюция отражает эволюцию приключенческой литературы в целом. Их первый роман — «Страна багровых туч» (1957) — об экспедиции на Венеру. Неплохая книга, которую, однако, можно охарактеризовать словами из их же «Обитаемого острова»: «Метеоритная атака, лучевая атака, авария при посадке. Авария при посадке, метеоритная атака, лучевая атака... Приключения тела». Что же касается героев, то все они совершенно положительные и явно ведут свой род от благородного Атоса. Недаром, кстати, одного из героев раннего романа Стругацких, «Возвращение. Полдень, XXII век», рассказывающего о приключениях идеальных людей в идеальном будущем, прозвали Атосом.

Советская научная фантастика, унаследовав лучшие традиции классиков приключенческого жанра, внесла в него немало нового. С самого своего возникновения — и это ярко демонстрируют научно-фантастические произведения А. Толстого, творчество А. Беляева, а позже И. Ефремова — она обращена к самым насущным проблемам времени, для нее характерны высокий гуманистический пафос, социальный оптимизм, думы и о настоящем, и о будущем человечества. Тема ответственности человека, интерес к острым нравственно-философским проблемам века НТР, борьба с угрозой мировой ядерной катастрофы, как и борьба за высокую нравственность людей, свободных не только от нищеты и угнетения, но и от эгоизма потребительства, стандартного мышления, вдохновляет современных фантастов. Здесь советская научная фантастика ставит многие из тех острых вопросов, которые волнуют ныне всю советскую литературу (но, конечно, ставит в своих, присущих ей формах).

Так и герои Стругацких приходят к пониманию того, что «главное всегда остается на Земле» (мысль высказана в «Стажерах»), что мужество нужно не только во время аварий в космосе или при освоении дальних планет. Не меньший — если не больший — героизм требуется при решении этических, моральных проблем. Так в творчество Стругацких вошли философские размышления о судьбах мира и о человеке в нем, о силе человеческого духа, о бездуховности и борьбе с ней. Именно это на долгие годы станет их темой: прекрасный, мужественный, благородный человек будущего попадает в страну или на планету, обитатели которой стоят на неизмеримо более низкой ступени развития — прежде всего нравственного, духовного развития. Что может сделать один человек против окружающей его косной, жадной, тупой массы, страдающей от своей косности, жадности и тупости, но считающей ее единственно возможным и потому желанным способом существования? Как вытащить эту массу из засасывающего ее болота, тем более что она при этом активно сопротивляется и из болота вылезать не желает?

«Трудно быть богом», «Хищные вещи века», «Обитаемый остров» — все эти произведения о том, как один человек сражается против множеств. Прекрасный, умный, добрый — Антон-Румата, Максим Каммерер, Иван Жилин. И вокруг этих героев — масса. «Просто жрущая и размножающаяся протоплазма» — такой она кажется Румате, разведчику, посланному на планету, где царят ужасы средневековья. А Иван Жилин, такой же разведчик, как Румата, но выполняющий свою миссию в стране, погибающей от изобилия, которое уже почти превратило людей в животных, с горечью думает: «Ну что у них здесь за тоска! Дурака лелеют, дурака заботливо взращивают, дурака удобряют. Дурак стал нормой, еще немного — и дурак станет идеалом, и доктора философии заведут вокруг него восторженные хороводы... Какое-то проклятье на этих людях, какая-то жуткая преемственность угроз и опасностей. Империализм, фашизм... десятки миллионов загубленных жизней, исковерканных судеб — в том числе миллионы погибших дураков, злых и добрых, виноватых и невиновных...».

Как же бороться за то, чтобы эта «протоплазма» превратилась в людей? <...> Каков он на самом деле, тот дурак, о котором говорил Жилин? И действительно ли он Дурак? И как ему живется — «одному из...»? Чтобы понять это, нужно было сменить точку зрения. Начиная с «Хищных вещей века», герой Стругацких становится всё менее сверхидеальным, всё меньше он вознесен над своим окружением. Харон из «Второго нашествия марсиан», один из немногих, кто решился на борьбу с завоевателями, — уже не «человек со стороны», вроде Руматы, присланный на погибающую планету для ее спасения, он сражается сам за свою страну (хотя и проигрывает в этой борьбе). Есть такие персонажи и в «Обитаемом острове», они действуют во многом на равных с благородным землянином Максимом Каммерером, чей образ тоже «опрощен» по сравнению с Руматой — он явно, так сказать, ниже ростом, не Гулливер в Лилипутии, а потому может рассмотреть жителей планеты более детально. И тогда оказывается, что это уже не протоплазма, многие

из них симпатичные, по-своему честные, хотя и недалекие, к размышлениям не привыкшие люди, и жизнь у них не слишком веселая. А отсюда — уже один шаг до того, чтобы сделать Простака, «дурака», героем романа, посмотреть на мир его глазами. Именно такой персонаж — Рэд Шухарт — стоит в центре «Пикника на обочине». Нравственно-философские размышления над проблемами, которые ставит время, обусловили эволюцию героя.

Однако даже при таком развитии героя к повседневности, заземленности он все-таки остается персонажем романа приключений и уже потому коренным образом отличается от простого смертного. Он может сколько угодно «работать» под обычного человека — всё равно на его долю выпадают такие происшествия и повороты судьбы, он преодолевает такие препятствия, которые, как бы он ни старался выглядеть усредненно, простеньким, сразу поднимают его на пьедестал. Более того. В привычной, будничной атмосфере он задыхается, не может существовать. Недаром авторы приключенческих романов в XIX веке так любили отправлять своих героев в экзотические страны или в дальние (и, соответственно, тоже экзотические) времена. Если же действие приключенческого романа происходит в современном писателю обществе, герою нужен своего рода оазис, где он мог бы существовать именно в плане авантюрном, а не бытовом. У Монте-Кристо, например, это его остров, катакомбы итальянских разбойников, окружающие его персонажи волшебных сказок: немой раб-нубиец Али, осыпанная алмазами прекрасная Гайде, которая играет на лютне, курит наргиле и называет графа «мой господин», а себя — его рабыней. Парижане могут только дивиться и потрясенно взирать на этот поразительный мир со стороны, но действовать в нем они не могут. Для Монте-Кристо же этот мир просто необходим, он для него то же, что «Наутилус» для капитана Немо, что Зона для Шухарта в «Пикнике на обочине».

<...>

Но если говорить о делении (весьма условном, конечно) героев и злодеев на «высоких» и «низких», то нужно сказать

и о самых крайних проявлениях авантюрной героичности и авантюрного злодейства. Человек, который возвышается над людьми подобно полубогу, ибо могущество его беспредельно, — такой персонаж воспринимается как анахронизм и, казалось бы, должен был исчезнуть в наше время. Однако он живет. Это не только Монте-Кристо и капитан Немо, но и Максим Каммерер и Антон Румата из «Трудно быть богом», где интересующий нас тип героя заявлен уже в названии. Значит, несмотря на то что рядом с героем появляется герой-простак, такой «возвышенный» персонаж нужен приключенческой литературе: в нем концентрируются все самые привлекательные ее стороны. Во-первых, тайна, окутывающая деяния полубога и его самого. Монте-Кристо, Немо, Румата — все ненастоящие имена, маски, за которыми что-то скрывается. Максим, правда, ничего не скрывает, но разъяснить, кто он и откуда, жителям «обитаемого острова» он так и не смог и остался для них личностью загадочной.

Одиночество и страдание — вот вторая характерная черта этих героев, можно сказать, запрограммированная самой фигурой, логически вытекающая из ее вознесенности над всем окружающим. «Всё сгнило здесь, — думал Максим. — Ни одного живого человека. Ни одной ясной головы... Ни на что здесь нельзя надеяться. Ни на кого здесь нельзя рассчитывать. Только на себя. А что я один?» Тайна, одиночество, страдание — всё создает вокруг этих персонажей тот романтический ореол, который делает их столь притягательными.

<...>

Человек, как бы ни были велики его заслуги, не имеет права ставить, считать себя выше подобных ему людей. Поэтому в романе У. Ле Гуин «Планета изгнания» землянам, расселяющимся на других планетах, запрещено использовать научные и технические достижения, не известные туземцам, что приводит к драматическим последствиям: оказавшись на планете с низким уровнем развития, земляне постепенно теряют свои знания. Иное решение находим у Стругацких. Они верят, что человек будущего не только овладеет фантастической техникой, но и будет обладать

высочайшей нравственностью. Именно это единство важнейших сторон цивилизации позволит человечеству будущего помогать другим планетам (но не решать их судьбу за них). Не отдельный частный человек, стоящий над своими согражданами, но представитель высокоорганизованного и высоконравственного человечества — вот кто такой Румата. Моральные принципы этого землянина будущего настолько вросли в него, что это и не принципы даже, то есть нечто выученное, усвоенное, а само естество человека, почти физическое свойство — благородство, превратившееся в такую же неотъемлемую часть его существа, как способность мыслить.

Подобный нравственный потенциал, подкрепляемый знанием законов природы, законов общественного развития, дает огромную силу и герою «Обитаемого острова». Для капрала Гая, человека симпатичного, но недалекого, привыкшего за годы службы в Железном легионе не рассуждать, а повиноваться (и в этом — типичнейшего жителя «острова»), Максим — «великий человек. Великий и непостижимый». А там, у себя на Земле, Максим был самым обычным парнем, ничем особо не выделявшимся, даже с какими-то (по крайней мере декларируемыми) недостатками, и период юношеских исканий у него явно затянулся. В отличие от Антона, Максим попадает на «свою» планету совершенно случайно, его спецподготовкой никто, естественно, не занимался, но заложенный в нем нравственный заряд не позволяет ему взирать спокойно на несправедливость и насилие, происходящие вокруг него. Он включается в борьбу, причем ему помогают и чисто физические свойства, которыми авторы наделяют людей будущего: он видит в темноте, неуязвим для радиации и пуль.

Образ строится, при всей новизне трактовки, в полном соответствии с авантюрным каноном. Перед нами — хотя и в совершенно новом контексте — традиционная романтическая фигура (а романтизм очень нужен приключенческой литературе) изумительного храбреца, который в воде не тонет и в огне не горит. Но если раньше чудесное воскрешение

героя нам объясняли тем, что его втайне от всех выходил верный слуга, то теперь он воскресает благодаря науке будущего.

В чудесных свойствах Максима (и других персонажей этого типа) — еще одно объяснение устойчивости традиционного героя-полубога: сюжетно эта фигура позволяет приключению проявиться в наиболее благоприятном для него экстремальном режиме, позволяет создать такие ситуации, ходы, которые были бы невозможны для героя-простака. Тот или погиб бы, или был бы надежно упрятан за решетку, в лучшем случае остался бы на самом низу социальной лестницы, что резко снизило бы его приключенческий кпд, его долю приключений. А скорее всего, Простак очень скоро приспособился бы и стал жить, как все. <...>

Задача Стругацких в «Трудно быть богом» и в «Обитаемом острове» прямо противоположная: понять, выявить драму человека, который не как все, который лучше всех. И когда они обращаются к традиционному персонажу полубога, возникает мотив, отсутствующий в образах Монте-Кристо и капитана Немо. Сформулировать его можно старой доброй присказкой: кому много дано, с того много спросится. Вознесенный высоко должен быть на высоте положения. Монте-Кристо, осознав, что он несколько переборщил со своей миссией мщения четырем доносчикам, из-за которых он был безвинно заточен в замок Ив, преспокойно отбывает в дальние края, где еще собирается быть счастливым с Гайде. Румата, собственноручно зарубивший в приступе ненависти и отчаяния штурмовиков, убивших его любимую, был вывезен на Землю...

Да, конечно, трудно быть богом, трудно и страшно брать на себя ответственность за судьбу людей, не ведающих, что они творят, и при этом самому оставаться человеком. Трудно быть богом — то есть трудно быть человеком, к которому предъявлены невыносимо высокие (хотя и не фантастические — фантастики в нравственности, морали не бывает) требования. Трудно, но необходимо быть гуманистом — таков вывод, прямо противоположный морали Монте-Кристо,

признавшего кровопролитие возможным. Традиционный персонаж, когда-то ставший героем рассказа о том, как один человек отомстил четырем, в результате эволюции, переосмысления, становится моделью человека будущего, через которую по-новому — хотя и в традиционных авантюрных формах — решаются проблемы философского, этического свойства.

<...>

В «Пикнике на обочине» страшная Зона (место, где высадились когда-то побывавшие на Земле Пришельцы), грозящая смертью каждому, кто ступит на ее территорию, кажется, подступает всё ближе к Рэду Шухарту, сжимает свое кольцо вокруг него. На первых страницах романа Рэд смотрит на нее с опаской и как бы со стороны. Но вот в Зоне погибает его лучший друг. На территории Зоны было кладбище; Пришельцы, чтобы получить информацию о землянах, создали андроидов, «реконструировав» внешний облик тех, кто лежал в могилах. И вот к Рэду является андроид, похожий на его умершего отца, а Рэд, не понимая, что перед ним робот, оставляет покойника в доме. У Рэда рождается, как и у всякого, кто бывает в Зоне, ребенок-урод — к концу романа девочка полностью теряет человеческий облик. Атмосфера вокруг героя становится всё более напряженной, мрачной, а вместе с тем всё более эмоционально окрашенной. И когда мы читаем эту книгу, то эмоциональный взрыв, порожденный таким скоплением ужасов и горя, оказывается столь велик, мы так живо представляем себе чувства Рэда, что даже не замечаем подмены: чувствуем-то мы, а не он. И всё это жуткое, ненормальное — вокруг него, а не в нем. Создав внешними, но очень зримыми, впечатляющими средствами (покойник, ребенок-зверек и т. д.) определенную атмосферу, настроение, авторы так окружают ими героя, что возникает иллюзия, будто эти ощущения испытывает сам герой, а не мы. Не выходя за рамки приключенческого романа, Стругацкие сумели убедить нас, что перед нами разносторонний, противоречивый, изменчивый и эволюционирующий персонаж, подобный тем, что мы встречаем в литературе. Такое

привнесение психологизма в жанры, где его нет (и это относится уже не только к приключению) осуществляется современным читателем тем охотней и незаметней, что он вырос на глубоко психологичной литературе XIX и XX веков, внутренне ориентирован на нее и как бы «подстраивает» под этот высший критерий не только героев Дюма или Сименона, но, к примеру, и персонажей античной трагедии. И всё же будем помнить: приключенческая литература сформировалась и доныне развивается на основе древнего канона, и персонажи ее могут выражать себя только через действие, они могут проходить через самые невероятные события, но характер их при этом остается неизменным.

В Рэде Шухарте Простак вытеснил сверх обычного традиционно присущий авантюрным героям «возвышенный» образ действий. Герой благородный и идеальный больше соответствует самой сути приключения и более характерен для него. И в этой его идеальности — важное отличие приключенческой литературы от неприключенческой. Оказывается, ей просто необходимо то, что исключено для литературы «серьезной». Идеализированный герой разрушает реалистическое произведение, делая его ходульным, — он укрепляет и укрупняет приключение. Строго говоря, в какой-то степени идеализирован любой положительный герой приключения, и именно за это мы его любим. Любим за то, что он рыцарь без страха и упрека, за то, что благородство его ничем не снижается и не омрачается.

<...>

Письмо Бориса брату, 17 декабря 1983, Л.— М.

Дорогой Аркаша!

Прости: закрутился-замотался, только сейчас сажусь писать.

Итак: 5ЛЭ. А пропо: в последнее время постоянно попадаются в поле зрения произведения про бессмертие — Столяров написал рассказ о Понтии Пилате, который едет скрываться (в очередной раз) на БАМ; Тибилова написала

повесть о древнем эликсире, который превращает человека в бессмертную куклу; по телевизору идет «Средство Макропулоса»[1], а в Литературке был очень неплохой рассказик, где кратко формулируются все основные проблемы, связанные с бессмертием[2]. Очень актуальная тема.

В связи с этим надо основательно подумать, про что же будет кино? Если проблематика бессмертия, то, наверное, главная тема будет: неизбежное превращение бессмертного в суперэгоцентриста, жестокого, лишенного всякой морали, всяких привязанностей и т. д. (У Шмальгаузена есть прекрасные слова: «Природа отняла у нас бессмертие, а взамен подарила нам любовь»[3] — имеется в виду, что бессмертные одноклеточные в принципе не ведают любви; отсюда: приобретение бессмертия автоматически отнимает у человека любовь, что, по-видимому, и должно происходить). [Последние строки от «превращение» обведены сбоку скобкой и написано: «Это главное. Никаких монстров».]

Возможна и другая тема: пришельцы из прошлого. Этакая галерея монстров, видавших всякое и получивших бессмертие (доступ к своей ложке), как правило, ценой гнусности. Тут главное — придумать великолепную пятерку. На это у меня в одиночку пороху не хватает.

Сюжетная линия изначально почти однозначна:

1. Герой выходит из дому по своим делам и тут же на лестничной площадке видит своего соседа из квартиры рядом (Костю Кудинова), выносимого на носилках. Сцена из ХС.

2. Герой едет в институт. Встреча с Мартинсоном. Все — из ХС.

3. Едет в метро в какую-нибудь библиотеку выступать, видит клетчатое пальто. Из ХС.

---

[1] Имеется в виду мюзикл «Рецепт ее молодости» (1983, реж. Е. Гинзбург, по пьесе К. Чапека «Средство Макропулоса»). Телеверсия же спектакля Малого театра «Средство Макропулоса» (постановка В. Монахова, реж. М. Маркова) была записана в 1978 г.

[2] Спасский С. Притча о мудром докторе Фаусте // Литературная газета (М.). — 1983. — 30 ноября.

[3] Выражение «Природа отняла у нас бессмертие и взамен его дала нам любовь» приведено И. Фроловым как слова И. Шмальгаузена в интервью «...Радостная деятельность жизни» (журнал «Знание — сила», 1983, № 11, с. 43).

4. Выступление перед читателями. Вопросики. Настырный читатель, пристающий с вопросами о бессмертии (может быть — один из пятерки).

5. На обратном пути герой заходит в прокуратуру, где у него любовница работает секретаршей. Она оказывается занята, и герой, злой, отправляется восвояси. (Это, конечно, «рыба» — тут важен случайный заход в прокуратуру, или в отделение милиции, или в здание нарсуда.)

6. Дома его ловит жена Кости (может быть, тоже из пятерки?) и умаливает его съездить в больницу к Косте.

7. Сцена в больнице — из ХС.

8. Ночью к нему приходят бессмертные (в белых медицинских халатах, под видом врачей скорой помощи: если он станет вопить и брыкаться — укольчик и якобы в психушку). Они берут его в оборот. Что он знает? Кому и что именно рассказал? Что делал в прокуратуре? Это должна быть жуткая сцена. Они не стесняются. Он для них уже покойник, и это отнюдь не скрывается. Даже если он ничего и не знал и никому не рассказывал, всё равно ТЕПЕРЬ он уже знает слишком много и выбор один: смерть или бессмертие. [На полях: «Важно и что есть эликсир: воскрешает умирающего? вечная молодость? просто вечная жизнь?»] Главарь (Мартинсон) предлагает герою уничтожить Костю Кудинова и занять его место в пятерке. При этом Костя, разумеется, тоже время зря терять не будет и постарается сохранить статус-кво, а это можно сделать единственным образом — уничтожив нашего героя.

Здесь — кульминация. Далее всё пойдет в зависимости от придуманного конца. Конца у меня не получается. Тут нужен мозговой штурм.

Надо продумать и обстоятельства. Например, важно, чтобы эликсир надо было принимать РЕГУЛЯРНО: хоть раз пропустишь, сдохнешь в жутких мучениях, т. е. начавший принимать эликсир хода назад не имеет, он отныне человек отравленный. Как обставляется процедура проглатывания ложки? Как созданы гарантии, что никто из пятерки не сможет злоупотребить? Как далеко зашли опыты Мартинсона

по изготовлению синтетического эликсира? Не ведет ли кто-нибудь охоты за пятеркой? Какая-нибудь другая пятерка, у которой иссякли запасы эликсира? И вообще, не сделать ли из всего этого трагикомедию с Мироновым в главной роли?

Думай!

Я очень надеюсь, что в начале января мы сбежимся для работы. Адка уже бродит по квартире, иногда даже почти без костыля. С понедельника начнем ездить на реабилитацию.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Ленусе и Машке — привет!

Маленькая ошибка: разболтал сюжет Гуревичу.

Идея: бессмертному нельзя лезть в вершители судеб человечества: натворит дел. Следят друг за другом. О Мартинсоне знает только Кудинов (про попытки синтеза).

В 1983 году у Авторов вышли две книги: ЖВМ в Кишиневе (ОО, ЖВМ, ВНМ, ХВВ) и донельзя заредактированный ОУПА в «Детской литературе».

Продолжаются публикации повестей АБС в региональной комсомольской прессе. Кроме оканчивающейся в этом году публикации ЖВМ в «Волжском комсомольце», ЗМЛДКС печатает владивостокский «Тихоокеанский комсомолец», а УНС — волгоградский «Молодой ленинец».

К кишиневскому сборнику АБС предисловие написал А. Зеркалов (он же Александр Мирер — давний друг Авторов). В нем обозначены основные критерии творчества АБС.

Из: Зеркалов А. Долг мысли

<...>

Стругацкие почти никогда не пользуются стандартными фантастическими ходами. Их «машины времени» не путешествуют «из сегодня в завтра», они перемещаются «из завтра в позавчера» или «из послезавтра в завтра». Классический сюжет инопланетного нашествия на Землю писатели буквально перевернули: их нашествия совершаются без пришельцев.

Парадоксальные, новаторские приемы Стругацких делают их произведения необыкновенно увлекательными; с первых же страниц внимание читателя стягивается в точку, фиксируется на замкнутом мирке книги, что, по моему убеждению, необходимо в хорошей литературе,— книга мертва, если читатель не стремится безотрывно читать ее до конца — а потом перечитывать. И все-таки главное в другом (хотя о настоящих книгах нельзя сказать, что в них действительно «главное»).

Важнее всего то, что Стругацкие опрокинули устоявшееся мнение о целях и возможностях научной фантастики, открыв возможности, органически ей присущие, но словно бы забытые другими авторами.

Одно из расхожих мнений: фантастика всего лишь развлекательное чтение. Это совершенно неверно, если говорить о мало-мальски хороших произведениях. Верно другое: фантастические книги, даже слабые, почти всегда интересны.

Второй, противоположный взгляд: НФ двадцатого века слишком серьезна. Она порождена научно-технической революцией, важнейшим социальным фактором наших дней. Фантастика по своей природе пригодна лишь для изображения прогресса, она служит социальным телескопом — в ее объективах читатель видит стремительно меняющийся лик современности.

Следствие: в щель между развлекательностью и глобальными картинами якобы провалилось изображение человека, личности. Вот что пишет известный литературовед В. С. Муравьев: «Индивидуальность для фантаста — фикция и притом фикция ненужная, несущая опасность третьего измерения...»[1].

Заметим: это верно, пока речь идет о плохой и даже средней НФ-литературе. Сила оборачивается слабостью: научные, социальные, технические коллизии становятся как бы самостоятельными героями, персонифицируются — и отодвигают в сторону человеческие личности. Действие в фантастике развивается стремительно — оно должно быть интересным — в результате герою некогда чувствовать, ему надо размышлять и действовать...

[1] «Science fiction», М.: Прогресс, 1979, с. 15 (*А. Зеркалов*).

С героями Стругацких этого не происходит никогда. Вернее, не происходит с некоторого момента, когда писатели отыскали секрет фантастического изображения, золотой ключик, утопленный в океане пришельцев, звездолетов, одиноких ученых и мыслящих машин. Открытие оказалось простым — как всё значительное в искусстве: суть дела должна заключаться не в самом действии, а в выборе, перед которым нужно поставить героя. На дорогах сюжета должны постоянно попадаться надписи: «направо пойдешь — коня потеряешь; налево пойдешь...» — и так далее.

Теперь, после открытия Стругацких, стало очевидно, что в фантастической ситуации поиск пути чрезвычайно осложнен по сравнению с обыденностью. Писатель может устроить так, чтобы, например, от выбора между поездкой в автобусе или на трамвае зависела жизнь и смерть героя. Поиск действенного решения — маховое колесо любого фантастического сюжета; беда в том, что героев абсолютного большинства произведений авторы ставят перед простым выбором, не затрагивающим их внутреннего мира, их индивидуальности, их этики.

Стругацкие перенесли выбор в этическую плоскость. Их герои не решают научные проблемы, не выбирают, в сущности, даже между жизнью и смертью,— только между правдой и ложью, долгом и предательством, честью и бесчестием. В «Обитаемом острове» Максим подставляет под выстрелы — в упор — обнаженную грудь, живое тело, не прикрытое даже эфемерной броней одежды. Эту сцену можно считать символом всего творчества Стругацких: долг выше жизни. В «Далекой Радуге» тот же выбор совершает целый коллектив ученых.

Таково открытие Стругацких: сюжет задается проблемой выбора, а не наоборот, и поэтому стремительное фантастическое действие не проносит читателя мимо простых человеческих чувств, мимо внутреннего мира героев — оно раскрывает души людей, оно само определяется их душевными качествами.

Такая смена приоритетов оказалась необыкновенно продуктивной и привела к неожиданным, я сказал бы даже —

к парадоксальным результатам. Индивидуум вышел на передний план, но отнюдь не заслонил собой большой мир, социальную структуру, ибо вместе с человеком на авансцену вышла мысль.

Мысль — постоянная спутница чувства; мышление — обязанность, иначе невозможен верный этический выбор. Безмысленный человек аморален — постоянно повторяют Стругацкие. В их книгах мысль главенствует изначально; вернее, она наравне с чувством задает проблему выбора, а эта проблема часто не находит окончательного решения. Таким образом, читатель вовлекается в творческий процесс, он тоже должен совершить свой выбор, поступать так, словно он столкнулся с самою жизнью.

Этого в прежней НФ не было. Этот поворот — прямое следствие первого открытия, второе открытие. В классической фантастике всё, в том числе и мысль, находится на службе у сюжета — и у героя-детектива, который должен объяснить читателю: что же в конце-то концов происходит в книге.

Сосредоточив внимание на личной этике, писатели не сузили, а расширили свое поле зрения — как бы объединив микроскоп с телескопом. Впрочем, это не удивительно: мышление самих Стругацких всегда диалектично, понятие единства противоположностей им присуще органически, они — писатели-марксисты. Фантастические сюжеты Стругацких — те самые, внутри которых действуют живые личности — непременно социальны. Индивидуальные проблемы вытекают из общечеловеческих, сливаются с ними неразрывно — тоже как в жизни.

Книги Стругацких созданы для повторного чтения. Первый раз они читаются безотрывно и стремительно, настоящая их глубина раскрывается при втором, третьем прочтении — сколько раз достать их с полки, каждый решает сам. Главное — не пытаться постичь всё сразу, как не пытаемся мы мгновенно разобраться в жизненно важном событии, а еще и еще раз возвращаемся к нему и терпеливо его обдумываем.

<...>

1984

4 января в ленинградской ведомственной газете «Светлана» выходит интервью с БНом.

Из: БНС. Жанр, которому подвластно всё

<...>

— Некоторые ученые, литературоведы, сами читатели утверждают, что фантастика «выдохлась», что на сегодняшний день она замкнулась лишь на нескольких проблемах, которые и перепеваются без конца в десятках романов и повестей — описание научно-технических достижений будущего, предсказание возможных контактов с иными цивилизациями и обсуждение возникновения чрезвычайных ситуаций, катастроф и мировых катаклизмов. Словом, мнение о том, что фантастика изживает себя, а еще короче — вымирает, достаточно популярно, в частности, на Западе.

— Сначала о бесконечных перепевах одних и тех же проблем. Многие любители фантастики, наверное, слышали о так называемом «Регистре Альтова». Генрих Альтов — известный изобретатель, автор многих научно-фантастических книг, долгие годы своей жизни отдал сбору и систематизации идей, отраженных в когда бы то ни было написанных фантастических произведениях. В результате он получил полный список оригинальных научно-фантастических идей, уже использованных в литературе. Теперь встает вопрос — как относиться к этому «Регистру»? Безусловно, он очень полезен в работе, особенно для начинающих фантастов. Но отказываться от какого-то замысла только потому, что подобная идея уже зафиксирована в «Регистре», на наш взгляд, абсурдно. Ведь во всей мировой литературе, не связанной с фантастикой, существует определенное количество поднимаемых тем, устоявшихся веками. Здесь речь должна идти не об идее, а о ее художественном воплощении. Теперь по второй части Вашего вопроса. О кризисе фантастики как жанра. Об этом действительно пишется много, особенно в последние годы. Такую точку зрения я просто не понимаю. Кризисом, а тем

более вымиранием можно назвать такое положение, когда читатель не желает читать, а писатель не желает писать. Ничего подобного мы не наблюдаем. Научно-фантастические произведения — и хорошие, и, увы, посредственные — пользуются у читателей колоссальной популярностью. Подтверждение тому долго искать не надо — зайдите в любую библиотеку. Вы не найдете на полках «застоявшихся» фантастических романов и повестей. И всё же, как говорится, дыма без огня не бывает. Идеи носятся в воздухе — и если какое-то мнение возникло, к нему нужно прислушаться и понять его истоки. Фантастика научная молода. Она — детище научно-технического прогресса, расцветает и процветает вместе с ним. Научная фантастика, по сути, является специфической литературой научно-технической революции конца девятнадцатого — двадцатого веков, порождена ею и питается ее идеями и плодами. Но нельзя и ограничивать фантастику только научными проблемами и забывать о другой ее разновидности — фантастике реалистической. Фантастика реалистическая восходит к мифу. <...>

— А современная фантастика — каким она видит счастливого человека?

— За всю фантастику ручаться не хочу и не буду. А свое мнение могу выразить предельно лаконично. Здесь оно полностью сходно с общечеловеческим представлением о счастье. Чтобы чувствовать себе счастливым, нам нужен друг, любимый человек и любимое дело. Иногда бывает достаточно и одного из этих компонентов.

— Последний вопрос не столько связан с темой нашей сегодняшней беседы, сколько с только что прошедшим Новым годом. Пусть этот переход не покажется вам слишком легкомысленным — ведь Новый год всегда открывает в жизни человека какой-то новый этап. С Новым годом все, даже люди, напрочь лишенные воображения, не верящие ни в какие чудеса, связывают самые заветные свои желания. И непременно надеются на их исполнение. Что бы Вы хотели пожелать нашим читателям?

— Всё очень просто, ничего фантастического — доброты и счастья.

В начале года АБС работают в Ленинграде.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Homo ludens — человек Играющий

«Природа отняла у нас бессмертие, а взамен подарила нам любовь» (Шмальгаузен, приблизительно). Отсюда, бессмертный теряет любовь.

Для «5 лож<ек> Эл<иксира>»

Выбор:

1) Смерть или бессмертие,

2) Смерть близкого чел<ове>ка или бессмертие.

Бессмертие это суперэгоизм, бесстрастие, суперменство обязат<ельно>.

Бессмертные понимают, что ошиблись, что ничего герой не знает и не понял, но теперь уже всё равно, они зашли слишком далеко и отпускать его нельзя. Убить? Сложности с законом. И почему его? А м<ожет> б<ыть> кого-нибудь из своей компании?

6.01.84

Арк приехал в Лрд думать над 5ЛЭ.

Герой знаком с тремя из пяти.

1). Кудинов.

2) Баба (из ларька); спал с ней.

3) Патриарх.

Незнаком<цы>.

1) Иван Давид<ович>.

2). Вранг<елевский> офиц<ер>.

Гнев.

Лицемерие.

Гордыня — Иван Давидович.

Любострастие — маркитантка.

Леность.

Зависть.

Скупость, накопительство.

7.01.84

«Тогда на шпагах!» — Кудинов.

На читат<ельской> конференции:

«Кто больше боится смерти — смертные или бессмертные?»

«Я на эту тему не думал. О бессмертии думают молодые, а старики думают о смерти».

Сначала записка, затем с места — клетчатый. Феликс смутился, затем расхрабрился и прямо в лицо клетчатому: «Поживем — увидим».

«А что думают о смерти бессмертные?»

«Я еще пока не бессмертен».

С этой провокации всё и началось.

Феликс в шапке и шубе собирает бутылки. Тел<ефонный> звонок: редактор — нужно увидеться. Феликс: могу сейчас, бутылки только сдам. Редактор: сейчас не могу, совещание. Как насчет 15.00? Ф<еликс>: у меня выступление на читат<ельской> конференции, в ДК железнодорожника. Ред<актор>: а потом? — Потом у меня английск<ий>, зачеты сдаю. Р<едактор>: черт... Вечером, может быть, в Доме журн<алистов>? Ф<еликс>: могу. Ну, давай часов в 6–7. Статью завтра к 12.00.

1) Метрдотель, патриарх: Павел Иванович — Мэтр.

2) Химик, лидер: Иван Давидович Мартинсон — Магистр.

3) Поэт: Константин Ильич Кудинов, Басаврюк — Котик, пиит.

[номер пропущен] Преподаватель, маркитантка: Наталья Петровна, Катя Васильева.

4) Охранник: аноним, Гафт — Ротмистр.

5) Герой: Феликс Александрович Сорокин, Мягков.

6) [прочерк]

Ротмистр говорит только Магистру и всё время: «Правильно я говорю?»

Мэтр против Кудинова, потому что тот 200 лет назад сделал ему мелкую пакость.

Ротмистр против Маркитантки, потому что она 20 лет назад ему не дала.

Должно быть именно пятеро, ибо есть легенда: источник должен питать именно 5, иначе иссякает. На Земле должно быть либо 5 бессмертных, либо ни одного.

8.01.84

Пишем черновик сцены допроса.

Сделали 6 стр.

Вечером сделали 3 стр.

[Рисунок — план квартиры Снегирева (ПЛЭ). См. вклейку в НС–8.]

9.01.84

Сделали 6 стр.

Вечером сделали 4 стр.

10.01.84

Сделали 7 стр.

Вечером сделали 4 стр. (30)

Конец I вар<иан>та (концовки).

Арк уезжает.

После короткого перерыва в конце января Авторы вновь встречаются — на этот раз в Москве.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Не сделать ли для ХС спец<иальную> главу из ГО (между «Следователем» и «Редактором»). «Охота на Василиска» — погоня за человеком, которого было опасно обижать.

[на отдельном листке]

И<ван> Д<авидович>: На такси?..

— Нет, на трамвае.

Кл<етчатый>: Правильно.

Сцена в трамвае.

И<ван> Д<авидович>: Читали, отвечали на вопросы? На какие?

— Ваш сотрудник там был.

П<авел> П<авлович>: Рассказывал, рассказывал.

[Справа дописано: «I ерепенится, пожимает плечами»]

Сцена в ДК
разговор со стр. 2

П<авел> П<авлович> удаляется на кухню.

27.01.84
Б. прибыл в Мск писать черновик 5ЛЭ.
Феликс — Мягков.
Наталья Петровна — Катя Васильева.
Мартинсон
Павел Павлович (мэтр) — Гафт
Клетчатый — Ерёменко jr (?) Кайдановский
Кудинов — Филозов
28.01.84
Сделали 8 стр.
Вечером сделали 3 стр.
29.01.84
Сделали 6 стр.
Черновик сценария закончен, 47 стр.
30.01.84
Письмо Десятерику (ОО + ЖвМ + ВГВ).
31.01.84
Работали со сценарием «Сталкера»-6.
1.02.84
Б. уезжает.

И в середине февраля — уже третья встреча АБС в этом году.

Рабочий дневник АБС

11.02.84

Арк приехал в Лрд писать 5ЛЭ-С.

Письма:

Пастухову — насчет «Избранного» в Детгиз.

Виноградову — <то же>.

Пастухову — насчет трехтомника.

Маркову — <то же>.

Лениздат — <то же>.

12.02.84

Пал Палыч — с чемоданчиком, откуда он непрерывно закусывает a la Амад из ХВВ.

Соблазняет Феликса гастрономией («Идеальный обмен веществ! Можно есть всё, кроме отравы. Никаких язв, катаров, гастритов, ожирений..»). Желудок — великая вещь! И убивать надо только ядом!

Сделали 2 стр. (2)

Вечером сделали 4 стр. (6)

13.02.84

Сделали 8 стр. (14)

Вечером сделали 4 стр. (18)

14.02.84

Сделали 8 стр. (26)

Вечером сделали 4 стр. (30)

15.02.84

Сделали 9 стр. (39)

Вечером сделали 3 стр. (42)

16.02.84

Сделали 9 стр. (51)

Вечером сделали 2 стр. (53)

Выпивали в честь Ленки.

17.02.84

Сделали 7 стр. (60)

Вечером сделали 2 стр. (62)

18.02.84

Сделали 8 стр. (70)

И ЗАКОНЧИЛИ СЦЕНАРИЙ НА 70 СТР.

19.02.84

Разговаривали о ВГВ.

Заявка на трехтомник, которая упоминается в рабочем дневнике, сохранилась в архиве.

Из архива. АБС. Заявка на трехтомник в Лениздат

Предлагаем включить в планы издательства на XII пятилетку выпуск трехтомника наших избранных произведений в составе:

Том I: «Пикник на обочине», «Хищные вещи века», «За поворотом, в глубине» (29.5 а. л.).

Том II: «Далекая Радуга», «Трудно быть богом», «Жук в муравейнике» (26 а. л.).

Том III: «Второе нашествие марсиан», «Понедельник начинается в субботу», «За миллиард лет до конца света» (26.5 а. л.).

Всего 82 а. л.

Эти произведения мы полагаем наиболее значительными из того, что было создано нами на протяжении четверти века нашей совместной литературной работы. Все они были опубликованы в различных издательствах и в периодике нашей страны, пользуются большой популярностью и спросом у советского читателя.

С соответствующей просьбой мы пошли в Госкомиздат СССР к Андрею Николаевичу Сахарову, и он, отнесясь к ней положительно, порекомендовал нам обратиться именно в ваше издательство.

С уважением,

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

29 февраля приходит обескураживающее письмо из журнала «Нева».

Из архива. Письмо к АБС из «Невы»

Уважаемые Борис Натанович и Аркадий Натанович!

К сожалению, Вашу повесть «Хромая судьба» опубликовать мы не сможем. За рукописью Вы можете зайти в любое удобное для Вас время к заведующей редакцией.

Всего Вам доброго.

Главный редактор Д. ХРЕНКОВ

В начале марта АБС вновь встречаются — для доработки ВГВ.

Рабочий дневник АБС

7.03.84
Б. в Мск.
Переговоры с Совинфильмом.
Обсуждение переделок в ВГВ.
8.03.84
Сделали 3 стр. (10)
Вечером сделали 2 стр. (12)
9.03.84
Сделали 2 стр. (14)
Вечером сделали 2 стр. (16)
10.03.84
Сделали 3 стр. (26)
Вечером сделали 2 стр. (42)
11.03.84
Сделали 2 стр. (53)
Договор с <киностудией им.> Довженко.
Вечером сделали 1 стр. (64)
12.03.84
Сделали 2 стр. (72)
Вечером Б. ездил по марочным делам.
13.03.84
Сделали 4 стр. (86)
Вечером сделали 1 стр. (87)
И ПРЕРВАЛИСЬ НА 87 СТРАНИЦЕ.
14.03.84
Б. уезжает.

11 марта в рабочем дневнике отмечается: «Договор с Довженко». Это был «договор об уступке права экранизации произведения», где указывалось, что кинофильм будет делаться «с иностранным продюсером». В договоре предусматривалось, что киностудия «обязуется сохранить при этом основной идейный замысел и художественное своеобразие произведения и ознакомить Автора с литературным сценарием не позднее чем за 30 дней до запуска фильма в производство. Если, по убеждению Автора, в литературном сценарии нарушены основной идейный замысел или художественное своеобразие произведения и стороны не достигли соглашения о пределах изменения произведения, договор расторгается». Если же со сценарием автора не ознакомили, то «Автор вправе запретить использование его произведения на любой стадии производства кинофильма». Таким образом начинается работа над кинофильмом ТББ режиссера Фляйшмана. АБС не принимали в этой работе участия — лишь уступили право экранизации.

14 марта в газете «Ленинские искры» публикуется интервью с БНом, посвященное столетию со дня рождения Александра Беляева.

Из: БНС. Волшебная сила фантастики

<...>

— Как-то мы попросили деткоров написать продолжение к любимым книжкам. Любопытно, что почти все ребята не просто фантазировали. Они ринулись на помощь героям, которым грозила опасность или даже гибель — Оводу, дяде Тому... Но знаете, у кого было больше всего спасателей? У Ихтиандра! А вы в детстве никогда не пытались его спасти?

— Еще бы! Это случалось со мной всякий раз, когда я читал «Человека-амфибию». Внешне, разумеется, я учился быть сдержанным, как всякий мальчишка, но ком в горле у меня, тем не менее, застревал. Я даже не могу сказать точно, сколько раз это было. С этой книжки началась когда-то моя детская библиотека. И до сих пор этот роман — один из самых любимых. Помните? «Старый индеец спешит на берег моря и, рискуя быть смытым водой, становится на прибрежные камни и кричит, кричит день и ночь, пока не утихнет буря: «Ихтиандр! Ихтиандр! Сын мой!..» Но море

хранит свою тайну». Конечно, литература и жизнь все-таки не одно и то же. Но после этой книги я никого и никогда не смог бы ударить первым...

<...>

— Родоначальник советской фантастики Александр Романович Беляев никогда не читал книг самых популярных в нашей стране фантастов братьев Стругацких. А если бы прочел? Как вы думаете, что бы он сказал?

— Я не хочу казаться хвастуном, но, как всякий ученик, который старался, я рассчитываю по крайней мере на четверку. А если говорить серьезно, хотя Александр Романович никогда нам с братом отметок не ставил, мы считаем его своим учителем. И не только мы. Вся советская научная фантастика пошла по пути, проложенному Беляевым.

— Беляев ведь был не просто писателем, он обладал даром научного предвидения. Многие идеи Беляева, которые казались людям непостижимыми, сейчас воплощены в жизнь. Взять, к примеру, операции по пересадке человеческих органов.

— Да, это так. Потому что Александр Романович был в курсе всех новейших открытий. Это важно. Но еще важнее другое. Есть два рода фантастики — научная и психологическая. Первая ставит своей задачей показать судьбу открытия, а вторая — судьбу человека и человечества. Беляева занимало и то и другое. Когда мы читаем «Ариэля», нас волнует не только то, как этот человек полетел, но и ради чего, что с ним потом будет, как сложится его жизнь. Книги Беляева невозможно читать спокойно, с холодным сердцем. Ерзаешь на стуле, вскакиваешь, взъерошиваешь волосы. Ты с героем заодно, ты изо всех сил ему сочувствуешь — любишь, ненавидишь, борешься... Когда-то нашу маму даже вызвали в школу. Учительница литературы жаловалась, что мы ничего не читаем, кроме фантастики. Но к классике мы всё равно пришли. Потому что начали чтение с Беляева. А это не просто увлекательное интригующее чтиво — это настоящая литература.

— Кое-кто из ребят отчего-то думает, что писать фантастику легче всего.

— Нет, с этим я не могу согласиться. Думаю, что Александр Романович Беляев тоже бы не согласился.

Борис Натанович улыбнулся, покачал головой и вздохнул. И пошел проводить занятие с молодыми писателями-фантастами, где они как раз и занимаются тем, что учатся фантазировать. Потому как дело это очень непростое.

Два дня спустя в «Вечернем Ленинграде» приводится краткое содержание выступления БНа на вечере, посвященном этому юбилею.

БНС. Рыцарь мечты

Беляев был и остается писателем мирового уровня. На заре советской фантастики он разработал целую систему совершенно новых приемов, которыми наши писатели пользуются и по сей день. Сила Александра Беляева в том, что он очень тонко понял природу фантастического образа. Невозможное, но все-таки превращенное воображением в сбывшуюся реальность — вот что лежит в основе его фантастики. Он умышленно представляет порой реальную научную проблему как условный сюжетный прием, чтобы поразить воображение читателя, вызвать на спор, разбудить мысли. Творческая мощь беляевского образа может заключаться и в том, что он, стимулируя исследовательский порыв, изобретательность, побуждает человеческую мысль к осуществлению невозможного. Жюльверновская идея о том, что всё воображаемое человеком может осуществиться на практике, была особенно близка Беляеву. Этой уверенностью пронизано творчество писателя.

Движение КЛФ тем временем ширится и географически и социально — настолько, что Марат Исангазин уже может обозначить их классификацию и выделить клубы-лидеры.

Из: Исангазин М. «Полдень. XXII век»

<...>

По данным на апрель 1983 года у нас в стране существуют 79 КЛФ.

Большинство КЛФ создано в последние год-два. Эти клубы еще молодые, начинающие, в стадии становления. У них, конечно, много проблем. Одни клубы работают при библиотеке, другие при горкоме комсомола, третьи при молодежной газете или при местном отделении Всесоюзного общества книголюбов.

По классификации Степанова из Куйбышева КЛФ делятся на

— детские;

— взрослые (часть из которых играют, как дети);

— узкие (т. е. узкой специализации: киноклубы, клубы художников...)

По своим целям КЛФ делятся на

— клубы общения;

— пишущих и переводящих;

— истинные клубы, цель которых — пропаганда и агитация фантастики.

Некоторые перерастают узкие рамки этой классификации и включают в себя секции художников, кино и мультипликации, переводчиков, библиографии и т. п. Тут дело даже не в количестве, а в активности. Так, на объявление о создании КЛФ в Харькове собралось несколько сот человек, но клуб так и не появился.

Самыми горячими поборниками объединения КЛФ в «Великое кольцо», а значит, и взвалившими на себя основную работу по межклубному общению и взаимодействию, стали у нас в стране четыре клуба: «Радиант» (Свердловск), «Ветер времени» (Волгоград), «Рифей» (Пермь), «Притяжение» (Ростов-на-Дону). Роль всеобщего координатора и информатора взял на себя пермский «Рифей», насчитывающий более 100 активных членов.

<...>

И вот уже проблемой КЛФ озадачиваются серьезные литературоведческие журналы. Февральский номер «Литературного обозрения» предоставляет свои страницы самим участникам движения.

Из: Багаляк Бор. Рыцари научной фантастики

<...>

Аббревиатура КЛФ давно знакома людям, увлеченным фантастикой. Она означает «клубы любителей фантастики».

Необычное имя автора этой статьи — псевдоним, причем псевдоним коллективный. В нем «упаковано» сразу пять соавторов. «Бор.» — это Владимир Борисов, председатель абаканского клуба любителей фантастики «Гонгури». «БА» — Виталий Бабенко, староста Московского семинара молодых писателей-фантастов; «ГА» — критик Вл. Гаков (оба москвича входят в Совет по приключенческой и научно-фантастической литературе при Правлении СП СССР). «Л» — Александр Лукашин, председатель пермского КЛФ «Рифей». И «ЯК» — Михаил Якубовский, возглавляющий клуб любителей фантастики «Притяжение» в Ростове-на-Дону.

Конечно, клубы любителей фантастики существуют не только в упомянутых городах. Их число в нашей стране уже приблизилось к сотне. Но так уж сложилось, что Пермь, Ростов-на-Дону, Абакан, Москва (в последнее время — и Свердловск) стали центрами тяготения клубного движения.

<...>

Еще одно терминологическое разъяснение: кто такой «фэн»? Слово заимствовано из английского языка, где оно означает «болельщик», «энтузиаст», «любитель», хотя смысл его гораздо емче. «Фэн» — это и редуцированное до трех букв «фантастика», «фантазия» («фэнтези») и «фанатик»... В нашем случае это увлеченный Читатель фантастики. Во встречах фэнов в западных странах и намека нет на серьезность семинаров или симпозиумов. Это скорее общение единомышленников, переходящее в дружеское застолье, суматошный уик-энд на тему фантастики. «Фэн — это стиль жизни», — с беззаботной улыбкой говорят американские энтузиасты фантастики и веселятся вовсю. Конечно, информации ради об этом стоило рассказать в Перми, но и хозяева, и приглашенные прекрасно понимали, что для нас научная

фантастика — дело серьезное. Априори ясно: у советских любителей фантастики — своя дорога.

<...>

Клубы любителей фантастики в нашей стране не новинка. Лет пятнадцать назад, когда создавались первые КЛФ в вузах, при библиотеках, на некоторых заводах (например, на московском заводе «Динамо»), сразу можно было понять, что эти объединения любителей фантастики ставят перед собой задачи отнюдь не развлекательного характера. Однако, спонтанно рождаясь, клубы так же спонтанно и умирали. По разным причинам. В одних случаях энтузиазм выгорал, задушенный своекорыстием: заядлые книжники превращались в «скупых рыцарей» книги. В других случаях энтузиазм горел ровным пламенем, но без тепла, и горение это не способно было зажечь интерес у общественных организаций. К тому же студенческая аудитория — база большинства первых КЛФ — по самой своей природе текучая, и это тем более не способствовало долгожительству ранних клубов.

Наконец, последний немаловажный фактор: между научной фантастикой как явлением литературы и клубным движением как явлением общественной жизни существуют прямая и обратная связи. Активность или бездеятельность КЛФ — это реакция (с неизбежным опозданием) на состояние самой научной фантастики. Если НФ переживает подъем, то множатся и клубы ее любителей; если, наоборот, кризис, то из КЛФ выживают лишь самые стойкие.

Получается, что клубы — индикатор качества фантастики? Не совсем так. Если уж добиваться технической аналогии, то КЛФ не датчики, а самопрограммирующиеся элементы сложной информационной сети, которая — при определенной наладке — может превратиться в технологическую линию, способную выдавать продукцию (вот она, обратная связь!).

Один из Бор. Багаляка, Михаил Якубовский, предложил следующую периодизацию.

В клубном движении было три волны. Первая: 1961–1972 годы — образуются КЛФ в Москве, Харькове, Тбилиси,

Саратове. Саратовский КЛФ «Отражение», существующий с 1965 года, по имеющимся данным, старейший КЛФ в стране; кроме «Отражения», ни один из них не дожил до наших дней. Тбилисский клуб «Стажеры», основанный в начале 70-х, прошел через несколько развалов, но все-таки функционировал непрерывно с десяток лет. В 1981 году он распался окончательно, и... всего через несколько месяцев на его базе родился новый клуб — «Фаэтон».

Нетрудно догадаться, чем была вызвана первая волна — появлением собственно новой советской фантастики. Если до конца 50-х годов были лишь отдельные заметные авторы, работавшие в этом жанре, то теперь НФ стала именно «отраслью художественной литературы» («Советский энциклопедический словарь», Москва, 1980 г., с. 876). На небосводе советской фантастики в начале 60-х годов появилось уже целое созвездие: И. Ефремов (к этому времени признанный мастер), А. и Б. Стругацкие, Г. Гуревич, Е. Войскунский и И. Лукодьянов, Е. Парнов и М. Емцев, А. Днепров, А. Громова, А. Полещук, Г. Альтов, Г. Гор, И. Варшавский, Л. Лагин... (Список можно продолжить.)

Вторая волна приходится на 1975–1978 годы. Образуются КЛФ в Перми, Ростове-на-Дону, Кемерово, Хабаровске, Днепропетровске, Ставрополе. Здесь сработали сразу три фактора. Во-первых, подошло поколение людей, которые чуть ли не с первого класса имели возможность читать первоклассную фантастику, как отечественную, так и зарубежную. Во-вторых, за предшествующее десятилетие получили признание такие безусловные ныне авторитеты, как К. Булычев, Д. Биленкин, В. Григорьев, В. Колупаев, В. Михайлов, О. Ларионова... Наконец, третье: клубам стали помогать сами писатели: Яновский и покойный ныне Аматуни — в Ростове, Снегов — в Калининграде, Бугров — на Урале. В Ленинграде уже работал семинар молодых фантастов под началом Бориса Натановича Стругацкого, а в 1979 году подобный семинар открылся в Москве. Его руководителями стали Д. Биленкин, Е. Войскунский, Г. Гуревич. Важную роль сыграл журнал «Уральский следопыт» со своей

НФ-викториной, и еще бóльшую роль он играет сейчас, став чем-то вроде пресс-центра клубного движения. <...>

Третья волна, вздымающая гребень ныне, началась на рубеже 80-х годов. Бурное рождение КЛФ: Москва, Волгоград, Сенгилей, Горловка, Нефтеюганск, Абакан, Владивосток, Мурманск, Вильнюс, Тирасполь, Челябинск; новые клубы в Тбилиси, Каунасе, Калининграде, Свердловске...

<...>

Вопрос «Как рождаются КЛФ?» прямо связан с другим, не менее интересным: «Почему именно фантастика как "отрасль художественной литературы" вызвала к жизни столь широкое клубное движение?»

Ответ неоднозначен и совсем не прост. КЛФ в каком-то смысле — настоящая шкатулка Пандоры для социологов и литературоведов. Ведь вот любопытный факт: ни детективы, ни приключенческая литература в целом пока что не возбудили в читателях острого желания собираться в группы при газетах, библиотеках, отделениях общества книголюбов, обсуждать произведения и пропагандировать их в массах. Никто не слышал о «клубах любителей детективов» или «клубах любителей остроавантюрных книг».

Конечно, в возникновении и развитии КЛФ «повинна» сама фантастика. В век НТР она не могла остаться незамеченной этим веком. Избравшая объектом анализа не человека даже, а Человечество, исследующая будущее на предметном столе настоящего (и одновременно изучающая настоящее с помощью увеличительных стекол будущего и прошлого), такая литература просто не могла не привлечь к себе широкие читающие массы. Лучшая фантастика ставит серьезные вопросы, и в этом ее великий магнетизм. Она зовет к яркому и деятельному будущему и предостерегает человечество от тупиковых, фатальных шагов.

«Человек, не интересующийся будущим и считающий научную фантастику вздором, неизбежно придет к атрофии воображения и никогда не сможет увидеть, что же ждет его впереди...» (Айзек Азимов). Вот один из ответов на вопрос. Итак, КЛФ — это средство против атрофии воображения.

«Важно никогда не прекращать задавать вопросы» (Альберт Эйнштейн). И эти слова вполне подойдут назначению КЛФ. Странно было бы, если бы поклонники литературы, один из главных мотивов которой — непрестанная постановка вопросов, отличались отсутствием любознательности...

«Давайте думать о будущем... приближать его» (Николай Чернышевский). Вот и еще один ответ: КЛФ — это соблазнительная попытка спрессовать время, заглянуть (хотя бы с помощью литературы) в иной день, в Завтра.

<...>

Готовя эту статью, мы обратились к разным клубам всё с тем же вопросом: «Почему именно НФ породила движение КЛФ?» Ответы в основном свелись к уже сказанному выше. Наиболее четко и лаконично ответил на наш вопрос вильнюсский КЛФ. Слово — его председателю Гедиминасу Береснявичюсу.

1. Потребность общения. (В скобках возразим: это, разумеется, необходимое условие, но далеко не достаточное: жажду общения испытывают и любители остроавантюрной книги, но в клуб почему-то не собираются.)

2. «Книжный голод» — потребность читателей в фантастике: негде достать книги. КЛФ частично утоляют этот голод. (Еще пометка на полях: довольно веский аргумент, но проблему и он не решает. Книжный голод существует во всех отраслях литературы, исключая, может быть, сферу малопопулярных брошюрок о борьбе с вредителями кокосовых пальм. Почитатели детективов гоняются за новинками с не меньшим азартом и драматизмом, чем любители фантастики.)

3. КЛФ не только удовлетворяют потребности любителей, но и увлеченно популяризируют фантастику. Это проистекает из того, что фантастика сама активна (решает актуальные проблемы и т. д.) и таким образом активизирует читателей. Клубную работу «подогревает» и «оппозиция» противников фантастики, а таковых, увы, еще много.

<...>

...существуют отчеты КЛФ, информационные бюллетени, программы... Всё это дает возможность набросать «коллективный портрет» типичного КЛФ.

Его «ядро» — истинные фэны (15–20 человек), читающие всё, что только можно прочесть. Книжный голод для таких лишь импульс к действию; трудности, связанные с добыванием необходимой книги, — лишь вызов. Потенциально активная «плазма». Чрезвычайно пестра. Это и робкие, но начиненные максимализмом подростки, жадные до свежих идей и суждений. И эрудиты, горящие желанием выплеснуть свои знания. И прирожденные пропагандисты, лекторы. И, наконец, весьма примечательные фигуры книжных коллекционеров. Под воздействием общественного мнения — и общественного перевоспитания! — такие в клубе нет-нет да и прозревают: оказывается, давать книги на прочтение друзьям тоже радость.

О пишущих членах клуба (3–10 человек) разговор особый. Хорошо Москве и Ленинграду — здесь, как мы знаем, организованы постоянно действующие семинары молодых фантастов. Повезло и тем городам, где есть активно действующие фантасты-профессионалы. В Томске молодых авторов заботливо опекает Виктор Колупаев. У свердловских авторов целых четыре наставника: Владислав Крапивин, Виталий Бугров, Сергей Другаль и Михаил Немченко. В последнее время аналогичные студии организованы в Таллине (руководитель — Михаил Веллер), Симферополе (Светлана Ягупова).

Наш портрет останется неполным, если не сказать о «молчаливом большинстве», которое неизменно присутствует в каждом клубе и при упоминании о котором руководители большинства КЛФ озабоченно хмурятся. Кто они? Точнее, кто она, эта молчаливая масса (для таких в КЛФ на физфаке МГУ в свое время придумали термин «протоплазма»): аккуратно посещающая все заседания, всегда внимательно слушающая, но — всегда безмолвная? Как ее расшевелить?

Только действием. Вот наконец и всплыл давно ожидаемый вопрос: в чем суть деятельности клуба любителей фантастики?

КЛФ — это клуб, поэтому во главе угла стоят встречи по интересам. То есть заседания, диспуты, обсуждения, на которых фэны могут обмениваться друг с другом мнениями, спорить, узнавать новое. Обычно встречи посвящены определенной теме, заранее обговоренной, например, творчеству известного писателя или отдельной проблеме, а то и отдельному произведению. Как правило, на заседаниях клубов всегда можно узнать о жизни и деятельности фантастов, получить библиографические сведения, познакомиться с новинками литературы. Особенно интересны заседания, на которых присутствуют писатели-фантасты, критики, ученые; бывает, что на подобных встречах маститые гости читают свои новые рассказы — и тут же устраивается обсуждение. Польза таких мероприятий для обеих сторон очевидна.

Время от времени КЛФ проводят выездные заседания (всегда заметная, духовно выгодная — да простят нам такое выражение! — и очень ценная часть работы!). В заводском цеху или студенческой аудитории, в помещении книжного магазина или в зале библиотеки члены КЛФ встречаются с любителями книг и ведут разговор о фантастике, знакомят с лучшими произведениями отечественной и зарубежной классики НФ, рассказывают о деятельности своего клуба. Часто после таких выездных сессий в клубы приходят новые люди. Опыт «Рифея» показывает: в любой аудитории непременно найдутся два-три потенциальных фэна. Они либо вольются в уже существующие КЛФ, либо... станут «ядрами кристаллизации» новых клубов.

«Роскошь человеческого общения» приносит любителям фантастики немало полезного, расширяет кругозор. Даже если бы деятельность КЛФ ограничивалась только этим, то и тогда их существование было бы оправданно.

Но их функции шире. Рано или поздно КЛФ начинают использовать для пропаганды фантастики средства массовой информации, прежде всего печать. Материалы, публикуемые в газетах, весьма разнообразны по содержанию. Это и фантастические произведения, и переводы, и сообщения о прошедших или предстоящих мероприятиях, рецензии,

критические выступления, библиографические обзоры, юмористические рисунки, статьи по истории НФ. Десятками выпусков «страничек» исчисляется продукция пермского КЛФ «Рифей» (газета «Молодая гвардия»), волгоградского КЛФ «Ветер времени» (газета «Молодой ленинец»), хабаровского КЛФ «Фант» (газета «Молодой дальневосточник»), калининградского КЛФ «Альфант» (газета «Калининградский целлюлозник»). Есть НФ-странички в газетах Минска, Вильнюса, Саратова, Кызыла, Новосибирска, Владивостока, Семипалатинска, Свердловска, Нефтеюганска, Томска, Сенгилея Ульяновской области...

Еще одна важная сфера деятельности — лекционная. Члены клубов выступают с докладами и обзорами на фабриках и заводах, в школах и библиотеках. Интересный и поучительный пример: в Перми членами клуба «Рифей» читается краткий курс НФ, который помогает слушателям изучать теорию решения изобретательских задач (ТРИЗ). Есть КЛФ, которые ведут кинолектории или выступают с лекциями перед демонстрацией фантастических фильмов в кинотеатрах (тбилисский «Фаэтон», семипалатинский «Прогрессор», пермский «Рифей» и другие). «Прогрессор», например, собирает на свои заседания кинолектория свыше 800 человек! Организуются выставки самодеятельных художников, которым также сопутствует чтение докладов об изобразительной фантастике.

В помощь книголюбам отдельные клубы выпускают методические рекомендации по организации и работе КЛФ, которые особенно необходимы при создании новых клубов. Издаются буклеты, брошюры, проспекты с планами заседаний КЛФ, с библиографическими сведениями и аннотациями.

Есть и еще один важный позитивный фактор, непосредственно связанный с социальной активностью КЛФ. О нем напомнили на «круглом столе» трех КЛФ города Калининграда.

«Не стоит забывать о том, что клубы фантастики прекрасно решают проблему досуга. Среди их членов нет, как правило, пьяниц, прогульщиков, стяжателей, потому что сама

идея, сближающая фэнов, и атмосфера клубов способствуют формированию личности на примере лучших литературных героев НФ-произведений...»

«Коллективный портрет» КЛФ, пожалуй, достаточно четок. Попробуем теперь заключить его в рамку словесных определений. Клубы любителей фантастики — это общность энтузиастов, решающих вопросы коммунистического воспитания молодежи, выработки активной жизненной позиции на основе материалистического, марксистско-ленинского понимания глобальных проблем современности.

<...>

Задачи КЛФ необъятны. Решают их все члены клуба, но кто-то ведь должен координировать и направлять эту работу!

В каждом КЛФ есть свой совет или правление.

<...>

Перед заключением уместно привести слова Бориса Натановича Стругацкого, прозвучавшие во время интервью, которое взял у писателя член совета Семипалатинского клуба любителей фантастики «Прогрессор» Петр Огус:

— Это же замечательно, когда собираются люди, объединенные общими интересами, — и не только фантастикой. В последнее время ведется много разговоров о проблемах общения нашего современника. И клубы любителей фантастики, как мне кажется, есть один из способов решить эту проблему. То, что в нашей стране сейчас возникает множество клубов, объединяющих людей по интересам, свидетельствует о дальнейшем духовном развитии общества, о том, что современный советский человек способен сам творить вокруг себя духовную среду.

<...>

В третьем номере журнала «Русская литература» публикуется статья А. Бритикова, в которой рассматриваются связи научной фантастики, фольклора и мифологии (немало примеров автор приводит из произведений АБС). В статье отводится место и движению КЛФ.

Из: Бритиков А. Научная фантастика, фольклор и мифология

<...>

И здесь заслуживает внимания тот факт, что в Клубах любителей фантастики (КЛФ) читатели ценят эту литературу вовсе не как современную мифологию. Молодежные газеты и журналы, в которых за последние годы появляется всё больше публикаций об этой своеобразной форме народной самодеятельности, отмечают, что КЛФ в своем большинстве — это творческие, а не книголюбческие ячейки, которые ставят перед собой конкретные задачи по формированию — с помощью научной фантастики — активной целевой установки на практическое решение многообразных проблем строительства коммунизма, а также по воспитанию гармонически развитой личности (в частности, КЛФ культивируют такие прогрессивные формы духовной деятельности, как нестандартное, оригинальное воображение).

<...>

19 марта Авторы заключают договор с издательством «Советский писатель» на издание сборника ЗМЛДКС.

И в тот же самый день, как выяснилось впоследствии, был подписан и начал своё движение по инстанциям следующий документ.

Записка Отдела пропаганды ЦК КПСС

Секретно
ЦК КПСС

О серьезных недостатках
в деятельности клубов любителей фантастики

Отдел пропаганды ЦК КПСС изучил деятельность клубов любителей фантастики, которые широко создаются в последние годы при обществе книголюбов, молодежных газетах, отделениях союзов писателей и журналистов,

библиотеках, домах культуры, школах, техникумах, вузах. Среди членов клубов — школьники, студенты, представители художественной и технической интеллигенции. В основном — это молодежь до 30 лет. Многие из них называют себя «фэнами», подражая членам подобных клубов в США и Англии, которые появились там еще в 50–60-е годы по инициативе фирм, издающих научно-фантастическую литературу. «Фэн-клубы» широко используются буржуазными идеологами для пропаганды антинаучных идей.

Появление клубов любителей фантастики в нашей стране объективно отражает большой интерес молодежи к научной фантастике. Ряд клубов помогает юношам и девушкам глубже ознакомиться с советской фантастикой, способствует развитию у них творческого воображения, стимулирует интерес к науке и литературе. Вместе с тем анализ показывает, что в их деятельности имеются серьезные недостатки.

У руководства некоторых клубов стоят люди, не имеющие ни соответствующих знаний, ни правильной политико-идеологической ориентации. Многие клубы создаются стихийно и действуют бесконтрольно. В них нередко изучаются произведения фантастики американских, английских, французских и других зарубежных авторов, в которых социальные проблемы трактуются в духе воззрений буржуазных философов.

В отдельных клубах практикуется перевод зарубежных книг, не издаваемых в СССР, наблюдаются случаи размножения и перепродажи этой литературы. Участники клубов создают собственные произведения фантастики, причем во многих случаях низкого идейно-художественного уровня. Часть из них публикуется в местной молодежной печати.

В нарушение положения о любительских объединениях городские клубы фантастики организуют свои филиалы в учебных заведениях, библиотеках, направляют в другие клубы различные материалы, выпускают рукописные журналы, информационные бюллетени. Без разрешения органов культуры они проводят диспуты, тематические вечера и спектакли на фантастические темы в крупных залах, школах,

пионерских лагерях. Вообще «выходу в массы», за пределы клуба, уделяется много внимания. Такая задача сформулирована в большинстве программ и уставов клубов, об этом постоянно пишется на страницах ряда комсомольских журналов и газет. Особую активность проявляют журналы «Техника — молодежи», «Литературное обозрение» и «Уральский следопыт» (г. Свердловск).

Имеет место попытка клубов любителей фантастики уйти из-под контроля органов культуры, профсоюзов и комсомола, вести свою работу без их ведома. По этой причине материалы, рассылаемые в другие клубы, часто направляются на домашние адреса, перечень которых постоянно публикуется в молодежных газетах и журналах. Не случайно иногда указывается и такой адрес для переписки: «Главпочтамт. До востребования».

Некоторые руководители «фэн-клубов» ведут переговоры о создании единого в стране методического центра, намереваясь сделать его самостоятельным. Так, в письме без подписи, разосланном во многие клубы, говорится: «Существует неприятная возможность навязывания съезду необходимости утвердить объединение КЛФ под лозунгами хоть и неплохими, но исходящими не от самих КЛФ, что означает подмену живого энтузиазма фэнов энтузиазмом казенным (энтузиазмом Павки, энтузиазмом нынешнего комсомольца)».

Свердловский, калининградский и ростовский клубы организуют всесоюзные и региональные семинары, нарушая установленный порядок участия самодеятельных коллективов в подобных мероприятиях. Так, в семинаре, проведенном в апреле 1983 г. в Свердловске журналом «Уральский следопыт» и клубом «Радиант», участвовали 35 клубов из 34 городов страны. В апреле с. г. вновь планировалось провести всесоюзный семинар в Свердловске.

Изучение показало, что некоторые профсоюзные и комсомольские комитеты, органы культуры, народного и профессионально-технического образования, вузы, отделения Всесоюзного добровольного общества любителей книги и Союза писателей СССР самоустранились от руководства

клубами любителей фантастики, не анализируют содержание их деятельности, не принимают необходимых мер по наведению в них должного порядка.

Отдел пропаганды ЦК КПСС провел совещание по данному вопросу с участием заинтересованных ведомств и организаций, на котором определены меры по упорядочению работы клубов любителей фантастики.

Министерству культуры СССР и его научно-методическим центрам поручено организовать методическое руководство этими клубами независимо от их ведомственной принадлежности.

Считали бы целесообразным рекомендовать ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам КПСС, Министерству культуры СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Минвузу СССР, Минпрому СССР, Госпрофобру СССР, Союзу писателей СССР, Всесоюзному добровольному обществу любителей книги:

— рассмотреть деятельность клубов любителей фантастики, устранить имеющиеся в их работе недостатки;

— отстранить от руководства клубами людей идейно незрелых, нарушающих Положение о клубах по интересам и любительских объединениях. Распустить те клубы любителей фантастики, деятельность которых наносит вред воспитанию молодежи;

— осуществить меры, исключающие нарушение клубами установленного порядка выпуска и распространения бюллетеней и других информационных материалов;

— определить, что клубы любителей фантастики могут проводить массовые мероприятия, семинары только под руководством органов культуры и профсоюзов.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС Б. Стукалин

Решение Секретариата ЦК по этой Записке было принято через месяц.

Выписка из протокола № 148 заседания Секретариата ЦК КПСС от 16 апреля 1984 года

Совершенно секретно

О серьезных недостатках в деятельности
клубов любителей фантастики

1. ЦК КПСС отмечает, что в деятельности возникших в некоторых местах клубов любителей фантастики проявляется ряд негативных моментов. Вследствие слабого контроля в них нередко пропагандируется западная фантастика, культивирующая буржуазную мораль и идеологию. Такого рода проявления недопустимы, они наносят вред воспитанию советской молодежи.

2. Поручить ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам партии, Министерству культуры СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ осуществить меры по упорядочению деятельности клубов любителей фантастики, нацеливая их на решение задач коммунистического воспитания молодежи, развитие интереса к науке, технике, формирование у нее непримиримости к буржуазной идеологии и морали, западному образу жизни.

3. Записку Отдела пропаганды ЦК КПСС по данному вопросу направить в ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы партии и соответствующие министерства и ведомства (прилагается).

Секретарь ЦК КПСС

А КЛФ пока еще живут в своем «реально-фантастическом» мире, собираются проводить семинары, слеты, встречи... О последствиях принятых в ЦК решений они узнают немного погодя.

Из: Биленкин Д., Войскунский Е. Фантасты встретятся в Тбилиси

По инициативе Тбилисского литературного клуба любителей фантастики «Фаэтон», функционирующего при Доме работников искусств, в 1983 году был объявлен Всесоюзный

конкурс на лучший научно-фантастический рассказ антивоенной тематики. 1–5 апреля в Тбилиси проводится Неделя научной фантастики, во время которой будут подведены итоги конкурса. В жюри конкурса входят популярные писатели-фантасты — Д. А. Биленкин и Е. Л. Войскунский. Ниже публикуется беседа с ними.

— Что бы вы сказали о проведенных двух семинарах молодых писателей-фантастов?

БИЛЕНКИН: Очень сильным был состав первого семинара. Большая часть разбиравшихся произведений либо уже опубликована, либо готовится к печати. Хочется выделить произведения М. Веллера, О. Корабельникова и, особенно, «Танцы для мужчин» В. Покровского. Второй семинар оказался не слабее. Приятно, что молодые писатели взяли на вооружение синтез различных жанров, разных художественных методов. Синтез, порождающий новое качество. Семинар открыл новые имена. Это Р. Арбитман (Саратов), Л. Козинец (Киев), Е. Филенко (Пермь), А. Столяров (Ленинград), В. Задорожный (Москва) и др.

ВОЙСКУНСКИЙ: Прежде всего хочу отметить прилив свежих сил в советскую фантастику. Открыл для себя ряд новых имен, имею в виду Б. Руденко, В. Рыбакова, А. Измайлова, пишущих серьезно, профессионально. Это и напряженный философский поиск, и попытки заглянуть в сокровенные глубины человеческого бытия.

<...>

— Назовите наиболее интересные, на ваш взгляд, произведения фантастики, появившиеся в печати за последнее время.

БИЛЕНКИН: «Жук в муравейнике» (братья Стругацкие), «Толстяк над миром» (В. Колупаев), «Перевал» (Кир. Булычев), «Лунная радуга» (С. Павлов), «Восстание супров» (В. Назаров), последние произведения В. Шефнера.

ВОЙСКУНСКИЙ: «Жук в муравейнике» (братья Стругацкие), «Люди кораблей» (А. Балабуха).

<...>

2 апреля киностудия им. Довженко направляет Авторам заключение сценарной редакционной коллегии и творческого объединения «Радуга» по литературному сценарию «Пять ложек эликсира».

Из архива. Заключение по ПЛЭ

Заключение СРК и ТО «Радуга»
по литературному сценарию «5 ложек эликсира»

Авторы А. Стругацкий, Б. Стругацкий
Режиссер Б. Ивченко

СРК и ТО «Радуга» рассмотрели литературный сценарий «Пять ложек эликсира».

Написанный в соответствии с заявкой, сценарий решен в жанре фантастики.

Исключительная ситуация столкновения современного писателя Феликса Снегирева с дожившими, благодаря волшебному эликсиру, до наших дней пятью мрачными призраками прошлого, дала возможность решать такие философские и морально-этические проблемы, как проблема бессмертия и права выбора его, несовместимости морали досоциалистических формаций с моралью человека социалистического общества.

Авторами проделана большая работа по реализации этого интересного замысла, однако сценарий еще нуждается в определенной доработке.

Слишком долго длится ввод в саму историю и непонимание Снегиревым реальности предложения бессмертия. Вероятно, предысторию столкновения Феликса с поэтом Курдюковым и дальнейших его поездок по городу следовало бы давать не ретроспективно, а в хронологическом порядке.

История же раскрытия тайны Источника и соблазнения героя бессмертием рассказана недостаточно убедительно. У всех пятерых не хватает доказательств прелести бессмертного существования, сообразующихся с сегодняшними

запросами героя, и поэтому в выборе Снегирева пока нет выстраданной убедительности.

В данной записи в личности каждого из пятерых бессмертных не хватает грозной опасности для Феликса, в связи с чем не возникает ощущения реальности его убийства.

Следует еще поискать более точное решение финала.

Срок представления сценария после первых поправок — 25 июня 1984 года.

Замдиректора по творческим вопросам, гл. редактор студии В. В. Сосюра

Худрук ТО «Радуга» Н. С. Ильинский

Гл. редактор В. П. Рыдванова

Директор ТО А. И. Винярский

Редактор Е. Г. Шандыбина

3 апреля АБС заключают договор с Московской киностудией имени Горького об уступке права экранизации «Стажеров».

А 5 апреля в газете «Кинонеделя Ленинграда» выходит интервью с БНом, где он размышляет о проблемах экранизации.

Из: БНС. Принцип Уэллса

<...>

Первая — проблема экранизации вообще, то есть адекватного переноса содержания литературного произведения на экран. И всегда хочется, чтобы от киноверсии той или иной книги, например «Войны и мира», оставалось такое же впечатление, как и от чтения романа. Но случается это крайне редко, обычно же возникает ощущение, что смотришь хорошие иллюстрации и не более...

Вторая проблема — специфическая для кинофантастики: создание антуража, потому что девяносто пять — и даже больше — процентов всех фантастических сюжетов, особенно, где речь идет о будущем, происходит на фоне новых и непривычных декораций.

И если первая проблема труднопреодолима в принципе, то со второй дело обстоит несколько лучше: наши последние

картины технически стали выполняться совершеннее, чем раньше, и, я думаю, через некоторое время мы догоним мировую кинофантастику, которая этот вопрос практически решила. Кроме того, наиболее талантливые режиссеры начинают понимать, что ставить фантастику нужно вообще без фантастического антуража.

— ???

— Вспомните фильм Стенли Крамера «На последнем берегу». Действие происходит в совершенно реальной обстановке, а впечатление от воссоздания будущего — в одном из ужаснейших его вариантов — очень сильное. Или вот у нас украинские кинематографисты сделали несколько удачных короткометражек по Брэдбери. Там артист Николай Гринько прекрасно играет человекоподобного робота, и без всяких технических ухищрений... Дело ведь не в них. Фантастика как вид литературы исследует — и это, так сказать, азы — отношения между человеком и человеком, человеком и обществом. Только у нее имеется специфический прием — введение в структуру произведения некоего фантастического допущения, играющего роль как бы приправы, делающей основное — реалистическое содержание — необычайным, острым, интересным. Почему нужен этот элемент вымышленного? А потому, что реалистическая литература не может исследовать, скажем, проблему контакта с иными мирами, так как его никогда не было.

— А если все-таки действие книги или фильма происходит на иной планете или же на борту космической станции — как тогда?

— И тогда принцип, о котором мы говорим — так называемый принцип Уэллса: всё абсолютно реалистично или правдоподобно, кроме одной детали, — остается в силе, хотя, конечно же, произведения с такой фактурой стоят несколько особняком. Главное в них — достоверность людей, их отношений, их языка, их пластики — должно подкрепляться убедительностью декораций. И если в некоем фильме мне выдают устаревший пульт электрохозяйства ЖЭКа за пульт космического корабля, то этот фильм уже сразу для меня наполовину перестает быть. Кинематограф вообще — искус-

ство, не терпящее фальши: здесь даже самая маленькая ложь автоматически разрастается до очень большой. Особенно грешат фальшью картины на фантастические темы. Сказывается нехватка вкуса их сценаристов и режиссеров, которые почему-то считают, что в этом жанре позволено всё делать наоборот. И появляются герои, которые не думают, а мыслят, не говорят, а произносят речи, не двигаются, а принимают позы... Нам показывают будущее, «светлое завтра», где действуют лучшие и даже самые лучшие люди, — но почему же всё так ходульно, так лживо, так неестественно? Именно нарушение принципа номер один — принципа достоверности — и превращает многие наши фантастические ленты, в лучшем случае, в средние картины для детского восприятия, которому главное — не художественность, а удивительные приключения...

— *А какими-то особыми качествами должны обладать люди, делающие кинофантастику?*

— Нет, конечно. Любой режиссер, имеющий вкус, может ставить фантастику — был бы он только заинтересованным и знал бы ее специфику (тот самый принцип достоверности!).

<...>

— *Мне кажется, что мечта космонавта Георгия Гречко, высказанная им некоторое время назад на страницах «Литгазеты», — увидеть экранизированными все произведения братьев Стругацких, еще не скоро осуществится...*

— Это дело кинематографистов. Мы же продолжаем работать: только что предложили киностудии имени Довженко новый сценарий под условным названием «Пять ложек эликсира»...

В начале апреля АБС снова встречаются в Ленинграде.

Рабочий дневник АБС

7.04.84
Арк приехал в Лрд. Работаем ВГВ.
Сделали 2 стр. (92)
Вечером сделали 3 стр. (95)

8.04.84

Что вызывает отвращение к Странникам:

1). Непрошенность. Никто их не звал.

2). Секретность, означающая, что их цели земляне либо не способны понять, либо не способны принять.

Сделали 7 стр. (102)

Вечером сделали 3 стр. (106)

9.04.84

Сделали 1 стр. (110)

Вечером сделали 2 стр. (118)

10.04.84

Сделали 3 стр. (124)

Вечером сделали __ (132)

11.04.84

Сделали __ (139)

Вечером сделали __ (145)

12.04.84

Сделали 1 стр. (151)

И ЗАКОНЧИЛИ 2-й ЧЕРНОВИК НА 151 СТР.

После библиотеки «покушения»:

1. Самосвал, спущенный с тормозов на горке, — врезается в ларек стеклотары.

2. Кирпич разбивает авоську с бутылками.

3. Вернувшись домой, обнаруживает шило в куртке.

Это — запугивание по приказу И. Д.

13.04.84

Для Лениздата:

зПвГ 11.0

ПнО 8.5

зМЛдКС 7.5

ВНМ 5.0

32.0

Написали письмо о Казанцеве и Роскомиздате.

После короткого перерыва АБС встречаются для правок сценария ПЛЭ.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Добавить:

1) Письмо Майки Максиму: возмущение по поводу книги «Величайшие из разведчиков»[1]

2) Чувство вины во все контакты Тойво после Б<ольшого> О<ткровения>.

24.04.84

Б. приехал в Мск доделывать 5ЛЭ-С.

Филдела.

25.04.84

Работали.

Ввечеру закончили переделки.

26.04.84

Разговаривали.

27.04.84

Б. уезжает.

Следующая встреча Авторов — вновь в Москве.

Рабочий дневник АБС

24.05.84

Б. приехал в Мск на ЭР–200.

25.05.84

Письмо Фляйшману. Разговор. Пацинко.

26.05.84

Правили ВГВ.

27.05.84

ЗАКОНЧИЛИ ОБРАБОТКУ ВГВ.

В Лениздат предложить ПНвС вместо УнС.

28.05.84

Ездили в В<неш>п<осыл>т<орг>.

[1] Вероятно, у упомянутой в ВГВ книги был следующий прототип: Wighton Ch. The world's greatest spies.— London: Odhams Press, [1962].

29.05.84
Получил от Арк<адия> 16 тыс. чеков.
Возвращено 2 тыс.
В долгу 14 тыс.
30.05.84
Б. занимается филателией. Гуляли.
31.05.84
Б. уезжает.

Три богатыря в Европе. Три утопии (крестьянская, купеческая и технократическая): рассуждения о будущем («Православие не удержится; куда там, капризны»).

4 июля в «Литературной газете» публикуется рецензия АНа на книгу Георгия Гуревича «Беседы о научной фантастике».

Из: АНС. Волшебный мир фантастики

Несколько лет назад в одном из залов Дворца пионеров, что на Ленинских горах, имело место собрание юных любителей научно-фантастической литературы. Зал был переполнен, шла оживленная дискуссия, задавались вопросы, высказывались мнения, раздавались азартные возгласы. Тройка известных писателей-фантастов, сидевшая в президиуме, откровенно пораженная эрудицией и страстностью школьно-пионерской аудитории, делала всё, что могла, и активно помогали ей сидевшие вперемежку с ними трое представителей взрослых поклонников научной фантастики — популярный публицист, крупный ученый и прославленный космонавт. И вдруг в передних рядах воздвигся длинноватый отрок с ехидно-настороженной физиономией и, дождавшись паузы, произнес ломающимся голосом:

— А вот у нас в школе наша учительница литературы нам заявила, что научную фантастику читают идиоты. Это как надо понимать?

Разумеется, все очень смеялись. А смеяться-то было нечего. Впору было пролить слезу.

Давно установлено, что в нашу эпоху, эпоху стремительных перемен, эпоху ежечасного вторжения призраков будущего в сознание миллионов, научная фантастика пользуется у массового читателя особенным вниманием — в частности, у школьников, которым предстоит жить и трудиться в весьма подвижном и изменчивом мире. Это факт, и никуда от него не денешься. И литературную фантастику позволяется не понимать и во всеуслышание хулить кому угодно, от продавца в пивном ларьке до поэта-передвижника, но только не педагогу, да еще московскому педагогу, да еще преподавателю литературы.

Так-то оно так, а с непониманием и неприятием научной фантастики, мало того — с открытой (правда, полуграмотной) пропагандой против фантастики, приходится сталкиваться очень часто — и в среде преподавателей литературы, и в среде работников школьных библиотек. И это не вина их, а беда — беда их и беда их подопечных, которых такая вот «контрпропаганда» дезориентирует, порождает в них неверные представления и вызывает ненужные мысли.

Как нам кажется, дело в том, что научно-фантастическую литературу, этот один из наиболее значительных видов мировой художественной литературы, не проходят не только в школах, но и в педвузах, и в библиотечных институтах и техникумах. Будь научная фантастика включена в официальные программы, ни одному педагогу, как бы он по личным своим вкусам ни отталкивался от нее, в голову не пришли бы высказывания о читающих «идиотах». Надо, однако, принять во внимание, что хотя о вкусах и не спорят, однако в основе такого органического, простите за выражение, отталкивания чаще всего всё же лежит обыкновенное и унылое невежество.

Так что же, требовать немедленного включения курса литературной фантастики в программы для словесников и библиотекарей? В идеале да. Но памятуя о всем известной расторопности и быстрой реакции Академии педагогических наук, полагаем мы нелишним позаботиться сейчас же хотя бы о «научно-фантастическом ликбезе», о популярном

литературоведении научной фантастики для преподавателей литературы, студентов педвузов, библиотекарей, да и для школьников тоже.

В этом отношении весьма удачным нам представляется начинание издательства «Просвещение», которое выпустило в прошлом году книгу известного нашего писателя — фантаста Г. Гуревича «Беседы о научной фантастике».

<...>

В «Беседах» всячески подчеркивается огромное тематическое, эмоциональное и целевое разнообразие научно-фантастической литературы. При этом, отдавая, видимо, себе отчет в «ликбезном» характере своей книги, автор снабдил ее чрезвычайно наглядной «Картой Страны Фантазий», на которую он даже нанес маршрут своих бесед, обозначив их номерами. Вся книга построена как путешествие по этой стране из области в область (читай: из одной тематической группы в другую), рассказывает при этом, какая система героев, какие задачи и сюжеты характерны для каждой тематической области, что в них наиважнейшее, а что второстепенное, где обязательна научная точность, а где допускаются всевозможные фантастические условности...

В качестве иллюстративного материала в конце книги помещен сокращенный вариант одного из лучших рассказов автора «Функция Шорина», а на третьей странице обложки дана схема исторических связей фантастики по эпохам с развитием производства.

Книга представляется нам весьма удачной и, надо полагать, принесет большую пользу, в первую очередь преподавателям литературы и работникам библиотек.

А тем временем за словами об «упорядочении деятельности клубов любителей фантастики» развернулась всесоюзная кампания по ликвидации или, в крайнем случае, взятию под надзор КЛФ. С некоторыми клубами расправлялись тайно, с другими — публично. Наиболее скандальным оказался разгон клуба в Николаеве. Андрей Чертков, широко известный ныне в издательском мире редактор, журналист и переводчик, тогда был не просто ошельмован этой статьей, но и вызывался на допросы в КГБ.

Шпаковский Н. Гадкий утенок

КЛФ «Арго». Это не моторная лодка, не мопед новой модификации и даже не стиральный порошок, а клуб любителей фантастики — общественная организация, о которой мало кто знал, ибо заметных и полезных действий за ней на наблюдалось. «Арго» — дитя городской организации общества любителей книги. Оно родилась от чрезмерной любви отдельных членов этого общества к НФЛ — научно- и ненаучно-фантастической литературе. Отцы справили дитяте родины, радуясь, что отныне можно отчитываться о наличии клуба читательских интересов, и подбросили свое недоношенное чадо в Дом культуры железнодорожников. Железнодорожники приняли «аргонавтов», как пассажиров: доедут себе до станции назначения и рассеются в толпе. Посему люди, которые по воскресеньям собираются в малом зале, не вызвали особого интереса тех, кто должен заботиться об эффективности культурно-массовой работы. А жаль. Публика собиралась весьма интересная — эрудиты в направлении развития современной техники, НФЛ, даже библии и йоги. Они бы могли без особой подготовки доказать, например, что на Марсе будут яблони цвести. Тем более, что цель «Арго» — пропаганда научно-фантастической литературы, развитие творческих способностей членов КЛФ, воспитание литературных вкусов у читателей.

Цель, конечно, благородная, но очень сомнительно, чтобы можно было достичь ее с помощью одной НФЛ, как это собирались делать «аргонавты». Ничего не имея против скромной роли фантастики в стимулировании творческих поисков, скажем, что таким стимулятором может быть не только НФЛ. Эйнштейн сознавался, что теорию относительности ему помогал создавать Достоевский — писатель критического реализма. А главное, подчеркнем, только тогда можно двигаться вперед и достичь положительных результатов, когда в голове — не мешанина материализма и мистики, а марксистско-ленинское мировоззрение, когда опорой служит наука наук — диалектика природы, общества и общественного

сознания. Это должен бы знать студент IV курса исторического факультета Николаевского педагогического института Андрей Чертков, энергично взявшийся руководить клубом «Арго». Но, как выяснилось на комсомольском собрании первичной организации, где состоял на учете Чертков, этот студент брал на лекциях знания будто напрокат, чтобы сдать экзаменаторам, а убеждения его формировали сомнительные дискомузыка и фантастика.

Выступая в роли пропагандистов фантастики и воспитателей хороших литературных вкусов, «аргонавты» забыли хрестоматийную истину о партийности литературы и пытались распространять любую писанину.

Отдельные члены клуба ударились в мистику — провозгласили образцом фантастики и прогностики... библию — книгу, которую еще французские просветители оценивали с позиции материализма, рассматривая ее как продукт определенной исторической эпохи.

Но что аргонавтам энциклопедист Дидро, что им Пушкин или Шолохов? Ничто. Фантастику давай! В поисках этого чтива А. Чертков связался письменно с другими КЛФ от Владивостока до Тбилиси. Выяснилось, что товар есть и можно обменять либо приобрести за наличные что угодно — от самиздатовской макулатуры до слайдов голливудской киномазни.

С этого времени деятельность клуба направлялась главным образом на приобретение того, чего нет на рынке, и окутывалась какими-то непонятными для постороннего человека тайнами, будто любители НФЛ чего-то боялись или стеснялись.

Глотая без разбора низкопробную фантастику, как рыба приманку, члены КЛФ считают, что нет ничего легче, чем писать фантастику. Садись за машинку и лупи по клавишам, как обезьяна, не задумываясь, куда тебя занесет. Буйная лошадка фантазии, не сдерживаемая четкими идейными убеждениями, носила их по таким мирам, что они забывали, к какому роду-племени принадлежат и перед кем до конца дней своих в неоплатном долгу.

«Легче быть нигилистом, чем активистом», — написал некто из любителей фантастики, будучи в состоянии эйфории после принятия какого-то фантастического наркотика. И это была не просто фраза, вызывающая здоровый смех у душевно здорового человека. Это становилось позицией отдельных членов КЛФ. А идейку вычитали в полученном по почте любовно оформленном буклете «Фотон» самиздатовского типа. Тут собраны «крылатые» слова любителей фантастики с претензией на сатиру и юмор. А чтобы ни у кого не возникало сомнений в сатирически-юмористическом направлении буклета, то подписали свое издание «Козьма Тихий». Но у Козьмы Тихого не хватает острого ума Козьмы Пруткова (литературный псевдоним сатириков А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых) и чувства юмора Йона Тихого — литературного героя фантаста Лема. От эклектического соединения несовместимых образов Козьма Тихий родился юродивым. И потому не стесняется обнародовать вот такие жемчужины души своей: «Не нужно ни водки, ни баб, я фантастике одной рад». И тут же, забыв о том, что он уже не мальчик и горло его привычно к крепким напиткам, Козьма Тихий переходит на детский лепет: «У Брэдбери под подушкой лежит сладкая ватрушка».

Маленького литературного идиота гладит по пустой головешке опекун и улыбается иронически: «Вот не знал, что Брэдбери так любит сладкое. К следующему дню рождения послать медовый пряник».

Так вот почему начали окружать мраком таинственности чуть ли не до шифровок свою деятельность «аргонавты». Они, видимо, догадывались, что нормальные книголюбы, воспитанные на лучших произведениях советской и мировой литературы, будут плеваться, услышав это. Какого же это фантастического навоза надо начитаться, чтобы дойти до такой духовной деградации, не скривившись, глотать такую гадость и при этом претендовать на роль воспитателя хороших литературных вкусов.

Мало того, создается впечатление, что отдельные «аргонавты» настолько ограничили себя фантастикой, что стали фантастически безграмотными во всех других отношениях.

Не имеет значения, что любит Брэдбери на десерт, а вот политические вкусы писателя, творчество которого берешься пропагандировать, надо знать обязательно.

Американский фантаст Рэй Брэдбери, которого собираются угостить медовым пряником, давно не тот, каким он был, когда писал «Плюс 400 по Фаренгейту» и «Марсианские хроники». Сейчас это перепуганный буржуа, которого переехала боевая техника военно-промышленного комплекса США. Буржуй верно служит своему классу, включившись в «крестовый поход» против коммунизма, упражняясь в фантастике на антисоветскую тематику. Писателя, переставшего мыслить диалектически, ожидает творческая смерть. Произведения, выходящие из-под его пера в период куриной слепоты, — мертворожденные и, мягко говоря, дурно пахнут. Но горе-книголюбы из «Арго» готовы нюхать что угодно, провозгласив: «Нет плохой фантастики, а есть плохие издатели, которые мало насыщают книжный рынок НФЛ». Это уже поклеп на Госкомиздат и отход от элементарной логики.

Нигде в мире не издается столько книг по количеству, по жанрам, по тематике, как в нашей стране, а книжный фонд библиотек области вдвое превышает фонд библиотек дореволюционной России. Нигде в мире нет столько домашних библиотек, как у нас, и фантастику покупают не только члены КЛФ. Последние в силу своего болезненного пристрастия сами же и создают ажиотаж вокруг НФЛ, выгребая из книжного рынка всё, что имеет какое-либо отношение к этому жанру. Не останавливает их также иноязычное издание. Слава богу, не при капитализме живем. Государство дало образование, чтобы можно было приобщиться к мировой культуре, понять и англичанина, и немца, и брата-славянина. Эти знания используются главным образом при переводах с других языков преимущественно фантастической макулатуры, плывущей к нам по морю-океану, едущей по железной дороге и автострадам в чемоданах неразборчивых туристов. Рукописи переводов продаются затем по спекулятивной цене от 10 до 30 рублей за экземпляр.

В спекуляции у наших «аргонавтов» твердые позиции. Некоторые любители фантастики до того набили на этом деле руку,

что загребают бешеные деньги. Только через клуб «Арго» реализовано этой самиздатовской литературы почти на 400 рублей.

Эти деньги пахнут криминалом, и не только как таковые, что нажиты спекуляцией. Совершено покушение на авторское право и гражданское достоинство писателей Стругацких. В свое время фантасты написали повесть «Гадкие лебеди». Критически оценив свой труд, они не стали публиковать его, считая, что их подстерегла творческая неудача. И вот в начале 70-х годов «Гадкие лебеди» неожиданно для писателей появились в грязном антисоветском журнальчике «Посев», соответственно препарированные в белогвардейском духе. Возмущенные авторы на страницах «Литературной газеты» дали решительный отпор наглой провокации, поскольку никому не разрешали распространять повесть.

Но любителям фантастики, которым нравится и чистоган, нет никакого дела до авторских прав и гражданского достоинства писателей. Скубут они «Гадких лебедей», аж перья летят. А выдрав те места, что так понравились антисоветчикам из «Посева», отдельные «аргонавты» смотрят на мир сквозь очки ископаемого белогвардейца.

Свой клуб любители фантастики нарекли «Арго» неспроста. Подобно легендарным древнегреческим мореплавателям, ходившим на корабле «Арго» добывать золотое руно, николаевские «аргонавты» пустились в сказочную страну Фантазию за золотом знаний, предвидений, гипотез. Но не подготовленный к такому путешествию экипаж во главе с, так сказать, капитаном А. Чертковым сбился с курса, и «Арго» выбросило на чужой берег просто в грязь.

Комсомольцы по заслугам оценили деяния А. Черткова. Он исключен из членов ВЛКСМ. А что делать с «Арго»? Можно, конечно, удалить его из очень тесных в очередях за книгами рядов книголюбов, дабы общество это спокойно почивало на лаврах.

С облегчением вздохнули бы и в обкоме комсомола, прикрыв эту лавочку, которая портит положительный отчет о сдвигах в воспитательной работе с молодежью в свете соответствующих решений.

Но, с другой стороны, тягу молодежи к знаниям, к новым формам работы нужно всячески поддерживать и стимулировать. Хотя, с третьей стороны, клуб все-таки надо бы прикрыть, потому что обидится городской комитет комсомола. В свое время сюда дважды обращались члены КЛФ «Арго», но юные руководители смотрели на этих чудаков, как на подкидышей. И если не преподать на примере «Арго» урока нравственности всем, кто желает нарушать спокойствие комсомольских руководителей, то, гляди, во дворе горкома комсомола снова объявится какой-нибудь гадкий утенок. Вырастет из него где-то в темном уголке гадкий лебедь, а спрашивать будут с горкома комсомола.

Запротестуют, смотри, против дальнейшего существования «Арго» отдельные преподаватели общественных наук, кураторы пединститута. Ведь это стыд какой, что у некоторых будущих учителей знания не становятся убеждениями и вырастают таковые Иванами, не помнящими родства.

Так что же делать с «Арго»?

***

Исчерпывающий ответ на вопросы идеологической и воспитательной работы в целом следует искать в решениях июньского (1983 года) Пленума ЦК КПСС. А в данном случае надо обратиться и к другому партийному документу большой глубины и силы — речи товарища К. У. Черненко на Всеармейском совещании секретарей комсомольских организаций. Константин Устинович подчеркнул: «Формы работы не могут быть застывшими, окостенелыми. Они нуждаются в постоянном развитии. Нельзя к тому же не учитывать и присущего молодежи стремления к новому».

Такой подход, такая позиция — гарантия того, что у нас не станет гадких утят, из которых могут вырасти вот такие гуси.

Статья о тбилисском КЛФ, подобная шпаковскому «Гадкому утенку», была опубликована в столичной «Комсомольской правде». К чести «Комсомолки» надо сказать, что вскоре она напечатала и негативные отклики на свой материал.

Протяните руку клубу

О «Гелиосе», тбилисском клубе любителей фантастики, шла речь в корреспонденции Б. Пилипенко и П. Квижинадзе «Меняю фантастику на детектив» («Комсомольская правда», 30 мая). Неизбалованный вниманием комсомольских организаций, замкнувшийся в узком мирке, клуб потерял четкую идейную ориентацию. Газета поднимала проблему: какими быть клубам любителей фантастики, кто должен взять над ними шефство, чтобы придать молодежному увлечению нужную направленность.

Именно на такой подход ориентирует комсомольские комитеты постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом в повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи»: «Важно, чтобы в свободное время юноши и девушки не предавались пустым развлечениям, чтобы все формы досуга способствовали их идейному обогащению, физическому развитию, выработке высоких культурных запросов и эстетических вкусов, приобщению к лучшим достижениям отечественной и мировой культуры. Не допускать, чтобы под прикрытием самодеятельных объединений в среду молодежи проникали аполитичность, безнравственность, слепое подражание западной моде».

ХОРОШО БЫ ПОЗНАКОМИТЬСЯ

Клуб любителей фантастики «Гелиос» и впрямь оказался на ложном пути со своими «секретными документами», тайными заговорами и прочей нелепой атрибутикой. Однако дело не только в нем.

На сегодняшний день в стране действует около сотни КЛФ. Но они разрозненны, зачастую ютятся в неприспособленных помещениях, испытывают недостатки в снабжении книжными новинками.

Думаю, клубное движение нужно организовать и придать ему нужную направленность. Проводить всесоюзные и республиканские фестивали фантастики. Возможно, издавать

специализированный журнал и на его страницах давать своевременную принципиальную оценку новым произведениям, активно вести контрпропаганду на этом, далеко не последнем по важности, участке идеологического фронта.

А. ЛУБЕНСКИЙ, председатель КЛФ «Параллакс». Черкассы.

ЗАИГРАЛИСЬ

С клубом «Гелиос» всё ясно: великовозрастные детки заигрались, утратив чувство реального.

Авторы статьи заканчивают статью упреком комсомольским органам Грузии в том, что оставили ребят без помощи. А как изменилось положение сейчас?

Чтобы оказать организационную, методическую поддержку КЛФ, разобраться в его проблемах, нужно хорошо знать фантастику, а главное — стоять на четких идейных позициях.

К примеру, в современной фантастике можно встретить чертей и ангелов, конец света и т. д. Всё это в большинстве случаев не более чем литературный прием, который сам по себе ни плох, ни хорош. Но при обсуждении на клубном вечере или диспуте достаточно чуть-чуть сместить акценты, допустить крохотную передержку, и в результате четкие идеологические критерии размываются.

Научиться видеть эту грань многим сегодняшним КЛФ не по плечу, пока каждый варится в собственном соку.

Нужен единый, постоянно работающий центр, как у множества других любительских организаций.

Д. ВОЙЦИК. Омск.

ОПЕРАТИВНЫ В ПЕРЕПИСКЕ

Мы поддерживали связь с КЛФ «Гелиос» более года, и у нас сложилось хорошее впечатление о нем. Ребята оперативны в переписке, охотно высылают свои материалы. Мы обсуждали статьи и рассказы тбилисцев на своих заседаниях, по сценарию одного из грузинских авторов готовим синтез-программу.

Поэтому были очень удивлены, прочитав материал «Меняю фантастику на детектив». Мы обращаемся с просьбой получше разобраться в ситуации, ибо речь идет о чести не только КЛФ «Гелиос», но всех любителей фантастики страны.

Члены клубов «Притяжение», «Лунная радуга», «Прометей». Башкирская АССР

У НАС, В «ВЕЛИКОМ КОЛЬЦЕ»

Публикация «Комсомольской правды» вызвала широкое обсуждение на заседании астраханского КЛФ «Лабиринт».

Ваша газета впервые посвящает деятельности молодежных клубов такой крупный материал, и он мог бы стать началом серьезного разговора. Однако вместо этого в нем подвергают критике клуб «Гелиос», говоря о каких-то «фэн-мальчиках» и «фэн-девочках». А ведь все КЛФ, входящие в систему «Великого кольца», четко и последовательно следуют принципу «Научная фантастика может и должна способствовать коммунистическому воспитанию молодежи».

О. БЕЛОВАЛ, П. ГОРЕВ, всего 12 подписей.

ЛЮБЯТ СТРАННОЙ ЛЮБОВЬЮ

Любовь к книге — любого жанра — должна утверждать в человеке самые лучшие качества. Почему же в иных клубах появляются сомнительные нравы?

Конечно, сама по себе книга здесь ни при чем. Нужно, чтобы руки, прикасающиеся к ней, были чистыми. Чтобы далекие от литературы люди не пытались под видом любви к искусству протаскивать чуждые нам взгляды.

Н. РЫЖИКОВА. Брянск.

ОТ РЕДАКЦИИ

Судя по откликам, газета подняла важную тему. Мы получили много писем от членов КЛФ, но ни одного из райкомов, горкомов комсомола... Неужели молодежных лидеров не интересует, чем заняты любители фантастики на своих

заседаниях, как им можно помочь? Особенно странно выглядит молчание Астраханского горкома ВЛКСМ и комсомольских комитетов Башкирии.

Какие произведения приходили из Грузии в адрес уфимского «Прометея», стерлитамакского «Притяжения» и других? Ефремова? Толстого? Братьев Стругацких? Да нет, собственные.

А сценарий? Познакомились ли с ним профессиональные литераторы, комсомольские работники?

В качестве принципа можно взять любые, самые замечательные слова, но ведь в данном случае члены клубов, связанных с «Гелиосом», читали не научную фантастику, а рассказы «оперативных в переписке» авторов, а это не одно и то же...

Смущает еще одна деталь. «Фэн-мальчики» из «Гелиоса» играли в «СС», «ФБР», в свержение шерифа. Здесь нечто новое — «Великое кольцо» — и стремление стать стеной на защиту одного из раскритикованных звеньев кольца.

Ждем откликов комсомольских активистов, читателей и действенного, неформального участия в работе клубов любителей фантастики.

Это лишь видимая часть айсберга действий тогдашнего государства. Были ли обыски? Были ли исключения из вузов? Об этом рассказывают представители Саратовского КЛФ.

Арбитман Р. О событиях 1984 года

Тревожный звоночек прозвенел для нас еще в начале 1984 года, когда в областной газете «Коммунист» (орган обкома КПСС) появилась статья «По обочине», посвященная страничкам фантастики в газете «Железнодорожник Поволжья». Поскольку я был инициатором, да еще и автором большинства материалов, я оказался и главным антигероем: мне досталось за то, что я ругал произведения Владимира Немцова (тогда как раз вышел двухтомник) и хвалил рассказы Бориса Штерна (у которого тогда никаких книг еще

не выходило — только журнальные публикации). Штерна в статье, впрочем, назвали Б. Шварцем, явно перепутав киевского фантаста с изобретателем пороха... Надо признать, особых административных последствий публикация для меня не имела: в деканат меня не таскали, на госэкзаменах (я заканчивал филфак) меня не срезали, и даже «Железнодорожник Поволжья», где страничку фантастики вынуждены были, конечно, прикрыть, по-прежнему меня печатал — хотя, конечно, теперь под разнообразными псевдонимами... Ну а главный скандал вокруг КЛФ развернулся летом, и я при нем не присутствовал, ибо находился на военных сборах. Позже мне рассказывали, что в ходе заключительного — перед каникулами — заседания нашего КЛФ «Отражение» пытались обсудить мое «персональное дело», раздавались возгласы «В наш клуб проник диссидент!» и тому подобное. Мои родители, от греха подальше, вынесли из квартиры и перепрятали все мои материалы, связанные с КЛФ, но никаких обысков в нашей квартире никто не производил. Правда — как выяснилось уже в начале 90-х — заполошные крики о «диссиденте» и конкретный «стук» одного из ветеранов нашего КЛФ (он уже умер, и я не стану называть его фамилию) свою роль сыграли. Пока я в 1984–1987 годах работал в сельской школе, я все-таки был «под колпаком» у наших безопасных органов: к директору школы примерно дважды в год приезжал из райцентра гэбист и расспрашивал, не веду ли я вражеской пропаганды в виде Клуба любителей фантастики. Поскольку о тайных визитах чекиста я ничего тогда не знал, то преспокойно завел в школе кружок любителей фантастики. Мы, например, с моими учениками читали «Жука в муравейнике» Стругацких (вернее, я читал вслух, ибо экземпляр был только один), а потом ребята делились своими мнениями о том, что же произошло со Львом Абалкиным. Цитаты из сочинений своих учеников по «Жуку...» я потом привел в статье «Фантастика и читатель» («Уральский следопыт», 1986, № 7). Времена уже наступали другие...

Роман тогда (к счастью) был на военных сборах, так что наблюдать весь этот паноптикум в Саратове пришлось одному мне. И принимать меры с сокрытием его архива на случай прихода с обыском — тоже мне.

По Саратову могу сразу сказать, что ни исключений, ни обысков не было — достаточно мерзкой говорильней на очередном заседании КЛФ всё началось и закончилось, дело было фактически спущено на тормозах (а что там происходило за кулисами, не знаю). В других КЛФ всё было гораздо страшнее и по размаху, и по последствиям. Взять хотя бы уже упомянутого Черткова...

Вообще было заметно, что, как и многие иные инспирированные «сверху» кампании, акция по вразумлению КЛФ проводилась в целом не столько для результата, сколько для отчета о проделанной работе. Поэтому проявления ее на местах сильно различались — и по степени рьяности власть предержащих и их добровольных помощников, и по тяжести последствий для уличенных в невосторженном образе мысли. Серьезно пострадали в основном те клубы, из которых волей случая успели сделать козлов отпущения в печати. Для многих любителей фантастики дело свелось к необходимости смиренно выслушать необходимую порцию идеологических нотаций, а в каких-то городах и вовсе ничего не произошло. Так или иначе, если даже задача «всех утопить» и подразумевалась, решена она не была. Уже к осени кампания пошла на убыль, хотя отвратительное послевкусие от этой вакханалии ощущалось ещё долго — и многими.

АБС же, активно поработав в первую половину года, этим летом отдыхают, набираются сил, общаются с киностудиями.

27 июня киностудия им. Довженко принимает второе заключение по сценарию ПЛЭ.

Из архива. Заключение на ПЛЭ

Заключение
сценарной редакционной коллегии
и творческого объединения «Радуга»
по литературному сценарию «Пять ложек эликсира»

Авторы А. Стругацкий, Б. Стругацкий
Режиссер Б. Ивченко

Сценарная редакционная коллегия и ТО «Радуга» рассмотрели литературный сценарий «Пять ложек эликсира», представленный авторами после выполнения первых поправок.

Авторы проделали значительную работу по реализации замечаний студии. В частности, переработано начало сценария, связанное с первой встречей Феликса с Курдюковым, дальнейшими его поездками по городу, необъяснимыми до поры до времени попытками покушений на его жизнь. Записанная в хронологическом порядке предыстория знакомства Снегирева с таинственной пятеркой способствовала более динамичному развитию действия до момента прихода «бессмертных» в квартиру писателя.

С началом развития событий в квартире Снегирева действие становится более вялым, хотя сам предложенный авторами ход содержит возможности его интересного решения. Пока в этих сценах не хватает реальной угрозы для жизни Феликса. До самого конца развития сюжета, на наш взгляд, будущего зрителя должно не покидать ощущение опасности, исходящей от пятерки, каждый из членов которой способен совершить убийство. Такое решение позволит сопереживать герою и привнести в повествование необходимую напряженность.

Принципиальным для студии остается вопрос о решении финальной части сценария, она должна быть определенной по гражданской позиции главного героя, пока же его тезис о безопасности для человечества существования Курдюкова,

Павла Павловича, Наташи, Клетчатого и Ивана Давидовича очень уязвим. Пороки, которые олицетворяет бессмертная пятерка, далеко не безопасны, т. к. мешают движению человечества вперед, отравляют нравственную атмосферу. Эту мысль, очевидно, и должен выразить главный герой.

Студия обращает внимание авторов на нежелательность включения в сценарий сцен, связанных с курением героев.

Срок представления сценария после выполнения вторых поправок 19 ноября 1984 года.

Главный редактор студии В. В. Сосюра

Главный редактор ТО «Радуга» В. П. Рыдванов

Директор ТО А. И. Винярский

Редактор Е. Г. Шандыбин

Письмо Аркадия брату, 14 августа 1984, М.— Л.

Дорогой Борик!

Принимая во внимание все обстоятельства, касательно наших отношений с позорной историей «совместный фильм» (в частности, отсутствие хотя бы единственного документа, фиксирующего наше в нем участие), предлагаю тебе «рыбы» для сношения с негодяями. У меня нет ни воли, ни решимости иметь с ними дело. Займись сам. Как ты решишь, так пусть и будет.

Я предлагаю два текста, которые можно выдать говенным нашим начальникам.

ТЕКСТ 1.

252057, Киев-57, Брест-Литовский пр., 34, к/с им. Довженко, Путинцеву А. Г.

Генеральному директору к/с им. Довженко

тов. Путинцеву А. Г. от писателей А. Стругацкого и Б. Стругацкого.

Уважаемый Альберт Григорьевич!

7 марта сего 1984 года по настоянию Госкино СССР мы подписали с вверенной Вам к/с им. Довженко договор о приобретении Вами права экранизации нашей повести «Трудно

быть богом» для создания на ее основе кинофильма в совместном производстве с иностранным продюсером.

С тех пор прошло более четырех месяцев.

По каким-то причинам, несомненно важным для Вас, за эти четыре месяца Вы этот договор так и не подписали.

Нас это вполне устраивает.

ВААП нас поддержал.

Выраженный в этой форме отказ от выполнения п.п. 2, 4, 5 договора дает и нам право отказаться от выполнения подписанных нами обязательств.

Настоящим сообщаем Вам, что считаем наши подписи под договором от 7 марта 1984 года, а следовательно, и сам договор — недействительными.

С уважением, А. и Б.

ТЕКСТ 2.

103877, Москва, М. Гнездниковский пер., 7. Госкино СССР. Костикову П. К.

Заместителю Председателя Госкино СССР

тов. Костикову П. К.

от писателей А. Стругацкого и Б. Стругацкого

Уважаемый Петр Кузьмич!

К сожалению, Вы не сочли нужным ответить нам на письмо от 28 июня.

С тех пор положение не изменилось. Договор с к/с им. Довженко о приобретении права экранизации нашей повести «Трудно быть богом» остался НЕподписанным (пошел тому пятый месяц).

Будучи лишены таким образом прав, вытекающих из п.п. 4 и 5 договора, мы больше не можем рисковать своим добрым именем советских писателей и авторов повести и поэтому расторгаем упомянутый договор по праву, гарантированному нам ВААПом.

Копию письма на к/с им. Довженко прилагаем.

Сообщать ли об этом обстоятельстве г. Фляйшману — оставляем на Ваше благоусмотрение. Со своей стороны мы сообщим ему об этом при первом удобном случае.

С уважением, А. и Б.

Напоминаю о статьях договора:

п. 2 — гонорар 5000 р.

п. 4 — обязательство студии сохранить идейный замысел и художественное своеобразие и ознакомить Автора с лит. сценарием не позднее 30 дней до запуска в производство...

п. 5. В случае нарушения Студией... Автор вправе запретить использование произведения на ЛЮБОЙ стадии производства кинофильма.

Напоминаю: для Фляйшмана ТББ не защищенная вещь. Для Совинфильма — защищенная.

Всё.

Сдаю тебе это хозяйство. Делай, как хочешь.

Твой Арк.

Это последнее письмо из переписки АБС. К этому времени Авторы, обзаведшись домашними телефонами и дождавшись должной устойчивости телефонной связи между городами, предпочитали обмениваться новостями и идеями устно. К сожалению. Ибо телефонные разговоры материальных следов, как правило, не оставляют.

С 31 августа по 24 сентября АН с супругой и Ткачевыми отдыхает в Пицунде. Мариан Ткачев позже вспоминал.

Из: Ткачев М. Об Аркадии Натановиче Стругацком

<...>

Среди самых отрадных дней нашего дружества — совместная семейная поездка в литфондовский Дом творчества в Пицунде. На начало ее пришлась знаменательная, как пишут панегиристы, дата — день рождения АН. Не желая омрачать праздничные встречи долгой ездой в раскаленном от зноя железнодорожном вагоне, АН с женою своей Еленой Ильиничной и внуком Ваней вылетел к месту самолетом. А мы с женой, имея при себе соответствующий запас спиртного и всяческие жаростойкие изделия домашней кухни, кондитерские изделия и прочие деликатесы, поехали поездом. Без ложной скромности свидетельствую: количество и качество экзотических напитков и несравненных яств наш

АН (АН здесь не просто инициалы Аркадия Натановича, но и принятое между нами обозначение с помощью первой и последней букв имени «Амфитрион». Оно для нас символизировало через Мольера и Пушкина прежде всего радушного, щедрого, изысканного гостеприимца) признал достаточным и восхитительным. Через несколько дней прилетела из Москвы дочь АН, Мария Аркадьевна, и доставила накопившуюся почту. Среди деловых и дружеских писем попадались также поносные цидулки — «доброжелатели» АН не дремали. Но золотое солнце, ласковые воды Понта Эвксинского, приятное общество заставили АН забыть враждебные выходки. Он плавал в волнах, потом сидел в тени под навесом, принимая от удрученных соседей заявки на подъем со дна морского оброненных и утерянных предметов: очков, резиновых тапочек, шапочек и проч. Дело в том, что у меня были маска и ласты, и я за это оказался произведен в ЭПРОНы[1]. Однако за наши чрезвычайные услуги никто не наливал нам пенистых кубков, не баловал нас, и мы с АН решили дело прикрыть. Последним заходом я случайно извлек из пучины никем не востребованную вставную челюсть. АН прикрепил ее к гвоздю, торчавшему из столбика от навеса. Она походила на дар ex voto. К утру челюсть исчезла. «Нашла хозяина», — сказал АН.

Отрадны были наши поездки в автобусе на городской рынок. Правда, АН ревновал: отчего это продавцы вина и чачи первому предлагают свои услуги мне, а не ему. Мы забредали в окрестные харчевни, случалось, достигали и птицефермы, где веселые поварихи, не ведая о генераторах инфракрасных лучей, готовили дивный гриль. Нам оставалось только запить его красным вином. Плоды садов и бахчей украшали стол. И даже гул сверхмощного кондиционера в доме отдыха «Правды» не омрачал нашей неги и редких творческих порывов. Для полноты счастья нежданно-негаданно завернул к нам погостить на своих «Жигулях» мой одесский кузен Олег с семейством. АН очень его жаловал и любил беседовать

[1] Ранее существовавшая в СССР организация — Экспедиция подводных работ особого назначения.

о дальних морях и промышленном лове рыбы (Олег плавал механиком по судовой автоматике на «Востоке»)...

Мы с АН пошли к морю. Там какие-то добрые люди сложили из каменных плит стол и сиденья. Откупорили бутылку марочного коньяка «Одесса», подаренного моим кузеном. АН похвалил коньяк. «Не зря, — сказал он, — Бунин где-то хвалил одесский коньяк. Там еще до революции был знаменитый коньячный завод». — «И не один, — уточнил я, — “Золотой колокол”, “Эльман, Рейфман и Компания”»... Помолчав, заговорили о том, что надо бы снова учинить столь же прекрасные вакации. Сделать их тоже «традиционными». Только ничего из этого не вышло... <...>

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]
Понять — значит упростить.
Дмитрий Строгов
3.09.84
Б. приехал в Мск, главным образом, за чеками.
Чеки получили.
4.09.84
Едем получать иноязычные экзы.
Получили.

3 сентября киностудия им. Довженко информирует Авторов.

Из архива. Письмо БНу из киностудии им. Довженко

Уважаемый Борис Натанович!

В связи с тем, что Ваш сценарий «Пять ложек эликсира» направлен на специальную консультацию в институт философии АН УССР, заключение студии будет отправлено Вам по получении спецконсультации, вместе с копией заключения института философии.

С уважением
Директор киностудии А. Г. Путинцев

8 сентября в интервью газете «Молодежь Эстонии» Аркадий Вайнер дает «утечку информации» о замысле «повести вчетвером».

Из: Вайнер А. Двое среди читателей

<...>

— *И все-таки, как вы работаете вдвоем?*

— Вопросик!..

— *Неоригинальный?*

— Скажем так: традиционный. Нам его задают довольно часто. Сначала мы шли по пути наименьшего сопротивления — следуя традициям Ильфа и Петрова, отшучивались. Братья Стругацкие, например, отвечая на аналогичный вопрос, говорят: «Борис лежит на диване и гладит кошку, а Аркадий в это время как бешеный стучит на машинке».

А вообще-то у нас всё выглядит примерно так: вначале мы составляем подробный и обстоятельный план. Вместе. В муках рождается оглавление, после чего каждый из авторов берет себе определенную главу. Работаем порознь. Затем передаем друг другу написанное и подвергаем уничтожительной правке (благо, не свое) с тем расчетом, чтобы потом самый свирепый критик казался бы ангелом...

<...>

— *Над чем вы работаете сейчас?*

<...>

— ...сейчас пишем книгу в необычном для нас жанре: фантастический детектив. Или детективная фантастика. Пока не могу сказать, что из этого получится, но твердо знаю: фантастическая часть книги будет написана талантливо, остроумно, чрезвычайно интересно.

— *Аркадий Александрович!..*

— Не пытайтесь обвинять меня в нескромности. Секрет в том, что фантастику пишут братья Стругацкие. Это — наша совместная работа...

<...>

15 сентября БН в письме Роману Арбитману перечисляет замечания по присланной им своей дипломной работе.

Из архива. Письмо БНа к Р. Арбитману

Дорогой Роман!

Я сильно задержался с ответом, простите, ради бога.

Вашу работу прочитал я с большим интересом. Спасибо. Сколько-нибудь серьезных замечаний у меня нет, есть несколько, так сказать, примечаний, которые, возможно, понадобятся Вам когда-нибудь или будут просто любопытны.

1. К стр. 39. Не помню, писал ли я Вам раньше, что изначально «Отель...» назывался «Дело об убийстве» и имел подзаголовок «Еще одна отходная детективному жанру». Ни название это, ни подзаголовок никому (из редакторов) не нравились, так что в первозданном виде эта повесть вышла только, кажется, в Польше.

2. К стр. 44. Почти никто из критиков не замечает, что Аполлон в первую очередь человек жалкий, в смысле достойный жалости, а уже потом — мещанин, обыватель и т. д. Попробуйте перечитать повесть с этой точки зрения, обратите внимание, какая поганая жизнь была у этого человечка, а ведь он никогда и никому не желал зла!

3. К стр. 64. Сходство старца Теофила с Воландом, безусловно, совершенно случайное. В то время мы еще не читали «Мастера...», да и существа это принципиально разные.

4. К стр. 68. Более удачливый наблюдатель мог бы заметить, что практически ВЕСЬ французский лексикон Выбегаллы взят именно из «Войны и мира». Профессор читал это сочинение и, надо полагать, в известном смысле даже изучал его.

Спасибо за внимание к нашей работе.

Желаю Вам удачи,

Ваш [подпись БНа]

Собираются издавать АБС в Латвии. 18 сентября из рижского издательства «Лиесма» пишут.

Из архива. Письмо АНу из «Лиесмы»

Уважаемый Аркадий Натанович!

Сообщаем Вам, что посланные Вами повести «Улитка на склоне» и «Пикник на обочине» мы получили. Большое спасибо! Теперь, опять же с Вашей помощью, надеемся получить согласие «Советского писателя» на издание этих работ у нас, в издательстве «Лиесма», в 1986 году.

С благодарностью за содействие и помощь

Зав. редакцией изданий на русском языке Д. Натыня

Сохранился черновик ответа БНа от 6 октября.

Из архива. Письмо от БНа в «Лиесму»

Уважаемая Дина Иогановна!

Ваше письмо мы получили. Однако нам, к сожалению, пока не удалось добиться у руководства «Сов. пис.» разрешения на публикацию нашей повести «ПнО» где бы то ни было до 1987 года в связи с тем, что «Сов. пис.» планирует второе издание этой повести.

Поэтому, видимо, следует подумать о замене ПнО в Вашем сборнике другой повестью. Мы, со своей стороны, предлагаем на выбор наши повести ПкБ (6 а. л.), ДР (7 а. л.) и СоТ (6 а. л.). Они написаны примерно в то же время, когда и УнС, и давно не переиздавались.

С уважением

Тут же на черновике пометка БНа: «7.12.84 — договорились: УнС+ПкБ+(ЧП+НнМ) план 1986 г.»

Собираются издавать АБС и в Белоруссии.

Из архива. Письмо к АБС из «Юнацтва»

Уважаемые Борис Натанович и Аркадий Натанович!

В 1986 году издательство «Юнацтва» планирует переиздание Вашей фантастической повести-сказки «Понедельник начинается в субботу».

Просим подписать договор (4 экз.), заполнить учетную карточку и выписку из паспорта (2 экз.), подготовить 2 идентичных экземпляра рукописи и выслать всё для дальнейшего оформления по адресу: 220600, г. Минск, проспект Машерова, 11, издательство «Юнацтва», редакция литературы для детей среднего школьного возраста, к. 1203.

Ст. редактор Панизник С. С.

Главный редактор Е. Коршуков

Новые издания и кинофильмы пока что в планах. А вот премьеры двух театральных постановок уже прошли. В Мурманске — ОУПА.

Никитин В. Фантастика в огнях рампы

Популярность научно-фантастических произведений бесспорна, а имена Аркадия и Бориса Стругацких считаются у любителей этого жанра в достаточной степени авторитетными. Любое их произведение насыщено необычными ситуациями, парадоксальными совпадениями, что, конечно же, представляет особую сложность при сценическом воплощении.

И вот в Мурманском областном драматическом театре появляется спектакль «Отель “У погибшего альпиниста”», поставленный В. Пази. Уже само решение такой постановки наложило на режиссера вполне определенные трудности: следовать абсолютно точно повести или попытаться создать самостоятельное произведение. Режиссер принял второй вариант.

Спектакль, по сути своей, очень театрален, буквально во всем — и в игре актеров, и в режиссерских приемах. Действующие лица инсценировки откровенно разыгрывают друг друга, а заодно и зрителей.

Уже первая встреча Петера Глебски (А. Рахманов) и хозяина отеля Алека Сневара (засл. арт. РСФСР О. Лелянов) словно предлагает зрителям включиться в игру. Нарочито условны комната погибшего альпиниста, его трубка, портрет. Эти «бесценные» реликвии не раз обыгрываются в ходе

действия. Хозяин отеля и его обитатели намеренно разыгрывают друг друга. Стараясь скрасить скуку ничегонеделания, придумывают несуществующий призрак. Пугают друг друга, заранее предвидя результаты.

Все обитатели отеля в достаточной степени экстравагантны в поведении, в облике. И актеры стараются сыграть их с изрядной долей гротеска. Таков Симон Симонэ В. Стоменка. Но этот внешний налет слетает, как шелуха, когда ему приходится принимать серьезные решения. И обнаруживается под личиной шутника личность неординарная.

Из общего ансамбля выделяется своей приземленностью Петер Глебски. По замыслу режиссера он становится эталоном здравого смысла и служебного долга. Он своего рода усредненная модель человека, действия которого изначально запрограммированы окружающей жизнью. Именно из-за него, из-за его запрограммированности и происходит трагедия.

В. Пази использует в спектакле порой чисто кинематографические приемы, соотнося их с театральной условностью. Оригинально решена сцена бала. В рваных движениях танца мечутся по сцене обитатели отеля. И вдруг словно стоп-кадр — они замирают на своих местах. Память Петера фиксирует отдельные моменты, вырванные из происходящего. И опять герои движутся в танце. А Глебски снова и снова анализирует происходящее. На заднем плане пробегают два одинаковых человечка. И трудно понять, кто из них кто. Ибо фантом и живой человек одинаковы не только по облику, но и по своей сути. Тот и другой заранее смоделированы. Только один — всей своей жизнью, второй — волей пришельцев из другого мира.

Проводится параллель между существами из внеземелья, надевшими маски людей, и людьми, которые надели на себя маски по своей воле. Но если пришельцев можно оправдать, то землян остается только пожалеть.

Ведь в сущности так мало разницы между Брюн (Л. Поволоцкая) и Олафом (Л. Ниценко), между Кайсой (Л. Блинова) и Ольгой (засл. арт. РСФСР К. Белова). И актеры

справляются со своей задачей, намеренно гиперболизируя необычность своих героев.

Несмотря на нарочито условную ситуацию, режиссер затрагивает и вполне серьезную проблему, проблему ответственности каждого за происходящее.

«Отель “У погибшего альпиниста”» — первая попытка в создании чисто театрального действия, соотнесенного с законами жанра. И она, безусловно, состоялась.

А в Москве, в Центральном детском театре — «Малыш».

Перов А. Цветные мелодии Космоса

Они входили в помещение, устраивались в креслах и замирали в ожидании. Какая она, эта планета? Что ожидает их здесь? Всплески неизвестного свечения, возникающие из ниоткуда клубы дыма, переливающиеся всеми цветами радуги; наконец, голос самой планеты — живой, необычный, еще никем и нигде не слышанный...

Итак, на столичной сцене впервые — фантастика братьев Стругацких. Не фантастическая сказка — подобное уже было, — а фантастика серьезная, принадлежащая перу известных и любимых авторов. «Малыш». И впервые в нашей стране оформление театрального действия решено с помощью совершенно новых средств. Поэтому пусть вам не покажется странным, что сегодня мы расскажем именно о тех, кто помог театру в работе над созданием образа, атмосферы спектакля.

Постановщик — главный режиссер Центрального детского театра Алексей Владимирович Бородин — пригласил молодого композитора Михаила Чекалина, работающего в области электронной музыки, звукорежиссера Игоря Замараева, художника-дизайнера Сергея Дорохина и студента физфака МГУ Дмитрия Чекалина, которые совместно с художником Стасом Бенедиктовым взяли на себя оформление спектакля.

— Фантастика — жанр для театра чрезвычайно сложный, — говорит Михаил Чекалин. — Если кинематограф располагает массой видеосредств, трюков, возможностей для создания зрительного образа, то театр — это действо, совершающееся непосредственно в присутствии зрителя, и «обмануть» здесь куда труднее. Поэтому вместе с главным режиссером мы решились на эксперимент...

Михаила Чекалина и Сергея Дорохина уже давно связывает идея изучения комплексного восприятия зрительного и слухового ряда, его воздействия на человека. И работа над постановкой «Малыша» дала им возможность продемонстрировать полученные результаты.

— Мы постарались создать даже не столько оформление, сколько, если можно так выразиться, среду обитания актеров и зрителей, — продолжает Михаил. — Пьеса — очень «текстовая», и нам нужно было как можно более ярко выразить в этой среде фантастичность происходящего. Я, как композитор, воспользовался для этого созданием фонограммы, записанной совместно с Игорем Замараевым при помощи сложной электронной аппаратуры, преломляющей, например, живой человеческий голос, придающей ему массу необычных оттенков. Вводил в звуковой ряд спектакля, помимо традиционно звучащих мелодий, приемы, способствующие возникновению опять-таки единой аудиосреды. А задумывалось всё это в тесной связи со световыми и цветовыми эффектами. То есть с видеосредой.

Сейчас на сцене (особенно эстрадной) никого не удивишь дымами и лазерами. Но вот цветокинетической установки, подобной той, которую собрали и использовали в «Малыше» Сергей Дорохин и Дмитрий Чекалин, вы не увидите нигде. Да и принцип использования лазеров и дымов в спектакле совершенно отличается от эстрадного. Все внешние эффекты здесь органично сливаются с драматургией, режиссурой и образом спектакля.

— Спектакль адресован главным образом детям, подросткам, — продолжает Чекалин. — А ведь они очень чутки к любой фальши, натяжкам. Подростку можно сто раз

повторить, что он находится в космосе, но пока он не почувствует этого, успеха не будет. Синтез «космической» музыки и цветокинетики помог нам избежать рисования космоса на картоне и холстине.

— Значит, вы считаете, что электроника и оптическая физика скоро займут полноправное место среди средств театральной выразительности?

— А почему бы и нет? Потрясло же когда-то современников первое выступление струнного квартета — оказалось, что музыка может быть удивительно многоголосой. Скрипка плюс скрипка — новая эпоха в музыке. Так, может быть, электронная фонограмма плюс цветокинетическая установка — новый шаг в создании образа и атмосферы спектакля?

Во всяком случае, первый опыт вполне можно признать удачным: премьера «Малыша» прошла в ЦДТ с аншлагом, а это значит, что юные зрители поверили в космос, созданный режиссером, композитором, дизайнером и физиком и населенный любимыми фантастическими героями.

25 октября АБС заключают договор с минским издательством «Юнацтва» на издание ПНВС.

2 ноября киностудия им. Довженко отправляет Авторам заключение по ПЛЭ.

Из архива. Письмо БНу из киностудии им. Довженко

Уважаемый Борис Натанович!

Направляем Вам для ознакомления копию заключения СРК[1] и ТО «Радуга» на литературный сценарий «Пять ложек эликсира».

Приложение: спец. заключение Института АН УССР.

Директор киностудии [подпись] А. Г. Путинцев

[1] Сценарно-редакционная коллегия.

Из архива. Заключение на ПЛЭ

Заключение СРК и ТО «Радуга»
по литературному сценарию «Пять ложек эликсира»
Авторы А. и Б. Стругацкие
Режиссер Б. Ивченко

22 ноября 1983 г. на основе представленной заявки «Пять ложек эликсира» студия вступила в договорные отношения с авторами А. Стругацким и Б. Стругацким на написание литературного сценария того же названия. (Типовой сценарный договор 39/120, заключение студии от 22.11.1983 г. № 02–05–261).

СРК студии и ТО «Радуга» рассмотрели представленные варианты сценария и в заключениях от 2.04.84 г. № 02–07–68/69 и от 27.06.84 г. № 02–08–139, отметив определенную работу, проделанную авторами, указали на необходимость внесения в сценарий серьезных поправок, касающихся четкого определения гражданской позиции главного героя, развенчания далеко не безопасных для общества пороков бессмертной пятерки. Ряд замечаний касался концепционного и сюжетного решения сценария.

3 сентября 1984 г. вариант сценария после выполнения вторых поправок был направлен на специальную консультацию в Институт философии АН УССР (согласно примечанию п. 6 Типового сценарного договора). В заключении консультанта Института философии АН УССР, члена-корреспондента АН СССР номер ин-та 124/852 от 10.10.84 т. Шинкарука В. И. (регистрационный и рег. номер СРК студии 02–08–144 от 18.10.84 г.), указывалось, что, по мнению института, «делать фильм на основе данного сценария не следует. В нем неизбежны идейно-нравственные просчеты».

Студия, констатируя творческую добросовестность авторов на всех этапах работы над сценарием «5 ложек эликсира», в то же время вынуждена признать нецелесообразным продолжение работы над ним по идейно-художественным мотивам, прекратив договорные отношения с авторами

А. Стругацким и Б. Стругацким согласно п. 10 Типового сценарного договора. Затраты на выданный авторам аванс списать за счет резерва на сценарный отсев.

Зам. директора по творческим вопросам, гл. редактор студии В. В. Сосюра

Гл. редактор ТО «Радуга» В. П. Рыдванова

Директор ТО «Радуга» А. И. Винярский

Член СРК, редактор сценария Е. Г. Шандыбина

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
о литературном сценарии «5 ложек эликсира» Аркадия Стругацкого и Бориса Стругацкого

В сценарии сделана попытка художественно осмыслить и наметить решение исключительно важных философско-нравственных проблем смерти и бессмертия, права на бессмертие, несовместимости морали социалистического коллективизма и частнособственнического индивидуализма. Однако способ постановки и художественного решения этих проблем в литературном сценарии вызывает, по меньшей мере, серьезные недоумения:

1. Предложенный в сценарии способ достижения личного бессмертия, конечно же, относится к области фантастики, но почему авторы берут его не из арсенала науки (напр., идеи академ. В. М. Глушкова), а из донаучных (сказочных) представлений («эликсир бессмертия»)?

Для современного зрителя переход от тайн, «сверхсекретных» изысканий некоего научного учреждения к открытию сказочного «Источника эликсира», сделанному некоторыми лицами 500 и более лет назад, право же, не вкладывается в рамки никакого здравого смысла, разрушает художественность вымысла.

2. Действительно важная и сложная проблема смерти и бессмертия поверхностно сведена к борьбе нравственно живого и нравственно мертвого, притом таким образом, что нравственно мертвое, обреченное на нравственное небытие (антиподы социалистической нравственности) живет

только благодаря «эликсиру жизни» и то только в «пяти лицах».

Но зачем обращаться к этому «эликсиру», если такого рода лиц еще, к сожалению, у нас предостаточно и без «эликсира бессмертия»? И наш кинематограф раскрывает борьбу с ними в реальных конкретных ситуациях весьма успешно.

3. Художественный прием консервации и стагнации выведенных отрицательных качеств личности через «эликсир жизни» в сценарии противоречит «современности» героев эликсира. А в научном отношении выглядит абсолютным абсурдом, т. е. за пределами фантастики.

4. «Драматические» ситуации вокруг «секретного лекарства», тайн некоторого научного учреждения художественно слабы и с точки зрения реализма изображений нашей социалистической действительности «дурно пахнут».

Общий вывод: делать фильм на основе данного сценария не следует. В нем неизбежны идейно-нравственные просчеты.

верно: Шинкарук В. И., член-корреспондент АН СССР

На заключении Шинкарука пометка БНа к пунктам: «Противоречит 2 и 3. Ничего не понял — 4».

АБС продолжают работать, а в это время возникают очередные слухи.

Происхождение еще одного документа поясняет Роман Арбитман.

Арбитман Р. Пояснение, октябрь 2008

Что касается письма АНа («Оба Стругацкие живы и здоровы...»), то его инспирировал, насколько я помню, Лубенский из Черкасс (мол, редактор не печатает его материал о АБС на том основании, что братья умерли; Андрей просил у классиков опровержения этих слухов). Публиковал ли Андрей потом это факсимиле, я не знаю.

Документ представляет собой ксерокопию одной стороны почтовой карточки, где почерком АНа написано:

Из архива. Письмо АНа в издательство

Ни один из братьев Стругацких не умер.
Оба живы и здоровы, чего и желаю всем в редакции.
[Подпись АНа]
21.10.84
Москва

Позже, когда АНа смерть всё же настигла, многие из имевших такую ксерокопию (вероятно, она распространялась по КЛФ) вывесили ее у себя над рабочими столами — смерти вопреки.

21 ноября АБС получают телеграмму от издательства «Советский писатель»: «СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ ВЫХОДОМ КНИГИ ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ ДО КОНЦА СВЕТА ЖЕЛАЕМ ДАЛЬНЕЙШИХ ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ СЧАСТЬЯ ЗДОРОВЬЯ= ЕРЕМЕНКО БУЗЫЛЕВ НЕМЧЕНКО».

На три дня АБС встречаются в Москве.

Рабочий дневник АБС

29.11.84
Б. приехал в Мск по поводу статьи для ЛитГаз.
1. Чтение — как одно из духовных наслаждений.
2. Чтению надобно учить, а школа отвращает.
3. Что читать? Издательская политика.
30.11.84
Написали письмо по поводу сценария ТББ.
1.12.84
Б. уезжает.

В конце года выходят две статьи АБС. 5 декабря в «Литературной газете» публикуется ответ АНа на вопрос редакции о прочитанных им в детстве книгах (см. НС–5, с. 20–21). Декабрьский номер «Декоративного искусства СССР» публикует рецензию АБС на книгу Бориса Бродского «Жизнь в веках: Занимательное искусствознание» (М.: Сов. художник, 1983).

В этом году в «Советском писателе» у АБС выходит книга ЗМЛДКС, включающая, кроме заглавной повести, ПНО и ТББ.

«Знание — сила» публикует рассказ С. Ярославцева ПЖНВ, а «Уральский следопыт» под тем же псевдонимом — третью часть ЭВП.

Вышедшие в периодике произведения Ярославцева множат слухи о псевдониме АБС. И вот уже один из составителей данного издания не находит ничего лучшего, как послать прямолинейный запрос (является ли Ярославцев Стругацкими) в журнал «Знание — сила». И вскоре получает ответ.

Из архива. Ответ из «Знание — сила» на вопрос о псевдониме «Ярославцев»

Уважаемый тов. Бондаренко!

К сожалению, редакция не имеет права раскрывать псевдонимы, иначе публикация под псевдонимами потеряла бы всякий смысл.

С уважением Е. Щикина, отв. секретарь

Из чего, конечно же, делается вывод, что Ярославцев — это АБС, иначе с чего бы скрывать?

В этом году вышел перевод средневекового японского романа «Сказание о Ёсицунэ», которым АН заслуженно гордился. К сожалению, ему не удалось под одной обложкой с романом опубликовать свое предисловие к нему — чиновники из «Художественной литературы» не приняли яркий, нестандартный текст, столь мало похожий на шаблонные предисловия. (Как помнит читатель, в томе Акутагавы в БВЛ подобная — демонстративно неакадемическая — статья АНа все же увидела свет.) И «Три подвига японского Суворова» удалось опубликовать лишь после смерти АНа, в 1992 году в тюменской газете «Живое слово».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Впереди последняя книга этого цикла — завершение повествования о жизни и творчестве АБС в документах. Времена сложные и неоднозначные для страны, времена нелегкие и для писателей — понять, принять и осмыслить перемены, попробовать дать в творческом преломлении как теперешний период, так и его возможные перспективы... Что и как удалось Авторам в период перестройки? Об этом будет рассказано в следующей книге.

Мы завидуем Вам, Читатель!

БЛАГОДАРНОСТИ

Составители бесконечно признательны СТРУГАЦКОМУ Борису Натановичу за согласие опубликовать переписку братьев Стругацких и за содействие в ее подготовке к печати.

Составители выражают благодарность за участие в подготовке этой книги:

членам группы ЛЮДЕНЫ: Роману Арбитману, Владимиру Борисову, Владимиру Дьяконову, Вадиму Казакову, Алле Кузнецовой, Роману Муринскому, Леониду Рудману, Юрию Флейшману, Михаилу Шавшину, Евгению Шкабарне, Илье Юдину.

Особую благодарность составители выражают Сергею Соболеву за помощь в осуществлении издания.

Приложения:

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АББРЕВИАТУР И РАННИХ НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

5 ложек эликсира — см. Пять ложек эликсира.

5ЛЭ — Пять ложек эликсира.

Fait accompli — см. Волны гасят ветер.

Menzura Zoili — см. Хромая судьба.

Без оружия — пьеса по «Трудно быть богом».

Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю — сценарий по «Парень из преисподней».

ВГВ — Волны гасят ветер.

ВНМ — Второе нашествие марсиан.

Возвращение. Вариант заглавия «Полдень, XXII век».

Волны гасят ветер. Варианты заглавия: Fait accompli, Встреча со Странниками.

Встреча со Странниками — см. Волны гасят ветер.

Второе нашествие марсиан.

Вторая жизнь — см. Подробности жизни Никиты Воронцова.

Высокие договаривающиеся стороны — замысел продолжения «Понедельник начинается в субботу».

Гадкие лебеди.

ГЛ — Гадкие лебеди.

ГО — Град обреченный.

Град обреченный.

Далекая Радуга.

ДбвК — Дело было в Китежграде.

Дело было в Китежграде — см. Сказка о Тройке.

Дер Ягер (Der Jager, Охотник) — немецкий перевод новеллы из повести «Полдень, XXII век» «Свидание».

Десантники — новелла из повести «Полдень, XXII век».

Детектив про фантастических бактерий — замысел.

Дни Кракена.

ДР — Далекая Радуга.

Дьявол среди людей. Варианты заглавия: Охота на василиска, Хромая судьба.

Ёсицунэ — см. Сказание о Ёсицунэ.

ЖвМ — Жук в муравейнике.

Жук в муравейнике. Варианты заглавия повести и ее части: Стояли звери около двери, Щекн.

За миллиард лет до конца света.

За поворотом, в глубине — см. Улитка на склоне.

ЗМЛдКС — За миллиард лет до конца света.

ЗПвГ — За поворотом, в глубине.

Извне.

История новосела — замысел.

Источник бессмертия — см. Пять ложек эликсира.

Лес — см. Улитка на склоне.

Летальный ген человечества — замысел.

Ловец душ — см. Отягощенные злом.

М — Малыш.

Малыш.

Машина желаний — см. Сталкер.

Менсура Зоили — см. Хромая судьба.

МЗ — Менсура Зоили.

Нарцисс.

НВ — Неназначенные встречи.

Незаконченные встречи — ошибочное именование сборника «Неназначенные встречи».

Неназначенные встречи — название сборника.

НнМ — Ночь на Марсе.

Ночь на Марсе.

Обитаемый остров.

ОО — Обитаемый остров.

Отель «У погибшего альпиниста».

Отягощенные злом, или Сорок лет спустя. Вариант заглавия: Ловец душ.

ОуПА — Отель «У погибшего альпиниста».

Охота на василиска — см. Дьявол среди людей.

П22В — Полдень, XXII век.

ПXXIIВ — Полдень, XXII век.

Парень из преисподней.

Перец — см. Улитка на склоне.

Пикник на обочине.

ПиП — Парень из преисподней.

ПкБ — Попытка к бегству.

ПЛЭ — Пять ложек эликсира.

ПнА — Путь на Амальтею.

ПНвС — Понедельник начинается в субботу.

ПнО — Пикник на обочине.

Повесть о дружбе и недружбе. Вариант заглавия: Сказка о дружбе и недружбе.

ПоДиН — Повесть о дружбе и недружбе.

Подробности жизни Никиты Воронцова. Вариант заглавия: Вторая жизнь, Человек, проживший много жизней.

Полдень, XXII век. Вариант заглавия: Возвращение.

Понедельник начинается в субботу.

Попытка к бегству.

Путешествие по Москве и вокруг — замысел продолжения повести «Понедельник начинается в субботу».

Путь на Амальтею.

Пять ложек эликсира. Вариант заглавия: Источник бессмертия, Родник бессмертия.

Родник бессмертия — см. Пять ложек эликсира.

С — Сталкер.

СБТ — Страна багровых туч.

СЗоД — Стояли звери около двери.

Сказание о Ёсицунэ — перевод АНС средневекового японского романа.

Сказка о дружбе и недружбе — см. Повесть о дружбе и недружбе.

Сказка о Тройке. Вариант заглавия: Дело было в Китежграде.

Случай в карауле — рассказ АНС 1953 г.

События на рифе Октопус — замысел.

СоДиН — Сказка о дружбе и недружбе.

СоТ — Сказка о тройке.

Сталкер — сценарий по повести «Пикник на обочине». Вариант заглавия: Машина желаний.

Стасов — несохранившийся сценарий АНС.

Стояли звери около двери — см. Жук в муравейнике.

Страна багровых туч.

ТББ — Трудно быть богом.

Товарищи офицеры — несохранившаяся пьеса АНС 1952 г.

Торговцы псиной — см. Хромая судьба.

ТП — Торговцы псиной.

Три богатыря в Европе — замысел.

Трудно быть богом.

Улитка на склоне. Варианты заглавия повести и ее частей: За поворотом, в глубине, Лес, Перец.

УнС — Улитка на склоне.

ХВВ — Хищные вещи века.

Хищные вещи века.

Хромая судьба. Варианты заглавия: Menzura Zoili, Менсура Зоили, Торговцы псиной.

Хромая судьба (Человек, которого было опасно обижать) — см. Дьявол среди людей.

ХС — Хромая судьба.

ЧаПр — Частные предположения.

Чародеи — сценарий по повести «Понедельник начинается в субботу».

Человек из Пасифиды.

Человек, которого принимали за пришельца — замысел.

Человек, проживший много жизней — см. Подробности жизни Никиты Воронцова.

Человек-пришелец — см. Человек, которого принимали за пришельца

ЧП — Чрезвычайное происшествие.

Чрезвычайное происшествие.

Щекн — см. Жук в муравейнике.

Экспедиция в преисподнюю.

ПЕРСОНАЛИИ, УПОМЯНУТЫЕ В ПЕРЕПИСКЕ И ДНЕВНИКАХ АБС[1]

Thom René Frédéric, Том Рене Фредерик — франц. математик, философ.

Vonnegut — см. Воннегут.

Абрамов Сергей Александрович — писатель.

Абрамов Фёдор Александрович — писатель.

Авербах Илья Александрович — режиссер.

Аверченко Аркадий Тимофеевич — писатель, журналист.

Авраменко Инна (Инесса) Фёдоровна — редактор, главный редактор издательства «Молодая гвардия».

Азимов Айзек — амер. писатель.

Акимов Владимир Михайлович — заведующий отделом прозы журнала «Аврора».

Акутагава Рюноскэ — япон. писатель.

Алов (Лапскер) Александр Александрович — режиссер, сценарист.

Амирэджиби Чабуа (Мзечабук) Ираклиевич — груз. писатель.

Андерсон Чак — амер. литературовед, библиограф.

Андреев Юрий Андреевич — литературовед, писатель.

Бабель (Бобель) Исаак Эммануилович — писатель.

Балабуха Андрей Дмитриевич — писатель, критик.

Балихин Анатолий Евдокимович — редактор киностудии им. Горького.

Басов Николай Геннадиевич — физик, председатель правления Всесоюзного общества «Знание».

Белинский Виссарион Григорьевич — критик, публицист.

Беляев Альберт Андреевич — заведующий сектором литературы Отдела культуры ЦК КПСС.

Бережков С. — псевдоним АНС.

Беркова Нина Матвеевна — редактор издательства «Детская литература», критик, писательница.

[1] Указана лишь профессия упомянутых лиц либо занимаемая ими должность на момент упоминания в тексте. Определения «российский», «русский», «советский» опущены.

Бестужев-Лада Игорь Васильевич — философ, социолог, литературовед.

Биленкин Дмитрий Александрович — писатель, критик, журналист, популяризатор науки.

Бирюков (С. В.?) — директор киностудии им. Горького.

Бовин Александр Евгеньевич — сотрудник ЦК КПСС, политический обозреватель.

Боиз (Буи) Антонина — амер. переводчик, редактор.

Бондарчук Сергей Фёдорович — режиссер, сценарист, актер.

Борецкий Юрий Александрович — актер, режиссер.

Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.

Браун (Грудинина) Жанна Александровна — писательница, составительница сборника.

Бритиков Анатолий Фёдорович — литературовед, критик.

Бромберг Константин Леонидович — режиссер.

Брусиловская Майя Самойловна — заведующая редакцией издательства «Детская литература».

Брускин Дмитрий Михайлович — переводчик, писатель.

Брэдбери Рэй Дуглас — амер. писатель.

Бугров Виталий Иванович — редактор, журналист, библиограф, историк литературы.

Булгаков Михаил Афанасьевич — писатель, драматург.

Булгарин Фаддей Венедиктович — писатель, журналист.

Булычев Кир (Можейко Игорь Всеволодович) — писатель, историк.

Буруковский Рудольф Николаевич — гидробиолог.

Вайнеры Аркадий Александрович и Георгий Александрович — писатели; братья.

Варшавский Виктор Ильич — кибернетик.

Васильева Екатерина Сергеевна — актриса.

Вейсайте Ирена Изидоровна — филолог, культуролог, педагог, супруга Г. Кроманова.

Веллер Михаил Иосифович — писатель, публицист.

Велтистов Евгений Серафимович — писатель.

Верн Жюль Габриэль — франц. писатель.

Верченко Юрий Николаевич — секретарь по организационным вопросам СП.

Виноградов Александр Александрович — писатель, главный редактор издательства «Детская литература».

Витман (псевдоним — Логинов) Святослав Владимирович — писатель.

Войскунский Евгений Львович — писатель, друг АНС.

Воннегут (мл.) Курт — амер. писатель.

Гаков Вл. — см. Ковальчук.

Ганичев Валерий Николаевич — директор издательства «Молодая гвардия», позднее — главный редактор газеты «Комсомольская правда», руководитель СП.

Гафт Валентин Иосифович — актер.

Гельфрейх Георгий Борисович — радиоастроном.

Георгиев — болг. корреспондент БНС.

Герман Алексей Юрьевич (Георгиевич) — режиссер, сценарист.

Гоголь Николай Васильевич — писатель, драматург.

Гольданский Виталий Иосифович — химик, физик.

Городовиков Ока Викторович — заместитель начальника авторско-консультационного отдела ВААП.

Горышин Глеб Александрович — писатель, главный редактор журнала «Аврора».

Гранин (Герман) Даниил Александрович — писатель.

Грекова И. (Вентцель Елена Сергеевна) — математик, писательница.

Гречко Георгий Михайлович — космонавт, друг АБС.

Грин Генри Грэм — англ. писатель.

Гришин Виктор Васильевич — государственный и политический деятель, первый секретарь МГК КПСС.

Грошев Герман Александрович — главный редактор ТО «Экран».

Губарев Владимир Степанович — журналист, писатель, драматург.

Гукасян Фрижетта Гургеновна — главный редактор киностудии «Ленфильм».

Гуревич Георгий (дружески — Гиша) Иосифович — писатель, критик, друг АНС.

Гурштейн Александр Аронович — астроном.

Девис Евгений Артурович — редактор издательства «Мир».

Демиденко Михаил Иванович — писатель, переводчик, сценарист.

Деревянко Анатолий Пантелеевич — секретарь ЦК ВЛКСМ по пропаганде и агитации, историк, археолог.

Десятерик Владимир Ильич — директор издательства «Молодая гвардия».

Дмитревский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.

Днепров (Мицкевич) Анатолий Петрович — писатель.

Достоевский Фёдор Михайлович — писатель.

Дудин Михаил Александрович — поэт, руководитель СП.

Дымов — см. Суркис.

Дюма Дави де Ла Пайетри Александр (отец) — франц. писатель.

Евтушенко (в тексте — Евтух) Евгений Александрович — поэт, писатель, режиссер.

Егоров Владимир Константинович — заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ.

Емцев Михаил Тихонович — писатель.

Ерёменко Николай Николаевич (мл.) — актер.

Ермаш Филипп Тимофеевич — председатель Госкино СССР.

Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, философ, палеонтолог.

Жуков Георгий Константинович — военачальник, государственный деятель.

Заикин Борис Сергеевич — любитель фантастики, корреспондент АБС.

Зарецкая Марина Александровна — редактор издательства «Детская литература».

Захаров Владимир Н. — корреспондент АПН.

Зернова (Зевина) Руфь Александровна — писательница, переводчик.

Зиберов Дмитрий Алексеевич — старший редактор издательства «Молодая гвардия».

Зимянин Михаил Васильевич — государственный и политический деятель, секретарь ЦК КПСС.

Зорина (Карякина) Ирина Николаевна — историк, журналист.

Ивченко Борис Викторович — режиссер, актер.

Иллич-Свитыч Владислав Маркович — лингвист.

Иштен — см. Шитек.

Каверин Вениамин Александрович — писатель.

Кадочников Пётр Павлович — актер, сценарист.

Казанцев Александр Петрович — писатель.

Кайдановский Александр Леонидович — актер, режиссер.

Кан (дружески — Канчик) Вениамин Липманович — физик, критик, переводчик, знаток научной фантастики.

Карпова Валентина Михайловна — главный редактор издательства «Советский писатель».

Карцов Николай Пантелеймонович — начальник управления ВААП по вопросам художественной литературы и изобразительного искусства.

Кассини Джованни Доменико (Жан Доминик) — франц.-итал. астроном.

Кешоков Алим Пшемахович — поэт, писатель, руководитель СП.

Ким Юлий Черсанович — поэт, бард.

Кириллов — заместитель директора ГАО по хозяйственной части.

Клеменс Сирил — амер. писатель, родственник Марка Твена, основатель общества его имени.

Клюева Бела Григорьевна — сотрудница ВААП.

Ковальчук Михаил Андреевич (псевдоним — Гаков Вл.) — критик, литературовед.

Кожевников Вадим Михайлович — писатель.

Коженов Евгений Семенович — начальник отдела расчетов по международным соглашениям ВААП.

Колмогоров Андрей Николаевич — математик, педагог.

Кольбер Жан Батист — франц. государственный деятель.

Копылов Александр Иванович — инженер ГАО, друг БНС.

Косоруков Александр Александрович — литературовед, переводчик, председатель Иностранной комиссии СП.

Костиков Пётр Кузьмич — заместитель председателя Госкино по международным связям.

Котляр Юрий Фёдорович — писатель, критик.

Кочурин Павел Иванович — главный редактор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель».

Крамер Стенли Эрл — амер. режиссер, продюсер.

Крелин (Крейндлин) Юлий Зусманович (дружески — Крендель) — писатель, хирург.

Крендель — см. Крелин.

Кривицкий Евгений Алексеевич — заместитель главного редактора «Литературной газеты».

Кроманов Григорий Ермович — режиссер.

Кроманова — см. Вейсайте.

Кубрик Стэнли — амер. режиссер, продюсер.

Куклин Лев Валерианович — поэт, писатель, литературовед.

Кулешов (Нолле) Александр Петрович — писатель, руководитель СП.

Куцка Петер — венг. переводчик, писатель, редактор.

Кэмпбелл-мл. Джон Вуд — амер. писатель.

Кюбарт Хайнц — нем. переводчик.

Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович — писатель.

Лапин Борис Фёдорович — писатель.

Лапин Сергей Георгиевич — председатель Гостелерадио СССР.

Ларин (Эпштейн) Борис Абрамович — сценарист.

Ле Гуин Урсула Крёбер — амер. писательница.

Левандовска Ирена — польск. журналист, переводчик.

Левин Лев Ильич — редактор издательства «Советский писатель», литературовед, критик.

Левин Эммануил (дружески — Муля) — актер театра «Современник».

Левитин Карл Ефимович — сотрудник журнала «Знание — сила», популяризатор науки.

Лейбниц Готфрид-Вильгельм — нем. философ, математик, историк.

Лем Станислав — польск. писатель.

Леонов Леонид Максимович — писатель.

Луи Каторз — см. Людовик XIV.

Лукин Владимир Петрович — заведующий сектором дальневосточной политики Института США и Канады, впоследствии — государственный и политический деятель; друг АНС.

Лурье Самуил (дружески — Саша) Аронович — критик, литературовед, редактор журнала «Нева».

Людовик XIV, Луи Каторз — франц. король.

Люндваль Сам Джерри — шведск. писатель, редактор, издатель, критик, переводчик.

Макаров Олег Григорьевич — космонавт.

Макиавелли Никколо — итал. политический, военный мыслитель, писатель.

Манин Юрий Иванович — математик, критик, поэт, друг АБС.

Маркес (Гарсиа Маркес) Габриэль — колумб. писатель.

Марков Георгий Мокеевич — писатель, руководитель СП.

Маршак Самуил Яковлевич — поэт, переводчик.

Маяковский Владимир Владимирович — поэт, драматург.

Медведев Юрий Михайлович — заведующий редакцией фантастики издательства «Молодая гвардия», позднее — сотрудник газеты «Комсомольская правда».

Межлумян Константин Сергеевич — журналист.

Мелентьев Виталий Григорьевич — писатель.

Мелконян Агоп Мегердич — болг. писатель, журналист, переводчик, популяризатор науки.

Менке Ханнелоре — редактор нем. издательства «Фольк унд Вельт».

Мигунов Евгений Тихонович — иллюстратор, художник анимации.

Мирер Александр Исаакович — писатель, литературовед, критик, редактор, друг АБС.

Миронов (Менакер) Андрей Александрович — актер.

Михайлова Галина — супруга А. Копылова.

Можейко — см. Булычев.

Мягков Андрей Васильевич — актер.

Назаров Роальд Викторович — главный редактор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель», писатель, переводчик.

Наумов Владимир Наумович — режиссер.

Нахимовская (Стоун) Алиса — амер. филолог-славист, переводчик.

Немченко Гарий Леонтьевич — писатель, журналист.

Нехорошев Леонид Николаевич — главный редактор «Мосфильма», сценарист.

Ньютон Исаак — англ. физик, математик, астроном.

Ожегов Сергей Иванович — языковед, лексикограф.

Озеров Виталий Михайлович — главный редактор журнала «Вопросы литературы», руководитель СП.

Окуджава Булат Шалвович — поэт, писатель, бард.

Оль Александр Иванович — физик, астроном.

Орлов Владимир Викторович — писатель, сценарист, публицист.

Орлов Даль Константинович — сценарист, критик, киновед.

Островский Александр Николаевич — драматург.

Павленок Борис Владимирович — заместитель председателя Госкино СССР.

Палиевский Петр Васильевич — критик, литературовед, сотрудник ИМЛИ.

Панкин Борис Дмитриевич — председатель правления ВААП.

Парнов Еремей Иудович — писатель.

Пастернак Борис Леонидович — поэт, писатель, переводчик.

Пастухов Борис Николаевич — председатель Госкомиздата СССР.

Пацинко Борис Борисович — юрист, сотрудник ВО «Совинфильм».

Перло Виктор — амер. экономист, журналист.

По Эдгар Аллан — амер. писатель, поэт.

Погодин Радий Петрович — писатель.

Погожева Валерия Павловна — главный редактор киностудии им. М. Горького.

Подольный Роман Григорьевич — писатель, журналист, популяризатор науки.

Пономаренко Светлана Андреевна — редактор киностудии «Ленфильм».

Прашкевич Геннадий Мартович — писатель.

Путинцев Альберт Григорьевич — сценарист, директор киностудии им. А. Довженко.

Пушкин Александр Сергеевич — поэт, писатель.

Радищев Александр Николаевич — поэт, писатель.

Райдзан Кониси — япон. поэт.

Райт-Ковалева Рита Яковлевна (Черномордик Раиса Яковлевна) — переводчик.

Ревич Всеволод Александрович — журналист, кинокритик, литературовед, супруг Т. Чеховской, друг АНС.

Рейган Рональд Уилсон — президент США.

Реккор Энн Юрьевич — главный редактор киностудии «Таллинфильм».

Рза Расул (Рзаев Расул Ибрагим оглы) — писатель.

Ришина Ирина Исааковна — публицист, заведующая отделом художественной литературы «Литературной газеты».

Родинов — редактор издательства «Молодая гвардия».

Романовский Борис Владимирович — писатель.

Романовский Дмитрий Владимирович — член семинара БНС, начинающий писатель.

Ростоцкий Станислав Иосифович — режиссер, актер.

Рубашкин (Никитин) Александр Ильич — критик, литературовед.

Рубинчик Валерий Давидович — режиссер, сценарист, актер.

Рыбаков Вячеслав Михайлович — писатель, синолог.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович — писатель.

Сартаков Сергей Венедиктович — писатель, руководитель СП.

Сахарнов Святослав Владимирович — писатель, главный редактор журнала «Костер».

Сенечкин Иван Филиппович — заведующий сектором издательств Отдела пропаганды ЦК КПСС.

Серебрякова Галина Иосифовна — писательница.

Сизов Николай Трофимович — заместитель председателя Госкино СССР, директор «Мосфильма».

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович — поэт, писатель.

Синельников Владимир Михайлович — главный редактор издательства «Молодая гвардия».

Скачков Игорь Васильевич — заместитель главного редактора издательства «Советский писатель».

Скрябин Александр Николаевич — композитор, пианист.

Сладков Николай Иванович — писатель.

Смагин Борис Иванович — журналист, писатель, физик.

Смелков Юлий Сергеевич — критик, искусствовед.

Смольников Игорь — начинающий писатель.

Сморяков Владимир Павлович — сотрудник Ленинградского отделения ВААП.

Снегов (Козырюк, Штейн) Сергей Александрович (Иосифович) — писатель.

Сокуров Александр Николаевич — режиссер.

Солоницын Анатолий (Отто) Алексеевич — актер.

Сорокин Валентин Васильевич — главный редактор издательства «Современник», поэт, журналист.

Софокл — древнегреч. драматург.

Стасов Владимир Васильевич — критик, историк искусства, общественный деятель.

Стеценко Владимир Пантелеевич — редактор издательства «Советский писатель», писатель.

Столяров Андрей Михайлович — писатель.

Стригин Валерий Михайлович — заместитель заведующего редакцией русской советской прозы издательства «Советский писатель».

Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНС.

Стругацкая (ранее, по первому замужеству — Воскресенская) Елена Ильинична — супруга АНС.

Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНС.

Стругацкий Андрей Борисович — сын БНС.

Стругацкий Владимир Ильич — журналист.

Стругацкий Иван Владимирович — внук АНС.

Стукалин — директор Ленинградского отделения издательства «Детская литература».

Суарес Телесфоро Фуентес — корреспондент АБС.

Сувин Дарко Рональд — югосл.-канад. филолог, критик.

Суркис (псевдоним — Дымов) Феликс Яковлевич — писатель.

Тадеа Томас — нем. писатель, критик.

Тарковская (Рауш) Ирина (Ирма) Яковлевна — актриса, режиссер, первая супруга А. Тарковского.

Тарковская Лариса Павловна — вторая супруга А. Тарковского.

Тарковский Андрей Арсеньевич — режиссер, сценарист.

Твен Марк (Клеменс Сэмюэл Ленгхорн) — амер. писатель.

Тибилова Ирина Константиновна — писательница, художник.

Толстой Алексей Николаевич — писатель.

Толстой Лев Николаевич — писатель.

Уиндем Джон (Харрис Джон Уиндем Паркес Лукас Бейнон) — англ. писатель.

Урбан Адольф Адольфович — критик, литературовед.

Усова Галина Сергеевна — переводчик, писательница.

Ушакова Н. — главный редактор 5-го объединения «Мосфильма».

Фадеев Александр Александрович — писатель, руководитель СП.

Феоктистов Константин Петрович — космонавт, конструктор.

Филозов Альберт Леонидович — актер.

Фляйшман Петер — нем. режиссер.

Фошко (урожденная Воскресенская) Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНС.

Фошко Эдуард Львович — зять АНС.

Фуками Дан (Ямада Тадаси) — япон. переводчик.

Хаес Лев Борисович — хирург, председатель КЛФ Кемерово.

Хатчинсон Том — журналист «Таймс».

Хеллман Бен — финск. филолог-славист.

Хемингуэй Эрнест Миллер — амер. писатель.

Хлебников Велимир (Виктор) Владимирович — поэт.

Холси — вице-президент амер. издательства «Макмиллан».

Чаковский Александр Борисович — писатель, журналист, главный редактор «Литературной газеты».

Чапчахов Федор Аркадьевич — заведующий отделом русской литературы «Литературной газеты».

Чепуров Анатолий Николаевич — писатель, руководитель СП.

Чеховская Татьяна Петровна — журналист, редактор журнала «Знание — сила», супруга В. Ревича.

Чолич Милан — югосл. переводчик.

Чуковский Корней Иванович — писатель, критик, переводчик.

Шалимов Александр Иванович — писатель.

Шахназаров Карен Георгиевич — режиссер, впоследствии — директор киностудии «Мосфильм».

Шейкин Аскольд Львович — писатель, сценарист.

Шекспир Уильям — англ. драматург, поэт.

Шефнер Вадим Сергеевич — писатель, поэт.

Шилейко Алексей Вольдемарович — физик, математик, популяризатор науки, друг АНС.

Шитек (ошибочно — Иштен) Йозеф — словацк. корреспондент АБС.

Шишов Владимир Сергеевич — заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ.

Шкловский Иосиф Самуилович — астрофизик, популяризатор науки.

Шмальгаузен Иван Иванович — биолог, цитолог.

Шолохов Михаил Александрович — писатель.

Шрейдер Юлий Анатольевич — математик, кибернетик, философ.

Щербаков Александр Александрович — писатель, переводчик.

Щербаков Владимир Иванович — писатель, редактор издательства «Молодая гвардия».

Щербаков Рем Леонидович — журналист, литературовед, сценарист.

Эйнштейн Альберт — нем.-амер. физик, общественный деятель.

Элерт Велта — нем. переводчик, редактор.

Эмис Кингсли Уильям — англ. писатель, поэт, литературовед.

Юрьев Зиновий Юрьевич (Гринман Зяма Юдович) — писатель.

Ярославцев А. — псевдоним АНС.

ИСТОЧНИКИ ПУБЛИКАЦИЙ

АБС. [Предисловие к повести «Жук в муравейнике»] // Белый камень Эрдени. — Л., 1982.

АБС. [Предисловие к повести «За миллиард лет до конца света»] // Тихоокеанский комсомолец (Владивосток). — 1983. — 22 января.

АБС: «Собратья по перу, издатели, читатели...» // Куда ж нам плыть?: Сб. публицистики. — Волгоград: Людены; МППО, 1991. — [Фактич. выход: 1993].

АБС: «Фантастику любим с детства»: Беседа с писателями // Аврора (Л.). — 1981. — № 2.

АБС: «Чтение — наше любимое занятие» // Уральский следопыт (Свердловск). — 1982. — № 8.

Александер-Гарретт Л. «Жертвоприношение» Андрея Тарковского. Двадцать лет спустя // Истина и жизнь. Ежемесячный журнал о человеке, духовности, культуре (М.) — 2006. — № 3.

Андреев Ю. Земные заботы фантастов // Ленинградская правда. — 1983. — 16 августа.

АНС. В подвале у Романа // Измерение Ф (Л.). — 1990. — № 3.

АНС. Волшебный мир фантастики: // Литературная газета (М.). — 1984. — 4 июля.

АНС: «Герой фантастики не может не быть добрым» / Беседу записал В. Третьяков // Московские новости. — 1982. — 3 января.

АНС. Каким я его знал // Огонек (М.). — 1987. — № 29.

АНС. Мой друг То Хоай // Литературная газета (М.). — 1981. — 4 февраля.

АНС: Мы — оптимисты! / Беседу вел М. Шаров // Бауманец (М.). — 1978. — 16 июня.

АНС. Новая встреча с Максимом Каммерером? / Интервью взяла Е. Докучаева // Наука Урала (Свердловск). — 1983. — 22 сентября.

АНС. О 25-летии журнала «Уральский следопыт» // На смену! (Свердловск). — 1983. — 21 апреля.

АНС. О настоящем — ради будущего / Беседу вел А. Матвеев // Вечерний Свердловск. — 1981. — 6 июня.

АНС: «Писать о том, что действительно волнует» / Записали М. Бережная, А. Алексеев // Воздушный транспорт (М.). — 1982. — 29 апреля.

АНС. Пожелаю вам славы // Изобретатель и рационализатор (М.). — 1978. — № 7.

АНС. [Предисловие к сценарию «Машина желаний»] // НФ: Сборник научной фантастики. — М., 1981. — Вып. 25.

АНС. «Такой сложный жанр...» / Записал О. Сергеев // Новости киноэкрана (Саратов). — 1982. — № 17.

АНС. Трудно быть фантастом / Беседу записал С. Кашницкий // Московский комсомолец. — 1980. — 17 августа.

АНС: «Трудно быть человеком» / Репортаж С. Сергиевского // Заря молодежи (Саратов). — 1982. — 31 августа.

АНС. Фантастика всегда актуальна // Коммунист (Саратов). — 1982. — 27 августа.

АНС. Фантастика — против родимых пятен палеолита / Интервью взяла А. Баженова // Железнодорожник Поволжья (Саратов). — 1982. — 29 августа.

Арбитман Р. «Аэлита-83»: Дни советской фантастики в Свердловске // Заря молодежи (Саратов). — 1983. — 18 июня.

Арбитман Р. Истоки будущего — в настоящем // За инженерные кадры (Саратов). — 1983. — 2 ноября.

Арбитман Р. О событиях 1984 года — специально для этого издания.

Арбитман Р. Пояснение, октябрь 2008 — специально для этого издания.

Арбитман Р. Человек в ответе за человечество // Красногвардеец (Л.). — 1983. — 29 сентября.

Б. Н. Стругацкому — 50 лет // Литературная газета (М.). — 1983. — 4 мая.

Бабенко В., Гаков Вл. Притяжение // В мире книг. — 1983. — № 4.

Багаляк Бор. Рыцари научной фантастики // Литературное обозрение (М.). — 1984. — № 2.

Белов С. Ленинградские фантасты в Детгизе // Нева (Л.). — 1979. — № 1.

Биленкин Д., Войскунский Е. Фантасты встретятся в Тбилиси / Записал И. Минеев // Вечерний Тбилиси (Тбилиси). — 1984. — 28 марта.

БНС. [Письмо в «Понедельник»] // Понедельник (Абакан). — № 9. — 1990. — 7 сентября.

БНС. Волшебная сила фантастики / С писателем Б. Стругацким разговаривали Т. Кудрявцева, И. Они // Ленинские искры (Л.). — 1984. — 14 марта.

БНС. Жанр без границ / Вел интервью М. Веллер // Молодежь Эстонии (Таллин). — 1980. — 6 марта.

БНС. Жанр, которому подвластно всё / Записала Д. Качалова // Светлана (Л.). — 1984. — 4 января.

БНС. Комментарии к пройденному // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 11 т.— Донецк: Сталкер; СПб.: Terra Fantastica издательского дома «Corvus», 2000–2003.

БНС. Литература — наука — приключения мысли [Дискуссия о научно-художественной литературе] / Материалы подготовила Т. Орловская // Детская литература (М.). — 1983. — № 7.

БНС. «Лихачество — только за письменным столом» / Взял интервью Л. Сапожников // За рулем. — 1997. — № 2.

БНС: «...Мы пишем о земном человеке» / Интервью записал П. Огус // Иртыш (Семипалатинск). — 1983. — 16 апреля.

БНС. [Ответы любителям фантастики] // Комсомолец Кузбасса (Кемерово). — 1980. — 12 апреля.

БНС. [Поздравление калужскому КЛФ] // Молодой ленинец (Калуга). — 1983. — 27 января.

БНС. [Предисловие к рассказу С. Витмана «Цели прогресса»] // Смена (Л.). — 1979. — 31 января.

БНС. Принцип Уэллса / Беседу вела О. Нервуд // Кинонеделя Ленинграда. — 1984. — 5 апреля.

БНС. Рыцарь мечты / Записал А. Мясников // Вечерний Ленинград. — 1984. — 16 марта.

БНС. Сказки эпохи НТР / Беседу записала Т. Гаген // Ленинградский рабочий. — 1982. — 2 апреля.

Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского. Август 2000 года, Санкт-Петербург // Вишневский Б. Аркадий и Борис Стругацкие: двойная звезда. — СПб.: «Terra Fantastica», 2003.

Брандис Е. Горизонты фантастики // Нева (Л.). — 1979. — № 10.

Братья Стругацкие: «Главное — на Земле, главное — человек»: Три разговора о фантастике / Беседу вела Радка Димитрова; Комментарии А. Мелконяна // Огни Болгарии (София). — 1983. — № 2.

Бритиков А. Научная фантастика, фольклор и мифология // Русская литература (Л.). — 1984. — № 3.

Бугров В. Аэлита фантастов // Наука Урала (Екатеринбург). — 1981. — 4 июня.

Бугров В. «Разговор шел о фантастике» // За индустриальные кадры (Свердловск. — Уральский политехнический институт). — 1981. — 30 марта.

Бугров В. Свердловск: «Аэлита-83» // Уральский следопыт (Свердловск). — 1983. — № 11.

Булычев К. Поход на стадион // Булычев К. Падчерица эпохи. — М.: ООО «Международный центр фантастики», 2004.

Вайнер А. Двое среди читателей / Беседу вел Ю. Скороход // Молодежь Эстонии (Таллин). — 1984. — 8 сентября.

Вахненко М. На связь выходит «Комкон» // Тихоокеанский комсомолец (Владивосток). — 1982. — 14 декабря.

Вахнюк Б. Терема.— М.: Вердана, 2009.

Веллер М. Разговор о будущем: Полемические заметки // Советская Эстония (Таллин). — 1983. — 6 августа.

Выписка из протокола № 148 заседания Секретариата ЦК КПСС от 16 апреля 1984 года / Из: Ревич В. Дела давно минувших дней: Фантасты под надзором ЦК КПСС // Знание – сила (М.). — 1993. — № 7.

Гаков Вл. Тест на человечность // Литературная газета (М.). — 1980. — 29 октября.

Гопман В. Впереди по курсу — будущее // Детская литература (М.). — 1983. — № 11.

Записка Отдела пропаганды ЦК КПСС // Из: Ревич В. Дела давно минувших дней: Фантасты под надзором ЦК КПСС // Знание – сила (М.). — 1993. — № 7.

Зеркалов А. Долг мысли // Стругацкий А., Стругацкий Б. Жук в муравейнике. — Кишинев: Лумина, 1983.

Исангазин М. «Полдень. XXII век» // Вологодский комсомолец (Вологда). — 1984. — 13 января.

Казаков В. О событиях 1984 года — специально для этого издания.

Казаков В. [Письмо в «Понедельник»] // Понедельник (Абакан). — № 42. — 1991. — 15 июля.

Какие звезды светят фантастике? / Ведущая В. Помазнева // Литературная газета (М.). — 1983. — 13 марта.

Кацев И. Чародеи: Премьера телевизионного художественного фильма // Говорит и показывает Москва (М.). — 1982. — № 52.

Крапивин В. След ребячьих сандалий // Если (М.). — 2001. — №№ 1–3.

Кубатиев А. Деревянный и бронзовый Данте, или Ничего не кончилось?: Попытка осмысления (фрагменты) // Четвертая волна отечественной фантастики. — М.: ООО «Галактос», 2004.

Куклин Л. Встречи с будущим // Вечерний Ленинград. — 1983. — 7 февраля.

Мамаев Л. Что такое НИИЧАВО? // Машиностроитель (Петрозаводск). — 1982. — 13 октября.

Манцов И. В маршрутке, на мосту // Взгляд. Деловая газета — 2006. — 19 июня.

Матафонов Ю. Посланцы страны фантастики: Репортаж // Уральский рабочий (Екатеринбург). — 1981. — 28 апреля.

Меридианы фантастики / Подготовил Вл. Гаков // НФ: Сборник научной фантастики. — М., 1979. — Вып. 21.

Меридианы фантастики // НФ: Сборник научной фантастики. — М., 1981. — Вып. 24.

Меридианы фантастики: Хроника событий в мире научной фантастики, зима-лето 1981 года / Подготовил Вл. Гаков // НФ: Сборник научной фантастики. — М., 1981. — Вып. 25.

Меридианы фантастики / Подготовил Вл. Гаков // НФ: Сборник научной фантастики. — М., 1982. — Вып. 27.

Мешавкин С. Мгновение протяженностью в три дня // Уральский следопыт (Екатеринбург). — 1992. — №№ 5–6.

Мошенская Л. За что мы любим д'Артаньяна: Заметки о научно-фантастической и приключенческой литературе // Лит. обозрение (М.). — 1983. — № 12.

Нехорошев Л. Тесные врата. Свидетельства о «Сталкере» // Киносценарии. — 1994. — № 6.

Никитин В. Фантастика в огнях рампы // Рыбный Мурман (Мурманск). — 1984. — 2 марта.

Николаева Н. «Аэлита» нашла хозяев // Вечерний Свердловск (Свердловск). — 1981. — 25 апреля.

НС — «Неизвестные Стругацкие»:

1. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом». — Донецк: Сталкер, 2005.

2. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Понедельника…» до «Обитаемого острова» — Донецк: Сталкер, 2006.

3. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Отеля…» до «За миллиард лет…» — Донецк: Сталкер, 2006.

4. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Града обреченного» до «Бессильных мира сего» — Донецк: Сталкер, 2008.

5. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008.

6. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2009.

7. Письма. Рабочие дневники. 1967–1971 гг. — план. 2012.

8. Письма. Рабочие дневники. 1972–1977 гг. — В новом оформлении: Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972—1977. — Волгоград, ПринТерра-Дизайн, 2012.

Огус П. «Прогрессор» действует // Иртыш (Семипалатинск). — 1982. — 20 октября.

Перов А. Цветные мелодии Космоса // Московский комсомолец. — 1984. — 6 октября.

Полтавский В. Конкурс «Комкона-3» // Молодой дальневосточник (Хабаровск). — 1983. — 8 января.

Попов С. Найти свой путь // Тихоокеанский комсомолец (Владивосток). — 1983. — 10 сентября.

Прашкевич Г. Человек эпохи // Если (М.). — 2005. — № 9.

Протяните руку клубу // Комсомольская правда (М.). — 1984. — 14 июля.

Ревич В. [«В новой фантастической повести...»] // Литературное обозрение (М.). — 1980. — № 12.

Рублев К. Этот увлекательный мир: К 25-летию творческой деятельности братьев Стругацких // Мясной гигант (Семипалатинск). — 1983. — 7 января.

Сломова Н. Малыш, сын Земли // Молодой ленинец (Волгоград). — 17 сентября.

Смелков Ю. Бег на месте?: Обзор научной фантастики // Литературное обозрение (М.). — 1981. — № 10.

Суркова О. Тарковский и я. Дневник пионерки. — М.: Зебра Е, 2005.

Суркова О. Хроники Тарковского. «Сталкер»: Дневниковые записи с комментариями // Искусство кино. — 2002. — №№ 9, 10.

Сухоруков В. «Чудеса» американских издателей // Приазовский рабочий (Мариуполь). — 1981. — 4 апреля.

Тарковский А. Мартиролог. Дневники 1970–1986.— Флоренция, Международный Институт имени Андрея Тарковского, 2008.

Тарковский А. «...Мы делаем фильмы» / Беседу вели Бугельников Ю., Шипилов Н. // Студ. меридиан (М.). — 1981. — № 8.

Творчество Стругацких // Путь Ленина (Сенгилей, Ульяновской обл.). — 1983. — 5 февраля.

Ткачев М. Об Аркадии Натановиче Стругацком // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Собрание сочинений. В 11 т. Т. 12, доп. — Донецк: «Сталкер», 2003.

Торопцев И. Так это было // Тихоокеанский комсомолец (Владивосток). — 1983. — 22 января.

Тыркин С. В «Сталкере» Тарковский предсказал Чернобыль // Комсомольская правда (М.). — 2001. — 23 марта.

Фантастика: Кризис жанра? / Записала В. Помазнева // Литературная газета (М.) — 1980. — 27 февраля.

Федотова Т. Глядитесь в свое отражение // Наука в Сибири (Новосибирск). — 1983. — 17 марта.

Шахназаров К.: «Фильм рождается тогда, когда его увидит зритель» / Беседовал Д. Байкалов // Если (М.). — 2005. — № 2.

Шпаковский Н. Гадкий утенок // Южная правда (Николаев). — 1984. — 30 июня.

Яковлев Ю. Сказка для взрослых // Советская культура (М.). — 1983. — 6 января.

Якубовский М. Пояснение, октябрь 2008 — специально для этого издания.

Яшин А. «Радиант» о Стругацких // Вечерний Свердловск. — 1983. — 21 марта.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 5
Используемые документы 7
1978 9
1979 116
1980 180
1981 269
1982 370
1983 448
1984 540
Продолжение следует 608
Благодарности 608
Приложения 609

Литературно-художественное издание

СТРУГАЦКИЕ.
Материалы к исследованию:
письма, рабочие дневники
1978–1984

Составители
Бондаренко Светлана Петровна
Курильский Виктор Максимович

Технический редактор А. Тужилкин
Корректор Е. Афанасьева

ООО «ПринТерра-Дизайн»
400005, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 88
Наши электронные адреса:
www.printerra.com,
e-mail: mail@printerra.com

Подписано в печать 25.09.12. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,39. Тираж 100 экз. Заказ 4204.

Отпечатано в типографии издательства
«ПринТерра-Дизайн»